

*Епископ
Трифон*

МИТРОПОЛИТ ТРИФОН
(Туркестанов)

ЛЮБОВЬ
НЕ УМИРАЕТ

МИТРОПОЛИТ ТРИФОН
(Туркестанов)

Любовь не умирает

ИЗ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва · 2007

Митрополит Трифон (Туркестанов)

Т 88 «Любовь не умирает...»: Из духовного наследия. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2007. — 656 с.: ил.

В книге впервые представлено в достаточной полноте духовное наследие митрополита Трифона (Туркестанова) (1861–1934), выдающегося иерарха Русской Православной Церкви. Основное содержание книги составляют слова и поучения, произнесенные им в разные годы своего архипастырского служения, стихи и молитвы.

Аристократ по происхождению, выпускник лучшей в Москве гимназии Поливанова, ученик Оптинского старца Амвросия, близкий знакомый святого праведного Иоанна Кронштадтского, владыка Трифон прославился как Московский Златоуст и «кухаркин архиерей», утешитель неприкаянного церковного народа в пору лютых богоборческих гонений. Он, казалось, заключал в своей душе всю Православную Россию. Недаром П. Д. Корин избрал его в качестве центральной фигуры для своей картины «Русь уходящая».

Духовное наследие владыки Трифона проникнуто истинным православным духом, старческой мудростью, одухотворенной верой и высочайшей культурой слова. Достаточно сказать, что его перу принадлежит акафист «Слава Богу за все».

© Издательский Совет
Русской Православной Церкви, 2006
© В. Л. Шленов, предисловие,
составление, 2006

Книга составлена на основании

рукописных и печатных источников, собранных духовными детьми и почитателями святителя. Рукописные источники — это большей частью расшифрованные стенограммы проповедей митрополита Трифона, а также его письма, стихи, составленные им молитвы. Печатные источники — это проповеди, поучения, беседы и другие труды святителя, изданные до 1917 года. В приложении помещены свидетельства современников о митрополите Трифоне — речи, воспоминания, стихи.

В имеющихся жизнеописаниях митрополита Трифона все эти материалы в совокупности, перепечатанные на машинке, обозначаются как «Материалы М. Т.». М. Т. — это Мария Тимофеевна Злобина († 1985), которая собрала от духовных детей Владыки и в 1950–1960-е годы на свои средства перепечатала проповеди и другие материалы, связанные с жизнью и деятельностью митрополита Трифона¹. Это был поистине подвиг любви к пастырю Христову, потому что в то время сделать это было, как известно, непросто. В 1970-е годы на основании этих материалов (и некоторых других, таких как военный дневник, записные книжки и др.), а также живых свидетельств людей, знавших митрополита Трифона еще при его жизни, Алексей Михайлович Залесский составил очерк жизни и деятельности святителя, включающий характеристику его устного и письменного наследия, озаглавленный «Материалы для биографии митрополита Трифона, собранные его духовными детьми»². Так значительная часть наследия выдающегося архипастыря-проповедника начала XX в. стала известна в церковной среде конца XX века.

¹ Редакция имела в распоряжении как машинописные тексты, так и проповеди, переписанные от руки.

² Полностью эти «Материалы...» помещены в [59] без указания автора; с небольшими пропусками, также без указания автора, напечатаны в: [39]; см.: [54]. Здесь и далее при ссылках на источники, указанные в библиографии (с. 618–621): в квадратных скобках — номер в библиографии; затем, если есть, — номера страниц. Если один источник представлен в нескольких изданиях (в библиографии они перечисляются под одним номером) и требуется уточнение, какое именно издание, то оно дается в скобках.

Издательство благодарит за помощь в работе над книгой протоиерея Валентина Асмуса, иеродиакона Димитрия (Николаева), Алексея Михайловича Понсова, Валентину Ивановну Фролову, Алексея Михайловича Залесского, Христину Михайловну Запрометову, Александра Васильевича Шемшура, рабу Божию Клавдию, сотрудников музея и фототеки Данилова монастыря, редакцию альманаха «К свету», сотрудников историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим».

ПЕРЕД ВРАТАМИ ВЕЧНОСТИ

Будучи викарным архиереем в Москве, епископ Трифон (Туркестанов) на протяжении значительной части начала XX века находился в самом средоточии московской жизни, да и самого митрополита Московского не раз, вплоть до года, временно заменял в его отсутствие. Он всегда был подтянут и собран. Как бы чувствовал себя при исполнении воинского долга — и вправду, воинского, только духовного. Отпевал старцев, купцов, издателей, профессоров, артистов, представителей древних дворянских родов, простых людей. Вся Россия, все сословия проходили перед ним, и он внимательно вглядывался в лица уходящих и пока остающихся, читая запечатленные в них черты жизни будущего века. Любил служить ранние литургии, где народу и пышности меньше, зато больше непраздных людей, пришедших по потребности сердца, недаром звали его «кухаркиным архиереем».

А вот сам был, зачастую, незаметен, даже неотмечен при том, что лицо его и весь облик были весьма выразительными. Но так нередко незамечена и неотмечена остается и роль Церкви. Так подчас вдруг оказываются незаметными и остаются незамечаемыми чудеса, происходящие с нами. Ни у Андрея Белого, ни у Василия Розанова, из рук пера не выпускавших имя епископа Трифона не встретишь. Да и в книгах об истории Церкви, посвященных первой половине XX века, а их уже появилось немало, на упоминание о нем почти не наткнешься. Не был, не участвовал... Ни в общественных переполохах, ни в церковных нестроениях. Приветственных телеграмм Временному правительству не слал. Один только раз чуть было не оказался в фокусе внимания — его собирались включить в список лиц, выдвигавшихся на патриаршество. Но он тут же отказался, не увидев в этом списке митрополита Макария (Невского)¹. И еще, в отличие от любившего его и им почитаемого митрополита Киевского Владимира (Богоявленского), ставшего одним из первых новомучеников, царское кресло из помещения

¹ [40]. С. 157.

Синода новому обер-прокурору князю В. Н. Львову помогать выносить не стал бы¹. Никогда нет у него, явного или скрытого отступничества от Бога и отхода от Церкви, столь свойственных многим его современникам. Не изменял никому и ничему. Всегда был верен. Отсюда и редкая цельность его натуры. Ни в группировках, ни на соборах — нигде нет его. Не видать ни с какой стороны — ни с этими, ни с теми. Только какие-то неясные отзвуки участия его в некоторых оставшихся вне поля зрения историков переговорах² с обновленцами (может быть, с Евдокимом (Мещерским), однокашником по МДА), слухи и пересуды об этом расплзались по Москве³. Обновленцев, впрочем, впоследствии он называл не иначе, как «обнагленцами»⁴.

А еще во всем его облике чувствуется удивительная прикровенность. Почти все время на людях и ничего наружу. Особенно в вещах, касавшихся его внутренней духовной жизни. Аскетическим было не только умонастроение, аскетичным было все его житие, ограничивавшееся всегда малым и скромным, вовсе лишенное надмения, высокоумия и бесцеремонности.

¹ Новое время, Пг., 1917. 12 марта.

² Ходили еще слухи о каких-то переговорах Владыки с католиками; если бы такие переговоры были, католики бы обязательно сами об этом потом рассказали. Появлявшиеся указания (видел в каком-то католическом журнале) на беседы с тайно приехавшим в Москву Шептицким в 1909 году совершенно недостоверны, тем более, что епископ Трифон заштатным, как указывалось в этом сообщении, вовсе не был. Не с Антонином ли Грановским встречался тогда Шептицкий? А. Э. Левитин-Краснов в одной из книг говорит, что слышал, как будто архиепископ (с 1923 года) Трифон посещал В. И. Ленина в Горках, но доверять этому его сообщению нет никаких оснований.

³ Смотри свидетельство Александры Ярмолевич, духовной дочери старца Алексия Мечева. Под Т. разумеется именно епископ Трифон, других архиереев с именем на букву «Т» (кроме, разумеется, патриарха Тихона) на тот момент в Москве не пребывало. Старец Алексий говорил своей духовной дочери, осуждавшей епископа Трифона: «Архиереев нехорошо осуждать, власть они. А вы все думаете: вот противные-то. Не ходите к ним, потому что они не простые». И еще: «Вы их понять не можете, и не лезьте» (Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексия Мечева. М.: Паломник, 2004. С. 551–555). Иеродиакон Феофан в своих воспоминаниях [17] упоминает, что владыка Трифон однажды ездил к патриарху Тихону и «рассказал Святейшему о тех поношениях, которые терпел от людей и части московского духовенства». Что такой разговор состоялся, подтверждает и сам Владыка в проповеди о упокоении патриарха Тихона: «Помню, как однажды он утешал и назидал меня, увя, часто, несмотря на годы и долговременную монашескую жизнь, малодушного, способного долго волноваться и раздражаться. „А что мы носим на груди? Образ Богоматери. Она ли не скорбела, Ей не оружие ли пронзило сердце, — говорил он, — А Она всегда благодушна — ни единого слова ропота, ни единой укоризны, даже при Кресте Сына Своего. А Он, милосердный Создатель, Он и на Кресте молился за всех и на всех призывал благословение Божие!”»

⁴ Степанов Вл. (Русак). Свидетель обвинения // Собр. соч.: в 2 т. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1998. Т. 1. С. 147.

Митрополит Трифон перед своей кончиной просил не говорить никаких речей при его погребении и отпеть его простым монашеским отпеванием, как принято было в Древней Руси, положив его во гроб в мантии и клобуке¹.

Жизненный путь митрополита Трифона в главнейших чертах своих был описан неоднократно. Начало этому положил близкий друг его, писатель исторических романов, затем ставший священником, Дмитрий Савватьевич Дмитриев в брошюре [4], посвященной епископской хиротонии Трифона; можно сослаться и на другие его публикации: [5], [6], [7], [9]. На протяжении многих лет материалы о жизни и деятельности Владыки собирали его духовные дети. Они в значительной степени использованы в «Материалах к жизнеописанию», принадлежащих А. М. Залесскому, предваряющих составленную иеромонахом Афиногеном (Полесским) книгу [40]. Появился и ряд биографических очерков: [17], [21], [24], [27], [31], [32], [48], в определенной мере восполняющих «Материалы к жизнеописанию». Митрополиту Трифону были посвящены диссертационные работы в МДА: [26], [41]. Немало ценных дополнительных сведений можно почерпнуть и в мемуарной литературе: [29], [30], [33], [35], [37], [43], [44], [49], [50], [51], [52].

Хотелось бы, по возможности, уяснить важнейшие факторы, способствовавшие формированию духовного мира Владыки, учитывая которые можно легче описать присущее ему удивительное своеобразие и неповторимость. Начнем с родовых корней и семьи. Надо сказать, что ему чрезвычайно повезло: семья, где он вырос, была глубоко православной, что вовсе не являлось правилом, скорее исключением, во второй половине XIX века.

Далее, принадлежность владыки Трифона, уже не родовая, а благоприобретенная, к той части аристократической, культурной и духовной элиты российского общества, которая вопреки общим устремлениям времени стремилась к высоким жизненным идеалам, не поддавалась господствовавшей уже тогда тенденции к занижению: «все мы — люди, все мы — человеки», не увлекалась соблазном построения на земле рая, где «каждому будет по серьгам», не доверялась ни материалистическому, ни индивидуалистическому мороку, искушавшему снятием с человека нравственной ответственности и вменяемости. Нельзя понять в достаточной мере митрополита Трифона, не познакомившись с людьми, оказавшими на него и на сложение его характера и миропонимания немалое влияние. И наконец, но никак не в последнюю очередь, скорее уж

¹ [17].

во-первых, нужно отметить приобщение Владыки с детских лет к монашеской старческой традиции, в которую он по полному праву затем вошел и сам.

Мальчик, которого Господь сподобил впоследствии стать митрополитом Трифоном, родился в Москве в доме Волконского (№ 27) на Пречистенском бульваре, — года 1861 ноября 29, как принято было писать, само собой разумеется, по старому стилю. Борис был старшим из братьев, за ним последовали Александр, Димитрий, Иван, Сергей, одна только сестра Екатерина была немного старше его — всего на три года.

Отец их, Петр Николаевич Туркестанов, принадлежал к древнему княжескому роду из южной Грузии, восходившему к XV столетию, по всей видимости турецкого происхождения, как можно предположить исходя из фамилии, звучавшей первоначально Туркестанашвили или Туркистанашвили. Точно так же родовое прозвище другого прославленного иерарха грузинского происхождения (и также князя) Димитрия (в схиме Антония) Абашидзе производили от Абиссинии (по-грузински Абаш-Хабеш)¹.

Жизнь человека не с рождения только начинается. Она глубоко коренится в тайне его рода, тем более столь древнего. Князь Петр Николаевич был правнуком Бориса Панкратьевича (Баадур Багра-товича) Туркестанова, который выехал в Россию в 1722 году в свите царя Вахтанга, на чужбине служил при московском дворе царицы Дарьи Арчиловны. Он участвовал в Персидском походе императора Петра I, когда заняты были Тарки, без боя сдался Дербент и началось присоединение к России Дагестана. Умер Борис Панкратьевич в 1735 году подполковником русской службы, за два года до кончины в Астрахани царя Вахтанга, за полвека до достопамятного Георгиевского трактата, ознаменовавшего вхождение в Россию Грузии. Женат он был на Нине Егоровне Масариановой (1707–1760).

Надо сказать, что один из представителей рода Туркестановых (причем заслуживает внимания его принадлежность к званию духовному) появился в Москве еще на два десятилетия раньше Бориса Панкратьевича. Архимандрит Лаврентий, родной его дядя, бывший сподвижником имеретинского и кахетинского царя Арчила при переезде его в Россию и создании им в 1699 году первой грузинской колонии в подмосковном селе Всехсвятском, возведен был 18 марта 1705 года в настоятели Донского монастыря в Москве и оставался таковым вплоть до самой своей кончины,

¹ Петров П. Н. История родов русского дворянства: в 2 кн. М.: Современник, 1991. Кн. 1. С. 413.

последовавшей 20 мая 1720 года. Поэтому совсем неслучайно, что в ризнице Донского монастыря хранились золотые сосуды, пожертвованные царем Арчилом¹.

Потомки Бориса Панкратьевича отнюдь не обеднели в России и были людьми весьма состоятельными. Впрочем, княжеское достоинство рода Туркестановых вовсе не представлялось совершенно неоспоримым. Признания этого потребовалось добиваться на протяжении долгих лет. Высочайше утвержденным 18 июня 1858 года мнением Государственного Совета² оно было закреплено за гвардии капитаном Николаем Васильевичем Туркестановым и его детьми совсем незадолго до рождения будущего митрополита, всего за три года. Дедушке Николаю Васильевичу в 1861 году шел восьмидесятый год, он жил в Трубниковском переулке, в собственном доме. Умер он 29 декабря 1866 года, когда внуку едва исполнилось пять лет. Бабушки своей по отцу мальчик видеть не мог. Екатерина Федоровна, урожденная Лыкошина, скончалась задолго до его рождения, в 1840 году, в возрасте 37 лет, почитавшемся, кстати, весьма опасным в начале девятнадцатого века.

Новорожденный во святом крещении наречен был Борисом во имя святого благоверного князя страсотерпца Бориса. Назвали уж никак не по святцам, ведь именины в мае. Не в честь ли пращура? Чувствовал ли он связь с родиной предков? Едва ли прямо, все же полтора века — срок изрядный. Прежде всего он ощущал себя русским. И по крови, и по духу. Тем более, что в России православный всегда был русским, чистота крови еще почти никого не волновала. Все же какая-то глубинная связь, особенность темперамента, выражавшаяся в безоглядности и бесповоротности поступков, в чувстве неколебимой верности, в отсутствии какой-либо нерешительности, южная горячность души, присутствовали несомненно. Горное, прирожденное Грузии, каким-то сокровенным образом сопрягается с горным, недаром некогда Божия Мать избрала Иверию Своим уделом. Впрочем, как мы уже сказали, в Российской империи, поскольку она оставалась православной, уроженец Грузии никак не ощущал себя чужим. Тема грузин на русской службе, в частности в церковном служении, безусловно заслуживает особого рассмотрения.

Время, когда суждено было появиться на свет митрополиту Трифону, было весьма характерным. Завершался год, ознаменованный Манифестом об отмене крепостного права, который император Александр II подписал 19 февраля 1861 года. Общество русское

¹ *Паламарчук П. Г.* Сорок сороков // Собр. соч.: в 4 т. М.: Книга и бизнес, 1997. Т. 1. С. 245.

² *Любимов С. В.* Титулованные роды Российской империи. СПб.: Польза, 1910. С. 85.

в целом преисполнено было безграничным оптимизмом, светлыми и неясными чаяниями. Казалось, что многовековой лед тронулся, а впереди представлялся, выражаясь словами поэта Н. А. Некрасова, «верный путь» и «ведренный день».

Однако не всем виделось так, только слышны ли были их голоса во все более нараставшем шуме стремительно надвигавшихся переменчивых и неверных эпох? 25 ноября 1861 года, всего за 4 дня до рождения Бориса, епископ Игнатий (Брянчанинов), также происходивший из дворянского сословия, наконец-то вышедший на покой и поселившийся в Бабаевском монастыре, писал: «Особенная милость Божия привела меня в тихое пристанище. Кто желает служить Богу, тот должен молить Бога, чтобы Бог принял такое его намерение и устроил для него исшествие из мира. В Твоих глазах устроилось мое исшествие. Когда же представится удобство, то и самому не должно предаваться двоедушию. Час единонадесятый!»¹

С другой стороны, как не отметить, что в тот же самый день, а именно 25 ноября 1861 года, Василий Осипович Ключевский, впоследствии великий русский историк, на ту пору студент первого курса Московского университета, двадцати лет отроду, только что расставшийся с Пензенской духовной семинарией, вполне в духе времени пишет в письме к приятелю: «Но что делать с верованиями, которые воспитали нас?.. Не хочется идти на помочах услужливых отцов... Но пока в христианстве есть одна сторона, которой можно отдаться без опасений, пред которой еще можно преклониться с самой беззаветной, детской доверчивостью; это его всемирно-историческое значение, это его человечность, так много исцелившая ран в мире»². Отметим, как характерное, все эти назойливые «еще» и «пока». И в том же письме: «Но разве утешение в том, что многие еще веруют в православие? Не в том дело. Теперь затронуты самые внутренние глубины православия и от них требуют решительного да или нет». Кто требует — остается за скобками, «глубины затронуты»³, конечно, в душе самого Василия Осиповича, Впрочем ему от этого не легче.

Смутность и неотчетливость религиозного сознания в обществе распространялись все шире. Три года спустя, 11 января 1865 года, святитель Игнатий (Брянчанинов) с прискорбием констатирует, возможно, с несколько преувеличенной жесткостью: «Очевидно,

¹ Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского / *сост. игумен Марк (Лозинский)*. М.; СПб.: Изд. Центра изучения, охраны и реставрации наследия свящ. Павла Флоренского, 1995. С. 707–708.

² Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. С. 66.

³ Там же. С. 65.

что отступление от веры всеобщее в народе: кто открытый безбожник, кто деист, кто протестант, кто индифферентист, кто раскольник. Этой язве нет ни врачевания, ни исцеления. Спасая, да спасает свою душу! Заметно, что ныне всем, желающим спастись, посылаются скорби»¹.

Однако родители митрополита от православной веры никогда не отступали. И в самом владыке Трифоне поражает удивительная цельность натуры, никогда, даже и в юности, не знавшей колебаний и сомнений, что делает столь безусловными и весомыми слова его о жизненном значении Церкви и любви к ней. Это разительно отличает его от большей части ровесников, оправдывавших свое детское и юношеское отступничество от веры полученным ими безбожным воспитанием, например, от Сергея Александровича Нилуса, родившегося всего через несколько месяцев, 25 августа 1862 года, на окраине московского дворянского мира, неподалеку от Патриарших прудов, широко прославившихся в одном известном романе.

Не так много известно об отце Бориса, Петре Николаевиче, которому тогда едва только перевалило за тридцать; сам он родился 22 января 1830 года. Дослужившись до штаб-ротмистра, он вышел в отставку по болезни в том самом 1861 году и поселился в имении жены, уступив отцовские имения братьям. А женился он за три года до того, в 1858 году, на Варваре Александровне Нарышкиной. В адресных книгах обыкновенно указывается должность и место жительства. В 1872 году Петр Николаевич был председателем уездной земской управы и жил с семьей в доме Нарышкина в Сивцевом Вражке. Еще через одиннадцать лет, в 1883 году, он состоял в Московской губернской управе и проживал на Пречистенке в Полуэктовом переулке, уже в собственном доме. Был он глубоко православным человеком, отличался тонким умом и отзывчивым сердцем. Глубокая вера отца и особенно матери вполне органично перешли к сыну. На протяжении последних лет жизни Петр Николаевич болел астмой. Скончался он 13 сентября 1891 года. Отпевали его через день в церкви Воскресения, что на Остоженке, а похоронили у Смоленского собора Новодевичьего монастыря, только надгробья нет — разрушили после революции.

«Так, помню, — вспоминал Владыка, — в годы моего детства читал нам, детям, вечерние молитвы мой глубоко верующий отец. До сих пор звучат в моих ушах силой внутреннего чувства трогательные слова одной из вечерних молитв:

¹ Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского /сост. иумен Марк (Лозинский). М.; СПб.: Изд. Центра изучения, охраны и реставрации наследия свящ. Павла Флоренского, 1995. С. 765.

„Владыко Человеколюбче, не ужели мне одр сей гроб будет, или еще окаянную мою душу просветиши днем? Се ми гроб предложит, се ми смерть предстоит. Суда Твоего, Господи, боюсь и муки бесконечныя, злое же творя не престаю: Тебе Господа Бога моего всегда прогневаю, и Пречистую Твою Матерь, и вся небесныя силы и святаго ангела-хранителя моего...”¹

«Он произносил молитвы мягким, задушевым тоном, — писал впоследствии владыка Трифон об усопшем друге своем, священнике и писателе, отце Димитрии Савватьевиче Дмитриеве на фронте поздним весенним вечером 1915 года, прикорнув в неказистой польской халупе, — произносил их, как бы сам вслушиваясь в них, с каждым разом все более и более проникаясь их глубоким смыслом, стараясь запечатлеть их в своей душе. Так молятся для себя, из потребности своего сердца, некоторые очень верующие мирские люди», — и написав это, вдруг живо вспомнил своего родного, давно усопшего отца².

И отец, и мать Бориса промыслительным образом были связаны с митрополитом Филаретом, на протяжении пятидесяти лет окормлявшим Московскую кафедру и составившим целую эпоху в жизни Москвы.

С самого момента открытия, 17 сентября 1863 года, Петр Николаевич состоял действительным членом Общества любителей духовного просвещения, объединявшего духовных и светских лиц, сочувствующих христианскому просвещению, основанного по благословению и при деятельной поддержке святителя Филарета, митрополита Московского. Только еще назначенный обер-прокурор Святейшего Синода Алексей Петрович Ахматов, бывший перед тем Харьковским военным губернатором, призванным усмирять непокорных, но человек весьма добрый, выразил сомнение в потребности создания такого общества. Император Александр II возразил ему: «Для Филарета следует дать соизволение»³.

«Мудрость христианская кротка, — обращался митрополит Филарет к Обществу, избравшему его своим попечителем. — О сем качестве, кажется, особенно нужно в настоящее время напомнить имеющим притязание на просвещение или на служение просвещению. Дух порицания бурно дышит в области русской письменности. Он не щадит ни лиц, ни званий, ни учреждений, ни законов. Для чего это? Говорят: для исправления. Но мы видим, как порицание сражается с порицанием, удвоенными и утроенными нападениями,

¹ Наст. изд. С. 517. ² Там же.

³ *Иоанн (Снычев), митрополит. Жизнь и деятельность митрополита Филарета.* Тула: Русский лексикон, 1994. С. 346.

и ни одна сторона не обещает исправиться. А что в самом деле должно произойти, если все будет обременено, и все будут обременены порицаниями? Естественно, уменьшение ко всему и ко всем уважения, доверия, надежды. И так созидает ли дух порицания или разрушает?»

«Мудрость христианская мирна, — продолжал он. — И подвизающийся для нее должен быть мирен. Он должен быть мирен в себе, не взволнован страстями. Только в тихой, а не в волнуемой воде отражается образ солнца: только в тихой, не волнуемой страстями душе, может отразиться Вышний свет духовной истины. Мирным нужно быть любителю мудрости и в отношении к другим, не словопретися, как учит апостол, *ни на куюже потребу, на разорение слышащих* (2 Тим. 2, 14), и, если нужно стать за истину против нападающих на нее, должно делать сие с спокойной твердостью, без раздражения, так чтобы можно было потом сказать себе в совести: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 119, 6)»¹.

«Маленький, хрупкий, сведенный к простейшему выражению своего физического существа, — вспоминал Федор Иванович Тютчев о митрополите Филарете в 1867 году на праздновании пятидесятилетия его архиерейства, — но с глазами, полными жизни и ума, он непобедимой высшей силой господствовал надо всем, что происходило вокруг него. Когда он отвечал, слышался как бы голос призрака. Губы его шевелились, но слова, вылетающие из уст, были только веянием. Пред своим апофеозом он оставался совершенством простоты и естественности; казалось, что он принимает все эти почести только затем, чтобы передать их Кому-то другому, Чьим случайным представителем он теперь являлся. Это было прекрасно!»²

Какой-то отблеск филаретовской мудрости, той неотмирной тишины и мира, «любви, умеющей прощать», какой-то образ символа и свидетельства традиционной московской жизни, удерживающей сокровенный характер старины, как бы перешел и на митрополита Трифона, и на другого сверстника его, бывшего годом старше, знаменитого московского старца протоиерея Алексея Мечева. Его и называли в честь Алексея, человека Божия, по наречению митрополита Филарета отцу его Алексею Ивановичу, регенту митрополичьего хора, молившемуся о сыне своем в Алексеевском монастыре. Алексей «по росту был самым маленьким в классе, таким

¹ Ответ Высокопреосвященнейшего Филарета, митрополита Московского, Обществу любителей духовного просвещения, избравшему его своим попечителем // Чтение в Обществе любителей духовного просвещения. 1868. Кн. 2. С. 144.

² Русский архив. 1899. № 9. С. 167–168.

маленьким, что казался ребенком среди других»¹. Все они — и владыка Трифон, и протоиерей Алексей, и митрополит Филарет, отличались удивительно маленьким ростом.

Мы еще ничего не говорили о матери митрополита Трифона, хотя навряд ли кто повлиял на него сильнее и определеннее. Такая была в ней духовная открытость и самоотверженность. А, между тем, жизнь, доставшаяся ей, вовсе не была простой и легкой. Варвара Александровна не знала своей матери, которая умерла в 1834 году при родах, 22-х лет. Мать ее, Александра Васильевна, происходила из древнего рода Беклемишевых, отличившегося тем, что из него вышли матери князя Дмитрия Пожарского и графа Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова. Девочка Варя осталась на попечении сестры отца своего, Александра Михайловича Нарышкина, довольно скоро женившегося вновь. Правда, воспитывавшая ее тетка, княгиня Евдокия (Авдотья) Михайловна Голицына, души в ней не чаяла и относилась к ней, как к родной дочери. Голицына скончалась в 1862 году, едва успев благословить новорожденного Бориса. Не раз ездили они с племянницей в Спасо-Бородинский монастырь, где настоятельствовала ее родная сестра, знаменитая игумения Мария, в миру Маргарита Михайловна Тучкова, основавшая свою обитель на Бородинском поле, где погиб ее супруг, генерал, герой Отечественной войны 1812 года.

Однажды Варя побывала с теткой у святителя Московского Филарета, любившего всю их семью. Как вспоминал епископ Трифон в слове на поминание своей матери, произнесенном 20 декабря 1913 года: митрополит Филарет посадил малютку к себе на колени и, положив ей руки на голову, сказал: «Твоя мать была святая женщина, она теперь в раю». «А что делают в раю?», — спросил наивно ребенок. «Там, дитя мое, молятся Богу», — кротко ответил святитель. «Только молятся, как это скучно», — вздохнула девочка. «Впоследствии и ты узнаешь сладость молитвы», — ответил митрополит².

«И в самом деле, могу засвидетельствовать, — продолжал Владыка, — мать моя любила молиться и единственное утешение и отраду во всех своих скорбях, которых у нее было немало, находила в молитве. Особенно она любила молиться в храме Божиим. И, кажется, нет в Москве ни одного храма, где она не побывала бы в день престольного праздника... Ничто не могло удержать ее — ни дурная погода, ни дальнее расстояние, ни нездоровье, ни слабость сил.

¹ Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексия Мечева. М.: Паломник, 2004. С. 147.

² [40]. С. 20—21.

Она так говорила: „Ведь это как бы день именин того святого, которому посвящен храм. В этот день святой, которому мы празднуем, ближе всего к нам, чувствуешь, что он слышит нас”»¹.

Возить детей к митрополиту Филарету для благословения было в семьях, принадлежавших к цвету московского дворянства, знаком хорошего тона. «Родители мои возили меня к митрополиту Филарету, — вспоминал граф Сергей Дмитриевич Шереметев, — когда я был ребенком. Отец любил рассказывать, как однажды митрополит спросил меня о том, как я молюсь. Я сидел, болтая ногами, и, по-видимому мало проникнутый важностью лица, предлагавшего мне вопрос, отвечал: «День по-русски, день по-английски!» Митрополит изумился и спросил у отца объяснения, чем порядочно его смутил. Дело было очень просто. Моя воспитательница англичанка Шарлотта Ивановна Рутланд заставляла меня непременно молиться через день по-английски»². И всегда в фокусе внимания разговора митрополита Филарета была молитва. «Глядел он прямо в глаза, говорил, как известно, тихо, слегка в нос, а глаза так и блестят и, кажется, насквозь вас проникают. При прощании опять доходил он до порога своего кабинета и благословлял»³.

Замечательно яркий образ княгини Варвары Александровны, правда, уже в более позднее время сохранился в воспоминаниях графини Екатерины Леонидовны Камаровской: «Из близких и дорогих друзей нашей семьи в это время одно из первых мест занимала старушка княгиня Туркестанова. Это была необыкновенно живая, начитанная, много видевшая и много пережившая женщина. Маленькая и хрупкая, вся точно съежившаяся, словно сухой скелетик, она появлялась везде неожиданно и так же внезапно исчезала, везде оставляя теплое чувство ласки и любви ко всем, стараясь всех соединить, сблизить. Ее любила молодежь, ее любили старики — все!

В ее жизни было много интересного. Она носила в девичестве славное имя Нарышкиной, выросла полной сиротой⁵ и была воспитана одной из своих теток, получила тщательное образование и рано⁶ вышла замуж за красивого князя Туркестанова (кажется, грузина).

¹ Наст. изд. С. 336.

² Шереметев С. Д. Мемуары // Соб. соч.: в 3 т. М.: Индрик, 2005. Т. 2. С. 453.

³ Там же. С. 454.

⁴ Е. Л. Камаровская сама родилась в 1878 году. Она вспоминает дни своего детства, но иногда в ее рассказ влетают и более поздние события.

⁵ Повторяется почти всеми, но дело обстояло не совсем так. Отец умер не сразу, а когда девочке было 12 лет, но видел ее перед тем не слишком часто.

⁶ Еще одна неточность. Замуж она вышла в 23 года — возраст невесты, который по тому времени едва ли мог считаться слишком ранним.

Он чем-то напоминал нам моего отца, к которому, может быть, поэтому, она особенно хорошо относилась. У нее родилось пять сыновей и одна дочь...

Летом Варвара Александровна любила проводить недели две — три у нас на даче, в Вифании. Спала она тогда с нами, сестрами, наверху. Гроз боялась страшно, и мы тогда ее не оставляли одну. Она была полна интересных воспоминаний. Сколько она знала интересных случаев из семейной хроники наших известных родов — это была живая летопись.

Не было ни одного нашего семейного праздника, на котором она бы не была. Во время свадьбы моего брата¹ я как сейчас вижу ее маленькую, в комочек собранную фигурку в углу храма, усердно молящуюся о счастье моего брата. Сестра и я любили ее всей душой...

Однажды, проснувшись, я сказала сестре: „Муся, сегодня мы съездим к княгине Туркестановой, я соскучилась по ней”. А сестра отвечает: „И свезем ей немного цветов, она их так любит”. Сказано — сделано. Мы заехали в цветочный магазин, купили чудных белых цветов и поехали к ней. Хотелось ее побаловать. Но какова же была наша радость, когда мы узнали от нее, что в этот день когда-то было ее благословение, и жених привез ей те же самые цветы.

В наши семейные дни она всегда бывала у нас, всегда дарила безделушки, которые были изящны и продуманы, и я долго-долго радовалась тем, которые она мне привозила»².

Всюду Варвара Александровна была желанной гостьей, при том, что строго соблюдала предписания Церкви, никогда не позволяла себе нарушать пост, каждому она говорила и делала нужное и потребное, не впадала в состояния угрюмости и замкнутости, не опускалась до злоречия. Она отнюдь не ограничивала своего общения высшим светом. Постоянно стремительно передвигаясь по Москве, она не считала зазорным придти на помощь случайной церковной знакомой, плетущейся по улице: тут же останавливала экипаж, сажала ее с собою и подвозила, хотя бы это было ей и совсем не по дороге. И самые холодные сердца умела она растопить, благодаря свойственным ей любви и участливости. Рано оставшись вдовой, она безропотно несла свои обязанности и не давала себе расслабиться. Много скорбей выпало ей на долю, в полном соответствии с упомянутыми нами словами святителя Игнатия: «ныне всем,

¹ Камаровский Сергей Леонидович (1876), старший брат Екатерины Леонидовны, однокашник патриарха Алексия I (Сергея Владимировича Симанского) по Лицею памяти цесаревича Николая и Московскому университету.

² [44]. С. 54–56.

желающим спастись, посылаются скорби»¹. Но обычные ее слова при несчастьях были: «Бог послал, нужно терпеть»².

«Как недавно еще бывало, — вспоминал Владыка в 1915 году, — после тяжелого, утомительного трудового дня моей жизни, чтения всяких бумаг, приема бесчисленных просителей, всяческих тревог, забот и волнений, приятно было прийти с истерзанными нервами, с оледеневшей душой, с полным горечи сердцем в маленькую уютную келью, которую занимала у меня в доме моя ныне покойная 79-летняя старица-мать, и встретить там Дмитрия Савватьевича. Лампада освещает старинные иконы прадедовского киота, старинная мебель, по стенам фотографии давно уже почивших родных, друзей, духовных наставников. Сидит мой старец. Перед ним стакан чая и варенье, без которых моя гостеприимная мать не отпускала никого от себя. И беседуют оба о делах давно минувших дней, преданьях старины»³.

На протяжении многих лет Варвара Александровна духовно окормлялась у знаменитого московского духовника протоиерея Валентина Амфитеатрова, вплоть до самой кончины его. Отпевали его соборные епископ Трифон с епископом Анастасием (Грибановским) в храме святителя Николая в Щепях 23 июля 1908 года, в сослужении многих священников, при огромном стечении народа⁴.

По словам биографа Варвары Александровны: «Ее пленяло все возвышенное, прекрасное, в ней соединялось изящество с красотой, достоинство со смирением, сила воли с уступчивостью, глубокое благочестие со светской жизнерадостностью. Словом, это был своего рода тип русской женщины, идеал русской христианки»⁵. И впоследствии, когда «преклонные годы и неизбежные недуги совершенно истощили ее и без того слабый организм, это маленькое, худенькое, хрупкое существо до последней минуты хранило в себе огонь жизни; слабело тело, цепенел язык, но дух был бодр, ум и память поражали своей ясностью»⁶. Она мирно скончалась 11 сентября 1913 года в тихой келье Богоявленского монастыря, где настоятельствовал епископ Трифон, который и отпевал ее. Варвара Александровна была похоронена, как и многие из Нарышкиных, в Донском монастыре, близ алтаря Михайловского храма.

¹ Собрание писем святителя Игнатия (Брянчанинова), епископа Кавказского и Черноморского /сост. *изумен Марк (Лозинский)*. М.; СПб.: Изд. Центра изучения, охраны и реставрации наследия свящ. Павла Флоренского, 1995. С. 765.

² [40]. С. 21–22. ³ Наст. изд. С. 519.

⁴ Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2001. Т. 2. С. 205.

⁵ [21]. С. 16. ⁶ [10]. С. 9.

Раннее детство митрополита Трифона в значительной степени протекало не в Москве, а в подмосковном имении матери — селе Говорове, неподалеку от нынешнего Востряковского кладбища. В обширном старинном парке с двумя прудами находился большой одноэтажный дом с террасой. А в глубине парка стоял каменный храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Как будто бы ото всего этого сохранились только пруды, но можно ли назвать «сохранившимися» нынешние московские пруды?

Воспоминания раннего детства светлы, печальны и немногосложны. Не раз вспоминал Владыка: «Картины раннего детства, елка, освещение восковыми свечами, запах хвои, радостные лица детей; и одновременно: темный иконостас полуосвященного деревянного храма, красная штофная занавесь алтаря, рождественские песни: «Христос рождается, славите...», «Дева днесь Пресущественного рождает...» Праздничное настроение в доме среди слуг и родных»¹.

Брат Александр был младше Бориса на два с небольшим года и постоянно ему сопутствовал в жизни — и в гимназии, и в университете, и в последние годы своей жизни — первые советские, когда епископу Трифону, лишившемуся своих покоев, довелось у него жить. По рассказам племянницы, «в детстве Владыка с братом Александром Петровичем вырезали из газет облачения, служили и пели»². Сколь скромны и незамысловаты были те игры княжеских детей, а с другой стороны, какой живой простор давали они воображению, и исподволь приучали к непринужденному и самостоятельному участию в жизни, к вхождению в ее полноту. Дошли до нас и какие-то смутные свидетельства о том, что Борис в сельском своем пребывании был мальчиком живым и озорным и не чуждался расширять кругозор странствиями по окрестным огородам³. В одной проповеди Владыка вспомнил о даме, которая изумила его совершенным непризнанием своих грехов: «Когда я был маленьким мальчиком, одна знакомая моей матери, особа образованная, в высшей степени религиозная, говорила моей матери: „Наступил пост, вот надо говеть, готовлюсь, размышляю и не вижу никаких грехов...” Тогда я, будучи мальчиком, удивился, мне это показалось очень странным, и я ничего не мог тогда ей ответить»⁴. Даже в голову не вменялось, как можно так занестись.

Он, еще до гимназии, брал уроки церковного пения у настоятеля московского храма Иоанна Воина и прислуживал в алтаре храма, находившегося в имении. Было и иное, в котором можно было увидеть предвосхищение будущего.

¹ Наст. изд. С. 521. ² [40]. С. 24. ³ Там же. ⁴ Наст. изд. С. 395.

Варвара Александровна рассказывала Д. С. Дмитриеву, уже после наречения сына своего во епископы: «Мой Боря, будучи младенцем, был очень слаб и часто прихварывал. Одно время он так расхворался, что врачи не надеялись на его выздоровление; и тогда я прибегла к Врачу Небесному. Особенно я любила молиться в церкви мученика Трифона, находящейся на окраине Москвы; церковь эта в то время не отличалась ни богатством, ни обширностью. Молилась я святому мученику Трифону за своего малютку Борю, слезно просила святого мученика ходатайства его перед Богом за больного сына, обещая, если он выздоровеет, посвятить его на служение Богу, и, если суждено будет ему отречься от мира, назвать его при пострижении в монашество Трифоном. После этого Боря стал быстро поправляться, скоро он совсем выздоровел, окреп, и, как видите, обещание выполнено»¹. Сын ее, кстати, об этом материнском обете узнал уже после того, как стал монахом и получил новое имя.

Есть и другой случай предзнаменования, непосредственно связанный с именем прославленного Оптинского старца Амвросия, которого впоследствии Владыка всегда чтит как духовного своего наставника. Решение о избрании им духовного пути было принято в Оптиной и благословлено старцем. Варвара Александровна, всегда стремившаяся к святыням, совершила однажды со старшим сыном Борисом поездку в Оптину пустынь. Когда они подходили к домику преподобного Амвросия, старец неожиданно возвысил голос и сказал стоявшему перед ним народу: «Дайте дорогу, архиерей идет». Люди расступились, но с немалым удивлением увидели вместо архиерея приближавшуюся женщину с ребенком². Можно вспомнить здесь о старце Серафиме Саровском, совершившем земной поклон перед маленьким мальчиком из деревни Конобеево под Шацком, ставшим спустя годы архиепископом Черниговским Филаретом: «Сей отрок будет великим светильником Церкви и прославится по всей Руси как ученый муж».

Семья Туркестановых была большой и дружной. Нельзя хотя бы вкратце не коснуться дальнейших судеб детей Петра Николаевича. Старшая сестра Екатерина вышла замуж за полковника Генерального штаба, в дальнейшем генерала от инфантерии Сергея Сергеевича Бутурлина, последнего владельца подмосковного Ясенева. И при большевиках, давно в отставке, он продолжал носить генеральский мундир. Когда чекисты пришли за ним, он был так слаб и плох, что его оставили умирать дома. Похоронили их вместе

¹ [4]. С. 10. ² [40]. С. 23.

с супругой, скончавшейся почти одновременно с ним в 1920 году, в Симоновом монастыре. Брат Александр Петрович, упомянутый выше, закончил юридический факультет Московского университета, был мировым судьей, скончался 18 сентября того же 1920 года. Юридическую стезю избрал и третий брат Иван Петрович (7.01.1866—3.08.1913), он был адвокатом. Четвертый брат Дмитрий Петрович (18.10.1869 — год смерти неизвестен) служил в лейб-драгунском Московском императора Александра III полку; с 1909 года пребывал в отставке, Владыка был огорчен тем, что он женился на своей двоюродной сестре, нарушив церковный запрет. Сложнее всех вышло с младшим братом Сергеем (19.04.1873—11.08.1914). О нем сохранилось живое и пронзительное воспоминание графини Е. Л. Камаровской: «Младший сын, Сергей, был полной противоположностью старшему брату даже наружно: белокурый, с голубыми глазами, тонкими чертами лица, мягкий, женственный, напоминавший свою мать. Будучи еще подростком и блестяще учась в одной из гимназий, однажды он вдруг исчез из дома. После долгих поисков его нашли в Оптиной пустыни послушником в огороде, открыли его инкогнито и вернули домой, откуда он опять вскоре исчез. Его нашли где-то в скиту, опять вернули, и так несколько раз. Кончилось тем, что он слег в постель, перестал с кем-либо говорить, не вставал и не проявлял никаких признаков движений, желаний. Мать была в отчаянии. Ни она, ни братья, ни доктора, ни духовник — никто не мог повлиять на него. Не дадут есть, пить — он так и лежит; дадут — съест минимально. Мать постоянно молилась за него, это был крест ее жизни. Это продолжалось годы. Явились пролежни. Он все терпел, молчал и скончался так лет тридцати с чем-то. Я только раз видела его издали: глаза удивительные, все ушедшие вглубь»¹.

«Как наяву вырастает предо мной, — писал епископ Трифон, вспоминая о Д. С. Дмитриеве, — старая, тихая Москва с ее своеобразным укладом жизни, старомодной по внешности, неказистой, далекой от блеска культурных европейских центров, со старыми торговыми рядами, еще помнившими Ивана Грозного, с извозчиками, с дрожками-гитарами, плохо мощеными улицами, тускло освещенными масляными фонарями, но зато со множеством обширных садов и палисадников, внутри которых стояли барские особняки Александровской эпохи с белыми колоннами, а Замоскворечье с купеческими домами тяжелой архитектуры, окруженными высокими заборами. В этой Москве было много какого-то особого уюта, много

¹ [44]. С. 55.

простоты, радушия, полное отсутствие чиновнического лоска, особый отпечаток благодушного москвича». Москва не была для людей, живших в ней, просто городом, она была и духовным средоточием жизни. «Однажды при благословении, — вспоминал граф С. Д. Шереметев, — митрополит Филарет особенно ласково прибавил: «Любите Москву, не переставайте быть московским!»»¹

Борис с братом Александром поступили, пожалуй, в лучшую в тогдашней Москве школу — частную гимназию Льва Поливанова, располагавшуюся на Пречистенке. Может быть, по общей болезненности, но все шло у Бориса как-то тихо и неторопливо, со значительным замедлением. Поступив с младшим братом в гимназию одновременно, он закончил ее на год позже брата, в 1883 году, хотя учился неплохо. Учителя в гимназии были превосходные. Закон Божий преподавал профессор-протоиерей Александр Михайлович Иванцов-Платонов, он же продолжал преподавать и далее, в Московском университете. Можно перечислить соучеников братьев Туркестановых, неизвестных и известных, скажем, на год старше учились графы Михаил и Дмитрий Олсуфьевы, а также князь Георгий Львов, также родившийся в ноябре 1861 года, только в начале его. Князь Львов — с 1913 года московский городской голова, а в дальнейшем недолгий премьер и министр внутренних дел Временного правительства, наезжавший порой в Оптину пустынь. Однако о жизни Бориса гимназического периода почти ничего неизвестно. Вообще вокруг него как бы круг тишины, отстраненность от всего шумного, печать незаметности, знак аскетического устремления сердца, поселившегося в нем очень рано. Таковы и собственные его описания, которые несмотря на достаточно личный их характер, не так много сообщают нам о нем самом, о его ближайшем окружении, о его собственных влечениях и пристрастиях.

В гимназическое время и произошла встреча, как оказалось потом, определившая весь его жизненный путь. Борис ездил к старцу Варнаве в Гефсиманский скит, и поездка эта оставила у него в душе неизгладимое впечатление. Варнаве не было еще и пятидесяти, однако к тому времени он был уже признанным старцем. Вот как об этом говорил в поминальном слове сам епископ Трифон 8 марта 1906 года после совершенного им отпевания старца: «Мое знакомство с ним началось с конца семидесятых годов, когда, еще гимназистом, я посетил для говенья, Петровским постом, скитские пещеры. Мне давно хотелось с ним познакомиться... Все кажется, что все такие люди отличаются крайнею суровостью к приходящим к ним

¹ Шереметев С. Д. Мемуары // Собр. соч.: в 3 т. М.: Индрик, 2005. Т. 2. С. 454.

грешникам... Поразят каким-нибудь наказанием или смутят душу страшным пророчеством. Сознаюсь, что и я не был лишен в годы моей юности этого предрассудка...

Но вот я решился повидаться с отцом Варнавой... Чудным июньским вечером я постучался в дверь маленького деревянного домика, в котором обитал отец Варнава. Долго он мне не отворял. Наконец, послышались шаги, щелкнула задвижка, и на пороге появился седой монах небольшого роста с мягкою, доброю улыбкой на устах, с проницательным взором темных очей... «А! Милый барин, здравствуй! Ну, рад тебя видеть, мы тебя все здесь полюбили», — и с этими словами он меня благословил, обнял одною рукой и через темные сенцы ввел меня в свою келью, освещенную одною восковою свечой...

Больше двадцати лет продолжалось мое знакомство с ним, а обстановка кельи не изменилась. Те же несколько простых икон в переднем углу, перед ними на аналое медный крест и Евангелие, рядом деревянный стол с несколькими книжками и брошюрами духовно-нравственного содержания, в углу деревянная кровать, покрытая одним войлоком. Вот и все. Но сколько великих дел совершалось в этой убогой обстановке!.. Не могу выразить словами, но до сих пор помню то необыкновенно светлое чувство какого-то духовного восторга, какой-то неземной радости, с которыми я возвратился от отца Варнавы»¹.

«Что меня особенно в нем пленяло, — продолжал Владыка, — это то, что удовлетворение телесных потребностей для него никогда не было каким-то делом, к которому надо особенно готовиться. Он, например, кроме тех дней, в которые ему приходилось, как чередному иеромонаху, присутствовать в трапезной, никогда как следует не обедал, а так, перехватит что-нибудь, и опять за дело. Он никогда как следует не спал, а так, прикорнет, как говорится, во всей одежде на своем деревянном ложе с подушкой, набитой чуть не булыжниками, и снова встает на молитву»².

Семена новой жизни, посеянные старцем, упали на добрую почву. Отец Варнава и направил его впоследствии в Оптину, к старцу Амвросию. А после кончины старца Амвросия, тогда уже иеромонах Трифон, вновь возвратился к духовному окормлению старца Варнавы. Последние слова, обращенные старцем Варнавой к епископу Трифону, были: «Прежде я иногда, при моих приездах в Москву, объезжал тебя, ну а теперь я часто буду тебя навещать». Умер старец неожиданно, когда в пятницу на первой седмице Великого поста поехал исповедовать насельниц Дома призрения в Сергиевом Посаде.

¹ Наст. изд. С. 127. ² Наст. изд. С. 130.

Совершив Таинство исповеди над начальницей Е. И. Гончаровой, старец Варнава сказал ей: «Присылай следующего», вошел в алтарь, склонился до земли пред Престолом Божиим и уже более не встал. Так умирает воин на поле брани¹. «Прощаясь с ним, — говорил епископ Трифон, — я дерзнул поднять монашеское покрывало и взгляделся в его лицо. Оно было вовсе не тронуто тлением и дивно хорошо! Такое выражение бывает у маленького невинного ребенка, который среди игры внезапно засыпает. Лицо принимает при этом выражение какого-то ангельского спокойствия и чистоты; такое же выражение лица было и у почившего старца»².

Однако присутствовало и другое воздействие, не столь церковное, но, безусловно, одухотворяющее, оно исходило от самой гимназии, учившей не только языкам, древним и новым, но и вводившей в мир высокой культурной насыщенности, еще не отказавшийся от своей живой нерасторжимой связи с наследием веков. Сергей Соловьев назвал Поливановскую гимназию, где и сам учился, «рассадником классической и эстетической культуры»³. Она была не просто гимназией, в ней велась работа по созиданию высшего культурного слоя России.

Здесь прежде всего надлежит немного задержаться на личности самого директора гимназии, Льва Ивановича Поливанова, человека, поистине замечательного, придавшего живой творческий импульс многим людям, в том числе и Борису Туркестанову. Потомственный дворянин Нижегородской губернии, Лев Иванович был уроженцем селца Загарино (недаром он избрал себе псевдоним Загарин) он окончил курс Московского университета в том же 1861 году, когда Борис появился на свет. Гимназию свою он учредил в 1868 году. Владимир Соловьев, близко друживший со Львом Лопатиным, одним из первых выпускников гимназии, после преподававшим в ней и в Московском университете, писал о Льве Поливанове, что он был «воплощенным душевным движением, безостановочной вибрацией ума и сердца... О чем он мог говорить равнодушно — он обыкновенно вовсе не говорил»⁴. Все было совершенно необыкновенно, начиная с наружности и с манеры держаться. «Подъезжал Поливанов к урокам в собственном экипаже, на белой лошади, в класс являлся всегда щеголем — в золотых очках, молодой, красивый, вдохновенный»⁵. В то же время приятель Поливанова,

¹ [34]. С. 150. ² Наст. изд. С. 131.

³ Соловьев С. М. Воспоминания. М.: Новое лит. обозрение, 2003. С. 180.

⁴ Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Просвещение, 1911. Т. 9. С. 420.

⁵ Памяти Л. И. Поливанова. М., 1909. С. 46.

преподававший и у него в гимназии, профессор Сергей Алексеевич Усов, видом богатырь, сказал о нем: «Ведь у него тела вовсе нет: вы думаете — это тело? — это одно платье. А если скинуть с него все, то получится то же, как если вынуть карандаш из дерева — страшно в руки взять, весь рассыплется»¹, сказал вскоре после знаменитых Пушкинских торжеств 1880 года, прославившихся речью Федора Михайловича Достоевского, говорившего о всевосприимчивости и всеотзывчивости русского человека. На торжествах этих Поливанов был главным распорядителем и трудился, не щадя сил.

«Вот первое признание о Поливанове, — писал Андрей Белый, поступивший в эту гимназию в 1891 году, спустя восемь лет после того, как Борис Туркестанов ее закончил, — законченный тип иль портрет, нарисованный кистью великих художников, бурно вырвавшийся из рамы в жизнь быта Москвы, в нем сложивший себе свою раму и в раме заживший; рама — дом Пегова, стоявший на углу Пречистенки и Малого Левшинского переулк»². Там находилась гимназия. «Живет себе тихо, не зная бурь, эдакий одиннадцати-двенадцатилетний мальчонок; в один прекрасный день поведут его по Левшинскому переулку в дом Пегова; он думает, что это его отдают в гимназию; гимназия — ни при чем; гимназия — рама... внутри — какая-то пещь Даниила иль яма со львами; впечатлительный мальчик и не подозревает, что в этой гимназии его посадят, между прочим, и в львиный ров, «лев» нападет с рыком и ревом... а в самый страшный момент вдруг превратится в некое нежное видение; и вместо «льва» появится Лев с большой буквы (так звали мы Льва Ивановича), и сломав все обычные перспективы домашней комнатной жизни... введет в широкую и интереснейшую картину»³. Так виделась гимназия Поливанова глазами одного из создателей русского символизма, которого, кстати сказать, может быть, и не было бы вовсе, не будь такой гимназии в яви. «Если это будет урок в старшем классе, — продолжал вспоминать поэт и мемуарист, — и именно объяснение значения Шекспира... Если уж заодно будет подана великая воспитательная роль театра... и класс сбежится, и Лев, забыв, что урок закончен, что и перемена меж уроками прошла, что нетерпеливый учитель следующего урока стоит у двери... Кончено: и воспитанник Бугаев, и весь класс за ним по законам овидиевой метаморфозы превращен в «шекспиристов»; отныне Шекспир, Малый театр, Ермолова, гастроли Мунэ-Сюлли

¹ *Дмитриев Н. Д.* Тени прошлого. М., 1985. С. 18.

² *Белый Андрей.* На рубеже двух столетий. М.: Худож. лит. 1989. С. 259–260.

³ Там же. С. 261.

вытеснили приготовление уроков; и учитель латыни удвоит количество двоек, не понимая, кто же испортил класс»¹.

«Работай, работай, — писал Лев Иванович Поливанов. — Это — единственная отрада для порядочного человека. И хотя нашему дорогому отечеству никаких этих работ не нужно, но непременно обмани себя, что оно нужно, и работай»². «Великая и непонятная вещь — труд, — говорил он. — Ничто так трудно и так легко не дается, как труд. Он есть следствие энергии, а не усилия. Бывают минуты, когда мы чувствуем, что блеснула какая-то светлая точка, но пройти к которой без труда нельзя. Энергией-то я и называю это всегдашнее неупускание из виду этой точки, будет ли она мысль, что образование необходимо, или что всякого человека обязанность знать все, что он может знать. Словом, луч истины. Не упускать из виду этого луча, которого заслонить никто и ничто не может: ни домашние отношения, ни бедность, ни деспотизм, — вот энергия. Блажен, кто владеет этим кладом»³. Следует обратить внимание на это его понимание энергии, весьма далекое от того, как оно понимается нынешней физикой, но вполне согласное с представлением о Божественных энергиях. Удивительно, как все сказанное более века назад продолжает еще оставаться современным и актуальным.

К Поливанову, думается, вполне приложимы слова, которые сам он относил к другу своему, поэту Якову Петровичу Полонскому: «Около такого человека чувствуешь свою исковерканность и лживость, так что быть с ним — значит отказываться ежеминутно от своих подлых замашек, которыми так и кишит душа человека, находящегося в переделках практических отношений. Ведь есть же такие люди! Отчего их так мало?»⁴

Вдвоем с Сергеем Андреевичем Юрьевым, математиком, славянофилом, почитателем Шекспира и Шеллинга, основателем журнала «Русская Мысль», председателем Общества любителей русской словесности, оказавшим такое большое и неизгладимое воздействие на Марию Николаевну Ермолкову, они и были создателями Шекспировского кружка; там ставились и любительские спектакли. Образовалась даже своя публика из учащихся и учащихся гимназии, их родителей, родственников и знакомых. Бывали на них, подчас, и знаменитости, например, Лев Толстой и Иван Тургенев.

«Шекспиристами назывался, — писал в книге о своем знаменитом дяде Владимире Сергей Соловьев, — кружок воспитанников Поливановской гимназии, и ядро кружка составляли три семьи:

¹ Там же. С. 261–262. ² Памяти Л. И. Поливанова. М., 1909. С. 131.

³ Там же. С. 130. ⁴ Там же. С. 55.

Лопатины, Венкстерны и Гиацинтовы. Шекспиристы делились на старших и младших: старшими были Николай и Лев Лопатины, Алексей Алексеевич Векстерн, Николай и Владимир Гиацинтовы. Из младших назовем хотя бы: Александра и Владимира Лопатиных, Эраста Гиацинтова, князя Бориса Петровича Туркестанова и князя А. П. Кугушева... (Владимир) Соловьев, не бывший учеником Поливановской гимназии, был введен в Шекспировский кружок Л. М. Лопатиным, и скоро оказался со всеми на ты... Когда шекспиристы танцевали, Соловьев печально слонялся по залам с А. М. Лопатиным и доктором А. Г. Петровским... Соловьев в отличие от друга своего Лопатина не признавал и театра»¹.

Вспоминал и сам владыка Трифон в письме к жене А. И. Южина, возглавлявшего Малый театр: «Впрочем, в этом печальной памяти театре (Немчиновском) давались иногда и серьезные представления Шекспировским кружком, учрежденным педагогом Л. И. Поливановым и известным знатоком Шекспира С. А. Юрьевым, ставились шекспировские трагедии. Тогда и исполнение было другое, да и состав зрителей был другой, бывали на этих спектаклях и Аксаков, и Тургенев, и Федотова, и Ленский, и многие другие представители интеллигентной Москвы. Буфет, правда, торговал плохо, но зато капельдинеры театра нас одобряли: „Очень солидные господа, ни разу не надо было полицию призывать...“»²

Отношение Церкви к театру на протяжении истории было далеко неоднозначным. Церковь искони предупреждала о возможных соблазнах и о духовной опасности, сокрытой в актерском ремесле. Тем более, что театр в античном мире был тесно связан с язычеством. Однако каждую вещь надлежит рассматривать в ее увязанном с духом времени назначении, уясняя ее место в жизни. По крайней мере, русский театр в свой золотой век языческим все же не был. Произнося слово «театр» можно вкладывать в него разное содержание, это может быть и оперетка, и пошлая драма. В Шекспировском кружке, говоря о театре, подразумевали самое высокое значение этого слова. Речь шла о представляемой, но подлинной реальности, той идеальной, возвышенной и нравственной жизни, которая ярче, отчетливее и полнее, чем отпущенная нам земная. В таком театре его энтузиастическим приверженцам виделось подлинное творческое дело — явление миру истины, добра и красоты. «Нигде великая борьба добра и зла не выступает так наглядно, как в драматическом воплощении на сцене», — писал Сергей

¹ Соловьев С. М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель, 1977. С. 172–173.

² [40]. С. 25.

Андреевич Юрьев¹. «Художественные исполнения великих поэтических произведений на сцене, — утверждал он, — поднимают нравственное сознание народа, расширяют его разум и облагораживают чувства»².

Впрочем, после пострижения в монашество владыка Трифон порога театра не переступал, хотя Борис Любимов и передает предание, что К. С. Станиславский, который был годом младше Бориса Туркестанова и хорошо помнил его, если не с гимназических, то со студенческих пор, высоко ценя его несомненный артистический дар, даже предлагал ему совмещать архиерейство и актерство³. Порога театра не переступал не только в качестве актера, но и зрителя, однако продолжал видеть в театре один из высших и совершеннейших плодов мира светского, оставленного им ради всецелого служения Богу.

Ему всегда была близка мысль о красоте, спасающей мир, возводящей от творения к Творцу; мысль эту обычно приписывают Ф. М. Достоевскому⁴, хотя в то время она воистину «носилась в воздухе». «Все истинно прекрасное могучим призывом уносит душу к Тебе», — говорит владыка в 7-ом кондаке акафиста «Слава Богу за все», одного из последних своих творений.

«На замечание, что в такой оценке красоты есть что-то несогласное с требованиями христианства, допускающего одно только поклонение правде и добру, один из создателей и вдохновителей Шекспировского кружка, Сергей Андреевич Юрьев возражал: «Вы видите перед собой выражение красоты — Лицо, которое вы любите, и оно дает вам полное удовлетворение и счастье; одно впечатление красоты наполняет гармонией вашу душу: вы забываете самих себя». То есть открываете перед собою возможность жертвенного подвига. «Нельзя ничего создать из тех сухих форм и правил, в которые пытаются обратить Евангелие»⁵. Юрьев живо ощущал потребность одухотворения жизни, неподлинность погрязания в земном. «Апостол Павел пишет, — говорил он, — первый Адам был душа живая, последний Адам Дух Животворящ, воплотивый в себя всю полноту жизни духовной. Вообразите себе человека, который живет только животными побуждениями: ест, пьет, ищет только чувственных

¹ Юрьев С. А. Несколько мыслей о сценическом искусстве // Русская Мысль. 1888. № 2. С. 52.

² Юрьев С. А. Значение театра, его упадок и необходимость школы театрального искусства // Русская Мысль. 1883. № 8. С. 172.

³ Любимов Б. Русская религиозно-философская мысль и театр // Путь Православия. 1993. № 1. С. 183.

⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 49.

⁵ В память Сергея Андреевича Юрьева. М., 1891. С. 169.

наслаждений... И вдруг он умирает. Остается дух — и только. Представьте себе его положение, понимаете, нелепое положение»¹. Он был преисполнен нескрываемым сочувствием ко всякой твари, где чуял живую душу.

Также и другу его, Льву Поливанову, был присущ «культ человеческой личности, поскольку в ней живет стремление к бесконечному идеалу и поскольку она является выразительницей высшей духовной силы и высшего лирического смысла»². «Он отстаивал самостоятельное абсолютное значение красоты. Истина, заключенная в известном положении, только тогда может считаться подлинною, — полагал он, — когда перестанет быть отвлеченною, когда она способна породить законченный, воспринимаемый не только рас­судком, но и эстетическим чувством образ»³. Столь же возвышенно и трепетно он относился к слову: «Слово печатное есть неприкосновенное в этом отношении злато, это — сама совесть. Нарушение этого догмата осквернило русскую литературу настолько, что в ней участвовать можно только очень немного человеку с совестью»⁴.

С братом Туркестанова Александром Туркестановым как в гимназии Поливанова, так и в Московском университете учился Владимир Лопатин, младший брат Льва Лопатина, философа и ближайшего друга Владимира Соловьева. Закончив юридический факультет Московского университета он занимал одно время должность товарища прокурора в Туле. Однако у него была настоящая страсть к театру. Прославился он тем, что так бесподобно произнес роль третьего мужика в «Плодах просвещения», вначале заключавшую буквально три слова, что Лев Толстой немедленно приписал ему еще несколько фраз⁵. Впоследствии он все же стал профессиональным актером и играл в театре Станиславского. «Про него рассказывали, что он только и ходит — в театр, да в церковь»⁶.

Задумывался о театральном поприще и Борис Туркестанов. Он достаточно скромно представляет тогдашнего себя в письме к вдове А. И. Южина: «В ранней моей молодости, так приблизительно до 20-летнего возраста, я очень увлекался театром и в домашних спектаклях несколько раз пробовал свои силы, пробы эти были по большей части неудачны... и потому, что амплуа я выбирал крайне неподходящие, ничего общего не могло быть между мною, маленьким,

¹ Там же. С. 169. ² Памяти Льва Ивановича Поливанова. М., 1909. С. 12.

³ Там же. С. 30. ⁴ Там же. С. 81.

⁵ Нелидов В. А. Театральная Москва: Сорок лет московских театров. М.: Материк, 2002. С. 130.

⁶ Лукьянов С. М. О Владимире Соловьеве в его молодые годы // Собр. соч.: в 4 кн. Пг., 1916. Кн. 1. С. 107.

худеньким, сутуловатым юношей, с очень неловкими манерами, и всегда крайне плохо одетым... и ролями блестящих красавцев»¹. Тем не менее, в бумагах молодого Станиславского он упоминается в одном месте в качестве одного из трех претендентов на амплуа «драматического любовника» (вторым Станиславский назвал себя)².

Спустя много лет в слове на отпевании великой русской актрисы Марии Николаевны Ермоловой Владыка как бы заново пережил время своего окончательного прощания в конце 1889 года с мечтой о театральных подмостках: «Всего ярче и глубже она выразила себя в роли Жанны д'Арк, этой святой девы, которая путем невыносимых тяжелых страданий очистилась до полной духовной чистоты, вознеслась душой к небу, как святой ангел. В этой роли Орлеанской девы весь пафос ее гения. Недаром она сама считала именно эту роль главной заслугой своей перед искусством. Я счастлив, что видел ее в этой роли (это было последнее мое посещение театра перед поступлением в монастырь), и помню, что вернулся после спектакля домой с такими мыслями и чувствами: страдания необходимы в жизни, без них жизнь была бы пуста, пошла и ничтожна, но только те страдания полезны людям, только те страдания увенчиваются нетленным венцом небесным, которые претерпевают их во имя высшего долга перед человечеством, которые несут ему в разрешающем аккорде успокоение, радость и Свет Небесный.

Эту ее проповедь я унес в своей душе и сохранил в благодарной памяти на много-много лет, и вот через огромный промежуток времени — более чем через 40 лет — я встретил Марию Николаевну снова, на панихиде по ее товарищу по сцене А. П. Ленскому, он тоже был властителем наших юношеских чувств.

Подошла ко мне согбенная, вся дрожащая от болезни старица, смиренно, со слезами прося моих старческих убогих молитв.

И вспомнилось мне далекое прекрасное, невозвратимое былое, и слезы невольно закипели в груди, и усерднее была молитва за нее, страдальцу, и за всех тех, которые своим гением пробуждали во мне и во всех моих сверстниках лучшие добрые человеческие чувства...»³

Не обойтись без некоторого пояснения, какое значение имел этот возвышенный шиллеровский спектакль «Орлеанская дева», ставший возможным (только архиепископ Реймский, по соображениям цензуры, превратился в безымянного странника) лишь в связи

¹ Наст. изд. С. 528.

² Любимов Б. Русская религиозно-философская мысль и театр // Путь Православия. 1993. № 1. С. 181.

³ [40]. С. 174–175.

со столетним юбилеем в 1883 году Василия Андреевича Жуковского, переводчика и пересоздателя этой драмы. Распорядителем этого юбилея, конечно, был Лев Иванович Поливанов. Как однажды выразилась сама Ермолова: «не столько драмы, как лирической поэмы дивной красоты»¹.

Можно сказать с уверенностью: никто и никогда в Москве, в течение с лишком полувека, ни один театр, ни один спектакль, ни один артист (а Москва видела за это время не раз трагических артистов), не производил такого исключительного впечатления и не оказывал такого длительного воздействия на культурное общество, как Ермолова в «Орлеанской девице»².

Говоря о Малом театре, утверждал современник, «не упомянуть на первом месте Ермолову — это то же, что в описании Кремля пропустить Успенский собор»³. «Всякий образ, воспроизводимый ею, она стремилась очеловечить, найти в нем вечные божественные черты, возвысить его. Бога подлинного она умела найти всюду и умела это показать»⁴. Недаром называли ее «Достоевским сцены» и «душой Малого театра». «Никогда ничего не объясняла, она творила»⁵. «Душа Ермоловой просветляла все, к чему ни прикасалась. Она не нуждалась в виртуозности, как не нуждается в ней истинная молитва. Смотря на Ермолову вы иногда понимали, что в женщине зло может быть атрофировано. В ней было беззаветное устремление к идеалу, за это Москва ее и любила»⁶. Вместе с тем, «воспринимая образы, она претворяет их в русской душе. Всякий, кто видел Марию Николаевну в «Орлеанской девице», вероятно, согласится, что это была плоть от плоти, кость от кости русская Жанна. По внешности столько же, сколько по внутреннему содержанию, когда декламировала:

Есть чудеса... Взойдется голубица
И налетит с отважностью орла
На ястребов, терзающих отчизну»⁷.

Значение русского театра в годы, следовавшие после революции, было чрезвычайно велико. Бережно хранивший свое русское начало, в обстоятельствах, когда даже на слово «русский» был наложен запрет в общественной жизни, воспринимался, как живое и связующее звено изувеченной, но не поверженной в небытие

¹ [15]. С. 220. ² [15]. С. 273.

³ Нелидов В. А. Театральная Москва: Сорок лет московских театров. М.: Материк, 2002. С. 114.

⁴ Там же. С. 115. ⁵ Там же. С. 117. ⁶ Там же. С. 116.

⁷ Дризен Н. В. К истории одного таланта. СПб., 1907. С. 21.

русской жизни. И он вольно и невольно собирал вокруг себя все здоровые силы общества. «Только в Малом театре в Москве, — писал Сергей Николаевич Дурылин, — можно было узнать, что такое великий русский язык.... Из уст Садовских, Ленского, Ермоловой и иных из стаи славных лилась живая и животворящая струя «живого великорусского языка», во всем его блеске, силе и великой правде»¹. Не только язык, конечно, но и идеалистические, возвышенные умонастроения давних дней оживали и получали полноту жизни, хотя бы на сцене.

В храме Большого Вознесения у Никитских ворот владыка Трифон в слове памяти руководителя Малого театра А. И. Южина говорил: «Что касается до меня лично, то душа его раскрылась для меня во всей своей духовной красоте и глубине уже в последние часы его жизни, когда он так трогательно благодарил меня за мои скудные, бедные старческие молитвы... Когда он заходил в Великий Четверг и у меня причащался Святых Таин, я убедился: какой цельный характер! О нем можно было сказать, что сам он говорил об одном нашем современнике, что он был художником и писателем духовной стороны жизни. Поэтому его сердце любило всех тех, кто сохранил живую веру в светлые и святые цели жизни, в вечное торжество духа над материей. Он не признавал, что есть люди, у которых угасла совсем искра Божия. Вот почему он так тяготел к ролям трагического репертуара Гете, Шиллера, Шекспира, ибо в них выразилась его пламенная душа, стремящаяся осуществить идеал правды, любви и красоты»². Надо сказать, что Южин назвал себя Южиным по происхождению своих предков, почти ровесник Бориса Туркестанова, он был из рода грузинских князей Сумбаташвили, производивших себя от царя и псалмопевца Давида и потом поместивших на гербе своем пращу. Ему свойственна была безоглядность. Когда царский министр внутренних дел Б. В. Штюрмер был выпущен большевиками из Петропавловской крепости и вскоре скончался, Южин, друживший с ним, не взирая на возможные жизненные осложнения, ездил на его похороны, простоявши всю ночь в вагоне³.

Однако мы поневоле далеко забежали вперед. Возвращаясь ко временам гимназическим и Льву Ивановичу Поливанову, стоит обратить внимание на то, что он понимал действительность шире и глубже, отнюдь не сводя всего к зиждательной силе театра.

¹ *Дурылин С. Н.* В своем углу. М.: Московский рабочий. 1991. С. 217

² [20]. С. 176.

³ *Нелидов В. А.* Театральная Москва: Сорок лет московских театров. М.: Материк, 2002. С. 202.

«Истинно и в высоком смысле просвещенные люди, — говорил он, — не могут пойти против духа народа и никогда не решатся неосторожною рукою коснуться того, что составляет действительную народную святыню»¹. «Нет существ ужаснее людей малообразованных, а их прибывает на Западе миллионами, — ужасался он в письме к другу. — Это страшная, бестолковая сила. Меня всегда это чудовище удерживает от легкого взгляда на распространение во что бы то ни стало грамоты, когда нет бьющей живым ключом народной литературы, здоровой и светлой. У нас в России откуда ей быть? Пока духовные книги одни удовлетворяют русского грамотея, он может быть здоров. Но дело идет к тому, что газета находится чаще в руках грамотного молодого поколения, нежели книги духовные. А пишущие для народа сами уже лишены той здоровой и цельной мысли, которая дремлет в народе»². И еще подробнее и отчетливее незадолго до смерти в 1897 году в ответе на вопросы Тульского земства: «Заклячая в себе элемент общечеловеческий, будучи нейтральным по самой природе своей, — высшее знание прилагается к жизни отдельных национальных организмов, где ему предстоит творчество в деятельности на пользу народных масс, хранящих в себе самобытные силы духа на почве еще не возделанной. Но этот национальный организм, эту народную массу, эту неводеланную почву — не следует себе представлять бесчувственной и бессмысленной стихией. В этой массе, хотя и безграмотной, жила и живет целая система умственных и нравственных идей религиозных, правовых, экономических, социальных и политических, которые сложились в ней в течение всего исторического его существования. Русский народ далек от миропонимания новых европейских народов... Господствующими свойствами его следует признать: мистицизм, личное самоотречение и способность к суровому образу жизни. Только благодаря им и сильно русское государственное тело, хотя часто руководится оно лицами, свободными от этих начал... Безнаказанно и даже с очевидным успехом воспользовавшись универсальным путем просвещения на почве школы высшей и средней, русская политика в недоумении остановилась перед задачей народной школы. Здесь европейский путь, — приложенный для просвещения масс папством, возрождением и реформацией, — оказывается непригодным»³.

Именно к миропониманию русского народа, к его сбережению и сохранению, к подлинному его воцерковлению стремился Борис

¹ Памяти Льва Ивановича Поливанова. М., 1909. С. 14.

² Там же. С. 48. ³ Там же. С. 23.

Туркестанов, в душе у него жила искренняя и неповрежденная народная вера, отнюдь не склонявшаяся к высокому интеллектуализму. Он внимал ни на минуту не умолкавшим голосам своих наставников, но самому ему, пожалуй, ближе были слова нянюшки, прибиравшей в доме Сергея Андреевича Юрьева: «Всё говорит, всё говорит, как это язык у него не устанет. Господи! Батюшки! Богу бы лучше молился, старый уже человек»¹. «Большинство наших лучших художников и писателей, — говорил многолетний друг владыки Трифона, Оптинский старец Варсонофий, — можно сравнить с людьми, пришедшими в церковь, когда служба уже началась и храм полон народом. Встали такие люди у входа, войти трудно, да они и не употребляют для этого усилий. Кое-что доносится сюда из богослужения: «Херувимская песнь», «Тебе поем»... Так постояли, постояли и ушли, не побывав в самом храме. Так и художники и поэты у врат Царства Небесного — постояли, но не вошли в него, а между тем так много дано было им средств для входа туда. Души их, как динамиты, вспыхивали от малейшей искры, но, к сожалению, они эту искру не раздули и она потухла»².

В 1883 году, успешно закончив гимназию, Борис поступил на историко-филологический факультет Московского университета, но сердце его все более склонялось к пути иноческого. Не так просто выяснить, сколько лет он проучился, во всяком случае похоже на то, что университет он так и не закончил, имени его в списке закончивших нет³, возможно, по всегдашней своей болезненности. Брат Александр поступил годом раньше на юридический факультет (и окончил его), стало быть учился там одновременно с Сергеем Александровичем Нилусом. Университет переживал годы расцвета. Александр Александрович Кизеветтер, поступивший на историко-филологический факультет в 1884 году, годом позже, говорил, что «вступал в университет с подлинно религиозным чувством, как в храм, исполненный святыни, где продолжала бить ключом богатая, яркая, творческая умственная жизнь. На всех факультетах было по несколько таких профессоров, имена которых были известны всей России и произносились с глубоким уважением, порою с восхищением»⁴: Василий Осипович Ключевский, прославивший тогда за свое острое и беспощадное, нелицеприятное слово «московским Мефистофелем»⁵,

¹ В память Сергея Андреевича Юрьева. М., 1891. С. 169.

² Житие Оптинского старца Варсонофия / сост. Виктор Афанасьев. Козельск: Издание Козельской Оптиной пустыни, 1995. С. 317–318.

³ И в перечне студентов I выпуска МДА (1891–1895) иеромонах Трифон записан, как «закончивший Поливановскую гимназию».

⁴ [36]. С. 34. ⁵ Там же. С. 53.

хотя не оставлял и преподавания в МДА, Владимир Иванович Герье, Федор Евгеньевич Корш, Павел Гаврилович Виноградов, Николай Саввич Тихонравов, Алексей Николаевич Веселовский. Среди соучеников можно отметить многих последующих знаменитостей: Вячеслава Иванова, братьев Сергея и Евгения Трубецких, Сергея Соболевского, Нестора Котляревского, Алексея Шахматова.

Едва ли Борис Туркестанов расстался с университетом всего через год, в 1884 году, но во всяком случае летом этого года, по благословению старца Варнавы, он ездил в Оптину пустынь к старцу Амвросию, по-видимому, вместе с соучениками своими Анатолием Александровым и Иваном Кристи, племянником дипломата Павла Нелидова, бывший сослуживец которого Константин Николаевич Леонтьев наезжал в Оптину, а в 1887 году почти одновременно с Борисом стал там послушником. Они познакомились и сразу сблизились, вокруг Леонтьева образовался как бы студенческий кружок. В память Бориса врезались простые слова Ивана Васильевича Киреевского, сказанные им Клименту Зедергольму, вычитанные в недавней брошюрке Леонтьева: «Если хотите узнать основательно дух христианства, то необходимо познакомиться с монашеством, а в этом отношении лучше Оптиной пустыни трудно найти»¹.

Все определила встреча со старцем Амвросием, в котором Борис сразу обрел духовного отца и наставника. «Мне вспоминается, как в первый раз я, еще юношей, со страхом стоял перед ним... Как сумел он утешить меня и успокоить, с каким восторгом я возвратился к себе», — вспоминал иеромонах Трифон при погребении старца Амвросия. В другом месте, повествуя об оптинском старце Макарии, он вдруг возвращается к той первой встрече: «Старец гневно пробирал одного монаха; судя о нем по-человечески, он испугался, думая, что старец не в духе и примет его также нелюбезно, между тем последний вышел к нему с совершенно спокойным видом, точно ничего не было, и был с ним необычайно ласков. То же самое пишущий эти строки испытал лично у отца Амвросия»². «И в самом деле, — говорил он в погребальном слове, — не богатство и знатность, не какие-нибудь таланты, развлекающие суетность человека, — нет: смиренная келья, убогий одр и на нем полурасслабленный с виду старец привлекал к себе Православную Русь»³. «Это умирание для ближних продолжалось долгие годы, и он, сам стоящий на пороге гроба, духовно воскрешал духовных мертвецов, приходивших к нему со всех концов России»⁴. «Надо было видеть нашего

¹ Леонтьев К. Н. Полное собр. соч. и писем: в 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2003. Т. 6. Кн. 1. С. 236.

² [39]. С. 212. ³ Наст. изд. С. 66. ⁴ Наст. изд. С. 468.

батюшку посреди детей, окружавших его, обнимающих и целующих»¹. «Все, к чему ни прикасалась рука старца, освещалось любовью»². Амвросий был учеником и преемником старца Макария, последние слова которого были: «Слава Тебе, Боже наш»³. «Однажды, — вспоминал иеромонах Трифон, — кто-то неодобрительно при Амвросии отозвался о наружности почившего старца Макария. Отец Амвросий взял его портрет в руки и долго с любовью глядел на него, говоря: “Нет, он был очень хорош”»⁴.

Мысль о монашестве укоренялась все глубже в сердце. Однако на перемену жизни Борис решил не сразу, спустя несколько лет. «Приехав в Москву из-за тяжелой болезни своего отца, он пошел к своим друзьям Лопатыным, с сыном которых он учился, и в разговоре за столом высказал мысль о том, что собирается остаться послушником в Оптиной пустыни. Семейство Лопатыных, наружно благочестивое, встретило его намерение насмешками. Не дождавшись ужина, он ушел, и, выйдя из их дома, заплакал, сказав себе: «Что я им сделал?», и решил, что этот дом, когда-то близкий ему, навсегда потерян»⁵.

Вместе с отцом своим, Петром Николаевичем, который болел астмой и чувствовал себя все хуже, Борис поехал в Ялту и там произошла поразившая его полным взаимопониманием встреча с актером Малого театра Михаилом Аркадьевичем Решимовым, которым он восторгался издавна и «даже никогда не мечтал познакомиться лично». Открыв ему, что собирается поступить послушником в Оптину пустынь, он, к удивлению своему, не услышал «ни укоризны, ни насмешек». До сих пор одна только мать одобрила его безоговорочно. М. А. Решимов сказал своей жене, недоумевавшей, как можно обречь себя на столь безотрадную жизнь в такие молодые годы: «Как ты не понимаешь, Вера Дмитриевна, что у князя горячее желание принять глубокое пострижение (надо бы сказать «великое» пострижение, но в терминологии церковной он был весьма слаб, — попутно заметил Владыка, вспоминая этот разговор в письме вдове А. И. Южина), он хочет служить Богу и ближним, это высокое дело». Неожиданная и потому особенно вдохновляющая поддержка склоняет чашу весов: «Через несколько дней я уехал в Москву, а затем скоро поступил в монастырь»⁶.

«Дух Оптинский охватывал всякого приходящего в обитель, — писал иеромонах Трифон в своем кандидатском сочинении в МДА, посвященном старчеству, — этот дух выражался в какой-то особенной

¹ Наст. изд. С. 67. ² [39]. С. 224. ³ [39]. С. 217. ⁴ [39]. С. 236.

⁵ [17]. ⁶ Наст. изд. С. 529.

мягкости, простоте и смирении братства, в особенно сердечном и любовном отношении ко всякому, как бы к родному близкому человеку»¹. «Слова преподобного Нестора, что многие обители поставлены золотом и богатством княжеским, но они не таковы, каковы устроенные слезами, молитвами и пощением братским, — вполне приложимы к Оптиной пустыни», — продолжал он². Оптина привлекала и тем, что «Среди братства, благодаря просвещенным настоятелям и старцам не было той ненависти и озлобления против образованного человека, которые так печально характеризуют даже лучшие русские обители»³.

Он вступил в совершенно особый мир, со своими правилами и традициями, настороженно и недоверчиво относившийся ко всякому новшеству и нарушению заведенных обычаев, где все, подчинявшееся времени, отступало перед вечным и непреложным. И теперь его уже не удивляло «возмущение, которое произошло в скиту Оптином из-за распоряжения начальника служить храмовую службу Обретению святой главы Иоанна Предтечи не в главном храме, где было принято ее обыкновенно совершать, а в приделе. Хотя это приказание скитонаачальника о. Анатолия было вполне основательно, так как в главном храме перекрашивались в то время полы, однако скитские иноки под предводительством двух древних схимников отправились к ныне покойному отцу Амвросию и со слезами умоляли его отменить распоряжение настоятеля. «Мы 40 лет привыкли в этот день молиться в Предтеченском храме, а теперь наш праздник будет не в праздник, если нас заставят стоять службу в Макарьевском приделе». Любвеобильный и снисходительный авва снизошел к их просьбам. Настлали досок в главном храме и там отслужили»⁴.

В 1888 году в городе Ардон на Кавказе в Осетии открылось Александровское миссионерское духовное училище, ректором которого поставили иеромонаха Иоанна (Алексеева). Послушник Борис Туркестанов был приглашен в это училище надзирателем и преподавателем. Старец Амвросий благословил его принять приглашение. Он отправляется в Ардон. А 31 декабря 1889 года ректором Тифлисской духовной семинарии архимандритом Николаем (Зиоровым) послушник Борис Туркестанов был пострижен в монашество с именем святого мученика Трифона. Через семь дней, на праздник Богоявления, экзарх Грузии архиепископ Палладий (Раев) рукоположил Трифона (Туркестанова) в иеромонахи. Почти одновременно, в октябре 1889 года, в Бодбийский русский женский мона-

¹ [39]. С. 170. ² Там же. С. 171. ³ Там же. С. 169. ⁴ Там же. С. 173.

стырь святой равноапостольной Нины, только что восстановленный, направляется княжна Тамара Александровна Марджанова, впоследствии знаменитая старица схиигумения Фамарь, запоминающаяся в галерее образов «Уходящей Руси» Павла Корина вдохновенно-отрешенным ликом и спокойной печалью¹.

Преподавание иеромонаха Трифона вспоминали добрым словом, учащиеся любили исповедоваться у молодого иеромонаха. Все свободное время он посвящал чтению отцов Церкви. Ардонское училище знало многих выдающихся русских иерархов. После окончания МДА здесь проходили служение однокурсники иеромонаха Трифона, иеромонахи Андроник (Никольский) и Андрей (Ухтомский), потом ставшие архиепископами. «В Ардоне, — вспоминал архиепископ Андроник, — я с любовью предался семинарскому делу. Семинария там имеет значение рассадника Православия и просвещения на всю Осетию. Преданный делу и мудрый ее основатель архимандрит Иоанн так прекрасно поставил семинарское дело, что теперь, через 10 лет от основания, семинария совершенно изменила все лицо земли осетинской. Из семинарии выходят прекрасные учителя и священники, с ревностью насаждающие слово истины. И теперь бедные осетины, прежде не имевшие понятия ни о школе, ни о Церкви, теперь сами на последние гроши заводят школы, платят жалованье учителям, стараются строить храмы; отпадавшие от Церкви в магометанство или просто ослабевшие постепенно возвращаются. Вообще Ардонская семинария явилась действительно светом для Осетии, какую цель и имели при основании ее. Я с любовью предался этому делу: весной разъезжал и по школам, теперь уже многочисленным, и на деле видел жажду и усердие осетин к возродившемуся церковному делу. Приятно было видеть этих горных вояк, постепенно из дикарей превращающихся в мирных граждан, приятно было видеть их любовь и усердие к храму и школе, на которые они тратят все свои силы. Между тем, в течение года (от октября до сентября) я узнал на месте все дело Осетии и полюбил ее душевно»².

Вновь сказалась слабость здоровья иеромонаха Трифона, в конце весны 1890 года он вынужден был уехать из Ардона и возвратился в Оптину. Впрочем, в Ардоне редко кто задерживался более, чем на два года. Оказавшись опять в Оптиной, он знакомится с недавно прибывшими в скит военными: 45-летним Павлом Ивановичем Плиханковым, правда, уже не ходившим в белом кителе с полковничьими погонами, и 40-летним капитаном 1-го ранга,

¹ [43]. С. 5, 201.

² *Андроник (Никольский), священномученик* // Собр. соч.: в 2 т. Творения. Статьи и заметки. Тверь: Булат, 2004. Т. 1. С. 62–63.

совершившим несколько кругосветных плаваний, Михаилом Федоровичем Алексеевым¹.

Первый стал прославленным Оптинским старцем Варсонофием. Живая связь между им и епископом Трифоном никогда не прерывалась. Отец Варсонофий, когда бывал в Москве, всегда останавливался в Богоявленском монастыре у Владыки, не раз служил там. Именно епископу Трифону по благословению митрополита Московского Владимира, впоследствии довелось возводить в сан архимандрита старца, по злым наветам изгнанного из Оптиной. Вручая ему посох, Владыка сказал со смирением: «Я привык окормлять приходящих в сей храм лишь словесным млеком, но ты требуешь твердой пищи, которой я не имею»². Старческое служение оценивалось им очень высоко. А потом он говорил на отпевании скончавшегося старца Варсонофия поминальное слово: «Бывают моменты, когда кажется, что жизнь теряет всякий смысл, когда нет сил бороться, нет ниоткуда поддержки и когда человек стоит на пороге отчаяния. Тогда является старец, говорит ему: о не бойся, ты не один, обопрись только на меня, я тебя выведу на дорогу». «Таким старцем был батюшка. Он жил скорбями своих духовных детей и сгорел в скорбях»³. И вспоминал о первой их встрече: «Вошел я в твою убогую келью в скиту. Вся обстановка ее состояла из деревянного стола, деревянного ложа, без всякой подстилки; иконы, книги составляли единственное ее украшение. Помню, как смиренно склонился передо мной на колени ты, почтенный седовласый послушник, принимая мое благословение, — я тогда был иеромонахом»⁴.

О другой встрече в Оптинском скиту рассказал епископ Печерский Иоанн (Булин) в Белграде много лет спустя, 20 декабря 1936 года, в день блаженной кончины отца Иоанна Кронштадтского.

«Двое мирян: князь Туркестанов и овдовевший капитан второго ранга Алексеев, под влиянием отца Иоанна Кронштадтского, поступили послушниками в Оптину пустынь. Однако, будучи по происхождению людьми великосветскими, они и в Оптиной пустыни продолжали любить комфорт и некоторые светские развлечения, так например: уносили в лес самовар и там устраивали чаепитие.

¹ Епископ Михей (Алексеев), (1851–1931). Мирское имя епископа Михея отсутствует в словаре епископов митрополита Мануила (Лемешевского) / Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Teil IV. Erlangen, 1986. Оно установлено по списку выпускников МДА. По немолодому своему возрасту он был вольнослушателем и учился на II курсе (1892–1896), т. е. поступил в МДА на год позже иеромонаха Трифона, вполне в согласии с приведенным ниже рассказом.

² [20]. С. 101. ³ Наст. изд. С. 311. ⁴ Наст. изд. С. 309.

Хотя в подобных поступках и не было ничего предосудительного, но настоятелю Оптиной пустыни это не нравилось.

Однажды настоятель призвал этих послушников и сказал им, что так как они люди образованные, то лучше бы было им поступить в Духовную академию и идти по ученой дороге. Князь Туркестанов сразу согласился, капитан же второго ранга Алексеев сказал настоятелю, что так как он получил благословение идти в Оптину пустынь от отца Иоанна, то и для выхода из нее должен предварительно испросить благословение от него. Настоятель с этим вполне согласился и благословил Алексеева ехать к нему.

Отец Иоанн благословил Алексеева поступить в Духовную академию и сказал ему пророческие слова: «Ты окончишь Академию, достигнешь архиерейского сана и будешь на моей родине епископом Архангельским». Пророчество исполнилось в точности. Алексеев в 1892 г. окончил Московскую духовную академию 46-ти лет и был епископом Архангельским, получив при пострижении в монашество имя Михея»¹.

Рассказ заведомо содержит некоторые неточности. Епископ Иоанн, передававший его, непосредственным свидетелем быть не мог, сам он только в 1915 году поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. В частности, М. Ф. Алексеев тогда был капитаном первого ранга, а не второго; князь Туркестанов не мирянином, а иеромонахом, да и в Оптину пришел по благословению старца Варнавы, а не отца Иоанна, с которым близко познакомился позже. Тем не менее, в основных чертах рассказ представляется верным. О «суровом подвижническом образе» архимандрита Оптинского Исаакия иеромонах Трифон вспоминал в слове, сказанном им 29 августа 1894 года, на девятый день после кончины архимандрита: «Тяжело было подчас для немощного, слабого духом инока его постоянное побуждение к молитве и подвигу, и, может быть, иногда слово ропота на излишнюю строгость, казалось, вырывалось у инока из братии»². Тут же приводится и свидетельство, как будто бы не вполне согласующееся с рассказом епископа Иоанна. Архимандрит Исаакий не любил никого отпускать из Оптиной. «Ты уже не вернешься оттуда таким, каким вышел от нас», — говорил он, с неохотой отпуская брата куда-либо из обители, особенно в большие города³. Простые слова архимандрита Исаакия входили в душу навсегда: «Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию, в службе церковной, в молитве ищите утешения в печали, наипаче всего храните совесть свою, очищайте ее всегдашним покаянием, не ищите

¹ [30]. С. 174. ² Наст. изд. С. 75. ³ Там же.

благ земных, а небесных; здесь, в этой святой обители, где вы положили начало иноческой жизни, и оканчивайте дни свои»¹. «Любите Церковь Божию», — непрестанно повторял владыка Трифон в поведеньях слова своего наставника.

В достаточном согласии с указаниями рассказа и то, что иеромонах Трифон поступил в Московскую духовную академию в 1891 году, а М. Ф. Алексеев поступил в нее вольнослушателем только год спустя. Пророчество святого Иоанна Кронштадтского сбылось еще при жизни последнего: с 1908 года по 1912 год преосвященный Михей (Алексеев) был епископом Архангельским и Холмогорским. А с 1914 года, вышедши по болезни на покой, исполняя завет архимандрита Исаакия, он пребывал в Оптиной. Вплоть до Вербного воскресенья 1923 года, когда был без всякого основания арестован. После выхода из-под ареста переехал в Козельск, где жил на частной квартире, а служил в Успенском соборе, вместе со Оптинским старцем Никоном (Беляевым), которого совсем юным направил в Оптину, побеседовав с ним, епископ Трифон. Епископу Михею ставилось в заслугу то, что в Козельске не было обновленцев. Он принимал их в общение не иначе, как через полное покаяние. Его любили посещать паломники, не забывавшие об Оптиной и после ее запустения. Скончался он 3 февраля 1931 года, восьмидесяти лет.

Сразу после поступления иеромонаха Трифона в Академию на него вдруг обрушилась нещадная череда смертей. 13 сентября 1891 года у себя дома, в Москве, умирает отец его, Петр Николаевич Туркестанов. Затем, 10 октября, в Шамординской женской обители, основанной неподалеку от Оптиной пустыни, скончался и духовный отец его, старец Амвросий, совсем недавно, после смерти родного отца, утешавший его: «смерть посылается милосердным Господом в самое лучшее время, когда душа наиболее к ней приуготовлена»². А еще через месяц, 12 ноября, в монастырской гостинице, выходящей окнами на Троице-Сергиеву лавру (там после войны 1812 года разместились и Московская духовная академия, где учился церковным наукам иеромонах Трифон), уходит из жизни скошенный двухмесячной простудной болезнью Константин Николаевич Леонтьев, незадолго до того перебравшийся в Сергиев Посад и принявший тайный монашеский постриг с именем Климент. Его хоронят в Сергиевом Посаде, в Гефсиманском скиту, где начальствует старец Варнава, к духовному наставничеству которого по смерти старца Амвросия вновь возвратился иеромонах Трифон.

¹ Наст. изд. С. 72.

² Наст. изд. С. 65.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) вспоминал (он поступил в Академию тремя годами раньше иеромонаха Трифона): «Снова меня окружала атмосфера религиозной веры, молитвенной настроенности, тишины, народного благочестия... Тихая обитель, мощи преподобного Сергия, колокольный звон... Чувствовалось, что в лавре, как в фокусе, собраны лучи русского благочестия. Все кругом было овеяно религиозной красотой»¹.

Ректором Академии совсем недавно, в начале 1891 года, стал горячо увлеченный монашеским идеалом архимандрит Антоний (Храповицкий), также, как и иеромонах Трифон, происходивший из дворянского сословия. Ректор был на год с небольшим младше студента. «Повеяло каким-то новым духом, — писал митрополит Евлогий, — я почувствовал его, как и многие мои товарищи, и в моей душе началась большая внутренняя работа»². Новый ректор был тогда всеобщим любимцем. Как вспоминал кандидат LI выпуска, протоиерей Сергей Четвериков: «Двери его покоев во всякое время были открыты... Он впервые, может быть, многим из нас раскрывал смысл православного пастырства, как любовного и самоотверженного приятия в свою душу своей паствы, переживания вместе с нею всех горестей и радостей, всех испытаний, искушений и падений своих духовных чад, и возрождения и восстания силою сострадательной любви и молитвы... Он привлек наше внимание к русскому старчеству»³.

Ежедневно архимандрит Антоний возносил тайно за своих питомцев молитву, где содержались такие слова: «Призри убо с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и соверши и, егоже насади десница Твоя к созданию Святыя Твоея Церкви, просвети их умныя очи светом заповедей Твоих, сердца же любовью креста Твоего и волю их к исполнению заповедей Твоих направи, да не беззаконными юности страстьми, не суетою мира сего мудрованьми, ниже ленью плоти отягчаемы, но точию ревностью о слове Твоем распаляемы, яко истинные сыны света в добром учении возрастати будут, жребия священническаго достойнии явшеся, через все житие свое имя Твое прославляти будут»⁴.

В 1893 году в МДА приезжал и был в ней торжественно принят святой праведный протоиерей Иоанн Кронштадтский, еще один человек, оказавший значительное влияние на владыку Трифона. Вспоминая протоиерея Иоанна, митрополит Антоний (Храповицкий) сослался на слова школьного друга своего, епископа Таврического Михаила (Грибановского), который еще в юности, после первой

¹ [29]. С. 35.² Там же. С. 45.³ [47]. С. 162.⁴ Там же. С. 164.

своей встречи с отцом Иоанном, отзывался о нем так: «Это человек, который говорит Богу и людям только то, что говорит ему его сердце: столько он проявляет в голосе своем чувства, столько оказывает людям участия и ласки, сколько ощутит их в своем сердце, и никогда в устах своих не прибавит сверх того, что имеет внутри своей души. Это есть высшая степень духовной правды, которая приближает человека к Богу»¹. При посещениях Москвы святой праведный Иоанн Кронштадтский предпочитал останавливаться в Богоявленском монастыре у владыки Трифона. Между ними была несомненная духовная близость. «Припоминается мне та как бы пасхальная радость, которую я испытывал при виде его лица, беседы с ним, — говорил Владыка о протоиерее Иоанне. — И мы, священнослужители, которые не раз присутствовали при богослужении вместе с ним, можем подтвердить, что, действительно, никто, как он, не чувствовал так ясно присутствие Господа Бога. Видно было, как он молился Ему: он как бы беседовал с Ним, он изливал пред Ним всю свою душу. И не только свою... Что же касается до молитвы, то он с раннего утра пребывал в молитве, никому в ней не отказывал, душу свою полагал в молитве и за себя, и за других. Эта молитва — не простой обряд, а жизнь, соединяющая живых с умершими»².

Завершая учебу, иеромонах Трифон подготовил кандидатское сочинение «Древнехристианские и Оптиные старцы», в настоящее время изданное, положив начало научному и богословскому осмыслению старчества. В нем чувствуется не только основательное знакомство со святоотеческим наследием, но и живая связь с церковным старчеством, к которому он приобщился в Оптиной пустыни и в Гефсиманском скиту. «Старчество, — писал он, — процветавшее в Оптиной пустыни, — лучшее доказательство его полезности: оно дало многих великих духом иноков, содействовало расцвету аскетической литературы, оно — в лице славянофилов — сблизило образованное общество с православным монашеством; оно, наконец, ободряло нравственно и вливало новую жизнь в целые тысячи скорбных душ»³.

Помимо учебы он выбирает себе нелегкое послушание тюремного священника в маленькой церкви в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» Сергиево-Посадской пересыльной тюрьмы. Стоит отметить, что почти одновременно с ним свое служение среди заключенных начал другой «оптинец», протоиерей Иосиф Фудель, бывший настоятелем церкви в честь Покрова Пресвятой

¹ [47]. С. 215. ² Наст. изд. С. 217. ³ [39]. С. 21.

Богородицы в Бутырской тюрьме. Награждая иеромонаха Трифона золотым наперсным крестом, митрополит Московский Сергей (Ляпидевский) сказал ему: «Это не я вас награждаю, и не Святейший Синод. Это преступники вас награждают, которых вы утешили»¹.

После МДА иеромонах Трифон, как и большинство выпускников ее, трудился на церковно-учебном поприще. В 1895 году его назначили смотрителем Московского духовного училища при Донском монастыре. Известный своей незаурядной образованностью епископ Антоний (Флоренсов), привлекавший своими проповедями и беседами студенческую молодежь (его посещали Сергей Соловьев, Павел Флоренский, Владимир Эрн, Александр Ельчанинов, Александр Блок), как раз ушел на покой, но в Донском монастыре поселился только в конце зимы 1898 года. Поэтому епископ Трифон, на протяжении многих лет поддерживавший с «епископом-старцем» дружеские отношения, познакомился с ним позже. Ведь уже в начале лета 1897 года его назначили с возведением в сан архимандрита ректором Вифанской духовной семинарии, которая находилась под Сергиевым Посадом. Он был рад оказаться почти рядом со своим духовным отцом старцем Варнавой, а следующим летом ездил вместе с ним в Иверский Выксунский женский монастырь Нижегородской епархии, основанный и бывший предметом непрестанных забот старца.

Монастырь этот очень пришелся по душе. Казалось, сам воздух был напитан там благодатью Божией. «Среди богатых и ученых, — сокрушался архимандрит Трифон, — гораздо сложнее и запутаннее, гораздо тоньше и ядовитее скорби; может быть, там чаще овладевает адское отчаяние человеком, чем среди бедных, неученых, простых сердцем и умом людей»².

Он рассказывал, как был потрясен, когда недавно один простой человек сказал ему: «Батюшка, питай нас молитвами!»³

В своем прощальном слове к сестрам он сожалел, что приходится уезжать так скоро: «„Как рыба, выброшенная из воды, умирает, так может умереть духовной смертью и инок вне спасительной ограды монастырской“, — говорят святые отцы. К таким инокам принадлежу и я, грешный, послушанием своим обязанный жить среди мира и лишь изредка имеющий отраду отдохнуть духом в святых обителях»⁴.

Московским митрополитом тем временем стал высокопреосвященный Владимир (Богоявленский), один из первых новомучеников. И снова последовал перевод архимандрита Трифона —

¹ [40]. С. 39.² Там же. С. 45.³ Наст. изд. С. 79.⁴ Там же.

неожиданный. В конце сентября 1899 года он назначен ректором Московской духовной семинарии, находившейся в Москве на Божedomке. «Вчера в 5 часов вечера явился помощник инспектора Московской семинарии и потребовал меня сегодня в 6 часов вечера в Москву для приема семинарии, — писал он однокурснику своему, только недавно ставшему епископом Волоколамским, преосвященному Арсению (Стадницкому), — вследствие словесного распоряжения митрополита... Пожелайте мне благополучно принять Московскую семинарию»¹. Однако уверенности не было: не отказаться ли, пока не поздно. Иподиакон Феофан, по-видимому со слов самого Владыки, сообщает: «В семинарии было беспокойно. Архимандрит Трифон решил отказаться от этого назначения, поехал в Петербург к митрополиту (тот был на чреде в Святейшем Синоде) и хотел просить назначить его настоятелем в один из небольших монастырей. Там он встретил своего сверстника и приятеля детских лет, отца Савелия, бывшего иподиаконом у митрополита, рассказал ему о том, что решил отказаться от назначения. Тогда отец Савелий бросился перед ним на колени: «Не отказывайся. Уж если тебе будет очень тяжело, распрости руки: „Господи, Ты сам был на кресте, помоги мне“». Владыка заплакал, разорвал прошение и поехал в семинарию»². Едва ли стоит сомневаться в этом сообщении. Московская семинария и действительно была местом беспокойным. Отзвуки грядущего исторического обвала были уже явственны в России на пороге XX столетия, проникая повсюду, даже в стены семинарий.

«Ректор Трифон, — вспоминал один из тогдашних преподавателей, а после революции москвовед, Николай Петрович Розанов, — однажды, помнится, чуть ли не чрез инспектора прислал нам «выговор» за то, что мы не были за молебном в какой-то царский день, в чем он усмотрел проявление антимонархического настроения преподавателей. Это властное выступление, однако, поставило самого Трифона в неловкое по отношению ко всей корпорации преподавателей положение, и он уже более не появлялся среди нас в сборной комнате, проходя на свои уроки мимо нее и как бы не желая поддерживать с нами никакого общения. Поэтому-то и на прощальном его служении в семинарской церкви, пред посвящением его в архиереи, огромное большинство преподавателей отсутствовало в церкви, так и не простившись со своим начальником»³.

Н. П. Розанов с возмущением пишет, что ректор в предостережение показывал ему письмо дамы, недовольной «материалистическим направлением его (Розанова) публичной лекции», но

¹ Наст. изд. С. 527. ² [17]. ³ [49]. С. 107.

не похоже на то, чтобы он подвергся после этого каким-либо мерам наказания¹.

С другой стороны, и Н. П. Розанов не может отрицать заботливости архимандрита Трифона по отношению к семинаристам, стремления повысить их проповеднический уровень, культуру речи: «Любитель ораторского искусства, он подал мысль о необходимости обучать таковому и семинаристов. После него идея эта нашла осуществление: при Анастасии² был приглашен для обучения декламации старших воспитанников артист Малого театра А. И. Южин, но он ограничился только данными им двумя уроками и поставил вместо себя молодого артиста того же театра Ухова, который в течение двух лет и обучал»³.

Протоиерей Валентин Амфитеатров 1 июля 1901 года, в день святых бессребреников Космы и Дамиана, служил в Архангельском соборе и сказал молящимся: «В этот час совершается хиротония князя Туркестанова, сына моей духовной дочери, княгини Варвары Александровны, возблагодарим Господа, что к нам с неба явилась еще одна светлая звездочка, которая будет светить не только нам, но и всему миру»⁴. Хиротония происходила совсем рядом, в Кремлевском Успенском соборе. Митрополит Московский Владимир в слове после хиротонии говорил о смутном времени, переживаемом Церковью, о плевелах на ниве Христовой, об усилиях, употребляемых диаволом. «Много труда, самоотвержения и умственного напряжения, — говорил он, — нужно поэтому тому, кто правит словом истины; ему поистине нужно иметь тот ум Христов, которым обладали апостолы, пред словом которых преклонялись мудрость философов и легкомыслие толпы». Благословив богомольцев, наполнявших собор, новопоставленный архиерей под колокольный звон отбыл из Кремля в Богоявленский монастырь, назначенный ему для местопребывания на последующие 13 лет, как епископу Дмитровскому. Там сподобил его Господь пребыть вплоть до пахнувшего всемирной грозой 1914 года, открывшего нескончаемую вереницу войн и смут «настоящего двадцатого века».

Богоявленский монастырь на Никольской, один из древнейших в Москве, первым игуменом здесь был Стефан, старший брат

¹ [49]. С. 212–213.

² Митрополит Анастасий (Грибановский) (1873–1965), он сменил архимандрита Трифона на посту ректора Московской семинарии. Был главой Зарубежной Русской Церкви с 1936 года, после кончины митрополита Антония (Храповицкого).

³ [49]. С. 107. Из выпускников Московской семинарии, указывает Н. П. Розанов, впоследствии выступали на сцене Малого театра Добронравов, Кудрявцев и Кедров.

⁴ [40]. С. 57. Об этом сообщила епископу Трифону Анна Головина в письме от 1 июля 1921 года.

преподобного Сергия Радонежского, хотя некоторые историки не признают этого факта. А в XVIII веке настоятель Богоявленского монастыря, архимандрит Серапион, был поставлен митрополитом Платоном (Левшиным) первым епископом Дмитровским для помощи в управлении Московской епархией. Потому и стал этот монастырь местом пребывания епископов Дмитровских.

«Как постепенно устраивалось богослужение, — вспоминал епископ Трифон накануне прощания со своим монастырем, — как постепенно усовершенствовался церковный строй, как благоуукрашивались наши храмы¹, которые я застал закопченными, забытыми, как постепенно собралось здесь стадо овец Христовых и как прекрасны были здесь службы, и некоторые праздники казались для меня особо выделяющимися... Вспоминается, как светло и радостно праздновали мы день прославления преподобного Серафима, который поистине как бы обрел себе жилищем наш монастырь, может быть, потому, что он видел, как искренне мы его почитаем»². Ему очень хотелось, чтобы обитель, находившаяся «среди многошумного, многмятежного столичного города», была надежной пристанью, чтобы люди могли «отдохнуть здесь душой, умиротвориться и успокоиться после всевозможных мирских соблазнов, бурь лжеучения, взаимно противоречащих друг другу, словом сказать, после мирской жизни — неустойчивой, шаткой, маловерной, преданной призрачным интересам минуты, тщеславной, постоянно колеблющейся между добром и злом, унывающей и отчаивающейся»³.

Как епископу викарному (а с 1904 г. он был первым викарием Московской епархии), ему часто приходилось служить в первопрестольной столице повсюду — в Большом Успенском соборе Кремля, в кафедральном храме Христа Спасителя, во многих других храмах. Он участвовал в крестных ходах, часто возглавляя их (а крестные ходы были тогда в Москве не редкость), служил молебны по случаю различных событий и памятных дней, перед чтимыми московскими святынями, совершал заупокойные богослужения и панихиды в дни поминаения членов Императорской фамилии в придворном Архангельском соборе, государственных деятелей и пастырей церковных, освящал храмы и различные благотворительные и просветительские учреждения, участвовал в годичных актах Московской духовной семинарии, в торжествах духовных и светских учебных заведений

¹ Устроил он здесь и два новых придела, в честь святителя Феодосия Черниговского и святого праведного Иоанна Предтечи, в воспоминание о храме Оптинского скита.

² Наст. изд. С. 355. ³ Наст. изд. С. 106.

Москвы, в беседах и чтениях, устраиваемых в Большом епархиальном доме, в собеседованиях со старообрядцами, неоднократно совершал поездки по епархии.

Сам внешний облик его был чрезвычайно выразителен. «Его необыкновенные, большие, темные, мерцающие, излучающие какую-то грустную ласку глаза, — вспоминал бывший гимназист А. А. Солодовников о служении епископа Трифона, — его проникновенный голос и весь облик в монашеском облачении и ниспадающей мантии»¹.

В мае 1911 года ему довелось отпевать заслуженного профессора, учившего его и в университете, и в Академии (МДА), Василия Осиповича Ключевского. В гробу перед ним был уже не быллой «московский мефистофель» или «охотник до красного словца, для которого не пожалел и отца»², в преддверии вечности проступило то истонное, что никуда не могло деться: «питомец старой бурсы, где как будто ничему не учили, только выходило из нее множество умных людей»³, и еще: «русская порода, кусок драгоценной русской породы в ее удачном куске, удачном отколе»⁴.

Особое попечение епископ Трифон оказывал Марфо-Мариинской обители. Знаком с великой княгиней Елисаветой Феодоровной и ее супругом великим князем Сергием Александровичем Владыка был еще во времена ректорства в Московской семинарии. Затем, у гроба князя-мученика он возносил молитвы ко Господу: «Как живого вижу его пред собою с его заветными думами и мечтами... да воздаст Праведный ему Судия венец славы, и в этой славе возводит его в божественной силе Своей все выше и выше, да станет и он... молитвенником за нас, за всех верных сынов России и за всю исстрадавшуюся и истерзанную землю Русскую».

В письме императору Николаю II от 18 апреля 1909 года Елисавета Феодоровна, упомянув о духовном окормлении своем в Зосимовой пустыни, продолжала: «Кроме того, митрополиты (metropolitans) Трифон и Анастасий теперь мои руководители, я у них бываю, и они со мной подолгу беседуют»⁵. Оговорка ли, описка, незнание подходящего английского слова, но стоит отметить, что налицо явное предведение — оба упомянутых епископа спустя два с лишним

¹ Наст. изд. С. 584.

² Так он назвал самого себя в письме к семинарскому товарищу П. П. Гвоздеву от 27 сентября 1861 года /(*Ключевский В. О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории.* М.: Наука, 1968. С. 36).

³ *Глазов С. С. Памяти В. О. Ключевского* // *Богословский Вестник.* 1916. № 9–10. С. 506.

⁴ *Розанов В. В. Около науки и университета* // *Русское Слово.* 1909. 12 дек.

⁵ *Материалы к житию преподобномученицы, великой княгини Елисаветы.* М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1999. С. 27.

десятилетия стали митрополитами. В 1909 году епископ Трифон освятил больничный храм святых жен Марфы и Марии и сослужил митрополиту Владимиру при освящении соборного Покровского храма обители. Им же 9 апреля 1910 года по чину, составленному им самим и утвержденном митрополитом Владимиром, были посвящены в звание крестовых сестер любви и милосердия, взявших на себя обет всецело посвятить себя Богу и ближнему великая княгиня Елисавета Феодоровна и с нею 17 сестер. Не оставлял он Марфо-Мариинской обители и потом, не раз служил в ней.

Потом была война 1914 года, охватившая весь мир, долгая, затяжная, тревожная. «Мы встаем за наших единоверных и единокровных братьев, — говорил епископ Трифон 5 августа 1914 года, при встрече Государя в Большом Успенском соборе, — мы вступаемся за поруганную правду, за гонимую святую веру нашу, за Крест Христов, за честь и славу нашей Родины, обогрелой и искупленной кровью отцов наших»¹. Уже в начале сентября 1914 года по собственному почину он отправился на фронт полковым священником. Ему было ни много, ни мало — 53 года. Таков был патриотический порыв, подхватывавший и архиереев. На фронте были и такие известные архиереи, как Димитрий (Абашидзе) и Нестор (Анисимов). «В октябре или ноябре 1914 года, — писал протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский, по давности лет, памятовав точное время, — я получил предложение Святейшего Синода, подкрепленное соизволением Государя, назначить в действующую армию на одно из священнических мест викария Московской епархии, епископа Трифона. Предложение было слишком необычно, но мне пришлось исполнить его. Я назначил епископа Трифона сначала в полк, а затем к штабу 7-ой армии... Создавшееся, до очевидности антиканоническое, положение меня очень смущало, хотя оно не смутило... самого этого епископа, добровольно ставшего в подчиненное ко мне положение»². Указом Государя императора «Преосвященный Трифон Дмитровский (в миру князь Туркестанов) за проявленную храбрость при совершении богослужений на линии огня и за беседы в окопах с воинами во время боя» был в 1915 году награжден пангией на Георгиевской ленте из коллекции царского кабинета, а позднее, после возвращения с Румынского фронта в 1916 году, — орденом святого Александра Невского с мечами.

Сохранился фронтовой дневник епископа Трифона, приведенный А. М. Залесским, охватывающий период с 14 сентября по конец 1914 года³, — ни красот, ни отвлеченных размышлений, просто

¹ Наст. изд. С. 359. ² [33]. Т. 2. С. 170. ³ [40]. С. 136—155.

тяжелые, а порой неприглядные, будни войны. Выразительность в краткости и невзыскательности слов: «Жалко население: наши хозяева (русины) жалуются: все солдаты, солдаты... Все забрали: корову, сено, кур, масло; а теперь придут австрийцы и спялят дом... Зима, холод, дети малые, муж умер» (26 сентября). «Надо бы дать отдохнуть солдатам, а там уже воевать, а теперь нельзя с одного вола драть две шкуры» (28 ноября). «Опять эпизод с моим плащом. Шел дождь. С. послал за плащом. Солдат стал отказываться: далеко. Затем пошел и не пришел. В душе я обиделся. Видно положение священника стало плохо» (15 ноября). Перед Рождеством: «В этом сарае я служу с большим умилением, чем в великолепных храмах, ибо и Христос родился в сарае, а не в чертогах. Холод был страшный, ноги закоченели» (18 декабря). Сначала был на Польском, а потом в 1916 году (уже после контузии) на Румынском фронте. Вернулся на Пасху, с совсем расстроенным здоровьем, ослепнув на один глаз.

По прошению 2 июня 1916 года уволен на покой, но не в Оптиную пустынь, куда просился, а управляющим Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря, где и находился безвыездно до начала 1918 года. По закрытии этого монастыря был причислен к Донскому монастырю и жительствовавал в Москве. «А град этот, — писал Сергей Николаевич Дурылин о Москве 1920-х годов, — был не тихий, малый — Православная Москва XVI века, а огромный, многолюдный, поистине страшный своим многомятежным шумом и злобною молвой, современный город XX века, город с каиновой печатью отвержения Бога»¹. Жил почти по отшельнически, совсем отступив от управления церковного, но не от богослужений, совершавшихся им неукоснительно во многих московских храмах, сначала у родных брата и сестры, затем у духовных детей своих: купца Павла Павловича Федулова, а последние годы инженера путей сообщения Дмитрия Петровича Понсова. Был гоним и бесправен, приходилось переселяться с квартиры на квартиру, ему даже запретили жить в домах, принадлежащих государству. Живые черты его скитальческого бытия тех лет и отношений с духовными детьми представлены в книге [40]².

Следовало бы коснуться еще многого, что осталось вне нашего рассмотрения: поездки епископа Трифона с братом Александром Петровичем на Афон в 1911 году, и вообще давней близости его с Афоном и со старцем Аристоклием, стремления по-доброму

¹ Пастырь добрый: Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексия Мечева. М.: Паломник, 2004. С. 7.

² [40]. С. 158–194.

решить вопрос с имяславием, дружба со Святейшим Патриархом Тихоном, любившим служить с ним, со старцами Оптинскими Нектарием и Никоном (Беляевым), со старцем Зосимой. Современники отмечали высокий духовный авторитет владыки Трифона. Почти беспрецедентно, что уже находясь за штатом и совершенно не участвуя в церковном управлении, он был в 1923 году возведен в сан архиепископа, а в 1931 году в сан митрополита.

На протяжении последних лет жизни Владыка вел дневник. Некоторые записи приведены в книге [40]¹. В нашем распоряжении оказалась еще одна запись, датированная 1928 годом, где архиепископ Трифон удивительно образно представил нездоровье овладевшего душой человека сознания: «Самоанализ, размышление человека о самом себе обладает разлагающей силой и ведет к разочарованию. Развивает тогда и чувствительность. В чем болезнь нашего века: это мука о неизвестном, жажда идеала, томление неудовлетворенной мысли. Никогда еще человечество в такой степени не страдало болезнью Прометея, похитившего огонь с неба, как в настоящее время. Легенда греков рассказывает об орле, который каждый день выклевывал у Прометея сердце и печень. Страстная жажда познаний, ничем не утоляется, потому что предмет ее бесконечен, как хищная птица сосет мозг современного человечества. Нередко в горах Туркестана обитатели видят страшное животное, которое бежит во всю прыть, чуть не задыхаясь в тумане раннего утра. У него большие глаза антилопы, широко раскрытые, полные ужаса. В то время как оно мчится, стуча о скалы своими копытами, по обе стороны его головы качаются два огромных крыла, которые как будто приподнимают его при каждом взмахе. Животное бежит по горам, долинам и ущельям, оставляя красные кровавые следы. Но вот оно падает и наблюдатель видит, как исполинские крылья отделяются от тела и орел, который сидел на его голове и медленно точил его мозг, насытившись, улетел к небесам. Явление в достаточной мере символизирующее хищную птицу, которая точит мозг современного человечества».

К тому же времени относится и написанный им акафист «Слава Богу за все», обычно датируемый 1929 годом (возможно, ему принадлежит и акафист «Заупокойный»).

Не один митрополит Трифон, но и другие современные ему архиереи составляли акафисты. Протоиерей Максим Козлов в своей статье² указывает, что акафисты Трем святителям и святителю Иоасафу Белгородскому принадлежат митрополиту Вениамину

¹ [40]. С. 196–205.

² Козлов Максим, *прот.* Акафист в истории православной гимнографии // Журнал Московской Патриархии. 2000. № 6.

(Федченкову), святителю Тихону, Патриарху Всероссийскому относят авторство акафиста Святому и Животворящему Духу, акафист в честь Владимирской иконы Пресвятой Богородицы «Умиление» написан в заключении митрополитом Сергием (Старгородским) и выдержан в стихотворном размере. Как характерную особенность акафиста «Слава Богу за все» он отмечает приближение церковно-славянского языка к русскому.

Мы мало знаем об истории создания этого акафиста. Он озаглавлен словами, которые, по преданию, произнес, умирая, святитель Иоанн Златоуст, особо любимый митрополитом Трифоном. Но их же перед смертью произнес знаменитый Оптинский старец Макарий, с ними встретил кончину и новомученик, митрополит Петроградский Вениамин.

Благодарение Творцу ведет к горним высям молитвенного богообщения. Оно выливается в хвалебные песнопения, ставшие неотъемлемой частью православного богослужения. Само именование важнейшего православного Таинства — Евхаристия, в переводе с греческого означает «благодарение». На дар Божественной любви, в коем Господь дарует Себя каждому человеку, можно ответить только любовью к Богу — любовью «от всей души и всего помышления».

В акафисте «Слава Богу за все» как бы приоткрывается сердечная глубина владыки Трифона, приуготовленного и созревшего для преизбыточествующей Жизни Вечной. Присутствие его личного «я» в духовном единении с личным началом других людей подводит молящегося к живой встрече с Божественным «Ты». Уместно отметить, что совсем не случайно Владыка носил имя особо почитаемого в Москве мученика Трифона, обладавшего удивительным даром дерзновенной любви и пламенной веры к Спасителю, сподобившегося перенести неслыханные мучения.

В тоже время в словах акафиста запечатлена удивительная красота мира Божия. «Господи, как хорошо гостить у Тебя: благоухающий воздух, горы, простертые в небо, воды, как беспредельные зеркала, отражающие золото лучей и легкость облаков. Вся природа таинственно шепчется, вся полна ласки. И птицы и звери носят печать Твоей любви. Благословенна мать-земля с ее скоротекущей красотой, пробуждающей тоску по вечной отчизне, где в нетленной красоте звучит: Аллилуиа!»

«Ты ввел меня в эту жизнь, как в чарующий рай. Мы увидели небо, как глубокую синюю чашу, в лазури которой звенят птицы, мы услышали умиротворяющий шум леса и сладкозвучную музыку вод, мы ели благоуханные сладкие плоды и душистый мед. Хорошо у Тебя на земле, радостно у Тебя в гостях!»

«Блажен, кто вкусит вечерю во Царствии Твоем, но Ты уже на земле приобщил меня этого блаженства, — поется в акафисте. — Сколько раз Ты простирал мне Божественной десницей Тело и Кровь Твою, и я, многогрешный, принимал эту святыню и чувствовал Твою любовь, несказанную, сверхъестественную!»

Именно в момент «личного» молитвенного богообщения, всецело обращенным к Богу, запечатлен владыка Трифон Павлом Дмитриевичем Кориным на знаменитом этюде к картине «Русь уходящая».

Свидетельства духовных детей ясно представляют картину непритязательной монашеской жизни митрополита Трифона. «Владыка почти не имел своих вещей, — вспоминает С. Н. Лисевицкий. — Единственно, что составляло его собственность, — это облачения, да и они были скромные, выполненные из льняного холста. Исключение составляло красное пасхальное, белое парчовое и голубое с золотом — все подарки Елисаветы Феодоровны»¹. «В доме на Ново-сущевской, — уточняет А. Д. Понсов, — у нас была квартира на первом этаже: три комнаты, шесть окон. Две комнаты были большие, 20 и 22 метра, а третья, крайняя, угловая, — небольшая; собственно, она состояла из двух частей — части, которую отрезали от большой комнаты, и маленькой комнатки 9 метров. Вот в этом помещении Г-образной формы, посередине которой, разделяя эти две половинки, стояла голландская печь, в конце 1931 года поселился владыка митрополит Трифон. По рассказам родителей, я знал, что в это время его буквально выгнали с квартиры и он оказался на улице. Тогда папа и предложил ему поселиться в нашей новой квартире... Я увидел очень небольшого роста старичка со странным глазом — у него один глаз был с бельмом; тонкий, горбатый, небольшой нос орлиного типа, седые волосы, седая негустая борода. У него был вкрадчивый голос и необыкновенно ласковые и теплые руки; у меня осталось очень теплое впечатление от прикосновения к этим рукам... У стены против окна стояла железная кровать; левее окна в углу находился иконостас с большим количеством икон. Около кровати — небольшая этажерочка с точеными ножками, и вся такая точеная, с полочками, на которых лежали книжки и какие-то нужные митрополиту Трифону вещи. Перед иконостасом всегда горела лампадка»².

«За несколько дней до кончины, — свидетельствует С. Н. Лисевицкий, — Владыка пожелал благословить своих духовных детей. Все с трепетом, тихо, со слезами подходили к постели, на которой под сенью омофора лежал митрополит, и получали благословение, целуя высохшую руку старца. В день смерти (14 июня 1934 года

¹ Наст. изд. С. 594. ² Наст. изд. С. 601.

по новому стилю) митрополит Трифон, уже ослепший, просил своих духовных детей петь «Христос Воскресе» и сам пел вместе с ними. Владыка завещал совершить его отпевание в церкви во имя святых мучеников Адриана и Наталии монашеским чином; просил положить его в мантии и клобуке и не произносить речей у его гроба, как это было принято у иноков Древней Руси»¹.

Могилка его на Введенском кладбище никогда не оставалась заброшена. Москва продолжала и продолжает почитать его как исповедника и выдающегося подвижника благочестия. Неугасимая лампадка лучит свет перед белым мраморным крестом, на котором выбита надпись, взятая из поучений Владыки: «Любите храм Божий, храм Божий — это земное небо».

На Пасху (22 апреля / 5 мая 1918 года) состоялось последнее богослужение в Успенском соборе Кремля, в куполе его еще зияла дыра, напоминавшая об обстреле. Большевистское правительство к тому времени переместилось в Москву, и Кремль становился недоступен для простых людей. Служба на Пасху состоялась в ответ на особую просьбу Собора, все еще не завершившегося и, по распоряжению В. И. Ленина, еще пытавшегося успокоить людское негодование об осквернении и распродаже кремлевских святынь. Возглавлять это богослужение довелось епископу Трифону².

Семь лет спустя, во время грандиозных похорон св. патриарха Тихона, художнику Павлу Дмитриевичу Корину пришла мысль о картине, созданию которой он посвятил большую часть своей жизни (писал ее с 1925 года по 1959 год). Картина эта, которую А. М. Горький назвал «Русь уходящая», а сам Корин хотел назвать ее «Реквием», так и осталась незавершенной. Полотно безусловно символическое, на нем, в частности, изображены три патриарха — Тихон, Сергей и Алексей (присутствовал и будущий впоследствии патриархом иеромонах Пимен). Великий вход на богослужении происходит в Успенском соборе, а в самом центре композиции — маленькая фигурка митрополита Трифона в ярко-красном пасхальном облачении, застывшая в молитвенном предстоянии. «Весь охваченный духовным устремлением, с вдохновенно сияющими глазами, он совершал литургию как высшее служение Богу, — отмечал А. А. Солодовников (именно в связи с эскизом Корина, где запечатлен митрополит Трифон). — Трепет и глубина смирения невольно охватывали всех присутствующих»³.

¹ Наст. изд. С. 598.

² Сорок сороков / *Собрал П. Паламарчук*. М.: Книга и бизнес, 1997. Т. 1: Кремль и монастыри. С. 43.

³ Наст. изд. С. 585.

Аристократ по происхождению, соприкосновенный по образованию и складу натуры высочайшим достижениям русской культурной жизни, тончайше ощущавший очарование здешней жизни («хорошо у Тебя в гостях»), митрополит Трифон воистину соединил в себе исконное «христианство простых рыбаей» и путь аскезы и умной молитвы, обретенные им в народном благочестии и утвержденные под благодатным водительством Оптинских старцев. Недаром «наш Оптинский» называл его старец Нектарий. Недаром именно он благословил на монашеский, исполненный страданиями, исповеднический путь последнего Оптинского старца Никона (Беляева). Владыку Трифона побуждало отнюдь не толстовское или народническое опрощение, модное во дни его юности, и поэтому не бегство от себя самого (от себя не убежишь), но обращение к тому, что воистину живо, что непреложно и безусловно, что ведет к Богу и Небесному Его Царству.

Алексею Максимовичу Горькому, буревестнику Русской революции, Святая Русь представлялась навсегда уходящей, хотя, на самом деле, она только вступала в свою сокровенную полноту и обретала свою духовную зрелость, восходя от силы в силу. Не вполне прав был Иван Бунин, писавший: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то жили, которую не ценили, не понимали, — всю эту мощь, сложность, богатство, счастье»¹. Главное и важнейшее в великой русской катастрофе — это явление Святой Руси в сонме новомучеников и подвижников Российских. «Той Святой Руси, — говорил однажды владыка Трифон, — в которой князья и бояре и даже сами цари считали за величайшее счастье после бранных подвигов, или государственных трудов, умереть простыми схимниками, — той Святой Руси, в которой умереть за Христа, хотя бы в мученьях, считалось Божией милостью»². Ее-то мы вовсе и не потеряли, не потому, конечно, что не могли потерять, очень даже могли, а потому, что потерять ее нельзя. Она всегда с нами и верно ждет нас, сколько бы мы ни затягивали свои блуждания по земным околицам.

«Поистине, смерть есть тайна, — говорил митрополит Трифон незадолго до своей кончины, — которую мы поймем тогда, когда все соединимся в Царстве Небесного Отца, чтобы уже вечно жить одной любящей семьей. И пока мы здесь, на земле, будем верить, что любовь не умирает, что она вечно жива»³.

Валерий Шленов

¹ Цит. по кн.: *Монахиня Игнатия (Петровская)*. Монашество последних времен. М.: Братство имени святителя Игнатия Ставропольского, 1998. С. 5.

² Наст. изд. С. 513. ³ Наст. изд. С. 380.

ЛИТЕРАТУРА О МИТРОПОЛИТЕ ТРИФОНЕ (ТУРКЕСТАНОВЕ)

1. Пострижение князя Туркестанова в Тифлисской духовной семинарии // Церковные ведомости. СПб., 1890. № 3. С. 50–51.
2. Из тюремного быта // Тюремный вестник. 1895. № 9.
3. Прощание Московской духовной семинарии с бывшим о. ректором ее, преосвященным Трифоном, епископом Дмитровским // Московские церковные ведомости, 1901. № 42. С. 496–498.
4. *Дмитриев Д. С.* Преосвященный Трифон, епископ Дмитровский, викарий Московский: Наречение его во епископа, хиротония, краткая биография и речи. М., 1902.
5. *Дмитриев Д. С.* Исторический очерк Московского Богоявленского монастыря. М., 1902.
6. *Дмитриев Д. С.* Воспоминания о праздничных торжествах в Иверской Выксунской женской обители Нижегородской губернии: Впечатления странника-богомольца. М., 1903.
7. *Дмитриев Д. С.* Паломничество в обитель преподобного Серафима. М., 1905.
8. Торжество иконы преподобного Сергия и пребывание епископа Трифона в Яблочинском монастыре. М.: Университетская типография, 1907.
9. *Дмитриев Д. С., свящ.* Как я стал священником. Сергиев Посад, 1908.
10. Памяти княгини В. А. Туркестановой. Шамордино, 1913.
11. Ставропигиальный Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь. М., 1914.
12. От амвона архиерейского — на поле брани // Русский паломник. 1914. № 35. С. 566.
13. *Соловьев С. М.* Возвращение в дом отчий: Четвертая книга стихов, 1913–1915. М., 1915. [Посвящена еп. Дмитровскому Трифону.]
14. Епископ на фронте // Искры. 1916, № 37.
15. *Дурьлин С. Н.* Мария Николаевна Ермолова. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
16. *Иеродиакон Феофан (Штурм М. В.).* Памяти митрополита Трифона: К 20-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии, 1954. № 10. С. 24–26.
17. *Иеродиакон Феофан (Штурм Михаил Всеволодович, бывший иподиаконом митрополита Трифона).* Светлой памяти митрополита Трифона (воспоминания). Б. г. 5 с. Текст рукопись, машинопись.
18. *Михайлов А.* Павел Корин. М.: Советский художник, 1965.
19. *Краснов-Левитин А. Э.* Лихие годы, 1925–1941: Воспоминания. Париж: YMCA-Press, 1977.
20. Материалы для биографии митрополита Трифона, собранные его духовными детьми: в 2 ч. Ч. 1: 1861–1914; ч. 2: 1914–1934. М., 1974–1977. Рукопись. Опубл. [с небольшими пропусками]: *Митрополит Трифон (Туркестанов).* Проповеди и молитвы. Материалы к жизнеописанию / сост. *иеромонах Афиноген (Полесский).* М.: Сретенский монастырь; Новая книга. Ковчег, 1999. С. 9–224.
21. *Никитин В. А.* Памяти митрополита Трифона (Туркестанова). К 50-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии. 1984, № 9. С. 16–22.
22. *Шифрин Б. П.* Из воспоминаний о митрополите Трифоне. М., 1984. Рукопись.

23. Зеленогорский М. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея. М.: Терра, 1991.
24. Митрополит Трифон (Туркестанов; 1861–1934) / Вступ. статья к слову *епископа Трифона* «Святитель Иоанн Златоуст, страдалец и друг страждущих» / Даниловский благовестник. 1992. № 2–3. Ч. II. С. 24–25.
25. Лисевский С. Н. Роль Высокопреосвященного митрополита Трифона (Туркестанова) в формировании моего христианского мировоззрения. М., нач. 1990-х гг. Рукопись.
26. Иеромонах Фотий (Евтихийев). Пастырство в Русской Православной Церкви в XX в. (1900–1925 гг.). Приложения: Материалы для биографии митрополита Трифона (Туркестанова); Письма Святейшего Патриарха Тихона; Слова, речи и беседы митрополита Трифона (Туркестанова): Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. МДА. Сергиев Посад, 1992. 123 с. Машинопись.
27. Солодовников А. А. Митрополит Трифон (Туркестанов). (В статье: Сокровища Введенских гор) // Московский журнал. 1992. № 3. С. 55–56.
28. Любимов Б. Русская религиозно-философская мысль и театр // Путь Православия. 1993. № 1. С. 178–186.
29. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М.: Московский рабочий, 1994.
30. Сурский И. К. Отец Иоанн Кронштадтский. Т. 1. М.: Паломник, 1994.
31. Афанасьев В. Пустынник в миру. Митрополит Трифон (Туркестанов). 1861–1934: Очерк жизни // Литературная учеба. М., 1995. Кн. 1. С. 132–191.
32. Белевская-Жуковская М. Великая княгиня Елисавета Феодоровна. М., 1995.
33. Шавельский Георгий, протопресвитер. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996: в 2 т.
34. Георгий (Тертышников), архимандрит. Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. Сергиев Посад, 1996.
35. Свенцицкий А. Б. Они были последними. М.: Грааль, 1997.
36. Кизветтер А. А. На рубеже двух столетий. М.: Искусство, 1997.
37. Джунковский В. Ф. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997: в 2 т.
38. Князья Туркестановы. Борис Петрович, в монашестве Трифон // Дворянские роды Российской Империи, в 10 томах. / Авт.-сост. П. Гребельский и др.: СПб. Изд-во Ликоминвест, Т. 4: Князья Царства Грузинского, 1998. С. 217–219.
39. Лазарева Н. Митрополит Трифон (Туркестанов): Биографический очерк / Митрополит Трифон (Туркестанов). Древнехристианские и оптинские старцы. М.: Мартис, 1997, с. 3–19; то же: Журнал Московской Патриархии, 1998, № 11. С. 67–69 (с сокращениями).
40. Материалы к жизнеописанию / Митрополит Трифон (Туркестанов). Проповеди и молитвы. Материалы к жизнеописанию / Сост. иером. Афиноген (Полесский). М.: Сретенский монастырь; Новая книга, Ковчег, 1999.
41. Дидковский С., диак. Пастырская деятельность митрополита Трифона (Туркестанова). Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. МДА. Сергиев Посад, 1999. — 148 с. Машинопись.
42. Нелидов В. А. Театральная Москва. М.: Материк, 2002.
43. «Детки мои любимые...» Схиигумения Фамарь (княжна Марджанова). Сост. С. Фомин. М.: Паломник, 2002.
44. Камаровская Е. Л., Комаровский Е. Ф. Воспоминания. — М.: Захаров, 2003.
45. Об акафисте «Слава Богу за все» и его авторе // [Митрополит Трифон (Туркестанов)] Акафист «Слава Богу за все». Клин. Фонд «Христианская жизнь», 2003. С. 19–33.
46. Воскресенский [Ново-Иерусалимский] монастырь в XVIII–XX вв. // Зелинская Г. М. Новый Иерусалим: путеводитель. М.: Лето, Радуга, 2003. С. 43–81.

47. *Никон (Рялицкий)*. Митрополит Антоний (Храповицкий) и его время. Нижний Новгород: Изд-во братства во имя св. кн. Александра Невского, 2003. Кн. 1, 2.
48. *Филяновский И., свящ.* Митрополит Трифон (Туркестанов) // Вестник русского христианского движения. 2004, № 2 (188). С. 293–330. То же под заголовком: Слава Богу за все // Воронеж. Подъем, 2004. № 6.
49. *Розанов Н. П.* Воспоминания старого москвича. М.: Русский миръ, 2004.
50. *Александрова Т. Л., Суздальцева Т. В.* Рассказы митрополита. М., 2004.
51. *Шереметев С. Д., граф.* Мемуары // Собр. соч. в 3 т. М.: Индрик, 2004. Т. 1.
52. *Шереметева О. Г.* Дневник и воспоминания. М.: Индрик, 2005.

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

*Н*астоящая книга составлена на основании печатных источников и рукописного наследия, бережно хранившегося на протяжении долгих лет духовными детьми и почитателями митрополита Трифона (Туркестанова).

В нашем распоряжении оказались тетради с записями проповедей владыки Трифона, копии его бесед и писем различным адресатам. Часть материалов присутствовала только в виде машинописи, по преимуществу послевоенного времени. Некоторые из тетрадей написаны в старой, другие — в новой орфографии, некоторые проповеди повторяются с определенными, как правило несущественными, разночтениями, иногда наличествуют не вполне ясные указания на неизвестные нам источники, с которых они были переписаны: имеются ссылки на номера листов и т. п., из чего можно предположить, что исходными были материалы некоего более полного архива. Картина вполне характерная для обстоятельств советского времени. Во избежание возможной пропажи или изъятия документы дублировались и распределялись в определенном кругу лиц, пытавшихся их сохранить. Аутентичность текстов, их достоверность и даже авторскую принадлежность порою установить достаточно трудно.

Лишь часть всего этого рукописного архива, в основном состоящая из проповедей владыки Трифона, по всей видимости, написаны его рукой. Они содержатся в тетрадях 1907, 1907–1908, 1908, 1909, 1911 (3 тетради), 1914 (2 тетради), 1918, 1921 годов. Слово на открытие Государственной думы написано на бланке епископа Дмитровского, московского викария, и по нему можно судить о почерке самого Владыки. В тетрадях этих присутствуют также авторские исправления, свидетельствующие о том, что над текстом велась работа. Иногда пропущены цитаты из Священного Писания, оставленные до уточнения. Исходя из этого можно предположить, что в дальнейшем проповеди эти переписывались набело.

В воспоминаниях иподиакона Владыки, С. Н. Лисевецкого, о периоде 1920–1930 гг. можно почерпнуть некоторые сведения о том, как создавались записи проповедей того времени: «Я познакомился

с Зинаидой Степановной (фамилии я не помню), которая стояла на клиросе во время проповедей Владыки и стенографировала их. Она дала мне временно, для ознакомления, значительное количество его проповедей. Все свободное время и часть ночи я переписывал в толстую тетрадь весь полученный материал и таким образом узнавал многое о заветах Иисуса Христа, смысле христианства, о том, как должен жить христианин (тетрадь эта сохранилась у меня до сего дня, хотя читать ее трудно — чернила стали выцветать). Так постепенно, изо дня в день, формировалось мое христианское мировоззрение»¹.

К сожалению, датированных проповедей после 1921 года в том рукописном материале, которым мы располагаем, практически нет.

Как уже упоминалось, ряд материалов представлен только в виде машинописи, в основном послевоенного времени. В жизнеописании митрополита Трифона все эти перепечатанные на пишущей машинке материалы в совокупности обозначаются как «Материалы М. Т.». М. Т. — это Мария Тимофеевна Злобина († 1985), собиравшая от других духовных детей Владыки в 1950–1960-е годы и перепечатывавшая на свои средства проповеди и другие материалы, связанные с жизнью и деятельностью митрополита Трифона.

В процессе подготовки наследия митрополита Трифона к печати была произведена тщательная сверка текстов. Издатели придерживались следующих приоритетов: печатное прижизненное издание, если наличествует; рукопись; машинопись.

Ряд текстов, по недоступности иных источников, основывается на книге [40]. В 1970-е годы на основании материалов, собранных духовными детьми Владыки (к ним относились не только проповеди, но и его военный дневник, записные книжки и др.), а также живых свидетельств людей, знавших митрополита Трифона при жизни, Алексей Михайлович Залесский составил очерк его жизни и деятельности, включающий также характеристику его устного и письменного наследия, озаглавленный «Материалы для биографии митрополита Трифона, собранные его духовными детьми»². Он напечатан в незначительно сокращенном виде и без указания автора в качестве предисловия к книге [40].

¹ Наст. изд. С. 592.

² Полностью эти «Материалы...» помещены в [40] без указания автора. Здесь и далее при ссылках на источники, указанные в библиографии: в квадратных скобках — номер в библиографии; затем, если есть, — номера страниц. Если один источник представлен в нескольких изданиях (в библиографии они перечисляются под одним номером) и требуется уточнение, какое именно издание, то оно дается в скобках.

При подготовке к публикации все доступное нам наследие митрополита Трифона было систематизировано и разбито на разделы. В первом из них приведены в хронологическом порядке датированные проповеди. Во втором даны проповеди, время произнесения которых не установлено, в основном они относятся к двадцатым годам, хотя, судя по некоторым указаниям, присутствуют и проповеди более раннего времени. Они расположены в последовании церковного года и по большей части относятся ко времени Великого поста.

Если проповедь основывается на печатном источнике, на него дается ссылка. Указаны дата и место произнесения проповедей, за исключением тех случаев, когда такие сведения нам недоступны. Несколько дат удалось уточнить. Тематические подзаголовки к проповедям либо взяты из рукописей и публикаций (таковых немного и они принадлежат, вероятно, прежним составителям), либо прибавлены редакцией при составлении настоящей книги.

Цитаты Священного Писания сверены с церковнославянским или же русским текстом Библии (в зависимости от источника исходной цитаты), в некоторых случаях они уточнены (если это не повело к нарушению смысла) и снабжены соответствующими ссылками. Точные цитаты Священного Писания выделены курсивом. Там, где библейский текст приводится в свободном пересказе, даны ссылки с пометкой «ср.». При цитировании некоторых мест из Священного Писания ссылки приводятся в сноске. Пропуски и разрывы в точных цитатах из Священного Писания, а также из богослужебных и святоотеческих текстов, обозначаются многоточием.

Все подстрочные примечания даны редакцией. Редакторские вставки в тексте даются в квадратных скобках.

Даты событий до 1918 года, когда был введен новый стиль¹, указаны по старому стилю. После 1918 года — либо по старому и по новому стилю, либо только по новому, за исключением дат церковных праздников и памяти святых, которые всегда приводятся по старому стилю.

К сожалению, сколько-нибудь аутентичной рукописью акафиста «Слава Богу за все», написанного владыкой Трифоном, мы не располагали. Сомнения в принадлежности ему этого акафиста на протяжении последних лет уже не высказывались. Авторство митрополита Трифона подтверждалось епископом Мануилом, а также архимандритом Герасимом, близко знавшим владыку Трифона².

¹ Следующий день после 31 января 1918 г. по старому ст. стали считать 14 февраля.

² [40]. С. 221.

Подтверждает это и А. А. Солодовников в своих воспоминаниях, приведенных в данной книге¹. К сожалению, акафист «Слава Богу за все» продолжает издаваться большими тиражами со значительным количеством пропущенных строк и опечаток, искажающих смысл. Мы попытались реконструировать его текст, основываясь на всех доступных нам вариантах.

Помещенные в разделе III «Беседа о покаянии, исповеди и молитве» и «Правило краткое для всякого православного человека о том, как проводить жизнь богоугодно и спасительно» – беседы, составляющие несомненное единое целое, — находились в виде машинописи среди материалов митрополита Трифона. Можно предположить, что они входили в одно из утраченных сочинений митрополита Трифона, о которых упоминается в книге [40]². В «Беседе о покаянии, исповеди и молитве» на последней странице надпись: «На подлинной начертано: читал и одобрил митрополит Антоний (Храповицкий), 1 ноября 1932 г.» А на «Правиле кратком для всякого православного человека...» подобная же надпись: «На подлинной начертано: Карловцы, 3–16 авг. 1934 г. Читал и одобряю это полезное рассуждение. Митрополит Антоний». В любом случае это несомненное свидетельство, что Русская Православная Церковь в то время ощущала себя единой и расколы ее оставались неизбежной данью текущему политическому состоянию. Нет достаточных оснований отрицать принадлежность этих текстов митрополиту Трифону. Поэтому, принимая также во внимание безусловную духовную значительность этих сочинений, сочетающих в себе простоту и глубину духовного опыта, способных несколько пролить свет на сокровенную духовную жизнь митрополита Трифона, мы сочли вполне уместным опубликовать их.

В приложение вошли воспоминания о владыке Трифоне, слова и стихи, посвященные ему, взятые из печатных источников и имеющегося в нашем распоряжении архива.

¹ Наст. изд. С. 584.

² [40]. С. 198.

ПРОПОВЕДИ,
РАСПОЛОЖЕННЫЕ
В ПОРЯДКЕ
ИХ ПРОИЗНЕСЕНИЯ

При погребении оптинского старца иеросхимонаха Амвросия¹

В Шамординской обители, 13 октября 1891 года

Давно уже телесно изнемогал в Бозе почивший возлюбленный отец наш. Надо было удивляться, как выдерживал он столь тяжелые труды. И одна четверть их была бы невыносима для обыкновенного человека. Только сила Божия, поддерживавшая его, только благодатная помощь Бога совершала чудо, постоянно повторявшееся, и к которому мы как будто уже привыкли: видеть умирающего постоянно воскресающим для воскрешения омертвелою духа ближних своих. Мы это видели. Мы должны были понять, что будет же конец этой многострадальной жизни, что не всегда он будет с нами. Но вот, когда прииде час воли Божией, нас как громом поразило, и мы стоим теперь с недоумением: неужели его уже нет, неужели мы его никогда уже не увидим, не услышим его кроткого голоса, не узрим его озаренное любовью лицо, неужели навеки сокрылось солнце, согревавшее своим теплом, озарявшее своими лучами беспросветный, часто невыносимый мрак столь многих и многих жизней... Его уже нет с нами, и мы его уже никогда здесь не увидим...

Воспоминания быстрою чредою проносятся предо мною. Мне вспоминается, как в первый раз я, еще юношей, со страхом стоял перед ним... Как сумел он утешить меня и успокоить, с каким восторгом я возвратился к себе. Вспоминается, как в своей маленькой скитской келье он благословил меня облечься в иноческую одежду, с каким благодушием смотрел он тогда на меня, какие наставления давал мне... Вспоминается, как ровно год тому назад прибыл я сюда, волнуемый различными сомнениями; с какою лаской, с какой любовью он разрешил все сомнения, не дававшие мне покоя. И вот ровно через год я еще увидел его; но уже сомкнулись очи, язык не глаголет, и он уже не обещает молитв, а сам просит наших

¹ [3]. Опубл. в: [40], с. 342–345.

молитв... Ты сам, возлюбленный наш, постоянно повторял и незадолго до кончины своей, утешая меня в потере отца, сказал еще раз, что смерть посылается милосердным Господом в самое лучшее время для человека, когда его душа наиболее к ней приуготовлена. И хотя твоя блаженная жизнь была постоянным и неуклонным служением Богу, тем не менее, проходя по законам духа различные степени совершенства, ты теперь «вошел во гроб» (Иона пророк), «как пшеница созревшая, во время пожатая, или якоже стог гумна во время свеженный»... И да послужит нам это утешением; ибо, получив дерзновение у Господа, он там явится нашим предстателем и заступником, где не в гадании, но лицом к лицу блаженные души созерцают Господа, где светозарные ангелы воспевают Ему непрестанно Трисвятую песнь...

Не время и не место делать теперь подробное описание качеств дорогого нашего в Бозе почившего великого старца. Его жизнь принадлежит будущему и не забудется никогда. Ибо только те, которые искали земной славы, прогремевши короткое время, после смерти быстро забываются, и зарастает тропа к их могилам. «Память же праведного с похвалами, и в роды родов не изгладится»...

И теперь можно засвидетельствовать, что отличительным качеством нашего дорогого старца была та добродетель, которая является свойством верных учеников Христа, – без которой все остальные добродетели *как медь звенящая, или кимвал бряцающий*, по словам апостола (1 Кор. 13, 1). Это христианская о Бозе любовь... Не та пристрастная языческая любовь, любящая только любящего его и делающая добро только тем, которые почему-нибудь полезны или приятны для нее. Но та любовь, которая во всех людях видит, прежде всего, образ и подобие Божие, – и любит его, и плачет об его искажениях, если замечает их. И не гордым словом упрека встречает слабости и немощи человеческие, но все их несет на себе. Та любовь, которая душу свою кладет за ближних своих, – выше которой, как засвидетельствовано Словом Божиим, ничего не может быть. Та любовь, которая заставила одного святого¹

¹ Ср. со словами прп. Варсануфия Великого: «Дух мой усердствует сказать моему Владыке, Который радуется о прощении рабов Своих: Владыко!

в молитвах с дерзновением взывать к Богу: «Господи, если я приобрел благодать пред Тобою, если я достиг Царства Небесного, то вели и братьям моим войти со мною: а без них и я не пойду туда»... Вот этой-то любовью было проникнуто все существо нашего батюшки. Засвидетельствует это всяк сколько-нибудь знающий отца Амвросия. Свидетельством этого вся жизнь его. И в самом деле, не богатство и знатность, не какие-нибудь таланты, развлекающие суетность человека, — нет: смиренная келья, убогий одр и на нем полурасслабленный с виду старец привлекал к себе Православную Русь... И знатные, и убогие, и ученые, и простецы, и духовные, и мирские, мужчины, женщины и дети — все стекались сюда... И как часто случалось, что человек, раз приехавший, и, может быть, из простого любопытства, под обаянием святой души старца оставался здесь навсегда, бросивши вся «красная мира» и посвятив себя служению Богу. Не только слова и речи, но и самый вид, прикосновение, самое присутствие сильного духовно человека уже благотворно, спасительно действует на существо другого человека, врачует его недуги, возбуждая его к доброму, вызывая в нем молитвы и слезы...

А возможно ли перечислить все отдельные случаи благотворительности старца! Кто захочет отчасти познакомиться с нею, то прииди и виждь... Посмотри на эту обитель. Здесь не рассуждали, может ли всех принятых прокормить и содержать монастырь. Нет. Здесь не было места этим малодушным рассуждениям. Здесь твердо верили словам Христа: если и птиц Бог греет и питает, если и траву на поле, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, как и Соломон не одевался во всей славе своей, — то кольми паче вас... Наипаче ищите Царствия Божия, и это все приложится вам (ср.: Мф. 6; 29–30, 33). Особенно любил детей почивший; он и сам имел детскую, незлобивую душу. Пусть близко стоявшие к делу расскажут, в каком иногда ужасном виде принимались они в основанный им детский женский приют. Всех

Или вместе со мною введи и чад моих в Царство Свое, или изгладь и меня из книги Твоей». *Варсануфий Великий и Иоанн, прпп.* Руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения учеников. М.: Правило веры, 1995. С. 77–78.

принимали и всем давали истинно христианское воспитание, и некоторые из них соделались уже невестами Христовыми. Надо было видеть нашего батюшку посреди детей, окружавших его, обнимающих и целующих; как был он тут особенно трогателен, как часто мы видели тут его слезы душевного умиления...

И вот, возлюбленный наш, ты в последний раз предстал пред нами, окруженный многочисленным освященным собором, с самим Владыкою архипастырем нашим во главе; и ты просишь у этого сонма священноиноков, из которых многие твои ученики, а некоторые и сами сделались наставниками других, иноков и инокинь; просишь и всех здесь присутствующих духовных детей твоих словами священного песнопения: «Непрестанно молитесь о мне Христу Богу, – да вселит мя, идеже свет животный». И верь и надейся, возлюбленный наш, что не только устами, но и сердцем воззовем, и всегда будем взывать, пока есть дух в теле нашем, к милостивому Богу: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная», но радость, но успокоение вечное или вечный покой.

————— 1894 —————

**Поучение в день престольного праздника
в тюремном храме
в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали»
в Сергиевом Посаде¹**

25 января 1894 года

Невдалеке отсюда, в Гефсиманской обители, стоит богатый златоглавый храм. Множество богомольцев стекаются к нему ежедневно. Но не роскошью своего убранства привлекает он людей самых разнообразных сословий, а тем великим сокровищем, которое хранится в недрах его, в пещерах, когда-то выкопанных руками подвижников. Там, с кроткою улыбкой

¹ [1]. Опубл. в: [40], с. 239–243.

на устах, со всепрощающею любовию в очах, возвышается чудотворный образ нашей общей Матери, печальницы всех христиан – Пресвятой Девы. И каких только скорбей, каких горьких тайн не приходилось Ей слышать, какие только трепетные от отчаяния уста не прикасались к Ней? Если бы собрать все слезы, проливаемые пред Нею, они затопили бы весь громадный храм, до верхушки золотого креста достигли бы они! И много таких чудотворных икон на Святой Руси, и много припадает к ним, хотя и слабого духом, но еще сохранившего веру люда.

И благо вам, возлюбленные братие христиане, что вы знаете, где утолять болезни многовоздыхающих душ ваших. Благо и вам, возлюбленные, что вы стеклись сюда, оставив ваши домашние дела и работы, дабы вместе едиными устами и единым сердцем прославить в день престольного праздника этого храма Пресвятую Деву. Но горе тем, кто не хочет во святых храмах искать облегчения скорбей своих в молитвах и горделиво удаляется от сего правила христианского, составляющего одно из лучших свойств русского народа. Действительно, если всякий другой народ силен своими учреждениями, своим образованием, то русский народ силен своею верою: слабеет вера в нем, слабеют в нем и все духовные силы. Подобно тому как во время солнечного затмения прекрасное летнее утро превращается в мрачную ночь, так и в душе человека омрачается все доброе, когда облаками страстей заволакивается от него лучезарное Солнце – Христос, Свет истинный, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущего в мир¹. И в этой наступившей тьме, как лживые призраки ночью, блуждают призрачные, лживые цели и стремления.

Слабеет вера, затемняется и цель жизни христианской: усвоение себе божественных качеств Спасителя путем тяжелой борьбы с самим собою. Забывается, что жизнь есть подвиг, где в терпении стяжываются души, и в ней видят лишь наслаждение и телесный покой. *Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 1), – говорит

¹ Слова из конечной молитвы 1-го часа. Ср.: Ин. 1, 9.

христианин. А неверие говорит иначе: «Если жизнь не дает тебе тех радостей, которых ты желаешь, ищи забвения в вине и разврате или прекращай ее». И, к горю нашему, все более и более распространяется последнее убеждение и с трепетом сердечным читаешь чуть ли не ежедневно о совершающихся убийствах и самоубийствах.

Но неверие не умолкает, несмотря на все эти неотразимые обличения, и берется за оружие насмешки: «Терпение – какая будничная, неблестящая добродетель! Это удел слабых существ, а не исполненных мужества благородных душ». Не слушайте таких речей, братие, и знайте, что терпением только и испытывается истинное величие духа. Еще скорее найдутся люди, готовые на кратковременный блестящий подвиг, но терпеть ежедневно все житейские дразги, мелкие неприятности, уколы самолюбия и не роптать, не выходить из себя, всегда иметь в душе одно лишь стремление к Богу и в Нем одном искать себе облегчения – как мало найдется таких! А еще меньше можно найти среди хилого духом, неверного, слабого современного люда такого, который мужественно переносил бы горькие утраты, тяжелые горести, то есть кто имеет высшую степень христианского терпения. Усвоить такое терпение может лишь тот, у кого не угасла еще вера, кто, хотя грешит и падает, но, подобно тому как некоторые растения постоянно обращаются к солнцу, всегда обращает свою ослабевшую от греха голову к небу.

И вот, когда он утвердит себя подвизаться в терпении, пусть взглянется в жизнь Пресвятой Девы, Которая ублажается всеми родами и прославляется в Царствии Небесном, Которую Святая Церковь называет честнейшею херувим и славнейшею без сравнения серафим, и от Нее научится этой славной добродетели. Она сподобилась быть Материю Самого Спасителя мира и Бога, а между тем кто из людей более претерпел, чем Она? С самого рождения Господа Она терпела тяжкие скорби. *Тебе Самой оружие пройдет душу*, – предсказал Ей святой старец Симеон (Лк. 2, 35). И действительно, это пророчество не замедлило исполниться. Лишь только узнали люди о рождении Христа, как восстала злоба адская и полилась кровь неповинная, и вот Она принуждена

бежать вместе с Ним и Иосифом из Своей родной страны в Египет, под страхом смерти и преследования. Долго живет там святая семья, и по возвращении оттуда снова тот же страх преследования и казни возмущает их тихую жизнь. Но вот Божественный Сын Ее возрос и начал благовестие. Не видела ли Она со всею ясностью, как мало Его понимают — не только народ, но даже и самые ученики? Как завидуют Ему и ненавидят Его старейшины народные! Чуткое сердце матери и без пророчеств предсказывало бы Ей, что должна совершиться страшная, незаконная казнь. И вот она совершилась! Безгрешный, кроткий Сын Ее поруган, весь облит кровию, пригвожден ко Кресту вместе с гнусными разбойниками.

Матери! Скажите нам, что испытывали бы вы, если бы видели дорогого вам сына на позорном кресте и если бы вы еще знали, что он терпит, ни единого зла не сотворив, и вместе с тем если бы вы веровали, что Он Бог и что Его Кровь падает на весь народ ваш, грозит ему вечной казнью?

Да! Оружие до самой глубины проникло Ей в сердце! И при всем том ни единого слова ропота, ни единой укоризны! Одни тихие, кроткие слезы: «Увы Мне, Божественное Чадо! Увы Мне, Свете мира! Вижду Тя, Чадо Мое возлюбленное, ко Кресту пригвождена и уязвляюся горце сердцем», — Дева, рыдая, глаголаше¹. Нет у Нее ни малодушного страха, как у отрешенного ученика, ни той слабости воли, которая отягчала сном вежды учеников, когда уже должно было совершиться страшное дело предательства². Одна глубокая покорность воле Божией.

Се раба Господня, буди Мне по глаголу твоему (Лк. 1, 38). Эти слова, сказанные Ею, когда Совет превечный открывая Ей, еще Отроковице, Гавриил предстал, «лобзая и вещая» волю Божию — рождение от Нее Самого Бога, — легли в основание всей Ее жизни.

Научи же и нас, Богоизбранная Отроковица, великой добродетели — терпению, научи и нас в нашей жизни не возмущаться

¹ Ср.: канон на повечерии Великого Пятка: на плач Пресвятыя Богородицы, 2-й тропарь 1-й песни.

² См.: Мф. 26, 36–46; Мк. 14, 32–42.

скорбями, но все переносить с радостью и благодушием! Особенно вы, возлюбленные чада мои духовные, заключенные здесь, в часы скорби вспоминайте жизнь Пресвятой Девы и почерпайте от Нее себе силы для борьбы со своими страстями и пороками. Вы временно удалены от людей: друзей, родных и знакомых, от своих обычных занятий. Вы, по великой к вам милости Божией, как бы заключены в затвор, подобно схимнику, для обозрения своей предыдущей жизни греховной. Пусть не пропадет это дорогое для вас время в нетерпеливом ропоте и сетованиях на свою долю или праздных мечтаниях. К Ней несите ваши скорби и вздыхания.

«Пресвятая Дева, Царица моя преблагая! Знаешь Ты мою болезнь душевную, знаешь мою скорбь, помоги мне, слабому и немощному! Направь меня на истинный путь, как странника. Обиду, причиненную мне диаволом, знаешь, — разреши ее». Так взывайте к Ней и терпите, зная и веруя, что придет час избавления, ибо, если Она тотчас не избавляет нас от всех зол и бедствий, то потому, что для многих нас бедствия и скорби полезнее радостей и земных утех. Должно твердо запомнить каждому, что дух благочестия, дух веры и добродетели растет в нас и укрепляется не от богатств и сладостей мирских, а слезами и терпением по Бозе. *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). Пресвятая Богородица, помогай нам! Аминь.

В 9-й день по кончине настоятеля Оптиной пустыни схиархимандрита Исаакия¹

*В соборном храме Введенской Оптиной пустыни
29 августа 1894 года*

И вот, отцы и братие, уже более недели прошло со дня кончины нашего отца и наставника! Как часто, к несчастью, этого времени совершенно достаточно, чтобы иногда совсем забыть покойника! Вместе с последним комком земли, брошенной на гроб, исчезает навсегда память о нем среди живых!

¹ [2]. Опубл. в: [40], с. 346–351.

Но не забудется истинный христианин, и воспоминание о нем с годами будет делаться все ярче и живее! *Память праведного с похвалами*, — говорит Священное Писание (Притч. 10, 7). И действительно, как можем мы забыть человека, сделавшего нам добро, а помня, как не хвалить и не благодарить его. Это было бы черною неблагодарностью с нашей стороны! Не предвосхищать суд Божий желаем мы, восхваляя праведника, но имеем в виду ту пользу и назидание, какие могут получить живые из рассказа об истинно христианской жизни.

Как путнику, бредущему по жаркой, песчаной пустыне, нужен по временам глоток воды для освежения его сил, так необходимо и нам, странникам и пришельцам на земле, для ободрения и освежения душевных сил, воспоминание о мужах, подобострастных нам и шедших одним с нами путем, и, однако, силою веры и неустанными подвигами дошедших благополучно до вожденного града Царя Небесного. Да, невозможно нам молчать, ибо от избытка сердца уста глаголют! Кто заградит наши уста и какая сила может заставить нас стереть из памяти воспоминание хотя бы о последних днях этого старца, когда сей светильник уже догорал, когда масла жизни все менее и менее становилось в лампаде... Навеки не изгладится из нашей памяти трогательное зрелище, которое представлял маститый старец сей уже при самом закате дней своих, лежащий под развесистым деревом на одре своем, окруженный плачущими детьми обители своей и слабым голосом дающий им последние наставления: «Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию, в службе церковной, в молитве ищите утешения в печали, наипаче всего храните совесть свою, очищайте ее всегдашним покаянием, не ищите благ земных, а небесных; здесь, в этой святой обители, где вы положили начало иноческой жизни, и оканчивайте дни свои». И каким величавым спокойствием дышали его слова, ибо они исходили из сердца человека, глубоко убежденного в их правоте, всю жизнь свою посвятившего их исполнению.

Да, он любил Бога, ибо всю жизнь нелицемерно служил Ему! Да, он любил службу Божию, ибо за день до кончины коснеющим уже языком благословлял Господа, призывая

чтеца к начатию утреннего богослужения; не желая лежа выслушивать божественные слова евангельские, а сиюсь встать, дабы стоя их слушать! Но, братие, праведник не только при жизни, но и по смерти не перестает нас учить и назидать! И вот, думается мне, чему учит нас почивший отец наш: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Поистине, что может быть блаженнее для человека божественного созерцания — Бога единого желать, Ему единому последовать, к Нему единому всем сердцем прилепиться! Но трудно достигнуть Боговидения, и сделать это можно лишь очистив свое сердце от страстей и похотей; лишь *сердце* чисто, *сокрушенно и смиренно не уничижит Бог* (Пс. 50, 19).

И мы, братие иноки, знаем из нашего слабого, несовершенного опыта, как трудно телесному человеку оторваться от земли, мудрствовать не дольная, а горняя. Бывают минуты и часы, особенно ночные часы, когда, как призраки убитых пред убийцей, восстают пред тобой все содеянные грехи и — или зовут и манят к себе, обещая утехы и усладу чувственные, или, наоборот, нашептывают зловещие речи, вселяя в душу ужас уныния и отчаяния.

И усопший испытывал эти минуты и часы и с обычной простотой и смирением рассказывал, как в первые годы поступления в обитель тесны становились ему стены скита и коварный обольститель рода человеческого нашептывал ему коварные, язвительные речи: «Беги чрез эти стены, скройся, пока никто не увидит, удались в мир». Но он прогонял лукавого демона тем, что ему особенно тяжело и невыносимо: исповедыванием помыслов старцу, бдением, постом и молитвою, — и лишь тверже и закаленнее делался для всех искушений!

И вот, наконец, когда он окреп духовно, пришло время сделаться ему пастырем овец Христовых, наставником монахов. И каких монахов?! Одной из самых строгих по жизни и духу обители, давшей и дающей настоятелей для многих русских монастырей! И после какого настоятеля?! Поистине праведного и великого мужа отца схиархимандрита Моисея! И в какое время?! Во время смутное, когда дрогнули и пошатнулись многие обители иноческие, ибо дух времени,

противный иночеству, с неумолимою силою ворвался в ограды монастырские и многих поколебал.

Ослабели силы духовные в человеке, ослабела и жизнь иноческая. Желание мантии, стихаря, фелони, начальства, денег многих из нас гонит вон из строгих обителей в такие, где жизнь широка и привольна для ветхого человека, и из светочей мира делает простыми черноризцами — соблазном для мирян.

Много нужно духовной мудрости, много нужно твердости, чтобы управлять монастырем в теперешнее время! Многие настоятели похваляются за великолепные здания и храмы, воздвигаемые ими, но в сотни и тысячи раз труднее не умалить, а возвысить дух братии, сохранив в ней непоколебимое подвижничество. Хотя и со слезами, но покоряясь воле Божией, подъял труд сей в Бозе почивший отец Исаакий. Все упование свое возложил он на Господа, Которого всегда имел пред духовными очами своими. *Господь мне прибежище и сила, на Него аз уповаю* [(Пс. 17, 3; 45, 2)], — вот что легло в основание его настоятельства. И теперь, более чем через 30 лет, совершив свое земное течение и оглянувшись назад, ты поистине мог бы сказать, возлюбленный авво, что не расточил напрасно врученных тебе талантов, а приумножил.

Всю жизнь ты шел путем Христовым и им же вел и врученное тебе стадо; не переставая «дея» учил ты великим началам, на которых зиждется духовная жизнь обители Оптинской: глубокому, всецелому повиновению старцу и твердому, неустанному подвижничеству. И вот, настоятель одной из славных обителей русских, всеми глубокоуважаемый, как дитя, покорно склоняется пред волей старца, с самого поступления своего сюда в обитель послушником и до последнего вздоха ничего не делает без его совета и благословения. Много ли нашлось бы не только настоятелей, но и простых чернецов, которые с таким смирением склонились бы пред духовною властью простого священника-инока, не имеющего начальственного положения. Смиряться пред старцем, покойный отец архимандрит и в личной своей жизни: в пище, и в одежде, и в убранстве кельи — наблюдал полную простоту древних подвижников.

В церкви к утрени и ко всем службам он всегда являлся первым и исходил последним, и это не только тогда, когда он был крепок и здоров, а и болен и слаб, когда ноги его покрылись ранами, когда от слабости он уже и стоять почти не мог — никакого послабления плоти! А дома, в келье, когда он давал себе покой? Всегда, и утром, и вечером, двери его были открыты для братства и убогих: всякого грядущего к нему не изгонял вон, а, напротив того, исполнял по силе возможности нужды всех. Тяжело было подчас для немощного, слабого духом инока его постоянное побуждение к молитве и подвигу, и, может быть, иногда слово ропота на излишнюю строгость, казалось, вырывалось у иного из братии, но теперь поистине многие благодарны ему за то, что эта строгость удержала их на пути подвижничества, не дала образоваться навыку к лени и самооправданиям. И вот почему он с такой неохотой отпускал брата куда-либо из обители, особенно в большие города. «Ты уже не вернешься оттуда таким, каким вышел от нас», — говорил он. И с какою радостью встречал он возвращающегося брата! И тогда можно было видеть всю любвеобильность его сердца, которая, так сказать, проступала сквозь его обычный суровый подвижнический образ.

И не только для иноков, но и для мирян было поучительно видеть этого старца-подвижника. И вас, братие и сестры миряне, можно спросить, как некогда Господь Иисус Христос иудеев о Иоанне Крестителе: *Что же смотреть ходили вы в пустыню?.. человека ли, одетого в мягкие одежды? Но одевающиеся пышно и роскошно живущие находятся при дворах царских* (Лк. 7, 24–25). Нет, много вы видали и богатых, и знатных, и украшенных всякими дарованиями, — и не их вы приходили смотреть сюда. А такого человека, которого навряд ли можно найти в мире, среди колеблемого, как трость ветром, сомневающегося подобно морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой, нетвердого во всех путях своих ([ср.: Лк. 7, 24;] Иак. 1, 6, 8) современного человечества — старца, чистого сердцем, который никогда не солгал пред Богом и не дал безумия Богу, сурового подвижника в бедных ризах, со словом правды на устах. И многие говорили, что они уходили от его простой беседы освеженными и готовыми

на борьбу с миром и греховным себялюбием. И для многих его потеря будет невознаградима!

Но вот жизненный подвиг его окончен, окончена тяжелая борьба со страстями и похотями (см.: Гал. 5, 24), очищено сердце, пора испытаний прошла... И теперь, уповаем, возлетел он в светлые небесные обители, оставив нам в наследие те начала, какими достигается чистота сердца и зрение Бога, отсечение своей воли и умерщвление страстей подвигами. И пока они будут тверды среди иноков, будет тверда и Оптина пустынь. И в памяти их да утвердятся и укрепятся они в ней навеки. И это будет лучшей ему наградой, ибо верим и надеемся, что и с высоты небесной он будет взирать на чад своей обители и радоваться и веселиться их духовному преуспеванию и исканию себе спасения. И пусть забвена будет десница наша, пусть прилипнет язык к гортани, если мы забудем того, кто указал нам всегда обращать очи душевные от лживого мира к горнему, небесному Сиону, как некогда древний иудей обращал очи чувственные от ненавистного Вавилона к дорогой отчизне своей, вожделенному Иерусалиму.

А за то добро, какое ты оказал нам, за то, что не словами, а «дея, — учил ты, — презирати плоть, преходит бо, прилежати же о души, вещи безсмертней», за то, что «в пениях, бдениях и пощениях образ был твоим учеником»¹, — чем воздадим тебе, возлюбленный авво? Ведь и во время земной жизни ты ни в чем не нуждался, ничего не искал от человек. Только тем разве, чтобы памятью о тебе утверждаться в борьбе с грехом и в подвиге благочестия, да усугубив молитву о душе твоей.

Господь да ублажит тебя и упокоит, и нас, святыми твоими молитвами, да помилует, яко благ и человеколюбец. Аминь.

¹ Из тропаря преподобному Сергию Радонежскому.

1898

Об иноческих скорбях¹

Из слова в Иверском Выксунском монастыре

(за литургией, после причастного стиха)

8 июля 1898 года

В самом деле, кто из людей не скорбит, не печалится, не плачет иногда горькими слезами? У кого семейные неприятности — раздор мужа с женой, жены с мужем; у кого дети не удались учением, поведением или здоровьем; у кого болезнь, которая грызет его; кто напрасно терпит; кто действительно когда-либо согрешил и за это терпит поношение от ближних. Да возможно ли перечислить все роды и виды скорбей человеческих? И бедные, и богатые, знатные и незнатные, ученые и неученые — все несут бремя креста, все сгибаются под тяжестью его, и, может быть, среди богатых да ученых сложнее и запутаннее, гораздо тоньше и ядовитее скорби; может быть, там чаще овладевает адское отчаяние человеком, чем среди бедных и неученых, простых сердцем и умом людей.

Особенно, сестры-инокини, много внутренних, тонких скорбей у нас, взявших крест Христов. *В мире скорбни будете*, — сказал Спаситель своим последователям (Ин. 16, 33), и эти слова оправдываются на тех, которые оставили «вся красная мира». Бывают дни и часы, когда скорби душевные делаются так жгучи, так тяжелы, что начинаешь сердцем понимать слова пророка Давида: *Рыках от въздыхания сердца моего* (Пс. 37, 9). Так выразил он всю глубину томившей его тоски. К Ней тогда несите ваши скорби и въздыхания.

Об иноческом пути²

Прощальное слово к сестрам Иверского Выксунского монастыря

Июль 1898 года

Когда я подъезжал к вашей обители и увидел сонм инокинь, вышедших к нам навстречу, то мне невольно слышались слова царя-пророка: *Приведутся девы в след ея... введутся*

¹ Лит. [6]. ² [14]. Оpubл. в: [40], с. 400–402.

в храм царев (Пс. 44, 15–16). Действительно, это пророчество сбылось! В самом деле: какими ликами святых девственниц украсилась Святая Церковь от дней апостольских и доныне; сколько чистых вдовиц и стариц востекли уже в небесный чертог Христа Господа вслед Приснодевственной Его Матери! Сколько подвизавшихся и подвигающихся войти в сей Пренебесный Чертог многообразными путями жизни человеческой?! Один из этих путей, и самый прямой и верный, — путь иноческий. Этим путем тщитесь вы, сестры — инокини, достигнуть Царства Небесного. И вы достигнете, несомненно, достигнете сего вечного чертога славы, если будете идти вслед Пресвятой Матери Божией; ведь Ей посвящена ваша святая обитель, ведь Ее вы имеете своей Помощницей и Ходатаицей.

Само собой разумеется, что идти вослед Пресвятой Матери Божией — значит подражать не только некоторым внешним действиям Ее, а усвоить себе самый дух Ее добродетелей и совершенств, ибо *вся слава дочери царицы внутри*, как говорит пророк Божий (Пс. 44, 14). То есть усвоить себе Ее живую и крепкую веру слову Господню, Ее пламенную любовь к Богу и ближним Своим, Ее всесовершенную преданность воле Божией, Ее глубочайшие смирение и кротость, Ее неисповедимое терпение и послушание слову Господню даже до смерти.

Но до этой высоты совершенства духовного нужно восходить, возлюбленные, путем долгого воспитания, как и Сама Пресвятая Дева восходила путем немаловременного воспитания при храме Божиим. Главным и наиболее любимым упражнением Пресвятой Девы была святая молитва, для которой Она часто уединялась во внутреннейшая храма. Там Она беседовала единая с единым Отцом Небесным, там Она изливала пред Господом непорочную душу Свою, там предавалась всесовершенной воле Отца Небесного, укреплялась на тот беспримерный подвиг жизни Своей, на котором ожидали Ее не одни высочайшие радости, но жестокие скорби, когда оружие проходило душу Ее.

И для вас, возлюбленные сестры, святая молитва должна быть главным делом вашей жизни. Да, несомненно, молитва — главное дело инока. Это подтверждают и святые отцы.

«Молитва, — говорит преподобный Ефрем Сирин, — великое оружие, неоскудевающее сокровище, основание тишины, корень, источник и мать тысячам благ». Преподобный авва Пимен утверждает, что человек всегда должен молиться Богу и просить Его помочь ему, споспешествовать ему во всяком деле, ибо человек не может приобрести никакой добродетели без помощи Божией. Молитвы ищут от нас и наши братья-миряне.

«Батюшка, питай нас молитвами!» — недавно сказал мне один простой человек. И горе нам, если мы вместо этого хлеба духовного подадим камень алчущему брату! Ищите молитвенно Царства Небесного и все остальное приложится вам!

И вы имеете великое подтверждение сего. Не молитвою ли создана ваша обитель? Не суетными талантами, ослепляющими человечество, не богатством или ученостью создал ее вам «кормильчик наш», наш возлюбленный авва, а молитвою веры, молитвенными вздохами и слезами.

Будьте же верны его примеру, молитесь за себя и за весь мир, за всех страждущих, скорбящих, озлобленных и сокрушенных духом, не имущих ближних, за них молящихся, за всех живых и мертвых, — и Господь спасет ваши души, не оскудеет и ваша обитель. А молясь, не забывайте и своих собратий и сестер, иноков и инокинь, идущих одним с вами путем, скорбным и тернистым. Наипаче же прошу вас молиться о тех иноках и инокинях, которых послушание заставляет жить вне святых обителей, среди мирских людей. Здесь у вас все располагает к молитве и подвигам: церковные службы, самый строй и порядок монастырской жизни, пример, совет и руководство сестер и наставников. В миру же все, наоборот, влечет к мирским искушениям и соблазнам. Как рыба, выброшенная из воды, умирает, так может умереть духовною смертью и инок вне спасительной ограды монастырской, — говорят святые отцы. К таким инокам принадлежу и я грешный, послушанием своим обязанный жить среди мира и лишь изредка имеющий отраду отдохнуть духом в святых обителях.

Прошу вас, возлюбленные сестры, молиться за меня и за всех моих собратий! Ты же, Всеблагая Мать наша, приведи нас всех с Собою к Сыну и Богу Своему и веи нас в Его небесные обители! Аминь.

1900-е

В Ксенинском приюте¹

Искренне был рад приглашению помолиться со всеми учащими и учащимися Ксенинского приюта. Утешался прекрасным, воодушевленным пением воспитанниц. Радовался их успехам в науках и искусствах.

Ничто на свете не сближает так людей, как молитва. Вот почему и Ксенинский приют, доселе мне незнакомый и чужой, после общей нашей молитвы стал близким и родным. И от всего моего сердца молитвенно желаю я ему благоденствия, успехов в трудах, а особенно укрепления святой нашей веры и любви к Православной Церкви. Сердечно благодарю дорогих детей за подарок, который сохраню на всегдашнюю о них память. Прошу принять и от меня сии святые иконы. Божие благословение да будет со всеми вами.

1901

При наречении во епископа Дмитровского²

*В Московской Синодальной конторе
28 июня 1901 года*

Преосвященнейшие архипастыри!

В эти святые, единственные минуты моей жизни, обозревая ее мысленно, поистине не могу не сказать с чувством глубокого умиления: *от Господа исправляются стопы человеку* (Пс. 36, 23).

Эту промыслительную, благостную руку Божию, направляющую человека ко спасению, я с раннего детства видел над собою. Он, Милосердый, от юности вложил в меня любовь к храму святому Своему, к божественной службе. Рано стали мне знакомы чудные напевы церковные, устав богослужебный, и нигде так отрадно не чувствовала себя душа моя, как в святом храме; и пламенным моим желанием было

¹ Опубл. в: [40], с. 436.

² [4].

служение хотя бы в самом малом чине церковном Церкви Божией, служение, к которому я, по-видимому, не подготовился ни рождением, ни светским, мирским воспитанием.

Скажи мне, Господи, путь в онъже пойду, яко к Тебе взях душу мою (Пс. 142, 8), — слезно молился я и в последующие годы моей жизни. И Господь Человеколюбец внял моему прошению и, проводя меня среди многих искушений, привел меня в обитель иноческую, где я мог пользоваться руководством благопросвещенных старцев. Недолго я там пробыл, но много полезного вынес. Там я укрепился в сознании, что только в подвиге самоусовершенствования, постоянной молитве, усиленной работе над собой, при благодатной помощи Божией и непрестанной проверке своих мыслей и чувств Священным Писанием и творениями отцов подвижников, и заключается истинный смысл жизни христианина; а основание ее — отречение своей воли и смиренное послушание воле духовных руководителей, через которых Сам Господь вещает волю Свою. Из послушания им вступил я в обитель высшего духовного просвещения.

Иноку тяжело жить среди мирян, и для меня это время было бы весьма тяжело, если бы и здесь не хранила меня и не укрепляла благодатная десница Божия. А по окончании курса наук, когда уже я надеялся снова возвратиться в дорогую мне обитель иноческую, я, против желания, становлюсь последовательно во главе нескольких духовных вертоградов; и в этом назначении, которому я подчинился с трудом, единственно лишь из послушания, вижу я теперь особый Промысл Божий над собой, ибо только на этом поприще я мог на опыте познакомиться с ходом учебно-воспитательного дела в духовно-учебных заведениях, этих рассадниках будущих пастырей Церкви Христовой.

И вот ныне, волею Благочестивейшего Самодержца и избранием Синода, предстоит мне великий подвиг служения епископского. Что могу сказать на сие? Страшусь, зная всю тяжесть епископского служения, всю величайшую ответственность пред Богом, какую возлагает на человека немощного и слабого сей сан, а особенно в наше колеблющееся, неустойчивое, маловерное время, когда дух отрицания,

вольномыслия, антихристианские идеи — все это стало злобой дня, носится как бы в воздухе, проникая всюду, особенно в среду так называемых интеллигентных людей. А заразив высшие классы, начинает проникать и в низшие, доселе твердые и непоколебимые в вере православной; страшился бы еще более, зная скудость своих душевных и телесных сил, но когда я представляю весь пройденный мною путь жизни, всегдашнее попечение о мне милосердия Божия, все Его человеколюбие, когда, по искреннему и нелицемерному сознанию своему, готов утверждать, что я не искал себе почестей церковных и готов был бы быть малейшим из братьев моих священнослужителей, тогда радостной надеждой окрыляется дух мой, и я вижу в этом новом моем служении именно тот путь, который необходим для моего спасения, и из глубины души глаголю: благодарю Господа моего, приемлю сие великое назначение без ропота и не смею, хотя мало, вопреки глаголати.

Вы, может быть, ждете от меня изложения предначертаний планов моей будущей деятельности, но не смею давать никаких обещаний. Я знаю, твердо верю и в своей жизни неоднократно испытал, что духовная деятельность и мирская неизмеримо разнятся между собою, и в то время, когда светский деятель все свое внимание обращает на деятельность внешнюю, — служитель Церкви Христовой, раб Божий, исповедует, что сила Божия в немощи совершается, и главное внимание обращает на деятельность внутреннюю, на очищение своего сердца, своей внутренней храмины от всякого зла и порока. Тогда лишь плодотворна будет его деятельность, когда он будет *образцом для верных в слове, в жизни, в любви, в духе, в вере, в чистоте* (1 Тим. 4, 12). Так учат нас наши иноческие учителя. Св. Иоанн Лествичник, книга которого может назваться настольной книгой всякого монаха, описывая свойство истинного пастыря, говорит: «Истинный пастырь есть тот, кто может погибших словесных овец взыскать и исправить своим незлобием, тщанием и молитвою; кормчий духовный — тот кто получил от Бога и чрез собственные подвиги такую духовную крепость, что не только от треволения, но и от самой бездны может избавить

корабль душевный; врач духовный — тот, кто стяжал и тело, и душу, свободные от всякого недуга, и уже не требует никакого врачевания от других».

Так, с помощью Божией неустанно работая над собой и со смирением исполняя возложенное на меня послушание, надеюсь я пройти без преткновения назначенное мне поприще жизни. Да помогут мне в этом ваши святительские молитвы. Особенно к тебе, возлюбленный архипастырь и первостоятель Церкви Московской, с надеждой на молитвенную помощь и отеческое наставление обращаюсь я. Уже несколько лет работаю я пред лицом твоим, и за это время ты явил мне много милостей. И теперь мне являешь великую благодать, несмотря на мои немощи, призывая меня к еще более близкому сотрудничеству. Знаю я, как один из ближайших очевидцев, твои заботы и труды о вверенной тебе пастве, знаю лучше многих, как болееешь ты душою о ее духовном просвещении... да исполнюсь и я духом твоим и буду тебе истинным и добрым помощником во всех твоих благих начинаниях.

Усердно прошу и вас всех, боголюбезнейшие архипастыри и отцы, помолиться обо мне.

А теперь от сей земной Церкви обращаясь к Небесной, от пастырей здравствующих к пастырям нетленно почивающим, среди которых мне придется принять хиротонию архиерейской благодати, уже не своими, но златыми словами златословесного святителя Иоанна взываю ко всем вам и дольным, и горним пастырям: «Помолитесь о ниспослании мне великой помощи свыше; я нуждался в защите и прежде, когда жил сам по себе покойной жизнью; когда же я выведен на средину и принял на себя это крепкое и тяжкое иго, то мне нужно много рук помощи, нужны бесчисленные молитвы, чтобы я мог в целости возвратить залог давшему Владыке в тот день, когда получившие таланты будут позваны и приведены и должны будут отдать в них отчет. Так помолитесь, чтобы мне быть не в числе связанных и ввергаемых в тьму кромешную, но в числе имеющих получить хотя малое снисхождение, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава, и держава, и поклонение, во веки веков». Аминь.

**Ответ на приветствие братии
Афонской Пантелеимоновой часовни в Москве
по случаю недавнего возведения
преосвященного Трифона в епископский сан¹**

*В день памяти св. великомученика Пантелеимона
27 июля 1901 года*

Возлюбленные отцы и братие!

От всей души благодарю вас за приветствие и за доставление мне великого утешения в праздновании памяти св. великомученика и целебника Пантелеимона.

Искренно разделяю с вами сердечную радость по случаю настоящего духовного торжества.

Еще более радуюсь тому, что я, став во главе Богоявленской обители, могу послужить еще большему скреплению ее дружбы с многочисленною обителью св. великомученика Пантелеимона и с его, дорогою для меня, часовнею.

Истину говорю вам, отцы и братие: я с самого детства любил угодника Божия Пантелеимона и часто хаживал сюда, в эту часовню, молиться пред его св. мощами и пред иконою Царицы Небесной, скорой услышательницы всех молящихся и такого грешника, как я...

Помолился я сегодня, да процветает Афонская обитель и ее часовня во славу Божию и на пользу не только Москве, но и всему православному миру.

С любовью и благодарностию приемлю дорогой для меня дар — св. икону Царицы Небесной, общей нашей Заступницы.

Прощание с Московской духовной семинарией²

*В день памяти святителей Московских
(после прощальной Божественной литургии, в храме семинарии)
5 октября 1901 года*

Я с особою готовностью и сердечною радостью принял извещение о желании начальствующих, учащихся и учащихся в семинарии совместно помолиться в сем святом храме, где только лишь два года тому назад я впервые в настоящий день

¹ [5]. ² [6].

совершал Божественную литургию. Сей храм и молящиеся в оном приснопамятны мне потому, что в нем мы вместе молитвенно встречали в течение двух лет высокаторжественные и светлорадостные для всякой души христианской праздники. Здесь мы славословили родившегося во плоти Бога в день Христова Рождества, созерцали умными очами «разверзшееся небо» в день Богоявления, сострадали Христу распятому в дни Христовых Страданий и, принеся покаяние в своих грехах, благодатию Божиею сподоблялись быть членами Тела Христова в святейшем Таинстве Евхаристии. Наконец, здесь же шли в сретение Христа Воскресшего в высокаторжественные дни Святой Пасхи. Говорить ли о взаимоу милительных молитвах наших в сем святом храме в остальные дни нашего здесь пребывания, о сосредоточенно-сердечном внимании, которое господствует у предстоящих здесь во время всякой церковной службы и особенно во время произнесения поучений?.. Ныне, братия, оставляя служение в этом храме, прошу постоянных усердных молитв ваших пред иконою святого покровителя сего храма святителя и чудотворца Николая, святых угодников Божиих митрополитов Московских и всея России, чудотворцев Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, их же и память днесь торжественно празднуем, — да молят сии святые угодники вечного Архиерея Христа о моем недостойнстве, дабы Пастыреначальник Христос сохранил меня в мире, чести, право правяща слово святой Его истины.

Я очень благодарен корпорации семинарских наставников за столь явно высказанную мне в вашей речи любовь и расположения. Слишком кратковременный срок моего пребывания среди сей корпорации — два года — не оставляет, конечно, каких-либо особенных памятников моей деятельности. Во свидетельство моей деятельности я разве мог бы представить лишь мои ошибки, и если настоящим торжеством чтит меня корпорация, то этим обязан я отнюдь не заслугам своей деятельности, но добрым традициям, которые существуют в здешней семинарии. Единственно, что могу сказать про себя, это то, что я люблю Церковь Божию и за нее умереть готов. Доброе, дружное сочувствие и содействие корпорации действительно всегда ободряло меня в моей деятельности и за сие земно кланяюсь ей.

1902

Перед присягой дворян по случаю дворянских выборов¹

В Чудовом монастыре (после литургии)
19 января 1902 года

Обязанный по долгу святительскому сказать вам слово на-
зидания в эти многознаменательные минуты вашей жизни,
братие-христиане, при предстоящем вам тяжелом и много-
трудном служении Царю и Отечеству, я, по обычаю своему,
издавна мною усвоенному, обратился к вечной книге —
Святому Евангелию, ища в нем вразумления себе, и, открыв
его, вот что обрел.

Однажды Господь Иисус Христос учил в городе Капернау-
ме, в синагоге, учил о хлебе жизни, о том, что только прича-
щающийся Плоти и Крови Его будет иметь жизнь вечную
(см.: Ин. 6, 53–54). Это учение показалось странным и соблаз-
нительным для многих из Его учеников, и они ушли от Него
и уже оставили Его навсегда. Оглянулся наш сладчайший
Спаситель, и видит Он, что все ушли от Него, и лишь 12 са-
мых преданных теснятся вокруг Него. И спросил Иисус этих
двенадцать: *Не хотите ли и вы отойти?* Тогда Симон Петр,
с присущей его характеру ревностью, отвечал за всех: *Господи,
к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы
уверовали и познали, что Ты — Христос, Сын Бога Живаго*
(Ин. 6, 67–69).

Не без особого промысла Божия упали глаза мои именно
на эти священные строки! В самом деле, не удалилась ли от
Христа и Его Святой Церкви большая часть образованного
общества? Не разделяет ли, увы, некоторая его часть воззре-
ния того человека, кто вслух, открыто — и устно, и печатно —
объявил все церковное и, в частности, учение о Божественном
Причащении Тела и Крови Христовой страшным и соблазни-
тельным, а Самого Христа — обыкновенным человеком.

Но не теперь лишь, а давно-давно уже начало совершать-
ся отделение образованного общества от Церкви Христовой,
все дальше и дальше удаляются от нее ее сыны, все злее

¹ [7].

и враждебнее нападки и хулы на нее со всех сторон. И вот, отшатнувшись от Святой Церкви, обуреваемые ветром всевозможных лжеучений, люди с тоской и унынием, а нередко и с отчаянием в душе, вдали от Христа ищут какой-то новой истины, какого-то нового счастья, полагая их то в устройении новых внешних порядков жизни, то в научных трудах и изысканиях, то в одном лишь удовлетворении потребностей тела, то под влиянием новейших иностранных ученых, в безумном презрении ко всему человечеству, или, наконец, в полном и сознательном отречении от всяких возвышенных чувств, всяких возвышенных стремлений, всякой религии, всякого бога!.. Русь, Русь! Видит взор мой в тумане прошедших веков твоих князей, кончивших жизнь в иноческих подвигах, твоих бояр, умиравших самоотверженно за веру Христову в палатках татарских ханов. Наконец, уже не мысленным оком, а воочию, лицом к лицу, видел я в годы своей юности и с отрадою и в то же время с болью сердечной вспоминаю многих дорогих москвичей, людей высокой образованности, глубокой философской и богословской начитанности, которые полагали все счастье и спасение России в ее тесном единении со Святой Церковью, и так учили они словом и пером в своих до сих пор еще недостаточно оцененных ученых трудах.

Русь! Святая Русь! Что же сделалось с тобой?! По-прежнему разливается трезвон колокольный по всему твоему широкому пространству, по-прежнему полны твои храмы горячо верующими сынами твоими, по-прежнему приходят с котомками за плечами, в лаптях на ногах, с одним лишь куском хлеба, целые тысячи из твоих сынов для поклонения подвижникам веры и благочестия в твои древние обители!

Отчего же отшатнулись от этой церковной жизни, от этого общения с твоими простыми сердцем братьями наиболее просвещенные из твоих сынов? Ответ на это дал еще сравнительно недавно один великий русский писатель. Гордость ума — вот этот ответ. И я, и многие из вас, моих сверстников, помнят, как здесь же, в этой же самой Москве, он призывал образованное общество к смирению, к познанию самого себя, к единению со Христом, и глубокое впечатление произвели его выстраданные долгим и тяжелым опытом речи. О, если бы

действительно образованное общество, и впереди его благородное сословие, осознало бы, что только в единении со Христом и Святой Церковью, в терпеливом и смиренном несении креста Христова, во внутреннем очищении своей души от всякого зла и порока, в освещении всей своей жизни светом Евангельской истины, в непрестанном благодатном молитвенном общении со всем миром видимым и невидимым заключается спасение и счастье и отдельного человека, и целой семьи, и целого государства. Что не свобода от нравственных обязательств делает человека счастливым, а свобода духа, происходящая от внутренней чистоты человеческой души (см.: Мф. 23, 25–26).

Что же, спрошу я вас теперь, в заключение, словами Господа нашего: *Не хотите ли и вы отойти?* Или хотите трудиться на пользу своему Царю и Родине в единении с Церковью? Если это так, если вы действительно хотите «плыть против течения», то заранее готовьтесь ко всяким тяготам и трудам, а может быть, и насмешкам, и оскорблениям, но в то же время не падайте духом и не страшитесь ничего, зная, что сила Божия совершается в немощи человеческой (ср.: 2 Кор. 12, 9), что Господь всегда готов подать Свою всемогущую помощь. Целуя Крест и Евангелие Спасителя нашего, твердо веруйте, что девятнадцать веков тому назад поруганная, окровавленная и к позорному кресту пригвожденная Божественная Истина воскресла со славой и с Собой воскресила весь мир, навсегда победив в самых глубоких тайниках ложь и зло. Аминь.

**Освящение храма во имя
преподобного Симеона Столпника
при больнице-приюте для монашествующих
в Даниловом монастыре¹**

30 декабря 1902 года

Сердечно приветствую вас, дорогие братья, с сегодняшним вашим торжеством освящения этого благолепного храма. Вам ли, посвятившим всю свою жизнь на служение Богу, говорить о великом значении храма для христианина; вы сами, конечно,

¹ [8].

глубоко понимаете и чувствуете все его значение. Я твердо уверен, что вы ныне с пророком Давидом внутренне восклицаете: *Коль возлюбленна селения Твоя — Господи сил* (Пс. 83, 2). Тем более, что ваш храм имеет особенное значение — он предназначается для иноков больных, старых, немощных, покончивших уже все расчеты с земною жизнью и ищущих лишь христианской кончины живота своего и доброго ответа на Страшном судище Христовом.

Для человека молодого, хотя бы даже и инока, жизнь представляется бесконечно длиною — ему все кажется, что он успеет исправиться, одуматься, отрешиться от пустой, суетной жизни и «собрать себя» по выражению святых отцов; и его годы, и крепость сил — все обещает ему долголетие, отвлекая его от единого на потребу, то есть от «спасения души своей». Для вас, дорогие други, уже не может быть этого самообольщения! Вы уже приблизились к пределу жизни человеческой: и ваши немощи, и болезни, и согбенный стан, и седые волосы — все громче слов вещает вам: «Будьте готовы! Се час близок, когда голос грозного Судии призовет вас к окончательному ответу!»

Конечно, каждый из вас этот двенадцатый час своей жизни употребит исключительно на заботу о своей душе. Чтение Священного Писания и святых отцов, богомыслие, а главное — молитва, возможно частое причащение Святых Таин, плач и сокрушение духа — вот ваши главные, или правильное сказать, ваши единственные занятия.

Понятно после этого, какое великое значение имеет для вас храм Божий!

В нем сосредоточено, можно сказать, все, чем вы живете, — все ваши радости и утешения.

Искренно желаю вам, братие, провести это оставшееся время с пользою для души, дабы вы могли вместе с святым апостолом Павлом сказать: *течение скончах, веру соблюдох, прочее убо соблюдается мне венец правды, его же воздаст мне Господь в день он* (2 Тим. 4, 7–8).

О! поверьте мне, что многие знатные и богатые люди, обуруемые заботами житейскими, готовы вам позавидовать, вам бедным и немощным!

Возблагодарим же Господа Бога за Его милость и вознесем молитвы за нашего благоднейшего архипастыря, Высокопреосвященнейшего митрополита Московского Владимира, по любви, усердию и мысли которого воздвигнуто это прекрасное больничное здание и обновлен этот чудный храм.

Вознесем также молитву за всех благоукарасивших его. Да возлюбит Господь возлюбивших благолепие Дому Своего. Аминь.

— 1903 —

О святом храме¹

*В 35-ю годовщину Императорского лица в память цесаревича Николая
В храме лица (после литургии)
13 января 1903 года*

Сердечно приветствую вас, братие, с вашим сегодняшним праздником. Сегодня вы подводите итоги прошедшего трудового учебного года. Несомненно, что ваш лицей, обладая в полном изобилии всем, что дает нам новейшая европейская наука в многоразличных ее отраслях, имея блестящих преподавателей, открывающих вам в чудной, увлекательной форме научные тайны, покажет нам блестящие итоги своей минувшей деятельности: чрез несколько минут мы убедимся в этом.

Но здесь, в храме Божиим, пред лицом Всемогущего Бога, пред алтарем, на котором только сейчас совершилась величайшая в мире тайна, я как служитель Божий молитвенно желал благоприятных итогов не только деятельности внешней, формальной — вашего ума, но и, главным образом, деятельности внутренней, сокровенной, сердечной, никому, кроме Бога и вас самих, неведомой.

Для того, чтобы этого рода деятельность была успешной, необходимо кроме постоянной внутренней работы над самим собой, борьбы со злом и пороком, гнездящимися в душе каждого человека, стяжать еще и дар молитвы, а для того, чтобы полюбить молиться, надо возлюбить храм Божий! И вот мое

¹ [9]. Опубл. в: [40], с. 407–411.

вам искреннее пожелание в этот торжественный для вас день: любите храм Божий!

Храм Божий — это земное небо, это то единственное место на земле, где страждущая и скорбящая душа человека находит полное успокоение и радость.

Случалось ли вам заблудиться в мрачную осеннюю ночь в темном лесу? Не правда ли, вы чувствовали себя одинокими, жалкими, беспомощными и отдыхали только тогда, когда достигали родного дома, где близкие, дорогие вам лица с любовью встречали вас, обогревали ваше намокшее тело, предлагали вам радушное гостеприимство. Так же тяжело и неприятно чувствует себя человек-христианин вне храма Божия и находит отдохновение лишь во время богослужения.

В самом деле, в мире явно или скрытно люди часто движутся гордостью, самолюбием и другими страстями. Здесь, иными учеными уже открыто проповедуется, что в мире существует лишь один закон — борьбы за существование, что человек — зверь, что имеет право жить только сильный, а слабый и больной должен быть уничтожаем, что иного нравственного закона, кроме наших похотений, нет, и человек без удержу может отдаваться всем своим страстям и порокам. Другие же, лицемерно прикрываясь словами любви и добродетели, в то же время преследуют свои низкие себялюбивые цели. И человеку, который привык осмысливать свою жизнь, углубляться во все его окружающее, человеку с нежною душой, чистым сердцем, с высокоразвитым религиозным чувством, было бы подчас невыносимо жить на свете, если бы он не находил отрады, успокоения и утешения в храме Божием.

Здесь исповедуется иное, чем в мире, начало жизни — начало смирения, любви и самопожертвования; здесь одна истина, одна правда. Об этом свидетельствуют: Священное Писание, читаемое в храмах, священные песнопения, воспеваемые в них, священнодействия, в них совершаемые, лики святых, изображенные на святых иконах.

Мы видим целые сонмы, тысячи тысяч святых в самых разнообразных подвигах, прославлявших имя Божие и Его святой закон, святых апостолов, одухотворенных силою Духа Святого, проходивших в мире с проповедью Слова

Божия; они претерпевают всевозможные лишения, оскорбления, насмешки и, наконец, смерть с великой радостью за имя Христово.

Сонм мучеников, — от малолетних младенцев и юных дев до дряхлых старцев, с блаженством идущих на самые утонченные муки от языческих властителей за Христа; их святою кровью облиты первые алтари христианские и на их святых костях созидаются и доныне святые престолы.

Сотни тысяч преподобных отцов и матерей, претерпевая телесные лишения, углублялись в такие неизмеримые глубины человеческого духа и поднимались на такую высоту мысли и чувства, какие недоступны и непостижимы для обыкновенного человека.

Сонм святителей Христовых, «вселенских светильников», как их именует Святая Церковь, соединивших в себе и высокую внешнюю философскую ученость с величайшим богословским умозрением.

Здесь в сонмах ангельских мы видим Пречистую Деву, возвеличенную паче чинов ангельских, молебнo простирающую руки к Сыну Своему за всех скорбящих и страждущих.

Здесь видим Начальника нашего спасения Господа Иисуса; вся Его земная жизнь, страдания, крест, смерть, Воскресение и славное Вознесение, подъятые ради нашего спасения, как бы совершаются пред нашими глазами.

И ныне, как тогда, во время Своей земной жизни, Он непрестанно взывает к нам: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененныя, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28).

Видя такое соединение земного с небесным, имея вокруг себя такой облак свидетелей торжества веры христианской, в усердной молитве непрестанно сообщаясь с ними и получая чрез них и священнодействия благодатную помощь с неба, христианин чувствует себя сильным и бодрым на всякое доброе дело, чувствует себя примиренным со всякою скорбью, со всяким страданием.

Войдите в церковь Божию, взгляните, всмотритесь в молящихся в ней, и вы сами уразумете это сердцем. Вот, например, на коленях стоит мать, потерявшая горячо любимого ребенка; все ее существо выражает страдание.

Кто может ее успокоить и утешить?

Никто, кроме Того, кто недаром именуется Утешением скорбящих, Надеждою отчаявшихся!

А там — кто это прячется в толпе, — уродливое, больное существо, мало похожее на человека, — больной калека, искривленный, горбатый, слепой. Мир проповедует уничтожение таких людей, они презренны в глазах мира, а для Господа — они любимые дети; Он их утешает и успокаивает и веселит их надеждой на блаженную жизнь в Царствии Небесном.

Но телесные страдания, но внешние потери не так ужасны, как внутренние муки возмущенной совести.

Вон там, — на пороге храма, стоит современный мытарь, бури душевные раздирают его сердце, отчаяние готово захватить всего его, а злой демон-искуситель шепчет ему в уши соблазнительные речи о прекращении страданий самоубийством. Но вот, до слуха его, может быть, и случайно зашедшего в храм, коснулось слово любви Божественной: его сердце раскрылось, подобно тому, как открывается цветок при лучах солнца, благодатная помощь свыше снизошла в него и вмиг сделала новым человеком, истинным христианином. Да и всякий из нас в нашей жизни испытал и знает, что самые лучшие и святейшие минуты, когда мы чувствовали себя близкими к Богу и к небу, — было время проведенное в храме Божиим, особенно же во дни покаяния, во дни таинственного соединения с Божеством — в причащении Святейших Тела и Крови Христовых.

Да и как бы ни старался неверующий человек измыслить такое учреждение, которое заменило бы Церковь Божию, он никогда и ничего не придумает взамен ее, ибо Церковь Христова — не дело рук человеческих, а дело Божие, — здание, имеющее краеугольным камнем Самого Христа.

Любите же, дорогие дети, храм Божий, приобретайте с юных лет навык к молитве. Молитва сохранит вас от всякого зла, утешит вас во дни скорби и печали, даст вам силы на все добрые дела. Верьте, что я говорю вам — испытанное жизненным опытом. А кто из вас уже умеет молиться, кто из вас испытал и сладость молитвы за других, тот знает, что ничто на свете так не сближает людей, как искренняя, сердечная молитва.

И вот вы, чужие для меня и далекие, за несколько часов теперь стали близкими и родными, и пламенно молился я о всех вас!

Да просветит вас Господь Бог светом Своей истины, да соединит Он вас всех под одним победоносным знаменем Креста Христова, и да укрепляется в вас наша вера: вера отеческая, вера апостольская, вера Православная. Аминь.

**Речь при освящении здания для школы
и библиотеки-читальни
при Николаевской, в Толмачах, церкви¹**

*В церкви святителя Николая в Толмачах
26 января 1903 года*

Сердечно приветствую вас, братие и сестры о Христе, с вашим сегодняшним торжеством открытия у вас этого чудного здания церковно-приходской школы. И в какое многозначительное время оно совершается!

В то время, когда в нашем многошумном городе особенный разгар всякого рода увеселений, и люди, мало или вовсе не думающие о Боге и Святой Церкви с ее установлениями, жадно им предаются, Святая Церковь, братие, начинает постепенно готовить нас — детей своих — к Великому посту, призывая всех к покаянию.

Время Великого поста — святые дни, дни усердной, горячей молитвы, самоуглубления, преимущественной и с Божиею помощью победной борьбы с грехом, дни чудных богослужений, полных святой прелести церковных песнопений!

О, как дороги, как милы они всякому христианину, воспитанному в духе Святой Церкви!

В эти дни как бы светлеют наши духовные очи, яснее начинаешь понимать все окружающее тебя, бодрее смотришь в будущее, с большею любовью и сердечностью относишься к ближнему, с более живой и горячей верой молишься Богу.

О, дорогие дни Великого поста, ничто не заменит вас для нашего сердца.

¹ [11].

И как мучительно и больно становится за тех людей, которые, с детства воспитанные вне Церкви, не понимают и не чувствуют их глубокого смысла и значения, как не может видеть слепой красок, не может слышать глухой музыки, не может понимать грубый и бесчувственный человек красоту природы.

И вот в этот-то многозначительный день церковного года и совершается освящение вашей церковно-приходской школы!

Не указывается ли этим самым цель и назначение ее: воспитывать этих детей в духе любви к своей матери — Святой Церкви — с самых ранних лет, знать ее обряды, богослужения, молитвы и песнопения, понимать их духовную прелесть, постепенно проникать в их глубокий смысл, дабы, сделавшись взрослыми, они в храме Божиим, в нем одном, находили себе и утешение, и радость, и одобрение, и исцеление от душевных недугов.

Пусть весь смысл жизни заключается для воспитанников этой школы в стремлении к христианскому совершенству, иначе сказать, — к подготовке себя к будущей, вечной, блаженной жизни!

Должно твердо помнить каждому из нас, что, хотя народная мудрость и говорит, что ученье — свет, а неученье — тьма, но ведь только то ученье — свет, только та наука светит нам, как путеводная звездочка, которая учит нас, как надо жить, чтобы достигнуть Царства Небесного!

Ведь наша жизнь временна и скоротечна; как цветок полевой, так скоро и мы увядаем; несчастья, скорби, болезни подстерегают нас на каждом шагу, все вызывает к нам: «Не здесь жизнь, а там, на небе; здесь лишь призрак жизни, здесь лишь приготовление к вечности; будьте готовы: се, смертный час близок!»

Недаром Священное Писание говорит нам: *Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. 7, 39). Недаром Святая Церковь заповедует нам каждый вечер, отходя ко сну, молиться этой чудной молитвой: «Владыко Человеколюбче, не ужели мне одр сей гроб будет, или еще окаянную мою душу просветиши днем»¹.

¹ Молитвы на сон грядущим: молитва святого Иоанна Дамаскина.

Приступайте же к вашему святому делу не с фарисейской гордостью, а со смирением мытаря, возлагая надежду не на свои слабые силы, а на помощь и милость Божию.

Возблагодарим молитвенно и всех потрудившихся в созидании этого училища просвещения и, прежде всего, помянем усопшего раба Божия, отца протоиерея Димитрия¹. Да упокоит Господь с праведными его душу.

Примите от меня грешного в благословение эту святую икону Пречистой Девы Марии, и да укрепляет Матерь наша Небесная Своею помощью всех, здесь учащих и учащихся. Аминь.

Средство приобрести смирение²

В неделю о блудном сыне (за литургией, в воскресенье)

2 февраля 1903 года

В прошлое воскресение Святая Церковь призывала нас к смирению, ныне в евангельской притче о блудном сыне (см.: Лк. 15, 11–32) она указывает нам средство приобрести смирение.

Смирение приобретается чрез покаяние. *Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро* — так взывает к нам Господь устами святого пророка Исаии (Ис. 1, 16–17).

«Грешник, опомнись, покайся, возвратись к своему Отцу Небесному. Его объятия открыты и готовы с любовью принять тебя», — так взывает к нам Сам Господь Иисус Христос в слышанной нами сегодня притче.

Притча о блудном сыне! Как много говорит она сердцу каждого из нас! В самом деле, кто из нас может похвалиться святостью и чистотою, кто из нас может сказать, что он не запятнал грехами своими белой одежды крещения? Справедливо говорит покаянная молитва, читаемая пред Святым Причащением: «Киими не растлихся грехами!..»

¹ Протоиерей Димитрий Федорович Касицын скончался в декабре 1901 года.

² Машинопись.

Но, бедный грешник, не предавайся унынию, пусть печаль твоя о грехах соединяется с надеждой на помилование от Бога! Слышишь ли, как Он взывает к тебе устами возлюбленного Сына Своего: «Большая радость бывает на небе об одном кающемся грешнике, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (ср.: Лк. 15, 7)!

Конечно, самое безопасное было бы для нас никогда не удаляться из дома Отца Небесного на свободу. Но, увы, манит и влечет к себе человека эта свобода — без удержу предаваться своим страстям и похотям, жадно опьяняться из чаши всевозможных наслаждений, не признавать никакой воли, никакого авторитета, кроме своих желаний. Особенно в юные годы, когда и крепость сил, и не растраченное еще здоровье, и блеск очей, и румянец лица, — все обещает долголетие, а злой демон-искуситель шепчет в уши соблазнительные речи: «Еще успеешь покаяться, успеешь опомниться, успеешь бросить рассеянную жизнь и пожить для Бога и ближних».

Шепчет это он ему, или непосредственно внушая эти мысли, или посредством неверующих людей и современной литературы, в которой, впрочем, даже нет обещаний покаяния в старости, ибо воля человека признается единственным нравственным мерилom его поступков.

И, увы, послушался бедный, слабый человек этих злых искушений, упал один раз, а затем еще. Все ниже и ниже падает в нравственном отношении — до полного искажения образа Божия в себе, не только уподобляясь, по выражению церковной песни, скотам несмысленным¹, но даже превосходя их. И вот он уже лежит в бездне, — никакого просвета, одна тьма, один мрак. Какие-то зловещие призраки шепчут ему злые речи, навевая в душу холод отчаяния, настойчиво напоминая о самоубийстве. Полное нравственное банкротство! Нет сил ни телесных, ни душевных, — все изжито, все безумно растрчено. И вот здесь-то и приходит на помощь благодатная сила Божия.

Вдруг, сквозь эти мрачные тучи отчаяния, является проблеск надежды: «Пойду к Отцу моему Небесному, выплачу

¹ См.: Канон Иисусу Сладчайшему, 8-я песнь, 2-й тропарь.

перед Ним все свое горе, чрез духовника своего поведаю Ему о своей крайней нравственной нищете, с плачем скажу Ему: „Отче, я недостойн называться Твоим сыном, сделай меня Твоим слугой! Как мытарь взываю к Тебе: милостив буди мне грешному! Как блудница проливаю слезы. Боже мой, в бездне греховной валяясь, неисследную милосердия призываю бездну...”»

И вот милосердый Господь, как чадолюбивый Отец, принимает к Себе кающегося грешника — не как наемника и слугу, а как самого дорогого, преданного Ему сына. Он прощает ему грехи, Он питает его Своими животворящими Телом и Кровию, Он радуется его возвращению вместе с ангелами на небе. И вот иногда этот покаявшийся грешник, с помощью благодати Божией и своего искреннего желания, становится не только добрым истинным христианином, но и руководителем ко спасению душ своих ближних, по слову апостола Павла: *Сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. 2, 18).

Таково, братие, действие благодати Божией!

Несколько дней тому назад был у меня батюшка отец протоиерей Иоанн Кронштадтский. В беседе со мною он, между прочим, сказал: «О! Я глубоко верю во всемогущее действие благодати Божией в Церкви, я видел поразительные действия благодати Божией и на себе самом, и на людях самых разнообразных характеров».

Возблагодарим же Бога, братие и сестры, за то, что мы живем в Святой Православной Церкви, и будем твердо хранить нашу Святую Православную веру!

Ныне празднуется еще великий праздник Сретения Господня. Вы знаете, что в Сретении Господа Его окружают, с одной стороны Симеон — муж великой праведности, и великая подвижница и молитвенница Анна, с другой стороны — чистейшая Дева Богоматерь и смиренный, преданный воле Божией, святой праведный Иосиф. Носители всех величайших добродетелей окружают Господа.

Постараемся и мы в грядущий Великий пост приобрести эти добродетели: праведность, воздержание, молитву, чистоту душевную и телесную, смирение и покорность воле

Божией. Тогда и мы встретим Господа не приносимого, но Самого грядущего в наше сердце, и великою радостью возрадуемся, и *радости нашей никтоже возмет* от нас (ср.: Ин. 16, 22). Аминь.

О христианском воспитании детей¹

*В день открытия Московского промышленного училища
императора Александра II (по окончании молебна)
24 февраля 1903 года*

Сегодня мы присутствовали при знаменательном явлении в жизни города Москвы. Призываю Божие благословение на новую жизнь нового учреждения. Поздравляю всех — и потрудившихся в этом деле, и только что пришедших разделить нашу радость этого светлого торжества. Что же пожелать в этот день этому учреждению? Какое мне, как пастырю, преподать вам назидание? От всего сердца молитвенно желаю, чтобы отсюда выходили люди не половинчатые, а целые; не просто интеллигентные, как принято говорить, но вполне воспитанные в духе Православной веры и любви к своей Родине русские граждане. И мы искренне надеемся, что именно в этом учебном заведении, основанном в память незабвенного благочестивого Государя императора Александра II, руководители его, не поддаваясь общей сумятице последнего времени о переустройстве системы воспитания и образования, будут твердо помнить вещее слово царственного внука, еще так недавно раздавшееся: «Желательно, чтобы не было забыто религиозно-нравственное воспитание юношества». В этих немногих словах сказано все!

Но могут спросить: сможет ли светская школа со светскими преподавателями светских наук содействовать христианскому воспитанию? О, конечно, возлюбленные братие, может и должна! Будем лишь сами усердно работать над собой. Поверьте же, что тот дух, которым движется сам воспитатель, незаметно, без слов, таинственным образом передается всем учащимся. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Подобно тому как человек, выходящий из комнаты, пропитанной благовонными

¹ [10]. Опубл. в: [40], с. 411–413.

духами, весь проникнут этим благовонным запахом, так и выходящий из благочестивого семейства весь проникнут духом христианского благочестия». И, с другой стороны, никакие науки, никакие книги, никакие старания не принесут пользы в нашем воспитательном деле, если, прежде всего, не будем показывать пример своей собственной жизнью. Один схимник сказал молодому монаху, назначенному воспитателем духовного учебного заведения: «Поверь, сын мой, что ты можешь сделать истинного добра столько, сколько его может заключаться в твоей душе — ни больше, ни меньше». Если воспитатель проникнут христианским духом, то он в каждой науке видит для себя нечто поучительное.

Разве классическая древность, например, не рассказывает нам много назидательного о стремлениях древних людей хотя ощупью познать истину? Не рассказывает ли она нам о том, как и тогда теплилась искра правды Божией среди суеверий, как языческие философы сознавали великую истину о познании самого себя? Не чувствуется ли в правилах нравственности (законодательных наук), заповеданных ими же, приближение христианства? И как все же их идеалы добра и любви мелки и ничтожны пред образом вечного Добра и вечной Любви, пригвожденной ко Кресту, поруганной и облитой кровью, с него молящейся за всех злодеев: *Отче, отпусти им, не введи бо что творят* (Лк. 23, 34)!

А литература светская разве не изображает нам погоню человека за призрачным земным счастьем и неудачные попытки достигнуть его? Не изображает ли она с полной очевидностью, как ложь человеческая падает пред правдой Божией и как бедный, слабый человек крепкими цепями привязан к земле, плачет и тоскует о потерянном рае? А наука? Земля и небо, сотворенные Богом, *вечную силу Его и Божество* (Рим. 1, 20).

Указывайте же, возлюбленные воспитатели, в чем заключается высшая цель человеческой жизни; указывайте же вашим питомцам, что за этим голубым небом, за этою прекрасною землею есть новая земля и новое небо, в которых живет правда Божия (ср.: 2 Пет. 3, 13) и которых гражданами должны сделаться все христиане.

Дай же Бог, чтобы и в вашем учебном заведении, и во всех учебных заведениях России именно в этом духе, в духе христианской Православной веры, велось воспитание, ибо в этом заключается залог благополучия нашего Отечества не только в настоящем, но и в далеком будущем.

Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя¹. Аминь.

Беседа, сказанная на пасхальном вечере

*В Московском Епархиальном доме
6 апреля 1903 года*

Господи! Если кто из настоящего собрания очами своей веры узрел Тебя сейчас, как Воскресшего Спасителя, то останься с ним до вечера его жизни! Останься, Господи, останься с ним, останься со мной, останься со всеми нами!

Такою молитвою закончил свою беседу наш владыка и можно с уверенностью сказать, что каждый из нас с полной искренностью и сердечной горячностью присоединился к ней.

В самом деле, если бы мы в душе своей всегда имели бы «в неприступном свете Воскресения Христа блистающаяся и радуйтесь — рекуща», если бы мы, иными словами, всегда жили тем радостным настроением души, которое мы переживаем в настоящие дни, — о! как светла и радостна была бы наша жизнь!

Но увы! Мы испытываем эту радость только в пасхальные дни, а затем снова будничная жизнь станет обуревать нас своими страстями, злобой, ненавистью, леностью в молитве и другими.

Что же нам делать, чтобы эта радость постоянно пребывала в нашей душе? Припомним, братие, некоторые события первого дня Воскресения Спасителя. Вот окончилась Пасхальная Суббота. Раннее утро. Еще совсем темно. Все в Иерусалиме покоятся глубоким сном. Нет, не все! Несколько

¹ Слова, произносимые архиереем при благословении молящихся во время пения «Трисвятого» на литургии. Ср.: Пс. 79, 15–16.

благочестивых женщин спешат ко гробу Христа, чтобы помазать Его тело ароматами; они не отреклись от веры в своего Учителя и Господа; их не смутило, что Он, — их Бог, — поруган, распят на кресте, заключен в тесном гробе. И, о! какой восторг, какое счастье! Они встречают Самого Воскресшего Спасителя с радостным приветствием: «радуйтесь!» С восторгом падают к ногам Его, целуют их и, полные неизъяснимой радости, идут к ученикам и рассказывают им о том, что они видели Воскресшего Спасителя. Но той, которая особенно любила Христа, Он явился еще раньше. В то время, когда прочие женщины, увидав отваленным гробный камень, побежали к апостолам Петру и Иоанну сообщить им о сем, Мария Магдалина осталась у гроба. Душа ее разрывается от скорби, она изливает ее в горьких слезах; ее воображению рисуется, что враги спрятали куда-нибудь тело Господа Иисуса Христа, чтобы еще более надругаться над ним. Не видит она очами, отуманенными от слез, что к ней подошел Сам Христос.

«Женщина, о чем ты плачешь, кого ты ищешь?» — спрашивает Он ее. Думая, что с ней говорит хозяин или садовник сада, она умоляет Его, говоря: *«господин, если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его»* (Ин. 20, 15).

«Мария!» — говорит ей Христос таким тоном, каким всегда говорил Он ей. Все ее существо обратилось на этот дорогой призыв, она поняла, что перед ней стоит Христос. «Раввун-Учитель!» — с великим восторгом восклицает она и падает к Его ногам.

Вынесем, братие, себе урок из этого повествования. Будем хранить верность Христу, подобно женам-мироносицам: исповеданием веры в Него твердым, неуклонным; не усташимся и не устыдимся всегда исповедывать имя Христа, помня Его слова: *Иже кто постыдится Мене и Моих словес, в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын Человеческий постыдится его, егда придет во славе Отца Своего со Ангелы святыми* (Мк. 8, 38). Будем хранить Ему верность чистотою нашей жизни, чтобы через нас не хулилось и прославлялось святое и достоклаемое имя Христа, как Он Сам заповедует нам в Святом Евангелии: *Тако да просветится свет ваш пред*

человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех (Мф. 5, 16).

Будем любить Христа всем сердцем, подобно Марии Магдалине, будем выражать эту любовь не на словах лишь, а в самых делах наших, посещением хотя в праздничные дни Его храма, истинно благоговейным предстоянием в нем, добрыми мыслями и чувствами, прилежным чтением Священного Писания. Последнее условие очень важно. Вот вы слышали из уст нашего Владыки евангельское повествование о том, как Господь Иисус Христос явился двум ученикам Своим, шедшим из Иерусалима в Еммаус. Обратили вы внимание, — когда открылись их очи и — они узрели в лице Своего Спутника — Своего Учителя и Господа? Не прежде чем раскрылись их сердца и возгорелся их дух от слушания Священного Писания, которое по дороге толковал им их Божественный Учитель!

Таким образом, если мы будем хранить всегда верность Христу: ни словом, ни делом, ни мыслию не изменяя Ему; если мы будем любить Господа, выражая свою любовь не в словах лишь, а и в делах, если мы будем читать и изучать Священное Писание, углубляясь в него не умом только, а и сердцем, тогда и мы, подобно мироносицам и апостолам, будем всегда чувствовать светлую радость в своей душе, как бы сердечными очами созерцая Божественного Учителя, и эта радость предохранит вас от всех соблазнов греха, который обольщает человека лишь на короткое время, а затем оставляет горький осадок в его душе, болезненное впечатление совершенного постыдного дела.

И не только здесь, на земле, будете испытывать эту радость, но понесете ее на тот свет, в невечерние дни царствия Воскресшего Христа.

Будем же, братие, усердно работать над собой и в горячей молитве молиться о сем Господу: «Милосердый Господи! Ради нас грешных ныне Воскресший из мертвых, не покидай нас ни на одну минуту! С Тобой мы сильны на всякое доброе дело, без Тебя мы слабы, ничтожны, немощны! Останься же с нами со всеми до вечера нашей жизни!» Аминь.

При возведении в сан игумена наместника Богоявленского монастыря отца Ионы¹

18 мая 1903 года

Сердечно приветствую тебя, возлюбленный брат, с саном игуменским! Сегодня по благословению высшего священноначалия ты выдвинут из ряда обыкновенных священников и украшен особою честью.

Какие же надежды возлагает на тебя Святая Церковь, облакая тебя так быстро и неожиданно, по собственному твоему сознанию, честью игуменства? Если ты вдумывался когда-нибудь в значение слова «игумен», то ты сам ясно понимаешь, какие обязанности возлагаются на тебя твоим новым званием. Игумен — слово греческое и означает «предводитель отряда воинов»; слово «игумен» также употребляется в значении «пастух, пасущий стадо». То и другое значение указывает на начальственное положение лица, облеченного в этот сан.

В духовном смысле значение этого слова еще шире: игумен — не просто начальник; он и воспитатель душ вверенных его управлению иноков, ведущий их в Царство Небесное. Значит, не внешним только образом он управляет ими, назначая послушания, требуя внешнего благоповедения от братии, но и духовный начальник, зорко следящий за их внутренней духовной жизнью, глубоко проникающий во все изгибы их душ, радующийся, как отец, их духовному преуспеянию, глубоко скорбящий об их греховных болезнях, сострадающий их скорбям, непрестанно возносящий пламенную молитву о них Господу Богу, как о самом себе. Его личная жизнь должна быть неотделима от жизни братии, или, лучше сказать, для него и не должно существовать личной жизни; он должен, по слову апостола, быть для всех всем, чтобы спасти хотя бы некоторых (ср.: 1 Кор. 9, 22).

Он должен быть, по слову Самого Господа, слугою всех, примером и образцом во всех добродетелях. Понятно поэтому, каких высоких, каких великих добродетелей должен быть человек, украшенный званием игумена. Он должен иметь,

¹ [13]. Опубл. в: [40], с. 403–407.

собственно говоря, все христианские добродетели, или, вернее сказать, ту одну добродетель, в которой соединяются все остальные — христианскую любовь. Не мнимую светскую любовь, которая выражается в любезных ласковых словах, да разве еще в делах холодного, внешнего милосердия, а ту самую самоотверженную любовь, которая, по слову Спасителя, *душу свою полагает за други своя* (Ин. 15, 14), которая во всяком человеке, хотя бы великом грешнике, видит образ и подобие Божие и не горьким словом упрека встречает слабости и немощи человеческие, но все их несет на себе; та любовь, которая заставила одного преподобного начальника иноков с дерзновением и молитвою взывать ко Господу: «Господи, если я обрел благодать у Тебя, если я достоин Царствия Небесного, то вели и моим детям духовным идти со мною, а без них мне и в раю будет скорбно».

Конечно, кто из нас может похвалиться такой великой добродетелью, поистине мы можем сказать словами св. апостола Павла: *Я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова* (2 Кор. 12, 9). Но стремиться к достижению совершенства должен всякий из нас, христиан, а особенно иноков, полагающих задачу своей жизни в нравственном совершенствовании.

Ревнуй же, возлюбленный брат, о приобретении этой добродетели, работай над собой, борись с восстающими на нас греховными помыслами, особенно с помыслами гордости, тщеславия, жестокости, молись непрестанно, и благодать Божия, немощная врачующая и оскудевающая восполняющая¹, да уврачует твои немощи и да восполнит недостающие в тебе совершенства. А я, как человек, уже немало лет знающий тебя как доброго инокa, искренно ревнующего о своем спасении, со светлой надеждой взираю на тебя и верю, что ты вполне заменишь меня, обремененного многими трудами и немощами, в управлении возлюбленной нашей братией.

Еще несколько слов. Наша обитель занимает особое положение сравнительно со многими другими; она находится не где-либо в пустыне, а среди многошумного, многомятежного

¹ Слова из молитвы при хиротонии.

столичного города; и это самое ее положение налагает на нее особенные обязанности. Именно она существует не только для иноков, а отчасти и для мирян.

Смотри, какое множество народа собралось сегодня в храм Божий! И ты знаешь, что в праздники храмы наши всегда полны молящихся; а бывают дни, когда наш обширный собор не в состоянии вместить всех богомольцев.

Почему же русский православный народ по преимуществу любит молиться в святых обителях? В ответ на этот вопрос сделано такое сравнение. Подобно тому, как среди бурных, бездонных, готовых каждую минуту поглотить неосторожного путника морей и океанов, там и сям разбросаны острова, на которых спокойно и привольно чувствует себя достигший их путник, наслаждаясь сознанием, что он, наконец, на твердой суше и не подвергается опасности быть поглощенным морской бездной; точно так же, думаю, чувствует себя мирянин в благоустроенной обители. Твердый чин церковный, во всей целости и во всем благолепии сохраняющийся с древних времен по преимуществу в святых обителях, истовое осмысленное чтение, воодушевленное пение древних церковных напевов, убежденная проповедь Слова Божия, основанная на святых отцах, учителях Церкви — вот что, с одной стороны, привлекает к нам богомольцев. А с другой стороны, каждый из них сознает, что все это общество иноков, каковы бы ни были их личные недостатки, соединено одним духом любви ко Господу Богу, одушевлено твердою верою в истинность и непоколебимость Святой Церкви, зиждется на тех же твердых началах иноческой жизни, на каких основано было первоначальное монашество.

Вот что привлекает в святые обители народ православный; вот почему иные приходят издалека с некоторым даже принуждением себя. Здесь они отдыхают душой, умиротворяются и успокаиваются после всевозможных мирских соблазнов, бурь лжеучения, взаимно противоречащих друг другу, словом сказать, после мирской жизни — неустойчивой, шаткой, маловерной, преданной призрачным интересам минуты, тщеславной, постоянно колеблющейся между добром и злом, унывающей и отчаивающейся.

Не будем же глухи и слепы к их духовным нуждам. Они просят у нас хлеба духовного — горе нам, если они получают от нас камень; от нас они просят примера в молитве и добрых делах — горе нам, если они вынесут от нас соблазн; они ищут у нас слова назидания — горе нам, еще не благовествуем (ср.: 1 Кор. 9, 16).

Словом сказать, горе нам, если вместо утешения и духовной радости они возьмут от нас разочарование, будут оскорблены в своих лучших чувствах, с горьким упреком к нам в своем сердце.

Скажу же тебе словами апостола Павла, сегодня читанными: «Внимай себе и всему стаду» (ср.: Деян. 20, 28). Воспитывай и самого себя, и вверенных твоему попечению братий в чувствах веры и любви к Богу и ближним. Я же буду непрестанно воссылать к Господу Богу усердную молитву о нашем общем духовном преуспевании и с этой же просьбой обращаюсь к тебе, возлюбленный отец игумен, а в залог этого молитвенного общения прими сию икону нашей любвеобильной Небесной Матери и Ее Божественного Сына.

О, милосердный и человеколюбивый Господи, по неложному Твоему слову: *Идеже бо еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20), пребудь с нами во вся дни до скончания века! Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей и утверди и, егоже насади десница Твоя.

В Александрo-Маринском институте имени кавалерственной дамы Чертовой в день акта¹

24 мая 1903 года

Итак, заканчивается ваша школьная жизнь, дорогие сестры, и с сегодняшнего дня вы делаетесь уже самостоятельными, взрослыми людьми. Конечно, большинство из вас, а может быть, и все даже, радуется светлой радостью при этом сознании. Кто из нас, учившихся некогда, не испытывал этих чувств... Но не ошибусь, кажется, если скажу, что это чувство омрачается, хотя, может быть, мимолетно, какой-то

¹ Опубл. в: [40], с. 413–416.

набегающей на душу печалью, как на ясное небо иногда набегают облачко. Набежит и исчезнет, а потом снова набежит. Откуда же это чувство печали? От сознания неизвестности будущего. Теперь дана свобода, но какое употребление из нее сделаете — это неизвестно, и это вас страшит. Ведь навряд ли найдется в наше время много легкомысленных девиц и юношей, которые, видя окружающие их страдания, скорби, болезни, считали бы, что жизнь полна лишь всевозможных развлечений и удовольствий, и они созданы лишь для того, чтобы веселиться. Жизнь, конечно, скоро образумит подобных безумцев, и они горьким опытом поймут, что жизнь не забава и не шутка.

Дальнейшее направление вашей жизни зависит от того мирозерцания, которое вы здесь выработали себе. Оно укажет вам тот путь, по которому вы пойдете. Есть два жизненных пути, ведущих к различным целям: цель одного — я; цель другого — Бог. Иными словами, один человек исключительно стремится каким бы то ни было образом достигнуть личного счастья, это путь язычника; другой человек во имя религиозного долга отказывается от него — это путь христианина. Путь себялюбия и путь самопожертвования — других путей нет. В чем же заключается христианское самопожертвование? Оно не в блестящих кратковременных подвигах, а в постоянной борьбе с самим собою, в постоянном побуждении себя к доброму делу ради любви ко Господу и ближнему, в самом бдительном наблюдении не только за своими поступками, но даже за мыслями при свете Слова Божия, в развитии своих лучших, благородных чувств и в подавлении всего злого, нечистого, тщеславного, гнездящегося в нашем сердце, молитвой и постом. Этот путь тяжел, но при благодатной помощи Божией он изобилует необыкновенно светлыми, радостными минутами высокого духовного подъема: чувствуешь Бога в своем сердце, ясно сознаешь слова Спасителя, сказанные Им во время земной жизни: дерзайте, не бойтесь... *се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Не думайте, что подобного рода примеры самопожертвования встречаются очень редко, что они почти невозможны в нашей жизни. В самой обыкновенной, будничной жизни встретим много их.

Вот, например, мать, богатая, молодая, знатная. Пред нею раскрываются всевозможные развлечения, ей доступны все самые утонченные великосветские удовольствия, а между тем ради религиозного воспитания своего ребенка она отказывается от всего, удаляется в детскую и дни и ночи проводит со своим ненаглядным дитятей. Ей не только не наскучат постоянные заботы и труды; нет, они ей бесконечно дороги и милы; она ощущает в сердце светлую радость и никогда не променяет ее, конечно, на все блага мира. А не приходилось ли вам встречать молодых девушек, сестер милосердия, например, с великой христианской любовью ухаживающих за самыми ужасными больными, не гнушающихся никакими ранами, с необыкновенным терпением переносящих все раздражительные, капризные выходки страдальцев.

А как часто приходилось мне видеть в моей жизни молодых инокинь, в мирской жизни изнеженных, не привыкших ни к какому труду, исполняющих самые тяжелые послушания, не гнушающихся никакой работой, удивляющих своим поведением и смирением, покорностью и кротостью самих инокинь-простолудинок.

Да и на всех ступенях общественной лестницы среди лиц всевозможных положений можно видеть людей строго религиозного долга. Теперь спросите их, довольны ли они своей жизнью, не желали ли они переменить свою жизнь на жизнь светскую, полную временных развлечений? Спросите их, считают ли они свою жизнь скучной, вялой, однообразной? Они вам ответят, что напрасно вы думаете, что их жизнь скучна и однообразна. Она полна светлых и чистых небесных радостей, пред которыми жалки и ничтожны все обольщения мира. И чем больше работают они над собой, тем глубже проникаются этим духовным началом, тем всерадостнее и светлее делается их жизнь!

Но посмотрите на тех, которые жили только для себя! Какое горькое разочарование ожидает их: прошла молодость, изменили силы, обманули люди, а главное — постигло разочарование в самом себе. Все то, что казалось таким доступным, ясным и очевидным, оказалось простым миражом; все то, к чему стремились, дало обратные результаты; и те же

страсти, только с несравненно большею силою, продолжают жить в душе, и негде искать помощи, ибо нет веры!

Итак, вот вам два пути. На них указал Сам Спаситель: путь широкий ведет в пагубу, а путь тернистый — в Царство Небесное (см.: Мф. 7, 13–14). О, как искренно молитвенно желаю я вам идти этим последним путем! Пусть вашей путеводной звездой будет Святое Евангелие. Если вы всегда будете следовать за этой звездой, то никогда не собьетесь с истинного пути. Примите же от меня эту путеводную звезду всякого христианина, и да просветит вас Христос — Свет истинный, просвещающий и освящающий всякого человека, грядущего в мир, всех — и вас, вступающих в жизнь, и нас, прошедших большую половину жизненного пути, — светом заповедей Своих, молитвами Пречистыя Своея Матери и всех святых. Аминь.

На торжествах в Иверской Выксунской обители 7–9 июля 1903 года¹

*В Иверском храме (приветствие сестрам по прибытии в обитель)
7 июля*

Возлюбленные сестры!

Вот уже пять лет прошло, как я не был здесь. Малое время провел я тогда среди вас, но многому научился: ваша простота, ваша строгая подвижническая жизнь, взаимная любовь друг ко другу и к вашему старцу, дорогому батюшке отцу Варнаве, ваша заботливость о ближних, о заблудшихся от правых веры братьях, попечительность о болящих, — все это произвело тогда отрадное впечатление на меня. Когда меня спрашивали: где можно научиться истинно христианской жизни? — я всегда указывал на вашу обитель, я говорил: в Иверском монастыре.

Давно мое сердце стремилось к вам, но за моими многосложными обязанностями служебными я не мог доселе посетить вас. Волею Божиею настал, наконец, этот желанный час, я опять среди вас, возлюбленные сестры, и чувствую себя здесь так же хорошо, как в семье горячо любимой и любящей

¹ [14].

меня. Как отрадно было мне слышать от вашего батюшки, что я любим вами, что вы помните меня и молитесь за меня! Дорогие сестры! И тогда, когда я был простым человеком, я нуждался в ваших молитвах обо мне; а теперь, когда я выведен на средину, мне особенная належит нужда в вашей молитвенной помощи.

Стою я теперь пред вами, украшенный святительским саном, во всем благолепии первосвященника... а в сердце своем, в глубоких тайниках души моей я сознаю, что за эти пять лет разлуки с вами я ничего не приобрел для души моей, ничем не могу похвалиться, как только немощами моими. Потому паки и паки снова взываю к вашей любви, прося молитвенной поддержки вашей моему убожеству. Не своими словами, но гласом златословесного святителя обращаюсь к вам, возлюбленные сестры: о, помолитесь обо мне, чтобы Господь не лишил меня хотя самого малого снисхождения во Царствии Своем, Ему же с Пречистой Его Материю да будет честь и слава во веки. Аминь.

Любите храм Божий (в праздник Казанской иконы Божией Матери)

*После праздничной службы
8 июля 1903 года*

Дорогие сестры, уже часами считаю теперь оставшееся мне время пребывания среди вас. И в эти последние часы моего общения с вами в беседах хочу как можно более сказать вам, ибо, быть может, в последний раз нахожусь теперь здесь.

Что же сказать вам существенно важного, более потребного в жизни христианина? Скажу лишь то, что часто говорю самому себе и своим духовным детям. Дети, любите храм Божий! Более всего возлюбите это поистине земное небо, где всякой душе отрадно, хорошо. Но весьма тяжело ей вне общения с Церковью.

Случалось ли кому-либо из вас в темную осеннюю ночь заблудиться в глухом лесу? Как страшно, одиноко, тоскливо чувствуешь себя, пока не найдешь выхода из глуши и приюта в родной семье. Так же жутко и безотрадно на сердце неверующего.

Храм Божий — это тихая пристань среди бурных волн житейского моря. Люди мира сего живут по движению своих страстей: гордости, тщеславия, злобы, жестокости... В мире нередко открыто проповедуется право сильных, в силу которого требуется беспощадное истребление всех слабых, беспомощных; так открыто проповедуется полная свобода страстям человеческим.

Трудно, тяжело было бы жить там человеку с высокоразвитым религиозным чувством, с чистым и нежным сердцем, если бы не было для него успокоения в храме Божием, где постоянно слышит он призыв к жизни чистой, самоотверженной, по закону Христа Спасителя. И нигде не найдется столько облегчения и утешения страждущей душе человека, как здесь — в храме Божием.

Вот, например, мать-страдалица, которая только что лишилась своего единственного ребенка. Кто из людей может облегчить ее горе? — Никто. Тот Только силен избавить ее от скорби, Кто есть истинный Помощник и Утешитель всех скорбящих и озлобленных.

Или — вот там в углу храма боязливо прячется уродливое, обездоленное существо без глаз, без рук или ног, едва похожее на человека. Такие создания в презрении у детей века сего. А у Господа они самые любимые дети, которых Он утешает и помогает в скорбной жизни их. Здесь-то, в храме Божием, они и находят себе отраду и мир.

Или еще вот там на пороге храма стоит, поникши головой, современный мытарь. Буря отчаяния смущает душу его, а лукавый дух уже внушает обольстительный помысл разом покончить самоубийством всю эту тревогу и мучение нравственное. Но вот слуха его, может быть, случайно зашедшего в храм Божий, коснулось божественное слово любви и всепрощения, и душа его, доселе замкнутая в себе, раскрылась для неба, как раскрывается чашечка цветка под животворными лучами солнца.

И слово Божие, возвещаемое здесь, и эти святые лики сонма угодников Божиих, изображенные на стенах, учат жизни святой, богоугодной, образцами которой и были они сами.

Тысячи тысяч святых угодников разного возраста — от самых маленьких детей до дряхлых старцев — в разных

обстоятельствах своей жизни были верными исполнителями закона Божия, за который безбоязненно шли на самые утонченные мучения, но не отрекались от него и теперь достойно радуются на небесах. Да сподобит Господь и нас всех милости Своей в жизни будущего века. Аминь.

О памяти смертной **(наставление новопостриженным сестрам обители)**

*По окончании литургии
9 июля 1903 года¹*

Сердечно приветствую вас, дорогие сестры, с принятием ангельского чина.

Волею Божиею исполнилось, наконец, ныне ваше давнее горячее желание принять на себя чин ангельский с торжественными обетами всецело отдаться на служение Богу.

Радуются ныне ангелы на небесах, видя ваше благое прозвонение и бесповоротную решимость на жизнь по Богу; радуются и все сестры обители сей прибавлению своего духовного воинства; радуюсь и я, многогрешный, что сподобил Господь меня совершить и самый чин пострижения вашего.

Конечно, вы ждете теперь от меня слова назидания? Но что полезного могу сказать вам я, который сам не имею довольно свободы внимать себе за множеством забот и дел — вам, которых главное занятие состоит в молитве и послушании, вам, которые столько уже лет провели в спасительных стенах монастыря под руководством столь опытного и мудрого старца?! Скажу одно лишь то, что часто повторяю самому себе: дорогие сестры, храните в вашем сердце и уме память смертную. Это вернейшее средство идти неуклонно путем заповедей Христовых, согласно с данными вами ныне обетами. Память смертная возбуждает и укрепляет в нас стремление к жизни на небесах. Недаром же и Священное Писание, и все святые учителя Церкви, опытом познавшие всю спасительную силу памятования о смерти, предлагают нам это

¹ В этот день на литургии, перед чтением Апостола, преосвященный Трифон совершил чин монашеского пострижения над четырьмя послушницами обители.

спасительное средство избегать грехопадений. *Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши*, — говорит Слово Божие (Сир. 7, 39). Не напрасно и святой Златоуст в молитвах на сон грядущим спрашивает у Бога дарование памяти смертной: «Господи, даждь ми память смертную!» В целях усвоения себе памяти смертной составлена и эта известная вам прекрасная молитва: «Владыко Человеколюбче, не ужели мне одр сей гроб будет, или еще окаянную мою душу просветиши днем?»¹

Память смертная побуждает нас презирать все земное, холодно относиться и к радостям, и к печалям житейским, равнодушно переносить всякие оскорбления, презрение, насмешки, коими, как щетками, счищаются с нас тщеславие и гордость, которыми все мы заражены.

Память смертная роднит нас с сознанием, что мы странники на земле, и лучше нам спешить в отчизну, на небо. А туда достигнут только те, кто отрешился от пристрастия к земному.

Вы посмотрите на человека, в душе которого всегда хранится память смертная: как он благодушен и радостен даже среди самых скорбей, как он строг, безжалостен к себе и в то же время всегда готов прийти с помощью и утешением ко всякому скорбящему брату; как вся его внешность полна светлой радости и мира в надежде на блага будущей, а не сей жизни.

Совсем другое видим в человеке, пристрастном ко всему земному. Он помышляет, что будет вечно жить на земле, и потому старается возможно лучше устроиться здесь, а для этого уж не остановится ни пред каким преступлением; при малейшей неудаче или вообще неприятности он скорбит, раздражается; он обыкновенно бывает нетерпелив, угрюм и часто озлоблен.

Храните же в себе, возлюбленные сестры, память смертную; с нею смело пойдете и вы тем тесным, прискорбным путем, коим весело шли к небу все преподобные и праведные, и Сам Господь, призвавший вас на служение Себе, поможет вам понести до конца Его благое иго и легкое бремя. Аминь.

¹ Молитва святого Иоанна Дамаскина на сон грядущим.

**В день годовщины Братства святителя Петра,
митрополита Московского, произнесенная
на общем собрании Братства¹**

24 августа 1903 года

Сердечно приветствую вас, отцы и братие, с сегодняшним нашим праздником — годовщины нашего Братства, вместе с тем, усердно благодарю всех наших дорогих гостей, почтивших наш праздник своим присутствием.

Из прочитанного отчета наши собратия и гости могли увидеть итоги деятельности нашего прошедшего года, могли увидеть, что благодатною помощью нашего покровителя — святителя Петра — мы делали, что было в наших силах, и если был некоторый успех в нашей деятельности, то приписываем его именно этой благодатной помощи и святым молитвам святителя Божия — молитвенника за всю землю Русскую.

Но когда себе представишь, какие еще тысячи христиан коснеют в расколе, когда с полною очевидностью представишь себе, как злые люди бродят по всей земле Русской, из-за своих своекорыстных и других расчетов совращают души доверчивых и честных простолюдинов, когда представишь себе, как много таких злых людей и у нас в Московской епархии вообще, то больно делается на душе, тяжким горем сжимается сердце, слезы невольно появляются на глазах и бледной, и слабой пред лицом совести, является собственная деятельность, и, кажется, готов бы сказать словами святого апостола Павла: *Истину говорю во Христе... что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я бы сам желал быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти* (Рим. 9, 1–2).

Да, такова нива, все гуще и гуще засеваемая плевелами!

А делатели? Делателей мало.

Да и трудно ожидать, чтобы их было много: ведь делание, возложенное на них, не простое человеческое, а апостольское, сверхъестественное, требующее полнейшего самоотвержения, даже до поношений и всяческих оскорблений.

¹ [15].

В самом деле, перенеситесь мысленно из нашего собрания, где нам и светло, и тепло, и уютно, в какую-нибудь избу, тесно наполненную народом, часто невежественным, озлобленным в своем фанатизме, готовым всячески оскорбить ненавистного им проповедника. И вот здесь, при таких-то условиях, приходится в продолжение многих часов проповедовать слово Христовой истины, а там, иногда не отдыхая, в метель, вьюгу, непогоду, в тряской крестьянской телеге, полуголодному, холодному тащиться за несколько сот верст, чтобы встретиться снова с той же невежественной, грубой толпой и опять с терпением и кротостью переносить всякого рода обиды и оскорбления.

Да, нелегкое дело — быть миссионером! Правда, в его пастырской жизни есть минуты высокой, блаженной, небесной радости, которые с избытком искупают все трудности его жизни: это, когда он увидит, что брошенное им семя добра и истины принялось в душе брата-христианина, постепенно возрастает и, вот, готово дать плод, что он дал новую жизнь духовным мертвецам, отверз очи несчастным слепцам.

О, какие ни с чем не сравнимые, духовные восторги!

Но для того, чтобы их испытывать, надо, так сказать, до них духовно дорасти, воспитаться в духе любви горячей, преданной, безответной к нашей Матери — Православной Церкви.

И вот первое наше горячее молитвенное пожелание было о вас, уважаемый о. ректор, — Вам поручены души будущих пастырей Церкви Христовой, будущих миссионеров. Усердно молили мы сегодня Господа и печальника земли Русской, святителя Петра, да дарует Вам Господь силы и впредь с таким же успехом вести дело духовного воспитания вверенных вам юношей, как Вы это делали до сих пор.

А затем мое молитвенное пожелание было о всех вас, да укрепляется в вас вера Христова, а чрез вас во всех ваших присных. Вы все в известной степени можете быть миссионерами в беседах с родными и знакомыми, с друзьями. Когда услышите суждение или неправильное толкование православных христианских истин, опровергайте их смело, насколько хватит сил, а для этого и сами изучайте Священное Писание и толкование его святыми отцами. И поверьте, что это будет

делом духовной милости и в очах Божиих будет цениться несравненно выше, чем дело телесного милосердия. *Иже со-творит и научит сей вере, той велий наречется в Царствии Небеснем*, — сказал Господь (Мф. 5, 19).

Господь сказал: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди их* (Мф. 18, 20).

Вера, что Он, по слову Своему, среди нас, испросим же у Него, да утверждается во всей земле Русской вера: вера апостольская, вера отеческая, вера Православная. Аминь.

После молебна о даровании победы русскому воинству¹

*В Чудовом монастыре
22 февраля 1904 года*

Что собрало нас ныне, возлюбленные братие, сюда в Кремль, в этот «Священный Ковчег» святынь русских, в эту вековую обитель иноческую, свидетельницу столь великих событий земли Русской, к мощам печальника земли Русской святителя Алексея?

Мы пришли просить помощи Божией дорогой нашей Родине в наступившую годину испытания! Мы веруем, что святитель Божий, здесь почивающий, некогда с опасностью жизни ходатайствовавший за Россию пред татарским ханом, ныне, наследовав вечную блаженную жизнь, пред лицом Господа Бога выну ходатайствует за нее и за всех нас. Ведь ведает сердцеводец Господь, что наш человеколюбнейший Царь все средства употреблял, чтобы утвердить мир, и не от него начало войны. Что делать?

С тех пор, как есть, до того времени, пока будут люди злые, завистливые, немирные, самый мир, большею частью, надо бывает завоевать, и твердое охранение мира требует нередко войны.

Да благословит же Господь Бог наших христолюбивых воинов!

Дело, к которому они приготавливаются, есть поистине дело Божие.

¹ [16].

Да охраняет же Господь Бог наших христолюбивых воинов Своею всемогущей десницей. Ведь Он Сам сказал, что без Его воли *и влас главы ваша не погибнет* (Лк. 21,18). Да утешит Он их светлыми небесными радостями.

Ведь Он Сам сказал: *Больше сия любви никтоже имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13). А наш христолюбивый воин покупает безопасность нашу ценою собственной жизни и крови.

А мы, оставшиеся дома! В чем должна выражаться наша помощь? Да, прежде всего, в усердной горячей молитве. Молитва искренняя, приносимая от любящего сердца, имеет великую силу перед Богом.

Вспомните из Священной Библии: когда Иисус Навин сражался с амаликитянами, Моисей и Аарон молились на горе, когда Моисей поднимал руки — побеждал Израиль, когда же опускал — побеждал Амалик (см.: Исх. 17, 8–11).

А затем нам необходимо оказать и вещественную помощь. Богатый пусть принесет от богатства своего, а бедный — от скудости своей, в чем бы ни выражалась наша жертва — все принесет свою долю пользы в общем деле!

Но вас ли, возлюбленные братие, призывать к пожертвованиям!

Не свидетельствует ли и самое наше собрание о вашем пламенном желании жертвовать на святое дело, защиту своей Родины, усилением военного флота.

Всегда, во все времена русской истории московский народ поражал всех — не только русских, но даже и иностранцев, — своею пламенною любовью к Отечеству и искреннею преданностью к Царственному Дому.

Верим, что и в эту тяжелую годину и всегда, во все времена, Москва останется верна самой себе.

О, да будет и преизбудет над тобою, богоспасаемый град, благословение Божие! Воскликнем вместе с одним святителем¹: «Не напрасно именуешься ты сердцем России: в тебе струится чистая кровь, могущая оживлять все тело. Стой же непоколебимо, со святыми твоими храмами и нетленными

¹ Святитель Иннокентий Иркутский († 1731).

в них мощами угодников Божиих; стой, как русский Арарат, на коем, среди самых всемирных треволнений, всегда может найти себе безопасное пристанище ковчег русского Православия и русского духа». Аминь.

**Приветствие почетного члена Военного
Сергиево-Пантелеимоновского братства
преосвященного Трифона, епископа Дмитровского,
командующему Маньчжурской армией
генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину¹**

29 февраля 1904 года

Ваше высокопревосходительство, глубокопочитаемый Алексей Николаевич!

Подобно истинному витязю древней России, Вы прежде всего обратились за помощью и благословением к печальнику земли Русской — преподобному Сергию Радонежскому и всея России чудотворцу. И твердо веруем, что он, некогда при своей жизни пославший в помощь великому князю Димитрию Донскому двух иноков в его борьбе с неверными татарами, теперь испросит Вам помощь Божию в Вашей брани с язычниками-японцами. Ныне, на самом пороге, если так можно выразиться, Москвы московские люди, провожая Вас, благословляют Вас на Ваш бранный подвиг сею святою иконой с искреннею горячею верой и надеждой, что святители и чудотворцы Московские, святитель Николай Чудотворец, ангел-хранитель ваш, Владычица Небесная и Сам Господь Иисус Христос благословят Вас и окажут Вам свою всесильную помощь.

Москва называется сердцем России! И это сердце затрепетало от искренней и живой радости, услышав, что наш батюшка-царь назначил Вас вождем своих воинов, а сердце

¹ [16]. В парадных комнатах Курского вокзала генерал А. Н. Куропаткин, назначенный командующим Маньчжурской армией, принял депутацию от хоругвеносцев всех кремлевских соборов и монастырей и Военного Сергиево-Пантелеимоновского братства с преосвященным Трифоном во главе. После речи Владыка преподнес икону — складень от хоругвеносцев и упомянутого Братства. (См.: Московские церковные ведомости. 1904. № 10. С. 125–127.)

народа чутко: он знает, кого любить, на кого надеяться, в кого верить. Он любит Вас, ибо в Вашем лице воскресает пред ним образ древнего витязя, могучего, непоколебимого, всем сердцем преданного великим началам народным; он верит в Вас, ибо знает Ваше славное воинское прошлое: он надеется на Вас, ибо презревает в Вас такую духовную силу, благодаря которой человек не только сам решается на подвиги великой отваги и смелости в защиту своей Веры, своего Царя и Отечества, но способен делается воодушевлять на них целые сотни тысяч людей, создавая из них как бы один дух, одно тело. С верой, любовью и со светлою надеждой поэтому провожают Вас москвичи.

Примите же святую икону и верьте, что мы горячо будем молиться и за Вас, и за все вверенное Вам христолюбивое воинство. Аминь.

**На освящении храма
во имя святого Феодосия Черниговского
в Богоявленском монастыре¹**

22 мая 1904 года

Одно из самых светлых и радостных богослужений для меня — это освящение нового храма. В этот день испытываешь чувство, подобное пасхальному восторгу: Господь вот только что изволил избрать Себе новое место на земле, где преимущественно будет обитать благодать Духа Святого; среди капищ всевозможным страстям, которые в таком громадном количестве создаются людьми неверующими, погруженными в плотские страсти, созидается как бы крепость, где, как в безопасном убежище, может укрыться изнемогающий в борьбе с житейскими искушениями человек. Сюда спеши, измученный, усталый, ослабленный духом брат, здесь и только здесь найдешь ты те чистые утешения, те божественные восторги, которых лишен мирской человек. Здесь найдешь ты утешение в скорбях, здесь приобретешь недостающие тебе добродетели.

¹ Опубл. в: [40], с. 416–417.

Ведь потому и посвящаются храмы святым Божиим людям — чтобы угодники Божии особенно усердно молились за всех, приходящих в их храмы, чтобы вдохновляли их духом своих добродетелей.

Каких же добродетелей будем мы просить у святителя Божия [Феодосия Черниговского]? Если вы внимательно вчитывались в его жизнеописание, то, несомненно, заметили, что отличительной его добродетелью было глубокое смирение. Великий подвижник, украшенный высоким саном, пользовавшийся всеобщей любовью и почетом, он был в высшей степени скромен и смирен в отношениях с близкими, по возможности скрывая от всех свои подвиги.

Помолимся же и мы святителю Божию, да исполнит он нас этой добродетелью, которая составляет отличительный признак всякого христианина. Ведь та великая пропасть, которая разделяет Царство Божие от мира сего, есть [не иное что, как] гордость. Святителю Божий, моли за всех, призывающих имя твое в этом созданном в твою честь храме, да исполнимся все мы боголюбезного смирения!

Наш храм — это первый и единственный храм, посвященный святителю Божию. Созидался он усердием и благоговением к угоднику Божию рабы Божией Елены. Твердо верую, что за усердие к святителю он вознаградит ее своими благодатными дарами от Бога, будет утешителем в скорбях, возvesеля ее духовными радостями, водворяя мир в ее душу.

Святителю отче Феодосие, моли Бога о нас!

Утешение веры обуреваемым своеволием неверия

*В день годовичного акта Императорского лицея
в память цесаревича Николая (в храме лицея)¹
13 января 1905 года*

Приветствую вас, возлюбленные братие, с вашим сегодняшним праздником!

Не в радостные дни празднуем мы его: бушует вокруг нас море мятежных житейских волн. Они стремятся все сокрушить

¹ [18].

и ниспровергнуть. Какое же назидание и утешение дать вам, дорогие юноши? Ныне, более чем когда-нибудь, необходимо всем нам, истинно православным людям, быть в единении духа. Ныне, более чем когда-нибудь, необходимо бодро и мужественно проводить в жизнь те великие начала, на которых основалась и которыми живет Святая Русь: Православная вера, преданность Царю и любовь к Отечеству.

Вы счастливее многих ваших сверстников. Вам дано твердое воспитание, вы знаете, куда идти и что делать. Поэтому Вам остается лишь быть верными этим началам, не падая духом, не малодушествуя и помня всегда, что всякие испытания попускаются Господом Богом для нашего вразумления и что без Его святейшей воли и волос не упадет с нашей головы.

И здесь мне припоминается одно событие евангельской истории. Однажды ночью апостолы переправлялись по морю в лодке. Сделалось волнение, высоко стали подыматься волны, апостолам стало страшно. Одно неосторожное движение — они могли погибнуть. Но вот, к ужасу своему, они видят, что к ним приближается какая-то тень. Расстроенное страхом воображение рисует им, что это призрак; в отчаянии они начали кричать, но в это время они слышат кроткий, нежный голос: *«Это Я, не бойтесь»* — то был Сам Господь, их Спаситель и Бог (см.: Мф. 14, 22–27; Мк. 6, 45–51; Ин. 6, 16–21). Так и вы, други-братие. В мрачную ночь всяких житейских бурь и колебаний, когда на нас, как призрак, восстает какое-либо тяжелое испытание и мы уже готовы бываем унывать и малодушествовать, обратимся с усердием чрез молитву ко Господу и мы скоро же услышим громкий голос Любвеобильного Господа: *«Это Я. Не страшитесь. Это Я, ваш Бог, отыскиваю вас, заблудших и рассеянных...»*

О, как велики же те люди, которые готовы, подобно апостолу Павлу, радоваться в страданиях своих (см.: Кол. 1, 24), ибо их дух высоко парит над временным. Но не только великие апостолы, а и всякий простой, обыкновенный человек, если он вдохновляется верою в Господа Бога, если он воодушевлен любовью к своей Родине, с радостью идет на великие испытания. Таков наш многомиллионный русский народ.

Посмотрите, с каким мужеством и вместе с тем с каким смирением проливает он свою кровь на Дальнем Востоке!

Соединимся же с ним духом, страхнем с себя свою беспечность, и все свои силы отдадим на служение Святой Церкви, Царю и своему Отечеству.

И верьте, дорогие дети, что Господь всегда будет с нами и подаст нам Свою всемогущую помощь.

Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей и утверди и, егоже насади десница Твоя¹. Аминь.

Перед присягой московского дворянства по случаю сессии Дворянского губернского собрания²

*В Алексеевской церкви Чудова монастыря (после литургии)
20 января 1905 года*

Сегодня, совершая Божественную литургию и принося Бескровную Жертву о всем мире, я особенно усердно, верьте мне, возлюбленные братие, помолился о вас!

Предстоит вам подвиг нелегкий, вы выходите служить Царю и Отечеству во времена смутные и тяжелые. С одной стороны — кровопролитная война истощает наши силы, с другой стороны — внутренние смуты, возбуждаемые врагами нашего Отечества, возмущают мирное и спокойное течение нашей жизни.

Мы знаем, что русское дворянство искони любило свою Родину, болело ее болезнями, скорбело ее скорбями и, несомненно, и ныне верное русским началам: Православной вере, Царю и Отечеству, оно все свои силы соединит для служения им.

С молитвой же, с твердым сознанием своего долга совершайте свое дело, помня, что ныне, более чем когда-нибудь, требуется глубокое, внимательное, вдумчивое отношение к нему, мы дадим ответ пред своим потомством за всякое свое дело и если слова и деяния некоторых из наших предков с любовью и благодарностью вспоминаются народом русским, то

¹ Слова, произносимые архиереем при благословении молящихся во время пения «Трисвятого» на литургии.

² [19].

искренне желаю, чтобы имена и вас — их потомков, не произносились впоследствии с горьким упреком.

Более всего поэтому надо нам ныне бояться легкомыслия в словах и действиях, в молитве искренне верующего сердца находить себе поддержку, пока в нас сильна вера Христова, пока в нашей душе живы христианские начала, до тех пор мы крепки и сильны духом, единомысленны, единодушны. И вот вспоминается один рассказ из Ветхого Завета.

Было время, когда под влиянием чужеземных нравов, часть народа еврейского, позабыв свое высокое историческое призвание — быть носителем веры в Единого Бога и тем предуготовлять род человеческий к принятию Спасителя мира, стала поклоняться идолу Ваалу (олицетворению сил природы); народу еврейскому грозили разложение и окончательная духовная гибель. Несомненно, конечно, что и тогда более или менее сознательно увлекалось служением этому чужеземному богу меньшинство, а большинство легкомысленное и неустойчивое бросалось то в одну, то в другую сторону, смотря по тому: на чьей стороне громче раздавались голоса.

И вот великий пророк Божий Илия явился обличителем этого легкомыслия. Перед тем как совершить для вразумления народа чудо низведения небесного огня на облитую водой жертву и этим обличить и посрамить бессилие жрецов Вааловых, он обратился к народу еврейскому с обличительным словом: *Долго ли вам хромать на оба колена? Если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то ему последуйте* — и говорится дальше: не отвечал народ ему ни слова (3 Цар. 18, 21), признавал свою вину пред Богом и перед своим Отечеством.

Будем и мы, возлюбленные братие, верны Святой Церкви, своему Царю и нашим исконным началам!

Принеся о сем сейчас клятву пред Святым Крестом и Евангелием, величайшими святынями христианскими, со страхом Божиим, со смирением и с твердым сознанием своего дела идите и совершайте ваше дело, и Господь молитвами здесь нетленно почивающего святителя Алексия, великого печальника земли Русской, да будет вам помощником и руководителем. Аминь.

На открытие Государственной думы

Сегодня великий день для нашего Отечества — открывается Государственная дума! А вместе с нею открывается и новая страница в истории нашего Отечества. Что будет написано на ней — неизвестно, что сулит нам будущее — закрыто от нас пока непроницаемой завесой. А что за ней, за этой завесой? Мир, благоденствие, общее довольство или слезы, горе и рыдания, по выражению пророка (см.: Иез. 2, 10).

Думаю, дорогие братие, что нет среди вас ни одного, кто бы не задавал себе этот вопрос, нет сердца, которое ныне не замирало бы трепетно, нет верующей души, которая не возносила бы пламенную молитву подателю всего доброго и полезного — Господу Богу.

Случалось ли вам (думаю, что многим случалось) в некоторые особенные минуты своей жизни размышлять о своем будущем: «Что меня ждет, что шлют мне грядущие годы — радость или скорби, свет или мрак, болезни или здоровье?» Кому не приходилось переживать такое состояние недоумения. Оно заставило святого пророка некогда воззвать к Господу Богу: *Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моих, кое есть* (Пс. 38, 5). Такое состояние духа постигает человека при каком-либо решительном переломе его жизни, когда ему приходится оставлять старую дорогу и избирать новую. Что переживает отдельный человек, то переживают и целые народы. Это переходное состояние суждено пережить нашему Отечеству. И, конечно, всякий верный сын своей Родины, искренно и нелицемерно любящий свою Родину — Святую Русь, со страхом, но вместе с тем и с надеждой взирает на это неизвестное будущее.

Дорогие братие, знаю по собственному опыту, что в такие минуты особенно помогает усердная и горячая молитва. Знаю твердо, что после такой молитвы, по выражению Священного Писания, как бы в тихом веянии ветра (см.: 3 Цар. 19, 12), слышится ободряющий голос Бога: «Не страшись, только веруй, Мне все возможно, Я все могу устроить на благо и пользу любящих Меня, как бы тяжело ни казалось их положение». И радостной надеждой окрыляется дух человека

от этого голоса Бога. И бодро и безболезненно смотрит он в неизвестное будущее.

Вот почему, изведав на собственном опыте всю силу и сладость молитвы, я приглашаю и вас, братие, молиться усердно за нашу дорогую Родину, и не в настоящий час только, когда, конечно, каждый из нас испытывает особенный подъем чувства, а и в грядущие дни, дни, исполненные глубокой важности, жить молитвой, миром и любовью, содействуя общему делу. Аминь.

**Памяти иеромонаха Варнавы
(† 17 февраля 1906 года)¹**

8 марта 1906 года

Священное Писание учит нас помнить наших наставников. Следуя сему завету, и я не могу не помянуть добрым словом так недавно скончавшегося иеромонаха Гефсиманского скита отца Варнаву.

Мое знакомство с ним началось с конца семидесятых годов, когда, еще гимназистом, я посетил для говенья, петровским постом, скитские пещеры. Мне давно хотелось с ним познакомиться, ибо я слышал раньше о его подвижнической жизни, о тех мудрых советах, которые он дает целым тысячам людей, к нему ежедневно приходящих; но долго не решался это сделать, и это потому, что у многих людей светского общества существует совершенно неправильный взгляд на подвижников, то есть на людей высокой созерцательной жизни, особенно же на тех, которые, по общему мнению, отличаются даром прозорливости, то есть предвидением будущего.

Им все кажется, что все такие люди отличаются крайнею суровостью к приходящим к ним грешникам. Они боятся даже, что те поразят их каким-нибудь наказанием или смутят душу страшным пророчеством.

Сознаюсь, что и я не был лишен в годы моей юности этого предрассудка. Так было еще до знакомства с отцом Амвросием, Оптиной пустынью и вообще русским православным монашеством.

¹ [20]. Опубл. в: [40], с. 351–358.

Но вот я решился повидаться с отцом Варнавой.

Сначала поговел в продолжение недели; усердно помолившись в маленьком пещерном храме Черниговской Божией Матери, на месте которого теперь воздвигнут громадный собор, я со страхом и трепетом чудным июньским вечером постучался в дверь маленького деревянного домика, в котором обитал отец Варнава.

Долго он мне не отворял. Наконец, слышались шаги, щелкнула задвижка, и на пороге появился седой монах небольшого роста с мягкою, доброю улыбкой на устах, с проницательным взором темных очей. Вглядевшись в меня, он произнес тем радостным, ласковым тоном, который так памятен всем, близко его знавшим: «А! Милый барин, здравствуй! Ну, рад тебя видеть, мы тебя все здесь полюбили», — и с этими словами он меня благословил, обнял одною рукой и через темные сенцы ввел меня в свою келью, освещенную одною восковою свечой.

Часто после этого приходилось бывать мне в этой келье.

Больше двадцати лет продолжалось мое знакомство с ним, а обстановка кельи не изменилась. Те же несколько простых икон в переднем углу, перед ними на аналое медный крест и Евангелие, рядом деревянный стол с несколькими книжками и брошюрами духовно-нравственного содержания, в углу деревянная кровать, покрытая одним войлоком. Вот и все. Но сколько великих дел совершалось в этой убогой обстановке! Сколько изнемогавших в борьбе с самим собой и житейскими невзгодами душ получили здесь себе облегчение и помощь! Сколько людей, дошедших до полного отчаяния, выходили отсюда бодрыми и радостными, готовыми на всякий подвиг!

Да, много великих тайн хранит эта бедная келья, поистине она неизмеримо драгоценнее роскошных чертогов земных богачей.

Не могу выразить словами, но до сих пор помню то необыкновенно светлое чувство какого-то духовного восторга, какой-то неземной радости, с которыми я возвратился от отца Варнавы. С этого времени начинается мое с ним духовное знакомство, продолжавшееся до конца его жизни. Во всяком

своим деле я советовался с ним, получая от него добрый совет и благословение. И так до самой его кончины.

Последний раз я вместе с ним совершил Божественную литургию в четверг на первой неделе Великого поста и навеки простился с ним.

Последние его слова были: «Прежде я иногда, при моих приездах в Москву, объезжал тебя, ну а теперь я часто буду тебя навещать». С этими словами он пожал мне руку, и уже более живым я его не видел. Он скончался в пятницу вечером. Верю, что он духом своим будет мне соприсутствовать.

Какими же особенными добродетелями отличался отец Варнава?

Апостол Павел говорит в своем Послании к Коринфянам (1 Кор. 12), что всякому истинному христианину дается проявление Духа Святого на пользу. Дары различные, а Дух один и тот же. Одному дается Духом слово мудрости, иному вера, иному дары исцелений.

Сообразно с нравственными качествами человека, его характером, образом жизни, воспитанием и дары даются различные. Так, например, по моему мнению, отец Иоанн Кронштадтский, вращающийся среди болящих и недугующих по преимуществу людей, обладает даром исцелений. Отец Амвросий Оптинский, получив духовное воспитание под руководством мудрых старцев, сам изучивший в совершенстве Священное Писание и творения святых отцов, — обладал даром духовной мудрости. Отец Варнава, по моему глубокому убеждению, обладал даром веры. Для него не существовало преград между нашим миром и миром загробным. Никакой тени сомнений и колебаний у него не было в отношении истины веры. Все его существо было проникнуто этою верою, все его поступки вытекали из этой веры.

Но все дары Святого Духа, все эти духовные таланты, если можно так выразиться, при постоянном совершенствовании ведут к самому величайшему дару, выше которого нет ничего ни на небе, ни на земле. Этот дар духовный, который останется и тогда, когда и *пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится*, когда не будет нужды ни в вере, ни в надежде, ибо все обещанное свершится и наступит вечное

Царство Божие, есть Любовь (ср.: 1 Кор. 13). Вот почему все Божии люди и исполняются постепенно этой христианской Любви. И про отца Варнаву можно сказать, по слову апостола Павла, что его вера была *поспешествуема любовью* (Гал. 5, 6).

Эта любовь притягивала к нему, как магнит железо, людей самых разнообразных положений.

Они открывали ему свое горе, свои нужды, свои не только духовные, но и семейные затруднения, имущественные, служебные неприятности. Одним словом, у них от него не было тайн. И он всегда давал им добрый совет, часто носивший пророческий характер. Особенно же он был велик, когда ему приходилось иметь дело со слабыми в вере и малодушными людьми. Здесь своею верой он их настолько ободрял, вдохновлял, что долго после этого они смело и бодро шли житейским путем.

Скажут, быть может, некоторые: «Но ведь это, в сущности, очень легко — выслушать исповедь человека и дать ему совет!» Нет, скажу по своему слабому опыту, это чрезвычайно трудно! Скажу более: это невозможно для обыкновенного человека.

Для того, чтобы так утешить и ободрить человека, необходимо ему в полной мере сострадать, а для того, чтобы сострадать человеку, надо совершенно уничтожить ту духовную преграду, которую ставят между нами самолюбие, чувственность и другие страсти, заставляющие нас глядеть на своего ближнего с недоверием, сухостью, а иногда даже с раздражением и озлоблением: не обмануть ли, де, он меня пришел? Человек же истинно христианской любви смотрит на всякого приходящего к нему, кто бы он ни был, как на самого милого, дорогого брата или сестру.

Он весь, так сказать, претворяется в него, живет его жизнью, действительно страдает и мучается его страданием, весь уходит в бездну зол и скорбей, не только не гнушается его страшных духовных ран, но готов жизнь отдать за их исцеление.

Вот почему и дается такому человеку слово великой духовной мудрости, слово предвидения и пророчества, которое своею силою способным делается оживить духовного мертвеца.

Но не сразу, а путем тяжелого подвига и путем внутренней работы над самим собой и молитвой человек достигает духовной высоты. И отец Варнава не сразу достиг такой веры и любви, а после долгих трудов. Он был необыкновенно строг к себе; какую простую подвижническую жизнь вел он молодым послушником, такую он продолжал вести до самой кончины — уже больным старцем. Никаких поблажек себе, никакой даже самой невинной прихоти: он вовсе не пил чая, носил самую простую одежду, вкушал самую грубую пищу. Что меня особенно в нем пленяло — это то, что удовлетворение телесных потребностей для него никогда не было каким-то делом, к которому надо особенно готовиться. Он, например, кроме тех дней, в которые ему приходилось, как чередному иеромонаху, присутствовать в трапезной, никогда как следует не обедал, а так, перехватит что-нибудь и опять за дело. Он никогда как следует не спал, а так, прикорнет, как говорится, во всей одежде на своем деревянном ложе с подушкой, набитой чуть не булыжниками, и снова встает на молитву. Бывало, совершив с ним продолжительную литургию в доме призрения и видя, что он торопится уехать тотчас после службы домой, скажешь ему: «Батюшка, да отдохните немножко!» Но он обыкновенно шепчет, сжав мою руку: «Прости, не могу, ведь там их несколько сот дожидается, ведь они все скорбные, несчастные!»

И какую любовью в это время звучал его голос! И с раннего утра до поздней ночи открыты были двери его кельи, кроме времени богослужения, которое он посещал неопустительно, неся тяжелую череду священнослужения, как всякий обыкновенный иеромонах.

В последние годы своей жизни он особенно любил беседовать со мною об основанной им женской обители на Выксе. Несколько раз по его приглашению я посещал эту обитель; и надо было видеть, какую трогательную любовью встречали его сестры, каким благоговейным вниманием окружали они своего «кормильчика» (так привыкли они его называть), потому что поистине он для них был кормильцем и духовным и телесным. Вместе с ним бедные сестры потеряли многое на земле!

Верим и будем утешать себя тем, что он помолится за них в Царствии Небесном! Он умер, как и жил, — на службе Богу

и ближнему. Совершив Таинство Исповеди над начальницей Дома призрения, он, в поручах и епитрахили, склонился до земли пред Престолом Божиим в алтаре и уже более не встал.

Так умирает воин на поле брани с оружием в руках. Его давно предостерегали от переутомления и советовали отдохнуть, но он всегда отвечал: «Пока живешь, надо приносить пользу людям».

Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя, — говорит Господь (Ин. 15, 13). Закончилась жизнь, полная страданий, труда, никому неведомой борьбы с самим собой.

Претерпевый же до конца, той спасен будет (Мф. 10, 22).

Покойный батюшка отец Амвросий сказал одному монаху, изнемогавшему в душевных страданиях, на его восклицания: «Батюшка, да когда же, наконец, успокоишься?» — «Тогда успокоимся мы, когда над нами пропоют: со святыми упокой».

Верим, что и батюшка отец Варнава успокоился ныне от дел своих.

Блажени мертвии умирающие о Господе от ныне. Ей, глаголет Дух, да починут от трудов своих (Откр. 14, 13).

Прощаясь с ним, я дерзнул поднять монашеское покрывало и взглянуть в его лицо. Оно было вовсе не тронутو тлением и дивно хорошо! Такое выражение бывает у маленького невинного ребенка, который среди игры внезапно засыпает. Лицо принимает при этом выражение какого-то ангельского спокойствия и чистоты; такое же выражение лица было и у почившего старца.

Мир тебе, возлюбленный брат о Христе и наставник! Целые тысячи людей молятся теперь за тебя. Для целых тысяч сердец ты продолжаешь существовать, ибо любовь не умирает. Любовь нельзя заключить во гробе и закопать в землю. Она будет жить до тех пор, пока будут биться эти самые сердца.

И какой еще высшей награды за свои труды может ожидать человек!

Помолись же за нас всех, труждающихся на ниве Христовой, чтобы нам обладать хотя малою долею твоей веры и любви!

1907

**Священной памяти
великого князя Сергия Александровича¹**

*В храме Императорского лицея в память цесаревича Николая
13 января 1907 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братие, с вашим торжеством и радуюсь, что Господь привел меня снова участвовать в нем. Уже несколько лет прошло с тех пор, как я в последний раз был у вас. За это время много пережито нами тяжелого и скорбного, многое изменилось, многих из тех, которые участвовали с нами, уже нет в живых.

Нет и того, который с такою любовью всегда относился к лицу, с такою радостью присутствовал здесь, так усердно молился за всех вас, — нет вашего попечителя, в Бозе почившего великого князя Сергия Александровича.

Вечная ему память!

Знаю, что вы от искреннего сердца произносите эту молитву; и мы, русские иноки, от искреннего сердца молимся об упокоении его души, ибо он был истинным другом монашества: он любил посещать иноческие обители и молиться в них, любил беседу с иноками, любил древние монастырские, церковные напевы и обряды.

Откуда же происходила эта любовь?

Она происходила от его высокой религиозной нравственности. Его душа всегда тосковала о небесном. Она не могла удовлетвориться одним временным, житейским, вещественным, обыденным; она всегда стремилась к небу — к совершенству. Сущность его религиозных мировоззрений заключалась в словах преподобного Серафима Саровского, он глубоко уважал и принимал деятельное участие в открытии его мощей.

Человек подобен по телу зажженной свече; свеча должна сгореть, и человек должен умереть, но душа его бессмертна; потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу.

¹ [21].

Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? или что даст человек измену за душу свою? (Мф. 16, 26), — за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное; поэтому нам все старание должно иметь о приобретении Царства Небесного.

Этою же верой в загробную жизнь, этою же непрестанною заботой о своей душе, этою любовью к Церкви Божией живет до сих пор большая часть православного русского народа.

А вместе с этим у православного русского человека неразрывно соединена любовь к своему православному царю и к своей Родине — Святой Руси.

И в этом отношении почивший великий князь был истинно православный русский человек.

Вот откуда и скорбь русского народа об Его безвременной кончине; русский народ потерял в Нем *своего родного по духу человека*.

Вот где источник и тех искренних молитв, которые воссылаются о упокоении его души и на месте его кончины, и у его гроба, и везде — в городах и в селах.

По той же причине, что и для всего русского народа великий князь должен быть особенно близок и вам; ведь и вы свято чтите Святую Церковь, пламенно любите своего Царя и Родину — Святую Русь.

И вы не изменили этой любви и в наше смутное время, когда поколебалось так много русской молодежи.

Радуюсь за вас! Радуюсь, что такое доброе воспитание дается здесь! Честь и слава вашим отцу законоучителю, начальникам и воспитателям!

Верю, что и ваш усопший попечитель радуется душой и молится за вас.

И вот в эти торжественные минуты мое сердце подсказывает мне помолиться за него.

Закончим же наше молитвенное собрание искреннею молитвой о упокоении его души.

Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему, великому князю Сергию Александровичу, и сотвори ему вечную память.

Слово
в приюте для слепых ремесленников
имени А. Г. Тряпкиной

14 января 1907 года

Сердечно приветствую вас, дорогие дети, с окончанием вами учебного курса.

Усердно помолился я о том сейчас, чтобы благополучно было дальнейшее направление вашей жизни. Сейчас вы выходите из уютного и тихого училища вашего, где каждый шаг вашей жизни направлялся опытной рукой ваших воспитателей, и пускаетесь в самостоятельное плавание по бурному житейскому морю. А каково будет это плавание: благополучно для вас или нет, каков будет его конец и скоро ли он наступит?

Все это никому неведомо, кроме Всеведущего Бога. Понятно поэтому, что в эти торжественные минуты вашего расставания с прежнею жизнью и началом новой свободной жизни вы испытываете душевное волнение. Испытываем и мы его за вас, дорогие дети! И вот, снаряжая вас в это опасное плавание по житейскому морю, мы желали бы снабдить вас всем необходимым для более или менее безопасного путешествия. Духовный груз или багаж, которым бы мы желали вас снабдить, заключается в тех качествах духа, которые особенно необходимы для человека-христианина. В них вас наставляли в продолжении учебного курса, и об них в кратких словах снова упомянем вам. Эти качества духа все сосредоточены в одной главной христианской добродетели — любви: любите всех — и вам легко будет жить на свете; любите прежде всего Церковь Православную, к которой принадлежите, любите родной вам народ русский. Никогда не забывайте, что вы получили воспитание и все знания, необходимые вам для существования, на народные и церковные средства. Церковь пришла к вам, бесприютным, обездоленным, на помощь, она собрала народные трудовые гроши, которые с любовью вынимал простой бедный человек из своей убогой мошны для вас. Любите же Церковь Христову, как вашу небесную Мать, любите народ православный русский и, чем возможно, старайтесь ему помочь;

не отказывайте в помощи бедняку, если он в свою очередь протянет к вам руку, ища в вас духовной или вещественной поддержки. Продолжайте любить и не забывайте в ваших молитвах и всех тех, которые послужили вашему воспитанию и образованию; а я могу засвидетельствовать, и это, конечно, вы и сами подтвердите, что они относились к вам с трогательной, материнской любовью и нежностью. Да, в наше сухое время редко можно найти таких преданных своему делу воспитателей, каковы Н. Ф. Александров, инспектор Е. А. Назаров и попечитель Н. Н. Шустов. Еще пожелаю, чтобы безошибочными указателями вашего пути — вашим компасом и путеводной звездой — были совесть и слово Божие. Горе тому человеку, который не следует голосу своей совести и не проверяет ее словом Божиим! Он быстро сойдет с истинного пути, запутается во всевозможных противоречиях, станет принимать ложь за правду, черное за белое и наконец дойдет до совершенного разочарования во всем, до полного отчаяния!.. Но очень может быть, что и с любовью в сердце, с искренним желанием делать людям добро, с твердым намерением жить по заповедям Божиим, согласно своей совести и слову Божию, вы все-таки много встретите всевозможных преткновений, разочарований, обид и оскорблений на вашем жизненном пути. Ведь недаром русская поговорка говорит: «жизнь прожить — не поле перейти». Что делать, всякому из нас приходится страдать и скорбеть, а вам, лишенным зрения, может быть даже и больше, чем другим, придется их переносить. В этих случаях не падайте духом, не малодушествуйте, с терпением переносите все эти временные испытания и твердо верьте, что рано или поздно люди вас поймут, оценят добрые качества вашей души и за вашу любовь заплатят любовью. «Терпение и труд — все перетрут», — говорит другая народная пословица.

Теперь, в начале вашего самостоятельного пути, вы особенно нуждаетесь в помощи Божией, усердно же молитесь за себя и друг за друга, и мы будем горячо молиться за вас. А в залог нашего молитвенного общения примите от меня по святому образу нашей Небесной Матери Пречистой Девы. Да охраняет Она Своим Покровом всех нас — и воспитателей, и воспитанников! Аминь.

В храме-усыпальнице великого князя Сергия в Чудовом монастыре (перед панихидой)

4 февраля 1907 года

Второй раз сподобляет меня Господь быть в этом святом храме-усыпальнице великого князя и сегодня при входе в храм еще с большей живостью, чем в первый раз, во мне мелькнула мысль о римских катакомбах первых веков христианства.

Знаете, какое страшное то было время для христиан, особенно в Риме! Язычники гнали их, подвергали всяческим мучениям и в своей ненависти к ним дошли до такого неистовства, что готовы были стереть их с лица земли; так что христианам по необходимости оставалось укрываться в катакомбах и подземельях; здесь же они, с благоговейным трепетом собравши с арены цирка окровавленные останки мучеников, в особых нишах «хоронили» их и на этих гробах крови приносили Бескровную Жертву. В память этого-то знамения веры и любви первых христиан Святая Церковь в освященные святым миром напрестольные антиминсы, на которых совершается Таинство Евхаристии, и доселе влагает святыне мощи...

Нужно ли разъяснять и доказывать, что и ныне обезумевшие в своей вражде против Церкви Православной и царя самодержавного отщепенцы русского народа в своих богоборных социалистических утопиях лелеют идеалы не лучше языческих, ибо они проповедуют даже не просто идолопоклонство, а сознательное безбожие под именем свободы, — вместо самодержавной власти помазанника Божия деспотизм толпы?..

И все вы знаете, а некоторые из вас над присными своими с болью сердечной видели тот кровавый террор, которым крамольники вот уже третий год гнетут Россию и зверски губят верных слуг царских. Одной из первых жертв этого крамольного террора пал благоверный великий князь, растерзанный адским орудием злодеев в этом алтаре России, как назвал наш священный Кремль в Бозе почивший Государь¹.

¹ Император Александр III († 20 октября 1894 г.) говорил: «Москва — храм России, а Кремль — алтарь этого храма».

Помните, как ужасен был этот взрыв, от которого, казалось, вздрогнули самые стены домов... Верные слуги князя-мученика, подобно древним христианам в Риме, охранно собрали окровавленные останки его тела и перенесли их в храм святителя Алексия, что над нашими головами... Живо помню, как некие царелюбивые россияне тщательно собирали для себя на память о почившем обгаренные кровию клочки одежды, обломки экипажа, в котором ехал, и даже куски обледенного снега... Потом она, больше всех осиротевшая княгиня, создала этот, пусть не подземный, а все же как бы пещерный храм и здесь, у подножия святого алтаря, в этой нише, под этим мраморным саркофагом, схоронила его до радостного утра общего Воскресения.

Разве все это, в самом деле, не напоминает вам набросанную мною в начале речи в общих чертах картину из жизни первых христиан в римских катакомбах? Посмотрите, даже монограммы, начертанные на этом саркофаге и выражающие веру в Христово, а следовательно, и наше воскресение, те же, что доселе сохранились в некоторых из римских катакомб. А он сам, положенный под этим камнем, разве не мученик за веру Православную и царя самодержавного!..

Да, знали они, эти сыны погибельные, каким оплотом царского престола был в Бозе почивший благоверный князь, и потому-то позаботились прежде других известить его. Всего лишь с небольшим час тому назад я в речи своей в храме лица начертал пред вами духовный образ его, как истинно православно-русского человека, не только в своих верованиях и чувствованиях, а и в делах своих и в самом укладе жизни своей бывшего поборником отцами завещанных устоев России. А сейчас эти святые иконы старорусского письма, им при жизни собранные в божницах своих царских покоев, пусть подтвердят вам истину моих слов и послужат для вас живыми свидетелями его любви к святыням родной старины; ибо, не знаю, как вы, а я, взирая на эти старинные лики Господа Иисуса, Его Пречистой Матери и святых угодников, пред которыми благоверный князь не раз, конечно, изливал душу свою в молитвенных воздыханиях сердца, как живого вижу его пред собою с его заветными думами и мечтами, и мне верится,

что он почиет здесь не только бездыханным телом своим, а и духом... И невольно подивисься предустановленному Богом совпадению дня мученической кончины его с днем памяти святого благоверного князя Георгия Всеволодовича, мученически в этот именно день 600 с лишком лет тому назад скончавшегося в борьбе с татарами за Святую Русь. Не ясный ли это знак, что и наш князь-мученик жил в своей службе Царю и Родине тою же верою, за которую Святая Церковь прославляет благоверного князя Георгия...

Не правда ли, как все это трогательно, умирительно и, что особенно нужно заметить нам, поучительно.

Но не станем больше изыскивать путей Божиих в судьбах его, а, возблагодарив благоверную княгиню за дарованное нам счастье молиться о князе-мученике у гроба его, вознесем о нем молитвы свои ко Господу, да воздаст Праведный ему Судия венец славы, и в этой славе возводит его в божественной силе Своей все выше и выше, да станет и он — родной Москве и нам с вами князь — вместе со всеми силами небесными молитвенником за нас, за всех верных сынов России и за всю исстрадавшуюся и истерзанную землю Русскую...

Помолимся.

О христианской любви¹

*В день перенесения мощей святителя Николая Чудотворца,
в Никольском греческом монастыре (за литургией)
9 мая 1907 года*

Христос Воскресе!

Нынешний праздник объединяет вокруг имени святителя и чудотворца Николая, можно сказать, все народы. Не только православные христиане, но даже неверующие, даже магометане и даже языческие народы, чему я сам был свидетелем, почитают святителя Николая и преклоняются пред святителем Божиим. И вот почему мне особенно было дорого совершить сегодня литургию именно в этом святом храме — чего я давно желал — в сем храме, принадлежащем родственному нам по духу эллинскому народу.

¹ Опубл. в: [40], с. 243–245.

Почему же святитель Божий пользуется таким уважением среди всех народов? Да потому, что он является выразителем христианской любви. Несомненно, что и другие святые достигали, совершенствуясь, этой христианской добродетели, но ни у кого она не выразилась так явно, как у святителя Николая. В его житии мы видим, что он явно показывает: любовь есть основной закон жизни. В самом деле, он всю жизнь горел пламенной любовью, он выражал ее в делах. Ни один день не обходился у него без любви: то он исцелял больных, то помогал бедным, то спасал во время бури, то спасал девиц, то ходатайствовал за виновных. Одним словом, можно сказать, каждый день его жизни был посвящен любви — Богу и ближним.

Можно сказать, законы естественные, законы природы — и те подчинялись ему. Он даже прекращал бурю... А что всего дороже и редко можно встретить — под влиянием его заочного внушения смягчалась людская злоба и ненависть...

Да послужит любовь святителя примером и нам. Хотя мы знаем, что мир во зле лежит, но часто мы видим, что зло побеждается силою добра. И хотя заповедь, данная людям в Ветхом Завете, была нарушена и грех внес заразу во всех людей, тем не менее мы видим, что любовь нередко побеждает. Ради этой любви многие отказывались от наслаждений мира, и она заставляла идти на смерть, спасти ближних.

Будем и мы, возлюбленные братие, утверждаться в христианской любви! Она возможна только такому человеку, который взирает на Господа Иисуса Христа, который устремляет взор свой на Голгофу. Он утверждает в любви, потому что он вспоминает, что Христос Спаситель ради всех нас, грешных и недостойных, пролил Свою Кровь на Кресте. Ведь если каждый будет так говорить: «Божественный Страдалец ведь за тебя пролил кровь, ведь за тебя Он претерпел страдания», — то он будет утверждаться — подобно вчера праздновавшемуся евангелисту Иоанну Богослову и святителю Николаю — в этой любви.

Что мешает нам побеждать любовью? Наша холодность. Что мешает нам оказывать столько христианской любви, чтобы побеждать злобу? Наше несовершенство... Если мы будем

стремиться к совершенству, то мы непременно достигнем христианской любви. В чем и да поможет нам святитель Божий Николай, исполненный христианской любви и милосердия. [Аминь.]

Память святых отцов I Вселенского Собора

В неделю 7-ю по Пасхе (за литургией)

3 июня 1907 года

Сегодняшнее воскресенье посвящено памяти святых отцов. Святые отцы продолжали дело святых апостолов. Они утвердили Церковь Христову на земле, они составили Символ веры, которую мы исповедуем. Вот почему Святая Церковь посвящает им это воскресенье.

Незадолго до Своих страданий Господь Иисус Христос со скорбью говорил ученикам: *Се грядет час, и ныне прииде, да разыдется кийждо во своя, и Мене единого оставите* (Ин. 16, 32). И Господь молился за Своих учеников, чтобы Он *освятит их истиною* Своєю (Ин. 17, 17), чтобы они были мужественными исповедниками жизни во Христе. А затем молился за всех христиан, за всех тех, которые будут веровать в Него.

И действительно, апостолы после Сошествия Святого Духа сделались твердыми и мужественными исповедниками Христа, готовыми даже до смерти страдать за веру. После них святые отцы своими трудами, исповеданием веры, подвигами, страданиями укрепили и утвердили Церковь и достигли Царствия Небесного, где сияют вечным светом.

Так было во времена Ария, который не хотел признавать Иисуса Христа Сыном Божиим, считая Его сотворенным, тварью, и Богородицу не считал Пренепорочною Матерью Сына Божия. Многие поверили лживому учению Ария, и Церкви грозило несчастье. И вот святые отцы, чтобы утвердить истинное вероучение, и составили Символ веры, этим оградив Церковь от ереси Ария.

В сборнике «Луг духовный» есть такой рассказ. Некий столпник, великий подвижник, подвергшийся сильному искушению, стал последователем ереси. Однажды к нему пришел святой Ефрем, патриарх Антиохийский, и начал убеждать его:

«Брось свое заблуждение, примиришься с Церковью». Столпник сперва не слушал святого, но, поскольку святой Ефрем усиленно просил его, он, наконец, сказал: «Хорошо. Разведем огонь и войдем вместе в пламя. Тот из нас прав, кто останется в огне неопаленным». Патриарх ответил на это: «Благословен Господь Бог! Я слаб, силы мои слабы, я ничего не могу сам по себе сделать, но Господь всемогущ, Он все может совершить ради прославления Его святого Имени». И тотчас он велел развести костер. Увидев пламя, столпник устрасился и не соглашался сойти со столпа. Тогда святой начал молиться: «Господь Иисус Христос, неложный Сын Божий, пришедший ради нашего спасения на землю, воплотившийся от Святого Духа и Девы Марии, Ты — помощь, Ты — прибежище и убогого человека, и всех заблуждающихся...» Затем он снял свой омофор и бросил его в огонь. Пламя пылало в течение трех часов, дрова все сгорели, а омофор остался невредимым. Это чудо так ужаснуло старца, что он воскликнул: «Жив Господь Бог, совершивший такое чудо», — и отказался от своего заблуждения.

Ныне распространяется множество ересей, многие считают Господа простым человеком. Различные лжеучения колеблют души верующих и стремятся отклонить их от Святой Церкви. Поэтому ныне особенно нужно молиться святым отцам, чтобы они охраняли Святую Церковь и каждого из нас от заблуждений.

Неложно слово Христа Спасителя: *Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей* (Мф. 16, 18). И мы знаем: тот, кто будет следовать учению святых отцов, останется твердым и непоколебимым в Православной вере. Еже буди, буди... Аминь.

О ниспослании даров Духа Святого

*В праздник Пятидесятницы (за литургией)
10 июня 1907 года*

Сейчас мы будем молиться Господу Богу о ниспослании даров Духа Святого. Все мы твердо верим, что без благодати Святого Духа не может жить человек — подобно тому как без воздуха не может существовать тело наше. Поэтому будем

усердно внимать читаемым молитвам и молиться за себя и за всех людей.

Некогда все апостолы находились вместе в комнате. Вдруг сделался сильный шум, как бы от сильного ветра, и Дух Святой сошел в виде огненных языков на каждого из них. Все они исполнились благодати Святого Духа и начали говорить на разных языках, проповедовать слова Божии, возвещать о Воскресении Спасителя (см.: Деян. 2, 1–40).

Ныне Дух Святой не является видимым образом. Он уже более не сходит в виде огненных языков, мы не видим знамений Святого Духа. Одно было знамение для всех народов и на все времена. Ныне Святой Дух сходит на верующих таинственным образом, как об этом говорит Сам Господь Иисус Христос: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21).

Благодать Божия все совершает в сердце человека невидимо для окружающих, но плоды действия благодати бывают очевидны. Такой человек имеет мир в душе своей, он со всеми мирен, готов принести помощь всякому, в храме Божиим молится усердно, во всем полагается на волю Божию и без ропота переносит скорби и страдания.

Помолимся же усердно о том, чтобы благодать Святого Духа сошла на нас и на всех верующих. Помолимся о тех, которые уже отошли от нас, о наших усопших. Мы не знаем, где они, но знаем, что нет человека, который жил бы и не согрешал¹. Часто после дней греха наступает раскаяние, соединяемое с надеждой на милосердие Божие, на возможность исправления. Но для мертвых все кончено — нет для них покаяния. Как тоскуют, может быть, они, как усердно взывают: «Прошу всех и молю, непрестанно о мне молитесь Христу Богу». И если всегда должны мы молиться Господу об усопших, то в нынешний день особенно. Будем молиться и за себя, и за них, ибо не мертвые, а живые восхваляют Господа и приносят молитвы Ему.

А затем помолимся и за нашу дорогую Родину, которая ныне скорбит и тоскует. Выслушаем эти дивные слова и помолимся единым сердцем и едиными устами Господу Богу

¹ Ср. со словами заупокойной молитвы: «несть человек, иже жив будет, и не согрешит».

в эти страшные для нас и таинственные минуты. Да снидет благодать Святого Духа, и да исполнит Господь наши прошения во благо Святой Церкви, во благо нашей Родины, во благо всем нам и ближним нашим. Аминь.

В неделю 1-ю по Пятидесятнице, Всех святых

*За литургией
17 июня 1907 года*

Сегодня мы празднуем память Всех святых. Этот праздник дорог каждому из нас, потому что вместе со всеми святыми мы празднуем и того святого, имя которого носим.

Вы спросите, почему установлен сей праздник? Почему совершается празднование апостолам, пророкам, мученикам, преподобным, блаженным, — одним словом, всем святым, угодившим Господу Богу, достигшим Царствия Небесного? И почему именно теперь совершается это празднование?

Ответ на этот вопрос очень простой: недавно мы праздновали Воскресение Христово, затем Его Вознесение, в прошедшее воскресенье мы чествовали Святую Троицу: Бога Отца, пославшего на землю Своего едиnorodного Сына, Сына Божия, претерпевшего страдания, и Святого Духа, Который ниспосылает нам благодатные дары, необходимые для спасения. Ныне же мы празднуем память всех угодников Божиих, которые при помощи благодати Святого Духа соделались святыми и праведными.

Как в природе: восходит солнце, согревает землю, а потом сходит с неба благодатный дождь, орошает ее — и произрастают цветы. Так и с неба на землю сошло Солнце Правды — Христос Спаситель, Который послал Утешителя Святого Духа; благодать Святого Духа сошла на землю, и на ней стали произрастать святые люди.

Кто же были эти святые люди? Они, как и мы, были облечены в плоть и кровь. Они так же, как и мы, жили, терпели искушения и соблазны — только они вышли победителями. Почему они победили? Потому что возлюбили Господа Бога, потому что помнили, что здесь, на земле, все мы — только

странники и пришельцы, а настоящая жизнь там, на небе. Многие из них претерпели страдания телесные, многие приняли смерть [за Христа], иные спасались в пустынях, постоянно молясь Господу Богу. Ради любви Божией они любили ближних. Они смотрели на всех людей как на братьев и сестер и старались каждому помочь, не жалея ничего для блага ближнего. Они не заботились о своем теле так, как о нем заботится громадная часть людей нашего времени. Они старались победить в себе все дурное, угодить Господу Богу. Такими они были на земле. Что же делают они на небе? На небе они наслаждаются таким счастьем, о каком мы и мечтать не можем. Вместе с архангелами и ангелами они воспевают пред Престолом Божиим ангельскую песнь Господу Богу, но вместе с тем не забывают и нас. Они видят нашу жизнь, видят, как мы грешим, каким искушениям мы поддаемся, и предстательствуют, и молятся за нас. Их молитва — как уголь горящий, а наша, как камень...

Чем же мы возблагодарим их? Прежде всего — молитвами своими. Сошьем наш молитвенный голос с молитвой Церкви. Затем будем подражать святым своей жизнью, стремясь утвердить в себе те же добродетели, усовершенствовать нашу жизнь. Будем чаще читать жития святых — в них рассказывается, как эти люди жили, как они боролись, как победили и сделались наследниками жизни вечной. Недаром все благочестивые люди любили читать жития святых и находили в них помощь и опору.

Почему же так мало людей, стремящихся к вечной жизни? А потому, что мы мало думаем о своей душе. Мы забываем, что человек подобен цветку, который распускается только на мгновение, мало размышляем о том, что рано или поздно придет к нам смерть, о том, что нас ожидает за гробом.

Если мы твердо решили быть добрыми христианами, стремиться к добру, то Господь Бог по молитвам святых поможет нам достигнуть неба. Еже и да будет!

О причащении Святых Христовых Таин

В праздник Владимирской иконы Божией Матери

23 июня 1907 года¹

Сердечно поздравляю вас, возлюбленные братья и сестры, с принятием Святых Христовых Таин!

Великий дар Божий приняли вы! Подобно тому как дождь необходим для произрастания растений, причастие Святых Таин необходимо для произрастания в нас добродетелей.

Темна и мертва становится природа без дождя. Земля, когда она страдает от засухи, способна произращать только волчцы и тернии, и то с трудом. Все кругом делается мрачным... Такой же мрачной становится душа, когда в ней перестает действовать благодать Божия: тогда она лишается спокойствия, тоскует, теряет способность произращать добродетели, стремится к порокам. Она мертва... Но вот благодать Божия снова посещает ее — и она оживает, радуется, веселится, получает новые силы и начинает произращать добродетели — подобно тому как земля после обильного дождя начинает производить растения.

Да, велика милость Господа! Великого дара Он сподобляет нас в причащении Святых Таин Его Тела и Крови!

Возблагодарим же Господа Бога за Его великие милости и испросим у Него, дабы Он сподобил нас причащаться и в Царствии Его — там, на небе.

А теперь от благодарного сердца благодарными устами воззовем к Нему: Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!

Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное

В праздник Рождества святого Иоанна Предтечи

в храме во имя святой Параскевы Пятницы (в воскресенье, за литургией)

24 июня 1907 года

Сердечно поздравляю вас, возлюбленные братья и сестры, с сегодняшним праздником Воскресения Христова и праздником Рождества Его великого Пророка, Крестителя Иоанна.

¹ В 1907 году этот день пришелся на субботу 1-й седмицы Петрова поста.

Радуюсь, что Господь привел меня помолиться в вашем храме. Великой радостью, можно сказать, исполнилось мое сердце, видя редкое такое благоукрашение. Видя великое, особенное ваше расположение к его благоукрашению, я усердно помолился и искренно желаю, чтобы его украшение могло бы служить для нас примером — чтобы и наши души и сердца были украшены, подобно сему храму, христианскими добродетелями.

Сегодняшний праздник должен быть особенно знаменателен и дорог для нас. Сегодня мы празднуем Рождество Предтечи, Пророка и Крестителя Господня. Этот праздник всегда был велик и знаменателен, а особенно он знаменателен теперь, в наши дни, — дни малодушия, безверия, всякой смуты, нестроения. И вы сейчас увидите, почему это так.

В то время, когда жил и действовал пророк Божий, были дни смуты и нестроений в жизни народа еврейского. Народ еврейский, прежде пламенно молившийся, перестал посещать храм Иерусалимский, синагоги. Вместо того чтобы думать о спасении своей души, он стал думать о теле, о чувственных удовольствиях, он стал строить цирки, театры. А так как одни веселились, а другие трудились, то часто являлись между ними раздоры, вспыхивали восстания, которые приходилось подавлять военной силой. Постепенно вера все больше и больше ослабевала в народе еврейском.

И вот в это-то время на берегах Иорданских является Иоанн. На берегах Иорданских раздается необыкновенная проповедь: *Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное* (Мф. 3, 2). Резким противоречием звучала эта проповедь с той жизнью народа. Люди забыли о Боге, а он призывал к покаянию. Люди думали о почестях, о деньгах, о чувственных удовольствиях, а святой пророк говорил противоположное: *У кого две одежды, тот дай неимущему* (Лк. 3, 11). Он призывал иметь только необходимое.

Грозна и властительна была проповедь пророка, он никого не щадил, он говорил только одну правду. И дивно действовала эта проповедь на сердца людей. Может быть, вы думаете, никто не станет слушать эту проповедь? Тем не менее на берегах Иордана стали появляться ученые и знатные,

богатые и бедные и даже языческие воины. Всем говорил пророк: «Покайтесь, перестаньте жить одним земным... думайте о спасении своей души и креститесь в знак покаяния». И действительно, крестилось множество народа. И даже суровые языческие воины, которых ничто не могло тронуть, и те плакали.

В чем же была сила этой проповеди? В пламенном воодушевлении. Говорил он властно. Но это воодушевление не было даром, ниспосланным пророку временно. Нет, святой пророк еще от чрева матери, всю свою жизнь приготавливал себя, чтобы явить себя миру. Он никогда не пил вина, носил самую грубую одежду, с детства удалился в пустыню и там проводил время в чтении Священного Писания, молитве и самоусовершенствовании. И этим усовершенствованием так приготавил себя, что, когда пришел час воли Божией, он явился чистым, готовым до смерти служить Господу.

Теперь вы видите, почему дорог и знаменателен этот праздник в наши дни — когда все злое восстает теперь против Господа Бога. Теперь-то особенно нам нужны покаяние, молитва, добрые дела — чтобы примером своей доброй жизни утверждать современных неверующих наших братьев; чтобы они, видя наши добрые дела, прославляли Господа Бога; чтобы, видя наши добрые дела, люди и сами стали бы благоухать добродетелями.

Искренно желаю и усердно помолился я, — да не оскудевает в нас вера, вера отеческая, вера Православная; да не оскудевает в нас и любовь к Родине; да не оскудевает в нас и чувство к [потребности] самоусовершенствования, к самоисправлению.

Ты же, Пророче Божий, вместе с преподобной Параскевой помогай нам.

О сем, возлюбленные братие, помолимся усердно сейчас — и за себя, и за братьев наших, и за нашу дорогую Родину пред святыми чудотворными иконами.

О причащении Святых Христовых Таин и о помощи Божией Матери

В праздник Тихвинской иконы Божией Матери (за литургией, во вторник)

26 июня 1907 года

Сердечно приветствую вас, дорогие братие и сестры, с великим, многознаменательным праздником Владычицы нашей Небесной.

Радуюсь, что Господь привел помолиться нам в приделе, посвященном Владычице нашей Небесной. Также поздравляю в особенности тех, которые сподобились в этот день принять Святые Животворящие Тайны Тела и Крови Христовых и искренно желаю, чтобы это причащение послужило вам во исцеление и здравие души и тела.

Ныне вы получили великий дар Божий — Тело и Кровь Его, и вместе с тем это возлагает на вас великие обязанности. Вы должны хранить этот великий дар. С помощью Христа Спасителя, живущего в вашем сердце, это легко. Кроме того, вы имеете заступницу и покровительницу — Владычицу нашу Небесную.

В самом деле, желаете ли вы приобрести смирение? — Она ради смирения возвеличена паче всех людей и небесных сил. Желаете ли иметь терпение в скорбях? — Она имела такое терпение, какого не было ни у одного из сынов человеческих. Желаете ли сохранить чистоту помыслов душевных и чистоту тела? — Она является чистейшей и славнейшей более, чем чины ангельские... Одним словом, во всякой добродетели, обращайтесь к Ней за помощью, и Она услышит вас. Она отвращается только от тех, которые ненавидят и хулят Ее Сына, которые отрекаются от Него, которые не хотят исполнять Его учение... Недаром Она отвернулась от влахернских жителей; недаром в храме раз ночью исчез Ее образ... Недаром однажды Она сказала послушникам одной обители: «Тогда шведы будут покорены, когда из монастыря будут удалены все нечестивые люди»¹.

¹ Здесь упоминаются эпизоды из церковного предания о Тихвинской иконе Божией Матери, находившейся в Константинополе в специально для нее построенном храме, известном под названием Влахернский. В 1383 году,

Таким образом, кто искренно почитает Ее и молится усердно Ей и Ее Сыну, те получают благодатную помощь. А те, которые отвертываются от Нее, они навсегда лишаются Ее милостей — и навсегда Она отвратится от них.

Возблагодарим же Господа Бога за такую великую милость к нам грешным, за причащение Святых Таин и от всего сердца воскликнем: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!» [Аминь.]

**По случаю празднования 500-летия со дня кончины
преподобной Евфросинии, княгини Московской,
и 300-летия со дня кончины святителя Иова,
Патриарха Московского и всея Руси¹**

*В праздник Казанской иконы Божией Матери (за литургией)
8 июля 1907 года*

Так всегда радостен, праздник Божией Матери!

Приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, христиане, с праздником Владычицы нашей Небесной! Не правда ли, как знаменательно в этом году празднование в честь Казанской иконы Божией Матери, Которая Своим заступлением не раз спасала от многих бед наше Отечество, и в частности Москву! Вчера мы праздновали память великой княгини преподобной

при императоре Иоанне V Палеологе, святая икона исчезла из Константинополя и появилась в пределах Новгородской земли: ее увидели местные рыбаки в сиянии плывущей по водам Ладожского озера. Затем икона являлась в разных местах, пока, наконец, не остановилась близ города Тихвина. По месту явления икона и получила свое наименование. В царствование Иоанна Грозного († 1584) был устроен Тихвинский мужской монастырь, где находилась Тихвинская икона Божией Матери, прославившаяся великими чудесами. К памятным событиям относится оборона Тихвинской обители от шведов в 1613–1614 гг., во время которой было много знамений от иконы. Однажды во время осады в обители находились множество людей; враги одолевали, а иноки не получали помощи Божией. Тогда благочестивому служителю Соловецкого монастыря (так называет его св. Димитрий Ростовский), находившемуся там, явилась Божия Мать и сказала, что Ее помощь отступила от этого места из-за того, что многие осквернили его своими нечистыми деяниями. Когда виновные были изгнаны, осаждаемые стали приходить в силу и с помощью Божией победили шведов.

¹ Оубл. в: [40], с. 251–254.

Евфросинии¹, этой печальницы и молитвенницы о нашей Русской земле, а 19 июня творили память святителя Иова, первого Патриарха Московского и всея Руси, — тоже печальника и молитвенника за всю Русскую землю.

Преподобная Евфросиния жила в тяжелое и смутное время — время, которое летописец называл «унылым», «скорбным», потому что вся Русь томила под игом татарским. Преподобная молила Господа Бога об избавлении своего Отечества от татар, старалась советами помогать своему мужу, утверждать и укреплять его в мужестве, а затем, после его смерти, и сыновьям. После кончины супруга княгиня Евдокия отказалась от великокняжеских почестей и носила царские одежды только для того, чтобы ее не хвалили за показную скромность. Но, как всегда бывает, злоба и клевета не замедлили коснуться преподобной: ее стали обвинять в нечистой жизни. Чтобы дети ее не смущались грязными слухами, однажды княгиня приоткрыла перед ними свои одежды; они увидали ее изможденное тело и поняли, что она — великая подвижница. А вскоре затем княгиня Евдокия поселилась в основанном ею Вознесенском монастыре, где приняла монашеский постриг с именем Евфросиния. Преподобная удостоилась дара чудотворений. Так, когда княгиня шла в Вознесенский монастырь, один слепец, увидав шествие, стал просить княгиню исцелить его; он так говорил: «Святая княгиня Евфросиния, исцели меня, ведь ты сама обещала сегодня во сне исцелить меня!» Княгиня коснулась рукавом своей одежды его глаз — и тотчас слепой исцелился.

Преподобная Евфросиния всегда усердно молилась Владычице нашей Небесной и имела глубокую веру в Нее, чему свидетелем является храм во имя Рождества Пресвятой Богородицы, построенный ею в Кремлевском дворце.

Прошло два столетия, наступил XVII век. После смерти царя Бориса Годунова случилась на Руси неслыханная смута, все разраставшаяся и разразившаяся появлением самозванцев. Летописец, описывая это время, называет его лихолетьем. Он так изображает ту эпоху: «Тогда любовь к Отечеству

¹ 7 июля 1907 года праздновалось 500-летие со дня кончины преподобной Евфросинии († 1407).

иссякла во многих, справедливость как бы исчезла с лица земли Русской, Православная вера поколебалась, связи общественные и семейные стали нарушаться, измена сделалась обычным делом, а воровство, убийство считалось как бы подвигом, любовь к Отечеству называли презренною». Вот какое то было время.

В это-то время и жил патриарх Иов, который употреблял все усилия, чтобы водворить мир на Руси. Святитель страдал за свою Родину и примером своей жизни показывал, что надо делать, как поступать [в этих трагических обстоятельствах]¹. Святой патриарх молился, писал послания, увещевал бояр-клятвопреступников, ради выгод перебежавших на сторону самозванца. Однажды, когда патриарх совершал богослужение в Успенском соборе, изменники бросились к нему, стали рвать на нем одежды. Патриарх обратился к образу Богоматери со следующими словами: «Царица Небесная, здесь, в этом храме, я воспринял благодать архиерейскую, здесь я надел святую панагию с изображением Твоего святого образа и девятнадцать лет правил паствою. Ныне ереси, неверие, смуты распространились в нашей земле. Спаси и утверди землю Русскую, утверди Православную веру среди братьев моих». Так молился патриарх Иов. Затем изменники влачили его по улице, по площади, издеваясь над ним, а через некоторое время, в одежде простого монаха, отвезли в заточение в Старицкий монастырь.

Прошло еще несколько времени, смута все увеличивалась, так что невыносимо стало жить русским людям. Снова вызывают патриарха Иова — старца, изможденного от трудов, испытаний и скорбей, чтобы он принял всенародное покаяние. Прибыл он, как бы из гроба восставший, чтобы примирить народ с небом. В Москве была прочитана грамота, составленная патриархом Иовом, в которой святитель

¹ После смерти царя Бориса Годунова патриарх Иов первым выразил верность вдовствующей царице Марии и ее детям Феодору и Ксении, как правителям государства. Святитель Иов в своей окружной грамоте извещал о вступлении на престол Феодора Борисовича и убеждал служить новому государю. За патриархом Феодору Борисовичу присягнули бояре и все жители Москвы. Однако при появлении в Москве слуг Лжедмитрия большинство населения, частью обманутые, частью запуганные, перешли на его сторону.

испрашивал прощение грехов русскому народу, убеждал хранить преданность вере, Царю, любовь к Отечеству.

Еще несколько столетий прошло с того времени, и снова мы живем во времена смуты. Как же нам не обращаться к печальникам за землю Русскую, да умолят они Царицу Небесную, да умиротворит Она землю Русскую! И верим — Она увидит скорбь нашу, услышит пламенные наши молитвы.

О, молитвенники земли Русской, знаем мы, что вы можете умолить Господа, знаем также, что все попущено нам Господом Богом по великим грехам нашим. Но веруем, что щедр и многомилостив Господь и милость Свою простирает на всех верующих, все покрывает любовью. Испросите нам прощение, да прекратится смута и водворятся мир и благоденствие в нашей стране молитвами Владычицы нашей Небесной и вашими ко Господу Богу, Ему же честь и слава и поклонение во веки веков.

В День Святого Духа¹

*В понедельник, за литургией
11 июля 1907 года*

Сегодняшний праздник, как, вероятно, всем вам известно, тесно связан с предшествовавшим днем, когда мы празднуем Сошествие Святого Духа на апостолов и вместе с тем непрестанное Его сошествие на всех людей.

Как весною расцветает вся природа, так и событие, которое мы вспоминаем в этот праздник, положило начало расцвету духа человека христианскими добродетелями. Как бы ни был грешен человек, но если он верует, то может он снова, при помощи благодати Святого Духа, зацвести христианскими добродетелями — подобно тому как в весеннее время зацветают обнаженные поля и леса. И как приятно и поучительно видеть расцвет природы в дни этого праздника, побуждающий нас к благочестивым размышлениям. В самом деле, взгляните на небо, на эти мириады звезд, взгляните на леса и поля, — вся тварь бездушная воздаст хвалу Творцу.

¹ Опубл. в: [40], с. 245–246.

И наше сердце радуется и хвалит Господа Бога. Не правда ли, радостен этот праздник!

Один только раз совершилось Сошествие Святого Духа на апостолов видимым образом. Но на христиан Святой Дух всегда нисходит в Таинствах Церкви, и так будет продолжаться в роды родов. Человек рождается во грехах, но в купели крещения очищается от них. Ему нужны силы идти тернистым путем исполнения заповедей Божиих — и он получает их в Таинстве Миропомазания. В Таинстве Причащения человек соединяется духом и телом со Христом, подобно тому как ветвь соединяется с лозой и питается ее соком. Но грех продолжает мучить человека; бывает, он чувствует, что сошел с христианского пути, что-то мешает ему идти. И тогда благодать Святого Духа в Таинстве Покаяния врачует его. Постигает человека болезнь, ужас холодный леденит его сердце, у него на душе много забытых грехов — и вот в Таинстве Елеосвящения благодатию Святого Духа ему прощаются грехи его, он очищается и исцеляется от болезней души и тела.

Благодать Святого Духа всегда действовала в мире и будет действовать до тех пор, пока снова не явится на землю Господь Бог. Это будет второе пришествие Христово. Тогда души умерших соединятся с телами и предстанут на Суд Божий со всеми своими делами и помышлениями. О, великий час! Но как мало мы думаем, как часто забываем о нем.

Будем просить Святого Духа о ниспослании помощи и благодати нам и всем христианам. О, Святой Душе, прииди, и вселись в нас, и спаси наши души для Царствия Небесного!

Под сению великого дерева¹

*В праздник обретения мощей преподобного Серафима Саровского
(в храме во имя преподобного Серафима за раннюю обедню)
19 июля 1907 года*

Когда внимательно вчитываешься в жития святых угодников, как, например преподобного Сергия, преподобного

¹ Эта и следующая проповеди опубл. в: [40], с. 247–250.

Серафима и других пустынных, то невольно изумляешься Промыслу Божию о них. Ведь эти люди менее всего искали человеческой славы — той славы, что называется популярностью, — чтобы о них много говорили, чтобы их хвалили, поклонялись им, превозносили их в жизни. Бежали они этой человеческой славы, этого человеческого почета; более всего заботились об усовершенствовании своего духа, о работе над собою, о приобретении себе, с помощью усердной молитвы, талантов — добродетелей, — и для этой цели они удалялись в пустыню. И вот — дивное чудо!

Многие, искавшие славы, прогремели и исчезли... Иногда даже с великим стыдом, позором. Многие, жаждавшие популярности, приобретши ее, вспоминаются весьма печально. И даже люди, славившиеся своими выдающимися трудами, открытиями, вспоминаются холодно и почти безучастно. А между тем подвижники, не думавшие не только прославиться, но и бежавшие в пустыни от мира и его славы, не только не забываются, но вспоминаются и прославляются людьми с такою же любовью, с какою к ним относились и при жизни. С такою же любовью они вспоминаются целыми поколениями и веками, с какою они и сами относились к людям. И этого мало — огнем, которым горели при жизни их сердца, они продолжают согревать целые тысячи душ и сердец.

Не правда ли, они подобны тем, на которых указывал Христос Спаситель. Он говорил: *Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое... хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его* (Мф. 13, 31–32; ср.: Мк. 4, 31–32; Лк. 13, 19). И вот — эти люди, они умалили себя во всем. И когда, с помощью молитвы и благодати Божией, они изогрели искру в пламень живой веры, чистой надежды и горячей любви, то на этот пламень стало стекаться множество людей. И где бы они ни были, эти люди, — в городах ли, в пустынях ли, какое положение они ни занимали бы, в них тысячи сердец находили всегда себе отраду и утешение. И даже смерть не порывала этих отношений с возлюбившими их; а, наоборот, эта любовь

стала выражаться еще крепче. Со стороны живых людей — молитвою к ним, а со стороны праведников — благодатными утешениями. Поистине, по слову Христа Спасителя, они выросли в великое дерево, под сению которого спасаются души человеческие, подобно тому как под сению дерева укрываются птицы.

Возблагодарим же Господа, даровавшего нам святого молитвенника — преподобного Серафима. Будем призывать его во всех скорбях, с надеждою быть услышанными.

О святых Божиих

*В праздник обретения мощей преподобного Серафима Саровского
(на молебне, в храме во имя преподобного Серафима)
19 июля 1907 года*

Помня незабвенные слова преподобного Серафима: «Когда я умру, приходите ко мне на гробик, все, что у вас есть на душе, какие бы скорби ни постигли вас, поведайте мне, как живоуму, — и я вас услышу, и я облегчу вашу печаль». Помня это, возлюбленные братие и сестры, и мы, собравшиеся в этом святом храме, посвященном его имени, здесь, вокруг его святого образа, как дети вокруг своего отца, готовы воссылать молитвы к нему, готовы обращаться к нему со своими скорбями душевными, а иные и с телесными.

А у кого из нас нет скорбей? Кто из нас не страдал и не страдает? Кто бы он ни был, какое бы общественное положение ни занимал, у всякого, это можно сказать наверное, есть свои скорби, свои страдания, своя нужда.

Обратимся к нему, возлюбленные братие и сестры, как дети к родному отцу со своими скорбями, страданиями и нуждами... А прежде всего будем просить его о даровании тех добродетелей, которыми он отличался сам, — об укреплении нашей слабой веры и надежды. Будем просить его о даровании величайшей добродетели — любви. Ведь для приобретения этой добродетели он трудился всю жизнь, работая над собою и непрестанно трудясь и молясь.

И вот припоминаются мне картины из его жизни. Представляется мне его маленькая келья среди густого, дремучего леса.

Глубокая, осенняя, темная ночь. Жутко в лесу. Пронзительно завывает ветер. Раздается вой волков... Но святого подвижника ничто не страшит. Он стоит перед образом, пред которым едва мерцает свечка, и едва теплится лампадка. И в то время, когда, казалось бы, душа его должна была испытывать полное одиночество, полную беспомощность, он не боится ничего. Его не устрашает ни вой волков, ни грозные явления природы... Иногда ему представлялось, что его келья наполнялась дикими зверями, и слышался их вой. Иногда ему казалось, что в его келью врывается толпа людей. Но он ничего не боялся. Однажды к нему пришли разбойники, требуя от него денег, окровавили его, измучили, оставя его едва живым. И святой пустынный возвратился в свою пустыньку и просил, чтобы не преследовали этих злодеев.

Еще чаще представляется мне другая картина. Вот старец, согбенный от трудных подвигов, трудов и болезней, в белом подрясничке, с палкой в руке, окружен множеством людей самых разнообразных состояний, возрастов и положений, которые пришли поведать ему свои скорби, страдания. И вот здесь с особенною силою проявлял старец свои христианские добродетели — кротость, смирение, ведение тайн Божиих... Всех ободрял, утешал, скольких людей избавил от злой тоски, скольких людей возвратил к новой жизни о Христе Иисусе, которые сделались полезными в новой жизни и себе, и другим.

Мы твердо веруем, что духовная связь между живыми и умершими не прекращается. Святой апостол Павел говорит: когда со смертью прекратятся вера и надежда, то любовь *никогда не престанет* (1 Кор. 13, 8). И мы веруем, что эта любовь становится еще теснее и не прекращается. Она выражается по отношению к святым со стороны живых усердною молитвою, а со стороны умерших — духовною молитвенною помощью, исцелениями. Вот почему, возлюбленные братие и сестры, будем усердно, единым сердцем и едиными устами, молиться святому Божию чудотворцу, преподобному Серафиму, и будем твердо верить, что он не оставит, как не оставлял и при жизни наши молитвы. И теперь услышит их, и будет слышать их всегда.

О даровании терпения¹

*В день памяти великомученика и целителя Пантелеимона (за литургией)
27 июля 1907 года*

Вот мы видим пред собою святой образ Божией Матери и святые мощи великомученика и целителя Пантелеимона. Усердно помолимся этому угоднику. Отчего так прославляют его, — спросите вы, сравнительно с многими другими святыми?

За его твердую веру ко Господу Богу, за его безграничную любовь к людям, за его терпеливое перенесение страданий. Он имел в своей жизни все: и молодость, и ученость, и знатное происхождение... Он все это пренебрег, — ничего иного не хотел, кроме любви Христа Спасителя. Он ради Христа Спасителя возлюбил сотворенных Богом братьев своих. Он именуется врачом безмездным, потому что он искусство свое употреблял на лечение бедных и неимущих. Он никому не отказывал, кто бы ни обращался к нему за помощью.

А его терпение в страданиях! Он шел на эти страдания как на великий подвиг. Он шел на них с любовью и радостью, ибо знал, что человек живет не для этой жизни, а для вечной.

И мы, возлюбленные братие, помолимся усердно и за себя и за ближних наших, о даровании и нам этих великих добродетелей, какими отличался святой великомученик Пантелеимон.

Теперь особенно надо об этом молиться: теперь повсюду замечается оскудение веры, быстро распространяется отрицание ее, а отсюда является любовь только на словах, а на самом деле оскудевает, ослабевает любовь детей к родителям, родителей к детям, любовь к семье, к ближним, к Родине — и замещается ненавистью. Отсюда, с уменьшением любви, является оскудение к терпению. Человек не хочет переносить никаких скорбей и страданий, а между тем эти скорби и страдания все более и более умножаются. Еще на короткое время, ради самолюбия, похвалы, человек, пожалуй, и готов потерпеть немного, но постоянно терпеть и без ропота переносить страдания и скорби недостает и у него самолюбия. О, как мало таковых, которые несут терпеливо свои скорби и страдания!

¹ Опубл. в: [40], с. 250–251.

Терпеть может только тот, кто, подобно растению, которое живет под действием влаги и света, верит твердо в Господа Бога, надеется на Его милосердие и усердно молится Ему.

Итак, помолимся же и мы усердно Господу Богу и за себя, и за ближних наших. Да утверждаются в нас эти великие добродетели — вера, любовь и терпение.

Символ победы над злом¹

*На праздник происхождения (изнесения) честных древ
Животворящего Креста Господня (за всеобщим бдением)
Во вторник, 31 июля 1907 года*

Так снова, при наступлении поста, говения, покаянных подвигов, воздвигается пред нами Крест Христов и этим заставляет нас вспоминать о себе и о своей душе, о ее христианском назначении.

В самом деле, обыкновенно мы живем будничной жизнью, жизненными интересами, заботами, тревогами, озлоблением. То мы радуемся, то скорбим, то раздражаемся, то веселимся — и вовсе не думаем о своем христианском назначении. Но вот, представьте себе, что стряслась над нами какая-нибудь беда, постигло нас какое-нибудь горе, особенно смерть близкого, родного нам человека — отца или матери. Не правда ли, как тогда сразу изменяется наше настроение? Мы делаемся скорбными, унылыми, а главное, мы начинаем глубже верить. Все, что интересовало нас минуту тому назад, кажется теперь пустым и ничтожным перед смертью.

Точно так же, возлюбленные братья, действует на нас воздвижение Креста Господня. Оно напоминает нам о смерти Христа Спасителя, подъятой Им ради наших грехов. Оно живо напоминает нам дарованную Спасителем силу для борьбы с грехом... Сила этой борьбы — Крест. Крест — это символ самораспятия!

Таким образом, мы видим, что Крест сделался символом христианина не потому лишь, что на нем был распят Христос; но и потому, что взирая на Крест, мы должны помнить, что

¹ Опубл. в: [40], с. 254–255.

и нам предстоит в жизни страдать, а потом умереть. В самом деле, об этом напоминают нам все Таинства и обряды. Что такое Таинство Крещения? Смерть греху. Таинство Покаяния и Причащения Святых Христовых Таин — причащение себя страдальческой жизни Христа Спасителя. Крест на храме, на груди... Все это должно напоминать христианину о борьбе с грехом.

В нашей душе замечается раздвоение, ибо в ней живет грех. В нас как бы живет два человека. Один добрый: он любит добро, он готов принять в себя весь мир, он смиряется, терпит, любит врагов своих... Другой — любит плоть, он тщеславен, завистлив, сладострастен... И вся наша жизнь проходит в борьбе между этими двумя людьми, то есть в борьбе добра со злом. В победе в этой борьбе над злом и заключается вся наша христианская цель жизни.

Поэтому, лобызая Крест, будем просить у Господа, чтобы Он помог нам идти по Его стопам. Будем просить о том, чтобы нам не исполнять своих греховных желаний, чтобы сами эти язвы греховные направляли бы мы на борьбу с грехом и самоумерщвлением.

Чудо укрощения бури

*В неделю 9-ю по Пятидесятнице
(Мф. 14, 22–34, 59 зачало), за литургией
12 августа 1907 года*

Как отрадно прочитанное сегодня Святое Евангелие! Оно показывает, что Господь всегда близок к нам, всегда рядом с нами, всегда готов оказать нам Свою всесильную помощь — в особенности же во время скорбей и напастей, нас постигающих.

Весьма прост сей евангельский рассказ, но весьма поучителен. Апостолы были в лодке, вдруг сделалась буря, и они стали тонуть. Христос приблизился к ним, чудесным образом ступая прямо по воде. Они испугались, приняв Его за призрак. Господь их успокоил и, вошедши в лодку, укротил бурю. Все бывшие в лодке изумились, поклонились Ему и исповедали Его Сыном Божиим.

Благодатным ветром веет на наши души, когда мы слушаем этот евангельский рассказ. И в нашем плачевном житии часто постигают нас бури, часто бьют волны, сверкают молнии. Как многочисленны эти волны, как разнообразны, как свирепы! Одна волна, которая бьет прямо в сердце, клокочет в душе — это наши страсти. Горе тому человеку, который не устоит — она быстро донесет его до окончательной гибели.

Вторая волна — это скорби, нападки, напраслины от злых людей. Кровью и слезами брызжет эта волна на всякого блуждающего по морю житейскому.

Третья волна — это беды, несчастья, попускаемые Промыслом Божиим за прожитое в грехах время, за нерадение. Различные испытания посылает нам Господь: болезни, неудачи, общественные бедствия.

Многоразличны волны житейского моря, и всегда они настигают нас неожиданно, как неожиданно буря настигла апостолов. В самом деле, когда апостолы сели в лодку, они не думали ни о какой опасности. Но прошло несколько минут, и подул сильный ветер, началась буря, лодку стало качать, и им стала угрожать гибель. Не так ли бывает и с нами? Мы живем будничной жизнью, житейскими заботами и мало думаем о своем высоком назначении. Но вдруг постигают нас скорби, буря житейская, о которой мы и не думали.

Что мы делаем тогда? — То же, что и апостолы. Они по маловерию поколебались душой, не узнали Своего Учителя, приняли его за призрак. Таковы и мы: когда постигают нас скорби, мы [малодушествуем], унываем, отчаиваемся, забываем, что Христос Спаситель всегда готов оказать нам помощь, и ждем гибели.

Но апостолы, увидев чудо укрощения бури, утвердились в вере и воскликнули: *Истинно Ты Сын Божий* (Мф. 14, 33). Ради этого Господь и пришел к ним на помощь.

Вера, стремление ко Христу вложено в каждого человека с самого раннего детства, потому-то [для нас естественно] всегда призывать Его на помощь во всяком деле, во всех обстоятельствах, особенно же в житейских бурях. Он же, Милосердный, во время скорби всегда близок к нам. Так, когда случилось несчастье, когда ученики Его стали тонуть,

Он тотчас явился им, ободрил и сказал: *Это Я, не бойтесь* (ст. 27).

И нас, дорогие братие и сестры, Он посещает в скорбях. Мы слышим Его голос и в Священном Писании, и во время богослужения, и в различных обстоятельствах нашей жизни. «Не бойтесь, ободритесь, ведь это — Я! Ведь это Моя воля, Я желаю вам блага и поэтому посылаю испытания!» Счастливым был апостол Петр, просивший: *Господи, если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде*. Господь сказал Ему: *Иди!* (ст. 28–29). Петр пошел по воде, и волны не потопляли Его до тех пор, пока он верил. Но вот подул сильный ветер, Петр усомнился и тотчас стал тонуть — подобно тому как мгновенно падает птица, подстреленная в крыло. Он возопил: *Господи, спаси меня* (ст. 30), еще минута — и меня не станет... И Господь простирает ему Свою руку.

И мы, дорогие братие и сестры, хотя и грешные, но все же Его создание. Будем же искренно просить Его в те минуты, когда овладевают нами сомнения, колебания, воззовем к Нему: «Господи, спаси нас, мы погибаем». И мы верим, что если будем так взывать к Нему, то ни один из нас не погибнет ни в этой жизни, ни в будущей.

Отрадно видеть апостолов: они припали, поклонились Господу и воскликнули: *Истинно Ты Сын Божий*. И мы, дорогие братие и сестры, когда получим милость от Господа Бога, примем ее подобно апостолам. А кто из нас не получал Его милостей? Когда мы предстоим в храме перед открытым алтарем, когда исповедуем Его Сыном Божиим, поклоняемся Ему — тогда мы подобны апостолам! Мы говорим: «Господи, благодарим Тебя за Твои милости! Чем отплатим Тебе? — Истинною верою. Мы знаем, что неверующие, злые люди стараются нас отторгнуть от Тебя, лишить нас чистоты веры. Мы слабы, грешны, но мы не отдадим нашей веры никому. Господи, к кому нам идти? Мы не хотим ни к кому [другому] идти! Мы веруем, что Ты — истинный Сын Божий!» (ср.: Ин. 6, 68). Тогда мы ничего не убоимся, потому что будем не в лодке, как апостолы, но на корабле, которого не одолеют никакие волны, никакие бури.

В праздник Рождества Пресвятой Богородицы¹

*В церкви Богоявления в Елохове (за литургией)
8 сентября 1907 года*

Ныне мы празднуем Рождество Божией Матери. Родители Ее, Иоаким и Анна, были людьми праведными и богобоязненными. Они были знатного происхождения, ибо происходили из дома Давидова. Хотя они были и благочестивы, тем не менее они были очень несчастны, потому что не имели детей. Как вам известно, бесчадие считалось великим пороком в народе иудейском... И вот эти благочестивые, ни в чем не повинные супруги дожили до глубокой старости. Они усердно молились Святому Духу, чтобы Господь даровал им детище. Когда однажды святой Иоаким пожелал принести жертву на алтарь, то первосвященник отказал ему в этом. Он ему сказал: «Ты недостойн, чтобы твоя жертва была на алтаре, ты бесчаден. У тебя, вероятно, есть какой-нибудь тайный порок...» И тут один молодой человек сделал ему упрек: «Что ты идешь с жертвою? Разве ты не знаешь, что твоя жертва неужодна Богу?»

Праведный Иоаким вскоре ушел в пустыню и горько плакал, а святая праведная Анна тоже плакала — и о своем муже, и о себе. Она завидовала птицам и зверям: «Птицы и звери и те счастливее меня: они имеют детенышей, а я не имею детища и должна терпеть великое поношение». И вот за веру, терпение Господь возвестил их великой радостью: у них родилась дочь, которая сподобилась быть Матерью Самого Господа Бога — Спасителя Иисуса Христа.

Да, великие скорби несли Богоотцы Иоаким и Анна. Но, братие, кто из нас может сказать, что и его жизнь проходит без скорбей и страданий? Мир полон скорбей, страданий... Неожиданная смерть похищает близких нам, люди страдают, и страдания постоянно подстерегают нас. Все взывает к нам, что не здесь наша жизнь, а там, на небе. Здесь только призраки, приготовление к вечности. Здесь мы должны готовиться к будущей жизни, должны стараться очищать свою душу от всего дурного, должны воспитывать самих себя и должны оберегать себя от дурной среды, и, готовясь, как добрый воин

¹ Опубл. в: [40], с. 322–323.

на битву, молиться и всегда помнить, что здесь — начало, там — конец! Здесь — посев, там — жатва! Здесь — время страданий, борьбы с грехом, там — время отдыха! Так взывает Господь, так учит нас жить Христос в Евангелии.

К сожалению, как много теперь находится людей, которые смотрят на жизнь с другой стороны, говорят: «Жизнь дана на радость, на наслаждения, бери от нее как можно больше». Так сами они стараются жить и так учат других жить. Но всмотритесь, сама жизнь показывает, что она дает не одни радости, а и страдания. И чем больше люди стремятся к радостям и наслаждениям, тем более и более скорби постигают их. И вот в их душе зарождается ненависть, злоба, проклятие... Они тяготятся своею жизнью и часто прекращают ее. И после временного ада, который они сами себе устраивали здесь, на земле, переходят в вечный ад.

Но не так учит жить и смотреть на жизнь Иисус Христос. Он говорит: «Кто хочет быть Моим последователем, тот должен взять свой крест и нести свое бремя» (ср.: Мф. 16, 24), — то есть нести все скорби и страдания. Ведь страдания здесь необходимы для будущей вечной жизни. Здесь — страдания временные, а там — Господь, и вечность, и покой. Там получит таковой и свет, и радость молитвами Божией Матери. [Аминь.]

О несении своего креста

*На праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня
(за всенощным бдением, перед чином Воздвижения)¹
13 сентября 1907 года*

Когда было обретено Животворящее древо Христа Спасителя, Крест Христов, то по желанию всего народа этот Крест был воздвигнут на высокой горе. Здесь он руками патриарха Макария был воздвизаем пред всем народом.

А весь народ и весь клир, созерцая Животворящий Крест, обогранный кровию Христа Спасителя, со слезами и умилением взывал: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!» И ныне, в воспоминание этого события, совершается

¹ Опубл. в: [40], с. 338–340.

трогательный обряд Воздвижения Животворящего Креста Господня.

Вы сейчас узрите, как Святой Крест будет возвышаться и ниспускаться долу моими грешными руками.

Что означает этот обряд?

Что означает возвышение Креста?

Возвышение Креста значит возвышение человека, украшенного образом и подобием Господа и живущего в раю в блаженном и невинном состоянии.

Низложение долу Креста означает человека, поддавшегося искушению диавола и нарушившего заповедь, данную Господом, Человека, который ниспал и совершенно погиб бы, если бы Христос Своими страданиями не искупил весь род человеческий.

Теперь, спросите, что означает вода, которая будет возливаться на Крест? Эта вода означает кровь Христову, которую пролил на Кресте Иисус Христос и которую Он омыл грехи всех человеков.

Теперь, спросите вы еще, что означает это постоянное многократное повторение «Господи, помилуй»? Зачем оно нужно — повторение этой краткой молитвы?

Зачем оно так часто повторяется? А вот зачем. Затем, что бывают такие минуты, когда самая ожесточенная душа, когда даже и самая загрубелая совесть испытывает невообразимые мучения. Когда, как страшные лица, пред нею проходит все прошедшее, все содеянное в жизни, все грехи, беззакония, злоба, несправедливость, обиды. Тогда душа человека томится и тоскует. И если человек не вовсе лишен веры, тогда ему остается только одно — взывать: «Господи, помилуй! Господи, пощади! Господи, спаси!»

Но, братие, каждый человек, хотя бы он был и самый благочестивый, самый добродетельный, тем не менее, без греха не проживает, хотя бы очень кратковременна была его жизнь. Сколько раз мы изменяли обетам, данным при крещении. Сколько раз при покаянии очищали свою душу и снова падали. Сколько раз дерзали причащаться Тела и Крови Христовых — этого страшного Таинства — и снова падали... И остается нам взывать: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

И благо нам, если мы в этой жизни принесем покаяние: там, за гробом, нет возможности покаяться. Будем спешить приносить покаяние. В жизни все быстро проходит, все изменяется — и молодость, и счастье, и радости. А впереди зияет пропасть...

Припадем же пред Животворящим древом Креста Христова и будем из глубины души взывать «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

На 200-летие военного госпиталя¹

*В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы
(за литургией)
21 ноября 1907 года*

Сердечно приветствую вас с двухсотлетием славного существования военного госпиталя. И в какой многознаменательный день мы совершаем это празднование! Сегодня Святая Церковь вспоминает вхождение во храм Пресвятой Девы Марии. Ведь Она именуется Скорою Помощницею всех скорбящих, болящих, Утешением, Утолением наших печалей. Ныне Она вводится во храм Божий. Ныне же совершается празднование двухсотлетнего существования вашего учреждения.

Совершая Божественную литургию, я испрашивал благословения Господня на всех трудящихся в этом благом учреждении. Из проповеди отца настоятеля вы сейчас слышали, что духовенство и монастыри помогали при постройке этого здания. Это вполне естественно. Вы все хорошо знаете, что Святая Церковь всегда приходит на помощь ближним. Как же было ей не прийти на помощь этому вновь открытому благому учреждению. Ведь здесь открывался приют для болящих, здесь собирались люди, чтобы внести свою усердную лепту в дела христианского милосердия. Здесь слышались и донныне слышатся стоны и плач болящих. Поэтому все, как трудящиеся здесь, так и больные, должны быть как бы родными и близкими пастырям Церкви, и само это учреждение должно

¹ Опубл. в: [40], с. 256–257.

было быть близко им. Мы, пастыри Церкви, обязаны всегда молиться за всех трудящихся.

Не могу не упомянуть и о том, что это учреждение было первою воспитательницею науки, врачующую всякие недуги телесные, здесь приготавливались врачи. Военный госпиталь особенно близок и дорог нашему сердцу: ведь он назначен способствовать лечению наших воинов, а они полагают жизнь свою за нас, за Веру, Царя и Отечество. Как же нам усердно не молиться о процветании этого учреждения!

Да будет благословение Господне на всех трудящихся здесь! Да будет заступление и помощь Владычицы нашей Небесной на всех вас! Да будет вечная память основателю этого учреждения [императору] Петру I и всем почившим благотворителям.

Во время окончания обедни мы были до глубины души потрясены известием о злодейском покушении на жизнь дорогого нам генерал-губернатора — Сергея Константиновича¹, которого все мы, москвичи, глубоко и истинно почитаем. Сегодняшний праздник, дорогие друзья, посвящен Владычице нашей Небесной, и мы твердо веруем, что Она, видя самоотверженную любовь нашего дорогого Сергея Константиновича к Церкви, Царю и Родине, спасла его. Возблагодарим же за это чудесное спасение Царицу Небесную и испросим Сергею Константиновичу помощь на его дальнейшую деятельность. Благословение Господне и Покров Владычицы нашей Небесной да будет над ним ныне и во все дни его жизни.

¹ Сергей Константинович Гершельман (1853–1910) — боевой генерал и военный писатель. В 1906 г. назначен московским генерал-губернатором. В 1907 г. на жизнь Гершельмана было произведено покушение, причем он случайно остался невредимым. В 1909 г. назначен командующим войсками Виленского военного округа; в 1910 г. произведен в генералы от инфантерии. Из литературных трудов Гершельмана наиболее известны: «Нравственный элемент под Севастополем» (1897), «Нравственный элемент в руках Суворова» (1900) и «Нравственный элемент в руках М. Д. Скобелева» (1902).

О страданиях святой великомученицы Екатерины и о святителе Иоанне Златоусте

*В день памяти святой великомученицы Екатерины (за литургией)
24 ноября 1907 года*

И вот Господь Бог еще раз привел меня, дорогие друзья, помолиться вместе с вами и принести за вас Бескровную Жертву Господу Богу. Радуюсь, что еще раз пришлось мне послужить в вашем святом храме. Радуюсь, что довелось мне услышать еще более твердое пение, чем в прошлом году. Да укрепит вас всех Господь Бог, усердно помолился я об этом, да укрепит вас всех Господь Бог в добрых делах, чтобы быть вам добрыми христианами и верными слугами Святой Церкви, Царю и Отечеству. Да помогает вам в этом святая великомученица Екатерина.

В прошедшем году я рассказал вам житие святой великомученицы Екатерины. Очень может быть, что вы забыли подробности ее жития. Ныне напомним вам вкратце их, главным образом расскажу о ее страданиях.

Она претерпевала самые лютые страдания за Христа Спасителя. Такие страдания, что даже язычники умилялись, видя эти муки. Но вот после всех испытанных ею страданий ее, окровавленную, измученную, бросают в темницу. Как вы думаете, что она там делает? Она молится о том, чтобы Господь Бог дал ей силы снова переносить страдания; она молится за своих мучителей, чтобы Господь обратил их сердца к Себе. Но вот Господь утешает ее. Ночью темница озаряется светом и появляется Сам Господь Бог и утешает ее: «Не бойся, невесто моя! Не страшись, возлюбленная моя! За краткую жизнь и страдания, которые ты претерпела ради Меня, Я дам тебе вечную жизнь на небе». И ободренная, святая великомученица Екатерина на другой день снова страдала и окончила жизнь под топором палача.

Да воодушевляет вас, друзья мои, венец святой великомученицы Екатерины! Ведь всем вам в жизни предстоят скорби, страдания. Ведь это говорим мы, прожившие половину жизни. Знайте, земной путь жизни усыпан не розами, а колючими шипами. Эти скорби и страдания необходимы для всех,

потому что они отрывают человека от мирских бесцельных забот. Только страдания заставляют человека оглянуться назад и сознать, что он рожден не для этой жизни, а для будущей, что эти страдания очищают от грехов. Кто имеет веру и надежду на Бога, тот не боится страданий; потому что он видит в них свет и радость, как бы слышит голос Господа, который говорит: «Не бойся своих страданий, ведь это Я испытываю тебя затем, чтобы дать тебе блаженство на небе».

Так поступали во время страданий святые Божии люди. Так переносила страдания святая великомученица Екатерина; так страдал и святой Иоанн Златоуст, имя которого я упомянул за обедней¹. Ему принадлежит составление той самой обедни, которая совершается почти ежедневно в продолжение целого года. 14 сентября исполнилось 1500 лет со дня его кончины².

Святитель Иоанн Златоуст почитается всеми народами как богослов, как ученый, а главное — как человек-христианин. Он страдал за правду Божию. Знаете ли, какую молитвою он любил молиться? — «Слава Богу за все!» Так говорил он, когда жил в доме своей матери. Так говорил он, когда был священником. Так говорил он, когда был возведен на высоту и поставлен патриархом Константинопольским. Так говорил он, когда сделался изгнанником, когда он терпел обиды, скорби, поношения ради Христа! Так говорил он, когда его влекли в место, назначенное для изгнания. Эти слова: «Слава Богу за все!» — он говорил и при смерти.

Когда-нибудь, если Господу Богу будет угодно, я расскажу вам его житие. А теперь прошу вас принять от меня на память по маленькой книжечке, в которой рассказано житие святителя Иоанна Златоуста, память которого еще так недавно, 13 ноября, мы праздновали. Прошу вас, познакомьтесь хорошенько с его житием, вдумайтесь хорошенько, и не бросайте этой книжки. И поверьте, вы получите душевную пользу. [Аминь.]

¹ Имя святителя Иоанна Златоуста, как составителя литургии, поминается на проскомидии, а также на отпусте в конце литургии.

² † 14 сентября 407 г.

О воскрешении дочери Иаира и об исцелении кровоточивой

*В неделю 24-ю по Пятидесятнице (Лк., 39 зачало: 8, 41–56), за литургией
25 ноября 1907 года*

В сегодняшнем Евангелии рассказывается о величайшем чуде Господа Иисуса Христа. Однажды начальник синагоги Иаир позвал Иисуса Христа к себе в дом. Он приглашал Господа, чтобы Он исцелил его единственную двенадцатилетнюю дочь. Спаситель согласился. Когда Он шел, около Него теснилось множество народа. И вот женщина, страдавшая кровотечением, которая все свое состояние раздала врачам, ища облегчения, [но никто не мог вылечить ее], коснулась края одежды Иисуса и тотчас исцелилась. Тогда Спаситель обратился к народу с вопросом: *Кто прикоснулся ко Мне?* (Лк. 8, 45). Исцеленная женщина пала к ногам Иисуса и объявила [пред всем народом], что это она прикоснулась. Спаситель сказал: *Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя*, за свою веру ты исцелилась не только от нелегкой болезни, но и от грехов.

Когда Спаситель еще говорил это, пришел некто из дома Иаира и сказал, чтобы он не утруждал Учителя, потому что девица умерла. Тем не менее Спаситель вошел в дом, удалил всех там бывших, кроме трех Своих учеников, и обратился к умершей с властными словами: *Девица! встань* (ст. 54). Тотчас умершая девица воскресла. Все дивились этому чуду.

Какую радость, какую утешительную надежду вливают в наши сердца эти слова Святого Евангелия. Господь всегда близок к нам и готов исцелить наши болезни — не только телесные, но и душевные. Он готов исцелить душу, подобно тому, как исцелил тело кровоточивой женщины. Он готов воскресить умершую для добра душу человека, подобно тому, как воскресил дочь Иаира. Но для этого требуется одно условие — иметь такую веру, какая была у кровоточивой женщины, какая была у начальника синагоги. Ведь и святой апостол говорит в одном из своих посланий: *Без веры угодить Богу невозможно* (Евр. 11, 6). Верую жили все истинные христиане всех времен. Верую жили наши предки, верую жила и живет Святая Русь. Наши предки грешили и падали, но снова

возвращались на истинный путь... Когда начинает ослабевать вера христиан, начинает ослабевать жизнь христианского общества. И чем более слабеет вера, тем более расшатывается жизнь. Это и происходит на наших глазах.

Никогда еще не было среди людей такой ненависти, такой злобы: отец восстает на сына, сын на отца, брат на брата. Никогда еще не было такой большой зависти к чужой собственности, к чужому добру. Никогда не были так многочисленны разбои, грабежи. Никогда не была так ничтожна и дешева человеческая жизнь, как в настоящее время. Что же это означает? А это означает, что люди умерли для веры. Но мы верим, что Господь может воскресить духовно умерших — так же, как Он воскресил девицу.

Будем усердно молиться за братьев наших, которые умерли духовно. А затем всеми силами будем беречь себя от всего дурного, что окружает нас, будем удаляться от лжеучителей, старающихся посеять в нас неверие, отторгнуть от Церкви. Будем помнить слова пророка Иезекииля: *И будет рука Моя против этих пророков, видящих пустое и предвозвещающих ложь... За это уже не будете иметь пустых видений и впредь не будете предугадывать; и Я избавлю народ Мой от рук ваших, и узнаете, что Я — Господь... И Я, Господь, буду их Богом... Я, Господь, сказал это* (Иез. 13; 9, 23; 34, 24). [Аминь.]

О Братстве во имя Царицы Небесной и на погребение Оптинского иеромонаха Даниила

*В воскресенье, за литургией
2 декабря 1907 года*

В сегодняшнем Евангелии¹, возлюбленные братие и сестры, Господь Иисус Христос учит нас делам христианской любви и милосердия. Ко всем людям, без исключения, особенно к тем, которые нуждаются в нашей помощи. И вот замечательное совпадение: в тот день, когда мы слышали как бы из уст Самого Христа Спасителя слова о том, что мы должны

¹ Евангелие 25-й недели по Пятидесятнице, Лк., 53 зачало: 10, 25–37 (притча о милосердном самарянине).

быть милосердными, мы видим перед собой людей, которые обрекли себя на дела милосердия. Мы видим перед собою сестер из Братства.

Имеете ли вы понятие об этом Братстве? Хотя многие из вас, вероятно, знают его историю, я вкратце напомним ее вам.

Братство Царицы Александры посвящено воспитанию слабых детей: эпилептиков, расслабленных, детей брошенных, никому не нужных, лишенных родителей, крова, подвергавшихся оскорблениям, истязаниям.

Вам известна история чуда, совершившегося во время грозы с иконой «Всех Скорбящих Радость», которая находилась в часовне близ Петербурга. Во время грозы молния ударила в часовню. Все было разбито, обожжено, уцелел только образ Богоматери с прилипшими к Нему медными монетами.

Однажды было видение одному болящему отроку Николаю. Этот отрок с пяти лет был подвержен падучей болезни, до пяти-шести раз в день возобновлялись у него припадки. Он страдал также «виттовой пляской», то есть его всего передергивало. Кроме того, его разбил паралич, он не мог двигать ни руками, ни ногами. Врачи потеряли надежду вылечить его. И вот, Владычица наша Небесная взяла отрока под Свой покров и исцелила его.

«Я видел, — рассказывал больной, — явилась ко мне Дева Мария с Николаем Чудотворцем и двумя апостолами и сказала: „Иди в часовню, соверши молебен перед иконой Моей”». Когда отрока везли к часовне, то дорогой с ним сделался страшнейший припадок. В часовне припадок возобновился с еще большею силой. Но вот начался молебен. Прочитали Евангелие, пропели «Не имамаи иныя помощи...»¹ — и отрок встал совершенно здоровым. Ныне он монах и состоит духовником Братства. В настоящее время он является настоятелем Троицкой Сергиевой пустыни, имя ему Игнатий. Человек он благочестивый и добрый; радуюсь, что я лично знал его и пользовался его расположением.

И вот в память этого чуда он решил устроить хотя бы маленький приют для обездоленных детей. С помощью добрых

¹ Кондак Пресвятой Богородице в честь иконы Ее «Всех скорбящих радость», глас 4-й.

людей в настоящее время этот приют расширен и имеет отделения в других городах. И у нас в Москве есть его отделение, и всякий собственными глазами может увидеть, что делается там для этих бедных детей.

Поистине, эти бедные дети — неповинные страдальцы. Сколько из них страдают за грехи родителей! Некоторые из них — расслабленные, идиоты, калеки, другие невообразимо искалечены. Мне вспоминается одна девочка, ныне умершая, дурочка, идиотка. У нее не было глаз. Ее отняли у нищего, просящего милостыню, — вероятно, ей вырезали глаза. Это дитя содрогалось от мужских шагов и с трудом и отвращением могло пить что-нибудь — очевидно, ей давали что-нибудь выпить перед совершением этого злодеяния. Вот так эта бедная девочка томила... Однажды сестра, которая присматривала за ней, ушла и девочка заплакала. Когда сестра вернулась и увидела, что девочка плачет, она ласково спросила ее: «Чего ты плачешь? ведь я твоя мама!» — И девочка бросилась к ней со словами: «Мама, мама!» Очевидно, эти слова напомнили ей ее дорогое прошлое. Недолго прожила эта девочка, окончились ее мучения, она умерла.

Видите, какое великое дело совершают сестры этой общины. Как вы думаете, за ласку получают ли они любовь? Дорогие сестры, вы имеете дело с детьми больными, злобными... Поистине, над дверьми этого учреждения могут быть написаны слова из книги пророка Иезекииля: *Плач, и стон, и горе* (Иез. 2, 10).

Дорогие сестры, в подкрепление в вашем подвиге вам пожалован крест. Взирайте на этот крест, храните веру во Христа Спасителя! Вспоминайте, как Он страдал за наши грехи. Вспоминайте, как тогда, когда многие отступились от Него, когда даже ближайшие ученики оставили Его (см.: Мф. 26, 56), жены-мироносицы не отреклись от Него. Храните свою веру, и тогда ваш подвиг будет иметь ясный смысл. Только вера объясняет, почему страдания необходимы, почему мы должны страдать. Божественный Страдалец, Который весь мир очистил, искупил Своими страданиями, с Креста говорит об очищении людей от греха... И вот, когда вы будете так рассуждать, вы с надеждою на Христа Спасителя пойдете на свой подвиг и на все случающееся с вами.

Примите от меня в благословение в этот праздничный день икону угодника Божия Серафима.

Да, благо тем, которые работают ради Христа! Да, благо тем, которые полагают смысл жизни не в земных радостях, а в вечности, которые понимают, что страдания необходимы для приобретения будущей блаженной жизни.

Недавно, во вторник прошедшей недели, был погребен в Оптиной пустыни иеромонах Даниил. Это был человек, которого я глубоко уважал. Редко можно встретить человека такой чистой, такой кроткой души, каков был отец Даниил. Он происходил из дворян, родовитых помещиков Болотовых. В их семье было два брата и две сестры. И замечательно — все они приняли монашество. Одна из сестер была начальницей Шамординской обители, основанной отцом Амвросием, другая, Макария, жила в Аносином монастыре, брат отца Даниила ныне рясофорный послушник.

Почивший окончил курс в Императорской академии художеств, был замечательным портретистом, учил рисованию великих князей и княжон. Он и в миру жил как монах, от всякого нецеломудренного предложения всегда отказывался. И вот впоследствии он поступил в Оптину пустынь под руководство батюшки отца Амвросия и здесь постригся в монахи.

Замечательно в его жизни то, что отец Даниил никого никогда не осуждал. Он постоянно говорил: «Да вы обратите внимание на слова Господа Иисуса Христа: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1), — то есть, если мы никогда никого не будем осуждать, то не будем судимы Господом, а прямо перейдем в жизнь вечную. За такое, казалось бы, малое дело, Господь дает такую великую награду, как вечную жизнь». И никто никогда не слышал от него слова осуждения.

Вспоминается мне, как однажды поселили с ним по соседству монаха, у которого был такой тяжелый характер, что он ни с кем не мог ужиться. И что же? Он с ним ужился. Через несколько времени спрашивают его, как это он может жить с таким человеком. А отец Даниил и говорит: «Вы его не знаете, он хороший, он хороший!» А тот, в свою очередь, тоже любил отца Даниила всем своим сердцем. Так эта добродетель отца Даниила привела этого монаха к христианской любви.

Кого бы отец Даниил ни встретил, будь это ребенок или мирянин, он всех обнимал, говорил слово утешения, выказывал горячее участие — не на словах только, а и на деле. Все люди для него были дороги и милы.

Два инока нашего монастыря ездили на отпевание отца Даниила. Вернувшись, они сообщили о кончине его. Болен он не был, а просто слабел и слабел, как будто таял. В день кончины причастился, пособоровался, и к нему собрались братия проститься. «Отец Даниил, вы умираете? — спрашивают его. — Вам, вероятно, страшно умирать?» — «Да как же это может быть страшно? — отвечает он. — Ведь Спаситель зовет: *Приидите ко Мне, вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Ведь если Он, милосердный, нас зовет, то может ли быть страшно? Не страшно встречать смерть, а радостно. Вот если бы Он нас гнал, тогда было бы другое дело». При молк на несколько минут и заснул вечным сном.

Вечная память ему. Вечная память будет и всем тем, которые несут крест свой и оказывают любовь ближнему, которые всем помогают своими делами любви и милосердия нести бремя своего креста.

Забота о душе

*В неделю 26-ю по Пятидесятнице (Лк., 30 зачало: 7, 11–16), за литургией
9 декабря 1907 года*

Сегодняшняя евангельская притча имеет замечательное отношение к современному настроению умов и сердец нашего общества. В этой притче Господь Иисус Христос, предостерегая людей от любостяжания, то есть от приобретения вещественного богатства, и направляя к вечности, говорит: *У одного богатого человека был хороший урожай в поле, и Он рассуждал сам с собою: Что мне делать? некуда мне собрать плодов моих. И сказал: Вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое. И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись.* Но Господь говорит этому нерадивому богачу: *Безумный, в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?*

Так бывает с тем, — заключает Господь Бог Свою притчу, — кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет (Лк. 12, 16–21). И затем говорит ученикам Своим: *Не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться*. Но заботьтесь о душе, знайте: все будет у вас, если приложите заботу к достижению Царства Небесного (ср.: Лк. 12, 22–31). Ведь для достижения Царства Небесного и дана нам земная жизнь. Не для того она нам дана, чтобы только пить, есть и веселиться, а для того, чтобы приготовиться к Царствию Небесному. Потому-то и нет на земле полного счастья, потому-то на каждом шагу постигают человека заботы, лишения, страдания — и так до гробовой доски. И этого ни один человек не может избежать, как и смертного часа.

Коротка эта жизнь! В самом деле, давно ли мы были детьми? Давно ли мы были юными? Давно ли — людьми зрелого возраста? А вот и старость. И она быстро приблизилась. И кажется, что мы не жили. Как будто только сейчас мы были в детском возрасте — а вот и смерть, и всему конец!

Так вот чему учит нас эта притча. Прежде всего надо стремиться к достижению добродетелей: кротости, смирения, любви и долготерпения. Через эти добродетели достигается Царствие Небесное.

Особенное значение имеет эта притча в наше время. Теперь многие неверующие учат неверию и отрицанию. Говорят, что земная жизнь дана для устройства земного счастья, кричат, что кроме земной жизни нет ничего — ни загробной жизни, ни воздаяния, а все это выдумка людей. Они учат не смирению, а гордости, не добру, а злу. Учат всеми, даже преступными средствами добиваться счастья человеческого.

Но становятся ли люди счастливее от этого? Нет! Никогда никакая душа человеческая не удовлетворится земным и тленным, она всегда будет искать небесных радостей. Стоит отнять веру у человека, и он теряет последнюю радость в жизни, делается глубоко несчастным. И заметьте, я это говорю, как человек, изучавший науки: нет ныне ни одного человека ученого, философа, который бы мог сказать, что нет загробной жизни. Если он добросовестен и честен, он этого не скажет. Придет Страшный суд, когда с человека спросят все, что он

сделал в то время, пока жил на земле. И если для нас, христиан, Суд ужасен, то сколь ужасен он будет для тех, которые отреклись от Христа. Для них, по слову апостола, суд будет столь ужасен, что они скажут *горам и камням: падите на нас и сокройте нас* (Откр. 6, 16; ср.: Лк. 23, 30), но уже будет поздно.

В ожидании грозного смертного часа, в ожидании неизвестного часа Страшного суда будем употреблять все силы, чтобы жить не для этой жизни, а для будущей; будем убеждать в этом и наших ближних.

Христос пришел на землю, чтобы спасти нас¹

*В поспраждество Рождества Христова
и праздник Собора Пресвятой Богородицы (за литургией)
26 декабря 1907 года*

Приветствую вас, братие и сестры, с радостным праздником Рождества Христа Спасителя нашего, Господа Бога! Искренно желаю всем вам в мире, здравии и спасении душевном провести эти святые дни, которые православный русский народ называет «святками» — то есть святыми днями, празднуемыми на спасение своей души.

Припоминается мне, как блаженный Августин, рассуждая об этих днях, говорит: «Господи, Ты — всесильный! Ты — премудрый! Ты — любвеобильный! По Твоей силе Ты мог бы создать мир еще обширнее, чем этот. По Твоей премудрости Ты мог бы создать создания еще прекраснее, чем эти, которые Ты создал. Но ничего Ты не мог бы сделать более святого, более совершенного, чем дело спасения рода человеческого... Это — выше всех дел Твоих! Когда я созерцаю ясли и родившегося в них Младенца Христа, я поклоняюсь Ему вместе с волхвами! Я вместе с ангелами воспеваю Ему: *Слава в вышних Богу, и на земли мир!*» (Лк. 2, 14).

Но что особенно дорого — это то, что дело строительства нашего спасения Господь предпринял не ради Себя, а ради спасения нашего, да спасет души наши... Ради этого Он явился на землю. Если всегда нам дорого дело нашего спасения, то теперь особенно должно быть дорого — теперь, когда неверующие

¹ Опубл. в: [40], с. 257–259.

и разного рода учителя стараются затемнить мысль о Рождестве Христа Спасителя, стараются затемнить мысль о том, для чего родился Христос Спаситель.

В самом деле, о чем больше всего заботятся теперь люди? О всем временном, скоропреходящем: о славе, о богатстве, о житейских удовольствиях. И менее всего думают о смертном часе, о загробной жизни; они и мысль-то о смерти стараются удалить от себя. Они напоминают греческого императора Гонория, который свою любимую птицу за красоту ее перьев назвал «Римом» — по имени славного того города Рима, столицы всего царства. Вот однажды на Рим напали неприятели и взяли его. Об этом один из придворных доносит императору и говорит: «Рим пал... он взят» — «Как! Нет, я вчера еще слышал, как он прекрасно пел». — «Но, Государь, я говорю не о птице, а о славном городе Риме». — «Ну, теперь я успокоился, а то я раньше очень испугался». А между тем взятие неприятелями славнейшего города, столицы империи, самой обширной тогда во всем мире, насколько важнее, чем гибель этой птицы!

Точно так же и теперь. Люди заботятся о мелочах здешней жизни и им придают особое значение. Больше всего они заботятся об одежде, пище, о положении своем в обществе, о деньгах... А между тем как все это ничтожно в сравнении с вечностью! А между тем все вопиет — и скорби, и болезни, и несчастья — что не здесь жизнь, а там, в вечности. Здесь только призрак.

Будем готовиться к этой вечной жизни.

Вот для тех, у которых еще не угасла вера и надежда, Господь взывает: «Я ради вас родился и пришел затем, чтобы спасти вас».

Прииди, грешник, сложи свои страдания у ног Христа Спасителя. Он, как добрый пастырь, принимает заблудшую овцу и несет ее к Отцу Небесному. Ведь Он Сам сказал: *На небесах более радости бывает об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках* (Лк. 15, 4–7).

И вот в преддверии праздничных дней была радость в Яблочинском монастыре, родном вам по духу, который находится в Холмской Руси. Там было совершено освящение храма.

Прежний храм был очень беден, мрачен, закопчен. И ныне, благодаря пожертвованиям и усердию московского протоиерея Н. А. Копьева, храм возобновлен, украшен, в нем масса света. И великая радость была для насельников святой обители и для живущих там православных, так много терпящих от нападок католиков.

На память о нашем сегодняшнем общем молении прошу принять по маленькой брошюре, в которой изложено торжество освящения этого храма.

————— 1908 —————

На Новый, 1908, год

В день представления преподобного Серафима Саровского

(за литургией)

2 января 1908 года

Приветствую вас, дорогие братие и сестры, с Новым годом милости Божией! Хотя, кажется, не с чем особенно поздравлять: ведь дни идут неизменно и однообразно своим чередом, день сменяет ночь, ночь сменяет день, день похож на день, ночь — на ночь. Но по взаимному соглашению люди избрали особые дни, посвященные каким-нибудь празднествам, событиям, святым и, наконец, такой день, который служит рубежом прошедшего и грядущего года. Это день Нового года.

В этот день человек, даже легкомысленный, невольно задумывается, задает себе вопрос: «Как я жил? Что случилось со мной в прошлом году? Что ждет меня в будущем году?» Невольно каждый человек страшится приоткрыть таинственную завесу, старается заглянуть за нее. А верующий человек невольно восклицает Господу: *Скажи ми, Господи, кончину мою, и число дней моих, кое есть, да разумею, что лишаюсь аз* (Пс. 38, 5).

В прошедшем мы видим милосердие Божие. Поэтому, прежде всего, возблагодарим Господа Бога за то, что Он сохранил нам жизнь на добрый подвиг самоусовершенствования, на спасение души, и воззовем из глубины души: *Благослови,*

душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его. Благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его! (Пс. 103, 1–2).

Затем возблагодарим Господа за все прошедшее — за каждое биение сердца, за молитвенную радость, за мысленный трепет. И не только за радости будем благодарить Господа, но и за скорби, страдания, потому что они очищают душу и ведут к Господу Богу.

Затем возблагодарим Господа за ту веру, в которой мы родились и воспитались: «Видехом свет истинный... обретохом веру истинную, нераздельней Троице поклоняемся: Та бо нас спасла есть»¹.

Возблагодарим Господа и за то, что Он не допустил нас до гибели. Сколько раз каждый из нас находился близ смерти, еще минута — и нас не было бы. Но Господь милосердный нас сохранял, и за это возблагодарим Господа Бога.

Возблагодарим Его и за будущее. Будущее сегодня станет прошедшим завтра. Заглядывая в прошедшее и вспоминая его, человек иногда радостно вздыхает и молитвенно крестится, а иногда со стыдом закрывает лицо свое. Будем просить Господа помочь нам, чтобы, вспоминая наше прошедшее, мы не закрывали со стыдом лица своего. Будем просить Господа, чтобы Он даровал нам зреть прегрешения наши и в будущем проводить время в мире и покаянии.

А затем будем благодарить Господа за Его благой Промысл. Будем стремиться одинаково принимать и радости, и скорби. Скорби необходимы нам, они разрыхляют душу и помогают, подобно тому как плуг разрыхляет землю и помогает росе или дождю оросить и освежить ее. Когда же придет радость, возблагодарим Господа Бога, ибо плоды нашей веры, веры Христовой, — не мрак, не отчаяние, а *радость, мир*, свет, надежда на милосердие Божие (ср.: Гал. 5, 22). Потому-то и все святые всегда радовались. Таков был и преподобный Серафим.

Испросим себе милости Божией, чтобы нам жить так, как жил преподобный, чтобы всецело отдать себя Господу Богу, чтобы мы могли сказать с апостолом: *Не я живу, но живет*

¹ Песнь на литургии, поемая после благословения священника по приращении мирян.

во мне Христос... Живем ли — для Господа живем, умираем ли — для Господа умираем... Живем ли, или умираем — всегда Господни (Гал. 2, 20; ср.: Рим. 14, 8).

Новое начало жизни; о Христовом смирении

*В первый день попразднства Богоявления
и праздник Собора Предтечи и Крестителя Господня Иоанна
(за литургией)
7 января 1908 года*

Сердечно приветствую вас, дорогие братие и сестры, с этими великими праздниками Крещения Господня и памяти Собора святого Иоанна Предтечи. Праздник Крещения Господня Святая Церковь называет светлым и радостным праздником и приглашает всех воззреть на крестившегося Христа Спасителя.

Чему же мы должны радоваться? Тому ли, что во время Крещения отверзлись небеса и был слышен голос Бога Отца, свидетельствующий о Сыне, называющий Его возлюбленным Сыном? Но подобные явления были и раньше.

Радоваться ли тому, что ныне в проповеди Иоанна Крестителя было открыто ему самому о Христе Спасителе? Но много было откровений об этом и в другие времена.

Конечно, и это могло служить радостью. Но в Крещении Иисуса Христа была особенная причина для радости. Это та радость, которая возвещает нам, что ныне открывается новое начало жизни. Ныне открывается такая добродетель, которая не была известна в языческом мире, которая стала известна с момента Крещения Господа нашего Иисуса Христа. Это — добродетель смирения, самоотречения, ради которой принял Крещение Тот, Который не ведал греха. Творец вселенной преклоняет голову под руку того, которому нужно было бы креститься от Него (см.: Мф. 3, 14)! Судия вселенной вместо того, чтобы поглотить огнем грешников, Сам становится в ряды грешников и требует крещения! Смиряется, чтобы нас возвысить, чтобы нас обожить! Слава смирению Твоему! Слава самоуничижению Твоему!

Вот, возлюбленные братие и сестры, та добродетель смирения, которую показал Своим примером Иисус Христос и которую особенно теперь так упорно отвергает мир. Смирение и покаяние — вот те добродетели, которые открывают двери в Царство Небесное.

Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (1 Пет. 5, 5). И вот если мы будем сами стремиться и других приглашать участвовать в достижении этих добродетелей, а через них и Царствия Небесного, то, несомненно, принесем радость и себе, и нашим ближним.

В настоящее время люди более всего стараются сделаться счастливыми. Но не бывает прочно их счастье. И чем больше они стремятся к этому счастью, тем несчастнее и скорбнее делаются эти люди. И это потому, что они ищут счастья во внешнем устройстве своей жизни и во внешних порядках и во все оставляют заботу о своей душе, в которой гнездятся все пороки: блуд, хулы, гордость, самолюбие... Особенно гордость, ее они примешивают к благородству, и она отравляет их жизнь.

Если мы желаем принести себе и другим пользу, то возлюбим Христово смирение, которое воспевается Святой Церковью. И по мере того, как над приобретением этой добродетели будем мы усиленно трудиться, в круг ближних нам внесем радость и мир, которого лишены неверующие и которым так богаты истинные христиане.

О грехе осуждения

В неделю о мытаре и фарисее (за литургией, в воскресенье)

3 февраля 1908 года

Так, с сегодняшнего дня начинается подготовка к Великому посту. Святая Церковь внушает нам, какая главная, основная добродетель, без которой не обходятся все другие добродетели. Эта добродетель, открывающая двери в Царство Небесное, вводящая в чертог покаяния, есть смирение, то есть сознание своей греховности перед Богом.

И вот Господь Иисус Христос в притче о мытаре и фарисее (Лк. 18, 10–14) предлагает нам как образец смирения мытаря. Он был грешником. Он изменил родине, народу, он предался

на сторону римлян, он все свое старание положил на то, чтобы приобрести как можно больше денег, хотя бы даже корыстными средствами, чтобы их тратить на удовлетворение своих плотских, чувственных страстей, то есть на свое тело.

Великий он был грешник, но он не считал себя величайшим грешником. Он жил так, как живет множество образованных и знатных людей нашего времени. И вовсе не думал ни о Боге, ни о воздаянии, ни о будущей жизни. Долго так жил он. Но, может быть, за него молились родители его, и вот его души коснулась благодать Божия. Он прозрел духовно и увидел, что он величайший грешник, что до сих пор он жил греховною жизнью, жил для себя, а не для Бога. И вот он идет в храм, в котором давно не был, в котором давно перестал молиться. Войдя в этот храм, он остановился на пороге, в глубоком сознании своей греховности. Просветлела душа его, и он стал взывать короткою, но полною глубокого смысла, молитвою: *Боже, милостив буди мне, грешному* — то есть: «Я не надеюсь ни на что доброе, и если что и сделал на земле доброго, то очень мало... Я взываю: Боже, милостив буди мне грешному! Я надеюсь на Твою милость! На Твое милосердие уповаю!» Между тем его надежда на Господа не посрамилась. И Господь милосердый, человеколюбивый, пришедший спасти кающегося грешника оправдывает этого грешника.

Господь Бог дал этот образец покаяния мытарева нам. Так будем же и мы все свое внимание обращать на себя. Будем внимательно вглядываться не только в свои поступки, но и в помыслы, и сознавать себя величайшими грешниками. И надеясь на милосердие Господа, будем взывать к Нему: «Боже, милостив буди ко мне, безответному грешнику».

Но, к сожалению, мы не относим к себе этот пример покаяния. Нам более близок не образец покаяния мытаря, а другой пример — гордости фарисея. Этот фарисей стоял впереди храма и перечислял свои добрые дела: он и на церковь подавал, и молился, и постился, и грехов не творил. Он молился так: *Боже, благодарю Тебя за то, что я не таков, как прочие человеки... или как этот мытарь*. Я молюсь, пощусь, обладаю многими добродетелями... Но Господь Иисус Христос говорит, что фарисей был менее оправдан, чем мытарь, ибо он был

горд и позволил себе присвоить то, что принадлежит Господу Богу, — осуждение (см.: Лк. 18, 11–14). Ведь Господь Сам сказал: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 1).

Вспоминается мне из Пролога один рассказ. В одном монастыре, на Афоне был один монах, по имени Иоанн. Этот монах был весьма благочестивый. Приходит к нему другой монах, из соседней обители. Зашел разговор об одном нерадивом монахе. Иоанн и спрашивает: «А что, исправился ли он?» «Нет, все еще коснеет в своих грехах», — отвечал другой. Тогда Иоанн осудил его, сказав: «Горе ему». И вот ночью он видит видение. Видит он крест, на котором висит Господь Иисус Христос, а рядом с Ним распяты два разбойника. И бросился он к ногам Христа. Но Христос отвергает его и говорит: «Отойди, ты не достоин поклоняться Мне, потому что ты присвоил себе то, что не принадлежит тебе, ты осудил брата своего». И почувствовал он, как Иисус Христос снимает с него мантию. Семь лет этот монах молился, прося прощения у Господа. И вот через семь лет он снова увидел Христа Спасителя, Который возвратил ему его мантию.

Так видите, как велик грех осуждения. А кто из нас не повинен в этом грехе? Не правда ли, с каким злорадством мы поносим честь наших ближних, стараемся опорочить, очернить людей благородных и даже святых.

И в то же время вспоминается мне другой — старец Оптинский, недавно почивший отец Даниил. Он поставил себе за правило, за главную добродетель: «Никогда никого не осуждай», о чем я сам, лично, свидетельствую вам. Этот человек был сама кротость и смирение, сам никого не осуждал и других учил этому. «Да ведь вы поймете, — говорил он, — за такую малую добродетель, какую вы получите великую награду от Господа». Ведь Он Сам никого не судил и нам заповедовал: *не судите* — и не будете осуждены. А нам чего же более и нужно будет на том свете, как не этого — чтобы не быть осужденными. Кто устоит против Суда Господня? Разве что с трудом найдется праведник. Ведь Христос Спаситель пришел призвать не праведников, а грешников. И Господь даром дает это прощение, может быть потому, что Он не был повинен во грехах, всех любил, всех прощал.

И вспоминается мне из Пролога еще один пример.

Один монах очень нерадивой жизни, будучи на смертном одре, имел лицо ясное и спокойное. Его спросили: «Почему ты не боишься смерти?» — «Да, ранее я ее боялся, но вот сейчас приходил ко мне ангел, он держал в руке свиток моих грехов и говорил мне: «За то, что ты всех любил, всех прощал, и тебе прощаются Господом твои грехи». И разорвал он свиток моих согрешений. Вот почему я имею вид светлый и радостный».

Итак, возлюбленные братие и сестры, пред наступлением Великого поста возлюбим смирение и наших ближних. И в таких добродетелях дай нам, Господи, встретить и провести Великий пост и встретить в светлой радости Воскресение Христово.

Церковь призывает нас ко смирению

В тот же день за вечерним богослужением

Приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, с великим праздником Сретения Господня¹ и нынешним воскресным днем! Радуюсь, видя вас в таком множестве собравшихся и окружающих икону святого мученика Трифона. Вы, как дети, собрались вокруг отца и помолились и за себя, и за всех. Тем более радуюсь я, что вы собрались сюда в настоящее праздничное время, когда многие вовсе не думают о посещении церквей и стараются развеселять свою душу различными весельями и развлечениями. Да, много увеселений в нашем столичном городе, и люди, забывая Бога, радостно предаются этим удовольствиям. А между тем Святая Церковь, наша заботливая мать, с нынешнего дня начинает нас постепенно готовить к Великому посту — подвигам покаяния и очищения своей души от грехов.

Да, еще немного времени, и наступит Великий пост! Да, во дни Великого поста, дни чудных песнопений, дни покаяния, мы должны стремиться к самоуглублению. О, как они, эти дни, дороги нашему сердцу!

Не правда ли, в дни Великого поста светлее делаются наши духовные очи? Более здраво мы начинаем смотреть на все

¹ Неделя о мытаре и фарисее в 1908 году пришлась на 3 февраля — первый день поспраждения Сретения Господня.

окружающее нас, бодрее смотрим в будущее, с любовью относимся к ближним нашим, к врагам.

О, дни золотые Великого поста! Ничто на свете не в состоянии вас заменить! И как горько и обидно делается за братьев наших, которые перестали молиться, не понимают Святой Церкви: слух имеют и не слышат, глаза имеют, но пребывают в слепоте. А Святая Церковь постепенно начинает готовить нас к Великому посту.

Сегодня в читанном Евангелии она нам предлагает для примера двух лиц: гордого фарисея и смиренного мытаря — для того, чтобы показать, с каким расположением мы должны начинать свой подвиг покаяния, с каким духом мы должны молиться. Смирение полное, полное глубокое сознание своей греховности перед Богом — вот те чувства, с которыми мы должны приступать к Великому посту.

Пусть нас беспокоит мысль, что мы очень грешны и ничего не можем принести Господу Богу. Надо с молитвою обращаться к Господу, говоря: «Я — безответный грешник, ничего не могу принести Ему и надеюсь только на Его величайшее милосердие». Пусть никто не думает о себе высоко. Даже если весь закон будет исполнен, то и тогда пусть он говорит: «Хотя я и весь закон исполнил, но сердечный мой дом пуст и не прибран». И если мы делаем добрые дела, если мы, хотя бы и кратко, но усердно молимся, — то все это ничто в очах Господа.

Вот Христос Спаситель представляет нам в притче двух лиц: фарисея и мытаря. Фарисей молится и открывает свои добрые дела. Он имеет много добрых дел, но одного смирения не имеет, по выражению св. отцов, одной самой главной, самой первой добродетели, ведущей к небу. Эта добродетель также нам необходима для спасения, как соль необходима для мяса, если мы мало посолим мясо, то оно загнивает. И вот почему фарисей вышел менее оправданным, нежели мытарь, который не имел ни одной добродетели, стоял на пороге храма, бил себя в грудь и говорил: «Боже, милостив буди мне, грешному». Худо не то, что фарисей имел за собою множество добрых дел, худо то, что он считал себя достойным награды.

Будем молиться словами петой вчера за всенощной церковной песни: «Не помолимся, братие, фарисейски, потому что

всякий, кто возвысит себя, будет осужден»¹. Правда, никто никогда не будет вслух перечислять свои добродетели. Но в глубине души как часто мы стараемся себя восхвалить, а ближних наших унижить.

Как же приобрести эту добродетель смирения? Эта добродетель приобретается самоуглублением, вглядыванием в себя, в свои мысли и сокровенные желания, вглядыванием в творения святых отцев и сравнением своей жизни с их учением. Вглядывайся и читай Священное Писание, возлюбленный брат и сестра, и ты увидишь, как много нечистоты находится в твоей душе. Как часто человек бывает нерадив, рассеян, но все-таки готов считать себя праведником. Но, если он углубится в свою душу, он увидит: вот греховное желание, которое не приведено в исполнение только потому, что помешали люди; вот дурные мысли, дела тайные, преступные, неведомые никому, кроме Бога Одного. Подобно тому, как быстро размножается 1000 инфузорий в воде, точно так же в нашей душе гнездится множество душевных гадов.

Будем, возлюбленные братья и сестры, стремиться к достижению смирения! Будем чаще вспоминать молитву мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешному». Мне вспоминается, когда при последнем прощании, братия просила батюшку отца Амвросия дать им правило для жизни, он ответил: «Много я знал правил, а теперь забыл, одно только помню: Боже, милостив буди мне, грешному». Этим он показал, что он имеет эту первую и главнейшую добродетель смирения.

Приобретайте эту добродетель и этим откроете себе двери в Царство Небесное.

О воскрешении Иисусом Христом сына наинской вдовы

*В неделю 20-ю по Пятидесятнице
19 октября 1908 года*

Не плачь! Не плачь! (Лк. 7, 13). Такими словами утешал в прочитанном сегодня Евангелии Христос Спаситель несчастную вдову, потерявшую единственного сына, который был

¹ Ср.: «Не помолимся фарисейски, братие: ибо возносяй себе смирится...» (1-я стихира на Господи воззвах в неделю мытаря и фарисея).

для нее единственным утешением. Незадолго до этого она потеряла мужа... и, видимо, сын ее был хорошим, благонравным юношей, всеми любимым, потому-то и сопровождало его множество народа, который пришел затем, чтобы помолиться за него вместе с его матерью.

Не плачь! — сказал Христос, и за словом тотчас последовало дело: и сын ее был воскрешен. И горе матери тотчас превратилось в радость.

Дорогие братие и сестры! Не правда ли, и в нашей многотрудной и многострадальной жизни как часто бывают такие минуты и часы, когда мы нуждаемся в утешении, как часто бывают у каждого из нас такие минуты, такие часы скорбей, минуты — можно сказать — уныния... И в эти то горькие минуты мы тоже нуждаемся в словах утешения, как и мать умершего юноши.

И верим, Господь Бог, Который сказал: *И се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20), Который послал Духа Утешителя на Своих учеников, как утешил бедную вдову, так утешит и нас. Верим, Он пошлет Духа Утешителя и нам, при одном только условии: если мы сами будем искать Его, если будем сами идти к Нему, а не удаляться от Него.

Прежде всего будем искать Его в молитве. Как какая-нибудь скорбь у тебя, становись на молитву.

Но, скажешь, у меня тяжело на душе, мне трудно молиться — стану на молитву, а молиться не могу.

Да, тебе трудно, но это значит, что ты близко допустил к себе врага. Все же становись на молитву, встань перед образом! Встань и молись, хотя не словами молитвы, а собственными словами. Так скажи: «Господи, я и рад бы молиться, да не могу. Помоги мне». А потом явится у тебя и другая молитва: «Господи, ты щедрый, Ты многомилостивый! Помоги мне, утешь меня, взойди в мое сердце и в мою душу!»

О, верь, Господь придет и утешит тебя!

А затем есть другое средство для утешения: это — духовное пение. Недаром царь Саул, когда на него нападали тоска и уныние, призывал Давида, который играл на гуслях, — и Саулу становилось легче (см.: 1 Цар. 16, 23).

Рассказывают про Тихона Задонского, когда он ушел с кафедры и удалился на покой, то он часто испытывал чувство уныния, и в этих случаях он читал 17-ю кафизму, и особенно любил начинать со слов: *Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс. 118, 71), — и тогда печаль его рассеивалась и в сердце водворялась радость.

А затем лучшим средством служит чтение Священных книг. А как часто мы пренебрегаем этим чтением! Например, как много можно найти утешения в чтении Псалтири — ведь редко кто испытывал так много скорбей, как царь и пророк Давид.

А затем чтение Евангелия, особенно того места, где описаны страдания Иисуса Христа, Его беседа прощальная с учениками, где Он обращается не только к ним одним, а ко всем нам, их последователям: *Не оставляю вас сирыми, приду к вам... И Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя... Духа Истины... Он с вами пребывает и в вас будет* (Ин. 14; 18, 16–17).

А затем для скорбящего утешением может служить беседа с человеком, который может сочувствовать горестям других. Конечно, великое счастье найти такого человека, который бы мог сострадать ближнему, который готов бы был понести его скорби. Не ищите такого человека в людях высоких, ученых; ищите его в простом, способном понять вас. Ищите его в человеке с чуткою душою, он может сострадать вам, утешить вас.

А затем вспомните, что страдали все: и святые отцы, мученики, Божия Матерь, Христос Спаситель, Который Сам шел через путь страданий. Вспомните, как Он перед Своим крестным подвигом скорбел, плакал, как горячо молился в Гефсиманском саду.

Но главным образом, дорогие братие и сестры, вы сами это знаете, конечно, где можно найти утешение в своих скорбях. Я вижу вас, наполняющих этот храм... А у кого из вас нет своих скорбей? Вы знаете, конечно, где особенно можно облегчить свои скорби. Это здесь — в храме Божиим. Храм Божий — это земное небо! Храм Божий — это единственное место на земле, где совершенно другая жизнь — жизнь молитвы и любви, где все призывает к молитве. Это единственное место, где страждущая, скорбящая душа может найти отраду

и утешение. И действительно, здесь она ее находит, здесь окрыляется дух, здесь, в храме... Каждый, вероятно, испытывал, как тяжело иногда идти в храм, какая-то сила удерживала вас... Но пришел, помолился, утешился, успокоился — и обновленным идешь в дом.

Здесь воссылается слава Господу Богу: «Хвала моя — Спаситель, Бог и Господь», «Христос — моя сила и радость»¹.

И действительно, Христос непременно обрадует того, кто идет на молитву и усердно молится.

Итак, дорогие братие и сестры, вот в чем нужно искать утешения. Не будем слушать тех, которые говорят, что утешение можно найти в мирских удовольствиях, в вине, в разврате... Это ложь!

Действительно, может быть, человек и забудется на минуту, но затем в душе его еще с большею силою водворяются тоска и уныние, которые тянут его к отчаянию и даже самоубийству. Только в Боге можно найти истинное утешение и радость!

Только в Нем Одном можно найти радость в минуты наших скорбей и печалей.

На обновление храма в селе Орлове

*В праздник Казанской иконы Божией Матери
(за литургией)
22 октября 1908 года*

Сердечно приветствую вас, дорогие братие и сестры, прихожане этого святого храма, с сегодняшним праздником и радостным, торжественным обновлением этого храма. Помню я этот храм с самого раннего детства. Помню, каким он был сначала благоукрашенным, светлым, а затем, с течением времени, стал все более и более ветшать, темнеть, покрываться копотью и грязью. И болело мое сердце за его неблагоукрашение, и все более и более я желал, чтобы он был приведен в благолепный вид. Посему радуется мое сердце, видя его не таким, каким он был раньше, а еще более украшенным, живописно расписанным изображениями праздников и святых угодников Божиих.

¹ Ср.: ирмос 8-го гласа, 4-я песнь: «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и сила, Ты мой Бог, Ты мое радование...»

Теперь этот храм Божий представляет земное небо. Теперь этот храм напоминает нам о небе, как там святые Божии люди молятся за нас. Радуется мое сердце, и, конечно, вы разделяете со мною эту радость. Потому: что может быть дороже для вас, как не храм Божий? Здесь вы крестились, здесь вы венчались, здесь хоронили вы своих отцов и матерей, и сюда же каждого из вас принесут в последний раз, чтобы совершить над вами заупокойное моление. Здесь же, вблизи храма, находятся дорогие вам могилы ваших родственников.

Что же может быть дороже храма?! Конечно, вы скорбели, видя, что он приходит в упадок. И ныне радуется ваше сердце, видя его благоукрашенным, сияющим, как небо звездами.

А мне особенно приятно и радость моя состоит в том, что храм этот украшен на ваши трудовые копейки. Преподобный Нестор-летописец говорит, что многие храмы и монастыри, воздвигнуты на золото и на капиталы бояр, но они не так угодны Богу, как те, которые построены слезами и на трудовую копейку нищих¹. В Евангелии говорится: Господь прославил вдовицу, которая принесла две лепты на украшение Иудейского храма (см.: Мк. 12, 43; Лк. 21, 3).

Радуется мое сердце, дорогие братие и сестры, видя вашу любовь ко храму. И искренно, говорю я, от всего сердца, молился я о вас. И молитва моя была о том, чтобы Господь сохранил в вас любовь ко храму. А для этого надо хранить веру, потому что потеряете веру — потеряете и любовь ко храму. Потеряете любовь ко храму — потеряете и Бога, а потеряв Бога, будете несчастны.

О, поверьте, много видел я людей, но нередко и знатные, и богатые, и ученые, которые имели все в жизни, чтобы наслаждаться жизнью, и все-таки они были несчастны. И как часто какой-нибудь бедняк являлся счастливейшим из людей, потому что он имел веру. Но люди, потерявшие веру, потеряли и Бога. И они ничего не имеют: в их душах царят тоска, зависть, злоба, уныние.

¹ В «Сказании о том, от чего получил название Печерский монастырь» преподобный Нестор пишет: «Многие монастыри поставлены царями, боярами и богатством; но не таковы они, как поставленные слезами, пощением, молитвою, бдением» (Киево-печерский патерик в переложении на современный русский язык М. Викторовой. Киев, 1893. С. 4).

Вот почему я сегодня усердно молился, да и всегда молюсь, Владычице нашей Небесной, покровительнице всего нашего русского народа, о том, чтобы Она сохранила в вас веру.

Вы знаете, конечно, что сегодня установлен Ей праздник в воспоминание того события, когда Она спасла Москву и всю Русь. Это было лет триста тому назад, когда поляки напали на Москву; тогда преподобный Сергей явился архиепископу Арсению, который находился в Чудовом монастыре, в оковах, томился в заточении. Явился он ему и сказал: «Суд Божией Матери предложен на милость, завтра неприятеля победят». И действительно, была на другой день одержана победа. Князь Пожарский и мещанин Минин выступили и поляки были удалены из Москвы. А так как святитель Арсений молился пред иконою Казанской Божией Матери¹, то и решили Ей в этот день праздновать.

Так будем молиться Ей, чтобы Она избавила нас не только от внешних врагов, но и от внутренних, которые своим писанием стараются отвратить людей от веры в Бога, от любви к храмам, к монастырям, стараются вырвать из сердца людей все то, что составляет всегда Святая Святых русского народа.

Усердно помолился я за вас, ибо вы особенно дороги моему сердцу, ибо я знаю, некоторые из вас видели меня еще малюткою. Чувствуя свою близость к вам с раннего детства, я всегда возношу за вас и молитвы горячие и усердные.

О, поверьте, искренно могу сказать, со слезами была моя молитва за вас, чтобы вы были достойными православными христианами, хранили бы в своем сердце Святая Святых русского народа — веру Православную.

Храните же эту веру, имейте любовь ко Святой Церкви, вселяйте веру и любовь в сердцах ваших детей.

Радуетесь вы, радуется и тот человек, который создал этот храм, отец Иоанн Березкин, Царство ему Небесное и вечная память.

¹ Это был список с прославленной Казанской иконы Богоматери, который впоследствии находился в Казанском соборе на Красной площади, построенном князем Д. М. Пожарским в благодарность за избавление Отечества, а ныне находится в Московском Богоявленском Патриаршем соборе.

На обновление храма в селе Батюшкове

*В воскресенье, за литургией
2 ноября 1908 года*

Сердечно поздравляю вас, дорогие братие, с обновлением и благоукрашением вашего святого храма! Искренно радуюсь тому, что Господь привел меня в этот знаменательный день помолиться вместе с вами и принести Бескровную Жертву Господу Богу за всех вас. И, поверьте, искренна и сердечна была сегодняшняя моя молитва о вас, искренно просил я у Господа Бога милости Божией вам за вашу любовь ко святому храму.

В самом деле, что особенно трогает мое сердце, так это то, что вы жертвовали не сотни и тысячи, потому что вы люди небогатые, вы люди бедные: вы, может быть, жертвовали последние гроши, чтобы благоукрасить свой храм! И вот вспоминаются мне слова преподобного Нестора-летописца. Он так говорит: «Много церквей и монастырей построены золотом и богатством бояр и купцов; но они не так угодны Богу, как те, которые воздвигнуты слезами, трудами, на последние скудные средства бедняка»¹. И вы знаете, как Господь Бог похвалит жертву бедной вдовицы, принесшей последние две лепты на украшение Иерусалимского храма (см.: Мк. 12, 43; Лк. 21, 3). Верьте, что Он услышал и мои, и ваши молитвы, и что Он по Своему человеколюбию дарует вам все благое и полезное. И верьте, дорогие братие, я усердно молился о том, чтобы ни в вас, ни в ваших детях не оскудевали вера и любовь ко храму.

Храм Божий — это небо на земле! Храм Божий — это единственное место на земле, где страждущая душа, скорбящая душа человека находит себе отраду. Там, в миру, за порогом храма тяжело жить человеку. Часто он видит злобу, коварство, себялюбие, там его ожидает много соблазнов. А здесь, в храме, человек успокаивается духом. Потом, в храме Божиим слышится проповедь Господа Бога, как надо жить. Здесь проповедуется о том, что мы должны любить Господа Бога. Здесь

¹ Сказание о том, от чего получил название Печерский монастырь. Указ. изд. С. 4.

Господь утешает нас надеждою на вечную жизнь, здесь преподаются нам Таинства, здесь Сам Господь сходит с неба и дает-ся верующим в пищу¹! Как же не любить храма Божия!? Как же не утешаться его благолепием!?

Здесь мы крещены и сюда же принесут каждого из нас, чтобы принести последнее моление за нас Господу Богу. Как же нам не дорожить благоукрашением храма?!

Искренне радуюсь, что вы любите храм Божий. Искренне помолился я о том, чтобы вы сохранили до конца дней своих эту любовь ко храму.

О, поверьте, что истинно счастлив человек только тогда, когда он любит молиться в храме. Напрасно некоторые думают, что счастье состоит в богатстве. Нет, богатство часто развращает людей, делает их дурными и готовит к гибели. А любовь приготовляет их к блаженной жизни.

Замечательное сегодня читалось Евангелие². Были два человека: один богатый, а другой нищий. И вот этот богач всячески веселился и утешался вместе со своими друзьями почти всю свою жизнь. Бедняк лежал у ворот его дома, не имел куска хлеба, чтобы утолить свой голод, и псы лизали раны его — потому что при этом он еще был болен. Но вот, говорит Иисус Христос, умер богатый, его похоронили. Быть может, были пышные похороны, роскошный поминальный пир. Но не принесло это никакой пользы богачу! Он умер, для него на том свете началась новая жизнь — страданий, — как свидетельствует об этом Христос Спаситель. Его томила ужаснейшая жажда, он просил каплю воды, чтобы утолить эту жажду, но и этой капли не мог получить. Ему Авраам ответил: «Ты во время земной жизни наслаждался, а теперь принужден страдать». А вот тот бедняк, который лежал у ворот голодный, больной... этот бедняк будет веселиться и радоваться вместе с праведными, и радости его не будет конца.

¹ Ср. со словами тропаря, поемого вместо Херувимской песни в Великую Субботу: «...Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным...»

² Евангелие на литургии 22-й недели по Пятидесятнице: Лк., 83-е зач.: 16, 19–31 (притча о богаче и нищем Лазаре).

Так, дорогие братие, учит нас Церковь! Надо жить не для здешней жизни, временной, а для вечной. Здесь все проходит: вчера я был молод, сегодня я пожилой, а через несколько дней меня, может быть, не будет более на этом свете... Как знать! День кончины нашей неизвестен. Будем готовы к этому всегда. А лучшим средством к этому приготовлению служит молитва в храме Божиим.

Храните же веру, и в этих чувствах воспитывайте детей ваших!

Примите в благословение от меня сию святую икону Владычицы нашей Небесной; эта икона была написана в Дивеевом монастыре, который был, как вам известно, основан преподобным Серафимом.

Искренно желаю, чтобы покров Владычицы Небесной был всегда с вами, чтобы Она была помощницей и молитвенницей за всех вас во все дни вашей жизни.

А еще на память о сегодняшнем нашем торжестве прошу принять по маленькому образку и по книжечке. Прочтите ее со вниманием и получите духовную пользу.

Воспитанникам 2-го Кадетского корпуса — будущим воинам

*В церкви Михаила Архангела при 2-м Кадетском корпусе
(в праздник собора Архистратига Михаила, за литургией)
8 ноября 1908 года*

Сердечно поздравляю вас, дорогие братие, с вашим сегодняшним праздником! Искренно радуюсь, что Господь привел меня еще раз и в этом году встретить этот ваш престольный праздник вместе с вами. А в нынешнем году особенно меня радует то, что и сами кадеты принимали участие в богослужении, радостно было слышать ваше приятное пение. И особенно приятно было слышать ваше общее пение некоторых молитв: «Отче наш» и «Верую». Поистине, дорогие дети, вы не только единым сердцем, но и едиными устами восхваляли Господа Бога, угодников Божиих и архангела Божия Михаила.

Сердечно, говоря я, радуюсь, что Господь привел меня встретить вместе с вами этот многозначительный праздник.

Я говорю, этот праздник особенно должен быть знаменателен для вас, и вы, конечно, знаете почему.

К чему вы готовитесь с ранних лет? Для чего вы носите эту одежду?

Вы готовитесь быть воинами!

А для чего существует воин?

Для чтобы, чтобы охранять свое Отечество от врагов. Воин должен охранять Отечество, он должен служить — служить своему Царю верою и правдою, он должен любить своего Царя, он должен, если понадобится, положить свою жизнь за Веру, Царя и Отечество.

Вот за что он должен положить свою жизнь, если это понадобится. Он нужен! Он дорог для своих соотечественников!

Теперь посмотрите, в какой одежде изображен ваш ныне празднуемый святой архангел Михаил? У него на голове шлем, сам он в доспехах, а в руке у него щит. Значит, архангел Божий родственен вам не только по духу, но и по роду занятий. Вы — воины, и он — воин Царя Небесного. Он не только воин, но начальник небесных воинств. Он всегда готов защищать Его и Его Святую Церковь. И, конечно, вы знаете, что еще задолго до сотворения мира, когда еще не было на свете людей, один из ангелов, Денница, утренняя звезда, возмутился против Господа Бога и едва не увлек за собою всех ангелов. И вот тогда архангел Михаил восстал против него и сказал: «Вонмем, станем за Бога!» — и воспел во имя Отца и Сына и Святого Духа и все ангелы с ним: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя!» Таким образом, он остался верен Господу Богу и победил, и низверг этого гордого Денницу вместе с его клеветами, которые обратились в духов злых, а он сам в диавола. Святой архангел Михаил посылается в охранение государств, городов, весей и ко всем нам. И вы должны обращаться к нему в своих молитвах.

Из всего сказанного вы можете понять, когда архангел Михаил бывает добр, и когда Он — грозен. Он любит Господа Бога — и вы любите Церковь. Никогда не позволяйте кощунствовать, осмеивать, дорожите больше всего верою — и архангел Михаил будет тогда готов всегда оказать вам помощь.

Будьте верны по отношению к себе и по отношению к при-
сяге! Любите свою Родину, своего Царя, старайтесь помогать
друг другу, и архангел Михаил будет близок к вам!

Итак, чем же мы закончим наше духовное торжество?

Есть одна молитва святому архангелу Михаилу — ею мы
и закончим наше духовное торжество.

Помолимся же усердно архангелу Михаилу...

Ничто не приближает людей так близко, как взаимная
молитва.

И вот, помолившись усердно, вы стали мне еще дороже,
еще роднее!

На память о нашей общей молитве прошу принять от меня
по маленькой книжечке; прочтете ее внимательно и получите
духовную пользу.

О смертном сне

В ту же неделю, за литургией

16 ноября 1908 года¹

Смерть — это сон!.. Эти слова несколько дней тому назад
пришли мне на мысль, когда мне пришлось отпевать одну
благочестивую старицу. Я пристально всматривался в выра-
жение ее лица и заметил, что оно было спокойное, мирное,
она как бы сияющею лежала во гробе. Мне тогда пришли на
мысль слова Спасителя, которые вы слышали сегодня в про-
читанном Евангелии: *Она не умерла, но спит* (Лк. 8, 52). Эти
слова, как вы слышали, сказал Христос Спаситель перед тем,
как воскресил девицу, дочь Иаира. Когда Он услышал, что
она умерла, то Он сказал: *«девица не умерла — она спит»*. Все
смеялись на эти Его слова до тех пор, пока Он не воскресил
ее. Действительно, и вам, и мне приходилось слышать, что
смерть похожа на сон. И это правда, потому что спящий недви-
жим, как и мертвый, но в глубине души его происходит слож-
ный процесс.

¹ Как видно из проповеди, 24-я неделя по Пятидесятнице в 1908 г. при-
шлась на день памяти святого апостола и евангелиста Матфея и на второй
день Рождественского поста — 16 ноября.

Она похожа на сон, и потому в Священном Писании смерть именуется *покоем*¹. А что такое сон? Это отдых: весь день мы трудимся, страдаем, радуемся, изнемогаем, но вот приходит сон, он дает покой изнемогающему телу.

Что такое жизнь? Не есть ли она тяжелый подвиг борьбы со злом, с различными обстоятельствами, несчастиями, болезнями? Борьба эта горькая, тяжелая, и, наконец, человек изнемогает, говорит Господу: «Господи, я устал, изнемогаю... более не могу бороться, иссяк елей в моей лампаде». Тогда человеку посылается смерть. Смерть — это покой!

А затем во сне человека продолжается жизнь. В то время, когда тело отдыхает, душа живет, она видит сновидения, она переживает иногда десятки лет, то она страдает, то она радуется, то она светится таким светом добра, то погружается во мрак греха. Не то же ли самое происходит и после смерти?

Как во сне душа живет, так же она будет продолжать жить и после смерти. Как во сне она видела сновидения, так и после смерти она будет или радоваться, или будет над нею тяготеть мрак смертный, — смотря по тому, как она готовила себя в этой жизни.

Наконец, после сна человек встает на работу, на молитву. И мы, пробудившись от смертного сна, предстанем на Страшный суд, чтобы отдать отчет о всем сделанном нами во время земной жизни и получить новую жизнь, полную радостей, или же — страданий.

Будем же, дорогие братие и сестры, готовиться к смертному сну, подлежащему каждому из нас.

Будем стараться бороться со своими страстями и побеждать свои грехи.

Придет Господь и скажет, как сказал, воскрешая дочь Иаира: *Восстани* — чтобы жить со Мною!

И вот одно из средств к этому приготовлению есть пост.

Пост установлен затем, чтобы мы стремились к усвоению святой, благочестивой жизни, приготовляющей нас к вечности, и, наконец, исповедав свои грехи, сподобились соединиться со Христом.

¹ См.: Пс. 114, 6; Ис. 11, 10; Евр. 4: 1, 3, 10, 11 и др.

Ныне время благоприятное, ныне день спасения (ср.: 2 Кор. 6, 2)! Пусть этот пост для желающих спасения не пройдет бесследно. Для тех, которые дали обет поститься и желают говеть, то спешу предупредить, с 24 по 29 ноября наша братия будет говеть¹.

Сегодня память святого апостола и евангелиста Матфея¹. Вы знаете, он был величайший грешник... Он был сборщиком податей. А эти люди большею частию были корыстолюбивы, бесчестны. И, тем не менее, когда Господь сказал ему: *Следуй за Мною* (Мф. 9, 9), когда благодать коснулась его сердца, он все оставил и пошел за Иисусом Христом. А после Его Воскресения и Вознесения он стал проповедовать о Нем. Он первый написал Евангелие. Евангелие сначала было написано на еврейском языке, а затем оно было переведено по-гречески.

Когда Господь, видя его, обратился к нему со словами: *Следуй за Мною*, то апостол, он ничем иным не мог выразить своей радости, как пригласить Его в дом свой (см.: Лк. 5, 29). Книжники и фарисеи укоряли Господа за то, что Он пьет и ест с мытарями. Господь принял этот приговор и сказал: *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию* (Мф. 9, 13).

Дорогие братие и сестры! И мы — грешные, и не менее, чем был апостол Матфей. И, тем не менее, мы желаем соединиться со Христом... Скажем Ему: «Господи, не погнушайся взойти в темный и мрачный дом моей души, как Ты не погнушался войти в дом грешника. Ведь Ты Сам сказал: *Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию*. Вниди в дом моей души и сотвори меня истинным, добрым христианином, каким Ты сделал апостола Матфея», — чтобы, таким образом, живя достойно, и нам всем дожидаться своего смертного сна.

¹ Слово произнесено, вероятно, в Богоявленском монастыре, где преосвященный Трифон был настоятелем.

² В этот день читается Евангелие о призвании Матфея: Мф. 30-е зач., 9, 9–13; рассказ о призвании Матфея (Левия) содержится также в Мк. 2, 13–14; Лк. 5, 27–28. В Евангелии от Луки в продолжение этого рассказа упоминается о том, что Левий *сделал для Господа в доме своем большое угощение*.

**Слово к сестрам —
служащим московского приюта Братства
во имя Царицы Небесной для детей-калек¹**

*В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы
(за литургией)
21 ноября 1908 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, православные христиане, с радостным и светлым праздником Введения во храм Владычицы нашей, Царицы Небесной!

Ныне трехлетний ребенок — Пресвятая Дева отдается во служение Господу Богу. Ныне Она заключается в храме Иерусалимском, где проводит до пятнадцатилетнего возраста время Свое в усердной молитве, чтении Священного Писания, трудилась и снова молилась. Воспитываясь таким образом, Она сподобилась соделаться Материю Самого Господа Бога.

Нынешний праздник особенно должен напоминать родителям о воспитании христианском детей, о том долге, который лежит на них. Нынешний праздник показывает ясно, в каком духе должно вестись воспитание детей — в духе христианской веры и благочестия. Пусть с самых ранних лет ребенок научится пребывать в храме Божиим! Пусть с самого раннего детства слух его оглашается Священным Писанием и рассказами об угодниках Божиих, пострадавших за веру Христову. Если в таком духе будет вестись христианское воспитание детей, то, в свою очередь, они будут в состоянии так же воспитывать и других, передавая им то, что сами восприняли в детстве от добрых родителей, воспитателей и руководителей.

Благо тем, которые посвятили себя воспитанию детей!

Благо и вам, дорогие сестры, что вы всю свою жизнь отдали на великий подвиг воспитания детей, таких детей, которые обижены природою, обездоленных, несчастных! О, великий

¹ Приют Братства во имя Царицы Небесной под покровительством Государыни императрицы Александры Феодоровны был основан в 1892 году, находился на Zubovском бульваре. Церковь при Братстве была освящена позднее, в 1912 году — во имя иконы Богоматери «Всех скорбящих радость». За детьми ухаживали сестры — послушницы московских монастырей; они бывали на службах в Богоявленском монастыре. Ныне здание приюта занято издательством «Прогресс». Церковь не сохранилась.

подвиг вы взяли на себя! Да подаст вам Господь Бог силы совершить этот подвиг!

«И как горько, и как жалко, — жаловалась мне недавно при открытии приюта ваша начальница, — что со стороны общества вы встречаете недоверие, иногда презрительно относится оно к этому вашему великому делу: зачем воспитывать калек, когда так много и здоровых детей, которые нуждаются в помощи и которым никто не приходит на помощь». Как горько и обидно за тех, которые это говорят... Разве могут так вот говорить христиане? Разве они не знают, что в убогих и калеках есть душа, вложенная в них Господом Богом... И неужели же оставить эту душу без воспитания только потому, что она заключена в уродливом теле? О том могут говорить только люди неверующие, материалисты, которые хотят свести человека до животного. Но никогда не скажет подобного человек разумный, который действительно работает над душою. Тот, кто приглядывается к людям, тот особенно поймет что в душе человеческой незримо живет духовный мир. Она таинственным образом воспринимает впечатления мира. Если душа чувствительна относительно духовного, то она чувствует, что такое человек убогий. Разве душа убогого человека не способна воспринимать духовное? Например, если я потерял слух, разве менее чувствительна стала от этого моя душа? Она осталась все такую же. Или, если я потерял другие органы, внешним образом я не способен воспринимать ничего, а в глубине души все по-прежнему продолжают зреть и созреть различные впечатления...

«Замечательно, — сказала мне начальница приюта, — дети-полуидиоты, не способные ни к выражению своих чувств, ни к пониманию отношений их окружающих, когда умирали, то на лице их появлялась улыбка, в их глазах выражалось изумление — выражение душевного настроения; им как бы открывались тайны, и из идиотского выражение их лиц делалось вдумчивым. Они уносились далеко в тайники своей души, которая видела то, что сокрыто от других».

Нет, велик подвиг тех, которые взяли на себя этот труд — воспитания детей. Ведь эти дети не повинны ни в чем, они страдают часто за грехи своих отцов; за их грехи они терпят и являются нам уроком. Они как бы говорят, что жизнь —

не шутка и не пир, жизнь — это тяжелый подвиг. Кто бессмысленно проводит свою жизнь, тот в детях понесет наказание Божие.

А затем многие дети составляют тягость для своих семейных. Как тяжело иметь ребенка слабого, больного, особенно в бедной семье. Куда его девать, убогого? Родители его часто заняты работою, матери приходится с утра до вечера трудиться, а отцу добывать кусок хлеба для пропитания.

Вот для таких-то несчастных детей и открыт приют Братства Царицы Небесной. Часто туда приходят матери, потерявшие всякое терпение, дошедшие до крайности. «Возьмите ради Бога моего ребенка, не могу более терпеть... Возьмите! Нет более сил! Не знаю, что и делать!» И посторонние люди берут ее ребенка и воспитывают его с величайшим усилием, потому что он с трудом поддается воспитанию. Разве это не доброе дело? Разве не видно благословения над ним Владычицы нашей Небесной, которая именуется Материю скорбящих, больных, обремененных, Радостию скорбящих и трудящихся.

Когда совершилось чудо над мальчиком? Именно в день праздника Божией Матери¹. Это-то и дало мысль архимандриту Игнатию устроить приют для детей-калек. Ведь недаром Владычица сжалилась над этим несчастным мальчиком и совершила над ним чудо. Значит, Она, милосердая Мать наша, призрела на слезы и стон несчастных и пожелала, чтобы мы устроили приют в честь Ее и славу.

Вот мало-помалу и стали воздвигаться приюты, и у нас в Москве существует таковой. Искренно и молитвенно желаю и усердно помолился я о тех, которые работают в этом приюте. Искренно пожелал им бодрости душевной, сил, необходимых для их трудного подвига. Ведь не кратковременен, не блестящ этот подвиг, и не всякий пойдет на этот подвиг.

¹ Это чудо совершилось от иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» «с грошиками», в Санкт-Петербурге, над мальчиком, страдавшим припадками падучей болезни и, кроме того, разбитым параличом. По велению Царицы Небесной, явившейся ему в видении, мальчика привезли к этой иконе, и, по совершении пред ней молебна, он стал совершенно здоровым. Став взрослым, этот мальчик принял монашество и устроил в Санкт-Петербурге приют для обездоленных детей в память этого чуда. Вскоре затем отделения этого приюта появились в Москве и в других городах.

На иной подвиг человек часто пойдет ради самолюбия, ради гордости. Но на каждодневный будничный подвиг — не искать ниоткуда похвалы, все терпеть и возлагать единственно всю надежду на Господа Бога и от Него Одного ждать награды, — это великий подвиг. И того, кто несет этот подвиг, ожидает великая награда на небесах. Недаром язычники восторгались, видя добродетели христиан.

Вот, дорогие сестры, вы несете этот подвиг, благо вам!

О, верьте, за Господом Богом не пропадет ни одна слеза.

О, верьте, за все Он вознаградит вас. За все сделанное вами Он наградит вас сторицею там, куда каждый человек должен будет прийти, — в Царстве Небесном.

А вы, возлюбленные братие и сестры, я знаю ваше усердие ко храму Божию, поэтому я прибегаю к вам с просьбою не оставить этот приют. Сами помогайте ему и затем распространяйте сведения о нем среди ваших родных и знакомых. А чтобы больше напомнить вам о нем, вы получите по маленькой брошюрке, издания этого Братства. А если кто желает побывать в нем и поближе познакомиться с его деятельностью, то может посетить этот приют, ибо двери его открыты для всех желающих.

О христианской благотворительности¹

*В день памяти святителя Митрофания, епископа Воронежского,
в храме святителя Митрофания, епископа Воронежского,
при детских приютах великой княгини Елисаветы Феодоровны
и принца Ольденбургского (в воскресенье, за литургией)²
23 ноября 1908 года*

Сердечно поздравляю вас, дорогие братие и сестры, с вашим престольным праздником. Искренно радуюсь, что Господь привел меня помолиться вместе с вами в день памяти дорогого

¹ Опубл. в: [40], с. 259–261.

² Детские приюты были основаны в конце XIX в.: принца Ольденбургского — в 1880 году, великой княгини Елисаветы — в 1893 году; последний находился под покровительством великой княгини и предназначался для призрения детей беднейшего населения Москвы. Храм при приютах построен в 1892–1895 гг. на средства купца Митрофана Семеновича Грачева и назван, вероятно, в честь его небесного покровителя. В 1927 или 1928 году храм был закрыт. С 1990 года в нем вновь возобновлено служение.

для нас святителя, первого епископа Воронежского Митрофания, в то же время — в этот воскресный день. Этот храм сооружен милосердием для детей, воспитывающихся на средства благотворителей. Не обратили ли вы ваше внимание, если вам приходилось читать житие святителя Митрофания, как он был добр, милосерд к людям?

И в нынешнем Евангелии читалось о милосердом самарянине (зачало 53: Лк. 10, 25–37). Как должен человек быть милостив к людям — об этом говорит Сам Христос Спаситель.

Он так говорит. Вот один человек был ограблен, изранен и брошен еле живой, при дороге. Мимо этого страдальца проходило много разных людей. Проходил левит, церковный служитель — посмотрел, бросил на страдальца равнодушный взор — и прошел мимо.

Проходил священник — и, увы, посмотрел на израненного полумертвого человека, послушал его стоны, и, увы, прошел мимо и ничего не сделал.

Наконец, проезжал самарянин. Самаряне издавна ненавидели евреев, между ними существовала вражда и ссора, они евреев считали своими врагами. Он знал, что это был его враг, но, увидев его — ограбленного, раненого, избитого, едва живого, слыша его стоны, он сжалился над ним. Содрогнулось его сердце... И он не проходит мимо, берет его, кладет на своего осла (там ездили на ослах), привозит его в гостиницу, заботится о нем и, уходя, дает деньги хозяину гостиницы, просит его позаботиться. И если больше истратит он, то обещает отдать после. Он так говорит: «А когда я буду возвращаться, то тебе все отдам, что ты затратишь на него».

Закончив эту притчу, Господь обратился к спрашивавшему Его законнику: «Скажи, кто из этих троих был ближним попавшемуся разбойникам?» Законник отвечал: «Тот, кто оказал ему помощь», то есть самарянин. Господь сказал ему: «И ты твори такоже», то есть поступай так, как поступил самарянин.

Из этой притчи, дорогие братие и сестры, мы видим, как и кому должно помогать. Больной не просил о помощи, он только стонал. И оказал ему самарянин помощь. Видите, больной был враг самарянину, иноплеменник, и тем не менее

самарянин оказал ему помощь. И мы точно так же должны оказывать помощь не только близким родственникам, но и всякому человеку, хотя бы он был с нами и иных убеждений, должны оказывать помощь всякому скорбящему, страждущему, болящему.

Вот чему учит нас эта притча.

В древние времена, говорится в Деяниях святых апостолов, не только общество [их], но и последователи христиан отличались благотворительностью. Об этом свидетельствуют не только христиане, но и язычники.

Так, язычник Лукиан говорит: «Удивляюсь, как развита у христиан благотворительность: их Учитель заповедал оказывать помощь всякому человеку»¹.

Император Юлиан Отступник, который хотел снова водворить язычество, говорил: «Будьте милосерды, как христиане; скольких больных призывают они... Если хотите иметь успех, будьте как христиане».

Вспоминается мне... Император Декий прибыл в один город, где он слышал, находится много христиан. Ходили слухи, что они очень богаты. Он обратился к диакону (а диаконы тогда занимались благотворительностью) с требованием, чтобы они открыли все сокровища и отдали бы ему все свои богатства. Тогда диакон привел к нему всех страждущих — детей, больных, увечных, на костылях, стариков и старух; привел и говорит: «Вот наше сокровище... возьми, если тебе их надо». Следовательно, все средства, которые находились в руках христиан, употреблялись на нуждающихся.

Искренно радуюсь, что этот храм и эти приюты созданы христианскою благотворительностью. Усердно помолился я, чтобы Господь подал помощь и силы всем труждающимся здесь.

Этот храм посвящен святителю Митрофанию, а он был суровым обличителем неправды. Он жил во времена Петра Великого и однажды вступил в обличение Петра. Он отличался благотворительностью, был необыкновенно добр ко всем нуждающимся, двери его дома всегда были открыты для

¹ «О кончине Перегрина» (12-я глава). Рус. пер.: Лукиан Самосатский. Собр. соч.: в 2 т. СПб., 2001. Т. 2. С. 296.

нищих и убогих, все они имели от него пропитание. Он любил посещать тюрьмы, больницы. Я думаю — ничем иным мы не можем так хорошо закончить наш молитвенный праздник, как усердно молитвою покровителю вашего храма, святителю Митрофанию. Помолимся же усердно ему.

На упокоение благочестивой старицы Марии

*В субботу, после литургии
29 ноября 1908 года*

Сердечно поздравляю вас, возлюбленные братие и сестры, с принятием Святых Христовых Таин. Возблагодарим же Господа и от полноты души и сердца воскликнем Ему: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!»

Итак, мы причастились Святых Христовых Таин. Исполнили мы то, что Христос Спаситель полагает необходимым заветом для получения вечной жизни. *Аминь, аминь глаголю вам...* — сказал Господь, — *ядый Мою Плоть, и пий Мою Кровь, имать живот вечный* (Ин. 6, 53–54).

И мы верим, что лежащая во гробе благочестивая старица ныне уже всем своим духовным существом понимает и разумеет то, что для нас, живущих на земле, является как бы в туманном зеркале, в гадании веры (ср.: 1 Кор. 13, 12). Мы верим, что она поняла всю неизреченную радость слов Христа Спасителя: что тот, кто здесь, на земле, причащался Святых Христовых Таин, тот будет радоваться там, в невечернем дни Царствия Христова. Мы говорим это потому, что знаем ее твердую веру. Она умерла в преклонных годах, ей было за 80 лет. Она всю свою жизнь посвятила долгу. Она была человеком старых времен, когда менее всего думали о правах (как часто теперь многие думают о них) и более заботились о долге пред Богом и людьми. Она во всю свою жизнь исполняла свой долг. Она глубоко верила во все то, что повелевала Церковь. Она усердно каялась во всем, в чем согрешала, она с благоговением причащалась Святых Христовых Таин, работала над собою и своею душею, молилась о том, чтобы Господь избавил ее от пороков, усердно молилась о даровании вечной жизни. Видим, Господь внял ее молитвам, исполнил их и даровал ей

непостыдную кончину. Верим, что Он даст ей и другое, т. е. Царство Небесное.

Она была человеком долга и в исполнении своих семейных обязанностей: она воспитывала своих детей, повиновалась своему мужу, а затем, после его смерти, зажила спокойною жизнью, посвятив эту жизнь Господу Богу. Кроткая, смиренная старушка, усердно молящаяся, последнее время, в уголке Марфинского храма, — таковою я представлял себе ее. И вот наконец догорела свеча ее жизни. И верю, что она предстала ко Господу Богу с такою же кротостию и безответностию, с какою жила на земле.

Она теперь видит Господа и говорит Ему: «Ты, Господи, видел мои грехи, мои немощи, но Ты также видел мою веру, мои слезы, слышал мои воздыхания... Если я и согрешала, то не оставалась в таком состоянии, я старалась каяться и снова восставала, я усердно исполняла долг, возложенный Тобою».

Верим, что Господь, Который был послушлив Своему Отцу даже до смерти... верим, что Он примет ее, чистую, в райские селения.

И замечательно, в какой день мы совершаем ее погребение. Сегодня Святая Церковь прославляет преподобного Акакия¹ — человека долга и послушания. Это юноша, который был в послушании у одного злого, сварливого старца. Этот старец не только истязал его, бранил его словами, но часто наносил ему побои, мучил его. Иногда этот юноша бывал в синяках и ранах. Все же юноша не хотел изменить своего послушания и уйти от него.

Когда он умер, то вскоре старец отправился к великому старцу-иноку, а тот отправился с ним на гроб юноши. Желая показать святость послушания, он воскликнул: «Акакий, ты умер?» И отвечал Акакий: «Нет, я не умер. Для тех, которые честно исполняли свое послушание, нет смерти! Они получают вечную жизнь и наслаждаются неизреченными радостями в Царствии Небесном»².

¹ Преподобный Акакий Синайский (VI в.), память его 7 июля и 29 ноября.

² Повесть о преподобном Акакии см. в Лествице, 4, 110. Преподобный Иоанн Лествичник так передает ответ Акакия: «Отче, как можно умереть делателю послушания».

Искренно желаю, чтобы вы были послушными, верными, добрыми христианами, чтобы вам быть участниками, вместе со святыми, в вечном блаженном Царстве.

Соединимся, как одна семья, и помолимся Господу Богу об упокоении усопшей рабы Божией Марии.

В день Ангела старца иеросхимонаха Амвросия¹

*В воскресенье, за литургией
7 декабря 1908 года*

Сегодня мы вспоминаем день Ангела присноблаженного старца иеросхимонаха Амвросия². Как живо, как ясно представляется мне день его Ангела в Оптиномском скиту. В этот день была торжественная обедня, старец причащался Святых Христовых Таин, а после литургии и молебна, совершаемых за его здоровье, начальник скита и вся братия шли к нему в келью, чтобы его поздравить с днем Ангела. И как сейчас вижу его сидящим на кровати, в белом подряснике, в новой епитрахили, с необыкновенно светлым, радостным выражением лица. Верим мы, что и ныне, после своей смерти, там на небе он находится в Царствии Небесном и радуется и благодарит нас за то, что мы не забыли день его Ангела, что соединились в молитве и единым сердцем и едиными устами помолились за него Господу Богу. И верим мы и надеемся, что он и нас не забудет в своих молитвах и будет нам помощником во всех нуждах, скорбях и болезнях.

Батюшка, как вы знаете, несмотря на свою дряхлость, болезнь, преследующую его от юности, в молодые годы она его сделала просто стариком, тем не менее он был твердым воином Христа Спасителя. Поистине, он всю жизнь боролся с духами злобы и победил. Всю жизнь он был воином, так он и окончил жизнь... жизнь его окончилась победою.

Не обратили ли вы внимание на сегодняшнее чтение Апостола³? Как мало, к сожалению, обращается внимания на чтения Апостола, а между тем какая глубина премудрости и разума Божия в них заключается.

¹ Опубл. в: [40], с. 358–360. ² † 10 октября 1891 года.

³ Еф., зач. 233: 6, 10–17.

Ныне апостол Павел в своем послании говорит жителям Ефеса, что они должны быть бодрыми и внимательными воинами. Не должны ослабевать, ни на минуту не оставлять своего звания — воина Христа Спасителя. Два раза он повторяет им, чтобы они облеклись *во всеоружие Божие*, как подобает воину, т. е. так как в древние времена одевались воины, чтобы и вы могли сражаться с врагами.

В эти дни, злые и лукавые, и вам предстоит такая же борьба, но только *не с плотию и с кровию*, а с теми, которые держат грешный мир в своей власти, то есть *против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных*. Вы должны сражаться за эту истину. Никакого слова лукавого, никакого слова лживого не должно исходить из уст ваших (ср.: Еф. 4, 29). Вы должны обути ноги ваши *в готовность благовествовать мир*. Вы должны быть готовы оказать всякому помощь. Не раздражайтесь, если видите человека недостойного, вспомните, что в вас самих всегда гораздо более недостатков. Старайтесь всегда водворить мир в душах, старайтесь помогать всем, чем можете: словом, делом, участием своего сердца.

Вы должны одеться. *В броню* правды заключите сердце ваше — то есть старайтесь поступать так, чтобы в поступках ваших не было никакой лжи, пристрастия. На голову вы должны надеть *шлем спасения*, то есть старайтесь очистить ум и сердце от помыслов лукавых, старайтесь сохранить свои души от пороков, стремитесь к очищению своей души и душ ближних своих. А затем возьмите в правую руку *меч веры*, а в левую — *щит*, чтобы ограждать слово Божие, как стрелою отражать врага спасения.

Далее апостол говорит, что теперь не время радоваться, утешаться, беспечно проводить время, как часто советуют и говорят люди неверующие, мол, жизнь дана для наслаждений. Нет, теперь век борьбы, век лукавый. *Молитесь во всякое время* (Еф. 6, 18), укрепляйтесь силою Божиею, потому что вам предстоит разнообразная борьба против врагов спасения, против зла. Смотрите, как они разнообразно действуют: то внушают мысли дурные, чтобы отвратить людей от Бога, то через различные сочинения, в которых стараются доказать, что Бога нет, и тем самым многих отвращают от Бога и Церкви.

Вам ли, дорогие братие и сестры, говорить об этом! Сколько раз вам приходилось все это слышать и терпеть нападки на нашу веру и на Церковь. Поэтому я прошу вас, не забывайте завет апостола: *Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны* (1 Кор. 16, 13).

Эти слова как бы нам говорит и батюшка отец Амвросий. Он как бы нам говорит: «Посмотрите на меня! Я в этой жизни был лишен всего — и здоровья, и сил для борьбы; а между тем я остался верным воином. Я верил, я старался жить по вере, я многих спас от падения — и примером своей жизни, и наставлениями, и вразумлениями». Он любил так говорить: «Долготерпите, за все благодарите, о всем радуйтесь, моляся за всех непрестанно». То есть терпите в этой жизни, переносите все скорби с надеждою на воздаяние в будущей жизни, относитесь с любовью ко всем людям, благодарите их за все, что бы они ни делали вам, а главное, молитесь не за себя только, но и за всех, ибо много может молитва, приносимая Господу Богу за других.

Искренно верую, что батюшка отец Амвросий, видя, что мы не забыли его и помолились за него, всегда будет молиться за нас, а в особенности в страшный час разлучения нашей души от тела.

При отпевании Д. И. Филиппова¹

В воскресенье, 14 декабря 1908 года

Вечная тебе память, дорогой и незабвенный брат наш, Димитрий Иванович!

Коса смерти добралась и до тебя... Господь да ублажит тебя, и упокоит, и с праведными сопричтет!..

Поистине на тебе, более чем на ком-нибудь другом, оправдались слова церковной песни: «Вчерашний день я беседовал с вами, внезапно настиг меня час смертный... Но прошу вас всех и молю, молитесь за меня Христу Богу, да не изведен буду на место мучений, но да вселит меня Господь Бог, идеже есть свет непреступный»².

¹ Опубл. в: [40], с. 381–382.

² Ср.: Последование погребения, стихира на последнем целовании, на «Слава».

И мы искренно верим, и с любовью и скорбью, помня неизбежный смертный час, молились и будем молиться об упокоении души твоей и поминать тебя с редкою, радостною надеждою, что Господь примет тебя в Свои селения.

Мы знали тебя, что ты был человек истинно добрый, необычайной сердечной доброты. Ты не скрыл своих талантов, а по возможности старался умножать, развивать в себе эти таланты. Мы верим, что Господь Бог примет тебя, как это читалось ныне в Евангелии¹.

Некоторый господин устроил пир и призвал на него только тех, которые имели брачную одежду, а тех, которые не имели брачной одежды, он изгнал вон². Ибо *много званых, но мало избранных*, — говорит Господь (Лк. 14, 24; Мф. 22, 14).

Мы и твои служащие знали тебя за человека милостивого. Ты отличался любовью ко Христу. Ты соткал себе брачную одежду, в которой ты войдешь в чертог³. Мы верим, что она введет тебя и Господь примет тебя!

Мы с любовью молились о тебе. Ведь любовь, дорогие братие, любовь вечна. Святой апостол Павел говорит: *Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13, 8). Любовь, дорогие братие и сестры, нельзя заключить во гробе и закопать в могилу. Она должна от любящего сердца воссылаться о умершем. И чем более будет в нас этой любви, тем более будет воссылаться молений ко Христу Богу об умершем.

Соединимся же все в одну семью вокруг его гроба и вознесем искреннюю горячую молитву об упокоении его души.

¹ Евангелие 28-й недели по Пятидесятнице: Лк., 76 зачало: 14, 16–24 (о брачном пире).

² Этого нет у евангелиста Луки, но об этом говорится в той же притче у евангелиста Матфея: 22, 11–13.

³ Ср. со словами ексапостилария Страстной седмицы: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оны...»

Будем просить у Господа духовных благ¹

*На праздник Рождества Христова
(за всенощным бдением)
24 декабря 1908 года*

Итак, снова дождались мы давно ожидаемого радостного праздника Рождества Христа Спасителя, Предвечного Бога.

Чего же пожелать нам от Господа?

Каких даров просить нам у милосердного Бога?

В самом деле, когда родился Христос Спаситель, то волхвы пришли поклониться Ему и принесли дары родившемуся Спасителю (см.: Мф. 2, 1–12). А мы, грешные, мы не только Ему ничего не приносим, но еще просим у Него даров милостивых. Как пастырь и ваш сомолитвенник, я могу молить и буду молить Господа, чтобы Он, Господь милосердый, наградил нас не материальными благами, а благами духовными, чтобы Он возродил в нас веру, светлую надежду и горячую любовь. Если мы будем иметь эти добродетели, то мы будем счастливы, мы будем полезны и себе, и другим.

Да благословит всех нас Родившийся Спаситель и да умножит в сердцах наших дары духовные!

О мире Христовом и по поводу кончины протоиерея Иоанна Кронштадтского²

*В тот же праздник, за литургией
26 декабря 1908 года*

Сердечно поздравляю вас, дорогие братие и сестры, православные христиане, с великим и радостным праздником Рождества Христова!

Искренно желаю всем нам, чтобы тот мир, о котором воспевали ангелы Божии, чтобы та любовь Божия к людям, о которой они предсказывали, вселилась богато в наши сердца.

Так, четыре тысячи лет тому назад святой патриарх Иаков, благословляя четвертого своего сына Иуду, так изрек: *Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов* (Быт. 49, 10).

¹ Опубл. в: [40], с. 262. ² Опубл. в: [40], с. 262–265.

До тех пор будет пополняться царство иудейское царями, до тех пор оно будет иметь своих законодателей, пока не придет Христос Спаситель, Ему покорятся народы. И вот две тысячи лет люди ждали обещанного Примириителя. Они изнемогали под тяжестью жизни, они взывали ко Господу: *Господь приклони небо и сниди на землю* (ср.: Пс. 17, 10). А ветхозаветные люди, созревая в прогрессе, жертвами знаменовали это непрестанное ожидание. Языческие мудрецы с отчаянием говорили: «Если Бог не придет на землю, то никогда не поймут его люди». Вот, наконец, ветхозаветные люди стали чувствовать, что приближается желанное примирение. Говорили они: «Я Его вижу, но Его нет», «Я Его зрю, но еще [только] близок». Но вот пришло время явиться Христу. И вот в тишине таинственной ночи, в долине пастырей, в окрестностях Иерусалима является в свете небесном ангел Божий и возвещает пастухам великую радость. И сказал ангел: *Не бойтесь, я возвещаю вам радость: отныне родился Христос Господь, Господь и Бог!* (ср.: Лк. 2, 10–11). Вместе с этим явилось бесчисленное множество ангелов и слышалась их песнь: *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. 2, 14).

Много времени прошло с тех пор — около двух тысяч лет прошло с этого времени; а между тем тот мир, о котором воспевали ангелы Божии, — где же он? Как далек он особенно теперь от современных людей! Так же, как и прежде, всюду свирепствуют вражда, ненависть, злоба, сын восстает на отца, брат на брата, дочь на мать. Также по-прежнему нет мира среди людей. Где же мир, дорогие братие? Господь приходом Своим разрушил средостение, которое существовало между Богом и людьми. Он примирил людей с Богом. Теперь всякий человек, если он принимает учение Божие, если он склоняет свое внимание на исполнение заповедей Христовых, тот приобретает мир.

Прошло много лет, и сколько было в это время людей, которые познали нищету этой жизни, прочувствовали небесную радость, мир и любовь от соединения со Христом!

И как много в наше время таких людей, которые всем стараются говорить о мире и предлагают этот мир, но сами

не хотят этого мира. Они отталкивают¹ призывание имени Христа Спасителя, они хотят жить во вражде с Церковью. И вот они живут вдали от Церкви, вдали от Христа Спасителя. Живя вне Церкви, они глубоко несчастны. Они хотят устроить мир собственными силами, но, наоборот, вселяют всюду вражду, зависть, — и не хотят этого сознать. Они, горделиво отдаляясь от Церкви, делают все более и более несчастны. Они говорят: «В нашей душе царствуют страсти, в ней нет ничего, но вот если устроить внешний порядок жизни, то тогда и в душе нашей воцарится мир». Да разве от внешних порядков зависит мир душевный? Разве от внешних порядков зависит душевное спокойствие и счастье души? Раз в душе царят злоба, кощунство, ненависть, раз нет порядка в душе, как же могут они успокоить свою душу?!

Одна вера Христова может примирить человека самого с собою, и с людьми, и с Богом. Теперь вы ясно видите, недаром Христос Спаситель сходил с неба на землю, пострадал, умер страшною крестною смертью. Потому что никто не мог примирить человека с Богом.

Кто постоянно кается, смиряется, соединяется в Таинстве Причащения со Христом, тот всегда почувствует в своей душе тот мир и любовь, о которых воспевали ангелы Божии, и может устроить потом этот мир и в сердцах других людей.

И вот к числу таких людей, которые носили в своей душе тот мир, принадлежал дорогой батюшка отец Иоанн, которого мы недавно потеряли. Он, как ангел Божий, всем возвещал этот мир и своею любовью приносил всюду светлую радость.

Как живо припоминается мне, как он служил несколько раз в нашем монастырском храме. Припоминается мне та как бы пасхальная радость, которую я испытывал при виде его лица, беседы с ним. И вот, его уже более нет. Никто более его не увидит...

Но он, который при своей жизни приносил всем мир и радость, и после смерти не пожелает видеть неутешное горе всех от кончины его. Он как бы так всем говорит: «Я вас любил при жизни, думаете ли вы, что я не буду вас любить и после

¹ Уклоняются.

смерти? Нет! Я всегда буду с вами. Я телом только ушел от вас, а духом всегда пребываю с вами. Для христиан нет смерти, а только телесная разлука. Я буду всегда с вами. Мы видим вас и всегда готовы оказывать вам помощь. Эта помощь есть молитва. Молитесь за меня, а я буду молиться пред Престолом Божиим за вас, чтобы мир и благодать были всегда в ваших сердцах».

И мы, верные заветам, нашему дорогому молитвеннику, соберемся все вместе 28-го, в воскресенье, и вознесем за него усердные молитвы в 9-й день после его кончины. В этот день, по учению Святой Церкви, душа умершего предстает пред Престолом Божиим и особенно нуждается в молитвах за нее.

В этот день соединимся в молитве и воздадим должное за его молитвы и любовь о нас. Да упокоит Господь душу усопшего раба Божия, новопреставленного протоиерея Иоанна.

В девятый день кончины протоиерея Иоанна Кронштадтского¹

*После литургии, в воскресенье
28 декабря 1908 года*

Приветствую вас, дорогие братие и сестры, с воскресным днем и радуюсь, что Господь привел всех нас в этот девятый день кончины батюшки отца Иоанна совершить его память и помолиться об упокоении его души. Девятый день, как я уже вам говорил, по правилам Церкви, особенно важен для души усопшего: в этот день душа усопшего предстает пред Престолом Господа, чтобы получить или оправдание или осуждение.

Вот почему Церковь заповедует молиться в этот день об усопшем.

Вот почему и мы все сегодня соединились в общей молитве и от всего сердца помолились об упокоении души дорогого батюшки отца Иоанна.

Все мы сознаем эту великую утрату: и Антиохийская церковь в лице своих представителей, архимандритов Игнатия

¹ Оpubл. в: [40], с. 361–364.

и Антония, и родные нам по духу монархические организации в лице представителя их, архимандрита Макария, и представители духовного просвещения в лице архимандрита Гавриила, и все соединившиеся здесь в молитве истинные православные люди.

И не только русским, но и иноплеменным — всем был близок и дорог батюшка отец Иоанн.

И мне, созерцающему это многолюдное собрание, видящему вашу молитвенную настроенность, мне особенно вспоминается, как батюшка молился не раз в моем крестовом храме¹. Не правда ли, как многие присутствовавшие при этом, вероятно, испытывали какую-то светлую радость, бодрость духовную. Я уверен, — все мы это испытывали, когда он молился вместе с нами. Нет горя, которого он не снял бы, нет тяжести душевной, которой он не облегчил бы одним прикосновением к голове.

Какую бодрость духовную, какую светлую радость чувствовали все мы, и, скажу, во время сегодняшней общей нашей молитвы я чувствовал тоже светлую радость. Радуюсь, видя ваше усердие, радуюсь, видя вашу молитву за почившего.

А затем скажу: для христиан нет смерти. И наши умершие — не мертвые, а живые (ср.: Лк. 20, 38), они постоянно молятся за нас. Для любящего сердца нет смерти, его нельзя заключить во гробе и закопать в могиле. Умершие вечно живы. Они выражают свою любовь к живым в своих молитвах пред Престолом Божиим. Ибо и живые, и мертвые, и мы, грешные, — все составляем одну семью. И все предстанем, рано или поздно, пред Престолом Божиим.

И верим мы, что обрели мы себе молитвенника у Престола Божия, который будет заботиться о нас — ибо с высоты неба ему еще яснее стали видны наши скорби, страдания, искушения, сети и козни диавола, которые враг нашего спасения предлагает нам на жизненном пути.

И вот сейчас мне пришла на ум одна из бесед отца Иоанна, находящаяся в его дневнике. Он, между прочим, так говорит:

¹ Крестовым называется домовый храм при архиерейских покоях. В Богоявленском монастыре домовая архиерейская церковь во имя Спаса Нерукотворного Образа находилась под колокольней, над входными воротами.

«Когда родился Иисус Христос, то и земля и небо принесли ему дары: небо — славословие ангелов, земля — вертеп, бессловесные животные — ясли, мудрецы — дары, пастыри — поклонение Ему... А мы? Что же мы принесем Родившемуся Спасителю?» — спрашивает отец Иоанн. Батюшка говорит: «Если мы кого любим, если мы желаем кого-нибудь чем-нибудь подарить, то стараемся, прежде всего, узнать, что нравится этому человеку, что приятно ему, что соответствует вкусу его. Что же мы принесем Родившемуся Богу?» Он Сам говорит: «Вот заповедь самая дорогая из всех: возлюби Господа Бога всем сердцем твоим, всею душою твоею и ближнего своего, как самого себя» (ср.: Мф. 22, 36–39; Мк. 12, 28–31). «Вот эту-то любовь к Богу и ближнему и принесем нашему Создателю», — говорит батюшка отец Иоанн.

Не правда ли, он-то и принес всецелую, полную самоотвержения и самопожертвования любовь к Богу и ближним. И мне кажется, и я уверен, что если и мы постараемся принести такую же любовь к Господу Богу и нашим ближним, то это будет очень приятно дорогому батюшке.

Дальше батюшка говорит: «Что значит любить Бога? За любовь Божию человек должен всецело отдать всего себя Господу, все свои чувства. В глубине души он должен носить Господа и восклицать Ему: “Ты моя крепость, Господи! Ты — моя слава! Ты — мое радование! Вечный покой! В Тебе моя жизнь... После смерти Ты — моя надежда! Ты — моя помощь на суде!”»

Так восклицает он. Такие чувства действительно имел отец Иоанн. Для него Господь Бог был всем. Ему он поклонялся всю жизнь. Его он всегда чувствовал. Для него эта любовь не была только пустым звуком. Он всем сердцем любил Господа. И мы, священнослужители, которые не раз присутствовали при богослужении вместе с ним, можем подтвердить, что, действительно, никто, как он, не чувствовал так ясно присутствие Господа Бога. Видно было, как он молился Ему: он как бы беседовал с Ним, он изливал пред Ним всю свою душу. И не только свою, но и молился он Ему за всех скорбящих, больных, неверующих.

Далее: «Любить Господа Бога, — говорит батюшка отец Иоанн, — это значит во имя этой любви ко Господу Богу

необходимо оспаривать все нечистые мысли¹, стараться очищать сердце от всякого зла и пороков. Сам Бог сказал словами пророка: «Сыне, дай мне сердце твое» (ср.: Притч. 23, 26). Необходимо, чтобы сердце наше было чистое, светлое, чтобы оно светило духовным светом».

Батюшка отец Иоанн имел действительно такое сердце, исполненное чистоты духовной. Я, не обинуясь, скажу, что он не только был чист сердцем, но еще более — это было дитя, которое всех любило, всем верило. Люди добрые, хорошие преклонялись пред ним, а люди фальшивые — что делать?! — пользовались им для своей выгоды и всячески чернили имя отца Иоанна.

Далее батюшка говорит: «Человек, который любит Бога, должен стараться с помощью Божией усвоить посредством молитвы все хорошее, утверждать в себе смирение, чистоту сердечную, любовь, кротость». И все это батюшка исполнил в своей жизни, а в особенности венец всех добродетелей — любовь — всегда он имел в своем сердце. Что же касается до молитвы, то он с раннего утра пребывал в молитве, никому в ней не отказывал, душу свою полагал в молитве и за себя, и за других. Он может вместе со св. апостолом сказать: «Господи, если я обрел благодать, то вели чадам моим наслаждаться вместе со мною духовными радостями, а то мне тяжело». Эта молитва — не простой обряд, а жизнь, соединяющая живых с умершими.

Далее батюшка говорит: «Надо иметь любовь к ближним, а любовь к ближним выражается в дарах духовных и вещественных. Например: подать милостыню, облегчить чье-либо горе, помочь чем-нибудь, поухаживать за больным, утешить скорбящего».

И здесь батюшка являл всегда пример такой любви. В самом деле, сколько тысяч людей облегчил он, избавил от всяких мук. Сколько любви оказал страждущим, скольких исцелил, скольких направил на истинный путь, скольким дал возможность облегчить свое положение, скольким трудящимся приходил на помощь, сколько людей благодаря ему стали приносить пользу ближним и себе.

¹ То есть не соглашаться с ними, не принимать их, отражать.

Вот те дары, которые приносил покойный батюшка отец Иоанн родившемуся Христу Спасителю. Он заповедует и нам исполнять его заветы.

Будем же стараться исполнять их: будем любить Бога и ближних, будем стараться всем делать добро, следовать его добродетелям и молитвам. И верим, и молимся, и надеемся, что дорогой батюшка помолится за нас и будет духом пребывать всегда со всеми нами.

— 1909 —

На Новый, 1909, год¹

*В день преставления преподобного Серафима Саровского
(за литургией)
2 января 1909 года*

Так, снова дождались мы Нового года. Приветствую вас, братие и сестры, с Новым годом, и искреннее мое пожелание состоит в том, чтобы Новый год был мирным, благополучным, чтобы в этом году все было на пользу нам. Вот что, как пастырь, могу пожелать вам.

Обыкновенно люди желают друг другу счастья и представляют себе, что счастье заключается либо в высоком, знатном положении или в богатстве, или же в пустых, призрачных удовольствиях и радостях мира сего. Мы, христиане, не будем себя обманывать и не будем желать всего того, чего желают себе люди неверующие. Они желают счастья призрачного, которое, как мираж, быстро рассеивается. Мы, глубоко вглядываясь в мир, видим, как в нем все непрочно: самый мир как бы напоминает нам о том, что не здесь наша жизнь, а там, на небе; здесь только она призрачна, а там, на небе, ясна, вечна.

И вот искренно желаю вам утверждаться в тех добродетелях, благодаря которым люди прошли мирно, благополучно свой жизненный путь и оставили нам пример своей жизни. Между ними припоминается мне недавно почивший дорогой батюшка отец Иоанн².

¹ Опубл. в: [39], с. 265–267.

² Св. праведный Иоанн Кронштадтский († 20 декабря 1908 г.)

Когда пророк Илия возносился на небо, Елисей взывал к нему: *Отче, отче, колесница Израилева, и конница Его* (4 Цар. 2, 12). И просил сугубой благодати, обитавшей в нем (см.: ст. 9). Ныне мы дерзаем просить благодати и молим, чтобы Господь, по молитвам батюшки, дал нам хотя малую благодать. Благодать, которая обильно почивала на батюшке, и те великие, неизреченные радости, которые невозможно променять ни на какие блага мира сего. Чтобы Господь дал нам эту любовь, которой проникнуто было все его существо, весь его дух. Эту любовь, эту преданность Церкви Божией, которой он всю жизнь служил, до последней капли крови. Церкви, которую он защищал от нападок хулителей. Хотя его преследовали, тем не менее он оставался верным сыном своей Церкви и мужественно отстаивал ее. Затем, любовь к ближним... Благодаря этой любви он постоянно благотворил. И как много было таких случаев, когда благодаря этой помощи многие люди стали на ноги и сделались полезными и людям, и себе.

Искренно желаю, возлюбленные братие и сестры, воодушевляться этими святыми правилами батюшки отца Иоанна: любовью Бога и ближних.

И вот когда мы вступили в начало Нового года, постараемся озаглавить его начало добрым делом. Вы знаете, что в Москве существует Серафимовский комитет, находящийся под покровительством преподобного Серафима. Он имеет целью помогать лечением людям бедным, страждущим, не имеющим малых средств, лишней копейки, чтобы обратиться к врачу. И вот общество нескольких врачей под председательством Всеволода Николаевича Штурма, взяло это учреждение под свое покровительство и взялось оказывать помощь, давать лекарства и содержать больных. Этот комитет существует благодаря благодатной помощи преподобного Серафима и сборам в храмах в день памяти его, он не обращается за помощью ни к общественным, ни к правительственным учреждениям, а живет на те копейки, которые соберут в день памяти преподобного Серафима.

Ознаменуем день Нового года и день памяти преподобного Серафима посильною помощью этому комитету, и, верим, что

преподобный Серафим помянет нашу добродетель и помолится за нас Господу Богу, чтобы Новый год был мирен, благополучен и полезен для всех нас.

Всякий раз вспоминаются мне слова преподобного Серафима, которые он говорил Дивеевским сестрам: «Когда я умру, вы приходите ко мне на могилку, поведайте мне вашу скорбь, и я, как живой, услышу вас». И мы верим, что он слышит всех обращающихся к нему. И мы, окружающие его образ, мы смиренно просим его молитв и за себя, и за других. И усердно будем его молить, дорогие братие и сестры, в этот раз, чтобы в наступившем Новом году прекратились всякие нестроения, постоянные раздоры, чтобы прекратилось это быстро растущее безверие.

Жизнь стала невыносимо тяжела: на каждом шагу грозят скорби, неожиданные бедствия, смерти. И только тогда человек в состоянии сохранить спокойствие духа, когда он оживлен верою. Для верующего все возможно! Для верующего все светло и радостно!

Будем и мы просить преподобного Серафима, да укрепляет он во всех нас святую веру!

О великом освящении воды

*В навечерие Богоявления, перед чином Великого освящения воды
5 января 1909 года*

Всем нам сейчас предстоит с глубоким вниманием, с глубоким умилением сердечным присутствовать при освящении воды, и все мы будем усердно молиться при совершении этого священнодействия.

Это священнодействие — освящение воды — ведет свое начало от времен апостольских. Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст совершали освящение воды, а последний в своих словах и беседах неоднократно говорил о том, что Господь Иисус Христос крестился от Иоанна в реках Иорданских и этим показал пример совершать освящение воды. Заметьте, если всякое священнодействие освящения воды имеет великую силу, ибо призывается благодать Святого Духа, то здесь, при освящении Богоявленской воды,

призывается Святая Троица. Здесь в дивной, единственной по силе молитве призывается грозное и страшное имя всемогущего Бога. Здесь погружается Святой Крест, от которого с ужасом бежит все темное и мрачное, вся сила вражия. И заметьте, для какой цели освящается в этот день вода. Она освящается для такой цели, что нужнее всего на свете.

Так молится священнослужитель, читая молитву пред освящением: «Да будет она, т. е. вода сия священная, прогнанием диавола, да будет она во освящение душ и телес, да будет прогнанием злых духов, да будет ведущею в жизнь вечную, в Царство Небесное»¹.

И заметьте, для какой еще цели, тоже самой важной, освящается она. Ею освящается миро, которым помазывается крещаемый. Ею окропляются священные антиминсы, на которых совершается Бескровная Жертва. Этой водой причащаются² те люди, которые не могут по каким-либо причинам причаститься Тела и Крови Христовых. Все те, которые хранят ее с благоговением в святых местах, обыкновенно около икон, замечают, что эта вода имеет необыкновенное свойство: она не портится, как всякая другая вода. Благодетельные христиане принимают ее обыкновенно, говея, а затем вкушают ее натошак с надеждою на исцеление души и тела.

Итак, припомнив все это, с благоговением будем молить Господа Бога. Представим себе, что мы находимся на Иордане и там совершается это священнодействие³. Мы видим Христа

¹ Здесь излагаются прошения великой ектении перед освящением воды: «О еже быти воде сей, освящения дару, грехов избавлению, во исцеление души и тела... О еже быти воде сей скачущей в жизнь вечную... О еже явитися сей отгнанию всякаго навета видимых и невидимых враг... О еже быти сей во очищение душ и телес...»

² То есть пьют эту воду. В Последовании великого освящения в отношении этой воды неоднократно употребляется слово «причащаться» («верую черплющим и причащающимся от нея», «вод сих причащением»). Эту воду, называемую великой агиасмой (святыней), Церковь благословляет пить тем, кто не может быть допущен до Святого Причащения.

³ Церковь во многих песнопениях приглашает нас мыслию и сердцем соприсутствовать этому великому событию: «Приидите, увидим, вернии, где крестися Христос, да последуим прочее ко Иордану реце...» (служба на Богоявление, седален по полиелеи); «Приидите, срящим являшагося Владыку...» (3-я стихира на литии) и др.

Спасителя, крещаемого от Иоанна ради наших грехов и ради нашего спасения. Если мы с таким благоговением будем присутствовать, то верю, что в глубине души и сердца услышим голос: *Сей есть Сын Мой возлюбленный!* (Мф. 3, 17; ср.: Мр. 1, 11; Лк. 3, 22). И, слыша этот голос, мы никогда не поколеблемся и не изменим своей вере во Христа Спасителя. Будем Ему верить, Его любить и Ему служить.

О Богоявлении¹

*В тот же праздник, за литургией, в среду
7 января 1909 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные о Христе братие и сестры, со светлым и радостным праздником Богоявления Господня.

О, Господи! Более пяти с половиною тысяч лет человечество ждало явления Господа Иисуса Христа. Более пяти с половиною тысяч лет человечество томилось под страшным гнетом греха, проклятия, смерти, власти диавола. Более пяти с половиною тысяч лет человечество старалось обрести истину и счастье. Напротив, ища счастья, оно впадало в несчастье, ища истины, оно впадало в заблуждение, принимало тень за предмет, ложь за правду — до тех пор, пока разочаровалось в собственных силах и высказалось словами Пилата: «Что такое истина?», «Да есть ли еще истина?» (ср.: Ин. 18, 38). Не теперь только, но и тогда человечество искало жадно счастья, но, увы, находило полное несчастье, потому что, как и теперь, так и тогда, полагало его найти в чувственных утехах и вместе с отчаянием желало смерти и почитало лучшим средством самоубийство. Отчаянием, горьким отчаянием звучат слова философа Платона, когда он, обозревая мрачную действительность, восклицал: «Дать добродетель человечеству и открыть истину может Один только Бог».

И в избранном народе не лучше было пред рождением Христа Спасителя. И там не хотели понять приход Христа Спасителя. Многие думали, что через Него можно достигнуть

¹ Опул. в: [40], с. 268–270.

славы, богатства, высокого положения в мире. А другие, саддукеи, стали отрицать загробную жизнь, воскресение мертвых.

Таким образом, и язычники, и иудеи сознавали необходимость, чтобы скорее явился некто Спаситель Бог, чтобы примирить человечество и открыть новую жизнь. Человек не может этого сделать. Само человечество дошло до полного отрицания и отчаяния.

И вот, казалось, все уже было потеряно... И вдруг слышится ангельское пение: *Слава в вышних Богу...* (Лк. 2, 14)... Вот Он, Сын Божий, выходя на проповедь, идет на Иордан, чтобы получить крещение от Иоанна — для того, чтобы спасти мир. Великая тайна совершается на реках Иорданских. Се — Бог является! Се — Сын крещается! Се — Дух Святый сходит с неба на землю! Се — глас Отца свидетельствует о Сыне и взывает: *Сей есть Сын Мой возлюбленный* (Мф. 3, 17). Для кого был этот голос? Конечно, не для Самого Сына, потому что Он знал любовь Своего Отца. Не для Иоанна Крестителя, потому что он знал, Кого он крещает. Не для учеников, ибо их тогда у Иисуса Христа еще не было. Не для одного только народа был этот голос. Эти слова были сказаны всему страждущему человечеству, всем народам. Эти слова сказаны нам. *Сей есть Сын Мой возлюбленный*, — утверждает Отец с неба. То есть это — Тот, Кого так давно и так жадно искало человечество. Это — Тот, Кого прообразовали пророки. Это — Тот, Который должен стереть главу змия (см.: Быт. 3, 15). Это — Он! Его слушайте, смиряйтесь! Это Он пришел дать людям счастье — не земное, а вечное блаженство. Это Он пришел для того, чтобы открыть людям рай! Это — Мой Сын возлюбленный! Он пришел для всех людей! Он пришел для тебя, дорогой брат или сестра. Ты мучаешься, твои думы мрачные; вот тебе — Сын Мой возлюбленный! Ты не можешь избавиться от страстей и пороков; вот — Сын Мой возлюбленный! Он может развязать тебя (см.: Притч. 5, 22) и сделать Своим!

Ты боишься смерти: она страшна и ужасна! Вот — Сын Мой возлюбленный, Он победил смерть и открыл вход в вечное царство. Ты боишься, диавол будет тебя искать, искушений диавола, ты боишься своей собственной слабой воли. Вот — Сын Мой возлюбленный! Он победил диавола, Он стер его

главу, Он сокрушил его власть. Се — Сын мой возлюбленный! Только слушайте Его, только делайте то, что Он прикажет. Он говорит: «Любите врагов ваших, следуйте за Мною. Не думайте о здешней жизни, о ее благах. Напротив, внимательно смотрите на вечную жизнь. Слушайте Его и будете счастливы» (ср.: Мф. 5, 44–47; 9, 9 и др.; 6, 25–33). А саддукеи и их современники, которые продают Христа, не слушаются Его, стараются отыскать счастье на земле и отрицать вечную жизнь. «Того, кто отвергается Меня пред человеки, отвергну и Я пред Отцем Моим Небесным», — говорит Иисус Христос (ср.: Мф. 10, 33).

Искренно желаю вам, чтобы крестившийся Христос Спаситель вразумил нас и открыл бы нам истину, и дал бы нам величайшее счастье — Его любить, Ему верить и Его Одного слушать.

————— 1911 —————

**Проповеди,
произнесенные на первой седмице Великого поста
21–26 февраля 1911 года**

Приготовление ко Святому Причащению

В понедельник вечером

Очень рад я, что вы, возлюбленные братие и сестры, оставили ваши домашние дела и решили посвятить сию седмицу важнейшему делу в вашей жизни — говению, то есть исповеданию своих грехов и причащению Святых Христовых Таин.

Много назидательного предлагает нам богослужение этой седмицы. К тому, что нам советует Святая Церковь, немного могу я прибавить от себя. И прибавлю только потому, что знаю: хотя и слабое, но живое слово всегда содействует духу покаяния. Вот что нам необходимо присоединить к церковным службам: это благочестивые размышления, затем благочестивые собеседования, добрые дела, молитвы, особенно внутренние, и, наконец, чтение духовных книг, а главное — Священных книг, то есть чтение Священного Писания.

Остановимся на первом. Ныне нам необходимы благочестивые размышления. О чем же нам размышлять? Предметом размышлений, прежде всего, должны мы быть сами, потом величайшее Таинство, к которому мы собираемся приступить, и, наконец, тот путь, которым мы пойдем после принятия Тела и Крови Господа Иисуса Христа.

Прежде говения нам надобно размышлять о самих себе; собрать свои чувства, свои мысли, которые рассеяны по разным предметам, собрать их в своем сердце и подумать хорошенько о себе самих.

Прежде всего надо ясно представить себе, в каком положении мы находимся, кто были наши родители, при каких обстоятельствах произошло наше рождение, какие были первые впечатления нашего детства. Представить, что все это не от нас зависело, а от Господа Бога — и здесь мы увидим Промысел Божий, волю Божию, направляющую нас ко спасению.

Наконец, остановим наше внимание на отроческих годах: как и когда стали различать добро и зло? Какое было первое падение? Хотя мы и родимся с грехом прародительским, с первородным грехом Адамовым, тем не менее приходит такое время, когда мы падаем, прельстившись грехом.

Далее рассмотрим время юности, время, именуемое ветреным, непостоянным: рассмотрим, какие тогда были у нас интересы, чем увлекалось наше сердце, на что направлены были его желания.

Затем рассмотрим возраст мужества, в котором мы, то есть многие из нас, находимся. Как мы живем, куда идем, какими окружены людьми, не препятствуют ли они нашему спасению, не грозит ли что гибелью к вашему спасению?

Таким образом вы рассмотрите всю свою жизнь. Но это только определит вам, да иду ли я ко спасению или к гибели? Какие страсти преобладают? Что мешает моему спасению? Что я должен делать, чтобы вступить на путь спасения?

Затем, размышляя о направлении своего пути, надо поставить перед собою духовное зеркало — так же, как, когда вы рассматриваете наружность, вы ставите перед собою зеркало. Духовное зеркало — это Евангелие, где говорит Сам Господь Иисус Христос, принесший на землю учение чистоты, святости

и любви. Вы увидите, как Он Сам показал пример этой святости и любви, так что ради этой любви претерпел страдания и даже крестную, позорную смерть — дабы трудящихся здесь и верующих в Него удостоить вечных небесных радостей.

Затем прочитайте послания апостола Павла, особенно 12-ю и 13-ю главы к Коринфянам, где изображен греховный, плотский человек с его страстями и похотями. Прочитайте его же послания к Римлянам, к Филиппийцам. Особенно обратите внимание на заповеди блаженства, где ясно раскрыты основные добродетели, которые мы должны стараться приобрести.

И вот внимательно взгляните в это духовное зеркало, взглядевшись, подумайте и понаблюдайте над своим умом, куда он направлен — к добру или злу? Взгляните и понаблюдайте над своей волею, к чему она направляется — к добру или злу? Ваше сердце — от чего оно бьется, от каких желаний — греховных или добрых? Чего оно желает?

И вот, увидев все это, мы должны положить начало жизни для спасения. Если мы увидим, что положили начало жизни спасительной, если мы всегда действуем согласно с волею Божиею, если мы стремимся любить Господа Бога, если мы стараемся исправляться, хотя часто и падаем, то, значит, мы не совсем еще пали.

Если же мы увидим в этом духовном зеркале наши страсти: самолюбие, гордость и прочие, если мы почувствуем зловоние от этих страстей — то и в этом случае нам могут помочь еще и люди, которые строги к хорошим нашим поступкам и склонны видеть дурное, они очень умеют различать и подмечать страсти, преобладающие в нас.

Затем мы должны размышлять, каким образом мы должны идти по пути спасения? В этом случае мы должны внимательно взглядеться в наше сердце, чтобы раз навсегда определить себе тот путь, по которому мы должны следовать, и затем, не оглядываясь ни направо, ни налево, идти вперед, а именно к вечной, блаженной жизни.

Правда, тяжел этот путь! Но никто не должен уклоняться от него — ни богатый, гордящийся богатством своим, ни ученый — знатностью и знанием своим, ни простолюдин. В самом деле, вы сами знаете, много есть ученых, но так мало постигли они науку души.

В самом деле, если ты заболеешь, ты идешь к врачу, чтобы он выслушал тебя и дал бы тебе лекарство. Точно так же надо заботиться и о душе. Если она заболит, то надо идти к небесному Врачу. Если мы так будем готовить себя к Таинству Покаяния, то достигнем и Святого Причащения, ибо апостол Павел говорит: *Да искушает¹ же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пьет; ядый бо и пийй недостоине, суд себе яст и пьет, не разсуждая Тела Господня* (1 Кор. 11, 28–29).

Во вторник вечером

Вчера мы с вами говорили о том, что нужно для того, чтобы достойно приготовить себя к Святому Причащению. Необходимы благочестивые размышления — прежде всего размышление о самом себе, потом размышление о том, к чему мы приступаем; далее мы приступаем к великим Таинствам Исповеди и Причащения; затем потребны некоторые добрые дела и, наконец, особенно усиленная сердечная молитва.

В чем же должны состоять наши размышления? Что же нам делать для этого? Мы должны встать как бы перед зеркалом и испытать себя, свою жизнь, рассмотреть, какие пятна, какие недостатки и пороки гнездятся в нашей душе и каким образом можем мы от них избавиться. Потом на что еще нам необходимо направить свои размышления. Надо направить их на те Таинства, к которым мы приступаем, — на Таинство Исповеди и на Таинство Святого Причащения.

В самом деле, если бы кому-нибудь из нас представилась печальная необходимость явиться на суд человеческий, не правда ли, мы стали бы внимательно рассматривать законы, которые говорят в нашу пользу. Мы рассмотрели бы в них, что клонит к оправданию, а что — к обвинению, и, подготовившись таким образом, мы явились бы на суд.

С другой стороны, если бы нам предстояла великая честь явиться на царский пир, разве не стали бы внимательно расспрашивать о том, как надо там держать себя? Что требуется от нас? Таким образом, мы должны приготовить себя, чтобы явиться гостями на царском пиру. В настоящее время нам

¹ Испытывает.

предстоят оба случая — покаяние и причащение — или суд, или пир... Все зависит от нас, все зависит от того, как мы начнем приступать, как подготовим себя.

Я не говорю о размышлениях ученых — они охладили бы наше сердце. Достаточно остановиться на следующих размышлениях. Кто дает отпущение грехов? Кто установил и кто дает Причащение? Его установил Сам Господь Бог и сказал Своим преемникам: *елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси; и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех* (Мф. 18, 18).

Это Он Своею силою и Своею благодатию отпускает грехи. А священник? Он только свидетель, и его достоинство ничего не прибавит к Таинству, и его недостойнство ничего не убавит; он не своею силою, а силою Господа Иисуса Христа прощает и отпускает грехи. В чем сила этого Таинства? В примирении с Господом Богом. В том, чтобы получить отпущение грехов. С помощью благодати Божией начать обновленную жизнь. Не в том сила этого Таинства, что мы оставляем некоторые грехи, а в остальном будем рассеянны. Необходимо, чтобы мы жили *благочестиво*, свято, как говорит апостол (ср.: Тит. 2, 12).

Что требуется от желающего причаститься? Прежде всего — вера в заслуги Господа Иисуса Христа, Который нас примирил с Господом Богом, а затем твердая решимость исправить свою жизнь, обновить себя и жить, как истинному христианину подобает. Все то, о чем я говорю, известно всем. И мы готовы не только исполнить все это, но даже и других этому наставлять... Но есть и другой вопрос, который мы можем разрешить только сами; это вопрос нашей души. Спросим себя: как поступали мы после последней исповеди? Воспользовались ли ею? Оставили ли любимые грехи и свои пристрастия к ним? На этот вопрос может ответить только сам человек. А затем — что я скажу своему духовнику? На что обращает главное внимание наша душа?.. На эти вопросы силен ответить только сам человек, потому что только он один может в этом разобраться.

И вот, таким образом, он должен подготовиться к Таинству Исповеди, затем от Таинства Исповеди приступить к Таинству Причащения. Если говорить в подробностях о силе этого Таин-

ства и о любви божественной, то можно бы говорить целый век и не нашлось бы конца. Поговорим о нем вкратце. Кто установил это Таинство? В чем его сила? И кто к нему приступает?

Конечно, все мы знаем, что это Таинство установил Сам Господь Иисус Христос, сказав: *сие творите в Мое воспоминание* (Лк. 22, 19). Поэтому, прежде чем приступить к Божественной Трапезе, вспомним благодеяния, совершенные Господом Иисусом Христом. После грехопадения наших прародителей, Он говорит Своему Отцу: «Я иду, чтобы пострадать за согрешивших людей» (ср.: Деян. 26, 23; 3, 18). Потом, в Ветхом Завете, Он является в откровениях и пророках, а когда наступило время, Он рождается в вертепе и хор ангелов на небе воспевают это рождение, а здесь, на земле, Ему поклоняются пастухи и волхвы. Но вот во сне Иосифу является ангел и повелевает ему бежать с Младенцем в Египет. И едва они успели удалиться, как тотчас целою рекою полилась кровь невинных младенцев, когда Ирод вздумал умертвить Иисуса Христа! Вспомним, как Он приготавлился к проповеди, как принял крещение, как в продолжение трех с половиной лет проповедовал людям, учил их, воскрешал мертвых, изгонял бесов, исцелял больных. Как Он воскресил умершего Лазаря, как Его предали, схватили, как Он был мучим, истязуем, как был пригвожден ко Кресту. И вот Он умер, был погребен, воскрес, наконец, вознесся на небо, обещая пребывать с нами.

Всю земную жизнь Господа Иисуса Христа надо внимательно рассмотреть, вспомнить, что все это Господь совершил для нашего спасения. Так же внимательно надо рассмотреть все обстоятельства, которые ведут нас ко спасению.

Но это еще не все. Он оставил нам величайшее наследие — Таинство Причащения Тела и Крови Его под видом хлеба и вина. Но в нем, в этом Таинстве, заключается великая сила. В нем Господь соединяет нас с Собой, как и Сам Он сказал: *Я есмь лоза, а вы ветви* (Ин. 15, 5). Как ветвь соединена с деревом или как лоза пользуется благодатным соком от дерева, точно так же и мы пользуемся таким соединением — живем с Господом. Это Таинство оживотворяет нас, обожает и возносит на небо.

От Таинства этого обратим наш взор и на себя. Спросим себя: кто ты? Может быть, ты — миролюбец, рассеянный

в глубине своей души? Может быть, ты, приступая к Таинству, только исполняешь гражданские обязанности? Может быть, ты расположен к гордости? Или прикрываешься внешнею святостью и входишь в храм только ради этого, думая, что тут место лишь толпе грешников? Может быть, ты чаще всего думаешь так, хромаешь на оба колена, отвергаешь примиримое, стараясь заменить непримиримым.

Все это разобрав, приступим к Чаше завета. И тогда с верою, любовью и страхом Божиим причастимся Святых Христовых Таин.

Ненавидящих нас простим

В среду, после литургии Преждеосвященных Даров

Итак, напомним вам еще раз, что необходимо нам, чтобы приготовиться к Таинствам Исповеди и Причащения. Сначала надо размыслить о самом себе, рассмотреть свою душу и сердце при свете Священного Писания. Затем надо размыслить хорошенько о Таинствах, к которым мы собираемся приступить, — в чем сила этих Таинств. И затем, кроме того, необходимы добрые дела и молитва.

Но скажу вам, что на этой седмице единственным нашим делом должна быть молитва. Всякое житейское попечение ныне отлагается.

Напомним вам слова Господа. В Евангелии Он Сам говорит: *...если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя... пойдя прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой... если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 5, 23–24; 6, 14–15).

Из этого вы видите, дорогие братие, каких дел требует Господь от нас. Он требует примирения с тем человеком, который прегрешил против нас, с которым мы находимся в ссоре и во вражде. И мы должны не только сами примириться с ним, но и его примирить с собой. Это есть своего рода подвиг, и говорить нечего. А если наше самолюбие, и наша гордость еще мешают этому, то это очень и очень трудно. Но

представьте себе, если бы нас об этом просило какое-нибудь уважаемое лицо, например, наш царь. Неужели ради него мы не примирились бы с нашим врагом? Или если бы мы были присуждены на казнь и нам поставили бы условием примириться с нашим врагом — то, уверен, редкий не примирился бы с ним и не пал бы к его ногам и не просил бы со слезами простить его. Так бывает в этой жизни.

Но здесь просит нас Царь Небесный, здесь мы являемся преступниками не земными, а вечными преступниками — из-за наших грехов, за которые нам грозит вечная гибель. Неужели мы так мало чтим и любим нашего Царя Небесного? Неужели так мало внимания обращаем мы на будущую жизнь?.. Вот ради этого мы должны примириться с нашими врагами.

Но, скажут, зачем я пойду? Лучше я с ним примирюсь в своем сердце! — Зачем? Да затем, что тебя просит об этом Сам Господь Бог. А Он разве хуже тебя знает, что необходимо для твоего спасения? Он прямо говорит: *Пойди... примиись с братом твоим*. В самом деле, если ты искренно простишь его в своем сердце, то один ты и получишь пользу — а он останется неизлеченным. Но ведь и его душа так же, как и твоя, дорога Господу Богу. Но скажут, может быть, он откажется простить меня, и мне тогда будет очень стыдно. Да, может быть, тебе будет мучительно стыдно, но в том-то и заслуга, что ты ради прощения своих грехов и предпринял этот подвиг. А затем, думается мне, если кто и посмеется, то таких, может быть, найдется немного, большинство же тронется твоим раскаянием и смягчится сердцем, и будет спасено для вечной жизни. А если мы, не примирившись, со злобою в сердце, приступим к Таинству Исповеди, то сколько бы священник ни говорил: «Разрешаю, прощаю...» — но тебе на том свете не будет прощения. Говорю это «именем Господа Бога»!

Затем нам необходимы добрые дела, дела милосердия. *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут* (Мф. 5, 7). Если мы, приступая к Таинству Исповеди, сами надеемся быть помилованными, сами надеемся получить те дары от Господа Бога, то мы должны оказать милость бедным, за которых просит нас Сам Спаситель. В самом деле, на Страшном суде Он ни за что нас не будет так судить, как за дела милости.

Господь как бы так будет говорить: «Я не просил у вас жертвы, но милости. Я ни о чем вас так не просил, как об одном, — просил Я вас, чтобы вы оказывали милость братьям Моим меньшим, чтобы вы не отвергали их, а давали бы им и от щедрот ваших, и от скудости вашей».

Так вот каких добрых дел требует от нас Господь: ненавидящих нас простим и дадим милостыню просящим от нас милости. Аминь.

Помни час смертный

В четверг вечером

Все те правила, которые необходимы для желающих достойно причаститься Святых Христовых Таин, вы уже выслушали от меня. Все они должны быть проникнуты одной мыслью — памятью смертной. *Поминай последняя твоя*, — говорит премудрый Сирах, — *и во веки не согрешиши* (7, 39). И святой Иоанн Златоуст напоминает нам молиться каждый вечер этой краткой молитвой: «Господи, даждь ми память смертную!»¹ К сожалению, эта истина, самая непреложная из всех остальных истин христианских: если я существую, то, следовательно, я умру, — часто забывается, и мы менее всего о ней думаем. Мы менее всего думаем о смерти, отдаляем от себя и самую мысль о ней, живем, как будто вечно будем жить. А если и является у нас таковая мысль, то мы с ужасом и отвращением гоним ее от себя.

Мысль о смерти ненавистна для нас, а о том, что за этой жизнью, исполненной всевозможного рода скорбей и болезней, нас ожидает блаженная, вечная радость с Самим Господом, мы и не думаем. Душа наша здесь спит, забывая о вечности, чтобы уснуть там вечным сном, спит, увлекаясь земными радостями, преимуществами, утехами. А враг опутывает ее все новыми и новыми сетями, чтобы погубить ее в вечности.

Вот почему святитель Андрей Критский и заповедует нам молиться той трогательной молитвой, которую вы слышали в эти дни: «Душе моя, душе моя, востани, что спиши; конец приближается и имаша смутитися. Воспряни убо, да пощадит

¹ Молитвы молебная, по числу двадцати четырех часов, дневных и ночных (из молитв на сон грядущим).

тя Христос Бог, везде сый и вся исполняяй!»¹ Этой молитвой он заповедует молиться потому, что мы менее всего думаем о смерти и о том, что душа наша спит. Эта молитва более подходит нам, чем преподобному Андрею.

А другой святитель — святитель Херсонский Иннокентий так объясняет эту молитву, обращаясь к своей душе:

«Душе моя, душе моя»²! Ты, которая у меня одна, так что если потеряю тебя, то лишусь всего; ты, которая, будучи создана по образу Божию, по тому самому уже превыше всего мира, и даже по падении твоём искуплена драгоценною Кровию Сына Божия и предназначена к вечному блаженству с Богом на небе, — *душе моя, душе моя, что спиши?* Для чего забываешь свою природу и достоинство и так жалко отдаешь себя в рабство плоти и крови — в плен миру и диаволу, — врагам твоим? Почто, созданная служить Богу живу и истине, кланяешься до земли всякому кумиру страстей? Почто, предназначенная к вечности, расточаешь безумно и время и таланты, тебе вверенные, на суету, не помышляя об ожидающем тебя за все это отчете?

Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Тут ли спать, когда пред тобою небо и вечность с разверстыми вратами? Тут ли спать, когда под тобою геенна с духами отверженными? Тут ли спать, когда вокруг и внутрь тебя брань, когда за тебя сражается небо с адом, когда всезлбный враг назирает все пути твои, напрягает все свои силы, чтобы настигнуть и поглотить тебя навеки?

Душе моя, душе моя, востани! Отряси сон от очей твоих, собери рассеянные по суетам мира мысли твои и обрати их на себя самую и на твое великое предназначение! *Востани!* Сбрось постыдные узы страстей твоих, коими, как пленница, привязана ты к земле и тлению! Востани и посмотри, как все ожидает твоего пробуждения: ожидает ангел-хранитель, дабы не всуе находиться при тебе и не плакать безутешно о твоём ожесточении во грехе; ожидает Церковь Божия, дабы начать врачевать тебя молитвами и Таинствами; ожидает совесть, дабы воспринять над тобою права свои и вести тебя по стезям

¹ Кондак по 6-й песни Великого покаянного канона святого Андрея Критского, читаемого на повечерии в первые четыре дня Великого поста.

² Здесь, в цитате, курсивом выделены повторяющиеся слова молитвы.

правды; ожидает сама смерть, дая место покаянию, дабы не быть принужденною восхитить тебя, наконец, с грехами твоими пред Страшный суд Божий.

Ты спишь, бедная душа моя, а время благодати и помилования течет и уходит невозвратно. Ты спишь, а бремя грехов твоих растет и множится без числа и меры. Ты спишь, а враг твой бдит и опутывает тебя с ног до головы новыми сетями. Ты спишь, а Ангел смерти грядет, и конец твой приближается. Приблизится, настанет, застигнет, поразит — и что тогда будет с тобою? Помогут ли тебе блага земные, для собирания коих забывала ты Бога и жертвовала всем? Защитят ли тебя от гнева Божия легкомысленные друзья и клеветы, с коими ты проводила и губила время. В мудрости ли мирской и неверии будешь искать отрады и утешения на ложе смертном? Ах, тогда-то узнаешь во всей силе, как праведно говорили тебе, что *никая польза человеку, аще приобрящет весь мир, и погубит душу свою* (Мр. 8, 36). Познаешь — но что выйдет из сего познания? Оно будет слишком поздно. Одна скорбь лютая, одно смущение и отчаяние: *и имаши смутитися! Смутитися* и от прошедшего, которое предстанет тебе со всеми грехами и нечистою жизнью твоею; *смутитися* и от настоящего, которое будет исполнено ужаса, мук смертных и отчаяния; *смутитися*, наконец, и от грядущего, от Суда Божия... которое, как долго забываемое, отвергаемое, явится пред тебя во всем грозном и низлагающем величии своем»¹.

А ты явишься во мраке, и тогда-то ты, душа моя, пробудишься, познаешь грехи свои и страсти, которые ослепляли и унижали тебя. Но ты, душа моя, дороже всего мира. Но ты одушевлена сама собою. Если ты не можешь сразиться с врагом твоего спасения, то у тебя есть священник, он может связать твоего врага. Предай себя ему — и невозможное будет возможным. Как бы ни были велики твои грехи, они не победят милосердия Божия.

Для чего же, бедная душа моя, ждать нам с тобой беспечно нашей вечной гибели?.. Кто или что мешает нам остановиться, подумать и возвратиться вспять, когда еще есть время

¹ *Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический*. Слово в среду 2-й недели Великого поста // Сочинения: в 12 т. СПб. М.: Изд-во Товарищества М. О. Вольфа, 1901. Т. 7. С. 105–107.

к тому? *Душе моя, душе моя, воспрями убо!* Поднимись! Раскрой глаза и поднимись с греховного ложа; стань на путь закона Господня и прости руки к добру; решишь служить Богу живому и истинному, как ты ранее служила идолам своих страстей, а все прочее уже готово к твоему спасению. Готово Евангелие для озарения твоих мыслей во всех случаях твоей жизни; готова драгоценная одежда заслуг Христовых для прикрытия твоей духовной наготы; готово Тело и Кровь Сына Божия для насыщения твоего голода... готова всемогущая благодать Духа Святого для подкрепления твоих слабых сил; готов самый венец для увенчания твоих малых подвигов. *Воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог!* Слышишь ли, как Он словами Евангелия вещает с пренебесной вечери Своей: *и еще место есть* (Лк. 14, 22)? Это место для тебя, душа моя. Пospешим же сделаться его достойными, пока не наступила полночь, не затворились двери чертога, не угас елей в светильнике нашей жизни. Аминь¹.

Если мы будем почаще рассуждать о смерти, если мы почаще будем обращаться к своей душе, то иными очами будем взирать на то, что нас прельщает. И, может быть, то, что нас прельщает, будет нас страшить, а то, что будет нас страшить, сделается для нас противным. Вот этими размышлениями, дорогие братие, и заканчиваю наставления о том, как приготовить себя к Таинству Исповеди. Завтра после обедни скажу о покаянии, а за всенощной — о причащении.

О Таинстве Покаяния²

В пятницу, после литургии Преждеосвященных Даров

Итак, заканчивается подвиг вашего говения, и ныне вы приступите к исповеди, а завтра — к принятию Святых Христовых Таин. Насколько мог, я назидал самого себя и всех вас теми правилами, которым должен следовать каждый человек, желающий достойно приступить к Таинству Исповеди.

¹ *Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический.* Слово в среду 2-й недели Великого поста // Сочинения: в 12 т. СПб.; М.: Изд-во Товарищества М. О. Вольфа, 1901. Т. 7. С. 80–81.

² В этой проповеди использованы мотивы «Слова на утрени в Четверток первой недели Великого поста» Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического (Указ. изд. Т. 9. С. 83–86).

Ныне, прежде чем приступить к Таинству Покаяния, поделюсь некоторыми своими мыслями об этом Таинстве: когда оно было установлено, кто установил его, как надобно приступать к исповеди и, наконец, что бывает с теми, которые неискренне и нечистосердечно исповедуются или же вовсе не приступают к исповеди.

На первый вопрос ответ очень простой, но он заведет нас далеко-далеко — именно в рай. В раю в первый раз Господь исповедовал первых людей после того, как они согрешили и спрятались от своего Господа — как будто от Господа Вездесущего можно куда-нибудь спрятаться! Тогда Господь, желая вызвать их на раскаяние, спросил: *Адам, где ты?* (Быт. 3, 9). Что с тобою? Этими словами, ища раскаяния в грехе смертном, Сам Жизнодавец становится их примирителем и вопрошает их. Но люди не чистосердечно раскаялись, и старались сделать виновниками других. *Адам сказал: Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел... Жена сказала: Змей обольстил меня, и я ела* (Быт. 3, 12–13).

Таким образом, первая исповедь была нечистосердечна и следствием ее явилось изгнание Адама и Евы из рая и осуждение их на смерть. Далее люди должны были жить вне рая.

Вот Каин кончает убийством жизнь своего брата Авеля. Господь спросил Каина: *Авель, брат твой, где?* А ведь Он — всеведущий, разве Он не знал, где Авель? И вторая исповедь была нечистосердечна. Каин грубо ответил: *Разве я сторож брату своему?* (Быт. 4, 9).

Затем, в продолжение 120 лет, Ной убеждал людей покаяться и исповедать свои грехи, и он не мог этого достигнуть. И вследствие этого явилось их потопление в водах потопа. Затем, в Ветхом Завете, в истории Скинии и Храма, люди приносили жертвы и исповедовали свои грехи — это их действие было прообразом той Жертвы, которую принес Господь за наши грехи. Затем, у народа израильского был год очищения, в этот год люди приносили жертвы за себя и за израильский народ. Затем пророки предлагали людям исповедать грехи. Наконец, на рубеже Ветхого и Нового Заветов явился Иоанн Предтеча. Он начал свою проповедь словами: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3, 2). И люди каялись

и исповедовали свои грехи, и они очистились. И не только иудеи, но и язычники. Затем Христос Спаситель начинает Свою проповедь словами: *Покайтесь и веруйте в Евангелие* (Мк. 1, 15). И Он, Всеведущий, когда исцелял больных, то всегда спрашивал: «Веруешь ли? И обещаешь ли больше не грешить?» И только в этом случае исцелял. Последней исповедью была исповедь разбойника. Разбойник исповедовал свои грехи, говоря: *Мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли*, — и исповедал в поруганном, всеми оставленном, преданном — Господа. И за это получил отпущение грехов. *Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю*, — сказал ему Господь (Лк. 23, 40–43). Затем, после Воскресения, Господь принимает исповедь отвергшегося Петра и сподобляет его дойти до страданий и крестной смерти. Затем, вознесшись на небо, Господь передает право апостолам вязать и решить грехи (см.: Мф. 16, 19; 18, 18; Ин. 20, 23), а апостолы передают его своим преемникам — о чем свидетельствует Священное Писание. Затем, когда вера достаточно укрепилась в людях и верующих стало порядочное число, они стали приносить свое исповедание открыто, с раскаянием. А святитель Иоанн Златоуст, сделал исповедь тайною, потому что открытая исповедь становилась соблазном для многих.

Кто учредил Таинство Исповеди? Вы сами видите: учредил это Таинство Сам Господь Бог. В чем сила этого Таинства? В заслугах Господа Иисуса Христа, Который страданиями Своими и смертью примирил нас с Отцом Своим Небесным. Что требуется от приступающего к исповеди? Вера во Христа Искупителя, во-первых, а во-вторых, искреннее сокрушение о своих грехах и искреннее намерение больше не грешить, жить так, как мы обещаем на исповеди.

Могут сказать: зачем исповедовать грехи свои на исповеди? Можно их исповедать наедине одному Господу Богу. Зачем нужен священник? Очень просто, затем, возлюбленный брат, что ты сам — человек и нуждаешься в том, чтобы тебя выслушали и приняли твои грехи. Кому же к тебе явиться? Не Самому же Господу Богу? Этого никто [из грешников и сам] не пожелает. Пророкам? — Но тогда не достало бы пророков. Какому-нибудь знамени? — Но тогда вся наша

жизнь должна быть наполнена зрелищами... Вот для чего является человек.

Но, может быть, ты скажешь: «Я могу судить сам себя». Но как ты будешь судить себя, когда ты являешься подсудимым? Не можешь быть в одно и то же время и подсудимым, и судиею... Тогда ты возразишь: «Достаточно исповедать свои грехи знакомым и друзьям». Нет, этого недостаточно, потому что простой человек никогда не возьмет на себя права, которое преемственно имеет только священник, потому что только священник от имени Господа Бога может сказать: «Прощаю и отпускаю тебе грехи твои».

Но тогда скажут: может быть, как говорят протестанты, достаточно одной общей исповеди? Нет, недостаточно. Когда мы больны бываем, разве идем к доктору все вместе? Не правда ли, каждый из нас говорит доктору о своей собственной болезни, о признаках ее, о том, чем он страдает. А затем и доктор не будет говорить всем больным об одном и том же лекарстве. Каждого больного он примет, выслушает и тогда только пропишет лекарство. Так и в исповеди: надо особенно указать на тот грех, который нас мучит, и просить лекарства.

Но Церковь не запрещает чистосердечно открывать грехи друг другу (см.: Иак. 5, 16). Она не запрещает человеку исповедовать свои грехи Господу Богу и открывать Ему свои тайные помышления. Святитель Димитрий Ростовский написал книгу, в которой излагает тайные прегрешения пред Господом Богом¹...

Когда каждый создаст в своей душе такое настроение, которое будет содействовать чистосердечному раскаянию, тогда нам станет ясно то, чего не должен делать каждый из нас. Представьте себе, что вы совершили какой-нибудь проступок, который не только грозит вашему будущему, но на вашу честь кладет пятно. Что вы сделаете? Не правда ли, вы почувствуете отвращение к этому поступку? Вы почувствуете раздражение на самого себя, на свою слабость. Вы старались бы облегчить свою душу, потребовали бы совета, дали бы слово больше не совершать ничего подобного. Это

¹ «Молитва исповедания к Богу человека, полагающего начало спасения».

мы сделали бы только по отношению к одному проступку. А ведь мы величайшие преступники пред лицом Господа Бога! И вот таким образом размышляя, вы распознаете эти свои грехи. Не думайте, что это так легко, не думайте, чтобы человек не нашел в себе грехов. Но разобраться в себе — это очень трудно.

Тогда представьте себе, что это последний час нашей жизни, скоро придет к нам смерть. Не правда ли, готовясь к смерти, мы все бы забыли. И поняли бы тогда, что должны предстать пред Господом Богом, тогда мы старались бы все свои мысли, тайны собрать, сделать их явными. Жизнь промелькнула бы перед нами со всеми делами. Сколько ненависти, скорбей, тщеславия, ничегонеделания мы увидели бы в самих себе и тогда узнали бы свою душу.

Таким образом направив себя, приступим к исповеди, а затем завтра с верою и любовью приступим к Чаше Христовой. Верою и любовью приступим — и благодать Божию получим.

О причащении

В тот же день, за вечерним богослужением

Когда иудеи, странствуя по пустыне Аравийской, томимые голодом, увидели в первый раз манну, они стали в недоумении вопрошать Моисея: *Что это?* А тот им отвечал: *Это хлеб, который Господь дал вам в пищу* (Исх. 16, 15). Нам же, дорогие друзья, нет нужды задавать вопрос: «Что такое причащение?» Мы веруем и исповедуем, что это есть истинное Тело Христа Спасителя и истинная Его Кровь.

Великий это дар, но еще более велик Тот, Кто дает этот дар. Для Него все возможно. Не Он ли, будучи Богом, сошел с неба на землю и облекся в плотяное тело? Не Он ли насытил пятью хлебами пять тысяч человек, и еще осталось двенадцать полных корзин¹. Не Его ли силой Моисей и Аарон превратили воду в кровь²? Не Он ли обратил воду в вино³? Для Него все возможно. Для Него ничего нет невозможного!

¹ См.: Мф. 14, 14–21; Мк. 6, 32–44; Лк. 9, 10–17; Ин. 6, 1–15.

² См.: Исх. 7, 20.

³ См.: Ин. 2, 1–11.

Но, скажут, зачем эта прикровенность? Зачем Таинство претворяется в хлеб и вино? Ответ очень простой: ввиду нашей немощи. Бывали случаи в церковной истории, когда за неверие Агнец обращался в живого младенца, а вино в кровь. Но не радовались этому священнослужители, а ужасались, потому что чудо являлось вследствие их неверия, оно являло не милость, а гнев Божий.

Но ты спросишь: каким образом Господь может являться на множестве жертвенников? Каким образом Его Тело раздробляется для множества верующих? Конечно, это глубочайшая, непостижимая тайна, но ее можно пояснить следующим примером в жизни. Посмотрите на солнце: оно одно, но видимо всеми народами во всяком месте; и не только видимо — от него исходит свет и тепло. Наведите зеркало на это солнце — и оно отразится в зеркале. Раздробите это зеркало на мельчайшие части и наведите какую угодно из них на солнце — и в каждой мельчайшей части также оно отразится.

Какая цель в причащении? Ядый Тело Господне и пийя Его Кровь самым теснейшим образом соединяется со Христом Спасителем. Вот цель этого Таинства! Мы так же тесно соединяемся со Христом, как ветвь тесно соединена с лозой, от которой она питается соком. Отрежьте ветвь — и она засохнет. Как Спаситель, сойдя на землю, принял тело, таким образом и мы принимаем Его Тело в себя и соделываемся близкими Ему.

Каковы плоды от этого причащения? Сам Спаситель говорит: *Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную* (Ин. 6; 35, 54). Подобно тому как человек, вкусив сладкой пищи, не пожелает уже другой пищи, так и вкусивший Тела и Крови Христовых. Всякая земная привязанность приносит иногда раздражение, огорчение. А вкушение Тела и Крови Христовых доставляет человеку такое истинное счастье, такое блаженство, с которым ничто не может сравниться здесь, на земле, и человек уже ничего более не желает. Царь Давид в одном из псалмов восклицает: *Что ми есть на небеси, и от Тебе что восхотех на земли... Ты еси Бог сердца моего, часть моя,*

*Боже, во век!*¹ (Пс. 72, 25–26). Так и мы, чего же мы можем пожелать еще себе, когда Господь вселится в нас?

Второй плод причащения — это свобода от смерти. *Я есмь хлеб жизни. Отцы ваши ели манну в пустыне и умерли. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я — хлеб живой, сшедший с небес: ядущий хлеб сей будет жить вовек* (Ин. 6, 48–51). «А святые? — спросите вы. — Да разве они не были причастниками смерти?» А я вас спрошу: «Да разве святые умирали? Смерть их была соединение со Христом». Апостол Павел говорил: *Имею желание разрешиться и быть со Христом... Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?* (Флп. 1, 23; Рим. 7, 24). Для святых жизнь эта, полная страданий, казалась смертью, а там, на небе, они ожидали светлой, радостной жизни в соединении с Господом Богом. А для нас — разве они умирают? Скажите, преподобный Сергей, преподобный Серафим, святитель Иоасаф — разве они умерли для нас? Нет, они живы — они живы своими нетленными телами, потому что от этих тел исходят исцеления и жизнь. Святые живы, потому что они, эти святые, постоянно молятся за нас, они живы и всегда находятся в общении с нами. А как бы мир ни старался прославлять своих героев — но не живы они, мертвы.

Вот маленький ребенок своими детскими ручонками обнимает нетленную главу святителя Иоасафа и говорит ему: «Милый святитель, я страдаю, я болен, исцели меня!» Разве для этого ребенка мертв лежащий во гробе святитель Иоасаф? Нет, он жив и будет вечно жить, до второго пришествия.

Третий плод причащения — это залог жизни вечной. *Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день*, — говорит Господь (Ин. 6, 54). Конечно, воскреснут все — но не все воскреснут для вечной жизни. Спаситель как бы так говорит: «Те — Мои кровные, родные, которые находились в общении со Мною. Я Сам их воскрешу в последний день. *Я есмь Воскресение и Жизнь* (Ин. 11, 25)».

¹ Ср.: в русском синодальном переводе: *Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле. Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек.*

Что же необходимо для достойного причащающегося? Прежде всего — полное сознание своего недостойнства, смиренное сознание того, что мы покрыты язвами и что единственное лекарство, могущее исцелить нас, — это причащение. «Вем, Господи, что я грешен и недостойно причащаюсь Пречистаго Твоего Тела и Честныя Твоея Крове и повинен есмь, в суд себе ям и пию... но, на щедроты Твоя дерзая, прихожду к Тебе... Ты знаешь мои струпы и видишь мои язвы, но и веру знаешь и воздыхание слышишь. Я знаю, что Ты милосердый, человеколюбивый, Ты не гнушаешься величеством грехов наших, если мы с верою к Тебе прибегаем»¹.

Вот второе условие — вера в заслуги Господа Иисуса Христа. Третье условие — твердая решимость, причастившись, бежать от прежних грехов, стараться более не грешить, стараться иметь себя пред очами Господа Бога и, наконец, подражать Ему. Последнее условие — любить Господа Бога и восклицать Ему: «Господи, Ты — моя похвала! Ты — моя жизнь! Ты — мое счастье и радость! Ради меня Ты сошел на землю, претерпел страдания, смерть и открыл вечную жизнь!»

И вот тогда со страхом и трепетом приступим к Чаше Господней! Еже молитвами святого Иоанна Предтечи, память которого мы ныне совершаем², да будет, Господи.

Принятие Святых Христовых Таин

За литургией, в субботу

Приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, с принятием Святых Христовых Таин! Итак, совершилось желание вашего сердца! Царь Небесный ныне открыл нам Свои объятия, как блудному сыну, приготовил для нас трапезу, которой ныне мы обильно насытились. Двери Царствия Небесного ныне открыты! Ныне мы со Христом!

¹ См.: Последование ко причащению, молитвы свв. Василия Великого и Симеона Нового Богослова.

² Память первого и второго обретения главы Иоанна Предтечи празднуется 24 февраля. Поскольку в 1911 году это празднование пришлось на Четверг первой седмицы Великого поста, то, очевидно, было перенесено на субботу, 26 февраля.

Куда же мы пойдем из этого храма? Вы скажете, что каждый из нас готов идти за Христом, подобно апостолам, из коих один воскликнул: *Господи, с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти!* (Лк. 22, 33).

Да будет тверда в нас решимость идти путем Христовым! Пусть не соблазняют нас ни мир, ни люди, ни страсти, ни враг наш — диавол. Ведь ныне мы твердо исповедовали не давать лобзания Иудина, а если мы дадим (чего, Боже, избави), то нас будет жечь вечный адский огонь. Ведь мы исповедовали веру во Христа Спасителя, как покаявшийся разбойник. Если бы этот разбойник сошел со креста, то, как вы думаете, стал бы он предаваться прежней греховной жизни? Конечно, нет! Он жил бы для Христа. И мы вместе с разбойником будем жить со Христом, Его волю исполнять, Его одного любить, чтобы, подобно разбойнику, услышать блаженный глас: *Ныне же будешь со Мною в раю!* (Лк. 23, 43).

Возблагодарим же от всего сердца Господа, всельсшегося в нас, и воззовем к Нему: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!»

Идти христианским путем среди скорбей¹

*В день памяти святого благоверного князя Даниила Московского
(за литургией)
4 марта 1911 года*

Помолимся усердно почитаемому нами родному нашему, святому благоверному князю Московскому Даниилу.

Ныне особенно радуется обитель Даниловская, которая была создана святым великим князем Даниилом и в которой покоятся его святые мощи. Но не менее радуется и наша обитель Богоявленская, ибо она является родною сестрою обители Даниловской, так как и она была создана святым благоверным князем Даниилом. А вместе с ними ликуют и все благочестивые люди, празднуя память своего святого, и, припадая к раке его святых мощей, получают от нее благодатные исцеления, и, обзревая его житие, черпают из него целые уроки жизни.

¹ Опубл. в: [40], с. 270–272.

В самом деле, часто люди говорят: «Мы светские, а как трудно в миру спастись, гораздо труднее, чем в монастыре, где все приготовлено ко спасению». О, поверьте, все дело спасения — не в обстановке, а в духе человека, стремящегося ко спасению. Пример этого показывает нам великий князь Даниил. Не он ли был высокого положения? Не он ли имел все, чтобы наслаждаться жизнью? Но, находясь в мирском обществе, он не соприкасался с ним; находясь среди мирских людей, он был собеседником ангелов, как это велось в песнопениях, составленных на день его памяти. Словом сказать, здесь, на земле, он готовил себя к вечности.

По происхождению принадлежа к благочестивой семье, ведь и отец его Александр Невский был благочестивым князем, святой Даниил воспринял с ранних лет семя благочестия, и это семя возросло и принесло плод (см.: Лк. 8, 8). В особенности всех поражали его смирение, незлобие, кротость. Вы знаете, в то время Русь находилась под тяжелым игом татарским, а среди князей не было мира. Они часто враждовали между собой, призывали себе в помощь иногда татар. Страдала Русская земля и от татар, и от междоусобиц. В это-то время князь Даниил и явился миротворцем. Он всю свою жизнь употреблял на то, чтобы мирить князей, чтобы отвращать нападения татар, чтобы среди русских людей было спокойствие и мир. Его вера и благочестие поражали всех. В самом деле, не в пиршествах и веселии, а в молитве, усердной молитве и посте он находил себе утешение. Его радость была в том, чтобы множество церквей возрастало, чтобы благочестие распространялось. Его счастье состояло в том, что он созидал обители. Сию обитель Богоявленскую он основал, а затем и другую — Даниловскую¹.

И вот в конце жизни Господь удостоил его постричься в схиму и быть погребенным в основанной им обители Даниловской. Потом, через много лет после его кончины, Данилов монастырь, пришедший в ветхость, снова был украшен благолепно,

¹ Большинство исследователей полагают, что Данилов монастырь был основан святым князем Даниилом прежде Богоявленского — в 1282 году (первым в Москве). Датой основания Богоявленского монастыря чаще всего признается 1296 год.

а затем, в царствование царя Алексея Михайловича, по особому указанию Божию, святые мощи основателя обители были обретены нетленными.

И вот он нас учит в жизни идти христианским путем, невзирая ни на что — ни на скорби, ни на вражду, ни на искушения. Правда, время, в которое мы живем, очень смутное, опасное. Но нам не грозит такая опасность, какая была в те времена; вести христианскую жизнь, посещать храмы Божии нам никто не возбраняет.

Итак, будем усердно молиться святому благоверному князю Даниилу, чтобы он помог нам идти путем смирения, терпения, кротости, чистоты и пламенной веры. [Аминь.]

О расслабленном

Евангельское чтение на литургии (Мк., зач. 7: 2, 1–12)

Во 2-ю неделю Великого поста

6 марта 1911 года

Кто из нас не знает, какие средства мы употребляем, когда нас постигает какая-нибудь болезнь, чтобы исцелиться от этой болезни! И богатые, и бедные тратят последние деньги, посещают самых лучших докторов, покупают самые дорогие лекарства, наконец, удаляются с места своего жительства в другие страны, где можно, говорят, получить исцеление от болезни. Пример подобной заботы мы видим из прочитанного ныне Евангелия о расслабленном.

Посмотрите, с какой заботой родственники расслабленного стремятся увидеть Христа Спасителя, чтобы попросить Его об исцелении больного. Около Господа толпилось множество народа, поэтому они не могли приблизиться к Нему. И вот, они проламывают крышу и спускают расслабленного к ногам Спасителя — и он дивным образом получает исцеление. Но прежде, чем получить исцеление, он получает прощение и оставление своих грехов. И мы так поступаем, когда бываем больны, когда мы находимся в расслаблении телесном.

Но, увы, все мы страдаем расслаблением души, и как мало ищем средств, чтобы исцелиться от расслабления душевного.

А расслабление душевное гораздо опаснее расслабления телесного — ведь расслабление телесное только временно, а расслабление духовное грозит нам вечной смертью. И вот, дорогие братие, прежде всего для самого себя, а затем и для всех вас, страдающих этим недугом, я посоветую несколько лекарств.

В самом деле, в чем выражается эта болезнь? Поставим ее диагноз. Она выражается в том, что все духовное делается невыносимо противным: противно чтение Священного Писания, противны духовные размышления, нас отталкивает от молитвы, от Церкви, — одним словом, мы стараемся избавиться от всего того, что рекомендуется для нашего спасения.

И вот в этом случае, когда ты увидишь, что твоя душа находится в духовном расслаблении, что она требует спасения, то ты постарайся употребить то самое средство, какое ты употребил бы во время пожара, если бы пожар грозил гибелью человеку. Тогда ты начал бы стучать, чтобы он пробудился от сна и поторопился принять меры ко спасению себя и своего имущества. Также и ты, возлюбленный брат и сестра, — стучи в двери своего сердца и души. Стучи до тех пор, пока оно, спящее, не пробудится. Стучи, взывай, о смертном часе напоминай, о страшных муках, которые ожидают тебя в то время, когда душа твоя будет отделяться от тела. Об этом часе мы ничего не знаем, — Спаситель сокрыл его от нас для того, чтобы мы всегда бодрствовали. Он Сам сказал: *Не весте дне ни часа, в оньже Сын человеческий придет* (Мф. 25, 13).

Стучи в дверь твоей души, напоминай ей о вечных страданиях грешников и о радостях праведников.

Здесь дает нам пример история Церкви. Посмотрите, кто была преподобная Евдокия¹? Она была величайшей грешницей и вела самую развратную, распутную жизнь. А вот однажды на гостинице ночью рядом с ней находился монах, который всю ночь читал Евангелие — именно то место, где говорится о Страшном суде, о мучениях грешников и о радостях праведников. Читал он, по-видимому, от всего сердца, потому что заливался горькими слезами. И это чтение так сильно

¹ Память ее Церковь празднует 1 марта.

подействовало на душу Евдокии, что она решила переменить свою греховную жизнь, стала праведной, удалилась в монастырь, спасла свою душу и прославлена была Святою Церковью. А наш святой равноапостольный князь Владимир? Он был язычником, вел рассеянную, развратную жизнь. Но вот когда показали ему на картине мучения грешников и радость праведных¹ — и решил принять христианскую веру, и спас не только себя, но и весь народ.

Стучи в дверь твоего сердца! Напоминай ему о той великой любви, которую оказал нам Христос Спаситель. Не Он ли, милосердый, сошел с неба на землю, претерпевал злобу, клевету, оплевание, заушение и крестную смерть ради нас, грешных? Ради этой любви разве мы можем загубить себя?

Помни, если ты страдаешь здесь, во временной жизни, то это затем, чтобы наследовать там Царство Небесное.

Дорогие братие и сестры! Вот недавно Святая Церковь прославила святителя Иоасафа², но этот святой уже давно прославлен всеми православными, верующими людьми. В моей келье под особым стеклом висит молитва, которую этот святитель читал каждый час, при бое часов он вспоминал свой предсмертный час. «Буди благословен день и час, — молился он, — в онъ же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада...» Таким образом, святитель вспоминает любовь Господа, как Он ради этой любви сошел на землю, был распят на кресте и принял крестную смерть. «О, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в час смерти моя приими дух раба Твоего, в странствии суща...» Потому что нас на каждом шагу ожидают соблазны, мы подвергаемся опасностям, в особенности в наше время, находится много

¹ В житии святого равноапостольного Владимира рассказывается, как приходили к святому князю представители разных религий и он имел с ними беседы. Византийские богословы, поговорив с князем о различных предметах христианской веры, рассказали и о Втором пришествии Христовом и показали занавес с изображением Страшного суда, на котором было изображено по правую сторону Христа веселие праведников, а по левую — мучение грешников. Князь был сильно поражен этим зрелищем и сказал: «Горе тем, кто слева».

² Святитель Иоасаф был прославлен Церковью в лике святых 4 сентября 1911 года.

людей, употребляющих все средства, чтобы отвлечь нас от Церкви... «Молитвами Пречистыя Твоя Матере и всех святых Твоих». Потому что Небесная Матерь — Мать всех нас. Потому что если мать забудет свое родное дитя, то Матерь Небесная не забудет никого — об этом свидетельствуют тысячи случаев... «Яко благословен еси во веки веков, аминь». Потому что за это благо Ты благословен вовеки. Вот этой-то молитвой молился святитель, который ныне прославлен Святой Церковью, который является великим чудотворцем и нашим предстателем пред Престолом Господа Бога. Будем просить его, чтобы он утвердил нас в непреклонном желании спасения.

«Буди благословен день и час, в онь же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада. О, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в час смерти моя прими дух раба Твоего, в странствии суща, молитвами Пречистыя Твоя Матере и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

О благоразумном разбойнике¹

*В 3-ю неделю Великого поста, Крестопоклонную (за литургией)
13 марта 1911 года*

Когда видишь Крест Христов, невольно вспоминается та молитва, которою зывал разбойник на кресте: *Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем* (Лк. 23, 42). И действительно, эта молитва так трогательна, так умилительна, что недаром Святая Церковь заповедует молиться именно ею во дни Великого поста. Она как бы лекарство, исцеляющее нас от наших духовных болезней, и она — лекарство сильное.

Но вы, конечно, знаете, что всякое, даже очень сильное лекарство от постоянного употребления может потерять свою силу, может даже неблагоприятно влиять на наш организм. Точно так же эта молитва может приносить великую пользу, когда она приносится разумно, с желанием исцелиться от своих духовных болезней. К несчастью, этою молитвою мы иногда злоупотребляем.

¹ Опул. в: [40], с. 272–276.

Как часто многие говорят: «Вот, разбойник в несколько минут получил Царство Небесное, за несколько минут до смерти успел в нескольких словах принести покаяние и получить прощение своих грехов. И мы — ведь мы не разбойники — успеем еще покаяться, когда будем умирать, когда будем находиться на смертном одре, а теперь нашу земную жизнь употребим для себя, для удовлетворения своих страстей и похотей. Успеем еще сказать несколько покаянных слов, когда будем лежать на смертном одре». О, как неправильно рассуждать так! О, как жестоко говорить так! Ведь со смертью и адом, как заметил еще один древний мудрец, нет договора и условий. Ведь не знаем мы, достанет ли нам времени перед смертью, чтобы, хотя с несколькими словами, обратиться к Господу Богу. Ведь мы видим, как умирают люди, внезапно, иногда во цвете лет и сил, умирают во сне, среди пира, с мыслями о жизни, а не о смерти, будущем Суде и его воздаянии.

Затем говорят: «Вот разбойник в несколько минут покался». Но они забывают, каковы были эти минуты. Забывают, что он страдал на кресте, что руки и ноги его терзались от гвоздей. Ведь недаром крестная смерть считалась самою мучительною, ведь недаром Сам Подвигположник Христос Спаситель взывал к Отцу Своему: *Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил?* (Мф. 27, 46). Значит, эти мучения — в высшей степени тяжелы. И вот мы на этом-то кресте, на этих кровавых гвоздях хотим почивать в нашей беспечности, в нашей лености, отмахиваемся лениво от голоса совести; говорим: «Успеем еще покаяться в последний час, перед смертью, а теперь будем жить для себя!»

Имейте в виду: такой веры, какая была у разбойника, не было даже у самих апостолов. Ведь легко исповедовать было Христа Спасителя в то время, когда Он находился в славе, когда Он творил великие чудеса. Если бы разбойник видел Его воскрешающим Лазаря, то нетрудно было бы ему воскликнуть с апостолом Фомою: *Господь мой и Бог мой!* (Ин. 20, 28). Конечно, легко было бы исповедать Господа, видя Его преобразующимся на Фаворе, во славе, видя, как сходили к Нему с неба пророки древности — Илия и Моисей. Легко было бы ему вместе с апостолом Петром воскликнуть: *Господи! добро*

есть нам здесь быть: Ты еси Христос, Сын Бога живаго (Мф. 17, 4; Мк. 9, 5; Лк. 9, 33). Если бы он слышал, по крайней мере, Его проповедающим и *дивился словам благодати, исходящим из уст Его* (Лк. 4, 22), то, может быть, он сказал бы Ему вместе с апостолом Петром: *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6, 68–69).

Но что видел разбойник в Нем на Кресте? Он видел в Нем только раны и льющуюся из них кровь! Что он слышал? Он слышал только хулы и издевательства над Страждущим. И в Этом Поруганном не только людьми, но даже учениками Оставленном, даже самым небом Забытом, он исповедует Бога, он исповедует Творца мира и Владыку рая.

Распятый Спаситель отличался от этих двух разбойников только колючим терновым венцом — и, однако, он исповедует Его Сыном Божиим! Поистине, как велика должна была быть вера, чтобы не ослепнуть среди всеобщей тьмы, чтобы не увлечься бурным потоком всеобщего мнения, чтобы не соблазниться от всякого рода соблазнов и вознестись над всеми соблазнами?

И вот этот разбойник возносится! Иисус Христос на Кресте — для него Тот же, как если бы он видел Его на Престоле славы. Поэтому если о капернаумском сотнике сказано, что веры, его подобной, не было в целом Израиле (см.: Мф. 8, 10; Лк. 7, 9), то о разбойнике поистине должно сказать, что его веры нельзя было отыскать в целом мире.

Но, заметьте, в разбойнике мы, кроме веры чрезвычайной, видим еще пример любви к ближним — любви, которая заставила его, забыв собственные муки, позаботиться о своем несчастном собрате. Вот он видит своего колеблющегося товарища, который издевается над Христом, и у него является желание спасти его. Может быть, он был ранее соблазнен на преступление этим товарищем — но он все забывает. Он обращается к нему со следующими трогательными словами проповеди: *Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал*, — и, прервав ее, слабейшими устами обращается к Спасителю с молитвою: *Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!* (Лк. 23, 40–42), — как бы желая показать своему собрату не одними словами,

а и примером своим, что он должен сделать для того, чтобы спасти свою душу.

Думаете ли вы, что, если мы проживем всю свою жизнь в удовлетворении своим страстям и похотям, думаете ли вы, что в конце нашей жизни сердце наше не иссохнет? Думаете ли вы, что оно будет в состоянии источать целительные воды любви? — Нет!..

Мы, священнослужители, принимающие исповедь кающихся, можем засвидетельствовать, что все те, которые проводили свою жизнь беспечно, стараясь удовлетворять своим страстям, и на смертном одре обнаруживают сухость сердца. И часто приходится слышать из уст таковых стоны, уныние, отчаяние, а иногда и проклятие. Но, во всяком случае, они не испытывают той покаянной любви, какую обнаружил покаявшийся разбойник.

Таким образом, пример благоразумного разбойника может нас не только ободрить, но и утешить. В нем мы видим, что разбойник явил пример такой любви, какой нет во множестве людей. Правда, его руки и ноги были пригвождены ко кресту и ему недолго оставалось жить. А если бы он сошел с креста, то он показал бы такой пример любви и строгой жизни и такой любви, какой мы никогда не видали. Этот разбойник имел такую надежду, которая ввела его в Царство Небесное... А мы не имеем такой надежды и любви. Поэтому, если мы желаем достигнуть Царства Небесного, мы должны с этого дня решиться служить Господу, а для этого выйти из храма с желанием жить так, как заповедует Христос Спаситель.

Таким образом, пример этого разбойника может нас утешить еще и тем, что один разбойник, следовательно, мог войти в рай. Нас может утешить и то, что мы не имеем столько надежды и любви, сколько имел разбойник, чтобы войти в Царство Небесное. Поэтому для того, чтобы достигнуть Царства Небесного, мы должны с этого дня решиться служить Господу: для этого мы должны выйти из этого храма с желанием жить так, как заповедует Христос Спаситель.

И вот последний урок, какой дает нам покаявшийся разбойник. Если ты, дорогой, возлюбленный брат, услышишь хулу на Христа Спасителя — а, наверное, тебе приходилось и приходится слышать нечто подобное; если ты услышишь эти

хулы на Христа Спасителя от людей, дерзостно отрицающих Его Божество, издевающихся над Церковью, — будь тверд, исповедуй Его как Бога, подобно тому, как исповедовал Его разбойник, когда Он, наш Спаситель, был всеми оставлен. И воззовем к Нему, прося помилования: *Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!*

Затем, когда явятся у тебя искушающие мысли, а они часто посещают нас: «Достаточно я терпел от болезней, несчастий, достаточно Господь посылал мне наказаний на земле, я уверен, что Господь милосердный помилует меня там», — нет, вспомни разбойника, который претерпел на земле самую ужасную казнь, был распят на кресте. И ты осени себя крестным знамением и скажи: *Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствие Твое!*

Затем, если, дорогой брат и сестра, ты страдаешь от своих грехов, греховных болезней и привычек... или думаешь, что ты никогда не справишься, а злой дух шепчет тебе, что ты совершенно погиб и не можешь уже более иметь надежды на милосердие Божие, — о, дорогой брат, вспомни тогда о покаявшемся разбойнике, что он по милосердию Божию вошел в рай, что для Господа все возможно, осени себя крестным знамением и воззови из глубины сердца к Нему: *Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!*

Наконец, если действительно смерть застигнет нас неготовыми, застигнет нас неожиданно среди какого-нибудь бедствия, катастрофы, и не будет оставаться нам времени для покаяния. О, тогда будем просить Господа словами покаяния, этими словами покаявшегося разбойника: *Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем! Аминь.*

При отпевании Анны Васильевны Териховой

*В церкви Знамения в Каретном ряду
23 июня 1911 года*

При виде гроба человека — христианина я всегда вспоминаю весьма трогательный евангельский рассказ о воскрешении Господом Иисусом Христом Лазаря. Пред наступлением Своих страданий, желая уверить всех нас в Своем Воскресении,

а затем и во всеобщем нашем воскресении, Господь воскрешает друга Своего Лазаря — мертвеца, который уже четыре дня, как умер; он уже смердит, он уже заключен во гробе. Но вот, по слову Всемогущего Господа: *Лазаре, гряди вон!* (Ин. 11, 43), он выходит из гроба, обвитый погребальными пеленами. И радостью и в то же время страхом объемлются сердца верующих.

Какое светлое, какое радостное и вместе с тем какое твердое уверение в нашем общем воскресении! Да, дорогие друзья! *Грядет час*, — говорит Господь Христос Спаситель, — *в оньже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия. И изыдут, сотвориши благая, в воскрешение живота, а сотвориши злая, в воскрешение суда* (Ин. 5, 28–29). И мы веруем, и глубоко и твердо веруем, что возлюбленная сестра наша Анна воскреснет в вечную жизнь!

В самом деле, только сейчас мы слышали о ее высоких духовных качествах, и в особенности о ее глубокой вере, о ее пламенной любви к Господу Богу, выражавшейся в исполнении обрядов церковных и в делах благотворения, как к людям, так и к нуждающимся храмам. Вообще, во всей ее жизни главной отличительной чертой была истинная, глубокая вера.

И вот, дорогая сестра Анна Васильевна, мне вспоминается, как в прошедшем году мне пришлось совершать освящение того придела в вашем храме, украшаемого отчасти на твои щедрые пожертвования. И усердно молился я тогда Господу Богу, чтобы Он принял твою жертву, как жертву вдовицы (см.: Мк. 12, 42–43), как жертву женщины, омывшей ноги Иисуса (см.: Мф. 26, 6–12), как принимают жертвы от всех любящих. И вот ныне приходится молиться об упокоении твоей души. Поистине, горяча была моя молитва о тебе: «Да упокоит тебя Господь Бог с теми, которым ты усердно молилась и в [помощь] которых ты пламенно веровала».

И вот в воскрешении Лазаря разрешается еще один вопрос: можно ли плакать над дорогими усопшими? Можно. Смотрите, над умершим Лазарем плачут не только сестры и родные — плачет Сам Христос Спаситель. Чего же Он плачет? Он знает, что через минуту воскресит Лазаря. Он плачет из сострадания ко гробу. Он плачет над смертью, которая, как

возмездие, тяготеет над людьми, прежде чем они воскреснут в вечную жизнь. Вот почему плачем мы над гробом близких наших. «Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробех лежащую нашу красоту», — говорится в церковной песни¹. Плачет каждый из нас от полноты скорби. Но да не будут наши слезы слезами отчаяния, как у неверующих и язычников. Пусть эти слезы смягчаются верою и надеждою на милосердие Господа Бога, Который принимает всякого.

А чего недостает самому человеку, то дополнит молитва ближних. И ныне у гроба, вспоминая сестру нашу Анну, вспоминая всю ее деятельность, усердно помолимся о ней.

Милосердый и человеколюбивый Господи, упокой душу рабы Твоя Анны! Всели ее с праведными Твоими! Огради ее силою Честного и Животворящего Креста Твоего, ибо к Тебе она вызвала в час кончины своей. Аминь.

О чуде, бывшем от иконы Божией Матери «Умиление»²

*В церкви Тихвинской иконы Божией Матери в селе Алексеевском
(за литургией)
26 июня 1911 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братья и сестры, и искренно радуюсь, что Господь привел меня помолиться вместе с вами в сей радостный день нашего общего престольного праздника и принести за всех вас Бескровную Жертву.

Ныне празднуем мы чудо, которое за несколько столетий до рождения нашего совершено было Богоматерью³. Но, может быть, некоторые из вас станут в душе говорить: «Да, действительно, это было величайшее чудо. Но ведь оно было очень давно. А вот мы желали бы узнать о таком чуде от Божией Матери, которое совершилось в наши дни, чтобы можно

¹ Последование погребения, стихира самогласна, творение Иоанна Дамаскина, глас 8-й.

² Оpubл. в: [40], с. 425–428.

³ В этот день вспоминается явление древней Тихвинской иконы Божией Матери, находившейся прежде в Константинополе и таинственно исчезнувшей оттуда, в пределах Новгородской земли (1383).

было сказать: оно совершилось на наших глазах, потому что такое чудо укрепило бы в нас веру. Мы могли бы сказать, что Царица Небесная и нас слушает, и нам, грешным, помогает так же, как помогала нашим предкам».

Вот, дорогие братие и сестры, я поведаю вам вкратце о совершившемся недавно чуде от иконы «Умиление Божией Матери», находящейся в Ростове; чудо это совершилось над одною бедною девочкою по имени Елизавета. Это чудо засвидетельствовано тамошним архиереем, высокоуважаемым преосвященным Иосифом¹, он явственно подтвердил, что он был свидетелем и очевидцем его. И, наконец, оно подтверждено теми, которые сами видели эту девочку, над которою оно было совершено.

В Ростове живет очень бедное, но очень благочестивое семейство. У них единственная дочь, маленькая — десяти лет, по имени Елизавета. Отец ее занимается извозом. Эта девочка отличалась большими дарованиями, имела прекрасные способности, отлично училась. Были, конечно, довольны и родители. Родители, как говорится, [на нее] не нарадовались, не надышались, ибо она была их единственная дочь, их утеха. И вот, в 1910 году, под самый праздник Благовещения, с девочкою что-то сделалось; вернулась она домой ото всенощной вся в жару, как будто простудилась. Затем боль стала все более и более усиливаться, перешла в судороги; больную стало как будто корчить, и в это время она проявляла в себе большую силу, так что несколько человек не могли ее сдерживать, изо рта появлялась у нее пена, глаза делались безжизненными — одним словом, вид ее был ужасен.

¹ Иосиф (Петровых), в то время епископ Угличский, викарий Ярославской епархии, настоятель Ростовского Спасо-Яковлевского Димитриевского монастыря (этот монастырь был местопребыванием Угличских викарных епископов). Род. в 1872 г., в 1899 г. окончил Московскую духовную академию, в 1902 г. пострижен в монашество ректором МДА епископом Арсением (Стадницким). 15 марта 1909 г. хиротонисан во епископа Угличского. 1920 г. — архиепископ Ростовский; май 1924 г. — член Св. Синода при патриархе Тихоне. 1926–1927 гг. — митрополит Ленинградский. 1928 г. — вместе с архиереями Ярославской епархии подписал акт отхода от Заместителя патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Арестован, сослан в Казахстан. Расстрелян 20 ноября 1937 года недалеко от г. Чимкента.

Можете себе представить горе ее преданных родителей при виде этого несчастья. Она не стала учиться... И родители только и могли делать, что плакать о ней, потому что медицинская помощь ничего не могла сделать, хотя ее показывали очень опытным ростовским докторам. Наконец, в один из таких ее припадков, отец, взирая на образ Царицы Небесной, в припадке отчаяния воскликнул: «Матерь Божия, Владычице наша Небесная! Или возьми ее в Свои руки, или исцели ее и отдай нам!»

После этих слов девочка утихла, и вот ее родители слышат голос, как будто не она говорит, а как будто кто-то другой в ней говорит тихим голосом: «Помолись пред иконою „Умиление“ Божией Матери».

Ее родители были люди простые, и решили они, что надо совершить молебен пред иконою Божией Матери, что в Яковлевском монастыре. Они отслужили молебен, окропили девочку святою водою, полагая, что она получит исцеление. Но вместо этого ей стало гораздо хуже. Ее стало опять корчить, как никогда, судороги усиливались, она вся почернела. И вот опять в один из этих припадков раздался из уст ее голос: «Не той иконе молились; молитесь иконе „Умиление“; эта икона против вас, в церкви». После этого девочку перенесли на руках на кровать. Долго она спала, вечером вдруг она просыпается и говорит: «Бодрствуйте, не спите! Я буду у вас в 9 часов». Родители ясно слышали эти слова девочки. Около девяти часов они увидели, что девочка начала молиться. И вдруг отводит глаза в сторону, как будто следит за кем-то уходящим. Потом опять повернулась к иконе и стала молиться. Потом она поцеловала пол и воскликнула: «Мама!.. ушла!»

Родители спросили ее: «Что с тобою?» — «Да разве вы не видали, как из этого угла вышла Царица Небесная? Она была в огненном платье и в голубом покрывале на голове. Когда Она шла мимо меня, то благословила меня, но ничего не говорила. А я все-таки удостоилась поцеловать Ее ножку».

Тогда священник, к которому еще ранее, дня за два, обращались родители, зная, что за престолом находится икона Божией Матери в красном платье, посоветовал совершить молебен перед этою иконою. И вот перед этою иконою совершили молебен.

И когда окропили девочку святою водою, то голос сказал: «Вот Моя икона...» А когда прочитали Евангелие, то припад-ки стали ослабевать, и с тех пор девочка совершенно здорова. И радуется, и трудится.

Преосвященный Иосиф говорит, что многие ищут чудес и не могут их найти или увидеть; а эта девочка не искала чудес и удостоилась увидеть чудо.

Так вот, дорогие братие, видите, что и в наши дни Царица Небесная никогда нас не забывает. Наоборот, чем больше в нас веры, молитвы и любви к Ней, тем чаще и чаще Она является нам в Своем чудотворном образе. Не будем забывать одно условие, при котором мы можем надеяться на Ее помощь. Она сказала апостолам, а в лице их и всем нам, что Она будет помогать тем, кто будет веровать в Ее Сына. А затем Она, смиренная, ищет добродетелей наших. Ей не знатность, не богатство нужны. Ей нужно сердце кроткое, смиренное, любящее. Кто с чистым сердцем обратится к Ней, того молитву Она приемлет. И, верьте — он непременно получит Ее помощь, ибо Ее называют Предстательством нашим, Утешительницею, Помощницею нашею.

Помогай нам, Царице Небесная, ходатайствуй за нас к Сыну Твоему, Господу Богу! Аминь.

Пример святых первоверховных апостолов

*В праздник святых первоверховных апостолов Петра и Павла,
в храме во имя святых апостолов Петра и Павла (за литургией)
29 июня 1911 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, и радуюсь, что Господь Бог сподобил меня совершить богослужение в вашем святом храме в день вашего престольного праздника и принести за всех вас Бескровную Жертву Спасителю нашему Богу.

Светел и радостен этот праздник! Мы празднуем святым апостолам, по окончании поста, потому что святые апостолы вышли на проповедь евангельскую, сначала попостившись и помолившись Господу. Мы празднуем ныне святым апостолам Петру и Павлу, потому что эти апостолы особенно

потрудились в деле благовестия учения Христова и удостоились особенного знака благоволения и любви Божией. Поистине о них можно сказать: *Во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их* (Пс. 18, 5; Рим. 10, 18)¹.

Напомню вам вкратце их достопамятное житие — потому что, когда празднуем им, невольно хочется вспомнить обстоятельства их жизни. Они оба были иудеи. Святой апостол Петр был особенно пламенный и ревностный ученик Христа Спасителя. Когда Господь Иисус Христос спросил: *За кого люди почитают Меня?* — то апостол Петр один ответил: *Ты Христос, Сын Бога живаго* (Мф. 16, 15–16). Почему он и был назван Самим Господом *камнем* (Ин. 1, 42), и доселе именуется «камнем веры». Когда некоторые из учеников соблазнились словами Христа Спасителя о том, что Он даст Свое Тело и Свою Кровь в пищу и отошли от Него, Господь обратился к апостолам со словами: *Не хотите ли и вы отойти?* Тогда Апостол Петр сказал: *Господи, к кому нам идти?... Ты Христос, Сын Бога живаго!* (Ин. 6, 67–69). За эту-то пламенную веру святой апостол Петр удостоился великих знамений Божиих: он был с Господом на горе Фаворе, видел славное Преображение Господа²; он был в Гефсиманском саду, где Спаситель молился до кровавого пота пред наступлением Своих страданий³, он следовал за Христом Спасителем и во двор первосвященников Анны и Каиафы⁴. Однажды только апостол Петр поколебался в своей вере. Это, когда он отрекся от Господа, сказав, что он не знает Человека сего⁵. Но минутное свое отречение он искупил великими подвигами, великими страданиями за Христа Спасителя, даже до смерти. Предание рассказывает, что его щеки были все в морщинах от неперестанного плача. Предание рассказывает, что апостол Петр не мог слышать без слез крика петуха, и ночью, слыша этот крик, он проливал горькие слезы и молился Христу Спасителю, прося прощения — несмотря на то, что он был давно прощен и возведен в чин апостола.

¹ Эти слова Священного Писания используются в качестве прокимна на литургии в дни памяти святых апостолов.

² См.: Мф. 17, 1–9 пар. ³ См.: Мф. 26, 36–46 пар.

⁴ См.: Мф. 26, 57–58 пар. ⁵ См.: Мф. 26, 69–74 пар.

Святой апостол Петр видел во Христе Спасителе не только своего Учителя, но и Господа. Несмотря на то, что он был неученый, простой рыбак, тем не менее, по сошествии Святого Духа получил силу благодати, так что после его проповеди обращались ко Христу целые тысячи людей. Он написал целых два послания, в которых убеждает верующих твердо веровать. Когда пришло время ему пострадать — это было в Риме — он об одном только просил, чтобы Его распяли вниз головою, «потому что, — говорил он, — я недостойн страдать, как страдал мой Господь, Учитель, Христос Спаситель».

Святой апостол Павел был родом из города Тарса. Он получил высокое литературное образование. Он был ученик известного учителя Гамалиила. Сначала он был гонителем христиан. Говорят, он страшно преследовал христиан и, когда побивали камнями первомученика Стефана, то он стерег одежду воинов, убивавших первомученика¹. Затем преследовал христиан в Дамаске, но здесь Господь, провидя его будущее ревностное учение, явился ему в видении и обратился к нему со следующими словами: *Савл, Савл! что ты гонишь Меня?* — Тогда тот спросил: *Кто ты, Господи?* — Господь отвечал: *«Я Иисус, Которого ты гонишь, но отныне ты будешь ревностным Моим учеником»* (см.: Деян. 9, 4–6).

После этого времени святой апостол Павел прилепился всею душою и сердцем ко Христу Спасителю, пламенно Его проповедовал, пламенно Его любил, пламенно Ему молился, страдал за Него так, как никто из апостолов не страдал, и, наконец, закончил свою жизнь за Христа под ударами меча. Несмотря на свои слабые силы и плохое здоровье, будучи совершенно больным, немощным, он продолжал дело проповеди и проходил почти всю вселенную. Он в деле проповеди Христовой сделал гораздо более других апостолов.

Припоминаю, как один современный богослов изображает святого апостола Павла. Когда в минуту пламенного восторга или тоски, любящая душа прозревает этого бледного, немощного старца; когда в минуту она прозревает духовные немощи и раскрывает духовные силы, тогда можно бывает понять, что это за человек. Это есть апостол Павел, восхваляющий Христа

¹ В Деяниях апостолов: *свидетелей, которые побивали камнями Стефана*. См.: Деян. 7, 58–59.

Спасителя! Это апостол Павел, борющийся с дикими зверями в Ефесе (см.: 1 Кор. 15, 32)! Это апостол Павел, выступающий в Риме на борьбу с кесарем Нероном! Его душа светит светом, ужасом поражает врагов, и радостью и надеждою наполняется сердце. Для него ничто не будет страшно: ни побои, ни издевательства, ни темничное заключение, и даже самая смерть. Он все готов претерпеть, проповедуя Христа Спасителя. «Я ничего не боюсь! Я готов на смерть ради Христа Спасителя!» — говорил он. Таков был апостол Петр! Таков был апостол Павел!

Чему же, дорогие братие, он нас научает? Он научает прежде всего пламенной любви и вере во Христа Спасителя. Научает нас не бояться ухищрения злых людей и ада... И учит нас до последней капли крови полагать жизнь за Христа Спасителя. Он учит не бояться никаких опасностей. Иоанн Златоуст говорит: «И апостол Павел боялся опасностей. Он боялся и трепетал, но, боясь и трепеща, они прошли всю вселенную, проповедуя о вести Воскресения». Научает нас святой апостол Павел не только веровать, но и жизнь показывать — чтобы свет Христов светился в нас. Наконец, святой апостол научает нас, слабых, немощных, не приходить в отчаяние, если мы согрешили, но иметь пример в апостоле Петре: обратиться с молитвою и покаянием ко Христу Спасителю и сказать: «Господи, Ты все ведаешь!» (ср.: Ин. 21, 17)... И мы твердо веруем, что Господь поможет и нам.

Проповедь и благодать, пребывающая в апостоле Петре, в апостоле Павле, от Рима сошедшего, да утверждает во мне любовь и веру ко Христу Спасителю. Аминь.

Благодарность братии Богоявленского и Афонского Пантелеимонова монастырей

*В 10-летний юбилей архиерейской хиротонии
1 июля 1911 года*

Сердечно благодарю вас, отец наместник, и вас, отец Аристоклий¹, за ваши приношения; буду хранить их на молитвенную память о дорогой мне братии Богоявленского

¹ Иеросхимонах Аристоклий († 26 августа / 8 сентября 1918) — настоятель Афонской Пантелеимоновой часовни в Москве (конец 1880—1894 гг., 1909—1918 гг.).

монастыря и не менее дорогой братии Афонского Пантелеимонова монастыря.

Я враг всякого рода торжественных празднеств, и юбилеев, и подношений. Если я согласился совершить сегодня богослужение, то именно имел в виду вас, дорогих моих прихожан, которые всегда рады случаю помолиться вместе со мною и которых я очень обидел бы, если бы уехал куда-нибудь.

И на самом деле, десять лет, в сущности, весьма малый период в жизни человеческой, но, тем не менее, и он не проходит бесследно для человека, ибо коротка жизнь человеческая. И за этот сравнительно короткий период времени многие упокоились, преставились ко Господу. Из числа рукополагавших меня нет уже в живых епископов Полиевкта и Нестора — они у Господа Бога предстоят пред Престолом Его и молятся Ему. Затем и все мы успели уже значительно за это время постареть, потеряли силы, а многие и здоровье, и также приближаются к конечному исходу от здешней жизни.

Что приобретает человек в известный период времени, хотя в 10 лет? Думается мне, что одно, наверное, он приобретает. Если он вдумчив, если он привык вглядываться в себя, если он привык соотносить свои действия с законом Божиим и со своею совестью, то он непременно приобретает опыт — а это немалая вещь. Недаром покойный батюшка отец Амвросий говаривал: «Теория — это веселая светская дама, которая так блистательна и красноречива, но, увы, так легкомысленна, а опыт — это неуклюжий медведь, который все ломает и сокрушает на своем пути». И действительно, в теории все легко: и самоотверженное служение человечеству, и борьба со страстями, и страстное желание приобрести все добродетели, даже до самой любви, этой высшей добродетели, — все это легко в теории, а на опыте, наоборот, даже самую маленькую добродетель чтобы приобрести, и то стоит немало труда.

И вот этот опыт нужен для всех людей, в особенности для начальников, которым приходится иметь дело с другими людьми, влиять на их волю, оказывать на них давление. Вот тут то, когда человек познал себя, когда познал свои немощи и слабости, когда познал на опыте, как тяжело идти путем христианского совершенства, какие препятствия человек

встречает при исполнении своего долга, то он гораздо снисходительнее начинает относиться к немощам и к слабостям своих ближних.

Искренне желаю всем нам вдумываться и вглядываться в себя, сообразовывать свои дела с путями Промысла Божия и идти, все больше и больше совершенствуясь. Сегодня я надолго расстаюсь с вами, ибо получил назначение от Синодальной конторы ехать в Соловецкий монастырь, где мне предстоит рукоположить 26 монахов, а затем должен буду поехать в Печенгский Трифонов монастырь, где сооружается храм, и в день памяти святого равноапостольного князя Владимира я должен буду его освятить. Таким образом, вы видите, путешествие мое будет продолжительное, продолжится месяц, а может быть, и более, и не лишено оно своего рода трудностей: придется путешествовать не только по Белому морю, но и по Ледовитому океану, и в продолжении нескольких суток. Кто не путешествовал по морю, тот не знает, как тяжело такого рода путешествие... А затем придется священнодействовать, служить в продолжение двух недель — тоже довольно трудно.

Конечно, все возможно с помощью Божиею, благодать приобретается молитвою. Вот почему прошу вас молиться за меня и за моих спутников, чтобы это мое путешествие было на благо мне и насельникам тех мест и чтобы Господь Бог, милосердый и человеколюбивый, соблюдал нас на этом пути молитвами святого мученика Трифона и святых бессребреников Космы и Дамиана¹. Господь да помогает нам и да сохраняет всех нас. Аминь.

О путешествии в Соловецкую обитель

*В день памяти св. великомученика Пантелеимона
27 июля 1911 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные отцы, братие и сестры, и искренно радуюсь, что Господь привел меня и в этом году помолиться вместе с вами нашему покровителю и целителю недугов душевных и телесных, святому великомученику Пантелеимону.

¹ 1 июля Церковь празднует память святых бессребреников Космы и Дамиана.

Радостен для всех этот праздник, но, скажу, более всех он радостен для меня, ибо я совершил далекое и небезопасное путешествие и прибыл в Москву только вчера с далекого севера. Был я в Соловецкой обители, поклонился мощам святых угодников, ее основателей¹; возрадовался духом, видя ее чудное процветание, высокую, благочестивую жизнь ее иноков. А затем я отправился далее, более чем за тысячу верст, на далекий берег Мурманский, где находится монастырь, основанный преподобным Трифоном Печенгским², просветителем лопарей. Благодарение Богу — этот путь прошел совершенно благополучно молитвами преподобного Трифона. Только туда, когда мы ехали по Ледовитому океану, была небольшая качка; а оттуда море было совершенно гладко, как зеркальная поверхность какого-нибудь озера. В этих странах в летнее время солнце совсем не заходит, а зимой совсем не восходит; где летом бывает постоянно светло, а зимою и днем темно. Здесь летом поражаешься скудостью природы: одни голые скалы, лепятся всюду мхи да лишай, кое-где вьется, не имеющая сил подняться к небу, наша березка. В Трифоновской обители видно трудолюбие иноков, создавших уютный уголок: там с великим трудом они достигли того, что стали произрастать растения и даже овощи³.

Совершено было мною тринадцать литургий, возведено 23 монаха в священные степени. А в Печенгском монастыре освящен мною храм во имя Рождества Христова, построенный на том месте, где было убито 116 монахов во время совершения богослужения, когда шведы напали на монастырь и уничтожили всех живших в обители, а самую обитель разграбили.

И вот, когда я возвращался назад, в моих мыслях мне представлялась картина, близкая моему сердцу. В самом деле,

¹ Преподобных Зосимы († 1478) и Савватия († 1435) Соловецких.

² † 1583.

³ В начале XX века Трифонов Печенгский монастырь имел большое хозяйство и играл на Крайнем Севере большую культурно-просветительскую роль. В 1920 году пос. Печенга вместе с монастырем отошел к Финляндии. В годы Великой Отечественной войны монастырь был сильно разрушен. В 1944 году иноки переехали в Новый Валаамский монастырь. Трифонов Печенгский монастырь возрожден в 1997 году.

тихо море и тих океан в тихую погоду и ласкает взор своей поверхностью. Но вот поднимается ветер — ревут, шумят и вздымаются его громадные волны, выше многоэтажных домов. Жалким и ничтожным представляется на этой поверхности корабль; жалкими и ничтожными представляются на этом корабле люди... И вот леденящий ужас охватывает душу человека. В самом деле, вот-вот сейчас волна захлестнет корабль, и пойдет он навстречу морским чудовищам. Вот тогда-то единственным утешением ему может служить только молитва. Недаром говорится: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался». И вот, видя этот океан-море, я представлял себе другое море, не менее опасное, не менее бурное, по которому мы все плывем на утлой ладье, и каждую минуту ожидают нас зловещие опасности. И здесь вздымаются волны, и здесь они готовы поглотить путешественника на каждом шагу и каждую минуту. И вот мы погибнем...

Единственно, что может нас сдержать, что может нас привести к тихой пристани, — это вера. Эта вера должна быть несомненно твердая, истинная. Вспомните апостола Петра: ведь апостол Петр едва усумнился и тотчас же стал тонуть в волнах моря. И только что он воззвал к Спасителю: *Господи, спаси меня, погибаю*, и тогда, когда Господь протянул ему руку и сказал: *Маловере, почто усумнился еси*, — он снова прошел по волнам моря к кораблю как по сушу (см.: Мф. 14, 29–32).

И вот, дорогие братие и сестры, это море житейское готово поглотить каждого из нас. Это море постоянно вздымается, без конца свирепствуют его волны. Будем, как самую драгоценную жемчужину, хранить веру, чтобы в минуту опасности воскликнуть к Спасителю Богу: «Господи, спаси нас, потому что мы погибаем, готовы потонуть». А если мы, вследствие крайнего ничтожества, не надеемся быть услышанными, то обратимся к святым Божиим людям и будем просить их ходатайства. Обратимся к ныне празднуемому святому великомученику Пантелеимону, мощи которого пред нашими глазами. А наипаче будем чаще обращаться к Владычице нашей Небесной, да укрепляет она во всех христианах веру, твердую, несомненную, чтобы эта вера оправдала нас, возвеличила, как показала это паства небесная. Аминь.

При отпевании Николая Ивановича Пастухова¹

31 июля 1911 года

Помолимся, дорогие братья и сестры, об упокоении нашего брата, новопреставленного Николая. Не по чувству холодного долга, не по каким-нибудь другим обязанностям, а истинно только по любви к почившему мы собрались сюда, чтобы вознести о нем моление, — ведь почившему теперь ничего, кроме этого, и не нужно.

Плачут, скорбят, болезнуют о нем его родственники. Но не только родственники скорбят о нем. Не менее их сожалеют и скорбят его родные по духу, его друзья, сотрудники его. И единственным утешением нам в этой нашей скорби может служить вера, что милосердый, человеколюбивый Господь берет к Себе душу человека, когда она наиболее всего подготовлена к вечной загробной жизни.

Затем утешением в нашей скорби может служить нам воспоминание о тех добрых качествах души усопшего, которые драгоценнее всего в очах Божиих, которые должны служить ему правильным добрым ответом на Страшном суде².

Первою из этих добродетелей была искренняя, сердечная вера в Господа и вытекающая из нее любовь к Церкви Божией. Эту любовь он выражал в усердной молитве. Мне самому приходилось видеть его молящимся в храмах Божиих, и в делах благотворения, о которых он не любил говорить. Поистине он может сказать словами церковной песни: «Господи, если я и согрешил, но как христианин я несомненно веровал в Тебя и исповедывал Отца, Сына и Святого Духа»³. Как общественный деятель он громко исповедывал свою веру. В своей газете

¹ Оpubл. в: [40], с. 382–384. Н. И. Пастухов был редактором «Московского листка».

² Слова из просительной ектении (о «добром ответе на Страшном судищи Христове»).

³ Ср. с молитвой из канона о едином усопшем (помещаемого обычно в Следованной Псалтири): «Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечного преставляшагося раба Твоего...» Там эти слова произносятся от лица молящихся: «аще бо и согреши [почивший], но не отступи от Тебе, и несумненно во Отца и Сына и Святого Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова...»

он держался нелицемерно, неуклонно церковного направления, церковный отдел ее всегда отличался полнотою, разнообразием и точностью сообщаемых сведений.

Затем утешением для нас может служить то, что для нас, христиан, нет смерти, что любовь не умирает, что любовь нельзя заключить во гробе и закопать в земле, что если для нашего глаза и разрушается и умирает тело дорогого нашего собрата, но для сердца любящего он не умирает и будет жить в нем до тех пор, пока бьется это сердце.

Дорогие братие, сотрудники, свидетельствовать ли вам об этом? Знаю, что вы отлично знаете это духом, что вы составляли одну семью, жили одними заботами, одними интересами, одною любовью... Любовь не умрет. А эта любовь может быть выражена в усердной, горячей молитве. Ему ведь теперь ничего более не нужно; ведь он сам словами церковной песни обращается ко всем нам, об одном просит и молит нас: «Прошу всех и молю, непрестанно о мне молитесь Господу Богу»¹.

О, дорогие братие, придет час, и, может быть, он близок уже, а для некоторых и неожиданно близок, когда и мы будем лежать в гробу и будем просить молиться за нас. И в самом деле, что может быть неустойчивее в жизни для нас? Что может предстоять ребенку в день рождения его, как не несомненная смерть? Если я существую, то я умру. Что такое история природы, как не наступление смерти. В самом деле, сегодня потеряли родных, вчера друзей, а завтра, может быть, злая смерть замахнется своею холодною косою и на нас — и все тогда будет кончено.

Так, Святая Церковь заповедует, отходя ко сну, молиться этою чудною молитвою: «Владыко, Человеколюбче, не ужели ми одр сей гроб будет? Или еще окаянную мою душу просветиши днем? Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит»². Вот когда мы теряем дорогих, милых родных или друзей, то эта молитва делается еще ближе нашему сердцу. И усерднее и пламеннее шепчут наши уста: «Упокой, Господи, брата нашего Николая».

¹ Последование погребения, стихира на последнем целовании, на «Слава».

² Молитва святого Иоанна Дамаскина на сон грядущим.

Вспоминая его любовь, видя его гроб, усердно помолимся мы об упокоении возлюбленного нашего брата Николая Ивановича. Господь да ублажит его, да упокоит, с праведными сопричтет и нас всех помилует, яко Благ и Человеколюбец. Аминь.

**По случаю 50-летия прославления святителя Тихона,
епископа Воронежского, Задонского Чудотворца,
и о колокольном звоне**

*В день памяти святителя Тихона (за литургией)
13 августа 1911 года¹*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, с праздником и искренно радуюсь, что Господь привел меня помолиться вместе с вами в этот знаменательный день и принести за всех вас Бескровную Жертву. Говорю, в знаменательный день — не только для вашего храма, празднующего праздник святителя Тихона, но и для всего православного мира, ибо ныне мы празднуем 50-летие со времени его благодатного прославления². Может быть, здесь, в этом вашем храме, есть даже и очевидцы этого торжества, или, по крайней мере, современники этого прославления. Может быть, и, наверное, есть такие, которые сподобились видеть его святые мощи и прикладываться к ним, воссылая свои молитвы в его Задонском монастыре. Но и для всех нас он одинаково любим и дорог.

Дорог для всех нас святитель Божий! Дорог он теми высокими добродетелями, которыми он отличался: его необыкновенное смирение, ради которого он отказался от власти, почета и предпочел жить простым монахом, его кротость и незлобие... Припоминается рассказ, когда он обличил одного помещика в грубом обращении с крестьянами, как этот помещик ударил его по щеке. И святитель склонился пред ним на колени и просил простить его за то, что довел до раздражения его.

¹ Возможно, проповедь произнесена в храме святителя Тихона Задонского в Сокольниках, на Ширяевом поле. Этот храм был построен в 1862–1863 гг., вскоре после прославления святителя. Закрытый в 1934 г., ныне он возвращен Церкви.

² Святитель Тихон († 13 августа 1782 г.) был причислен к лику святых 12 августа 1861 года.

Его необыкновенная нестяжательность, вследствие которой он жил как простой монах; наипаче же всего его вера, его любовь к Церкви Божией. Любовь к Церкви Божией, которую он всем нам завещал, — как вы слышали из его завещания, которое было сейчас предложено вам.

И вот, дорогие братие и сестры, усердно молился я за всех вас Господу Богу и святителю Тихону. Я усердно молился святителю Божию, чтобы он помолился за нас пред Престолом Господа Бога; чтобы благодать Божия непрестанно укрепляла бы нас в этой же вере и в такой же любви к Церкви Христовой, которую был воодушевлен святитель Божий. И вот в память святителя Божия, любящего Церковь Христову, я предлагаю всем вам совершить некое доброе дело на память нынешнего празднования пятидесятилетия открытия мощей святителя. Мне сообщил ваш настоятель и ктитор, что вы предполагаете в память этого события строить при храме каменную колокольню — помогите, кто чем может. Чем выше колокольня, тем яснее слышится звук колокола, а звук колокола имеет великое значение — особенно в праздники Божии.

В самом деле, вот, например, наступает Великий пост, прошла Масляная неделя — эта неделя, когда человек в вихре утех и забав нередко забывает, что он христианин, предается излишнему употреблению яств и питий, а иногда и всякого рода разнузданности и порокам. Прошла эта неделя, и печальный звук унылого церковного колокола созывает всех в храм Божий. Этот звон как бы так говорит: «Христианин, встань, опомнись, пробудись от твоего греховного сна, чтобы не постигла тебя вечная смерть! Вглядишься в себя, в свою душу, спроси себя внимательно, как ты провел не только прошедшую неделю, но и всю жизнь! Христианин, омой слезами свою душу, омой грехи твои покаянием. Так начни взывать из глубины сердца Господу: “Откуда начну плакати окаяннаго жития моего деяний; кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? Но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление. Помилуй мя, Боже, помилуй мя!”»¹

¹ Первый тропарь первой песни Великого покаянного канона св. Андрея Критского, с припевом, читаемого на повечерии в первые четыре дня Великого поста.

И вот изо дня в день таким образом звук церковного колокола своим медным голосом призывает к покаянию. И кто еще не забыл, что он — христианин, и у кого еще не заглохла совесть, тот идет в храм, усердно молится, омывает грехи свои покаянными слезами, получает отпущение грехов в Таинстве Покаяния и, соединившись со Христом в Таинстве Причащения Тела и Крови Его, получает спасительную благодать не только переменить свою жизнь, но и помогать другим и утешать их.

А что может быть радостнее и торжественнее пасхального звона? Тогда, в полночный час, все христиане с трепетом сердечным — не правда ли? — ждут этого удара колокола... Вот раздался этот удар — торжественно, в ночной тиши. К нему присоединяются голоса других колоколов, и торжественно гудят они над нами, как бы сливая небо и землю в одном ликующем победном гимне: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!»

Да, братие, тот не православный человек, кто не любит церковного звона. Когда чувствуешь более и яснее свою близость со всею Церковью? — Когда слышишь церковный звон. В самом деле, когда в праздничный день слышишь, как в одном, в другом, в третьем, а затем и во всех храмах раздается звук колокола, призывающий к молитве, то особенно ясно сознаешь и чувствуешь себя членом Святой нашей Церкви. И при мысли о том, что в это время и в холодной Сибири, и в жарком Крыму, и на далеком Кавказе, по городам, селам и по отдаленным иноческим обителям, — везде раздается голос колокола, возвещающий о службе, за которую приносится Бескровная Жертва за грехи всех людей, а следовательно, и за мои грехи. И тепло делается на сердце, и чувствуешь, что ты не один на свете, что все мы составляем одно семейство, воодушевленное одною верою, соединенное одною любовью.

А когда представим, что вместе с земною Церковью молится и Небесная Церковь — Пречистая Дева, Матерь Божия, ангелы — служители Божии, святые Божии люди, — что они все вместе с нами возносят молитвы, и, по слову Священного Писания, их молитвы, подобно дыму кадильному, возносятся к Царю Царей и Господу Сил, тогда начинаешь пламеннее веровать обетованиям Спасителя: *Се Аз с вами есмь во вся дни*

до скончания века... Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей (Мф. 28, 20; 16, 18).

Дорогие братие и сестры, в нашей душе есть некий тайный голос, обличающий нас во зле, предостерегающий от пороков, направляющий к добру. Этот голос вы все хорошо знаете — это совесть. Но, к несчастью, спит иногда наша совесть, усыпленная нашими грехами. Искренно желаю, чтобы она пробудилась от звука церковного колокола. Когда, например, человек готов решиться на греховное дело, когда он уже близок к совершенному падению, пусть звон колокола напомнит ему о Страшном суде и том воздаянии, которое следует за все дела человеческие. Или когда человек в сознании своей греховности чувствует себя таким великим грешником, что ему уже нет пощады и помилования, пусть звон колокола напомнит ему о том, что Господь пришел на землю спасти не праведников, а кающихся грешников. Одним словом, пусть звон церковный напоминает нам о нашем назначении — о нашем назначении как христиан, о новом небе и новой земле, где мы должны будем жить вечно.

Таким образом, вы все теперь понимаете, какое значение имеет звон колокола...

Искренно желаю вам и успеха, и благословения на это доброе дело. И от меня прошу принять малую лепту. И благословение Господа Бога, Который обещал возлюбить любящих благолепие храмов¹, да будет с вами вовеки. Аминь.

Средство от недугов

*В праздник перенесения из Едессы в Константинополь
Нерукотворенного Образа (Убруса) Господа Иисуса Христа (за литургией)
16 августа 1911 года*

Приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, с праздником и искренно желаю, чтобы благодать Господа нашего Иисуса Христа, Которого мы сегодня вспоминаем, вселилась в сердца наши и обитала бы в них, исцеляла бы нас, подобно Едесскому князю Авгарю, — не только от болезней телесных, но и от болезней душевных.

¹ Ср.: Пс. 25, 8.

Историю этого праздника вы все, конечно, хорошо знаете. В самых коротких словах хочу напомнить вам ее. Едесский князь Авгарь заболел неисцелимою болезнью. И вот он узнал, что в Палестине есть великий Чудотворец, который творит великие чудеса, исцеляет самые тяжелые болезни. Он написал Ему послание, в котором просил Господа придти к нему и исцелить его: «Для Тебя все возможно, приди, помоги мне, исцели струпы и язвы мои и поживи с нами». Но не надеясь, что захочет ли Господь придти к нему, он послал к Нему искусного живописца, чтобы тот сделал Его портрет. Но, несмотря на все свое искусство, ему никак не приходилось схватить черты лица Спасителя. И вот Спаситель попросил полотенце, отер им Свое Лицо, и — о дивное чудо! — Его лицо отобразилось на полотенце. Господь велел передать Авгарю, что Он придет и исцелит его. Когда посланный возвратился, то Авгарь припал к лику Спасителя, целовал Его и действительно исцелился.

Не правда ли, все мы готовы сказать: «Мы страдаем тяжелыми недугами телесными и душевными». Все мы готовы воскликнуть: «Как счастлив был этот Едесский князь, который получил исцеление!» Как счастливы были бы и мы, если бы и мы слышали весть о грядущем Спасителе, о Его желании исцелить нас, если бы мы видели образ Его.

Как был счастлив Едесский князь Авгарь! Да, несомненно, он был счастлив! А мы? Разве мы несчастны? Разве мы не имеем от Господа Бога письма, гораздо более подробно, в котором рассказывается, как Он сошел с неба на землю, облекся в плоть, жил на земле, как простой человек, терпел обиды, унижение, оскорбление и даже смерть от людей, Им же созданных. И все эти страдания Он претерпевал ради нас, чтобы открыть нам вечную блаженную жизнь.

Это письмо — Евангелие. Читаем ли мы это письмо? А если читаем, стараемся ли вникать в его содержание? Стараемся ли мы исполнять завет, который Он нам завещал? А там средство от наших недугов.

Вот, например, твоим сердцем овладело корыстолюбие, все мечты твои заняты тем, как бы побольше собрать денег. О, открой скорее Евангелие, там ты найдешь: *Не собирайте*

себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небеси, где ни моль, ни ржа не истребляет и где воры не подкапывают и не крадут (Мф. 6, 19–20). Собирайте себе сокровище из добрых дел — ибо это сокровище открывает и свет, и счастье и дарует вечные радости.

Или в сердце твоём появилась злоба и ненависть к какому-нибудь человеку, ты мечтаешь отомстить ему, сделать зло, причинить обиду, оскорбление. О, скорее, пока диавол не совсем овладел твоим сердцем, открой Евангелие; ты прочтешь завет Христа Спасителя: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас...* Ибо если будете так делать, то назоветесь *сынами Отца вашего небесного*, сынами Божиими (Мф. 5, 44–45). Какая великая награда: за малую обиду, за претерпленное оскорбление. Господь Бог обещает сделать нас Своими сынами. Если мы внимательно будем читать Евангелие, то, несомненно, получим душевную пользу.

Вы говорите, счастлив был Авгарь, получивший образ Христа Спасителя. А мы? Разве мы не имеем множества различных икон? Разве мы не имеем возможности пред ними молиться? Разве от икон не текут исцеления, показывающие, что в них живет сила Божия. Знайте, конечно, не для тех, которые только смотрят на них, а для тех, которые смиренно просят и молятся. И те, которые с верою и любовью обращают к ним свои молитвы, — о! они, несомненно, получают исцеления.

Таким образом, счастлив был Едесский князь Авгарь! Счастлив, говорить нечего... Но, дорогие братие, христиане, мы не менее его счастливы. Мы — чада Православной Церкви! Мы имеем залог вечной жизни! Мы имеем благодать Божию, поддерживающую нас! Мы счастливы! Будем только одно знать: не одно внешнее благочестие необходимо, но и внутреннее. Будем заботиться приобретать веру и любовь. Будем заботиться очищать сердце свое от зла и пороков. А Он, Христос Спаситель, всегда с нами! Он говорил ученикам, а в лице их и последователям их: *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Он с нами! Он слышит нас!

И Он всегда готов, как и во время Своей земной жизни, оказать нам Свою помощь.

Иисусе Сладчайший, помогай нам в нашей жизни! Исцеляй наши недуги телесные и душевные — дабы, пострадавши здесь мало, сподобиться там наслаждаться вечными радостями. Аминь.

Непрестанно помнить о небе

*Во второй день поспражднства Успення Божией Матери (за литургией)
17 августа 1911 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, и радуюсь, что Господь снова привел меня и в этом году помолиться вместе с вами и принести за всех вас Бескровную Жертву в этот знаменательный для вас день.

Ныне исполнились слова боговдохновенного пророка, святого царя Давида: *Предста Царица одесную Тебе, в ризах позлащенных одеяна, преиспещрена* (Пс. 44, 10).

Ныне Царь царствующих и Господь господствующих принимает в Свои святые объятия, как это мы видим на иконе, принимает Сам Пречистую Свою Матерь, Которая была украшена великими добродетелями: верою, любовию, чистотою, смирением, кротостию, незлобием и прочими! Ныне Он уготовляет Ей на небе жилище выше архангелов и ангелов! О, великое милосердие и любовь Божия! В лице Богоматери Он возвеличил грешный человеческий род, поставив Ее превыше чинов ангельских!

Дорогие братие и сестры, за что же удостоилась Богоматерь такой великой чести? За то немногое, что Она сподобилась быть жилищем Самого Бога, за то, что в продолжение Своей земной жизни Она заботилась о приобретении великих добродетелей, за то, что, живя здесь, на земле, Она каждую минуту думала о небе.

И вот в этот день, Ей посвященный, спросим самих себя: мы-то, живя здесь, на земле, мы-то сами, думаем ли мы о небе? Думаем ли мы более всего о том Небесном Царстве, куда мы должны будем придти после смерти?

Ведь Господь Бог всемогущ, Он мог бы здесь, на земле, устроить обитель для Своей Матери. А между тем вы сами

знаете, Она терпела величайшие скорби и унижение, некогда предсказанные Ей праведным Симеоном: *Тебе Самой оружие пройдет душу* (Лк. 2, 35). И действительно, это пророчество не замедлило сбыться. В самом деле, с самого рождения Христа Спасителя Она терпела скорби. В самом деле, когда Он родился, в скором времени полилась кровь невинных младенцев. А затем, в продолжение всей Своей жизни, не те же ли скорби видела Она! Не видела ли Она, как мало Его понимали — не только народ, но и ученики Его. Чуткое сердце Ее давно стало предсказывать, что должна совершиться казнь. И вот она совершилась, и кроткий Сын Ее был пригвожден ко Кресту вместе со злодеями. Такова была Ее земная жизнь. Но величайшие радости, величайшая слава ждали ее в обителях Ее Сына!

А мы? Думаем ли мы о небе? Не думаем ли мы большею частию о земном? Мы думаем навеки остаться здесь — вот почему так тяжело расставаться нам с землею. Ибо теряем дорогих и любящих нас, а вовсе не думаем или мало обращаем внимания на то, чтобы очистить свою совесть. Надо жить для неба, надо думать о небе. «Это не составляет, чтобы мы все наше внимание употребляли на это, — говорит один проповедник, — но это необходимо». И достаточно, в самом деле, думать о каком-нибудь предмете постоянно, внимание свое сосредоточивать на нем. И вот этот предмет постепенно взойдет в нашу душу, сделается постоянным в наших мыслях и действиях. Точно так же, думая о небе, мы заставим себя думать о нем, и эта мысль постепенно вытеснит другие мысли. В самом деле, ведь думаем же мы о доме, а какой дом должен быть дороже и ближе для нас, как не на небе? Мы любим обращаться с милыми и близкими нашему сердцу, а скажите, здесь более людей или на кладбище?

Думая таким образом, мы достигнем того, что все земное потеряет для нас ценность. Но, дорогие братие, думая так, не будем, однако, забывать, что всем нам предстоит смерть, всем нам предстоит расстаться с этим миром, всем нам предстоит жить или в вечных радостях или в вечных страданиях, которыми, конечно, каждый не предпочтет ли эти радости?

Будем молиться Пресвятой Богородице, чтобы Она помогала нам вечно думать о небе, чтобы сподобила нас наслаждаться вечными радостями. Аминь.

Имя праведника живет

В день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи

(за литургией)

29 августа 1911 года

Печален сегодняшний праздник. Сегодня вспоминаем мы убийство величайшего из пророков, величайшего из рожденных женами — Иоанна, Крестителя Господня. Он был величайший подвижник, всю свою юность проведший в пустыне — в молитве, чтении Священного Писания, в самоусовершенствовании, приготовляя себя к служению роду человеческому. Святой Иоанн, Пророк и Предтеча Господень, служит образом величайшего постника, постоянно питаюсь диким медом и акридами. Он, чистейший из людей, пламенным своим словом всколыхнул спавшее греховным сном павшее человечество. Не только иудеи, но и язычники обращались ко Господу. Многие сделались из жестоких — кроткими, из честолубцев — смиренными, из невоздержных — величайшими постниками. И таким образом приготовляя людей к принятию проповеди Христа Спасителя, он Сам погиб по слову ненависти жестокой, коварной женщины.

Своим словом, своею святою жизнью, он сделался известен при дворе царском.

И вот Ирод часто приглашал его к себе, чтобы послушать его; и, пока он говорил доброе, не касаясь души Ирода, тот слушал Иоанна и даже исповедывал его совершеннейшим праведником. Но, как это всегда бывает, когда он коснулся любимой страсти Ирода, когда он коснулся больного места его души, его греха — ибо он отнял у своего брата Филиппа жену его и жил с нею, как с законною женою, — то Ирод перестал слушать Иоанна и посадил его в темницу, но далек был от мысли лишить его жизни, ибо он сознавал, что это был величайший пророк.

Не такова была его жена. Она не могла помириться со словами пророка. Ее злобное и коварное сердце слишком было раздражено обличительными словами пророка, и она постоянно настаивала, чтобы его убить, чтобы он перестал обличать. В таком же духе она воспитала и свою дочь. Вот, говорится в Евангелии, настал день рождения Иродова. И дочь Иродии

начинает танцевать и плясать, и так угождает Ироду, что он, обманутый вином и страстию, воскликнул: «Проси у меня, чего желаешь, я дам тебе, даже до половины царства!» Она, наставленная своею матерью, просила главу Иоанна Предтечи: «Хощу, да ми даси главу Иоанна Крестителя!» Опечалился царь, но, не желая изменить своему слову, посылает палача в темницу... И вот приносится его глава на блюде и дается девице, а девица относит ее матери (см.: Мф. 14, 1–12). И рассказывает предание, что злая Иродиа булавкою колола язык Предтечи, обличавший ее.

Печален сегодняшний праздник. Недаром Святая Церковь наложила сегодня на верных своих чад строгий пост — ибо, хотя этот праздник далек от нас по существу, а если взглядеться повнимательнее, он близок к нам.

В самом деле, кто забывает Бога, совесть и все святое, кто предается чувственным наслаждениям, кто ради удовлетворения своих страстей готов жертвовать и честью, и жизнью близких; те, которые стараются вредить ближним, ненавидят человека, выше их стоящего, те, которые живут ненавистию, клеветою, — разве все таковые не уподобляются Иродии?

Те, которые тратят средства на удовольствия, на удовлетворение своих страстей, — разве они не уподобляются Саломии¹?

И над всем этим возвышается тень пророка Божия. Он погиб! Он должен был погибнуть, ибо он стоял за правду, никогда не лицемерил, ибо он сознательно покровительствовал тем, которые были правы, ибо и в древности еще говорили люди: «Убьем праведника, ибо он является обличителем нашим»².

Так вот, его уже нет... Его глава принесена на блюде в угоду ярым страстям коварной женщины. Да, он погиб! Но победила ли смерть его прелюбодеяние? А имя праведника живет. А его кровь сделалась семенем христианства, семенем, из которого выросло семя Христовой Церкви.

Так, дорогие братие, торжество зла лишь временное. Придет пора, и правда восторжествует, ведь и в Священном Писании

¹ Дочь Иродиады, плясавшая пред царем Иродом.

² Ср.: Ис. 3, 10 (слав.); Прем. 2, 12.

сказано: «Люди *познают истину* и скажут: мы исполняли пути...» (ср.: Прем. 3, 9).

Помогай же нам, святой Иоанне, Предтече Господень, идти по пути правды, да не будет в нас таких пороков, которые были в тех лицах. Аминь.

По случаю церковного прославления святителя Иоасафа, епископа Белгородского

*В Божоявленской обители в день прославления, за вечерним богослужением
4 сентября 1911 года*

Сегодняшний день радуются все православные русские люди! Радуетса ныне Сам Господь Бог, обретший верного раба Своего, святителя Иоасафа, умножившего вдсятеро талант, вверенный ему, и поставленного не над десятью градами, а в самом Царствии Небесном!

Радуются ныне апостолы, пророки, святители, мученики, преподобные и вси святии, ибо входит к ним ныне, как друг и сожитель, земной ангел, небесный человек, святитель Божий Иоасаф! Радуются ныне и людие, обретшие в нем нового чудотворца, молитвенника и целителя недугов телесных и душевных! Ныне не в заупокойных молениях, а в торжественных молитвах и песнопениях восхваляем мы дивного помощника святителя Иоасафа! Радуетса ныне и наша святая обитель, получившая эту святую икону святителя Иоасафа, освященную на его мощах, и часть его хитона, а также и маленькую часть его гроба, в котором покоилось его нетленное тело.

Дорогие братие и сестры, соединимся ныне вокруг его святого образа, как бы видя самого святителя живым среди нас, усердно помолимся ему об исцелении наших недугов, телесных и душевных. А у кого из нас нет своих недугов? Кто из нас по временам не скорбит, не плачет, не болезнует?

И ныне, вспоминая, как изливаются от его мощей токи чудес, ныне, сознавая, что он особенно близок ко Господу и особенно слышит молитвы усердно призывающих его, соединимся в одной общей горячей молитве и воспоем ему благодарения, моления и за себя, и за всех близких нам, и за весь мир. Аминь.

По случаю церковного прославления святителя Иоасафа, епископа Белгородского

*В Богоявленской обители в день прославления, после молебна
4 сентября 1911 года*

Немного нам говорит история о жизни святителя. Его жизнь была сокровенна и известна Одному Господу: нам известно, что он от юных лет был предызбран быть светильником Церкви Божией; это ясно из видения, которое было его отцу. Вы, конечно, помните, когда отец его Андрей, сидя на крыльце, задумался и размышлял, кто будет его сын? Он думал видеть его мирским человеком, живущим в довольстве, в почете и в славе... Но вот он видит — разверзлись небеса и в воздухе видит своего сына, склонившегося на молитву... И видит Владычицу нашу Небесную, Которая возвестила: довлеет Ми молитва твоя... И вот видит Андрей — Владычица одевает его Своею мантиею, как бы ясно предсказывая его будущее служение Святой Церкви. Несомненно, он имел призвание к этому, ибо живя в довольстве, в богатстве, он от юности стал вести жизнь, исполненную различных подвигов. Так, например, на обедах, когда родственники его вкушали различные вкусные яства, он довольствовался хлебом; он тайно ушел из дома, ибо родители не давали ему своего согласия; он выкопал себе пещеру и поселился в ней. Потом он поступил в монастырь: впоследствии удостоился сана игумена и настоятельства сначала в Лубенском монастыре, а потом был назначен наместником Троицкой лавры... Когда вы, дорогие братие, будете в Лавре, вы услышите звон тысячепудового колокола, когда вы будете любоваться на колокольню, на величественный Успенский собор, то знайте, всему этому обязана Троицкая лавра святителю Иоасафу: это все его труды. Затем через некоторое время он удостоивается святительского сана и делается епископом Белгородским. Нам известно, что и в святительском сане он, в своей жизни, оставался таким же подвижником, постником, каким был и ранее, живя в пустыне.

Как святитель Божий он требовал от всех служителей Церкви Божией, от пастырей, твердой веры, пламенной любви к Церкви Христовой, благоговейного отношения к святыне.

Несомненно, он удостоился за свою благочестивую жизнь и дара прозорливости.

Так, рассказывают: однажды пришлось святителю ночевать в доме одного священника... Вдруг святитель почувствовал какой-то необыкновенный страх... Как ни молился он, тем не менее он продолжал испытывать ужас и душа его испытывала волнение... Тогда он встал, стал ходить по комнате; стал рассматривать все, что находилось в ней; подошел к комоду, здесь он увидел что-то такое завернутое в грязную бумажку. Он развернул эту бумажку — и что же он увидел? В ней были завернуты Святые Дары. Разумеется, на другой день он строго обличил священника, который дозволил себе такое кощунство, и приказал отныне быть внимательным. Много рассказывают о христианских делах благотворения. Рассказывают, что он все деньги, получаемые им, тратил на бедных. Рассказывают, что в свободное время он колол дрова и относил бедным. Рассказывают, что он даже однажды пострадал за свое милосердие. Всем известен рассказ о том, как однажды он тайно вышел из дома, чтобы пойти оказать помощь бедным, а когда он возвращался, то сторож, приняв его за вора, сильно изранил.

Но главные его подвиги, сокровенные, несомненно, были в душевном возрастании. Они заключались в пламенной молитве, в непрерывной борьбе с самим собою, в непрестанной памяти смертной. Вы знаете, что и доньше сохранилась его молитва, которую знают, вероятно, многие. Святитель Иоасаф знал, что воспоминание о памяти смертной приносит величайшую пользу, так молился каждый час и заповедал нам молиться этою же молитвою: «Буди благословен день и час, в онъ же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада. О, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в час смерти моя прими дух раба Твоего, в странствии суща, молитвами Пречистыя Твоея Матери и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Для нас также необходима память о смерти. Но как часто, не правда ли, проводим время мы в суете? Проходят целые недели и годы, и мы не обращаем внимания на быстро текущее

время. А святитель постоянно бодрствовал для души. Он знал, что не только за каждое слово, но и за каждую мысль человек должен будет отдать отчет Господу на Страшном суде. Вот почему он всегда так усердно молился.

Наконец он скончался, имея сорок восемь лет от роду. Вы знаете, его тело оказалось нетленным: вследствие дурных дорог епископ долго не мог прибыть в Белгород для совершения отпевания над ним, и тело его оставалось долго непогребенным. И доселе пребывает нетленным и источает токи благодатных исцелений.

Поистине за все последнее время не было такого святителя, от которого потекла бы такая струя исцелений. Может быть, он с любовью взирает, как среди народа еще тверда и является вера в Бога, тогда как много теперь является волков, которые стараются оторвать народ от веры. Может быть, святитель для того и испросил себе такую силу обильных чудес, чтобы люди верили в Церковь Божию и утверждались в вере.

Всех чудес и не перечислить. Вот, между прочим, рассказывал мне наш казначей, недавно вернувшийся из Белгорода, что он видел, как глухонемой стал говорить и воспевать Бога. Несколько дней тому назад возвратился оттуда архимандрит Димитрий, синодальный ризничий, он рассказывал мне, что он видел мальчика скорченного по рукам и ногам, которого принесли ко гробу святителя, а оттуда он уже шел один, плача, и со слезами благодаря Бога и святителя Божия Иоасафа. Рассказывают, как у одной девочки сильно болел правый глаз: она опасалась лишиться зрения: и вот она слышит голос святителя, говорящий ей: «У тебя болит глаз? Я могу тебя исцелить!» — И вот она помолилась святителю и исцелилась. Сегодня я читал, как одна девочка долго болела, страдала, родители водили ее к различным докторам, но ничто не помогало. И вот она читает, как исцелился больной отрок, и говорит своей матери: «Мама, я более никуда не поеду, отвези меня к святителю Божию — он добрый. Он может меня исцелить!» И, действительно, родители отвезли ее, совершили у гроба святителя панихиду, и она исцелилась.

Да возможно ли перечислить все чудеса, совершенные святителем?

Радуюемся мы и благодарим Господа, что в наше скорбное время Господь дарует нам таких молитвенников, угодников, и мы можем просить у них помощи. И если мы, лобызая мощи святителя, будем стараться подражать ему, думаю, что он услышит нас. И аз, недостойный архиерей, скажу вам, от лица святителя Иоасафа: «Храните веру, любите Церковь Божию — и Господь Бог не оставит вас и в этой жизни, и в будущей, и дарует вам живот вечный».

При освящении храма на Сходне

*В праздник Рождества Пресвятой Богородицы (за литургией)
8 сентября 1911 года*

Сердечно поздравляю вас, возлюбленные братие и сестры о Христе, с вашим праздником и радуюсь, что Господь Бог привел меня совершить освящение этого благолепного храма. Всегда я радуюсь пасхальной радостью, когда приходится мне совершать освящение храмов Божиих, ибо сознаю, что среди всякого рода создаваемых домов нечестия создаются наши храмы, как бы крепости благодати Божией, новые места, где страждущий и скорбящий человек может находить себе утешение и отраду.

Но в особенности сегодня, в этот радостный праздник, радуется мое сердце. Ныне мы празднуем Рождество Божией Матери. Этот праздник дорог для всех христиан, а для меня он имеет особенную ценность, ибо в том селе, где я провел свое детство, храм посвящен Рождеству Пресвятой Богородицы. И я с самых ранних лет знаю всю службу Божией Матери и привык встречать, как Святую Пасху, этот праздник, когда Святая Церковь говорит: «Сей день Господень! Радуйтесь, людие: се бо света чертог и клас жизни из утробы произыде...»

Этот праздник близок всем христианам. В самом деле, мы празднуем Рождество Той, Которая сподобилась быть храмом Бога Живого, Материю Господа Бога Иисуса Христа. И вот, дорогие братие, в этот праздник мне пришлось совершить освящение вашего храма. Усердно молился я, да придет благодать Спасителя Бога и Его Пренебесной Матери на этот храм, и на всех благодетелей, и на всех молящихся и требующих помощи Божией и заступления Владычицы нашей Небесной.

Как вам, конечно, известно, когда Ей исполнилось три года, то Она была отведена родителями в Иерусалимский храм, и там, при храме, до 14 лет жила, пребывая в молитве и добрых делах, приготовляя Себя быть Материю Самого Бога. И пусть этот пример Матери Божией послужит всем нам на пользу. И мы, создавшие храм, будем прибегать ко Господу с молитвами, прошениями и благодарениями, ведь Сам Господь Бог сказал: *Дом Мой домом молитвы наречется* (Мф. 21, 13; Мк. 11, 17; ср.: Ис. 56, 7). Здесь, в храме, Господь Бог особенно слышит молитвы всех призывающих Его с верою.

Нужно ли указывать, как Господь слышит молитвы?

Например, преподобная Мария Египетская была величайшая грешница, но вот, усердно помолившись при храме, она делается величайшею праведницею. В Ветхом Завете святая Анна молилась Господу Богу о разрешении неплодства и получила просимое, так что от нее родился пророк Самуил (см.: 1 Цар. 1, 1–20). Первосвященник Захария молился и получил извещение, что у него родится сын — Предтеча Господень, святой Иоанн Креститель (см.: Лк. 1, 5–17). Грешник мытарь молился о прощении своих грехов и получил отпущение (см.: Лк. 18, 13–14). Да и как не слышать Господу Богу наших молитв? Ведь здесь благодать Божия! Ведь здесь во время Божественной литургии совершается величайшее Таинство! О дивное чудо! Сам Бог сходит к нам на землю, сходит, когда хлеб и вино пресуществляются в Его Тело и Кровь. И мы, грешные, не только созерцаем это Таинство, на которое с ужасом взирают ангелы, но дерзаем причащаться Тела и Крови Христовой. Здесь святые Божии, изображенные на иконах, показывают нам, что хотя они были и грешные и слабые, но с помощью Божиею могли сделаться святыми и праведными. Здесь Сам Господь беседует и говорит Свою святую волю. Удивительно ли, что в храме Божиим человек находит отраду, успокоение и утешение?

Нужны ли еще примеры? Вот, например, мать... Она потеряла любимого ребенка. Вся душа ее полна тоски, скорби. Кто может ее успокоить? Никто, кроме Господа Бога, Которого называют Утешением плачущих, Радостию скорбящих. Приходит она в храм, усердно молится и получает утешение.

Другой пример. Вот человек больной, горбатый. Мир таких презирает. Есть ученые, которые проповедуют, что таковых несчастных следует даже уничтожать. Для мира они презренны, а для Бога они дороги. Он утешает их Своими небесными радостями. Но телесные болезни еще не так тяжелы, как душевные. А кто из нас не испытывал этих последних? Представьте, вот стряслось горе, несчастье... Называть ли их, этих несчастных? Сколько их ходит по миру! К кому обратиться им? К людям? Но люди часто любят только тех, кто доставляет им радости, и отворачиваются от таких страдальцев.

Вот человек, с которым случилось несчастье, находится в отчаянии... А диавол уже нашептывает ему: «Надо прекратить жизнь самоубийством». Но вот приходит в храм этот современный мытарь, здесь доходит до него Слово Божие, и, как цветок раскрывается под лучами солнца, так точно благодать Божия входит в его сердце. Она успокаивает его, утешает его, он начинает чувствовать, что Господь милосерд и что Он готов всегда оказать помощь всем, кто будет с верою прибегать к Нему.

Но и без какого-нибудь несчастья, мы знаем, что самыми светлыми, самыми лучшими минутами в нашей жизни бывали те минуты, которые мы провели в храме Божиим после исповеди и причащения Святых Христовых Таин. Любите храм Божий! Любите молитву, усердно молитесь, и благодать Божия будет со всеми вами.

Благо тем, которые употребляют достатки свои на украшение храмов! Украшать храмы — это закон нашего сердца, любящего Господа и благодарного Ему. Ведь и пророк Давид говорит: «стыдно мне жить в роскошном дворце» (ср.: 2 Цар. 7, 2), и пророк Нафан благословляет его построить храм Божий. И царь Константин, когда вера христианская распространилась и сделалась господствующею, решил прежде всего построить храм — и построил великолепный храм, который называли «золотым»¹.

¹ Это храм Воскресения Христова, построенный святым равноапостольным царем Константином († 337) и матерью его Еленой († 327) над гробом Господним и освященный 13 сентября 335 года. В память этого события установлено празднование Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме (Воскресение словущее) — 13 сентября.

Конечно, сердцу человека отрадно подать милостыню ближнему, но еще отраднее подать на храм Божий. И Он, Господь Бог, благословит эту лепту, как благословил лепту бедной вдовицы — не только благословил, но и одобрил, а не осудил (см.: Мк. 12, 42–43; Лк. 21, 2–3). А о женщине, которая принесла сосуд драгоценного мира в дар Христу, Он сказал: *Она доброе дело сделала для Меня* — и пророчески возвестил: *Где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ея и о том, что она сделала* (Мф. 26; 10, 13; Мк. 14; 6, 9).

Благо тем, которые постарались украсить сей святой храм! Царство Небесное да будет и рабу Божию Иоанну! Молитва Церкви всегда будет о них, и Господь украсит их Своею Божественною славою.

Дорогие братие, на память о вашем сегодняшнем торжестве прошу принять от меня, грешного архиерея, по маленькому листочку духовно-нравственного содержания. Прочтете со вниманием и получите духовную пользу.

У образа святителя Иоасафа, епископа Белгородского

*В воскресенье, за литургией
11 сентября 1911 года*

Сердечно радуюсь, возлюбленные братие и сестры, что Господь привел меня помолиться вместе с вами и принести за всех вас Бескровную Жертву, призывая в помощники и сомолитвенники святителя Божия Иоасафа Белгородского и всея Руси Чудотворца, прославление которого так недавно совершала Святая Церковь.

Да, сегодня радуется Церковь земная и Небесная! Радуется Сам Спаситель наш, Господь Иисус Христос, ныне, ибо Он обрел верного раба Своего святителя Божия Иоасафа и поставил его не над десятью градами, но гражданином Своего Небесного Царства! Радуется ныне Церковь Небесная, все святые: апостолы, пророки, мученики, преподобные и праведные, ибо взошел к ним еще один святой Божий человек — земной ангел, небесный человек, святитель Божий Иоасаф! Наипаче же радуемся мы, грешные, живущие здесь, на земле, потому

что мы обрели нового помощника, нового чудотворца, нового целителя болезней душевных и телесных в лице святителя Божия Иоасафа!

Вы знаете, что святитель Божий еще раньше, и в особенности теперь, являет великие милости, исцеляет телесные болезни. Поистине мы можем сказать сомневающимся: «Прииди и виждь: ныне, как и древле, слепии видят, немые говорят, прокаженные очищаются и бесы изгоняются» (ср.: Ин. 1, 47; Мф. 11, 5 и Лк. 7, 22).

Вот, дорогие братие и сестры, ныне Господь сподобил и всех нас окружить сей святой образ святителя, освященного на его святых мощах, с частицею его гроба и одежды. Окружая сей святой образ, мы, как дети, окружающие своего отца, усердно помолимся святителю Божию, принесем ему наши скорби, душевные и телесные болезни и испросим себе у святителя исцеления их. А у кого из нас нет своих болезней, нет душевных страданий? Есть ли хотя один человек, у которого не было бы этих скорбей, у которого не было бы болезней? О, думаю и, наверное, скажу, не ошибаясь, что ни одного человека такого не найдется здесь среди нас.

И вот теперь вознесем молитвы наши святителю Божию Иоасафу. Он — милосердый, он — человеколюбивый, он в своей жизни не оставлял никого. Он ныне прославлен, он помолится за нас, он исцелит наши болезни душевные и телесные. Святителю отче Иоасафе, моли Бога о нас. Аминь.

Святитель Божий

*После молебна, в воскресенье
11 сентября 1911 года*

Сердечно приветствую вас еще раз, возлюбленные братие и сестры, с нынешним праздником святителя Божия Иоасафа. Мне хотелось бы, чтобы в этот многознаменательный день еще более запечатлели вы в своем уме и сердце образ святителя Божия Иоасафа. Для этого я попрошу вас принять в благословение от меня, грешного, по святому образочку, на котором изображены святитель Божий Иоасаф и Владычица наша Небесная, а затем попрошу принять на память о сегодняшнем

нашем торжестве по маленькому листочку, на котором излагается в кратких словах весьма многозначительное житие святителя. А кроме того, мне хотелось бы устно в самых коротких словах начертать его житие.

Святитель Божий Иоасаф происходил из знатного казацкого помещичьего рода¹ и родился 8 сентября, в самый день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, в 1705-м году. Родители его, несомненно, были люди благочестивые. Он, их сын, был плод их благочестивой жизни. Несмотря на знатность и богатство, отец его проводил жизнь суровую, а последние годы своей жизни провел в духовных подвигах, для чего он удалился в лес и тут, в лесу, в маленькой избушке проводил время в посте и молитве. Очевидно, и святитель Божий Иоасаф с самого раннего детства уже готовился быть великим подвижником. Так рассказывают в его житии, родители его часто устраивали роскошные празднества, на которых предлагали богатые трапезы для своих родных и знакомых. На этих пиршествах должен был присутствовать маленький их сын Иоаким (это было мирское имя святителя Иоасафа). И вот, когда разодетые слуги разносили соседям богатые и лакомые блюда, будущий святитель Божий от всего отказывался и вкушал только корку черного хлеба.

Рассказывают, что в имении, принадлежавшем его отцу, сохранилась пещера, в которой отрок по ночам молился Господу Богу.

Рассказывают, между прочим, о видении, бывшем его отцу, когда отроку было 11 лет. Однажды отец его размышлял о своем сыне: он стал рисовать в своих мечтах, чем будет впоследствии его сын. Ему представлялось, что сын его будет богатым, знатным человеком, достигнет высоких степеней... И вот он видит, как будто небеса отверзлись, и в неопisanном сиянии он видит своего маленького сына Иоакима на коленях, молящегося, с воздетыми к небу руками; над ним появляется Сама Царица Небесная и говорит ему: «Твоя молитва

¹ Святитель Иоасаф происходил из известного малороссийского рода Горленко. Его прадед, дед и отец носили звание полковника Прилукского казачьего полка. Прадед и дед святителя получили от Государей значительные земли в Черниговской области, наследованные его отцом Андреем.

приятна и угодна Мне», и в это время спускаются два ангела и покрывают отрока мантиею. Понял тогда отец его, что не мирские почести и слава ожидают сына его, а тяжелые подвиги и святительский сан.

После десяти лет отрок был отдан в Братский монастырь учиться, где в то время обучались дети знатных казаков. По окончании курса у него явилось желание поступить в монастырь. Он ушел в Межегорский монастырь и 22 лет принял монашество¹. Затем он был сделан настоятелем Лубенского монастыря, а затем, еще через несколько лет, назначен наместником Сергиевой лавры, где прожил три с половиною года. Троицкая лавра в это время была опустошена пожаром и представляла из себя печальное зрелище. Архимандрит Иоасаф всю ее благоустроил, восстановил после пожара. Если, дорогие братие, придется вам быть в Сергиевой лавре, если придется услышать четырехтысячный пудовой колокол лаврский, если вам придется быть в Успенском соборе, если вы будете любоваться прекрасною лаврскою колокольнею, то знайте, что все это устроил наместник архимандрит Иоасаф.

Затем, через некоторое время, он принял хиротонию архиерейскую и наименован епископом Белоградским. В то время это была большая епархия, заключала в себе губернии: Киевскую, Курскую и Подольскую. В ней было более тысячи церквей. С первых дней своего служения он начал благоустройство своей епархии. Он был начальником строгим, карал служителей Божиих, но в то же время он был полон любви и миролюбия. Рассказывают, он потихоньку старался творить дела милосердия. Так, рассказывают, жила в одном месте бедная вдова, и вот святитель сам ночью рубил дрова и складывал их у порога ее жилища. Существует много рассказов о его тайной благотворительности, совершаемой им бедным белоградским жителям. Рассказывают, что он однажды пострадал

¹ Не получив родительского благословения на монашество, Иоаким тайно от родителей удалился в уединенный Киевский Межегорской монастырь, где на двадцатом году был пострижен в рясофор с именем Илариона. Узнав об этом, родители простили его и послали ему благословение. Спустя еще два года, 21 ноября 1626 года, будущий святитель был пострижен в мантию с именем Иоасафа в Киево-Братском монастыре.

от своего сторожа: однажды он ушел ночью, чтобы оказать помощь бедным, а когда он возвращался, то сторож принял его за вора и стал бить весьма жестоко. Несомненно, он был удостоен видений, чувствовал скорби человеческие, ему открыто было будущее, иногда он чувствовал святость Божию. Так, говорят, обозревая епархию, он остановился ночевать в доме одного сельского священника. Ночью он почувствовал необъяснимый страх. Он встал с постели, стал ходить по комнате, не понимая, почему происходит этот страх. И вот он стал рассматривать находящиеся в этой комнате предметы. Он увидел на полочке что-то завернутое в бумажку. Развернул и ужаснулся: это были Святые Дары. И понял тогда святитель, почему он почувствовал страх. Он перенес эти Святые Дары на стол и всю ночь перед ними молился.

Но не тем прославился святитель Божий, что он был усердным и разумным начальником. Он прославился внутренними подвигами, он прославился тайною, подвижничеством, жизнью, известною только одному Господу Богу. Мы знаем и наверное можем сказать, что святитель проводил свою жизнь в молитве, во внутреннем очищении своего сердца и своей души. Так, рассказывают, он настолько был внимателен к себе, что постоянно вспоминал о страшном часе смертном, который ожидает нас. Он каждый час молился следующей молитвою: «Буди благословен день и час, в он же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смертью пострада. О, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в час смерти моя прими дух раба Твоего, в странствии суща, молитвами Пречистыя Твоя Матере и всех святых Твоих, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

И вот, наконец, закончилась его многотрудная подвижническая жизнь¹.

После его смерти тело не было погребено почти два с половиной месяца и оно не предалось тлению². И до сих пор осталось нетленным. От его гроба стали истекать великие чудеса.

¹ Святитель почил о Господе 10 декабря 1754 года.

² Тело святителя Иоасафа оставалось непогребенным в ожидании прибытия посланного на погребение Переяславского епископа Иоанна (Козловича), задержавшегося из-за сильного разлива вод.

Великие, говорю, потому, что последнее время особенно много происходит чудес от его гроба — более четырехсот чудес уже записано, а кто исчислить может незаписанные чудеса!

Недавно возвратился из Белгорода архимандрит Димитрий, синодальный ризничий. Он мне рассказывал, что видел мальчика, скорченного по рукам и ногам, которого принесли ко гробу святителя, а оттуда он шел уже один. И говорит архимандрит: «И плачет, и смеется, и радуется, и благодарит Бога и святителя Божия этот исцеленный мальчик». Рассказывал казначей нашего Богоявленского монастыря, что он видел одну девочку, которая от детства была глухонемой; но когда положили на нее покрывку с головы святителя Божия, то ее глухота прошла — а ведь она грозила остаться на всю жизнь. Рассказывают, что одному глухонемому явился святитель и сказал: «Что же ты не обратишься ко мне? Я имею великое дерзновение ко Господу и могу помочь тебе, и ты будешь исцелен... Я — святитель Божий Иоасаф».

Рассказывают, как одна девочка по имени Евгения долго была больна, родители ее возили ее на Кавказ, лечили электричеством, ничто не помогало. Вот она слышит, как читали в газетах, что святитель Божий помог одному мальчику. Тогда девочка говорит матери: «Мама, я более никуда не пойду, я не хочу принимать никаких лекарств, свезите меня к святителю Иоасафу, я уверена, что молитва моя будет услышана, как того бедного мальчика, которого он исцелил». И вот гувернантка ночью слышит, как девочка с верою взывает: «Святитель Божий, помоги мне, я верую, что ты поможешь мне». Когда этого ребенка отвезли к святителю и отслужили молебен, то святитель оказал ей свою помощь и она исцелилась.

Да, великое светило взошло на небе Церкви Божией! Разве не величает его Церковь земная? Вы видите, какие чудеса творятся. Да, братие, говорю я, конечно, у всякого из нас есть свои скорби и болезни, и мы радуемся, что приобрели еще нового предстателя и молитвенника в Церкви Божией. Усердно будем молить святителя Божия: «Святителю Божий, помоги нам, наипаче же обрати заблудших членов Церкви Божией, да никто из них да не погибнет». Усердно, радуясь, будем воссылать хвалебные песни святителю.

О грехе осуждения

*На тот же праздник (за всенощным бдением)
13 сентября 1911 года*

Или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал (Лк. 23, 40–41), — такие обличительные речи сказал один из двух разбойников, висевших с Господом, обращаясь к своему собрату, распятому вместе с ним. Но тот настолько привык к пороку, настолько был осквернен злом, что и дни свои пожелал закончить в неверии и отчаянии.

Но мы так же бываем глухи к этим обличительным словам благоразумного разбойника, как оказался его собрат, пренебрегший этими словами разбойника, которые Златоуст называет «учением со креста». Пренебрегаем этим наставлением разбойника, которого Христос первого ввел в рай. Первый он удостоился рая! — За что же? Да вот именно за то, что он сам освятил себя пред лицом Высшей Правды. Он понял, что суд человеческий иногда бывает несправедлив: и невинный может быть осужден, и виновный оправдан. И вот, пред лицом смерти, готовясь предстать на Суд Божий, он осуждает себя и старается на то же направить своего собрата.

Дорогие братие и сестры, не правда ли, как часто бывают подобные примеры среди нас. Как часто какой-нибудь человек, весьма грешный, не прочь осудить своего собрата. Как часто бывает, что люди осуждают и злословят своих ближних — не только виновных, но и невинных, не только счастливых, но и несчастных. Святой апостол Павел, предостерегая от этого порока, говорит: Зачем осуждаем мы своего брата? Ведь все мы предстанем пред судилищем Христовым?.. (ср.: Рим. 14, 10).

Зачем мы осуждаем? Разве не настанет тот час, когда мы предстанем пред Судом Божиим, и откроются тогда наши не только дела, но и мысли? Вспомните, Сам Спаситель говорит апостолам: *Не судите, да не судимы будете* (Мф. 7, 2). Будем это помнить.

Но каким образом избавиться нам от этого греха? На это отвечает святой: «Старайтесь, чтобы не осуждать других, а осуждать себя». В самом деле, без осуждения не может быть и самооправдания. Не правда ли, это можно заметить на детях? Дети, которые стараются скрывать свои поступки, впоследствии выходят лживыми и несправедливыми. С другой стороны, человек, который осуждает себя, он уже полагает начало своему самоисправлению. Он стремится к борьбе с самолюбием, а земные страсти считает незаслуживающими внимания. И вот, кто осуждает себя, тот достигает чувства покаяния и умиления, и у него является молитва. Он, как мытарь, взывает: *Боже, милостив буди мне, грешнику* (Лк. 18, 13). И милосердый Господь отвечает на эту молитву оправданием: «Чадо, отпускаются тебе грехи».

Вот почему и этот благоразумный разбойник прежде исповедал себя, осудил, а затем уже воззвал ко Господу: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем*, и услышал благословенный голос оправдания: *Истинно говорю тебе, со Мною днешь будеши в раю* (Лк. 23, 42–43).

Дорогие братие и сестры, и мы, в эти священные минуты, лобызая язвы Христовы, будем стараться чаще заглядывать в свое сердце, чтобы осветить весь гнездящийся там грех. И осудим себя. И тогда со умилением воззовем: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Аминь.*

Слово при отпевании Н. С. Перлова¹

23 сентября 1911 года

Помолимся, дорогие братие, о упокоении души усопшего брата нашего. Поистине можно сказать: «О чуде! Что сие еже о нас бысть таинство? Како предахомся тлению? Како сопрягохомся смерти?»² В самом деле, вот вчера еще был жив человек, беседовал с нами, а ныне он умер, он лежит во

¹ Опубл. в: [40], с. 384–385.

² Последование погребения, стихира самогласна, творение Иоанна Дамаскина, глас 8-й.

гробе. Да, поистине, смерть есть таинство. Если бы человек умирал постепенно, при постепенном истощании своих сил, тогда смерть можно было бы объяснить как простое явление физической природы. Но это смерть человека, полного сил, полного деятельности, невольно смущает дух.

Но здесь утешением служит вера: милосердый, человеколюбивый Господь тогда берет душу человека, когда она более всего подготовлена к вечности. Так спелая пшеница собирается в житницу, так спелый плод снимается с дерева.

Также утешением служит воспоминание о добрых качествах почившего, о его милосердии, о его радушии, которое соединяло вокруг него его друзей, а, в особенности, его глубокая вера. Да, дорогие братие, я сам был свидетелем этой живой его веры. Я по собственному желанию и по приглашению его друзей был у него за несколько дней до его смерти, беседовал с ним, причастил его Святых Таин и никогда не забуду, с какою верою, с какою духовною радостью он согласился причаститься. А надо сказать, у многих больных это причастие смущает душу, а затем, как он горячо молился во время чтения причастных и после причастных молитв! Скажу откровенно, я не мог удержаться от слез. Я тогда сказал ему: «Знаете ли, Николай Семенович, я Вас всегда любил, а теперь еще более полюбил Вас, видя Вашу глубочайшую веру, смирение, покорность воле Божией».

И вот последним утешением может служить для нас то, что для любящего сердца нет смерти, что любовь не умирает, что ее нельзя заключить во гробе, что для глаз только человек умирает и разрушается, а для сердца верующего он не умирает и будет жить, пока бьется сердце.

И вот, дорогие родные, друзья и знакомые, соединимся вокруг этого гроба как бы в одно семейство и вознесем о нем молитвы. Ты же, милосердый Господи, прими его душу и упокой его с праведными, ибо к Тебе он взывал в час смерти своей. Аминь.

О скорой помощи святых

*В день преставления
преподобного Сергия Радонежского, Чудотворца
(за литургией)²
25 сентября 1911 года*

Усердно помолимся в этот светлый и радостный праздник преподобного Сергия! Усердно помолимся ему пред его святым образом, пред его схимою и частию его святых мощей, имея его как бы друга, находящегося среди нас. Ты же, отче, не забуди посещати чад своих, якоже обещался еси.

Крепка, нерушима наша духовная связь с преподобным и богоносным отцом нашим Сергием. Сколько народа, сильного простотою своей веры, идет к его раке, к его цельбоносным мощам. Сколько душ, истомленных и изнемогающих в борьбе с житейским горем, ищут успокоения, отрады и утешения в молитве к нему... И верится, что он не оставит нас, что он ныне уже не игумен Радонежской обители, а игумен всего русского народа, которому он служит, как купленный раб, печется и заботится о нем, как любящий отец.

И не правда ли, как светло и радостно знать, что у нас есть небесные покровители и помощники, как преподобный Сергий? Ведь связь Церкви Небесной и Церкви земной — постоянная, твердая и устойчивая; ведь все мы составляем одно Тело Христово и имеем одну Главу — Христа Спасителя. И, как в теле человеческом, так и в Церкви все члены ее сострадают, соскорбят и сорадуются друг другу. И, по выражению святителя Иоанна Златоуста, если Господь не возгнушался быть Главой нашей Церкви, то тем более мы, ее члены, не должны гнушаться друг другом, мы должны служить и помогать друг другу.

О, несомненно, вспоминая день памяти преподобного Сергия и усердно молясь ему, мы верим, что и он молится за нас Господу Богу, стараясь облегчить наши скорби, болезни. Ведь для них, как бесплотных духов, открыты наши души; они знают, какие ухищрения делает нам диавол, чтобы отлучить нас от спасения; они борются и стараются помогать нам.

² Оpubл. в: [40], с. 281–283.

Ведь земная жизнь преподобного Сергия была одно человеколюбие и милосердие; а теперь, когда он близко предстоит престолу Небесного Царя и наслаждается небесными благами, и имеет дерзновение молиться за нас — [тем паче]...

И это закон нашего сердца: когда человек счастлив, он желает, чтобы все были счастливы. Точно так же и на небе: все святити, и преподобный Сергий, в том и находят счастье, чтобы делать счастливыми нас, своих собратий. И как скоро они приходят нам на помощь! В самом деле, если мы имеем земных помощников, и когда приходится нам переплывать моря, посещать другие города, стучаться в двери, то едва ли мы дождемся помощи... А небесные покровители, они всегда нас слышат. У кого есть вера, тот твердо верит, что они во мгновение ока могут исполнить желание нашего сердца. И верим мы, что преподобный Сергий по молитвам верующих исполняет их молитвы и совершает чудеса.

Сколько чудес изливается от мощей преподобного Сергия! Недаром Святая Церковь воспевает: «Твои мощи, яко благоуханный цвет, благоухают и всем верующим источают исцеления»¹. Недаром Святая Церковь называет его избавителем напастей и скорым помощником.

Будем усердно молиться преподобному Сергию; но в то же время будем помнить, что только тогда молитва наша будет угодною и будет приятна преподобному Сергию, если мы будем стараться подражать ему в нашей жизни. Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Одно знай, что только тогда ты будешь иметь право получить просимое, когда ты раскаяешься в грехах, будешь очищать свое сердце от зла и порока».

Будем молить о предстательстве за нас преподобного Сергия: «Ты же, отче святыи, помогай нам и не забуди, якоже обещался еси, посещати чад своих»². Усердно будем просить его всегда, а в особенности в этот священный час, когда мы

¹ Ср.: «...Честныя мощи твоя нетленны обретошася, яко благоуханный цвет, множеством чудес сияюще, и всем верным источающе различная исцеления...» (кондак на обретение мощей, 5 июля, глас 8-й).

² Ср.: «Поминай стадо, еже собрал еси, мудре, и не забуди, якоже обещался еси, посещая чад твоих, Сергие преподобне отче наш» (тропарь преподобному Сергию, глас 4-й).

тесно окружаем его святой образ. Так будем просить и молить тебя, преподобный отче Сергие, как бы видя тебя присутствующим среди нас: усердно просим и молим тебя о мире душевном.

В день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова

*За литургией
26 сентября 1911 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братие, с вашим престольным праздником и радуюсь, что Господь снова привел меня помолиться вместе с вами и принести за всех вас Бескровную Жертву в день памяти святого евангелиста Иоанна Богослова, любимого Господом ученика.

Сегодня мы празднуем день его преставления. Но преставился ли он? Умер ли он действительно? Вот неожиданный вопрос, который я хочу вам предложить. Но он имеет основание в Святом Евангелии. Там говорится, что прошел слух, что любимый Господом ученик, Иоанн, не умер (см.: Ин. 21, 23). Этот слух основан на словах Господа Иисуса Христа, Который на вопрос апостола Петра: *А он что?* — сказал: *Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того* (Ин. 21, 21–22). Видите, так сказал Господь апостолу Петру на вопрос, что будет с этим учеником. И таким образом Он действительно предсказал, что Иоанн Богослов не умрет и будет пребывать до второго пришествия Господа. И в тех духовных песнопениях, которые мы вчера слышали за всенощною, мы находим подтверждение сему. Там поется: «Ты, от земли отшед, земли не отлучился еси, но живещи и второе пришествие Спасово ожидаеши»¹.

Таким образом, если иметь в виду это предсказание, то, действительно, апостол Христов не вкусил смерти. Под

¹ Ср.: «Ублажим Иоанна приснопамятного, от земли преселяющагося, и земли не отступающаго, но живуща, и ждуща страшное Владыки второе пришествие» (служба на преставление святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, 26 сентября, на малой вечерни, стихира на Господи воззвах, на «Слава»).

смертию мы подразумеваем отделение души от тела — но такового с ним не случилось. Но если подразумевать удаление его от земли, то он невидим для людей со второго столетия.

Что он не вкусил смерти, свидетельствует церковное предание. Оно говорит: когда ему было более 100 лет, он повелел выкопать ему могилу, лег в нее и велел засыпать его землей. И когда на другой день ученики пришли к его могиле, то они не нашли там его тела. И поняли они, что исполнилось то, что о нем говорил Господь — что он не вкусит смерти, подобно Пресвятой Деве Марии и некоторым святым Божиим.

Это открывается из того наименования, которым называл его Господь. Он носил имя *ученика, его же любляше Иисус* (Ин. 21, 20). А Спаситель любил его не за внешние преимущества, ибо Он любит только тех, которые творят волю Отца Небесного. Он Сам сказал: *кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат и сестра и мать* (Мф. 12, 50). А апостол именно творил волю Божию и назывался Богословом...

И мы, кончившие свое учение в духовных академиях, именуемся богословами. Но, увы, богословие для нас — только одно внешнее знание, а для него оно все проникало в душу.

А Бог есть свет — и душа апостола была проникнута светом! Бог есть любовь — и душа апостола была проникнута этою любовью! Вот это-то сочетание света и любви проникало во все его существо, и он не вкусил смерти. И удивительно ли то, как Христос Спаситель Своею смертью и Воскресением победил смерть. *Где твое, смерте, жало? Где ти, аде, победа?* (1 Кор. 15, 55). Это смертоносное жало уничтожено победою Христа над смертью. И это мы видим над некоторыми святыми людьми. В самом деле, что истлевает? И что может быть ужаснее тления человеческого тела? А между тем тела святых остаются нетленными, благоухающими, источают исцеления верующим и скорби их разрушают. Разве эти тела мертвые? Разве мертвы преподобный Сергей, преподобный Серафим, когда к ним прибегают верующие? Разве вы лобызаете их мертвые тела? Нет, они живы и будут вечно жить. Им мы открываем нашу душу, наши скорби, наши страдания, наши

болезни... И, о дивное чудо, эти тела исцеляют болезни, источают избавления.

Более четырехсот чудес записано от святителя Иоасафа¹, а сколько еще не записано! Сколько всего чудес, известно одному Господу Богу да исцеленным. Скажите, разве для несчастной девочки, страдавшей снедающей золотухой, гниющей в ранах, разве святитель Иоасаф был мертв, когда она простирала к нему свои ручонки и взывала от своего чистого страдающего детского сердца: «Святитель Божий, помоги! Святитель Божий, исцели! Тебе все возможно!»? Святитель услышал ее, и он ее исцелил. Такова сила молитвы!

Дорогие братие, если мы будем стремиться к Богу, если будем стремиться к небу, к любви Божией, то и мы, несомненно, после нашей кончины перейдем в вечную жизнь и будем вместе с праведными в вечной жизни, в вечной славе, в вечной любви, в вечной радости. Аминь.

В праздник иконы Божией Матери «Избавительница»

*За литургией
17 октября 1911 года*

В этот день, посвященный Царице Небесной, мне вспоминается об одном исцелении из Ее многочисленных, как песок морской, чудес, о котором мне рассказывал недавно один благочестивый схимник, временно проживающий здесь, в Москве. Ему приходилось нести послушание чередного иеромонаха в Казанском монастыре; приходилось много, почти каждую седмицу, путешествовать с чудотворным образом Богоматери по разным городам и селам и, несомненно, быть свидетелем многих чудес, от Владычицы нашей Небесной полученных, которые сохранились у него в памяти, и некоторые из этих чудес он поведал мне.

Но вот вспоминается мне одно из этих многочисленных чудес; вспоминается потому, что оно было совершено над

¹ Церковное прославление святителя Иоасафа совершилось 4 сентября 1911 года.

маленьким ребенком, а Владычица наша Небесная чрез Свой чудотворный образ [«Избавительница»], главным образом, помогает болящим детям¹. Вот об этом-то чуде я и хочу вам рассказать.

Это было в одном бедном селе, население которого состояло большею частью из крещеных татар и наших русских. Там проживала одна бедная вдова, имевшая единственного ребенка, сына. Это дитя было очень благочестивое и кроткое. Но вот однажды случилось с ним горе — оказалось, он повредил глаз. Глаз стал пухнуть, гноиться, затем как бы задернулся пленкою, каким-то наростом и, таким образом, перестал видеть. Велико было горе бедной матери. К кому обратиться? К доктору?.. Но она была очень бедна, и не с чем было ей обратиться к нему. Да и какой доктор найдется в этом захолустье?

Но вот однажды приносят в это село образ Богоматери. С великою верою и усердными молитвами обращается вдова к Той, Которая именуется Исцелением болящих, Радостью скорбящих, Утолением всякия печали. И вот она становится на колени пред иконою Богоматери и говорит своему сыну: «Молись, сынок, Божией Матери, и Она тебя исцелит». И тотчас он, в простоте сердца, стал пред иконою и начал усердно молиться Царице Небесной. Он взывал: «Матушка небесная, дай мне глазок! Матушка небесная, дай мне глазок!» И, о дивное чудо! Его как будто чем сотрясло. И он упал лицом на землю, и с его глаза спал нарыв и выпала заноза, которою он занозил глаз и которая причиняла ему боль. Велика была радость матери, и велика была радость ребенка. Велика радость была и монаха, который был свидетелем этого чуда.

Дорогие братие и сестры, и мы ныне, как дети, окружая образ Богоматери, будем молиться Той, Которая видит наши

¹ Икона Божией Матери «Избавительница» первоначально находилась в Русском Пантелеимоновом монастыре на Святой горе Афон; одним из первых чудес, которыми прославилась эта икона, было чудо исцеления умирающего мальчика из греческого селения Мавровуни. В 1889 г. она была отдана в благословение новоустроенной тогда Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители на Кавказе, в пределах Российской империи. Празднование 17 октября было установлено в воспоминание чудесного спасения Государя императора Александра III с его семейством при крушении поезда 17 октября 1888 г.

скорби, наши страдания, наши болезни... А тяжелы, жгучи, нестерпимы иногда бывают наши скорби, и страдания, и болезни. Принесем их к Ней, возложим их пред Нею. Скажем Ей: «Царице моя Небесная, Радосте скорбящих, Ты видишь мои скорби, Ты видишь мои страдания, мои болезни, помоги мне. Обиду, причиненную мне диаволом, Ты знаешь, направи меня на истинный путь».

Так будем взывать к Ней и верить, что придет час, и Она услышит нас. А если Она не тотчас исполняет наши молитвы и не тотчас избавляет нас, то потому, что многим болезни и страдания гораздо полезнее. Будем всегда верить, что дух веры, благоговения, пламенной молитвы растет и укрепляется не от радостей житейских, а от слез и скорбей и телесных болезней.

Матерь наша Небесная, Царице Небесная, помогай всем нам.

Не к мирской, а к вечной славе

В праздник Казанской иконы Божией Матери

(за литургией)

22 октября 1911 года

Сердечно поздравляю вас, братие и сестры, со светлым и радостным праздником Пресвятыя Богородицы! Светло и радостно мы празднуем его. Этот свет — отблеск того света, в котором пребывает Пресвятая Дева! Эта радость — отзвук той радости, которой удостоилась Богоматерь! «Достойно есть величати Тя, Богородице!»¹

Но не только в этот праздник и в другие Богородичные праздники, но и каждый день Святая Церковь вспоминает Пресвятую Деву во время богослужений. На утреннем богослужении она воспевает Ей ту песнь, которую воспела Пресвятая Дева при посещении сродницы Своей Елизаветы (см.: Лк. 1, 39–56). И конечно, каждый из нас знает ее, она начинается такими словами: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем». На литургии, после самой торжественной минуты, когда хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христову, Святая Церковь вспоминает Ту,

¹ Первые слова из величания Пресвятой Богородице.

от Которой родился Христос Спаситель: «Достойно есть яко воистину величати Тя Богородицу... Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим...» Знаю таких людей, и их немало, которые ежедневно совершают чтение акафистов Божией Матери, читают Ей особые молитвы. Есть такие обители, в которых монахи при бое часов каждый час встают и читают молитву Божией Матери: «Достойно есть величати Тя, Богородице!»

За какие же достоинства мы величаем Пресвятую Деву и празднуем Ей? Прежде всего за то, что Она родила Господа Бога. Без Его рождения мы были бы несчастны, мы были бы обречены на вечную смерть. Молись, христианин, Ей как Матери Того Господа Бога!

Затем, из всех жен, Она, Дева, бедная сирота, неизвестная никому, была избрана Господом Богом за свои великие добродетели быть Матерью Самого Господа. Молись же, христианин, Той, Которую избрал Сам Господь Бог, яко чистейший сосуд, быть Матерью Христа Спасителя.

Затем, мы прославляем людей, которые отличаются какими-нибудь талантами. А Пресвятая Дева отличалась такими талантами, добродетелями — любовью, смирением, кротостью, покорностью воле Божией, — так что превзошла самих ангелов и архангелов. Молись, христианин, Матери Христа Бога, превзошедшей своими добродетелями херувимов и страшных¹ серафимов.

Наконец, мы прославляем людей, которые близки нам, которые оказали нам какую-нибудь великую пользу. А скажите, кто более Пресвятой Девы оказал милостей и добрых дел роду христианскому? Как песок морской они многочисленны и разнообразны. Недаром Она именуется Радостью скорбящих, Утолением печали и Кормительницею вдов и сирот, Умягчением злых сердец, Надеждою ненадежным, то есть надеждою потерявших всякую надежду, — ибо во всех случаях человеческих немощей, болезней и скорбей Она являла и являет Свою скорую помощь. Прославь, христианин, Пресвятую Деву — нашу Радость, скорую Помощницу нашу и Исцелительницу!

¹ «Страшных» в славянском означало и «приводящих в изумление, дивных».

Да, недаром воспевают Святая Церковь: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу... Честнейшую херувим и славнейшую... серафим!...»

Но искала ли Пречистая Дева этой славы? Нет! Она была смиреннейшая из всех дев, рожденных женами. Сирота, хотя царского рода — захудавшего, обедневшего, — обреченная на попечение восьмидесятилетнему старцу, Она все время употребляла на чтение Священного Писания. Раз Она читала книгу пророка Исаии и особенно остановилась на том месте, где говорится: *Се, Дева во чреве приимет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил* (Ис. 7, 14). «О, как желала бы Я быть хотя последнею служанкою у Той Девы, которая удостоится быть Матерью Бога», — сказала Она. Но вот является к Ней ангел, возвещает Ей о рождении от Нее Спасителя Бога. Она только склонилась смиренно пред волею Господа Бога: *Се, раба Господня; да будет Мне по слову твоему* (Лк. 1, 38). Но ни малейшей тени превозношения, ни малейшей тени кичения не выразила Она, одна покорность воле Божией слышалась в Ее словах.

А затем, когда Сын Ее возрос и стал приносить Свою жизнь на служение народу, стал воздействовать на него, народ стал Его возносить как учителя и хотел провозгласить Его царем. И здесь Она не превозносится, видя славу Сына Своего. И здесь мы видим Ее только на браке в Кане Галилейской, а затем при Кресте Ее Сына — когда Ее Сын, поруганный, обнаженный, всеми оставленный, обливаясь кровью, висел на Кресте.

Да, путем величайшего самоусовершенствования, величайшего смирения, величайших скорбей дошла Пресвятая Дева до той славы, в которой Она теперь пребывает.

Дорогие братие и сестры, в наше теперешнее время, время мирских страстей, мирской славы, к какой славе здесь, на земле, стремятся люди?.. Они стараются достигнуть этой славы различными способами: кто чрез различные чины, кто чрез свои, хотя и малые, таланты, а иногда даже и мнимые, а кто, скажу, к стыду нашему, внешним своим благочестием. Но чего эти люди достигают? Может быть, в продолжение нескольких лет, в лучшем случае, прославляемы будут они

своими современниками; а затем умирают, исчезает их слава. А иногда люди изменяют им, ожесточаются, критикуют их действия, воздвигается озлобление, вражда из-за их денежного наследства и так далее. Недаром преподобный Иоанн Дамаскин над гробом умерших восклицает: «Вся суета человеческая, елика не пребывает по смерти: не пребывает богатство, не сшествует слава...» И далее восклицает: «Помянух пророка вопиюща: аз есмь земля и пепел; и паки разсмотрих во гробех, и видех кости обнаженны, и рех: убо кто есть царь, или воин, или богат, или убог, или праведник, или грешник?»¹ Все в равном достоинстве, все кости одинаковы, всех сравняла смерть. И только те, которые полагали, что в сердечной чистоте заключается счастье и радость, — поистине только те блаженны. *Дажь Ми, сыне, твое сердце* (Притч. 23, 26), то есть старайся об очищении твоего сердца от зла и порока, молись усерднее Царице Небесной, и ты будешь счастлив. И если у тебя есть достоинства, то ты прославишься, как прославились преподобный Сергей, преподобный Серафим и многие другие. Не Владычица ли наша Небесная, Пресвятая Дева, помогает нам? Она не увлекалась суетной славой, этой мирскою славою, а стремилась к вечной славе, приобретая ее путем подвигов. Она и достигла этой славы путем подвигов, и была поставлена превыше херувимов и серафимов. Аминь.

— 1912 —

Слово, сказанное воспитанницам церковно-учительской школы в с. Богородское Тульской губернии (в имени В. К. Саблера)

3 июня 1912 года

Радостно мне было совершать сегодня богослужение среди вас, возлюбленные сестры, и всегда моему сердцу доставляет особое утешение совершать Божественную службу и беседовать среди учащейся молодежи. С одной стороны, — в юных

¹ Последование погребения, стихиры самогласны Иоанна монаха (Дамаскина), глас 3-й и 5-й.

залог развития и крепости нашего общественного организма. Юность — наша надежда. За кого же и не помолиться поэтому, как за тех, которые призваны в будущем совершенствовать нашу жизнь. С другой стороны, — юные души и сердца восприимчивее к словам божественной истины; все высокое, все истинно прекрасное, что заключается в христианстве, — все находит себе отзыв в неиспорченном еще сердце молодого человека. Много раз испытал я это в моих беседах и сношениях с молодыми людьми, как их воспитатель и руководитель, и поэтому я не могу верить словам одного писателя-юноши, который свидетельствует, что «его поколение юности не знает, — юность стала сказкой миновавших дней». Это, по моему убеждению, неправда, и хотя, конечно, встречаются прежде времени одряхлевшие душой молодые люди, которые потеряли всякий интерес ко всему возвышенному и благородному и смысл жизни видят лишь в одних грубых наслаждениях и в разных преимуществах житейских, но это исключение, а громадное большинство по-прежнему горит священным огнем любви к людям, благородства, справедливости, большинство по-прежнему воспламеняется желанием осуществить эти высокие начала в жизни, оказывать истинную пользу людям.

И благо вам! Несите свет к людям, но не забывайте только всегда, что для созидания счастья людей мало лишь одного желания, — необходимо уметь его осуществить. А для этого необходимо каждому человеку иметь в душе высшее начало жизни, высший свет, который принес нам Христос. Это христианское начало требует от нас самоотвержения и самоотречения. Самоотвержение заключается в постоянной борьбе со злом, гнездящимся в душе каждого из нас, в его преодолении с помощью благодати Божией и молитвы, в усвоении Христовых добродетелей, — только тот может принести истинное добро людям, кто победил в себе зло, гордость, чувственность и укрепился в добре, любви, смирении.

«Поверь мне, — сказал один инок одному молодому монаху, назначенному начальником учебного заведения, — ты можешь сделать добра людям лишь постольку, поскольку это заключается в твоей собственной душе. Иди, трудись и всегда

это помни!» Этим путем и шли все святые люди Божии. Вот почему они и получали величайшие дарования: утешать страждущих духом, согревать своей любовью оледеневшее сердце озлобленного человека, восстановить к новой жизни падших и отчаянных и веселить светлой надеждой унывающих. Этим объясняется, что они, будучи в самых тяжелых обстоятельствах жизни, всегда были полны светлой радостью и ее разливали вокруг себя. Таков был, например, преподобный Серафим, таков был старец Оптиной пустыни Амвросий, которого я знал лично. Иначе, стремясь лишь к одной внешней деятельности и оставаясь по-прежнему в душе своей злыми, жестокими, гордыми, люди никогда не сумеют в духовной нужде помочь страждущему брату.

Как искренно молился я о том, чтобы все мы подражали им в своей жизни!

Не значит это, что я зову вас к пустынножительству, — это дорога только немногих людей исключительного призвания, но чтобы, подобно им, стремились к духовному христианскому совершенству. Тогда, и только тогда вы будете истинно полезны людям в общественной ли, в семейной ли жизни.

Помогай же всем нам, святой угодник Божий Серафим, молясь тебе, усвоить и твои великие добродетели!

И в то время, когда я с вами говорю, мне ясно рисуются картины из его жизни. Вот представляется мне посреди глухого, дремучего леса маленькая деревянная келья святого, глухая осень, темная ночь. Жутко в это время в лесу, пронзительно завывает ветер, раздается вой голодных волков. Страшно! Но святой пустыжник ничего не страшится, он на коленях стоит пред образом, пред которым мерцает восковая свечка и едва теплится лампада, погруженный в чтение священных книг и молитву.

И в то время, когда у каждого из нас душа полна была бы смертельным страхом от сознания своего одиночества среди глухого леса, своей беспомощности, у святого пустытника светло и ясно на душе.

Не устрашают его ни грозные явления природы, ни страшные нападения злых духов; иногда ему казалось, что он слышит

за стеной вой зверей, что точно скопище народа ломится в его двери, что рвутся к нему звери со страшным ревом.

Святой пустынник ничего не боялся — ни злых духов, ни злых людей. Однажды к нему ворвались трое злоумышленников, избили его, истерзали, окровавили, ища денег, которых у старца никогда не было, и тем не менее старец снова возвратился в свою излюбленную пустыньку, прося только, чтобы не преследовали и не наказывали этих разбойников.

О, если бы мы хотя не в пустыню удалялись, а по крайней мере старались удалить себя от пустых, суетных, праздных развлечений и разговоров и старались сосредоточиться в себе, углубляться в себя!

Но еще чаще рисуется мне еще другая картина из его жизни, еще более близкая и родная моему сердцу. Представляется мне святой старец уже согбенный от лет, трудов и болезней, в белом подряснике, в черной полумантии, с палочкой в руках, окруженный своими многочисленными духовными детьми самых разнообразных положений — и богатых, и бедных, и знатных, и убогих, пришедших к нему нередко издалека, чтобы поведать ему свои скорби и страдания, нередко тоску и отчаяние. И здесь-то во всей силе проявлялись великие христианские добродетели святого: его любовь, смирение, милосердие, кротость, веденье тайн Божиих; всякого он утешал, назидал, исправлял кротким словом, давал добрый совет, и сколько, сколько людей спас он от злой тоски, отчаяния, самоубийства, скольких возвратил к новой жизни о Христе!

И, когда я об этом думаю, мне вспоминается, дорогие сестры, другой старец, также согбенный и от лет и от недугов, также окруженный многочисленным народом, ждущим одного его ласкового взгляда, одного его мудрого слова, живо представляется его лицо, озаренное любовью, его светлый взор, дышащий невыразимой нежностью, — я разумею старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Амвросия, и среди многочисленных чад духовных вижу я и самого себя юным, исполненным добрых желаний послужить Господу и людям. И уста мои невольно шепчут такую молитву: «Преподобне отче Серафиме, моли Бога, да упокоит он душу иеросхимонаха Амвросия!»

И, когда от этих великих цельных образов героев веры и правды Божией я обращаюсь к современной действительности, к современным героям так называемого образованного общества, к этим изломанным, исковерканным большим самолюбием людям, — без Бога, без самоотвержения, с хулой и проклятиями на устах, — мое сердце сжимается горечью, слезы навертываются на глазах и в моем сердце слагается другая молитва: «Преподобне отче Серафиме! Непрестанно молись за весь мир, наипаче же о всех озлобленных и сокрушенных духом, отчаянных, малодушных, маловерных, — да не погибнет ни единая душа христианская, но да все придут в познание твоей истины». Аминь.

————— 1913 —————

При отпевании старца Оптиной пустыни схиархимандрита Варсонофия¹

Старо-Голутвин монастырь²

6 апреля 1913 года

*В пересказе автора статьи
«Кончина старца Варсонофия»³*

[...По окончании службы преосвященный Трифон, обратившись к лежащему во гробе старцу, сказал прощальное слово.]

¹ Точный текст этой проповеди не сохранился. Ниже помещены два варианта ее изложения в пересказе: 1) автора статьи «Кончина старца Варсонофия» в «Московских ведомостях» за 1913 г. (тот же текст — в брошюре «Памяти старца Варсонофия»); 2) духовной дочери о. Варсонофия послушницы Елены Шамониной, в кн.: Беседы старца Варсонофия Оптинского с духовными детьми... (См.: [28]).

² Последний год своей жизни оптинский старец схиархимандрит Варсонофий был настоятелем Старо-Голутвина монастыря близ Коломны, где и скончался 1 апреля 1913 года. Ныне прославлен в Соборе оптинских старцев.

³ В статье часть проповеди преосвященного Трифона передана в прямой речи, а часть — в косвенной. Мы приводим текст проповеди по указанному источнику, заключая пояснительные замечания автора статьи в квадратные скобки.

В последний раз, — [так приблизительно говорил Владыка], — вижу я твой гроб, дорогой друг и единомышленник. В последний раз собрались мы помолиться около тебя, дорогой брат и батюшка...

[Владыка указал,] на какой знаменательный день пришлось отпевание старца: на день, когда Господь Иисус Христос воскресил Лазаря, подавая и нам всем надежду воскресения. Тогда же Господь дал нам разрешение плакать над усопшими, Сам прослезившись над Лазарем, хотя и знал, что воскресит его. Так и мы плачем и, как Елисей, видя возносящегося на небо Илию, вопиет: *Отче, отче! колесница Израилева и конница его!* (4 Цар. 2, 12) — и мы восклицаем: «Отче, отче! зачем ты ушел от нас, на кого ты нас покинул! Только слезы наши не должны быть слезами уныния и отчаяния: будем утешать себя тем, что дорогой брат наш и батюшка ушел от мирской маеты в вечную жизнь и покой и что придет время, когда и мы уйдем за ним. Мы все были связаны с ним узами любви, а любовь не умирает. Или мы думаем, что батюшка нас теперь не видит и не любит? Он любит, а теперь ему еще виднее и понятнее наши нужды, и он всегда будет с нами, всегда будет помогать нам.

Потом Владыка перешел к воспоминаниям из жизни почившего старца. Он вспомнил то время, когда старец, тогда еще недавно оставивший свой полковничий чин и удалившийся в Оптинский скит, проводил там строго подвижническую жизнь. Там посетил его Владыка в его убогой келии, где стоял только стол, стул и голое деревянное ложе, ничем не прикрытое. Смиренно приветствовал своего гостя о. Варсонофий земным поклоном, склонив свою седеющую голову пред молодым студентом-иеромонахом. Беседуя, о. Варсонофий говорил тогда, как ему здесь хорошо и как он желал бы до конца жизни не покидать благоуханный Оптинский скит. Вспоминал Владыка, как во время русско-японской войны старец Варсонофий был послан для священнослужения в армию и должен был оставить свой любимый скит и вернуться в шумную военную среду, которую он когда-то покинул. Он заехал в Богоявленский монастырь попросить напутственного благословения у преосвященного, который и благословил его иконой святого великомученика Пантелеимона. Тогда отец Варсонофий

говорил, что хотя ему и жутко ехать, но что в скиту они бо-
ются с врагами, которые гораздо лукавее и злее японцев —
с врагами нашего спасения.

Вспоминал Владыка, как после 1905 года, измученный
тяжестью переживаемого времени, он приехал отдохнуть
в Оптину и там в беседах с любвеобильным старцем нашел
поддержку и утешение...

[В глубоком молчании, стараясь не проронить ни одного
слова, слушали все речь Владыки. Но когда он перешел к вос-
поминанию последнего времени жизни старца, рыдания по-
трясли церковь. Все плакали, вспоминая тяжелые события,
которые все так живо помнили и которые переживали вместе
со старцем.]

Ты умел только любить, только творить добро, [говорил
Владыка,] и какое море злобы и клеветы вылилось на тебя!
Ты все принимал с покорностью, как многострадальный Иов,
говоря: *Господь даде, Господь отъял* (Иов. 1, 21). Я свидетель,
что ни одного слова осуждения кому бы то ни было я не слы-
шал от тебя. С покорностью подчинившись воле Божией, ста-
рец покинул тихий Оптинский скит и на новом месте со всем
усердием отдался трудам по благоустройству обители. Если
вы, братие, — [обратился Владыка к голутвинским инокам,] —
когда-нибудь видели суровым его взор, то, верьте мне, я знаю,
что он любил всех вас. Но слабое тело не выдержало непосиль-
ных трудов, силы надорвались, и батюшка отошел от нас. И вот
мы в последний раз собрались около него.

[Обратившись, как к живому, к своему почившему другу,
Владыка благодарил его за те советы и утешения, которые он
черпал в беседах с ним, и низко поклонился ему.]

Еще приношу тебе земной поклон от твоих детей духов-
ных, — [и Владыка положил земной поклон перед гробом.]

Я как пастырь, — [продолжал Владыка,] — знаю, что в наше
время значат такие старцы. Его наставления тем были ценны,
что с образованием он соединял высоту иноческой жизни. Как
пастырь, я знаю все море горя и скорби, в котором мучаются
теперь люди, теряя веру в Бога, доходя до самоубийства. Бы-
вают моменты, когда кажется, что жизнь теряет всякий смысл,
когда нет сил бороться, нет ниоткуда поддержки и когда

человек стоит на пороге отчаяния. Тогда является старец, говорит ему: о не бойся, ты не один, обопрись только на меня, я тебя выведу на дорогу. И вот человек, казалось, погибавший, постепенно выходит на истинный путь, находит силы для борьбы, воскресает для жизни. И много таких стоят теперь здесь между нами.

Как наседка собирает птенцов своих под крылья, так батюшка собирал вокруг себя чад своих, и теперь они, оставив все свои дела и занятия, собрались вокруг него в последний раз.

Помолимся же об упокоении его души.

[Началось отпевание по иноческому чину, которое совершал преосвященный Трифон соборне с сослужащим духовенством...]

Из письма духовной дочери о. Варсонофия, послушницы Елены Шамониной

[Начало проповеди дано в кратком пересказе: сперва Владыка указал на то, что в знаменательный день отпеваем мы отца Варсонофия: Лазарево воскресенье уверяет нас, что воскреснут и наши души, что и душа нашего батюшки воскресла для райских селений. На вопрос, можно ли плакать об умерших, евангельская повесть о воскрешении Лазаря отвечает нам: конечно, можно, если Сам Господь плакал над Лазарем! Потом Владыка стал говорить, обращаясь к батюшке, как к умершему:]

Помню я, дорогой брат отец Варсонофий, как вошел я в твою убогую келью в скиту. Вся обстановка ее состояла из деревянного стола, деревянного ложа, без всякой подстилки; иконы, книги составляли единственное ее украшение. Помню, как смиренно склонился передо мной на колени ты, почтенный седовласый послушник (это было в начале монашеского пути отца Варсонофия), принимая мое благословение, — я тогда был иеромонахом. Помню, с какой радостью говорил ты о ските: «Мне здесь так нравится, так здесь хорошо, — и одного бы я желал, чтобы никогда отсюда никуда меня не переводили»... Прошли годы, и тебя посылают священником при отряде Красного Креста на Японскую войну. Проездом через

Москву ты был у меня в Богоявленском монастыре и просил благословить тебя иконой святого мученика Пантелеимона. И снова склонил ты передо мной свою седую голову, принимая благословение. Ты жалел, что уезжаешь из скита, но покорно подчинялся воле Божией: «Что же? Ведь в скиту нам приходится бороться с врагами, которые во сто крат коварнее, хитрее и злее всяких японцев», — говорил ты, разумея врагов нашего спасения.

Прошли годы войны и последовавших за нею событий 1905–1906 годов. Измученный тем, что пришлось пережить за это время, я уехал в Оптинский скит на отдых, — и здесь снова встретился с тобой. Сколько чудных вечеров провели мы в беседах! Какие ценные наставления ты мне давал, какие возвышенные речи вел! Драгоценна для меня была твоя дружба, дорогой брат отец Варсонофий! И еще прошло время, проведенное тобою в неусыпных трудах на благо порученных тебе Богом душ. И вот в конце своей жизни пережил ты последнее испытание. Бог испытывал тебя, как некогда Авраама; и как от него Он потребовал принесения в жертву Себе единственного сына, так и у тебя угодно было Богу взять любимейшее твое чадо, твой чудный, благоуханный скит, который ты так благолепно украсил. И поднялось против тебя целое море коварства, низкой злобы, клеветы и лжи, — ты нес все терпеливо, безропотно отдавая себя в волю Божию, — и в конце всего оторвали тебя от возлюбленного тобою скита, перевели в новое место. Недешево тебе обошлась эта перемена! Надорвались силы, перенапряглись нервы, устало измученное сердце, — и ты ушел от нас, ушел туда, к Богу... А мы остались одни.

Вспоминается мне библейское повествование о том, как на огненной колеснице возносился к Богу пророк Илия, а ученик его Елисей смотрел на небо и взывал: *Отец мой, отец мой!* (4 Цар. 2, 12). Так и нам хочется сегодня воскликнуть: «Отец наш! Отец наш! На кого ты нас оставил? Что же мы будем теперь делать? Ты оставил нас сиротами!»

Низкий тебе поклон, дорогой брат отец Варсонофий, за твою любовь ко мне, за твои чудные беседы, за драгоценные наставления... А еще земной тебе поклон за твоих духовных

детей; как пастырю, мне прекрасно известно, какое море скорбей, сомнений окружает современное человечество. Знаю я, что часто люди доходят до бездны отчаяния, до самоубийства, и поэтому знаю я, как драгоценны в наше время особенно старцы-руководители, подобные тебе. В момент конечной гибели отчаявшемуся человеку является такой старец и говорит: «Погоди, не бойся, не приходи в отчаяние, еще не все потеряно! Давай мне руку, я выведу тебя на дорогу, обопрись на меня, я поведу тебя, подниму твои скорби, помогу снова начать жизнь!» Таким старцем был батюшка. Он жил скорбями своих духовных детей и сгорел в скорбях.

К вам обращаюсь, братия сей обители! Может быть, подчас он казался вам суровым; может быть, вы встречали с его стороны суровый взгляд, неласковое слово и считали его суровым и недобрый. Но, верьте мне, архипастырским словом своим я вас заверяю, что искренно любил он вас и все делал, ища одного: вашего блага и спасения ваших душ.

Помолимся же об упокоении души его, да вселит его Господь во дворы Своя, а его молитвами и нас да помилует. Аминь.

О благодати Святого Духа и о торжестве прославления священномученика Ермогена, Патриарха Московского и всея России¹

*В неделю 4-ю по Пасхе, о расслабленном (за литургией)
26 мая 1913 года*

Когда Господь Иисус Христос в первый раз открыл Своим ученикам, что Он уходит от них, то сердце их исполнилось великою скорбью об отшествии навеки их любимого Учителя. Но когда они услышали Его обетования о том, что Он духом Своим останется с ними навеки: *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20); когда они услышали, что Он не оставит их сиротами, что Он пошлет Духа Утешителя, Который наставит их на всякую истину, то радостию исполнились их сердца (ср.: Ин. 14). После Сошествия Святого

¹ Торжество церковного прославления святителя Ермогена состоялось 12 мая 1913 года.

Духа исполнились пророческие слова Спасителя: *Аще Аз вознесен буду от земли, вся привлеку к себе* (Ин. 12, 32). Именно после Вознесения и Сошествия Святого Духа Господь привлек всех в Свои объятия. В самом деле, иудеи, которые осудили Иисуса Христа на смерть, с умилением слушали проповедь апостола и спрашивали: что нам делать, чтобы спастись (ср.: Деян. 2, 37)? Гонители в лице апостола Павла делались последователями Христа. Мудрецы отказываются от житейской премудрости и преклоняются пред проповедью Христа; язычники, которые поклонялись идолам, сокрушают этих идолов и поклоняются Господу Богу. Являются мученики — от самых малых детей до дряхлых старцев, — идут на смерть за веру Христову и кровию своею обагрят жертвенники; на их костях освящаются престолы... Люди, имеющие знатность, богатство, славу, уходят в пустыню, терпят лишения, не имея иногда и черного хлеба, терпят все это ради Христа Спасителя. Наконец, мы, слабые и грешные, — что заставляет нас припадать к Престолу Божию, каяться, молиться? Что привлекает нас в храм, что заставляет нас оставлять занятия, чтобы прийти сюда? Что, как не вера в Господа Иисуса Христа; что, как не благодать Святого Духа? Истинно Он сказал: *Аще бо не иду Аз, Утешитель не придет к вам* (Ин. 16, 7).

И Господь восшел на небеса и послал Святого Духа. В самом деле, что делает человека жестокого, злого — мягким, кротким, как не благодать Святого Духа? Что делает человека неводержанного воздержанным, как не благодать Святого Духа? Что заставляет человека проливать слезы, когда он кается, молится, как не благодать Святого Духа?

Что такое душа человека? Она, как земля незасеянная, черна, мрачна, неспособна ничего произращать, кроме волчцов. Но вот окропила ее благодать Святого Духа, согрела ее своими лучами, как солнце согревает землю; и наше сердце, откуда исходят помышления злая... татьбы... хулы и пр., начинает произращать добродетели: любовь, радость, кротость, милосердие... Кто делает человека слабого, земного — святым, праведным, достопоклоняемым? Кто останки его, даже кости, делает способными точить чудеса тем, которые прибегают к ним с верою, как не благодать Святого Духа? Кто, как

не благодать Святого Духа, помогла святым отцам, ныне празднуемым, собраться на Вселенский Собор и защитить святую веру от ложного учения еретика Ария; среди [318 отцов, приехавших на Собор], были святители Николай [Мирликийский] и Спиридон Тримифунтский, воскресивший мертвого. Кто, как не благодать Святого Духа, прославила святителя Ермогена? Мы все были свидетелями этого прославления... мы радовались, когда чувствовали, что благодать Святого Духа пребывает в Церкви Христовой. Поистине, в эти дни мы переживали такую радость, какая бывает в дни Святой Пасхи. Не правда ли, мы чувствовали слияние Церкви Небесной с земною: «Величаем тя, святителю отче Ермогене!» Кто из нас, бывших за всенощною в Успенском соборе, может забыть эту торжественную минуту, когда стали молиться не о святителе Ермогене, а святителю Ермогену, когда зажглась лампада пред его гробницей?!

Собрался сонм иерархов. Торжественная тишина. Зажигается лампада, как символ благодати Божией, сияющей из гроба святителя... Затем запели торжественную песнь: «Величаем тя, святителю отче Ермогене!..» Поистине, небо и земля слились в этом торжественном гимне... И если для всех, присутствовавших на этом богослужении, оно было торжественно, светло и радостно, то еще более торжественно и радостно оно было для тех, кто присутствовал при омовении останков святого и положении их во гроб. И я, грешный и недостойный, удостоился принять в этом участие; и до последнего дня моей жизни я не забуду этой ночи, когда, при освещенном соборе, после литии, совершенной старцем митрополитом Макарием¹, при чтении Евангелия, которое пришлось и мне читать, были омыты останки и положены во гроб... Такой минуты не забыть никогда! И, скажу, когда мы запечатывали гроб, мы молились о том, чтобы скорее наступило время, когда верующие смогут прикладываться не к иконе только, а и к святым останкам святителя Ермогена, и когда в крестном ходу будут нести не икону его, а гроб... И веруем, что придет этот день!

¹ Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский).

Еще несколько дней — и мы будем торжественно прославлять Святую Троицу. В этот день особенно изольется благодать Святого Духа. В эти оставшиеся дни будем делать то же, что делали святые апостолы; они были в усердной молитве и пощении, приготавливаясь встретить благодать Святого Духа. Будем знать, что в сосуде нечистом и чистая вода загрязняется; точно так же не может жить благодать в нечистом сердце. В эти дни заглянем в свою душу, спросим себя, как мы провели свою жизнь? Какие грехи особенно одолевают нас? Какими душевными болезнями мы особенно больны? Будем просить Господа Бога, чтобы Он исцелил наши болезни и дал бы благодать Святого Духа приобрести противоположные добродетели. Да поможет нам Вознесшийся Спаситель благодать Святого Духа приобрести все полезное для будущей вечной жизни. Аминь.

Память Всех святых

*В 1-ю неделю по Пятидесятнице
9 июня 1913 года*

В этот радостный и торжественный день, когда Церковь вспоминает всех святых Божиих людей, в частности, мы вспоминаем и того святого, имя которого носим. Поэтому сердечно приветствую вас, братие и сестры, с нашим общим днем Ангела. Но спросят, может быть, некоторые: почему Святая Церковь установила вспоминать в один день в году Всех святых; ведь она же вспоминает святых каждый день? Святая Церковь установила это для того, чтобы ни один из святых не остался без должного воспоминания. В самом деле, в эпоху гонений было замучено множество христиан, имена которых неизвестны; затем спасалось много людей, имена которых мы также не знаем; наконец, и в миру было много подвижников, неведомых никому, кроме Бога. Вот и заповедала Святая Церковь совершать их память в это воскресенье. Почему же именно в это воскресенье? Да потому, что все Божии люди сделались святыми по благодати Святого Духа. Дух Святой наставляет на покаяние и очищает грешников; Он вводит их в борьбу со страстями и похотями; Он освящает Своею благодатью все

человечество. Все, что имеет человек доброго в себе, все это он приобретает с помощью благодати Святого Духа. Что представляет собой наша душа без благодати Святого Духа? Она подобна земле незасеянной, способной произращать только волчцы. Но посейте в такую землю семена, пусть оросит ее дождь, пусть согреет ее солнце — и она начнет произращать такие растения и цветы, которых не могло быть на ней ранее. Точно так же и душа человека бывает мрачна, бесплодна; но вот ее согреет и оросит благодать Святого Духа, и на ней начнут произрастать духовные цветы: любовь, радость, мир, кротость, долготерпение, смирение, вера (ср.: Гал. 5, 22). В самом деле, что, как не благодать Святого Духа, делает человека жестокого кротким, невоздержанного — воздержанным, гордого — смиренным? О, дивное чудо! Благодать Святого Духа не только действует через людей благочестивых при жизни их, но и самые тела их прославляет по смерти их, делая их нетленными, и даже чрез их останки, через гробы и кости их исцеляет недуги душевные и телесные. Увенчав их здесь, на земле, там, на небе, благодать Святого Духа соделывает их причастниками великой славы. Мы видели это воочию, когда, еще недавно, прославляли святителя Божия Ермагена. Конечно, те, которые присутствовали в ту достопамятную ночь в Успенском соборе, никогда не забудут той минуты, когда Святая Церковь стала молиться не о нем, а ему, когда лик иерархов и священнослужителей первый раз воспел торжественную песнь: «Величаем тя, святителю отче Ермагене, и чтим святую память твою!» Поистине в эту незабвенную минуту казалось, что небо и земля соединились в одном торжественном гимне: «Величаем тя, святителю отче Ермагене...»

Но, дорогие братие и сестры, ведь и мы должны подражать в своей жизни святым угодникам, и мы должны стараться приобрести те добродетели христианские — приобрести их чистотою жизни, любовью ко храму Божию, добрыми делами. Приобретая их и исповедуя имя Божие, мы будем подобны тем, которые в эпоху гонений и в эпоху ересей, не боясь ничего, твердо исповедовали свою веру. Точно так же и мы должны исповедовать в наше лукавое время.

Слышали вы, как в Евангелии Господь Бог торжественно говорит: *Всяк убо иже исповестъ Мя пред человеки, исповем его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех. А иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз пред Отцем Моим, Иже на небесех* (Мф. 10, 32–33)¹.

Что значит исповедовать имя Божие? Это значит не только в глубине души веровать в Господа, но и открыто, во всеуслышание свидетельствовать, что мы веруем в Господа Иисуса Христа, что Он воистину есть Сын Божий, и признаем Его учение...

Теперь спросим свою совесть: всегда ли мы исповедовали Господа и не отрекались ли от Него? Скажи нам, наша совесть, неподкупный голос Божий, бывали ли такие случаи? Да, мы много раз отрекались от Него и в малом — например, мы слышали, как в каком-нибудь обществе насмеваются и глумятся над Церковью; и что же? — мы малодушествовали и молчали; мало того, мы говорили похвалы, желая угодить своему собеседнику, которого в глубине души своей даже не уважаем... Помните, в эту минуту говорила нам совесть: *Иже отвержется Мене пред человеки, отвергуся его и Аз...* (Мф. 10, 32–33). Мы тогда молчали, старались заглушить этот голос шутками... А когда приходил к нам человек ничтожный, нуждающийся в нашей помощи и духовной поддержке, и мы этого человека под каким-нибудь предлогом удаляли от себя, не удовлетворив его нужды. Разве не отрекались мы от Господа? Разве совесть не говорила нам: «Кто дает нищему, тот дает Господу Богу» (ср.: Мф. 25, 35); разве не напоминала: *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7)?.. Да, много раз мы бывали виноваты пред Богом. В самом деле, кто из нас может сказать, что он никогда не роптал и всегда шел путем христианским?.. Нам остается делать то же, что делал грешный мытарь, который стоял у порога храма, бил себя в грудь и взывал: *Боже, милостив буди мне, грешнику* (Лк. 18, 13). Будем и мы взывать: «Боже, как воззрю на небо? Во всем я требую милости Божией...» И Господь услышит эту смиренную молитву.

¹ Из Евангельского чтения на литургии в неделю Всех святых.

Ныне, когда мы прославляем святых Божиих людей, страданиями и кровию запечатлевших свое исповедание Господа Бога, обратимся к ним и испросим их молитв за себя и за ближних наших: «Святии Божии людие, молитесь Бога за нас грешных и за братьев наших».

О значении колокольного звона

6 июля 1913 года

Итак, исполнилось наше общее желание — и Господь снова привел меня помолиться вместе с вами. Искренно радуюсь и усердно молился Господу Богу, чтобы Он укрепил вашу веру. Радостно было нам сегодня совершать крестное обхождение с иконою Царицы Небесной при торжественном и громогласном звоне колоколов.

И вот мне хотелось бы разъяснить вам значение колокольного звона и сказать вам об этом несколько слов. Вы, конечно, и сами душою чувствуете, что звуки колокола необходимы, но выяснить их значение и выразить словами не можете. Может быть, многие из вас не раз слышали такие суждения: для чего нужны малозвучащие колокола? зачем эти колокола? зачем этот колокольный звон? разве Богу это все нужно?.. На это вы должны дать ответ: Богу ничего не нужно, Бог — Всеблаженный, Всеблагий, Всемогущий, Ему ничего не нужно. Но нам, людям, нужно все то, что содействует спасению нашей души, ибо в этом заключается цель нашей жизни. Чтобы спасти нашу душу, для нас нужен и звон колокольный. Особенно где церковь расположена далеко, как важно слышать звон колокола — иначе вовремя не придешь и в церковь. Колокол своим призывом как бы так говорит: «Пора оставить земные дела, пора идти в храм Божий, чтобы воспеть песнь Животворящей Троице».

Да, с церковным звоном соединено многое для спасения нашей души — и радостное, и печальное.

Вот, например, наступает Великий пост, закончилась Масленица, к стыду нашему, часто проводимая людьми в невоздержании, во время которой человек часто предается пресыщению. Но вот проходит эта неделя, раздается заунывный

звон колокола. Этот колокольный звон как бы так говорит: «Христианин! пробудись, опомнись, чтобы не постигла тебя смерть, вспомни, как ты провел прошедшую неделю, готовься к покаянию, скажи: “Откуда начну плакать, душе моя? Кое положу начало моему рыданию?”¹»

Потом, изо дня в день, говорит он своим колокольным медным голосом нам о покаянии, и человек, у которого не вовсе заглохла совесть, идет в храм, говееет, исповедывается, причащается и с помощью Божиею начинает новую христианскую жизнь, начинает думать о своей душе. А затем пасхальный звон! Кто из нас не радовался сердцем, когда слышал пасхальный звон в эту Святую ночь? Не правда ли, все мы собирались в храм, слышать, когда раздастся этот возвещающий о Воскресении Спасителя голос колокольного удара; к нему присоединяется другой, третий, там еще и еще множество голосов. Все это сольется в один гул, как бы взывая в одном победном гимне хвалу Воскресшему Спасителю.

Но нет, скажу вам, тот не русский, не православный человек, который не любит церковного звона. Во время звона чувствуешь себя соединенным в одно христианское семейство. В самом деле, выйдешь — там зазвонили, тут зазвонили, прислушаешься... А там, в Москве, гремит целый гул сорока сороков. И в далекой Сибири, и на холодном севере, и в жарком Крыму, по селам и по городам — везде раздается колокольный звон, везде совершается служба, везде приносится Бескровная Жертва за грехи людей, а следовательно, и за мои. Отраднее становится на сердце: сознаешь, что ты не один, а все мы — братья между собою, все мы составляем как бы одно семейство, все соединены одною верою, одною любовью. Теплее становится на сердце. Сознаешь, что если моя грешная молитва и не доходит до Бога — но целые тысячи людей молятся за меня, предстательствуют за меня... А когда вспомнишь, что когда здесь, на земле, молятся за меня, то там, на небе, молится за нас Царица Небесная, все святые. Они сливают свои молитвы с нашими и возносят их ко Господу... О, тогда вольнее дышит грудь! Веришь тогда словам

¹ Ср.: Великий покаянный канон св. Андрея Критского, 1-й тропарь 1-й песни.

Спасителя: *Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ея* (Мф. 16,18), и во веки она останется цела.

С другой стороны, кто живал в таком крае, где нет православных храмов, следовательно, не услышишь и колокольного звона (а мне приходилось бывать там), какое тяжелое и печальное чувство испытываешь в праздничные дни! Все равно как сирота в чужой семье: вокруг веселятся, радуются, а он плачет и тоскует.

В молитве на освящение колокола есть моление о том, чтобы Господь Бог подал силу колоколу своим звоном прекращать смертоносные язвы и бури¹. Но это еще не все. Вам ли, сельским жителям, указывать на серьезную и важную сторону колокольного звона? Все заснули — а колокол? Он один не спит, он своим равномерным ударом вещает, что здесь есть сторож, который в минуту опасности разбудит спящего. А затем, во время пожара, кто как не колокол зовет, чтобы спасали имущество, а иногда и семью, и детей. А во время непогоды, бури звон колокольный может указать путнику, где он может отогреть свои замерзшие члены. А затем, на пароходе, во время непогоды, вблизи берегов колокольный звон предостерегает капитана, где есть опасность. Да, немало-важное значение имеет колокольный звон!

Те, которые никогда не ходят в храм, которые предаются удовольствиям, которые больше всего любят деньги, те только могут сказать: зачем нужны храмы? зачем нужны колокола? А для нас с вами, заботящихся о своей душе, нужны и храмы, и колокола, и все церковное.

Дорогие братие и сестры, в нашей душе есть некий тайный голос. Этот голос предостерегает нас от зла, направляет на доброе, обличает пороки. Этот голос вы все знаете, этот голос именуется совестью. Но, увы, спит иногда наша совесть, уснувшая от наших грехов и от наших искушений. Желаю, чтобы наша совесть пробуждалась в минуты колокольного звона. Когда человек в минуты соблазна готов решиться на дурное, порочное дело, в котором он после будет раскаиваться, пусть звон колокольный вещает ему о правде Божией, о Страшном

¹ Чин благословения кампана или звона, из прошений ектении.

суде, когда он должен будет предстать пред правосудным Судиею. Или, в минуты тяжелого раздумья, когда человек вспоминает свои грехи и сознает их, и часто кажется ему, что ему уже нет пощады, и он готов впасть в уныние... Пусть звон колокола вещает ему о том, что Господь пришел спасти грешников, за этих грешников Он пролил Кровь Свою. Пусть он вещает ему о Боге, о пути к небу, где сияет Царство Небесное и вечная радость.

Помогай нам, Господи, ведь Тебе все возможно! Ты управляешь не только одушевленными, но и бездушными стихиями, ибо Ты — Всемогуший! Тебе все возможно! Помогай нам!

Лествица высокая

В праздник Казанской иконы Божией Матери

(за литургией)

8 июля 1913 года

Сердечно приветствую вас, братие и сестры, со светлым и радостным праздником Божией Матери. Святая Церковь, между прочими именами, называет Ее лестницею, которую Иаков видел во сне; лестницею высокою, ведущею к небу, соединяющею небо с землею. Откуда это название, которое мы слышали в одном из песнопений? Оно заимствовано из чтения, которое вы слышали вчера за всенощною¹. Там рассказывалось, как внук праотца нашего Авраама Иаков, путешествуя в землю свою, застигнут был в пустыне ночью. Страшно стало ему: надвинулась ночь со своими страхами: рев диких зверей, шум змей, шипение скорпионов... И вот Иаков помолился Господу Богу, подложил под голову камень и заснул мирно и спокойно, как бы в своем доме. И видит он сон: лествица высотой до неба, и по ней восходят и нисходят ангелы, а наверху ее Господь Бог. Господь обратился к Иакову с такими милостивыми словами: *Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака... И вот, Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь... не оставлю тебя* (Быт. 28, 13). Когда Иаков проснулся, то сказал: *Как страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий* (ст. 17). И в память сего

¹ См.: паримия на вечерне: Быт. 28, 1–17.

события он поставил камень и возлил на камень елей. А место сие назвал «Вефиль», что значит «Дом Божий». До сих пор это место считается священным...

Что же означал этот сон? Он предзнаменовал то, что некогда Господь Иисус Христос сойдет с неба на землю как бы по этой лестнице, чтобы примирить небо с землею, чтобы снять проклятие и открыть вечную жизнь. Вот почему Святая Церковь величает лестницу Божию Матерь, честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, — ибо через Нее, вселясь в Ее утробу, сошел Христос Спаситель. Вот почему Святая Церковь взывает к Ней: «Радуйся, лестнице небесная, еюже сниде Бог; радуйся, мосте, преводяй сущих от земли на небо»¹. Истинно, Она соединила небо с землею, ибо пришел на землю Спаситель, жил среди нас, пострадал и открыл нам райские двери. Закончилось проклятие, Божество соединилось с человечеством...

И вот по этой лестнице, подобно ангелам, восходят на небо святые; по этой лестнице и нам, братие и сестры, некогда придется восходить... О, если бы это восхождение было благополучно! Что может препятствовать этому восхождению? — Грехи наши. Кто из нас может пройти беспрепятственно по этой лестнице и не быть низверженным вниз? Надежда только на помощь и покровительство Пречистой Девы, Которая называется Надеждой ненадежных, Утешением скорбящих, Споручницею грешных... Будем к Ней взывать, Ей молиться, чтобы безопасно было для нас это восхождение, чтобы и нам со святыми достигнуть рая. Недаром Святая Церковь заповедует нам каждый вечер молиться Пресвятой Деве такую молитвою: «Нескверная, неблазная, нетленная, пречистая, чистая Дево, Богоневесто Владычице... Иже ненадежных едина надежда и боримых помощи, готовое заступление к Тебе прибегающих и всех христиан прибежище...»²

¹ Акафист Пресвятой Богородице, икос 2-й.

² Молитва Павла монаха на Великом и Малом повечерии.

Об обязанностях игумении (при посвящении игумении Агнесы)

В Никитском монастыре,
в день памяти великомученика и целителя Пантелеимона
27 июля 1913 года

Господь Иисус Христос, Пастыреначальник, раздающий чины в Святой Церкви, удостоил ныне тебя, мать, столь высокой почести, какую только может иметь женщина в христианской Церкви. Он удостоил тебя чина игумении. Этот посох — символ твоей власти, твоего достоинства. Приими его от моей грешной руки, как от руки Самого Спасителя и Бога. Прими и помни, что с чином этим соединены не радости, а скорби. Взирай на него и знай, что тебе, как и всякому начальнику, предлежат, прежде всего, страдания. Враг нашего спасения не дремлет, он особенно ненавидит тех, которые облечены высоким положением, особенно изощряет стрелы на человека, стоящего на высоте правления, старается чинить вражду. Эти скорби весьма жгучи. Затем людская злоба и зависть не оставляют в покое человека правящего, стремясь очернить его клеветой. Словом, зависть, злоба и клевета не обойдут и тебя.

Но, возлюбленная сестра, не забывай слов Господа: *Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!* (Лк. 6, 26). А тем, которых гонят, Он обещал Царство Небесное (ср.: Мф. 5, 10). Помни, что Он говорил апостолам: *Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется* (Ин. 16, 20). Ты слышала, как сегодня читали в Евангелии: *Если бы вы были от мира, то мир бы любил свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир... Если Меня гнали, то будут гнать и вас* (Ин. 15, 19–20). Пусть эти слова будут тебе утешением и отрадой. В скорбные минуты взывай ко Господу: *Боже, в помощь мою вонми. Господи, помози ми* (Пс. 69, 1; Мф. 15, 25). В отношении сестер будь благожелательна, ко всем относись с любовью, пусть сестры приходят к тебе и с горем, и с радостью.

Мне хочется остановиться на твоей судьбе. Отдавая свою душу на служение Богу, думала ли ты, что будешь игуменией, да еще московского монастыря? Думаю, что если тогда кто-нибудь предсказал бы это, ты отвергла бы это предсказание. Но таково было желание покойной игумении, матушки Паисии.

На смертном одре она завещала сделать тебя своей преемницей, завещала тебе и свою скромную обстановку. Почему матушка Паисия желала этого? Потому что она надеялась, что тот же дух будет и в тебе¹, как самом близком ей человеке. Какой это дух? Я не ошибусь, если скажу, что это дух любви. Недаром ее звали «золотое сердце». Вот и ты старайся сохранить в своем сердце любовь. Некогда пророк Елисей просил у Господа, чтобы Он дал ему сугубую² духовную благодать, чем та, которую имел пророк Илия (см.: 4 Цар. 2, 9). Проси и ты, чтобы тебе иметь, если не сугубую, то такую же любовь, какой обладала покойная матушка игумения.

Есть два способа управлять. Первый — отношение холодное и безучастное, когда игумения видит в своих подчиненных работниц полезных и безответных. Это способ простой, но не истинно христианский. [Другой, когда] игумения является не только начальницей, но и руководительницей, старицей. Тяжело такое управление. Игумения, более чем кто-либо другой, должна видеть слабости подчиненных. Ее любовь должна быть направлена против порока. Это любовь, которая видит в человеке слабости, но не горьким словом упрека обличает их, а несет их на себе. Это такая любовь, которая одного старца заставила сказать: «Господи, если я удостоюсь Твоей милости, то и всех моих духовных детей удостой этой милости». Такая начальница освещает все своей любовью, истаявая, как горящая свеча. Только тот, кто скорбел чужими скорбями, кто на опыте познал, что значит страдать, может это понять — может понять, как горит и перегорает сердце, как стонет и тоскует душа. А вполне понять это может только Тот, Кто в Гефсиманском саду молился: *Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия* (Мф. 26, 39).

Недаром я назначил днем твоего посвящения праздник святого великомученика Пантелеимона. Этот праздник любила матушка Паисия, это праздник христианской любви. Мы прославляем человека, проявившего любовь к Богу даже до страданий и любовь к ближнему — ибо он целил недуги души и тела и продолжает целить и теперь.

¹ Ср.: 4 Цар. 2, 9.

² Сугубую — здесь: вдвое большую, удвоенную.

Здесь я вижу сестер твоей обители. Дорогие сестры, вы видите, каковы обязанности игумении. Передайте всем сестрам, что главное в монастыре — послушание. Вы должны беспорочно¹ исполнять всякое послушание, которое возложит на вас настоятельница, потому что от исполнения послушаний зависит благоустройство монастыря. Что такое монастырь? Я уподоблю его улью: монастырь — улей, игумения — матка, а вы — пчелки. Как все пчелки в улье трудятся для общей пользы, так же и вы должны, исполняя свое послушание, делами своими приносить пользу обители.

Да пребывает мир и благословение Божие в вашем монастыре. Прими этот жезл и не забывай меня в своих молитвах. Прими от меня в благословение святую икону Спасителя, молись Ему и проси, чтобы Он всегда был твоим помощником.

О пребывании с Господом

*В праздник Преображения Господня (за литургией)
6 августа 1913 года*

Когда Господь Иисус Христос преобразился во славе на горе Фавор, когда лицо Его просветилось как солнце, а одежды сделались белы, как снег, когда к Нему, как Владыке всей вселенной, слетели с неба два величайших мужа — Моисей и Илия, умершие более тысячи лет назад, тогда этим видением были настолько упоены все три апостола, что один из них воскликнул из глубины души: *Господи, хорошо нам здесь быть!* (Мф. 17, 4).

Но, братие и сестры, с Господом Богом хорошо не только в Его славе, но в Его унижении, в Его страданиях. Ведь в другом случае апостол Петр сказал: *Господи, с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти* (Лк. 22, 33). И другие апостолы ведь в страданиях радовались и утешались, потому что Господь был с ними...

Но не одним апостолам, но и всем дана заповедь пребывания с Господом. Слышали, как Он говорит: *Пребудьте во Мне, и Я в вас. Как ветвь не может приносить плода сама собою, если не будет на лозе: так и вы, если не будете во Мне. Я есмь*

¹ Безукоризненно.

лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего (Ин. 15, 4–5). В этом пребывании с Господом и заключается вся сущность нашей веры. В этом пребывании Господа в нас и нас в Господе и заключается сущность христианских Таинств Крещения и Причащения Святых Таин...

Кто же пребывает с Господом? Пребывает с Господом тот, кто верует в Него всею душою. Пребывает с Господом тот, кто любит Его всем сердцем. Пребывает с Господом тот, кто надеется на Него и пламенно Ему молится. Пребывает с Господом тот, кто старается подражать Ему в своей жизни, кто старается так же мыслить, чувствовать, страдать, терпеть, молиться и любить, как Он во время Своей земной жизни...

И тот, кто пребывает с Господом, тот самый счастливый человек. И все мы это испытывали в лучшие минуты своей жизни — вот хотя бы теперь, после усердной молитвы, соединенные молитвой и воодушевлением в этом храме, имея пред очами Господа Бога, на Фаворе преобразившегося. Все мы испытываем радость и готовы вместе с апостолом Петром сказать: *Господи, хорошо нам здесь быть!* (Мф. 17, 4). И тот, кто испытал эти духовные радости, тот никогда не пожелает их променять на греховные радости мира. Остается упрочить это настроение, нужно эти короткие минуты обратить в часы и дни. Для этого должно сделать их минутами поистине небесной радости, нужно изгнать из сердца все порочное и молить всеблагого Господа Бога о даровании нам всего полезного и доброго. Тогда начавшееся здесь настроение перейдет с нами и в вечность. Сподоби, Господи, во все дни нашей жизни пребывать с Тобою и наслаждаться Твоею славою не на земном только Фаворе, но в Небесном Царствии Твоем. Аминь.

Об освящении плодов

*В праздник Преображения Господня (за молебном)
6 августа 1913 года*

Сегодня в Православной Церкви есть обычай освящать плоды. Этот обычай очень древний, можно сказать, один из самых древних обычаев человеческих. Мы приносим из чувства

благодарности Господу Богу первые плоды, потому что, если бы Он не возрастил их, то мы сами, конечно, не могли бы их возрастить.

В Греции к этому времени поспевает виноград, из которого готовится церковное вино; поэтому там освящается виноград. У нас в России винограда нет, поэтому освящаются плоды. Добрые христиане не употребляют ранее никаких плодов до тех пор, пока они не будут освящены.

Это зрелище приятное и полезное. Это зрелище напоминает нам: кто мы. Мы — дерево и должны приносить духовные плоды, подобно тому, как дерево в саду приносит плоды природные...

А о том, что утвердил сад Сам Господь, вы слышите. Архидьякон, имея крест и зажженную свечу, возглашает ко Господу: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя»¹.

Итак, этот сад насадил Сам Господь Бог. Сад и виноград — это все мы, христиане. А всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь, — говорится в Евангелии (Мф. 7, 19). Оно бывает метаемо и сгораемо. Да, так в винограднике садовник употребляет труды свои и тратит на это средства, чтобы содержать его. А Сам небесный Садовник употребил для этого виноградника еще более средств: Он душу свою положил за нас; Он претерпевал и клевету, и злобу, заушение и позорную смерть для того, чтобы воскресить нас и даровать нам вечную жизнь.

Вот почему, кто желает, чтобы этот праздник не прошел даром, должен просить Господа, чтобы Он помог ему приносить плоды. А какие плоды? Он должен преобразиться... Не думайте, что я говорю это по случаю праздника, нет! Откройте Библию, и вы на первой же странице увидите, что Господь Бог дал человеку Свой образ и подобие, а человек очернил этот образ, он исказил его. В чем же теперь задача? В том, чтобы восстановить этот образ в душе. Иначе сказать, сделаться чадами, то есть детьми Отца Небесного. Тогда преобразятся наши лица и просветятся...

¹ Слова, произносимые архиереем при благословении молящихся во время пения «Трисвятого» на литургии.

И вы, братие, иноки далекой отсюда Соловецкой обители¹, вы ныне в этой обители милосердия получили особое милосердие, какое может дать благодать Святого Духа, ныне вы получили этот дар. В вашей стране короткое время светит солнце, а то все больше бывает тьма. Но Христос Бог, Солнце Правды, молитвами ваших угодников Зосимы и Савватия пребывает всегда с вами. Ныне вы получили благодать, «немощи врачующую»². Молитесь, чтобы просветился свет в вашей душе, чтобы, видя ваши добрые дела, люди прославляли Отца Небесного. «Священники, — говорит святой Иоанн Златоуст, — должны иметь душу чище солнечных лучей»³. Господь Бог все может сделать; потому что благодать, которую вы получили, сильна и все может сделать. А от меня примите эти книги. Да будет благодать Господа Иисуса Христа и молитвы ваших святых угодников с вами всегда. Дорогие братие, вы должны молиться за меня как за того архиерея, чрез которого получили благодать впервые молиться у престола Господа Бога...

**На посвящение
инока Соловецкого монастыря
в сан иеродиакона**

*За литургией
8 августа 1913 года*

Дорогой собрат! Я позволю себе напомнить тебе, как во время моего пребывания в вашей обители мне пришлось вместе с тобою совершать путешествие на крайний берег Мурмана. И вот ныне Господь неисповедимыми путями сподобил меня совершить твое посвящение в сан иеродиакона. И где же? — Вдали от твоей обители, в сем деревенском, дорогом для меня храме, ибо с самого раннего детства я привык и любил в нем молиться. И в какой же день? — В день, когда еще продолжают раздаваться церковные песнопения

¹ Очевидно, на этой литургии преосвященный Трифон совершил рукоположение во иеродиакона и во иеромонаха двух иноков Соловецкой обители.

² Из молитвы архиерея при хиротонии.

³ Слово 6-е о священстве, 2.

праздника Преображения, а в твоей обители братия празднует престольный праздник¹.

Ныне я переносюсь мыслями в вашу обитель, и ясно вспоминается мне одно обстоятельство из этого далекого и трудного путешествия. Вспоминается мне, как мы путешествовали по воде среди необъятного Северного Ледовитого океана, глубина которого достигает нескольких верст, на маленьком утлом пароходе «Вера». Никогда не забуду, как усердно молились мы Господу Богу и вашим покровителям Зосиме и Савватию, чтобы они доставили нас целыми. В самом деле, кто может протянуть руку помощи, если случится буря на море и наш пароход, как ладья, разобьется в щепки или пойдет ко дну? Никто не может помочь в эти минуты. Живо чувствуешь, что вся жизнь твоя находится в руках Божиих. Недаром говорится: «кто на море не бывал, тот Богу не молился». И, благодарение Господу, мы совершили такой дальний путь благополучно. Море сделалось таким тихим и ровным, что, можно сказать, мы прошли по океану, как по суше².

Отсюда мысль моя переносится к морю житейскому, по которому мы плывем на утлой лодке. Здесь тоже столько опасностей, бурь, высоко вздымаются волны, готовые нас погубить. К кому, как не ко Господу, украсившему нас благодатью Святого Духа, нам обращаться? Ныне ты получил благодать Святого Духа. Получив благодать, ты можешь бороться со страстями. Теперь ты имеешь возможность часто предстоять пред Престолом Божиим, можешь часто причащаться, все это — верное орудие для борьбы.

Усердно помолился я, чтобы ты, как маслина плодовая, приносил плоды праведности. Прошу тебя, не забывай меня в своих молитвах. Скажу более, ты обязан молиться за меня по уставу Святой Церкви, как за епископа, от которого принял сию благодать. А от меня прими эту книгу. Благодать Божия да споспешествует всем нам. [Аминь.]

¹ 8 августа — день перенесения мощей преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и второй день попразднства Преображения Господня (главный соборный храм Соловецкой обители посвящен Преображению Господню).

² Ср.: Исх. 14: 16, 22, 29.

Перед молебствием о страждущих недугом пьянства¹

*В день Усекновения главы святого Иоанна Предтечи
29 августа 1913 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, с вашим престольным праздником и радуюсь, что Господь привел меня в этот день помолиться с вами и принести за всех вас Бескровную Жертву. Усердно помолился я за всех вас. Сегодня по благословению Святой Церкви особо усердной должна быть молитва всех — и священнослужителей, и мирян, и мужчин, и женщин — за несчастных наших собратий, страдающих недугом невоздержания от вина. Кто из нас не знает, к каким горьким последствиям ведет пьянство? Сейчас вы слышали речь нашего архипастыря, где об этом так полно было говорено. Но, повторю, кто из нас не знает, что значит невоздержание? Недаром народ называет пьянство корнем всех пороков. Припоминается мне один рассказ из Пролога. Там говорится следующее.

К одному великому подвижнику явился злой дух и сказал: «Я тебя долго мучил, долго не давал тебе покоя, но я оставлю тебя, если ты один раз согрешишь или блудным грехом, или пьянством, или убийством». И вот этот подвижник выбрал опьянение вином, думая, что это самый малый грех из всех, предлагаемых ему. Но когда он напился, то совершил и блудный грех, а затем и убийство.

Да сохранит Господь Бог души всех от этого тяжкого недуга. Соединимся, братие и сестры, в общей молитве, и единым сердцем и едиными устами будем просить великого подвижника и постника Иоанна, который пострадал и умер из-за опьянения царя Ирода, да испросит он у Господа Бога избавления от этого недуга для русского народа. Ведь Спаситель наш Сам сказал: *Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете* (Мф. 7, 7). Аминь.

¹ «Последование молебного пения о страждущих пьянственным недугом» было совершено в этот день в храмах Москвы согласно определению Святейшего Синода и с одобрения Высокопреосвященнейшего Макария, митрополита Московского и Коломенского. Об этом см.: Московские церковные ведомости. 1913. № 32. С. 673. Об указанном Последовании, нарочито составленном, см.: Приходское чтение. 1911. № 10.

В праздник Покрова Пресвятой Богородицы¹

*За литургией
1 октября 1913 года*

Сердечно приветствую вас с принятием Святых Христовых Таин и с праздником Покрова Пресвятой Богородицы! Для нас, торжественно совершающих этот праздник, особенно было бы радостно — не правда ли? — если бы нашелся такой свидетель, который удостоверил бы нас в том, что Покров Божией Матери несомненно находится и над нами. Но кто может быть таким свидетелем? Чье ухо... но настолько духовно, чтобы могло слышать небесные глаголы? Чье око настолько чисто, чтобы могло видеть Матерь Небесную, на воздухе за нас молящуюся, и множество небожителей, — подобно святому Андрею и Епифанию?

Однако мы, обитатели этого города, имеем несомненных свидетелей в том, что Покров Божией Матери находится над нашими головами; и этот свидетель не от человек и не от ангел; свидетель этот Сама Владычица наша Небесная, Пресвятая Богородица. И свидетельствует Она Своими чудотворными образами, например, Иверскою, Казанскою и прочими, находящимися в нашем городе. И дарует нам свою небесную помощь, если мы к Ней прибегаем. Мы знаем, что когда Владычица наша Небесная прогневается, то Она уходит, т. е. исчезает из города. А до тех пор, пока Она не уходит, мы знаем несомненно, что Ее Покров над нами, и что Она готова оказать помощь всем, с верою и любовью к Ней прибегающим. Она готова, скажу сильнее, Она не может не оказать Своей помощи. И в этом заключается Ее слава. И в этом заключается разница между небесными и земными покровителями: земной покровитель может быть и недоступен, и не всякому готов оказать помощь; а небесный готов оказать помощь всякому, кто с верою и надеждою к нему прибегает. И если все святые таковы, [тем паче]

¹ Точно такая же проповедь упоминается С. Н. Лисевицким в своих воспоминаниях (см.: наст. изд., с. 593) как произнесенная в 1932 году. Возможно, С. Н. Лисевицкий цитирует более раннюю проповедь по записи; а может быть, он и действительно слышал подобную проповедь в 1932 году, так как Владыка Трифон часто возвращался к одним и тем же мыслям и темам, а иногда почти дословно повторял проповеди, произнесенные ранее.

такова и Владычица наша Небесная, Которая испросила Себе благодать помогать всем, кои будут к Ней прибегать.

Поэтому всякий человек, истинно кающийся и оплакивающий свои грехи, который, хотя слабыми ногами, спотыкаясь, восставая, каясь, идет по пути в Царство Небесное, тот может с дерзновением просить Ее помощи; и Она — Радость скорбящим, Споручница грешных — Она окажет помощь... Что же эта надежда должна производить в нас беспечность, и мы можем со дня на день отлагать наше спасение? Конечно, нет. Царица Небесная может оказать помощь, но с грехами Она не может дружить; Ее помощь бежит от грешников, от некающихся. Тот, кто обращается к Ней за помощью и в то же время обращается к своим страстям, тот напоминает народ израильский. Когда Моисей беседовал с Богом на горе Синае, то он слил себе золотого тельца (см.: Исх. 32). *И сказал Господь Моисею: Поспеши сойти отсюда... да воспламенится гнев Мой на них...* (ст. 7, 10). Точно так же и Господь скажет: «О, Мати Моя, Я для того и сошел на землю и претерпел мучения, чтобы они спасались, и тогда Ты была бы помощницею им, но они не хотят спасения; они строят кумиры страстям, они греху служат... Отступи от Меня, да воспламенится гнев Мой на них, ибо не помощи они требуют, а наказания...» Вот почему, кто желает помощи Царицы Небесной, тот должен усердно каяться в своих грехах, должен дать слово отнюдь не грешить и идти путем правды. — И тогда Царица Небесная придет на помощь и исцелит наши язвы душевные.

Да помогает всем нам Царица Небесная во вся дни нашей жизни, и да будет Ее Покров над нашими главами отныне и до века.

На юбилей священнослужителя

*За литургией, в воскресенье
6 октября 1913 года*

Это блестящее, необычайное для обыкновенного воскресного дня богослужение, возлюбленный собрат, должно, несомненно, перенести твое воображение в те отдаленные годы твоей юности, когда ты восприял сан священника. И тогда

сонм священнослужителей окружал священнодействующего архиерея, и среди них ты видел себя, полного желания служить Церкви. И вот наступили те минуты, когда ты трепетно склонил свою главу под руку святителя. Он тогда молился, дабы божественная благодать снизошла на тебя, дабы ты был достоин приносить Жертву Господу Богу, дабы сохранил Он тебя в твердой вере. А затем, облеченный в священнические одежды, ты трепетными руками принял Тело Христово, обещая сохранить Его до последнего издыхания. Тело Христово — это Святая Церковь, это души верующих, которые поручены нам и за которые каждый из нас должен будет дать ответ перед судом Божиим. О дивная тайна Божия! О дивное милосердие Божие, которое нас, грешных, соделывает проводниками к небу! Эти единственные минуты в нашей жизни должны быть памятны нам навсегда! Дорогой брат, мы это испытали и поистине можем сказать, что мы были в раю.

Но вот закончилось время посвящения и наступили трудные годы тяжелой жизни, много пришлось и пережить, и переучувствовать, и передумать, а по временам и потосковать, и поплакать. И вот ныне, через 25 лет, ты стоишь, чтобы дать ответ о содеянном тобой. И поистине ты можешь сказать, что не закопал талант свой в землю, а возрастил. Этому свидетелем могу быть я. Я знал тебя как пламенного служителя Церкви, ревностного законоучителя, примерного исполнителя, члена Братства святителя Петра, как человека кроткого, благорасположенного ко всем, во всяком человеке видящего брата. Об этом свидетельствуют и все твои сослуживцы и прихожане. В самом деле, все мы собрались сюда не по чувству холодного долга, а по любви и желанию помолиться с тобой и за тебя, желая, чтобы Господь продлил твою деятельность на многие годы.

Поистине, думаю, ты ныне счастлив, потому что такая любовь выпадает на долю немногих, можно сказать, избранных. И я счастлив, что могу участвовать в этом торжестве.

Сегодня тебя чествуют не только как настоятеля, но и как благочинного. Нелегко быть благочинным. Я знаю, какой особенной и разнообразной работы требует это служение, и считаю счастьем выразить свою любовь к тебе. Да благословит

Господь Бог твою деятельность на многие годы и на пользу Святой Церкви, а от меня грешного прими сию икону Царицы Небесной, чтобы Она всегда, как и прежде, сохраняла тебя под Своим Покровом.

Как отрадно было слышать выражение этой любви! И как усердно молился я, дорогие братие и сестры, желая, чтобы среди нас всегда было такое же единение, любовь и мир, дабы в наше лукавое время нам право править слово Христовой истины¹, и, как воинам Христовым, на каком бы поприще мы ни находились, сохранять святую веру. А теперь еще и еще раз пожелаем многих и многих лет достойнейшему и любимому юбиляру.

При освящении храма во имя св. мученика Трифона в приюте для слепых²

*За литургией
3 ноября 1913 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братие и сестры, со светлым и радостным праздником освящения этого прекрасного благолепного храма и радуюсь, что Господь привел и меня поучаствовать в этом столь дорогом и близком моему сердцу торжестве. Всегда радуюсь, когда совершается освящение храма. Эту радость можно уподобить радости Святой Пасхи. Господь избирает еще одно место на земле, где будет обитать благодать Святого Духа. Среди капищ, которые в таком изобилии устраиваются людьми, легкомысленно преданными всякого рода страстям, создается крепость, куда может прийти изнемогающий, ослабевающий человек. Храм будто зовет к себе: «Сюда, сюда спешి больной, измученный духом брат, здесь ты найдешь ту светлую радость, тот духовный восторг, которого не может найти человек неверующий, здесь ты найдешь утешение».

Храм Божий посвящается какому-нибудь святому, чтобы мы вспоминали, какими добродетелями отличался этот святой.

¹ Слова из молитвы по освящении Даров на литургии. Ср.: 2 Тим. 2, 15.

² Домовая церковь мученика Трифона при общине слепых в Даниловской слободе, недалеко от Данилова монастыря. Закрыта после 1917 г.

Какими же качествами отличался покровитель сего храма святой мученик Трифон? Любовь к Богу и ближним — вот его преимущественное [качество]. Ради этой любви он шел на самые утонченные мучения и пролил кровь за Христа¹. При конце жизни о чем просил он Господа? Не об облегчении страданий. Святой мученик молился о тех людях, которым он помогал, которых исцелял, молился о том, чтобы каждый, кто станет призывать его имя, был бы избавлен от всякого прилога злого.

Да укрепляет вас Господь в этой добродетели. Ведь Сам Спаситель сказал: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга... По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35). И вот вы, братие, здесь призреваемые, усваивайте эту добродетель, находясь под покровом святого мученика Трифона, просите его помощи. Господь закрыл ваше телесное зрение, но у вас есть духовное зрение, зрение сердца; духовными очами мы видим то, чего не можем видеть очами телесными. Молитесь святому мученику Трифону, чтобы Господь открыл вам это зрение, и вы тогда увидите Христа Спасителя — Солнце Правды, просвещающее и освящающее всякого человека, грядущего в мир².

Ваш храм — второй в Москве, после древнего храма³, посвященный мученику Трифону. Этот храм создан любовью к Богу и ближним усердием Александры Феодоровны, Елисаветы Феодоровны и Феодора Лаврентьевича. Веруем, что святой мученик Трифон всегда будет с ними и утешит их духовными радостями, вселяя мир в их сердца.

В благословение от меня грешного примите сии образа Божией Матери «Скоропослушницы». Пусть Царица Небесная вместе со святым мучеником Трифоном будет помощницей и предстательницей за всех вас.

¹ Святой мученик Трифон пострадал в 250 г.

² Слова из конечной молитвы 1-го часа. Ср.: Ин. 1, 9.

³ Святого мученика Трифона в Напрудном.

В день поминовения матери

20 ноября 1913 года

Не плачь! — Так сказал Господь Иисус Христос одной вдове, жившей в Наине, у которой умер единственный сын. Одно за другим постигают ее бедствия — сперва умер муж, а теперь умирает и сын — юноша, по-видимому, прекрасный, судя по тому, с какой любовью и состраданием провожало его множество народа (см.: Лк. 7, 12–13).

Как часто и нас, дорогой брат или сестра, постигают в жизни скорби, страдания, потери, и лишь изредка промелькнет какая-нибудь радость — подобно тому как на небе, покрытом тучами, выглянет ясное солнышко, а затем снова облако заволакивает его.

Где же искать утешения? Напрасно искать его в светских удовольствиях — они не успокоят, а наоборот, после них почувствуешь еще большую тоску на сердце. Единственным утешением в наших скорбях, страданиях, потерях может служить молитва. Успокоение может даровать только один Господь, ведь Он Сам сказал при вознесении Своем на небо: *И се, Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Он Сам обещал прийти и утешить тех, кто в скорбях будет призывать Его имя (ср.: Пс. 90, 15). Вот почему, дорогой брат и сестра, когда постигнут тебя страдания, ищи утешения в молитве и особенно спешь в храм Божий. Не становись впереди — здесь будет беспокоить тебя человеческое любопытство; встань там где-нибудь, вдаль, у порога, и воззови ко Господу: «Господи, помоги мне!» Излей Ему всю свою скорбь, и Он — наша крепость, наше радование, наш Бог¹ — услышит тебя и как бы скажет тебе в сердце твоём: «Не плачь! Я всегда с тобою! Я всегда готов оказать тебе помощь и успокоить тебя».

Храм Божий — это земное небо, это единственное место на земле, где страждущая, скорбящая душа человека находит себе утешение и отраду. Здесь, в храме Божиим, мы слышим Священное Писание, священные песни, здесь мы видим лики святых, Пречистую Деву Марию, простирающую руки к Сыну

¹ Ср.: ирмос 8-го гласа, 4-я песнь.

Своему за всех скорбящих, здесь невидимо присутствует на Престоле начальник нашего спасения Господь Иисус Христос, здесь совершается величайшее Таинство: Сам Бог приходит заклаться и датися в снедь верным¹, здесь подается нам благодать в Таинствах. В Таинстве Покаяния мы очищаемся от грехов, а в Таинстве Причащения соединяемся с Господом...

Сегодня, когда мы совершаем поминовение моей матери, припоминается мне один случай из ее жизни. Мать моя, будучи еще ребенком, была однажды у святителя Московского Филарета, который любил всю их семью. Митрополит Филарет посадил малютку к себе на колени и, положив ей руки на голову, сказал: «Твоя мать была святая женщина, она теперь в раю» (Мать ее умерла в молодых годах.) Действительно, родители моей матери были люди благочестивые. Они воспитали свою дочь в страхе Божиим. «А что делают в раю?» — спросил наивно ребенок. «Там, дитя мое, молятся Богу, — кротко ответил святитель. — Впоследствии и ты узнаешь сладость молитвы». И в самом деле, могу засвидетельствовать, мать моя любила молиться и единственное утешение и отраду во всех своих скорбях, которых у нее было немало, находила в молитве. Особенно она любила молиться в храме Божиим. И, кажется, нет в Москве ни одного храма, где она не побывала бы в день престольного праздника. Моя мать особенно любила посещать престольные праздники. Ничто не могло удержать ее — ни дурная погода, ни дальнейшее расстояние, ни нездоровье, ни слабость сил. Она так говорила: «Ведь это как бы день именин того святого, которому посвящен храм. В этот день святой, которому мы празднуем, ближе всего к нам, чувствуешь, что он слышит нас». И случалось иногда так: уйдет из дома утром, а вернется поздно вечером — так любила она храм Божий.

Будем и мы любить храм Божий, будем приобретать навык к молитве. Молитва сохранит нас от всякого зла и утешит нас в наших скорбях и печалях. Аминь.

¹ Ср. со словами тропаря, поемого вместо Херувимской песни в Великую Субботу.

— 1914 —

**Протоиерею Е. П. Успенскому
при его прощальном богослужении¹**

В Ново-Ваганьковском храме²

23 марта 1914 года

Радуюсь, видя такое множество братьев этого храма, пришедших проститься со своим пастырем, но скорблю вместе с ними, что это твое служение, возлюбленный брат, отец протоиерей, последнее, прощальное, — что сегодня ты окончательно покидаешь этот храм, свидетель твоих долголетних пастырских трудов, навсегда расстаешься с паствой твоих духовных детей, с которыми ты так сроднился, что поистине вы составляете одну душу, одно сердце! Знаю, что с болью, со скорбью ты отрываешь себя от этого храма. Очень хорошо знаю, что прежде чем решиться на окончательный шаг, ты долго размышлял, и только горькое сознание своей телесной немощи после долгой борьбы с самим собой, заставило тебя искать другого прихода. Что делать! Русская пословица говорит: «Старость — не радость». И те тяжелые труды, которые ты нес в молодости, в старости теперь стали для тебя невозможны. И это — единственная причина твоего удаления отсюда.

Да, дорогие братие, знайте и верьте, что ваш пастырь вас горячо любит и с великой сердечной скорбью вас покидает. Об этом я вам свидетельствую, ибо он не раз сетовал предо мною на свою телесную немощь, заставляющую его оставить вас. Да и как, дорогой брат, в самом деле тебе не любить этого храма и этой паствы! Здесь провел ты лучшие годы своей жизни, здесь оставляешь ты часть твоей души, твоего сердца, здесь все, до последнего гвоздика в храме, тобой облюбовано и выбрано. Ни одна часть пастырского дела не оставлена

¹ Печатается по: [31].

² Ново-Ваганьковский храм — церковь Николая Чудотворца в Новом Ваганькове на Трех Горах (главный престол — иконы Божией Матери «Живоносный Источник», приделы — свт. Николая и свт. Димитрия Ростовского). Новая церковь построена в 1900–1902 гг. В 1929 г. храм был закрыт; возвращен Церкви в 1992 г.

тобою без внимания. Храм святой благоукрашен так, как немногие, и его можно назвать одним из самых лучших московских храмов. Устроена великолепная школа, учреждено попечительство, приют, богослужение, общее пение, слово проповеди, — все поставлено в образцовый порядок. А сколько вложено во все это трудов, сил, любви, огня — знает только один сердцеведец — Господь!

Конечно, ты не мог бы достигнуть таких блестящих результатов, если бы не имел усердных сотрудников в лице твоих добрых прихожан — достоуважаемого Г. Ф. Серебрякова и других, но ведь и их привлек ты ничем иным, как своими высокими духовными качествами.

Некоторые из них сами свидетельствовали мне, что они любят и чтут тебя, видя в тебе истинного пастыря, глубоко верующего, строгоцерковного, пастыря, можно сказать, монашеского, филаретовского закала и воспитания, неутомимого труженика, твердого, непреклонного исполнителя, до мелочей, своего долга.

А что мне сказать о твоей просветительской деятельности вне пределов твоих прямых обязанностей? Как бывший председатель Братства святителя Петра, я знаю, что ты, хотя и обремененный работой, все-таки находил еще время для трудов по делу этого Братства, имеющего целью возвращение в лоно Матери Церкви глаголемых старообрядцев.

Знаю, что ты, болезнуя о них сердцем, жертвовал для них и время и средства: храм в деревне Авсюнине, построенный тобой, — свидетель этого.

Да, ты много потрудился, ты приумножил данные тебе таланты. Отдохни же теперь на новом месте твоего нового служения. Ты поистине заслужил отдых, хотя очень боюсь, что твоя деятельная натура и там найдет себе один лишь труд.

В благословение от меня прими сию святую икону, и да охраняет тебя Царица Небесная во все дни твоей жизни. Аминь.

Преблагословенная Суббота¹

*В Великую Субботу Страстной седмицы
5 апреля 1914 года*

Сердечно приветствую вас, братие и сестры, с принятием Святых Таин. И в какой многознаменательный день Господь сподобил вас причаститься. Ныне Преблагословенная Суббота, ныне день покоя: почил Господь в этом гробе от Своих трудов. Два раза почивал Господь в этот день. В первый раз, когда сотворил мир, как говорится в Библии, *почил в день седьмый от всех дел Своих* (Быт. 2, 2). И ныне, в заключение подвига, совершенного за спасение мира, Он поживает во гробе.

Но первые труды Его были легки, а последующие и нынешний — требовали усилия, чтобы снова вернуть человека в тот рай, из которого он был изгнан. И для этого потребовалась страшная, жестокая жертва — крестная смерть. Все совершилось. Теперь Он снят со Креста, обвит плащаницею, покоится во гробе. Наступил день субботы. Но, почивая пред нами во гробе, Господь совершил новые труды. Как гласит церковная песнь: «Во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог... В рай же с разбойником и на Престоле был еси со Отцем и Духом, вся исполняяй, Неописанный»². То есть в то время, как Ты почивал во гробе телом, Ты был вместе и душою во аде... Для чего Он был во аде? Для того, чтобы вывести из ада не только праведников ветхозаветных, но и величайших грешников, которые сотни лет ожидали Христа Спасителя, тех грешников, которые пред потопом грешили и не послушали обличения Ноя. В то же время Он ввел в рай первым разбойника: «в рай же с разбойником, и на Престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй, Неописанный».

Вот, братие, в эту-то таинственную Субботу заглянем в свою душу и посмотрим, что там — рай или ад? Есть ли там признаки христианских добродетелей: кротость, мир, долготерпение?

¹ В этой проповеди использованы мотивы «Слова в Великую Субботу» Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического (Указ. изд. Т. 9. С. 265–266).

² Тропарь на часах Святой Пасхи.

Если есть, возблагодарим тогда Почивающего Господа и со-
творим вместе с Иосифом ложе для Него в нашем сердце.
А если там выросли различные пороки: злоба, ненависть,
зависть? О, тогда обратимся к Почивающему Господу и по-
просим Его, чтобы Он вошел в наши души и изгнал оттуда
все гнездящиеся там страсти.

Ныне, в этот день, особенный день, когда Господь сходил
во ад и выводил оттуда даже величайших грешников, бу-
дем просить Его, чтобы Он водворился в наши души, что-
бы там чувствовались радость и ликование о Воскресшем
Спасителе.

А вы, которые причащались Его Тела и Крови, и Он все-
лился в ваши души и тела, вы должны всегда молиться Ему...
А теперь возблагодарите Его и воззовите Ему: «Слава Тебе,
Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!»

Христос Воскресе!

*На Пасху
6 апреля 1914 года*

Христос Воскресе! Воистину Воскресе!

Вспомните, как святой Иоанн Златоуст в своем вдохно-
венном слове взывает ко всем нам: «Сей день Господень,
радуйтесь, все воздержницы и ленивые, богатии и убогие,
постившиеся и непостившиеся, — все возвеселитесь. Никто-
же сегодня да рыдает своего убожества, никтоже да плачет
своих прегрешений, потому что всем грешникам воссияло про-
щение. Никтоже да страшится смерти, потому что Христос
победил смерть и открыл вечную, блаженную жизнь. Воскре-
се Христос, и падоша демоны! Воскресе Христос, и ликуют
ангелы!»¹

Для всех теперь раскрыты райские двери. Вот почему раду-
ется в этот день всякий христианин. Вот почему я помо-
лился за вас, чтобы эта светлая пасхальная радость всегда
была с вами. И, когда наступят для вас дни скорбей, болезней

¹ Ср.: Слово огласительное святителя Иоанна Златоуста, читаемое на
утрене Святой Пасхи.

и несчастий, пусть эта радость предохраняет вас от печали. Пусть она напомнит нам, что с нами Христос. Ведь Он обещал быть с нами до скончания века¹, а если Он с нами — то что же может с нами случиться?

Да возрадуется каждый из нас! И радости наша никтоже возмет от нас (ср.: Ин. 16, 22).

Об истинном просвещении

*В приюте для слепых детей
В Понедельник Святой Пасхи,
7 апреля 1914 года*

Христос Воскресе!

Святая Церковь поет: «Воскресения день, просветимся людие!»² О каком свете она взывает? К какому свету она нас приглашает? Она приглашает нас не к вещественному свету. [Не к] освещению свечами, который бывает в эти дни Пасхи. Святая Церковь, не отрицая, что все в храме было по чину, не об том свете горящих свечей нам говорит, а о другом. Если наши одежды светлы, а душа мрачна и темна, то, значит, мы не просвещены.

Называют светом просвещение, называют светом науку. Иногда просвещение и наука бывают светом — но далеко не всегда. Если у человека ум просвещен, а сердце погружено в страстях, то, значит, человек не просвещен. Как часто за светом науки скрывается ложь! Тот свет, который возглашает церковная песнь, есть свет добра, веры, надежды и любви! Тот свет нас просвещает! Кто освещен этим светом, есть истинный христианин.

Вы есте свет миру (Мф. 5, 14), — обратился Он к Своим ученикам. Те, которые поклоняются Свету истинному, те и сами согреваются этим светом. Тогда в их душах водворяется мир и спокойствие. Тогда и Христос отражается в их душе — подобно тому, как в чистой воде отражаются лучи солнца. Тот, кто носит в себе этот свет, тот просвещает этим светом

¹ Мф. 28, 20; канон Пасхи, 9-я песнь, 1-й тропарь.

² Канон Пасхи, ирмос 1-й песни.

и всякого приходящего к нему. Сам Спаситель сказал: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16).

Конечно, и вы, дети, соприкасаясь со светом Христовым, почувствуете его теплоту и согреваетесь ею. И те, которые делают дела милосердия, делают доброе дело, и свет Христов и их просвещает. И тех, которые дали свою лепту на этих бедных детей. Верю, что и их осиял свет Христов.

Всех вас, вместо красного яичка, прошу принять по книжечке, в которой напечатана моя вступительная речь на лекции в пользу слепых. Правда, в ней сообщаются печальные вести об участии слепых, но, несомненно, они затронут ваше сердце и привлекут на вас свет Христа Спасителя.

У Иверской иконы Божией Матери

*В храме в честь Иверской иконы Божией Матери
Во Вторник Святой Пасхи,
8 апреля 1914 года*

Христос Воскресе!

Сердечно радуюсь, возлюбленные братие и сестры, что Господь сподобил меня помолиться вместе с вами и принести за всех вас Бескровную Жертву! Ныне празднуем мы Святую Пасху! Ныне радость наполняет наши души и сердца, и наша радость еще более усугубляется празднованием Царице Небесной Иверской.

В самом деле, Кому и не праздновать, Кого и не ублажать, как Матерь нашего Господа, Которая так много пострадала за Своего возлюбленного Сына. Святой праведный Симеон предсказал Ей, что Ее сердце пройдет оружие (ср.: Лк. 2, 35) — и не замедлило сбыться это пророчество. Лишь только родился Христос Спаситель, восстала злоба людская, и Божия Матерь должна была бежать в Египет. Долго там живет благочестивое семейство. Но по возвращении снова восстают на Ее Сына.

Но вот Спаситель возрастает. Разве Она не понимала, как не любил Его народ, как завидовали Ему, ненавидели Его. Чувство матери должно было подсказать, что должна была

совершиться смертная казнь. И вот кроткий Ее Сын поруган, пригвожден ко Кресту вместе со злодеями. Даже [когда] лютое оружие пронзило Ее сердце, при всем том — ни единого вздоха или слова отчаяния. «Увы, Мое Чадо, вижду Тебя пригвожденным ко Кресту, и уязвляюся горше сердцем»¹.

Но вот кончились страдания, вот пронеслась весть о Воскресении Христа Спасителя. Вот Он является женам-мироносицам. И несомненно, Он являлся Божией Матери. И всех уверяет в Своем воскресении.

Какой восторг! Какая радость! Вспоминается архангел Гавриил, когда Он предстал Ей и сказал: *Радуйся, Благодатная!* (Лк. 1, 28). Поистине, надо и нам вместе со Святою Церковью восклицать: «Ангел вопияше Благодатней: Чистая Дево, радуйся»².

И если всегда, то особенно теперь, в дни славы Ее Сына, будем прибегать к Ней с мольбою и просить Ее. И, несомненно, получим: даже если просьба наша будет касаться внешних условий жизни, лишь бы не забывать о будущей жизни. Обращайтесь к Ней и в радости, и в горе. Подобно ребенку, который просит свою мать, просите у Нее исцеления вашей грешной душе. Несите к Ней ваши страдания, никому неведомые, кроме Бога Господа да вас самих. Обращайтесь к Ней в день Ее праздника и верьте, что Она услышит Вас... И в эти дни всеобщей радости Она утешит вас и дарует нам радость, которая должна наполнить сердца наши радостью.

«От святых Твоя иконы, о Владычице Богородице, исцеления и цельбы подаются обильно, с верою и любовью приходящим к ней. Тако и мою немощ посети, и душу мою помилуй, Благая...»³

¹ Ср.: утренняя Великой Пятницы, 3-я стихира самогласна, глас 2-й.

² Утренняя Святой Пасхи, 4-й припев на 9-й песни канона.

³ Тропарь Иверской иконе Пресвятой Богородицы.

В Марфо-Мариинской обители

В Среду Святой Пасхи,
9 апреля 1914 года

Христос Воскресе!

Некогда в Киевских пещерах, где почивают мощи святых угодников, произошел следующий чудесный случай. Однажды на праздник Пасхи игумен Дионисий вошел в пещеры покадить там лежащим угодникам Божиим. И вот, встав посреди пещер, он из глубины сердца воскликнул: «Отцы и братие, сегодня светлый день Пасхи, Христос Воскресе!» И вот мертвецы, почивающие там своими мощами, громко ответили: «Воистину Воскресе!» Ибо, замечает летописец, их кости возрадовались о Боже живе¹.

Да, немного слов, но сколько радости в этих словах: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!» Почему это событие из жизни Господа Иисуса Христа, а не какое другое, так светло и радостно для христианина?

Да потому, братие и сестры, что в Воскресении Христа Спасителя заключается вся сущность нашей веры, начало и конец, альфа и омега, начало и конец всего домостроительства. *Если бы Христос не воскрес*, — говорит апостол Павел, — *то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших* (1 Кор. 15, 17). Мы продолжали бы жить во грехах. Если бы Христос не воскрес, тогда проклятие и смерть тяготели бы над землею и люди оставались бы *во тьме и сени смертной* (Пс. 106, 10). Если бы не было Воскресения Христа Спасителя, тогда могила была бы лестницею в ад, где не было бы избавления. Вот почему тогда бы все потеряло значение, и наша жизнь потеряла бы свой смысл (ср.: 1 Кор. 15, 14). Зачем тогда нужны были бы подвиги самопожертвования, самоотречения, человеческой любви, долга, чувства чести, — все это обратилось бы тогда в пустые слова, и людям бы оставалось тогда только жить, пить и есть и прочее: *да ямы и пием, утре бо умрем*

¹ Этот случай произошел в 1453 году. Он засвидетельствован, в частности, в 8-й песни общего канона Киево-Печерским святым. Память преподобного Дионисия Печерского совершается 3 октября и 28 августа (Собор Киево-печерских святых Дальних пещер).

(ст. 32). Мрачна была бы жизнь людей; и люди были бы несчастны, по выражению апостола (ср.: ст. 19).

Но вот людям доносится весть о Воскресении Спасителя. Вот Он Сам является апостолам и уверяет в Своем Воскресении. Какой восторг! Какая радость! Дух окрыляется надеждою: теперешняя жизнь есть сон, сознаешь, что там наступит вечное блаженство, откроется Царство Небесное! Теперь вся жизнь получает другой смысл, теперь всякий скорбящий, страдающий, обиженный может уповать, что там живет вечная правда.

Все воскреснем, не умрем, об этом уверяют апостолы, которые видели собственными глазами Воскресшего Господа, слышали Его собственными ушами, осязали Его язвы, раны (ср.: 1 Ин. 1, 1), которые ели, пили [с Ним] и которые видели Его Возносящимся на небо и слышали отрадное утешение, что Он снова придет на землю (ср.: Деян. 1, 9–11). Апостолы были не обманщики и не обмануты. Это были люди крепкие духом, это были люди, которые за истину Воскресения Христова пострадали, претерпели страдания и мучения и своею кровью запечатлели истину Воскресения Христова.

Уверяют нас в Воскресении Христовом целые пятьсот человек, которым он явился в Галилее (см.: 1 Кор. 15, 6). Уверяет в Воскресении Христовом Лазарь, которого Он воскресил и который после жил еще тридцать лет и был епископом Кипрским¹. Уверяют в Воскресении Христовом и те мертвецы, которых Он воскресил из мертвых (см.: Мф. 27, 52–53). Уверяют и те, которые видели Спасителя висевшим на Кресте и которым Он явился после, чтобы те поведали о Воскресшем Христе Спасителе².

Они жили и на них указывает уверовавший Савл (см.: 1 Кор. 15, 5–8), это тот ненавистник Христа Спасителя, который гнал Христа, а затем апостол Павел, умирающий

¹ Праведный Лазарь был епископом Китийским на Кипре. Святые мощи его в 898 году повелением византийского императора Льва Мудрого были перенесены в Константинополь и положены в церкви, воздвигнутой в его честь.

² Ср.: Мф. 28, 9–10; Мк. 16, 9–11; Ин. 20, 11–18. Это были жены-мироносицы и те ученики его, которые присутствовали на Голгофе и при погребении Господа, а затем видели Его воскресшим.

мученической смертью за Христа Спасителя¹. Это ли не чудо из чудес!

Уверяет нас в Воскресении Христовом Церковь всем существом своим, благодатию, в ней пребывающею и изливающеюся во многих чудесах чрез св. иконы и чрез мощи святых, почивающих нетленно, а также и тех, которые, как звезды на небе, сияют в обителях Отца Небесного.

Да возрадуется о Господе душа наша, возлюбленные братие и сестры! И радости наша никтоже возмет от нас (ср.: Ин. 16, 22).

Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оны!²

Об артосе

*В Субботу Святой Пасхи,
12 апреля 1914 года*

Сердечно приветствую вас с праздником и прошу по обычаю принять святой артос из моих рук. Напомню вам, откуда ведется этот обычай благословлять этот артос в день Святой Пасхи, что означает сей святой хлеб и для чего мы должны вкушать его.

Этот обычай ведется с древних времен, со времен апостольских. Святые апостолы после Вознесения Господа Иисуса Христа на небо всегда оставляли за столом во время трапезы пустое место, и перед ним ставили прибор, и клали на него кусок хлеба, с уверенностью, что Господь Бог невидимо присутствует меж ними³. А по окончании трапезы они возносили этот хлеб⁴ с молитвою Пресвятой Троице и Господу Богу, возглашая: «Велико имя Святыя Троицы, Господи Иисусе Христе, помогай нам. Христос Воскресе!» А затем принимали этот хлеб как бы из рук Самого Господа Иисуса Христа и вкушали его. Этот обычай вкушать этот хлеб сохраняется в Святой Церкви и до наших дней⁵. А в день Пасхи изготавливается особенный

¹ См.: Деян. 9, 1–20. Св. апостол Павел принял мученическую кончину за Христа (был усечен мечом) 29 июня 67 г. по Р. Х.

² Стихиры Пасхи, 4-й стих.

³ Хлеб этот назывался «Господней частью».

⁴ То есть поднимали его.

⁵ Кроме Последования артоса, совершаемого в дни Светлой седмицы, он сохраняется также в «Чине о панагии», совершаемом в монашеских

хлеб, именуемый «святой артос». Он в первый день Пасхи освящается особою молитвою, окропляется святой водою, а затем в субботу раздается верующим.

Что же означает этот хлеб? Из молитвы, которую читают на освящение артоса, явственно видно, что этот хлеб означает Господа Иисуса Христа, Агнца Божия, взявшего грехи мира; как ветхозаветный агнец прообразовал Господа Иисуса Христа, точно также и этот хлеб знаменует Господа Иисуса Христа, Который сошел с неба, чтобы заклаться и даться в снедь верным. Этот образ Воскресения, который изображен на середине этого хлеба¹, означает, что Господь Иисус Христос не призрачно, а плотию воскрес, о чем неоднократно свидетельствовали Его ученики. Они засвидетельствовали не только то, что видели, но апостол Фома даже касался Его тела, осязал раны (см.: Ин. 20, 24–29), но и это еще не все... Он, являясь им, вкушал с ними хлеба и рыбы (см.: Лк. 24, 41–43), а на пути в Еммаус был узан им в преломлении хлеба (см.: Лк. 24, 34–43; 13–31). Таким образом, артос означает Господа Иисуса Христа, Воскресшего ради нас грешных и Являвшегося неоднократно ученикам.

Теперь понятно, с какими чувствами должны мы, приступая, лобызать и вкушать его. Мы должны представлять, что мы лобызаем Господа Иисуса Христа, вкушая, мы должны представлять, что вкушаем Тело Господа Иисуса Христа... И кто с верою вкушает сей артос, тому Господь подает исцеление души и тела, как об этом свидетельствует и молитва².

обителей после праздничной литургии. Этот чин восходит к указанному апостольскому обычаю возносить за трапезой хлеб в честь Воскресшего Господа. По преданию, когда апостолы совершали это возношение в третий день по Успении Богородицы, после слов «Велико имя» внезапно явилась на воздухе Пресвятая Богородица с предстоящими Ей ангелами. Апостолы воскликнули: «Пресвятая Богородице, помогай нам». После этого чудесного события апостолы стали совершать возношение в честь Пресвятой Богородицы, которое стало именоваться «возношением панагии» (слово «панагия» значит «всесвятая», это одно из имен Богородицы).

¹ Иногда на артосе изображается Крест, как знамение победы Христа над смертью.

² Ср.: «...И ныне благослови хлеб сей, яко да вси, вкушающи от него, телесного и душевного благословения и здравия сподобятся благодатию и щедротами Твоего человеколюбия...»

Таким образом, братие и сестры, примите этот артос от моей грешной руки, как от руки Самого Господа Иисуса Христа, и с верою вкушайте его — *и по вере вашей... будет вам* (Мф. 9, 29).

Дела милосердия

*В Иверской общине сестер милосердия¹
В неделю 4-ю по Пасхе, о расслабленном
27 апреля 1914 года*

Христос Воскресе!

В сегодняшний воскресный день Святая Церковь вспоминает о том, как Господь Иисус Христос исцелил расслабленного. Мы в ныне читанном Евангелии слышали об этом.

Итак, в самой середине ветхозаветной Пасхи Господь Иисус Христос по обычаю пришел в Иерусалим в эти дни. Совершив молитву, Он остался там для посещения тех, которые особенно нуждались в Его помощи и Его проповеди. И вот прежде всего Он отправился в Вифезду, где постоянно раздавались плач и стоны страждущих. Сухие, хромые и прочие расслабленные ожидали появления ангела, ибо как только ангел возмутит воду, то первый опустившийся туда и получал исцеление. И вот все ожидали этого дня, но не могли дожждаться, чтобы первым попасть в купальню. И вот среди них был расслабленный, страдавший 38 лет. Страдавший искал человека, который бы первым опустил его. 38 лет он ждал и жаждал исцеления. И вот Господь Всемогущий исцелил его одним словом Своим: *Востани, возьми одр твой и ходи* (Мф. 9, 6). И он взял постель и пошел, совершенно здоровый, славя Бога.

Так Господь ознаменовал эти праздничные дни делами милосердия и нам заповедал делать дела милосердия,

¹ Иверская община сестер милосердия Российского общества Красного Креста на Большой Полянке, основанная в 1894 году. Главной вдохновительницей деятельности общины была великая княгиня Елисавета Феодоровна. В числе почетных попечителей общины были члены Императорской фамилии, протоиереи Иоанн Кронштадтский, епископ Трифон (Туркестанов) и другие иерархи. Храм общины во имя Иверской иконы Божией Матери действовал до 1923 года. Возвращен Церкви в 1993 году.

а в особенности в дни, Ему посвященные, праздничные дни. Дела милосердия необходимы для христианина также, как пища и питье для жизни. И он должен алкать и жаждать, как человек голодный.

Еще в языческом мире были люди, которые говорили, что каждый день надо делать добро. Так был один языческий царь, он считал тот день потерянным, если в него он не сделал доброго дела, потому что он познал, что дела милосердия нужны душе, как самые необходимые. Надо делать их, не откладывая, не надо ждать, о, напротив, надо искать нуждающихся. Ведь их есть целые десятки, а когда придут просить — не надо отказывать. И нам надо идти на помощь нуждающимся.

Когда творить надо добрые дела?

Творить их надо в дни, посвященные Самому Богу, в дни праздничные, как Он и Сам это делал, исцеляя слепых, хро-
мых, расслабленных. И я искренно радуюсь, дорогие сестры, что вы познали благо дел милосердия и не только этому посвящаете праздничные дни, но и всю вашу жизнь. Вы пошли не туда, где радость и веселие, а туда, где, по выражению пророка Иезекииля, *плач, и стон, и горе* (Иез. 2, 10). Благо вам! Трудитесь, и да укрепит Господь труды вашего служения. Твердо верую, что если вы добросовестно будете исполнять ваш подвиг, то почувствуете успокоение вашей совести, а затем, на том свете, услышите блаженный глас: *Вниди в радость Господа Твоего!* (Мф. 25; 21, 23).

Я усердно молился о том, чтобы вы, взявши этот подвиг, до конца могли его выполнять в обители, посвященной Царице Небесной.

Примите от меня образ Царицы Небесной, нашей Помощницы, и верьте, что Она, Царица Небесная, в тяжелые минуты вашей жизни всегда готова оказать Свою вам помощь.

При посвящении игумении Нины¹

*В соборном храме Страстного монастыря, после литургии,
при вручении ей жезла²
24 июня 1914 года*

Сердечно приветствую вас, братие и сестры, с праздником и радуюсь, что Господь привел меня помолиться вместе с вами и принести за всех вас Бескровную Жертву Спасителю нашему. Радуюсь, что Господь привел меня помолиться в этот светлый и радостный праздник³, который усугубляется еще и посвящением в сан игумении вашей дорогой настоятельницы.

Сердечно приветствую тебя, возлюбленная о Христе сестра, и да будет благодать Святого Духа над тобою! И в какой день Господь сподобил тебя принять эту благодать: сегодня мы празднуем память этого великого пророка и Крестителя Господа нашего Иисуса Христа — можно сказать, первого монаха, стоящего на рубеже Ветхого и Нового Завета. И вот в этот день Господь сподобил тебя этой радости, призванием тебя на высшую степень служения.

Да возрадуется душа твоя о Господе! И пусть усугубляется сия радость тем, что ты назначена не формальным указом, можно сказать, ты назначена желанием сестер: выбрала тебя их любовь — и этому я сам свидетель. Несколько дней тому назад, когда я пришел в приемную залу, я увидел там несколько монахинь. Увидев меня, они встали на колени. «Что вам нужно?» — спросил я их. «Да мы пришли просить тебя, чтобы ты похлопотал о том, чтобы назначили нам игумениею монахиню Нину». — «Зачем же вы пришли в таком большом количестве?» — «Да мы пришли бы всем монастырем, если бы не боялись тебя обеспокоить». — «Ну, будет монахиня Нина вашей игумениею, об этом я постараюсь и похлопочу перед Синодом». И вот ныне их желание исполнилось.

¹ В миру Наталии Сергеевны Закатовой.

² Страстной монастырь, построенный в 1654 г. царем Алексеем Михайловичем, находился на Страстной (после 1937 г. — Пушкинской) площади. Полностью разрушен в 1937 г.

³ 24 июня Церковь празднует Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

И в этой любви преуспевание обители. Недаром русская пословица говорит: «Где любовь, там и Бог». Пусть эта любовь будет служить тебе утешением в скорбях, которые, несомненно, будут предстоять тебе. И, скажу по опыту, чем выше положение, тем острее и глубже скорби: тут и враг нашего спасения устремляет множество раскаленных стрел, тут и зависть преследует превознесенного... Одним словом, злоба, клевета, ненависть постигают всех, кто удостоивается высшей власти. И в этом удостоверяет тот величайший пророк, подвижник, величайший в рожденных женами человек, который жил в пустыне, творил одно добро... И вот он умирает от руки злодейской, мучимый за правду.

Таков удел всех тех, которые избраны вещать людям правду. Пусть приходят тебе слова Господа Бога, Который говорит: *Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда... будут поносить... Напротив... горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо* (Лк. 6; 22, 24, 26). Потом Он говорит в Святом Евангелии апостолам, а следовательно, и их последователям: Истинно, истинно говорю вам: *Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется... Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое... но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир* (Ин. 16, 20; 15, 19). В этом случае возверзи печаль твою на Господа, взывай к Нему словами псаломпевца: *Боже, в помощь мою вонми, помоги мне, Твой есмь аз* (Пс. 69, 1; 118, 94).

А затем, дорогая сестра, в вашей обители, посвященной Царице Небесной Страстной, есть чудотворная икона великой Утешительницы нашей, Матери Божией. К Ней в минуты скорби прибегай и так говори: «Царице моя преблагая, надеждо моя, Богородице... зриши мою беду, зриши мою скорбь... обиду мою веси, разреши ту»¹. Конечно, Она готова утешить. Вы знаете по опыту, как Она утешает всех верующих в Ее Сына.

К сестрам относись не как строгая начальница, а как родная мать, чтобы они продолжали любить тебя, как и доселе. Пусть и в радости, и в печали они идут к тебе, чтобы излить

¹ Молитва ко Пресвятой Богородице.

тебе свои чувства и поведать тебе все, что имеют сказать тебе. А вы, сестры, относитесь к вашей матушке с послушанием, как к родной матери. Послушание — все для вас, старайтесь исполнять с охотою всякое послушание, помня, что в нем есть залог и успех вашего спасения.

Скажу вам, с чем я сравниваю монастырь. Уподоблю его улью. Монастырь — это улей. Настоятельница — матка, а монахини — это пчелки. Как там, в улье, пчелки трудятся, точно так же и здесь — монахини трудятся для обители, делая каждая свое дело, в общем делает это для всех. Каждая сестра исполняет свое послушание и радуется о Господе.

Прими, дорогая сестра, в благословение от меня эту святую икону Царицы Небесной. Пусть сия святая икона напоминает тебе, как Пречистая Дева получила с неба радостную весть о рождении от Нее Сына Божия. А затем этот жезл — символ власти; прими его от моей грешной руки, как бы от руки Самого Господа, Присутствующего здесь. И да благословит тебя Господь Бог!

Теперь пожелаем еще раз дорогой матушке игумении многих лет.

Се бо отныне ублажат Мя вси роди...

*В церкви Тихвинской иконы Божией Матери в селе Алексеевском,
26 июня 1914 года*

Сердечно приветствую вас, возлюбленные братья и сестры, со светлым и радостным праздником и радуюсь, что Господь привел меня вновь помолиться вместе с вами и принести за всех вас бескровную Жертву Спасителю нашему Богу. Радуюсь также и тому, что, уже несколько лет совершая здесь служение в ваш престольный праздник, я убедился в вашей вере, в вашем благочестии, в вашей любви ко храму Божию и благолепному служению. Радуюсь и потому, что, совершая несколько лет здесь служение и молясь за вас, я уже не могу считать вас чужими и далекими для меня: ничто не сближает так и не роднит, как общая усердная молитва друг за друга. Вот почему вы — прежде чужие — теперь сделались близкими и родными. Вот почему я горячо молился за вас, конечно,

надеюсь, и вы помолились за меня, грешного. Радуюсь и тому, что мне приходится совершать служение в день праздника Царицы Небесной: этот праздник особенно близок нашей душе; в это время особенно ясно чувствуются Ее слова: *отныне ублажат Мя вси роди* (Лк. 1, 48).

И, действительно, это Ее пророчество не замедлило сбыться и с самых первых, первых дней христианства люди почитали Ее и будут почитать до скончания века.

Почему же почитают Ее? Потому что Она сподобилась быть Матерью Господа Бога; а на нашей грешной земле Сын Ее называл Ее Матерью Своею. Ублажают Ее потому, что Она является Заступницею за род христианский. И в самом деле, если сын послушный исполняет веления своей матери, то тем более Господь-Законодатель слушает ходатайства Своей земной Матери. Ублажают Ее потому, что Она утешает в скорбях, немощах... Можно сказать, у Нее неистощимое море чудес.

Как знать, может быть и среди стоящих здесь есть много таких, которые могут засвидетельствовать, как Царица Небесная помогает в жизни; много есть и таких, которые могут засвидетельствовать, как скорбь грызла их сердце, как ими овладевала тоска, болезнь удручала их душу и тело — и вот Царица Небесная пришла им на помощь, и одна молитва Царице Небесной у врачевывала их сердце и Царица Небесная утешала их.

Ублажают Ее потому, что Она являет Свою помощь не только отдельным людям, но и целым народам. Народ с благодарностью вспоминает Царицу Небесную. То Тамерлан нападает с войском на Русскую землю, готовый разгромить ее, но он бежит: он видит Жену молниеобразную¹, Которая обращает его в бегство. Нападают на Москву поляки, взят Кремль, Москве грозит окончательная гибель, но является на помощь Царица Небесная и говорит епископу Арсению: «Я обещаю Свою помощь». И действительно, русские были избавлены от

¹ Здесь упоминается одно из чудес, бывшее от иконы Богоматери Владимирской в 1395 году. В воспоминание этого чудесного события совершается празднование в честь сретения Владимирской иконы Божией Матери 26 августа.

поляков. Нападают французы и с ними 12 языков, народ русский молится Царице Небесной — и Наполеон побежден. Затем этот образ Царицы Небесной напоминает, как Царица Небесная помогла нам и прогнала врагов от города Тихвина¹.

Будем, дорогие братие и сестры, прибегать к Царице Небесной, будем просить Ее помощи, когда постигнут нас утраты дорогих близких наших, когда нашим телом овладевают болезни, когда скорби будут сжимать наше сердце. Ведь Сам Господь сказал: *Просите, и дастся вам* (Мф. 7, 7). Некогда Пророк Илия помолился и затворил небо, и началась засуха; еще помолился, и пошел дождь. Мы не святые, мы грешные, но веруем, что Господь слушает и грешную, но от искреннего сердца приносимую молитву. Мы ведь молимся о том, чтобы Господь послал дождь на землю, и чтобы на полях произросли растения, полезные для человека.

Точно также будем молиться и о том, чтобы Господь послал духовные блага в нашу нежную, иссохшую душу, чтобы она не переставала приносить плоды духовные: любовь, мир, веру, наипаче веру — веру апостольскую, веру отеческую. Будем молиться Царице Небесной, нашей общей Матери, будем ублажать и просить Ее помогать нам в нуждах и скорбях наших. [Аминь.]

В 13-летнюю годовщину архиерейства

В Богоявленском монастыре
1 июля 1914 года

Искренне тронут, дорогие друзья, что вы пришли сегодня, в эту знаменательную 13-летнюю годовщину моего архиерейства, помолиться вместе со мною и принести за меня ваши молитвы. Кто знает, очень может быть, я последний раз

¹ Это произошло в 1613–1614 гг. Шведские войска, вторгшиеся в северные пределы России, захватили Новгород и неоднократно пытались разрушить Тихвинскую обитель, в которой находилась чудотворная Тихвинская икона Божией Матери. После того как Тихвинская икона была обнесена с крестным ходом по стенам монастыря, на осаждавших напал беспричинный страх, они пришли в смятение и бежали прочь от обители и от города.

встречаю этот день вместе с вами в этом монастыре. Вернее всего, что в последний раз. Тем более утешительно видеть вас, молящихся и благословляющих меня на другой подвиг.

И скажу я, что в этом служении мне как-то особенно ясно вспоминаются все отдельные обстоятельства и случаи из этих прошедших тринадцати лет. Как-то особенно ясно вспоминаются мне незабвенные дни моего наречения, когда я стоял пред сонмом архиереев, прося их молитв словами святого Иоанна Златоуста¹. Как-то необыкновенно ясно представляется мне наш древний Успенский собор в этот день, 1 июля — день моей хиротонии. И я, как бы сейчас, вижу себя стоящим среди сонма священнослужителей, дающего обет, исповедующего веру, а затем преклоняющего главу пред Святым Евангелием. А затем, дальше вспоминается мне вся прошедшая жизнь моя в этой обители: как постепенно устраивалось богослужение, как постепенно усовершенствовался церковный строй, как благоукрашались наши храмы, которые я застал закопченными, забытыми. Как постепенно собиралось здесь стадо овец Христовых и как прекрасны и торжественны были здесь службы. И некоторые праздники казались особенно для меня выделяющимися, как, например, праздники Рождества Христова, навечерие Богоявления, освящение воды, молебны с общим пением, возжжение свеч... Дни Великого поста, и в особенности первая седмица, и дивные службы Страстной и Светлой седмицы.

Вспоминаются и отдельные эпизоды из моей жизни. Как всегда светло и радостно праздновался день моего Ангела и многие другие... Вспоминается, как светло и радостно праздновали мы день прославления преподобного Серафима, который, поистине, как бы избрал себе жилищем наш монастырь — может быть, потому, что он видел, как искренно мы его почитаем. Вспоминаются мне и ужасы 1905 года, молебен на Красной площади на день святителя Николая, когда все вы и еще многие другие, не боясь всяких угроз, не устрашились и пошли все за вашим грешным пастырем, готовые даже

¹ В речи при наречении во епископа преосвященный Трифон просил архипастырей «златыми словами златословесного святителя Иоанна» помолиться «о ниспослании (ему) великой помощи свыше...»

приятъ смерть. В эти страшные дни Москва казалась как бы осиротелою, когда гремели всюду выстрелы и когда на каждом шагу грозила смерть. Вспоминается, как вы каждый вечер приходили сюда молиться, говеть, исповедываться и причащаться и на все были готовы.

Вспоминается, с какою любовью и благодарностию вы в десятилетие моего архиерейства молились все за меня. Наконец, вспоминается самое последнее тяжелое и горькое обстоятельство — и не только для меня, но и для некоторых из вас — кончина моей матери. И здесь, более чем где-нибудь в другом, я познал, какова духовная связь, связующая детей со своим духовным пастырем. Я познал это, потому что я видел, с какими молитвами вы провожали мою мать, как многие из вас шли пешком до Донского монастыря, как молились вы в девятый, двадцатый, сороковой день... Верю, что и теперь вы ее не позабываете в своих молитвах. Такие впечатления не изглаживаются из памяти и не забываются никогда.

Этот храм останется таким, как был и до меня, таким будет и до скончания века¹. Конечно, всегда здесь будет раздаваться пение и возноситься молитва ко Господу и никогда не оскудеет, а может быть, еще более украсится богослужение. Таким образом, для всех остающихся всегда будет куда прийти и где найти утешение. Но, поверьте, для того, кто уходит, эти впечатления останутся и в тиши, и в уединении, а потому и молитва явится особенно действенной, живой, одушевленной...

Итак, еще раз благодарю всех — и здесь присутствующих, и тех, которых здесь нет, но которые духом присутствуют с нами. Благодарю вас за вашу любовь, за ваши молитвы и за вашу память! Благодарю вас, мои добрые и верные друзья!

На память о нашей сегодняшней молитве примите по книжечке духовного содержания. Аминь.

¹ Древний собор Богоявленского монастыря был закрыт в 1929 г., однако не был разрушен. Богослужение в нем возобновилось в 1991 г.

Речь на молебне на Красной площади по случаю объявления войны Германии¹

20 июля 1914 года

Православные русские люди!

С твердой верой, светлой надеждой помолимся Господу Богу о даровании победы нашему христолюбивому воинству. Война ведь, которую мы теперь поведем, напоминает ту брань, в которой подвизались святые апостолы, мученики и преподобные; это светлый путь в Царство Небесное, ибо Спаситель сказал: *Больши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13). Вот почему ныне вместе со всею Святою Церковью взываем: «Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром!»²

Здесь, на этом месте, свидетели пламенных молитв русского народа за свою Родину, вблизи памятника Минину и Пожарскому, окруженные вековой святыней русской, мы чувствуем себя и сильными и бодрыми, ибо вспоминаем помощь Божию, являемую нашему Отечеству в годы бедствий в многоразличных знамениях и чудесах. Се пред нами икона Владимирская, от световидного лика которой бежал с ужасом татарский хан Тамерлан, пришедший разорить Россию³. Се икона Казанская, изгнавшая врагов из священного Кремля⁴. Се икона Господа Вседержителя, которою святой

¹ Печатается по: [33]. В указанной статье так описано начало этого молебна: «Из Никольских и Спасских ворот показались хоругви. При торжественном звоне на Лобное место прибыл Крестный ход из Кремлевских соборов и монастырей и кафедрального собора. Во главе многочисленного духовенства шли 12 архимандритов, управляющий митрополией епископ Трифон, член Синода архиепископ Алексий и епископы: Модест, Димитрий, Арсений, Евфимий и Владимир. Когда духовенство разместилось на Лобном месте, протоиакон Розов прочел высочайший манифест. После чтения манифеста начался торжественный молебен...»

² Воскресный прокимен на литургии, глас 7-й.

³ В память этого события, происшедшего в 1395 году, установлено празднование в честь Владимирской иконы Божией Матери 26 августа.

⁴ Имеется в виду событие 1612 года, предстательством Пресвятой Богородицы, по молитвам пред иконой Ее Казанской, Кремль, захваченный поляками, был освобожден. В память этого события было установлено празднование Казанской иконе Богоматери 22 октября.

старец преподобный Сергей благословил Дмитрия Донского на славный бой с татарами. Се, наконец, икона самого преподобного Сергия, которая всегда путешествует в наших войсках в бранное время. Этою святой иконою ныне благословляет наша древняя Москва православное воинство.

Да придет же благословение Божие, и Царицы Небесной, и преподобного Сергия, и всех угодников Божиих на Русскую землю. Аминь.

Приветствие императору Николаю II, приехавшему в Москву по случаю объявления войны Германии¹

*В Большом Успенском соборе Кремля
5 августа 1914 года,*

Ваше Императорское Величество!

В словах Ваших, обращенных ко всем русским людям, Вы призывали нас к тому, чтобы в грозный час испытания мы забыли внутренние распри, и эти слова Ваши пали на благодарную почву.

То пламенное воодушевление, которое ныне объединяет всех русских — лучшее тому свидетельство. Забыты все мелкие ссоры, будничные дела и работы, и все сердца слились в одном могучем порыве самоотверженной любви к своей Церкви, к своему Царю, к своей Родине. О, дивные минуты! Святой восторг объемлет сердца, благодарные слезы закипают в груди; мы не zapomним такого времени, и только деды наши повествовали нам о таком же высоком подъеме чувств народных в священную брань 1812-го года. И это, конечно, потому, Благочестивейший Государь, что все мы глубоко

¹ Печатается по: [34].

Владыка Трифон встретил императора Николая II и его Семью в южных дверях Большого Успенского собора вместе с сакеллариями собора протоиереями Пшеничниковым и Субботиным, протодиаконами Розовым и Румянцевым, духовником Царской Семьи Васильевым и протоиереем Восторговым. При торжественном колокольном звоне преосвященный Трифон, взяв в руки напрестольный крест, обратился к императору Николаю II с этой речью (там же.)

вместе с Вами верим в правоту нашего дела и смиренно уповаем на Всемогущий Промысл Божий.

В самом деле, ведь эта война предпринята нами не из каких-либо властолюбивых, горделивых замыслов, не из-за корыстных целей, не из-за выгод житейских, не из-за зависти и злобы к нашим противникам. Нет, мы встаем за наших единоверных и единокровных братьев, мы вступаемся за поруганную правду, за гонимую веру нашу святую, за Крест Христов, за честь и славу нашей Родины, обогрелой и искупленной кровью отцов наших.

Вот почему, Возлюбленный Государь наш, если всегда Москва встречала Вас с великою радостью и утешением, то ныне, видя в Вас Поборника правды Божией и Креста Христова, она с сугубым счастьем встречает Вас, полная глубокой веры и смиренной надежды, что Господь молитвами Царицы Небесной и угодников Божиих — печальников земли Русской, нетленно здесь, в этом святом Кремле почивающих, дарует Вам, всему российскому воинству и всем нам победу.

Да благословят же они Вас, Благодетельнейшую Государыню, Благоверного Наследника — радость и надежду нашу, и все Ваше Августейшее семейство.

Благословен Грядый во имя Господне!

————— 1918 —————

О смирении¹

*В Великий Вторник Страстной седмицы (за литургией)
17 апреля 1918 года*

Завтра после литургии мы в последний раз услышим дивную молитву преподобного Ефрема Сирина, которая так близка нашему сердцу. Мне кажется, что каждый из нас знает ее с самого раннего детства. В этой молитве выражается сущность всего того, чего должна просить душа христианина.

¹ Проповеди, произнесенные на Страстной седмице 1918 г. опубл. в: [40], с. 291–299.

«Господи и Владыко живота моего!..» Эта молитва создана преподобным Ефремом Сирином. Кто из нас не знает его жития? Ефрем Сирин был, как показывает его название, родом из Сирии, он принадлежал к числу величайших подвижников своего времени. Поистине о нем можно сказать, что хотя он по телу был человек, но по духу он был как бы ангел бесплотный. С ранних лет он удалился от мира в пустыню, где и проводил великое подвижничество. Он пользовался глубочайшим уважением своих современников, и сам являлся учителем. Он учил, он обличал пороки, когда замечал их, во время голода молитвами своими испрашивал хлеб, насыщал голодных, исцелял различные болезни, являлся защитником христиан пред язычниками. Его писания приносили огромную пользу. Их так уважали, что они читались в церкви после Евангелия и Апостола.

В своих молитвах он просит всех простить друг другу, он просит бросить пороки, а потом стараться приобретать христианские добродетели. А затем, так как это невозможно сделать без помощи Божией, то якорем благим основных чувств христианина должно быть смирение. Это чувство смирения, сознание своих слабых сил в надежде на помощь Божию — в этом-то и отличие христианства от язычества. Язычники горделиво говорят так: «Пусть боги дадут нам богатство, здоровье, честь, а добродетели сами собою достанутся». Это говорит тот, кто не знает своей души, тот, кто никогда не проникал в глубину своего сердца и своих чувств, он никогда не проникал духом в смысл христианских добродетелей. А христианин, проникая в свою душу, рассматривает в ней, как глубоко проник туда грех, как зло сплетено с добром, как яд греха проник глубоко. И чтобы поистине быть истинным христианином, а не казаться только таковым по виду, как много надо пламенной борьбы. Человек будет казаться поверху чистым, а внутри его есть яд гордости. И вот в сознании своей слабости, своего бессилия христианин обращается с пламенной надеждою к Богу, молится Господу, взывает он: «Владыко моей жизни! Если Ты не можешь мне помочь, то я ничего без Тебя не могу сделать. Вырежь зло из глубины моей души и всади туда семена

добра...» Так молится христианин. И мы, готовясь к величайшему Таинству, с надеждою будем взывать к Нему, с надеждою на Его помощь. [Аминь.]

О покаянии

*В Великую Среду Страстной седмицы (за литургией)
18 апреля 1918 года*

Итак, закончилась Святая Четыредесятница, и сейчас в последний раз мы слышали молитву великопостную: «Господи и Владыко живота моего». Закончилось и наше говение для многих из нас, и вы завтра приступите к Таинственной Трапезе — к Таинству Причащения. Для некоторых говение еще продолжится, некоторые пожелают причащаться и в Великую Субботу. А некоторые, может быть, и на Пасху.

Но пусть не унывают те, для которых говенье было так кратковременно — дело не в количестве дней, а в том, как провели мы это время. Если мы с полным сокрушением о своих грехах, с искренним желанием оставить их и отныне начать вести добрую христианскую жизнь, если мы так думали, то и малое сокрушение принесет немалую пользу. Еще так недавно мы вспоминали память преподобной Марии Египетской. Я рассказывал вам, как в ней пробудилась совесть и она дала обещание изменить свою жизнь. Это произошло в одно мгновение, по выходе из Иерусалимского храма.

И вот припоминается мне один рассказ¹. Был один преподобный — Павел Препростый², который и получил это название за свою простоту. Вот однажды братия входила в церковь, и он увидел человека с лицом мрачным, черным, лицом искаженным от страдания. Видел он, как ангел-хранитель шел поодаль и плакал. Очевидно, в душе этого человека накопилось множество грехов, может быть, идя в церковь, он обдумывал какое-нибудь злое дело. Но вот окончилась служба, и видит Павел: лицо его сияет и он выходит из церкви уже радостный.

¹ Древний патерик, 18, 27.

² Преподобный Павел Препростый жил в IV в. и был учеником преподобного Антония Великого. Память его Церковь празднует 7 марта и 4 октября.

И что же оказалось? Оказалось, что это случилось в то время, когда он услышал слова пророка: *Покайтесь, очиститесь, омойтесь...* (Ис. 1, 16-17). Эти слова пали в его сердце, он дал слово изменить свою жизнь — и был прощен Господом. Да не ослабевает этот пример и в нас!

А затем дам некоторое практическое наставление готовящимся к исповеди. Вспомните десять заповедей, заповеди блаженства и по ним испытайте свою душу. Обсудите хорошенько, в чем вы согрешили. У каждого есть свои греховные язвы. Все сообразите, склоните свою гордость и проникнитесь чувством покаяния. Старец Оптинский отец Амвросий, которого многие из здесь стоящих сами слышали, заповедывал всегда перед исповедью припомнить все содеянное в жизни, начиная от 7-летнего возраста — то есть с того времени, когда в человеке пробуждается сознание. А затем советовал построить свою душу на все высокое и чистое, читать псалмы, Евангелие, жития святых и посколько возможно менее думать о мире греховном — чтобы сохранить светлое настроение, чтобы достойно причаститься Святых Христовых Таин.

О чистоте души

Вечером, 18 апреля 1918 года

«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам, да вниду в оны: просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя»¹.

Знаете ли, откуда заимствован этот образ чертога? Он заимствован из притчи Господа Иисуса Христа, как некогда человек богатый и знатный устроил вечерю и пригласил на нее всех своих знакомых, но все под разными предлогами отказались. Тогда он созвал всех, находящихся на улице. И тогда пришел туда один человек в одежде загрязненной, и тогда хозяин пира велел его вывести. Здесь под вечерю подразумевается Царство Небесное, под одеждою — наша душа, с которою мы должны будем предстать на Суд Божий. Там, в Царстве Небесном, преподобные сияют, как драгоценные камни, там святые

¹ Эксапостиларий Великого Понедельника, Вторника, Среда и Четвертка.

украшены своими добродетелями, там архангелы и ангелы воспевают Господу Богу. Там свет, там вечная жизнь, там радование. Но, увы, не имам одежды, чтобы войти туда и боимся быть изгнанными подобно этому человеку. Там свет — а душа наша темна! Там чистота — а душа холодна! Там любовь — а душа любит злобу! Там отрешаются от всего земного — а душа прилепляется ко всему земному. И единственно, что остается, — это взывать к Спасителю Богу: «Просвети одеяние души моя и спаси мя! Ибо я Твое есмь создание, не презри меня. Просвети! Я не прошу света Фаворского, ибо он свет присных¹ Твоих, просвети светом Голгофы² — чтобы уразуметь свет Твоих страданий, Как жить и куда идти? Просвети — ибо я не желаю греховной жизни, а желаю пути христианского для достижения Царства Небесного!» [Аминь.]

Путь Христов

*В Великий Четверток Страстной седмицы (за литургией)
19 апреля 1918 года*

Сердечно приветствую вас с принятием Святых Таин. Вот еще раз подвиг молитвы, поста и покаяния привел вас к Трапезе Господней. Снова «Царь царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным»³. Снова соделывает Себе чертог — не вблизи нас, а в нас самих. Слава Тебе, милосердый Господи!

Куда же мы теперь пойдем? Есть два пути. Один путь — во двор архиереев, к Анне и Каиафе⁴, — чтобы предать Христа. Это путь Иуды предателя, который, причастившись на Тайной вечери, пошел предать Спасителя своего. Есть еще путь — путь в Гефсиманский сад вместе со Христом Спасителем,

¹ Присный — *церковнослав.*, ближний.

² Ср. с песнопениями, прославляющими Крест Христов, — «место, идеже стоясте нозе Твои, Господи», — в которых взываем: «Возсияй, Господень Кресте, светолучныя молнии Твояе благодати в сердца чтущих тя...» (неделя Крестопоклонная, стихирьы на Господи воззвах и на поклонение Кресту).

³ Из тропаря, поемого вместо Херувимской песни в Великую Субботу.

⁴ Анна — первосвященник с 6 г. до Р. Х. по 15 г. по Р. Х. Каиафа, зять Анны, — первосвященник в годы проповеди и страданий Спасителя (18–38 гг. по Р. Х.).

на страдания, молитву и сораспятие с Ним. Это — путь апостолов, и он привел их к вечной славе. Сами выбирайте, каким путем идти.

Кто же идет путем Иуды предателя? Тот, кто живет в суете ума, кто свою жизнь, свое мнение ставит выше Господа Бога и сам объявляет себя Господом Богом, тот, кто служит своим страстям, для кого день наслаждений — высшее благо. Таковой второй раз распинает Христа Спасителя и идет путем Иуды предателя.

Кто же идет путем апостолов, путем в Гефсиманию? Тот идет путем в Гефсиманию, кто плоть свою распинает ради Христа, тот, кто исполняет Его святую волю, кто Его желает больше всего на свете, это тот, кто сораспался и живет в благочестии, тот, кто говорит: *Для меня жизнь — Христос, и смерть — приобретение!* (Фил. 1, 21). Это тот, кто, подобен апостолу Петру, споткнувшись, опять кается, такому конец — вечная жизнь, которую Сам Христос Спаситель обещал любящим Его.

Дорогие братие и сестры, когда Господь Иисус Христос закончил Свою речь о великом Таинстве Причащения Тела и Крови Его и о том, как надо жить, чтобы быть последователями Его, то многие оставили Его, говоря: *Жестоко есть слово сие, и кто может его послушати?* Тогда Господь обратился к ученикам и сказал им: *Не хотите ли и вы отойти?* Тогда апостол Петр с пламенной верою, от лица своих апостолов и всех верующих, воскликнул: *Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6; 60, 67–68).

И вот, дорогие мои, в это тяжелое время, когда так жестоко ополчилось неверие, можно сказать, гонение на Христа, будем Ему верными, не отступим от Него; и всегда, чтобы ни случилось с нами в нашей жизни, будем готовы вместе с апостолом Петром сказать: *Господи! к кому нам идти?* И мы верим, что Иисус Христос, Сын Божий, жить будет в наших сердцах. Да будет так!

А теперь возблагодарим Господа за то, что Он вселился в наши грешные души и живет в них, и из глубины души и сердца воззовем к Нему: «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!»

О всех братьях ожесточенных

На утреню Великого Пятка
19 апреля 1918 года

Вспоминается мне, как Христос Спаситель шел на казнь, спотыкался и изнемогал под тяжестью креста Своего... Множество народа окружало его и многие женщины не могли удержаться от слез, плакали и рыдали... Тогда Божественный Страдалец обратился к ним и сказал: «Дщери Иерусалимские, не плачьте обо Мне, а плачьте о себе: ибо придет время, когда скажут: *блаженны неплодные и утробы неродившие и сосцы непитавшие, если с зеленеющим деревом так поступают, то что будет с сухим* (Лк. 23, 29–31).

Да, дорогие братие и сестры, те слова Спасителя имеют вечное значение и относятся ко всем нам и теперь говорит Спаситель: «Дети Нового Сиона, Моей Церкви, Я Своими страданиями купил вам вечную славу. Не только временно, но на все века и для всех христиан. Между тем другие, вместо покаянного плача, видя, как полагают ныне Мой крест и Мой гроб, причиняют Мне снова страдания». В самом деле, когда видим все увеличивающееся неверие, когда видим богохульство, кощунство, когда видим, как увеличиваются эти пороки, эта ненависть, это оскудение любви ко всему святому, чистому, как не плакать о себе и о грядущем поколении. Ныне более, чем когда-либо, наступает время плача, покаяния, молитвы.

О, Создатель, знаем, что наступит время Страшного суда, о котором так мало многие думают, который стараются отрицать; наступит время, когда скажут горам — падите на нас, и утесам — покройте нас от лица Сидящего на Престоле, ибо пришел день Господень и кто может противостоять ему. И тогда горы не падут и холмы не покроют.

И теперь, пока есть время, должны молиться слезно: «Умягчи, Сладчайший Владыко, сердца наши, дай нам покаяние, умножь нашу веру, дай нам полюбить эту новую заповедь, которую Ты дал нам: пусть наша молитва будет о всех братьях ожесточенных, неверующих. Некогда Ты принял покаяние разбойника, ныне прими и нас вопиющих Тебе от чистого сердца: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии Твоем».

Время покаянных слез

В Великий Пяток (на всенощной)

20 апреля 1918 года

Знаю и вижу, что ныне, слыша скорбные песни и видя Крест Христов, мы все потрясены духом и многие из нас проливают слезы. И вспоминается мне евангельский рассказ о том, что когда совершалось это страшное дело и безгрешный Страдалец Спаситель Христос, изгибаясь под тяжестью Креста Своего, шел на место казни, за Ним следовало *великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем. Иисус же, обратившись к ним, сказал: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших. Ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившиеся, и сосцы непитавшие! Тогда начнут говорить горам: падите на нас, и холмам: покройте нас. Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?»* (Лк. 23, 27–31).

Слова Спасителя имеют вечное значение, они обращены и к нам. Как бы так говорит им Спаситель: «Сыны и дочери Нового Сиона — Моей Церкви, не плачьте обо Мне, Мои страдания стяжали вечную славу — не Мне только, но и вам, христианам. Есть у вас другой предмет для горького плача, для возбуждения которого Я и являю вам Мой Крест. Плачьте о себе и о ваших детях, плачьте о своих грехах».

Поистине, видя все более и более усиливающееся неверие среди людей, умножающиеся грехи и беззакония, оскудение любви ко всему чистому и святому; мало этого, даже богохуление и кощунство над всем великим и святым, как не плакать нам и о себе, и о грядущих поколениях? Ныне, более чем когда-нибудь, должно быть глубоко наше покаяние, пламенная молитва. «Спасителю наш, верим мы, что наступит время Страшного суда Твоего, и многие тогда с ужасом и отчаянием воззовут горам и утесам: *Падите на нас и сокройте нас от лица Седящего на престоле, яко прииде день великого гнева Его, кто может стати?*» (Откр. 6, 16–17)».

Умилостивись же над созданием Твоим, дай нам время для покаяния, просвети очи сердца, чтобы уразуметь нам Твою истину, смягчи нашу гордость и озлобление, укрепляй в нас

веру. Не о себе лишь мы ныне пред Крестом Твоим, на котором Ты пострадал, ради всего человечества, но и о всем мире, о всех заблуждающихся, озлобленных и ожесточенных наших братьях. Ты некогда принял разбойника в рай и нас всех вместе с покаявшимся разбойником прими в Твои отцовские объятия, вопиющих к Тебе от чистого сердца и взывающих: «Помяни нас, Господи».

Все находимся в воле Божией

*В Великую Субботу Страстной седмицы, за литургией
21 апреля 1918 года*

Святой пророк Исаия за много и много столетий до страданий Христа Спасителя предсказал о них так, как бы будто видел их своими глазами. Откройте книгу его и вы сами увидите, до какой степени все то, что было о Нем сказано Им совершилось. Там говорилось, что он будет погребен *с миром* (Ис. 57, 2), и *будет покой Его честь* (Ис. 11, 10). Не правда ли, какое же могло быть Его погребение у богатого, когда так ненавидела Его злоба людская и ненависть. Эта ненависть простиралась даже до и тогда, когда Он висел на Кресте. Он жаждал, и того не хотели сделать, все время то смеялись над Ним, то издевались. Его страдания не умиляли народ, а, наоборот, возбуждали ужаснейшую злобу.

Его казнили как преступника, осужденного на смерть, — как же могло совершиться Его погребение с миром? Вы сами знаете, хоронили Его друзья в саду, тихо, спокойно, и только лились слезы любящих Его. Хоронили Его в тихий вечерний час Его почитатели; таким образом Его погребение причиняло внутреннее глубочайшее горе, а внешне, по обычаю евреев, нельзя приступать к мертвому телу, и вот поэтому все враги оставили Его, ради Его погребения и ради Пасхи, и остались только друзья Его, которые испросили тело Его для того, чтобы похоронить. И замечательно, кто Его хоронил...

Его хоронили не ученики — их здесь не было. Они проявили свою любовь к Нему после Вознесения и после Сошествия Святого Духа на них. Они стали проповедывать Евангелие и пострадали за Христа.

Здесь хоронили Спасителя те, которые скрывали ото всех то, что они были тайными Его учениками. Они должны были тщательно скрывать свои пути к Нему. Им были известны Его чудеса, как Он воскрешал мертвых. Они хоронили Его тогда, когда все оставили Его, когда вера в Него считалась государственным преступлением... И вот в это-то время они просят тело Его для того, чтобы похоронить Его. Нужно было для всего этого такое особое настроение, чтобы проявить все это явно... И пророк Исаия говорит: *будет покой Его честь...* Эта казнь преступника, осужденного на смерть, и Он будет похоронен с честью.

Смотрите, некоторые жены-мироносицы покупают масла благовонные, драгоценное миро для того, чтобы помазать Его пречистое Тело. И в таком количестве, как Царю.

И этого мало — Его враги, желая унижить Его, тем самым как бы возвеличивают Его. Как об этом слышим мы в Евангелии: «Господин, ученики Его в третий день может быть украдут тело Его и скажут: «Он воскрес из мертвых», поэтому привали камень ко гробу и запечатай печатью» (ср.: Мф. 27, 63–64). Так было все сделано... ко гробу Христа Спасителя поставлена была почетная стража, как ко гробу великого Императора. Ему была оказана величайшая честь. С другой стороны, это было знаменательно: Его хоронил ученик тайно, и когда Он воскрес, то могло явиться у них сомнение, не украли ли Его ученики и не сказали ли они, что Он воскрес... Но здесь не могло быть никакого сомнения: стража из язычников, камень привален, гроб запечатан. Здесь уж не могло быть более никакого сомнения и ложь сама себя наказала.

Таким образом, и погребение Его было с миром, и покой Его с честью. И как ни старались враги Христа охранить гроб Его, но, видимо, против воли Божией не пойдешь, и для человека это было сделать невозможно.

А, может быть, некоторые спросят: как нам направить нашу жизнь для того, чтобы она была полезна. Будем хранить всегда нашу веру и никого и ничего не бояться. Потому что враги Христа могут задумать так, а выйдет иначе. И в нашей жизни все, что мы делаем ради Христа, ведет всегда к хорошим обстоятельствам, потому что все находимся в воле Божией.

Закончу словами: *Не убойтесь от убивающих тело, души же не могущих убить: убойтесь же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне* (Мф. 10, 28). Бойтесь Христа Бога — Он есть Бог не мертвых, но живых (ср.: Мф. 22, 32). Его власть простирается не только здесь, но и за пределами нашей жизни. Потому что здесь мы являемся только пилигримами, то есть странниками...

Да утверждает в нас Господь Бог веру, и, утвердив, да поможет нам беспрепятственно прейти житейский путь.

Желаю вам радостно встретить праздник Воскресения Христова. И пусть, когда Церковь будет восклицать: «Христос Воскресе!», вы ощутите такой родник духовной радости. А если постигнут вас скорби, то будем верить, что Господь Бог всегда с нами и всегда готов проявить и Свою милость и Свое благо-словение.

В Никитском монастыре¹

*Во Вторник Святой Пасхи (за литургией)
24 апреля 1918 года*

С особым чувством я приветствую вас в этот раз, дорогие сестры, этим радостным приветствием: «Христос Воскресе!» И это, конечно, потому, как вы и сами знаете, — мое знакомство с вашей обителью, а следовательно, и со всеми вами, насчитывается многими и многими годами. Много и светлого, и радостного, и печального соединено у меня при воспоминании о ней. Давно не приходилось мне быть здесь и совершать здесь богослужение. И много воды утекло за это время: началась беспощадная война, и Господь привел меня быть одним из участников ее. Был я свидетелем славной деятельности наших воинов и не менее славной кончины наших дорогих братьев — русских воинов. А затем начались всевозможные смуты, и до сего времени многие продолжают. За это время мы успели как бы прожить целые десятки лет — каждый месяц казался и кажется более, чем за год. За это время некоторые успели уже состариться. Но не стареет одно — это любовь

¹ Опубл. в: [40], с. 300–301.

христианская. И, скажу вам искренно и нелицеприятно, я всегда вспоминал вас и с любовью за вас молился.

В самом деле, как много у меня воскресает воспоминаний прошлых. Вспоминается мне возлюбленная старица игумения Паисия. Господь да ублажит ее и да упокоит ее душу в Царствии Небесном. Вспоминается и другая старица, тоже родная и близкая мне, — моя мать, которая так сроднилась с вашей обителью, которая так часто имела приют и отдых в вашей обители и пользовалась сердечным вниманием; немного пережили они друг друга.

Я первый раз служил в вашей обители, когда был архимандритом, ректором семинарии, а затем, в продолжение моей архиерейской деятельности, много раз совершал здесь богослужение. И на хуторе, который возрастал на моих глазах... Здесь совершал я заупокойное богослужение по матушке игумении Паисии, и, кажется, это было одно из самых трогательных моих здешних богослужений. А затем настала война, и мы расстались, и верилось мне, что снова Господь Бог соединит нас для общей молитвы. И когда же это случилось? В светлые дни Светлого Праздника. Может быть, для того, чтобы показать, тем, кто соединены искреннею верою и братскою любовью, что Господь готов всегда оказать Свою всеильную помощь и послать в сердца их Свою радость. Я пламенно молился о том, чтобы этот дух радости ничем не омрачался и оставался бы даже и в тяжелые дни, и при тяжелых обстоятельствах, которые мы и многие переживаем.

Что же за причина этой радости? Она в том пении, которое так часто слышится теперь, в эти пасхальные дни: «О любезного, о сладчайшего Твоего гласа! С нами бо неложно обещался еси быти до скончания века»¹. Слышите, что Он говорит, наш возлюбленный Спаситель? Он говорит, что Он всегда с нами: *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20). А если Он с нами, если Он около нас, если Он нас помнит, то что могут сделать с нами люди? Ничего — потому что велика сила Христова, велика сила Его Креста. Это Он возвышает, увеселяет, радуется и радуется всех скорбящих. Это Он поселил радость в апостолах, так что они, радуясь, готовы были идти

¹ Канон Пасхи, 9-я песнь, 1-й тропарь.

на страдания и смерть. Как и говорит апостол Павел: *Преизобильную радостью, при всей скорби нашей* (2 Кор. 7, 4).

Да укрепляет в нас Воскресший Спаситель веру и любовь! И тогда Он всегда будет с нами, и тогда наша радость всегда будет с нами (ср.: Ин. 16, 22), какие бы ни были обстоятельства. И вот моя молитва: «Да будет с вами Воскресший Спаситель всегда, и здесь, и в будущей жизни». Аминь.

На могиле протоиерея Валентина Амфитеатрова¹

*На Ваганьковском кладбище во Вторник Светлой седмицы
24 апреля 1918 года*

Христос Воскресе!

В эти пасхальные дни заупокойные песнопения уже перестают быть унылыми и печальными, потому что сердце полно ликования и радости. Вера и надежда окрыляется упованием, что Воскресший Христос воскресит и нашего дорогого усопшего батюшку отца Валентина. Воскреснем и все мы, чтобы вечно радоваться в чертогах Отца Небесного. Наш Бог — Бог не мертвых, а живых, и все мы здесь живем для вечной небесной радости.

Вот почему, совершая моление об упокоении души протоиерея Валентина, мы молим Господа, чтобы Он сподобил всех нас причащаться в невечернем дни Царствия Христова², а также и дорогого усопшего до радостного дня всеобщего воскресения.

И верим мы, что он из гроба восклицает эти вечные слова: «Христос Воскресе! Воистину Воскресе!»

О любви

*В Знаменской церкви на Знаменке (за литургией)
28 апреля 1918 года*

Самая главная, самая коренная заповедь Евангелия выражается в одном слове: «Люби!» Как мало, по-видимому, это слово, но какое великое, какое необъятное дело выражает

¹ † 20 июля 1908 года. Проповедь опубл. в: [40], с. 302.

² Канон Пасхи (поемый на Светлой седмице, в том числе и на панихиде), 9-я песнь, 4-й тропарь.

оно!.. Конечно, каждый из нас говорит, что он не лишен любви, любит, например, своих родных, близких, друзей. Но их ли только надо любить? (Но как любить?) Нет. Спаситель говорит: «Любите всех людей без различия, любите и тех, кто вас ненавидит, любите проклинаящих вас, благотворите всем, просящим у вас, не ожидая от них возврата и благодарности». (ср.: Мф. 5, 42–44). И как любить? — *Как самого себя* (Мф. 19, 19). Есть ли мера любви к самому себе? В самом деле, есть ли добро, какого мы не пожелали бы себе от других? Тем не менее эта заповедь не неисполнима, ибо заповеди Христа не тяжки суть. Все дело заключается лишь в искреннем нашем желании исполнить заповедь Спасителя.

Конечно, тотчас или в скором времени невозможно достигнуть полноты любви, ибо это значит сразу достигнуть совершенства. Всякое дело начинается с малого. Прежде всего постарайтесь менее думать о себе и более обращать внимание на окружающих. Если мы будем внимательно всматриваться в жизнь, люди нам откроются совсем не с той стороны, с какой они являются для сухого себялюбца. Тот смотрит на них лишь как на средство своего благополучия и решительно не обращает внимания на их личную жизнь. А между тем у всякого человека свои скорби, свои радости, свои болезни души и тела, и скорбей и болезней гораздо больше, чем радостей. И вот истинный христианин и должен прислушиваться к голосу людей страждущих и по возможности стараться им помочь. Разнообразна должна быть эта помощь: не всякого можно утешить деньгами или вообще вещественным вспомоществованием; много таких, которые гораздо более нуждаются в добром, ласковом слове, в духовном совете. Не откажем в них, утешим их, как умеем.

Такое-то отношение к ближнему называется сочувствием; то есть мы стараемся так же чувствовать, как и они, их чувства переносить на себя. Оно называется и состраданием, ибо их страдания заставляют и нас страдать. А так как от страдания всякий человек желает скорее освободиться, то и мы, сострадавая ближним, [заняты] облегчением его страданий. Когда это сочувствие укоренится в нашей душе, нечего и указывать, что в каком случае надо сделать для других: само сердце укажет нам, чем в известном случае облегчить нашего ближнего.

Но сказано не только любить ближнего, но даже любить и ненавидящих нас. Это, братие, гораздо труднее для нашего грешного себялюбия. Как, в самом деле, любить такого человека, который постоянно вредит тебе и мучает тебя? Но рассмотрим, братие, прежде всего причину этой к тебе ненависти, не сам ли ты в ней виноват и не на самого ли себя прежде всего нужно сетовать? Будучи очень чувствителен ко всякому оскорблению, не оскорблял ли его и не сам ли посеял в его сердце злое семя ненависти? Как часто наша боязливость, наша раздражительность, наша неумеренность ссорят людей, расстраивают самые лучшие отношения, и вот, сами того не замечая, мы вместо друзей создаем себе врагов. Поэтому скорей примиришь, проси прощения, чтобы солнце не зашло в гнев твоем (ср.: Еф. 4, 26). Если и чувствуешь себя правым — все-таки первый примиришь; потом, разобравшись в своих чувствах, может быть, и найдешь за собой вину. Говорят, святитель Тихон, будучи уже епископом, однажды вступил в спор с одним помещиком, который, раздраженный тем, что святой побеждает его в разговоре, забылся до того, что ударил его по щеке. И что же святой? Он смиренно склонился, упал перед ним на колени и, кланяясь в ноги, просил прощения, что раздражил его. Вот великий пример для подражания, и, к сожалению, как очень немногие ему подражают.

Но, если мы и со всеми будем стараться жить в мире, все-таки найдутся злые люди, которые нас будут ненавидеть и завидовать нам. И нам не надо платить ненавистью и злобой — их надо жалеть. Не так пожар опустошает охваченный им дом и пожирает имущество, как злоба или ненависть палит душу и опустошает в ней все доброе. Если редкий человек не пожалеет несчастного погоревшего, то тем более должно пожалеть душу человеческую, палимую диаволом. Как ветер все более и более раздувает пламя и пожар, так и такой человек еще более его разжигает свою душу своими злыми действиями, обидами, наветами, клеветой. Помолимся за ненавидящих нас — они достойны великого сострадания! Они уже здесь начали адскую жизнь.

Итак, братие, будем всеми силами поддерживать это сочувствие к нашему ближнему, дела милосердия да не оскудеют

в нас. Тогда постепенно в нашем сердце исчезнет сухое себя-любие и на его месте вырастет любовь к ближнему. И кто, хотя не совершенно, но хотя в очень малой степени достиг этой любви к ближнему или хотя немного испытал отраду сочувствовать ближнему, тот уже здесь, на земле, вкусит свой рай.

На раздачу артоса

*В Знаменской церкви на Знаменке, после литургии
28 апреля 1918 года*

Итак, сейчас будем раздавать вам святой артос. Вы, вероятно, помните, как в первый день Пасхи мы его освящали, окропляли святою водою и читали особую молитву. Вы видели, как всю седмицу после обедни ходили с ним с крестным ходом вокруг храма; мы сейчас читали молитву перед его разделением. Откуда берет начало этот обычай поставлять святой артос, а затем после особой молитвы раздроблять и раздавать верующим? Обычай этот весьма древний, он ведет свое начало со времен апостольских.

После крестной смерти Господа Иисуса Христа апостолы имели обыкновение за своею трапезою среднее место за столом оставлять пустым и пред ним клали хлеб с уверенностью, что Господь Иисус Христос, их Возлюбленный Учитель, невидимо присутствует и благословляет их трапезу, а затем, окончивши, они поднимали руки и взор свой кверху и возглашали следующие слова: «Слава Тебе, Боже, слава Тебе! Слава Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков! Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помогай нам. Велико имя Пресвятыя Троицы! Христос воскрес! Христос воскрес!»

И затем, после этого, они раздробляли этот хлеб, вкушали, веруя, что Сам Господь Иисус Христос невидимо раздает его для вкушения.

И вот этот обычай совершается и до сего времени. Вот то, что вы сейчас видите, т. е. квасной хлеб, по-гречески «артос», заготавливается, торжественно обносится вокруг храма и после особой молитвы раздается всем верующим.

Что же он означает? Он означает Господа Иисуса Христа, Взявшего на Себя грехи всего мира. Подобно тому, как ветхо-

заветный агнец прообразовал Агнца Божия, Вземлющего грехи всего мира, так и этот хлеб свидетельствует, что Агнец Божий Иисус Христос уже в самом деле совершил наше искупление, что Он сошел с неба на землю, заклался на кресте и дался в снедь верным.

Что показывает этот артос? Он показывает, что Господь Иисус Христос воскрес действительно плотию, а не духом, как утверждают некоторые. А что Он воскрес плотию, об этом Он Сам свидетельствует, вкушая хлеб с апостолами. Свидетельствует Сам и тем, что разрешил апостолу Фоме вложить перст в раны Его. А затем ученикам, шедшим в Еммаус, повелел преломить хлеб и благословил его. Таким образом, видим мы, что Он воскрес плотию.

Понятно теперь, с какими чувствами мы должны приступить к вкушению сего хлеба: лобзая его, мы должны представлять, что мы лобзаем Пречистое Тело Господа нашего Иисуса Христа, а вкушая, духовно мы должны представлять, что мы как будто вкушаем Его плоть. И тем, которые вкушают с верою, Он подает исцеление и духовное и телесное. Приступите к принятию святого артоса и приемлите его от моего грешных руки. И по вере вашей да будет вам.

Приветствие отца Иоанна, настоятеля храма

*В храме Знамения Божией Матери на Знаменке
в Субботу Светлой седмицы
28 апреля 1918 года*

Позвольте принести Вам глубочайшую благодарность от себя и от всех наших прихожан за Ваше посещение нашего храма и дивные служения во дни Страстной седмицы и Святой Пасхи. Эти минуты неразрывного стояния с Вами, эти переживания, эта последняя Пасха останутся надолго в памяти, а также и то редкое сочетание дивных служб с художественным служением. Ваше восторженное церковно-христианское служение приближало всех к тому смыслу, которым проникнуто христианское богослужение. Усталость, скука — эти неотвязные чувства теряли свою силу. Когда оканчивалась служба,

все сожалели и желали бы еще и еще оставаться и молиться, а Ваши проповеди, глубокие по содержанию и доступные по языку, проникнутые искренним чувством переживаний пробуждали наши сердца, укрепляли нас, раскрывали всю красоту и радость христианского самочувствия.

Ответ на благодарность настоятеля храма отца Иоанна¹

*В храме Знамения Божией Матери на Знаменке
в Субботу Светлой седмицы
28 апреля 1918 года*

Сердечно благодарю и Вас, отец Иоанн, и всех прихожан Вашего храма, от лица которых Вы изволили почтить меня этим дорогим словом. Поверьте, и я тоже не забуду то время, которое провел с вами. И вот замечательное дело, что значит молитва, какое значение имеет общественная молитва, как ясно свидетельствует она, что мы рождены не для земной жизни, а для вечной.

Ничто так не сближает людей, как молитва. В обычной жизни человека встречают, любят, потом позабывают и часто знать не хотят. Не то в молитвенном отношении — здесь нет этого: если человек сроднится с пастырем, то эта связь не прекращается, она проникает чрез всю его жизнь, она возносится через молитву к небу. В самом деле, еще недавно мне пришлось присутствовать на панихиде по батюшке отцу Валентине, и как отрадно было видеть громадное количество народа, который с раннего утра и до поздней ночи молился о нем. Вот уже более прочной связи и нельзя встретить. Но вот что значит эта духовная общая молитва.

И скажу даже более, раньше вы, чужие и незнакомые, после того как я возносил моления о вас, вознося ваши имена и души к Престолу, вы сделались мне дорогими и близкими. И я усердно молился и буду молиться, ибо я надеюсь, что я не последний раз здесь служил, чтобы Дух Святой утвердил нас на все благое, чтобы нам возноситься более и более ко

¹ Оpubл. в: [40], с. 304–305.

Господу. И какие бы ни были искушения, мы должны твердо веровать, что наша вера — вера апостольская, вера Православная. Наша вера святыми апостолами всю вселенную утверди, и что ее ничто не уничтожит и ничто не поколеблет.

И еще желаю, чтобы та духовная радость, которую мы испытывали в первый день Святой Пасхи, утешала нас и всегда была бы с нами, ибо она есть отблеск той радости, которую мы будем чувствовать, если будем с Господом, с Его Пречистой Матерью.

Вспоминается мне зверски убиенный митрополит Владимир¹, который жил скромно и желал умереть, храня веру и надеясь на молитвы Богоматери. Он в 1902 году на Пасхальной вечере закончил одну из своих проповедей так: «Господи, если кто-нибудь из этого собрания духовными очами веры узрел Тебя как Воскресшего Спасителя, то *останься с нами*, останься на вечери (ср.: Лк. 24, 29–32)! *Останься с нами* на сей вечери, останься, Господи, со мной, останься со всеми нами!»

Да пребывает Воскресший Спаситель со всеми нами во все дни нашей жизни!

— 1920 —

При отпевании доктора В. Н. Штурма²

В Спасо-Песковском храме³
14/27 июля 1920 года

Мне не хочется обращаться к тебе, дорогой Всеволод Николаевич, с обычным приветствием, я хочу обратиться к тебе с приветствием самого любимого тобою святого, преподобного Серафима Саровского, которому ты старался подражать. Преподобный Серафим каждого, приходящего к нему,

¹ Священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский, был зверски убит в Киеве 25 января / 7 февраля 1918 г.

² Проповедь стенографирована протоиереем И. Полянским; опубл. в: [40], с. 385–388.

³ Храм Спаса Преображения на Песках; закрыт после 1925 года; вновь освящен в 1993 году.

всегда приветствовал такими словами: «Радость моя, Христос Воскресе!» Подражая ему, я говорю: «Радость моя, дорогой мой друг, Всеволод Николаевич, Христос Воскресе!»

Теперь ты, конечно, в этом вполне уверился, что эта жизнь на земле временна, а там, куда ты ныне перешел, все те, кого ты любил, все вместе; так и мы будем с тобою. От этого сознания делается сердцу отрадно при разлуке с тобой. Но невольно все хочется говорить о тебе.

Да, братие, вы все знаете покойного. Может быть, многие из вас были подняты с одра смерти благодаря его врачебной помощи. Покойный был большая душа, широкое сердце, редкий человек; это я могу поистине сказать. Некоторые сравнивали его с одним известным врачом, доктором Гаазом¹, о котором вы, наверное, читали в брошюрах и книгах, а я лично слышал от покойной моей матери, бывшей с семьей Гааза в близких отношениях; что сама она слышала, то мне передавала. Сходство между ними действительно есть, но есть и разница. Гааз филантроп, альтруист с некоторым оттенком сухого протестантского христианства, а Всеволод Николаевич прежде всего — православный христианин, человек, всею душою любящий Святую Христову Церковь; все, что он делал, он делал ради любви ко Христу.

Я как-то шутя говорил ему: «В старину у нас были блаженный и юродивый Христа ради, а теперь вы — врач Христа ради». Он и поистине был таким, подобно Пантелеимону, Косме и Дамиану и другим врачам-бессребренникам. Он ради Христа старался помочь больному, и не только его телу, но и душе. Он желал, чтобы больной проникся весь верою во Христа, и молился за каждого своего больного. И действительно, помощью Божией нередко совершал чудеса.

Но оказывать помощь отдельным личностям было мало для него. Ему захотелось, чтобы было устроено такое благотворительное заведение, где оказывалась бы помощь всем

¹ Ф. Гааз (1780–1853) — немец по национальности, католик по вероисповеданию; с 1813 года безвыездно жил в Москве. Занимая должность старшего врача московских тюремных больниц, он отдал все свои средства, время и силы на самоотверженное служение «несчастливым», как он называл заключенных.

бедным. Он особенно болел о них. О, сколько бедных я посылал к нему и с какой любовью он принимал этих монахов, монахинь и целыми часами беседовал с ними. Но этого, как я сказал, ему было мало. Ему хотелось, чтобы приходящие получали благодатное утешение и лекарства даром. Нужно было создать такое учреждение. И вот, без протекции, без денег, он взялся за устройство Серафимовского комитета. Он так же, как и преподобный, был пламенным душою. Слово «Серафим» значит «огненный». Взявшись за дело, он не оставивался, пока не кончал его. Серафимовский комитет — это учреждение с чудесным характером. Говорят, многие тут получали божественную помощь. Мне удивительно и чудесно кажется самое его создание без протекции и денег...

Батюшка отец Сергей¹ говорил, что Всеволод Николаевич перенес в своей жизни много скорбей, и не напрасно его называли многострадальным Иовом. Скорби поражали его в самое сердце. Но с великими чудесами создавший Серафимовский комитет сам был чудо. Здоровье его было слабое, в последнее время у него был отчаянный склероз; сколько раз он падал с трамвая, с извозчиков. Товарищи-врачи говорили о нем: не может жить. Но он все жил. Чем он был жив? Молитвами и причащением. Он говорил мне: «Я прежде думал, что причащаться нужно один раз в год, Великим постом, до причастия не пить в этот день чаю, что это почтенная, но утомительная церемония; словом, я смотрел так, как смотрит на причастие большая часть интеллигенции. Но, чтобы можно было причащаться так — не в пост и часто, мне и в голову не приходило; только теперь я понял, какая сила в причащении. Тем, что я живу, я обязан причащению: причащусь, и целый день здоров». Так он жил поистине чудесным образом. Все доктора свидетельствуют, что по своим болезням он давно должен бы был умереть, но только ныне — день его погребения.

Братие! Посмотрите, как много собралось к его гробу помолиться за него. Но, конечно, собрались не все, некоторые не могут быть, некоторые еще не знают о его смерти; если бы знали [все], молящихся было бы здесь в десять, в сто раз

¹ Очевидно, священник, говоривший слово перед преосвященным Трифоном.

больше. Вы все собрались к усопшему из благодарности к нему, самой чистой и бескорыстной. Все его знакомые всегда будут молиться за него. Вечная память да будет дорогому Всеволоду Николаевичу.

Как многие позавидуют тебе! О, как немногие оставляют такое незапятнанное имя! Ты не собирал имущества, но оставил в наследство близким своим доброе имя. Недавно я отпевал, сыновья почившего, вашу мамашу. Она тоже оставила вам доброе и незапятнанное имя. Но ее знали немногие. А отца вашего знали многие не только в Москве, но и по России.

Любовь вечно жива. Ее нельзя заключить в гроб и закопать в могилу. Точно так же бессмертна и жива душа, хотя тело наше по смерти и разлагается. Соединимся же теперь вокруг этого гроба и от всего сердца помолимся об упокоении со святыми раба Божия Всеволода.

————— 1921 —————

О Христовых страданиях¹

*В храме св. мученицы Параскевы Пятницы на Пятницкой
Во 2-ю неделю Великого поста вечером, на Пасии
14 марта 1921 года*

Вы слышали сейчас страшную повесть о страданиях нашего Господа Иисуса Христа, слышали ее и ранее несколько раз. Но, думаю, и всегда и во всякое время, а особенно постом, следует нам все глубже и глубже углубляться в духовный смысл этих страданий Богочеловека. И как бы мы ни углублялись, и сколько бы мы ни старались проникнуть в значение их, тем не менее там останется много тайн духовной мудрости. Не мудрое, а простое слово услышите вы от меня, но слово, исходящее от сердца, и, верю, которое найдет отзвук и в вашем сердце, ибо, думаю, как я, так и вы думаете.

¹ Так называются особые службы, совершаемые Великим постом, с чтением Евангелий о страданиях Христовых. Чин Пасии был распространен в юго-западных областях России начиная с XVII в. В 1920-е годы он совершался и в московских храмах по воскресным дням вечером (см. воспоминания С. Н. Лисевичкого, с. 587).

Проповедь опубл. в: [40], с. 306–308.

Прежде всего взойдем на страшную Голгофу, чтобы увидеть страдания Многострадальца... Видим Крест с пригвожденным на нем Страдальцем. Видя крест, из глубины души готовы взывать: «Боже мой, зачем Твоя смерть? Понятна смерть злодея... Ты страдаешь, Ты осужден на смерть! Но Ты — Чистейший... Зачем Твоя смерть? Ты — Творец вселенной, Ты мог бы одним словом послать тысячи ангелов избавить Тебя. Ты погибаешь в руках разъяренной толпы. Боже мой, Боже мой, зачем Твоя смерть?»

А вот зачем: как драгоценный бриллиант, как яркая звездочка на темном небе, сияет ответ на Кресте на этот вопрос. Зачем? Затем... И этот ответ в одном слове, и это слово великое на свете, выше которого нет ни на земле, ни на небе. И это слово — *любовь*. *Тако бо Бог возлюбил мир*, что и Сына Своего единородного отдал, и Сам Он сказал: *болиши сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин.15, 13).

И вот нам первое назидание с Креста: «Господи, распятый ради нас, грешных, дай нам, хотя в малой степени, нам, сухим, черствым сердцем, обладать Твоею любовью. Не разбирая, кто друг, кто враг, всякому стараться помочь, утешить, облегчить... Потому-то по этой заповеди и узнают, что мы ученики Христовы.

Затем, по правую сторону Божественного Страдальца, видим крест злодея и удивляемся. В самом деле, как это он, злодей, — и первый вошел в рай? За что? — За свое покаяние. Слышали мы сейчас, как он взывал к Распятому на Кресте: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем*¹, и услышал ответ: *Сегодня будешь со Мною в раю* (Лк. 23, 42–43). Часто и мы легкомысленно откладываем свое покаяние день на день и думаем, достаточно здесь нескольких минут, чтобы оказаться в раю. Но истинное покаяние не так легко, как нам представляется. Вы подумайте, каково было терпение и каково было покаяние разбойника, и вы поймете и убедитесь, за что он вошел в рай.

¹ Так в богослужении. В Евангелии (*церковнослав.*) — во Царствии Си (Своем).

В самом деле, когда он уверовал?

Когда, все вспомните, от Спасителя отшатнулись, даже друзья Его — ученики — оставили Его (см.: Мф. 26, 56). Где были ученики? Где были благодетельствованные Им? Все бежали, и он, один, прославил Христа.

Легко было бы поверить, если бы Он был на Фаворе, когда Он явил Свое Преображение пред учениками. Легко было поверить и апостолу Фоме, когда после Воскресения он ощупал раны Господа (см.: Ин. 20, 24–29). Но уверовать в Него, когда Он был поруган, окровавлен, пригвожден ко Кресту, когда как бы само небо закрылось. На Его слова: *Боже Мой, Боже Мой, что Ты Меня оставил?* (Мф. 27, 46) — не было ответа.

Да, в такое время много было веры у него, чтобы исповедывать Христа! А затем он уверовал в Него, и он мог бы просить облегчить его страдания или чтобы Он освободил его и даровал ему жизнь. Но нет, он этого не просит. Он обращает свои отуманенные очи и об одном просит и взывает: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем.*

О, милосердый Господи, в наше маловерное время, когда со всех сторон стараются поколебать нашу веру, издеваются над Божественным Страдальцем, о, дай нам покаяние разбойника, дай нам веру, чтобы остаться верными рабами. Когда мы будем на смертном одре, когда все земное нас оставит, дай нам слабым, коснеющим языком воззвать к Тебе: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем.*

И много еще можно было бы сделать уроков назидания из этого евангельского повествования. Общий символ — смерть, и символ смерти — Крест. В самом деле — крест на всем: крест на вашей груди, крест на кровле храма, крест на кладбище. Все свидетельствует о том, что христианин должен взирать на крест как на символ жизни. Умереть для греха и жить для правды — в этом заключается и смысл нашей жизни. В Таинстве Крещения мы омылись от греха, в Таинстве Причащения мы получаем благодатную жизнь со Христом. Голгофа вожделена, она как рай¹! Она светла, как символ победы над грехами

¹ Ср. с песнопениями, прославляющими Крест Христов, — «место, идеже стоясте нозе Твои, Господи», — в которых «живоносный Крест» именуется «Церкве красным раем», «дверью райской» (неделя Крестопоклонная, стихиры на Господи воззвах).

и страстями! Будем это твердо помнить, будем плакать, молиться, умерщвлять все греховное, дабы воскреснуть для вечной жизни. Итак, воззовем: «Разбойника благоразумного во едином часе раеви сподобил еси, Господи, и мене Древом крестным просвети и спаси мя»¹.

Поклонение Кресту²

*В храме преподобного Симеона Столпника на Поварской
В 3-ю неделю Великого поста, Крестопоклонную,
за всенощным бдением, в субботу
20 марта 1921 года*

Вот, дорогие братие и сестры, достигли мы до половины Великого поста. И в самой середине этого поста Святая Церковь воздвигает перед нами Животворящий Крест. И мы видим этот Крест с пригвожденным на нем Страдальцем.

Невольно наша мысль переносится за много веков, когда совершилось это страшное дело. И мне ясно рисуется темная ночь, незаконный суд, архиерейский зал, полный толпящимся народом, мрачный свет светильника... За столом судьи вместе с книжниками и фарисеями, давно присудившие к гибели подсудимого... а среди них кротчайший, смиреннейший паче сынов человеческих Христос Спаситель... Все направлено к тому, чтобы Его осудить.

В суде задается ряд коварных вопросов. Ответ на это — молчание. Наконец, задается самый злой, коварный вопрос: скажи нам, действительно ли Ты Сын Божий? Минута молчания. Слышится ответ, один из твердых, решительных: *Да, ты рече, Я Сын Божий.*

Тогда взрыв притворного негодования, взрыв злобы и ненависти: Что еще требуем свидетелей? — Он богохульствует, Он называет Себя Сыном Божиим... На смерть Его, на Крест Его!

Дорогие братие и сестры, негодует при этом рассказе наше сердце, если оно не очерствело. Больно бьется наше сердце за Него, а между тем наше время — как оно близко к тому

¹ Эксапостилярый Великого Пятка.

² Оpubл. в: [40], с. 308–310.

времени! Не являются ли теперь ученые, которые стараются доказать, что Он — не Бог, что Он богохульствует? Все направлено к этой цели, чтобы опозорить и унижить Его личность, ученые прибегают к различным средствам, чтобы доказать, чтобы унижить нашего Христа. Смотрите, в обыкновенной жизни — какая-нибудь картина, изображающая Его или Его последователей, какая-нибудь сцена, изображающая святых, какая-нибудь карикатура или кощунственная насмешка, не вызывают ли они одобрение или даже хохот у иных? Разве это не правда?

Но те, которые именуют себя детьми Спасителя, последователями, слугами Его Царства, они должны воспользоваться минутами, когда мы страхнем ложь, пошлость. Тогда мы будем чувствовать себя истинными христианами. Хотя бы в эти минуты поклонения Кресту, когда сердце радостно бьется, когда оно проникнуто любовью ко Христу, прикладываясь, будем просить у Него прощения в грехах вольных и невольных.

Но, Господи, за что же такая ненависть со стороны многих? Так могут сказать и говорят некоторые.

На это дает ответ Спаситель в словах церковной песни: «Людие мои, что Я сделал вам? Я открыл вам новую, блаженную жизнь! Я дал вам свет! Я открыл новую жизнь, жизнь смирения и самопожертвования ради Меня... Вы, если бы не прекратились изжитки ярости, вы обратились бы в зверей и растерзали бы людей. Людие мои, что Я сделал вам, за что вы гоните Меня и Моих последователей? За что вы Меня преследуете?»¹

«За что? За то, что Ты открыл нам такую дорогу, которая невыносима для нас, для нашей гордости, — путь смирения. И именно только этим путем можно прийти к Тебе. Этот путь для нас невыгоден — надо отказаться от нашей гордости — от себя. Мы лучше готовы отказаться от Тебя, даже от нашей веры», — так ответят многие и многие: «мы готовы отпасть от

¹ Ср.: Антифон 12 на утрне Великого Пятка: «Сия глаголет Господь иудеом: людие Мои, что сотворих вам? или чим вам стужих? Слепцы ваша просветих, прокаженные очистих, мужа суща на одре возставих. Людие Мои, что сотворих вам и что Ми воздасте? За манну желч, за воду оцет, за еже любити Мя, ко Кресту Мя пригвоздисте...»

веры и поступиться ею». Но не все, — в это твердо верю я; многие скорби принимают за благо.

Поклоняясь Кресту, будем исполнять не простой обряд, нет. А в этом обряде будем видеть, как смиренный человек просит помощи — и, несомненно, получит ее.

Будем просить у Господа: «Укрепи в нас веру, милосердый Господи, и даруй нам, поклоняясь Кресту, увидеть и славное Твое Воскресение!»¹

В день Благовещения Пресвятой Богородицы²

*В храме Знамения Божией Матери,
что в Шереметевском переулке, на молебне
25 марта 1921 года*

Все на свете делается Промыслом Божиим, ничего случайного не бывает — так мы, христиане, веруем. Так случайность существует только для людей духовно грубых, тупых и для неверующих.

Мы веруем, что все совершается Промыслом Божиим. Не без Промысла Божия открыли мы богослужение в этом дивном, прекрасном, небоподобном храме Знамения Божией Матери, так давно закрытом, лишенном богослужения. Открыли его именно в этот день, посвященный празднованию Ее Благовещения — благой вести о том, что Она родит Спасителя миру.

День Благовещения — праздник радостный и светлый. Русский народ говорит, что этот праздник настолько светел и радостен, что его празднуют не только люди, но и тварь неразумная: даже птица гнезда в этот день не вьет. В этот день, будущие прихожане этого храма, вы собрались сюда, чтобы помолиться, чтобы Она, Матерь Божия, утешила ваши скорбные души радостью Благовещения.

Припоминается мне, что когда 27 ноября Новгород был осажден неприятелем, то чудотворную икону Знамения Божией Матери вынесли на ворота и сия икона явила знамение: на глазах появилась и стекла слеза. Архиерей воскликнул:

¹ Ср.: Антифон 15-й на утрени Великого Пятка.

² Оpubл. в: [40], с. 310–312.

«О, дивное чудо, сухое дерево являет знамение, что Царица Небесная ходатайствует пред Богом»¹.

Верую, что Она здесь, в этом храме, и ныне, хотя невидима телесными очами. Но чувствуется Ее кроткий голос: «Дети мои, слабые, любимые, Я всегда молюсь за вас, хотя вы прогневаете Сына Моего и неверием, и злобою, и жестокостию, и сребролюбием. Но Я все-таки молюсь за вас пред Сыном Моим».

Вы сегодня причащались. И верьте, что Сам Бог вселился в вас.

Знаете ли, что мне припоминается? В первый год войны мне пришлось быть на войне. Четыре месяца я был в Галиции со своим полком, можно сказать, обошел всю страну. Жили и в городах, и в деревнях, жили в халупах, жили и видели много и горя, и радостей. Много картин рисуется мне, но одна особо врезалась в память. Это было под Ярославом. Была осень. Вот захожу в одной деревне в маленький, старый, деревянный, полуразрушенный храм. Был уже вечер сумрачной осени. Там — гром пушек, потрясающий воздух, но здесь была тишина. В глубоком безмолвии выглядывают лики святых; чувствовалось, что Сам Бог присутствует здесь, судьба людей в Его руках... И вот взор мой в полумраке различает бедную крестьянскую женщину. Она стоит на коленях перед образом Богоматери, руки распростерты к Божией Матери, очи полны слез умиления, она шепчет слова молитвы, она молится. О чем? Может быть, о муже, может быть, о сыне, погибшем на войне, может быть, о страждущей Родине, о своей деревне... О чем? — Я не знаю... Я ушел, но она продолжала стоять на коленях.

О, много таких душ во всех храмах стоят на коленях, взывают: «Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом

¹ Это чудесное знамение было в 1170 году. К Новгороду подступило огромное войско суздальского князя с союзниками, и ему грозила неминуемая гибель. По откровению, бывшему святому архиепископу Иоанну (память 7 сентября), икона Пресвятой Богородицы была поднята на городские стены. Когда одна из вражеских стрел вонзилась в лик Богоматери, то по нему потекли слезы. «О великое и преславное чудо! — восклицает летописец. — Не суть бо слезы, но милостивое знамение, сим бо образом молится Пресвятая Богородица Сыну Своему и Богу нашему за град и люди, уповающих на милость Ее». После этого чудесного события за иконой утвердилось наименование «Знамение».

пред Тобою»¹! И верую, что и в этом храме, как дым кадильный, будет возноситься молитва к Престолу Божию. И пройдет зима, и воссияет весна над Русскою землею, и над каждым из нас. То же самое, что и в природе. Хотя поля еще лишены растительности, но верим, что скоро и поля покроются травою. Вот у нас на Руси рано весною, под сквозистым слоем снега, среди пробивающейся травки вырастает скромный цветок — подснежник. Пусть и ваш храм будет подобен этому цветку, пусть он напоминает, что за зимою идет весна, что гнев Божий не вечен, что, прославляя Крест Христов, мы вспоминаем и Воскресение Христа.

Соединимся же в единой молитве к Богородице и единым сердцем и устами прославим Ее и Ее Сына.

Похвала Пресвятой Богородицы²

*В храме Похвалы Пресвятой Богородицы
в Башмакове в субботу 5-й седмицы Великого поста (Суббота Акафиста)
2 апреля 1921 года*

Если всегда праздник в честь Богородицы светел и радостен, потому что он всегда напоминает нам о том, что Владычица наша Небесная всегда готова оказать нам Свою помощь, всегда готова услышать нашу просьбу, то тем более светел и радостен должен быть этот праздник в честь Богородицы, именуемый праздником Похвалы Пресвятыя Богородицы, потому что сегодня Святая Церковь, обзревая бесчисленные благодеяния, оказанные Владычицею всему миру, все чудеса, оказанные и русскому народу, и всем людям, прославляет Ее акафистным пением, почему и праздник этот именуется праздником Похвалы Богородицы..

И здесь, в этом храме, который посвящен Пресвятой Богородице и в котором находится чудотворная икона Похвалы Богородицы, а также и чудотворная икона Нечаянная Радости, здесь особенно светло и радостно празднуется этот праздник. Украшая образ цветами и прославляя Ее акафистным

¹ Первые слова ирмоса 7-й песни Великого покаянного канона св. Андрея Критского.

² Оpubл. в: [40], с. 312–315.

пением, мы чувствуем Ее присутствие здесь и слышим Ее голос: «Дети мои, придите сюда, и Я успокою Вас. Кто оградит вас от скорбей и страданий? У меня есть свет, который будет светить вам в вашей жизни!»

Хотелось бы и нам прибавить свое слово к славословию Богородицы, но в акафисте сказано: «Витии многовещанные не возмогут исчислити величия Твои и предпочитают молчание...»

Мы знаем, что Богоматерь принимала всякую весть с покорностью воле Божией и имела множество добродетелей. Прославляя Ее, и мы постараемся избрать хотя одну из Ее добродетелей. Какую же добродетель мы избрали? Изберем в наше скорбное время особенно полезную добродетель. Вы сами, наверное, догадываетесь, — терпение. В самом деле, терпеть и в радости, и в скорби и не выходить из себя, находить отраду и утешение в Господе Боге. Как мало найдется таких людей, а еще менее найдется таких, которые с терпением переносят скорби и не на словах только смиряются.

Пусть таковые вглядятся в жизнь Богоматери. Когда-то святой праведный Симеон Богоприимец сказал Пресвятой Деве: лютое оружие пройдет Твое сердце (ср.: Лк. 2, 35), и, действительно, оружие пронзило Ее сердце. В самом деле, со дня рождения Спасителя Она терпит страдания.

Слово Божие вселяется в Ее утробу. У всякой женщины в это время является потребность в спокойной жизни. А Она и здесь, Пренепорочная, терпит — терпит подозрения Иосифа в святости брака. Она молчаливо все это переносит.

Наступает время рождения... Так угодно Господу было. Она вместе с Иосифом должна идти в Вифлеем для переписи и здесь не находит места в гостинице, и в вертепе рождает Младенца. И вскоре должна бежать в Египет.

Вот Спаситель возрос и начал благовествовать. Она ясно понимает, как старейшины ненавидят Его, как жадно стараются они прислушиваться к Его словам, чтобы потом обвинить Его и впоследствии предать. Разве не видела Она, как мало таких, которые, как ученики Его, пошли за Ним. Чуткое сердце Матери давно подсказывало Ей, что должна совершиться страшная, незаконная казнь.

И вот она совершилась. Безгрешный, кроткий Ее Сын поруган и пригвожден ко Кресту вместе с двумя злодеями. Матери, здесь стоящие, скажите, что чувствовали бы вы, если бы вы видели своего сына на кресте?.. А Пречистая Матерь терпит все, и ни единого слова ропота... одни тихие слезы льются. Пречистая Дева как бы так говорит: «Дитя Мое, Дитя Мое милое, что Ты сделало? за что терпишь такую жестокую казнь? Ты, краснейший паче сынов человеческих, ныне Ты являешься бездыханен и мертв! Увы, Сыне Мой! Что сие вижу — уязвляюсь сердцем горько».

Нет у Нее ни малодушного страха, как у отрекшегося ученика, нет слабости воли, как у иных апостолов.

Искренно желаю приобрести всем нам побольше терпения. У всякого из нас есть свои скорби, свои страдания. Одно несомненно: у всякого счастье одинаково, а страдания у каждого разные. Если бы можно было открыть наши сердца, то мы там увидали бы такие раны, каких и вообразить невозможно. И если кто желает утвердиться в терпении, то пусть обратится к Той, Которая так много страдала. Пусть так взывает: «Пречистая Матерь, Ты видишь мою скорбь — разреши мою обиду!» Так молитесь Ей, и Она пошлет вам радость. Недаром Она именуется Нечаянною Радостию. Пошлет нам радость — и мы тогда утвердимся в терпении и в некоторых других добродетелях. [Аминь.]

О терпении¹

*В храме св. Иоанна Предтечи на Пятницкой²
В 5-ю неделю Великого поста вечером, на Пасхи
4 апреля 1921 года*

Сейчас, дорогие братие и сестры, вы слышали трогательную повесть о страданиях Иисуса Христа. Это повествование постоянно должно напоминать нам о том времени, когда девятнадцать веков тому назад Господь Иисус Христос висел

¹ Опубл. в: [40], с. 315–317.

² Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи под Бором (на ул. Пятницкой), XVI века (пострадал в 1612 г., существующий храм был построен в 1658 г.). После революции храм был закрыт. В 1990-х годах возвращен Русской Православной Церкви, приписан к храму свв. Черниговских чудотворцев в Черниговском переулке.

на Кресте, когда многочисленная толпа народа окружала Его Крест. Не с кротостию, не со страданием взидала она на Него. Не трогали ее ни Крест, ни Висевший на Кресте Страдалец.

В то время, когда наша душа даже при воспоминании об этом удивительном страдании содрогается, кажется, у самого черствого человека она и то пробудилась бы. Но не было жалости у озлобленного народа. Злорадостные крики и насмешки раздавались в ответ на стоны Страдальца.

Тут, при Кресте, стояла Мать Его с возлюбленным учеником Его, Которая как бы так говорила: «Увы Мне, что Ты сделало, Мое дитя? За что пригвоздили Тебя ко Кресту? Увы, Свете мой, Ты являешься бездыханным, не имеешь красоты, не могу видеть Тебя умершим, утробую уязвляюсь и плачу горько, и стражду Тебе ради...»¹

Только там, в толпе робко стоял ученик Его Петр и раскаивался в своем отречении. Только сотник, стоявший при Кресте, уверовал в Него. И не только те, которым жизнь улыбалась, которые наслаждались радостью в своей жизни, но, вместе с народом, даже и разбойник, висевший на кресте, поносил Его. И у них вырывались страшные слова: *Если Ты — Христос, спаси себя и нас*. Тогда мы, пожалуй, в Тебя поверим! (Лк. 23, 39; ср.: Мф. 27, 42; Мк. 15, 32). И несмотря на такие издевательства и насмешки, ни единого слова укоризны, ни единого слова раздражения — одна кроткая молитва. За кого же? Да за тех, которые над ним издевались, за тех, которые пригвоздили Его ко Кресту: *Отче, отпусти им: не ведут бо что творят* (Лк. 23, 34).

Братие и сестры, если бы из всего Евангелия сохранилась только одна эта молитва, то и тогда мы должны были бы уверовать в то, что это действительно был Сын Божий — человек не мог бы так молиться. Ангел и то не мог бы так молиться и так прощать. Только мог это сделать Богочеловек. И тогда совершилось чудо: один из разбойников проникся верою и в немощном, поруганном, обнаженном Страдальце узрел Сына Божия и с твердою верою воззвал: *Помяни мя*

¹ Ср. с песнопениями Великого Пятка от лица Богоматери (канон на повечерии: на плач Пресвятыя Богородицы, а также стихиры на хвалитех, на целование Плащаницы).

Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. И тотчас услышал всепрощающий голос любви: Днесь со Мною будеши в раи (Лк. 23, 42–43).

О, как искренно желаю, да услышим и мы в страшные минуты смерти, когда мы будем звать: «Господи, прости», слышать голос в нашем сердце: *Истинно говорю тебе, сего дня будешь со Мною в раю.*

Вот тогда, девятнадцать веков тому назад, один из распятых с Ним разбойников исповедал Его. Но теперь, спрошу я вас, — многие ли исповедуют Его?

Жестокое слово скажу: «Такая ли разница между теми, которые смеялись над Ним, и нами, которые воспеваем Его?» Мы можем словами церковной песни сказать: «Господи, потому у Тебя окровавлена одежда, потому, что я ругаю Тебя¹».

Заметьте, разбойник — он не просил себе, чтобы сойти со креста. Он знал, что Воскресший Бог может избавить его от ужасных мучений. Но он омывал слезами покаяния свои грехи и об одном взывал: *Помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем.* Страдая от гвоздных страданий, не о том просил, чтобы Иисус Христос мог его избавить от страданий, а об одном — о спасении. И вот этого-то терпения больше всего недостает ни мне, ни вам. Все мы можем это сказать. Тогда в чем же мы можем назваться христианами? Словами мы прославляем Христа, а делами?

Припоминается мне одна легенда. Один человек на жизненном пути взбирался на высокую гору и роптал на свой крест. Тогда явился ему ангел и привел его на такое место, где было множество крестов. Он начал выбирать себе крест. И что же? Один крест, на который он бросил свой взор, был замечательной красоты, да тяжел, другой тяжел и режет плечи... Так, наконец, перепробовал все кресты и ни один не подошел ему. Наконец, в уголке увидел скромный, из дерева сделанный крест и говорит: «Вот этот по мне, точно по мерке сделан для меня». И вот ангел тогда ему сказал: «Безумец, это и есть тот крест, на который ты роптал, это тот крест, который дан тебе Богом».

¹ Ругаться — церковнослав., смеяться.

Тогда мы в сознании своего ничтожества скажем: «Да будет воля Твоя». Но редко встречаешь это. Все ропшут, все обижены, но не хотят понять, что все это совершается по особому Промыслу Божию. Пути эти ведут всякого ко спасению, ибо иной путь привел бы к гибели. И надо, чтобы путь терпения привел нас ко Христу. Вот почему я всегда молюсь, чтобы Господь даровал нам терпение к перенесению креста.

Господи, скажи мне кончину мою! Может быть, не годами, не месяцами, не часами должен я считать свою жизнь, а минутами — а там конец всего земного. Вот почему я в эти часы молился Господу: «Господи, дай нам терпение к перенесению креста, дай возможность облегчать страдания моих ближних».

Стоя у Креста, будем молиться молитвою покаявшегося разбойника: «Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем». «Разбойника благоразумного во едином часе к Господу пришедшего, раеви пришедшего раеви сподобил еси, Господи, и мене Древом крестным просвети, и спаси мя»¹. Аминь.

На кончину святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси²

30 марта / 12 апреля 1925 года

Мы должны нести крест, и я заметил, что как бы в напоминание об этом нас постигают скорби, иногда ожидаемые, иногда, и большей частью, катастрофические, как теперь.

¹ Эксапостиларий Великого Пятка.

² Святитель Тихон скончался 25 марта / 7 апреля 1925 года, погребение совершалось 30 марта / 12 апреля, в Донском монастыре, где он жил в последнее время.

Слово на кончину Святейшего Патриарха Тихона митрополита Трифона сохранилось в черновом наброске в записной книжке Владыки. Ниже эта запись приводится по тексту, помещенному в рукописных «Материалах для биографии митрополита Трифона», ч. 2-я (он опубликован в статье В. Афанасьева «Пустынник в миру» // Литературная учеба. 1995. Кн. 1. С. 186–187).

И вот мы собрались и рассуждаем, что мы в нем потеряли истинного крестоносца. Но как он нес! Можно нести скорби, сетуя и плача (хоть и не унывая), но он нес его благодушно. Благодушие — вот что меня особенно в нем поражало. Никакие скорби не могли его вывести из благодушия. Что такое благодушие? Оно предполагает высокие качества души: кротость, смирение, полную покорность воле Божией, пламенную любовь ко всем людям, к добрым и злым, к друзьям и недоброжелателям. И все эти качества, озаряемые благодатью Святого Духа, как результаты и награды непрестанной молитвы. Да, этому можно было учиться всем нам; как мы склонны раздражаться из-за мелочей, изливаться в жалобах иногда по самой незначительной причине. Он — никогда. Всегда мягкий, простой, беззлобный, с ласковым словом участия, ободрения, любви; иногда с безобидной шуткой с целью поднять настроение духа собеседника.

Помню, как однажды он утешал и назидал меня, увы, часто, несмотря на годы и долговременную монашескую жизнь, малодушного, способного долго волноваться и раздражаться. «А что мы носим на груди? Образ Богоматери. Она ли не скорбела, Ей не оружие ли пронзило сердце, — говорил он, — а Она всегда благодушна — ни единого слова ропота, ни единой укоризны, даже при Кресте Сына Своего. А Он, милосердный Создатель, Он и на Кресте молился за всех и на всех призывал благословение Божие!» И когда я вспоминаю о нем, я буду до конца дней вспоминать, мне будет рисоваться его доброе, милое лицо, озаренное любовью и лаской, его чудные очи, сияющие светом любви в жуткой пустыне нашей. И как он жил, так и умер: сложив в последний раз слабеющие персты в крестном знамении, которое он постоянно носил в груди своей. За любовь — любовь. Ведь любовь не умирает. Приими же от меня и всех моих дорогих москвичей последний земной поклон за все и помолись за нас¹, малодушных, пред Престолом Всевышнего, да даст нам твое благодушие и кротость.

¹ В этих словах выражается несомненная вера Владыки Трифона в святость Патриарха Тихона, который был прославлен Церковью в лике святых спустя более чем 60 лет, 26 сентября 1989 года.

1932

Слово перед общей исповедью¹

*В Пяток первой седмицы Великого поста
5 марта 1932 года*

Однажды ко Господу Иисусу Христу принесли расслабленного с надеждою, что Он исцелит его. Сердцеведец Господь увидел, что болезнь постигла этого несчастного больного за его грехи, и поэтому, прежде чем по Своей великой милости исцелить тело больного, Он исцеляет его душу. *Чадо*, — говорит Он ему, — *прощаются тебе грехи твои* (Мк. 2, 5). Фарисеи, не веровавшие в Него и бывшие тут, усомнились в Нем и помыслили в своей душе: «Как Он может отпускать грехи? Кто Он такой, что Он имеет эту власть?» (ср.: ст. 7). Вот тогда Спаситель, видя их помышления, говорит им: «Что важнее — отпустить грехи или исцелить больного? Конечно, первое гораздо важнее, исцелить тело может врач, но прощать грехи может только Бог. Поэтому, чтобы вы убедились, что Я могу прощать грехи, Я исцеляю расслабленного». И расслабленный стал здоров². Вот какое великое дело — прощать грехи. Спаситель это подтвердил, исцелив расслабленного.

Вот и вы, мои дорогие, в таком множестве собравшихся здесь людей, приступаете к исповеди. Скажу вам, что ни к какой церковной требе³ я не приступаю с таким волнением, как к общей исповеди. В самом деле: я вижу вас, но души вашей не знаю, она для меня закрыта. Я не сердцеведец — а между тем я беру на себя такое страшное, такое великое дело, как властью, данной мне от Бога, прощать и отпускать грехи⁴. Ведь, в самом деле, начатое здесь, на земле, продолжится в вечности, и когда наступит мой черед предстать пред

¹ Опувл. в: [40], с. 235-238.

² См.: Мф. 9, 2-7; Мк. 2, 3-12; Лк. 5, 18-25 (притча о расслабленном).

³ Треба — церковное Таинство или последование, совершаемое по просьбе верующих: Таинства крещения, венчания, исповеди и др. (кроме Евхаристии и хиротонии), молебны, панихиды, отпевание, освящение домов и пр.

⁴ Слова из разрешительной молитвы в чине исповедания.

Престолом Божиим на Страшном суде, а, может быть, он скоро наступит, тогда Господь Бог истяжет меня не в моих личных грехах, а и в ваших. И какой ответ дам я тогда? В этом успокаивает меня только надежда на то, что вы не возложите на меня бремя выше моих сил, что вы благоразумно отнесетесь к общей исповеди. То есть, если на душе вашей лежит страшный или соблазнительный грех, который поведать вслух вы стесняетесь, то непременно откройте его духовнику, который, в сущности, только свидетель есть¹, а каетесь вы Господу Богу.

Кайтесь, ибо вы пришли во врачебницу². Если бы мы не желали очиститься от грехов, то есть исповедать свои грехи пред Богом, то зачем бы нам и приходить сюда? Никто нас не звал, это наша добрая воля, наше желание — очистить душу от грехов. Каждый, зная свой особенный грех, непременно должен открыть его духовнику.

Конечно, все мы во всем грешны, но, к сожалению и стыду нашему, мы сами не ощущаем тяжести наших грехов. В самом деле, положив руку на сердце, мы не придаем им никакого значения. Страшно сказать, сколько раз мы клеветали, осуждали, подвергали насмешкам. Множество грехов бременят нашу душу. И как пыль садится на тело и делает его больным; точно так же и грех, садясь на душу, делает ее грязной. Говорю, в обыкновенное время мы этого не чувствуем.

Здесь мне припоминается, как в день моей юности, когда я был маленьким мальчиком, одна знакомая моей матери, особа образованная и в высшей степени религиозная, говорила ей: «Наступил пост, вот надо говеть, готовлюсь, размышляю и не вижу никаких грехов». Тогда я, будучи мальчиком, удивился, мне это показалось очень странным, и я ничего не мог тогда ей ответить. Теперь я бы ответил так: «Потому что Вы и не видите своих грехов, что это грехи фарисейской гордости». А по чистой совести сказать, многие ли из нас считают себя грешниками и преступниками в очах Божиих? Думаю — немногие.

¹ Чин исповедания, из слова священника, обращенного к кающемуся.

² Там же.

Что же нужно делать, чтобы выявить наши грехи, чтобы они затронули нашу душу, чтобы они возбудили в ней чувство покаяния, чтобы они возбудили нашу совесть? Когда совесть пробудится, тогда пробудится и душа, и все воззрение на грехи покажется в другом свете. Тогда сонм грехов предстанет пред нами во всей ужасной мерзости. Все равно как бы на листе чистой бумаги незаметны линии, но стоит зажечь свечу и поднести лист к свече — вы увидите, что на этом листе нарисована целая картина. Вот и совесть — она является огнем, который выявляет все грехи. И, может быть, когда совесть говорит в человеке, тогда он видит в своей душе толпы грехов, и тогда он говорит: «Грешен я».

Как же зажечь огонь для пробуждения совести? Различным образом: часто от доброго слова, которое западет в душу, или пробудит ее близкий человек, часто от Священного Писания, если углубиться в него, часто от болезней, скорбей, лишений, уколов самолюбия, от разбитой жизни. Но, думаю, что одно из самых важных средств — это то, что вы собрались сюда, на эту общую исповедь (думаю, что вы с этим согласитесь). Здесь, когда мы все объединимся в единое *сердце и в единую душу* (см.: Деян. 4, 32), когда мы, может быть, единственный раз в году чувствуем это, когда мы молимся и желаем прощения, спасения, желаем вечной блаженной жизни, — когда особенное значение получают наши грехи, тогда мы не скажем: «Этот грех малый, этот грех ничтожный», тогда мы скажем: «Господи, прости, я сознаю, что я великий грешник».

Простите меня, дорогие духовные дети. Углубясь в свою душу, помолитесь о своем архиерее. Припомните, что сделали в прошлом году и будем просить прощения у Господа Бога.

Ты, милосердый Боже, сказал: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). Тебе открыты наши души и наши сердца. Ты видишь нашу искренность. Помоги нам благодатью Своею.

Я же, грешный, властью Твоею мне данною, прощаю и разрешаю вас от всех грехов ваших.

При отпевании Д. П. Понсова¹

В храме «Малое Вознесение» на Никитской
26 февраля / 11 марта 1934 года

В Священном Писании говорится, что *от избытка сердца уста глаголют* (Мф. 12, 34). Да, в большинстве случаев это справедливо, но бывает такое неожиданное горе, такие жгучие несчастья, как, например, наше горе — потеря горячо любимого человека, — что уста наши замолкают, и только сердце изливается в горьких, безутешных слезах: «Зачем он ушел от нас, мы так его любили, он был нам так нужен, так дорог, а теперь мы никогда-никогда его больше не увидим — нашу радость». И законны эти слезы: Сам Спаситель плакал, когда узнал о смерти Своего друга Лазаря. Лишь бы только эти слезы не были бы слезами уныния и безнадёжного отчаяния, лишь бы только одухотворялись они верою и надеждою, что Господь Бог по Своему бесконечному милосердию берет душу человека тогда, когда она наиболее созрела для будущей жизни. А когда она созреет, никто, даже самые близкие люди, не могут знать. Это должно утешать нас, а затем, несомненно, должна утешать нас добрая память, оставленная покойным.

В самом деле, не знаю человека, который иначе бы отозвался о нем, чем как о милом, добром, сердечном человеке, душа которого была открыта не только для близких и родных, которых он горячо любил, но и для всех прочих. Свидетель этому я сам. В самом деле, кто я для него был? — посторонний человек. А когда я лишился угла, когда никто из близких не мог ничем помочь мне в моем горе; мне приходилось покидать с тяжелой болью в душе Москву и идти в беспросветную жизнь, полную многих лишений, он пришел ко мне, как ангел-хранитель, в самый день почитаемого им преподобного Серафима и предложил в своем доме комнату больному и скорбящему старцу. Я не забуду никогда, как он, добрый Дмитрий Петрович, и супруга его относились ко мне все эти годы моего жития в их

¹ Оpubл. в: [40], с. 391–393.

Дмитрий Петрович Понсов — род. в 1874 г., техник-путеец, в 1920-е гг. был старостой храмов Никитского монастыря, а затем свт. Николая Чудотворца в Хлынове. В доме Д. П. Понсова жил последние два с половиной года и скончался митрополит Трифон.

доме. Казалось, я был не среди чужих людей, а жил как в своей семье. А как это дорого для старого, больного человека, поймет всякий.

И не только я, но и вы, насельницы Никитского монастыря¹, испытали его помощь. Как он болел душой, когда вам пришлось покинуть монастырь; как он старался помочь вам и облегчить ваше положение. И его духовная связь с вами продолжалась и дальше, в Хлынове², и здесь, у Малого Вознесения. Он любил ваше благоговейное чтение, ваше истовое служение, гармоническое монастырское пение и спешил сюда на молитву. И сегодня мне все казалось, что он, дорогой Дмитрий Петрович, стоит тут в алтаре с сыном Алешей, готовясь причаститься Святых Таин Христовых, и молится за всех нас. И я в те поры, взглянув на него, как-то особенно усердно молился за всю его семью и не думал, что мне, старцу, придется творить над ним, молодым, заупокойные молитвы.

Поистине, смерть есть тайна, которую мы поймем тогда, когда все соединимся в Царстве Небесного Отца, чтобы уже вечно жить одной любящей семьей. И пока мы здесь, на земле, будем верить, что любовь не умирает, что она вечно жива, что любовь нельзя заключить во гробе, закопать в землю. Правда, для глаза нашего разрушается, умирает любимый человек, но для сердца любящего он не умирает и будет жить в этом сердце до тех пор, пока оно бьется.

Соединенные этой любовью, усердно помолимся о нем, ибо ему нужны не похвалы, не венки, не пышные речи, а одни только горячие, искренние молитвы. Ведь он и в земной жизни не искал похвал, а находил удовлетворение в тихом и скромном исполнении своего жизненного долга. А теперь он говорит устами Церкви: «Вчерашний бо день беседовал с вами, и внезапно найде на мя страшный час смерти... но прошу всех и молю, непрестанно о мне молитесь Христу Богу»³, — чтобы Он, милосердный, принял меня в Свое Царство любви, истины, красоты и света! Аминь.

¹ Последний храм Никитского монастыря (на Большой Никитской ул.) был закрыт в 1929 году.

² Церковь Николая Чудотворца в Хлынове (близ Большой Никитской ул.); разрушена в 1936 году.

³ Последование погребения, стихира на последнем целовании, на «Слава».

ПРОПОВЕДИ,
ТОЧНАЯ ДАТА
ПРОИЗНЕСЕНИЯ КОТОРЫХ
НЕ УСТАНОВЛЕНА

Приобщение к вечности

*В день церковного Новолетия,
1 сентября*

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа

По милости Божией сегодня мы с вами вступаем в новый церковный год. Ежегодно, шествуя от праздника к празднику, Святая Церковь вместе со всей природой проходит от начала до конца годовой круг богослужения.

Для людей, живущих в мире, наступление нового года обычно связывается с тягостным чувством сожаления о том, что они могли бы сделать то, что осталось несделанным. Оглядываясь назад, на пережитое время, человек неизбежно думает о том, что безвозвратно упущено в прошлом, чего уже нельзя изменить или вернуть в будущем...

Людам, живущим духовной жизнью, чуждо это чувство безвозвратности минувшего, потому что они живут в мире, где нет временных ограничений, где преодолеваются границы прошлого, настоящего и будущего.

Недавно мы с вами погребали Божию Матерь и не «вспоминали» Ее погребение, а действительно погребали Ее. А через несколько дней мы будем праздновать Ее Рождество. Это становится возможным благодаря тому, что, совершая богослужение, мы вступаем в мир, в котором уничтожаются грани времени, потому что в богослужении мы живем в вечности. Через это приобщение к вечности мы можем реально соприутствовать событиям, от которых нас, людей XX века, исторически отделяет целый ряд протекших столетий.

Преодолевая в богослужении границы времени и вступая в мир вечности, мы входим в него не одни, а вместе со всею природою. В богослужебных песнопениях постоянно говорится об участии всей твари в той радости, которую испытывает человек, приобщаясь к вечности, об участии ее в прославлении Творца. «Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднует же мир, видимый же весь и невидимый», — говорится об этом в каноне Пасхи. И не только небо и земля, но и каждое из творений Божиих в отдельности участвует в этом всеобщем гимне Творцу.

В «хвалитных» псалмах (Пс. 148–150), ежедневно читаемых на утрене, мы призываем солнце и луну, звезды и свет, горы и холмы, деревья, зверей и птиц вместе с горним ангельским миром принять участие в прославлении Господа.

Но нигде, кажется, это единство человека со всей тварью в прославлении Бога не выражено с такой глубиной и силой, как в «Песне трех отроков», входящей в состав последней паремии, читаемой в Великую Субботу, каждый стих которой сопровождается припевом «Господа пойте и превозносите Его во веки». Здесь соединяется тварь и сливается в едином и вечном (превозносите Его *во веки*) славословии.

Так каждый год, вместе со всем миром, горним и дольным, с Церковью Небесной и со всей природой, мы можем быть свидетелями и участниками событий, которые совершались «нас ради человек и нашего ради спасения».

Эти события, относящиеся к домостроительству спасения, хотя и произошли однажды во времени, не ушли безвозвратно в прошлое. Они совершились тогда, *когда*, по словам апостола, *пришла полнота времени* (Гал. 4, 4). В них до конца открылась тайна любви Божией к человеку, тайна искупительного подвига *Агнца, закланного от создания мира* (Откр. 13, 8). Поэтому в мире времени они стали незыблемыми точками вечности, через которые проходит вся тварь и к которым мы имеем возможность приобщиться через богослужение. В богослужении все пребывает в настоящем, потому что в нем все — в вечности. Поэтому нам нечего печалиться о потерянном прошлом.

Каждая такая точка в вечности в нашем временном мире не только переживается нами в определенный момент времени, но и отбрасывает от себя лучи своего света, которые воспринимаются иногда задолго до наступления самого праздника и которые продолжают светить после того, как мы уже прошли через эту светящуюся точку.

Через две недели мы будем праздновать Воздвижение Креста Господня. Праздник еще не наступил, а в богослужении мы чувствуем уже приближение этой светящейся точки.

Начиная с 1 августа мы слышим воздвиженскую катавасию: «Крест начертал Моисей». То же самое, и еще большей

полноте, происходит и при приближении праздника Рождества Христова. За целый месяц до его наступления богослужение начинает готовить нас к прохождению этой светящейся точки вечности. Начиная с праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, мы уже чувствуем, что вместе со всем миром прикасаемся к ней, потому что в этот день мы поем рождественские ирмосы: «Христос рождается». А еще через две недели, в день памяти святителя Николая, мы воспеваем первые стихиры предпразднства: «Вертепе, благоукарасия», «Сионе, торжествуй» и «Безневестная Дево», которыми заключаются стихиры на Господи воззвах, на литии и на стиховне Великой вечерни.

Особенно замечательны в смысле подготовки душ к восприятию грядущего праздника две последние стихиры. В первой из них мы обращаемся к «Граду Христа Бога», готовящемуся подъять Зиждителя «в вертепе и яслех вмещаемого», и просим открыть нам врата, войдя в которые мы можем духовными очами увидеть «дланию Содержащего тварь», «яко Младенца пеленами повиваемого». А во второй, как бы уже войдя в эти врата и увидев Виновницу нашего спасения «Безневестную Деву», Матерь Божию, обращаемся к Ней непосредственно, прося Ее открыть нам великую тайну нашего спасения.

Чем ближе подходим мы к светящейся точке праздника, тем ярче озаряет нас исходящий из нее свет. В течение пяти дней предпразднства, завершающегося навечерием Рождества Христова, богослужение со все большей глубиной и полнотой раскрывает нам эту великую тайну, в которую вводит нас Церковь Святая. И, наконец, наступает самый праздник Рождества Христова — точка вечности, которую мы проходим. Здесь стираются грани времени и открывается тайна вечности, потому что, как говорит митрополит Филарет, «Христос доселе снисходит с небес, и в такой близости к нам, что мы, подобно пастырям и волхвам, можем приспеть Его Божественного явления».

Не сразу уходит от нас эта точка вечности. В течение семи дней попразднства мы продолжаем жить ее отраженным светом. Более того, если действительно отразился в нашей душе

явленный в ней свет вечности, она становится для нас ступенькой нашего восхождения к вечной жизни, к которой призывает нас Господь Иисус Христос.

Святая Церковь через временное приобщает нас к вечности. Каждого из нас она ведет по его жизненному пути, в конце которого он должен получить «во блаженном успении вечный покой» и войти в вечную память Божию.

Будем же с большим вниманием и благоговением подходить к богослужению и входить в него не как зрители или свидетели, а как его участники. Тогда и вся жизнь наша получит новый смысл и новое освящение. По-настоящему живя в богослужении, мы уже здесь, на земле, можем иметь «вечный покой», можем удостоиться того, что Господь еще в дни нашей земной жизни будет иметь нас в Своей вечной памяти.

Наше великое счастье, что мы снова входим в годовой богослужебный круг и имеем возможность еще раз со всем миром пройти его. А наша задача заключается в том, чтобы каждый посылаемый нам Господом год жизни сделать воистину временем приобщения к вечности, вхождением в то, что по бесконечной любви Божией совершалось «нас ради человек и нашего ради спасения». Аминь.

Тайна богослужения

*В день церковного Новолетия,
1 сентября*

Несколько дней тому назад мы с вами, по милости Божией, вступили в новый церковный год, а ныне празднуем первый великий праздник годового богослужебного круга — Рождество Пресвятой Богородицы. Для того чтобы понять смысл этого праздника, а вместе с ним и других праздников церковных, нам нужно прежде всего вспомнить, что церковная жизнь есть тайна, непостижимая для тех, кто находится вне Церкви.

Неслучайно ведь самое важное в жизни Святой Церкви — ее средоточие, через которое мы становимся причастниками благодати Божией, — мы называем Таинствами. Сами мы своим тварным умом не могли бы постигнуть этой тайны

церковной, но Господь по Своей милости постепенно открывает ее тем, кто живет в Таинствах, кто припадает к этому источнику благодати и пьет его живую воду.

В жизни церковной есть много тайн. Одна из них постоянно открывается верующим. Мы приобщаемся этой тайне не только тогда, когда получаем благодатные дары через Таинства, но всякий раз, когда бываем в храме и участвуем в богослужении. Впрочем, для многих из нас, верующих, тайна эта продолжает оставаться закрытой.

Для того, чтобы по-настоящему соприкоснуться с нею, нам нужно быть не простыми слушателями и зрителями того, что совершается в храме, но войти в опыт тех, которые были творцами богослужения и запечатлели его в составленных ими молитвах и песнопениях, начиная со времен апостольских, через мучеников и преподобных, и кончая подвижниками нашего времени.

Творцы богослужения в полном согласии со святыми отцами и учителями Церкви говорят нам о том, что человек создан для вечной жизни, что подлинной стихией, в которой только и может жить его душа, является вечность.

Когда мы погребаем наших усопших и молимся об упокоении их душ, мы просим, чтобы Господь сотворил им «вечную память». Но эта молитва может относиться и к нам, живущим еще на земле, потому что и мы нуждаемся в том, чтобы Господь имел нас в Своей вечной памяти — ведь цель нашей жизни и есть приобщение к вечности. Поэтому самое лучшее и ценное пожелание церковное есть пожелание вечной памяти.

А мы об этом постоянно забываем. Отягченные заботами житейскими и омраченные временными обстоятельствами нашей жизни, мы забываем о том, для чего созданы, забываем о вечности, в которой живет лишь то, что сотворено Господом — добродетель. Все же остальное отмечается и бросается в огонь, во тьму внешнюю. Нам только кажется, что оно существует, а на самом деле, как говорит один святой отец, «в начале не было зла, потому что и теперь нет его во святых, и для них оно вовсе не существует»¹.

¹ *Святитель Афанасий Великий*. Слово на язычников // Творения: в 4 ч. Свято-Троицкая Сергиева лавра. 1902. Ч. 1. С. 126–127.

Воистину, существует только жизнь в Боге и то, что ведет нас по пути стяжания Царствия Божия.

Святые отцы говорят нам, что человек создан по образу и подобию Божию, что он есть венец природы и царь всей видимой твари и вместе с тем сотаинник Божией благодати. Они учат, что телом своим человек связан со всею землею тварью, потому что тело его Господь создал, *персть взял от земли* (Быт. 2, 7), а своею душой он соединен с горним ангельским миром. Человек стоит на грани двух миров — земного и небесного. В творении его, как говорит святитель Григорий Богослов, «художническое Слово созидает живое существо, в котором приведены в единство... невидимая и видимая природа, созидает человека, из сотворенного уже вещества взяв тело и от Себя вложив жизнь, поставляет на земле иного ангела, из разных природ составленного поклонника, зрителя видимой твари, таинника твари умосозерцаемой»¹.

Но созданный по образу Божию и поставленный Господом на грани двух миров, человек не выполнил своего предназначения: он согрешил, отпав от Бога, а через него и весь видимый мир, венцом которого он является, стал отходить от Господа. Тогда на землю явился Сын Божий, Который Своею смертию упразднил смерть и Своим Воскресением открыл нам путь к вечной жизни. Он даровал нам и вечную память — и не только нам, верующим в Него, но и всей видимой твари.

Поэтому задача человека состоит в том, чтобы, очищая от греха свою душу, поднять и одухотворить также и вещество, из которого создано его тело, сделав его достойною обителью бессмертной души. Святые отцы говорят, что в день последнего воскресения предстанут пред Господом не только наши души, но вместе с ними и наши воскресшие тела. И в этой земной жизни, в своем восхождении к Богу, человек может идти одним только путем, который указан ему Господом, поставившим его на грани двух миров. Только в общении с этими обоими мирами, и вместе с ними, может человек на земле служить Богу. Об этом нам постоянно напоминает Святая Церковь в своем богослужении.

¹ *Святитель Григорий Богослов. Слово 38: На Богоявление или Рождество Спасителя // Творения. М., 1889. Т. 3. С. 199–200.*

Недавно мы с вами совершали службу в день церковного Новолетия. Мы приносили в этот день хвалу Господу не только от себя, но и от всего мира видимого и невидимого, с которым соединены мы по телу и по душе.

Об этом ясно говорится в каноне этого дня: «Вся дела Твоя, Господи: небеса, земля, свет и море; воды и вси источники; солнце же, луна и тьма; звезды, огонь, человецы и скоты, со ангелы восхваляют Тя»¹.

Тот, кто верит, что слова эти соответствуют подлинной действительности и что в богослужении мы воистину соединяемся с обоими мирами, тот понимает, какая великая тайна заключена в православном богослужении.

Тайна эта состоит не в том только, что здесь уничтожается грань между человеком и всею тварью — небесною и земною, грань, которую мы так ясно ощущаем, живя в этом привременном мире, но также и в том, что через богослужение мы преодолеваем и самые границы «времени текущего естества» и входим в мир вечности. Стало быть, в богослужении нет ничего временного, но все живет в вечности.

Обычно смысл празднования того или иного события из жизни Иисуса Христа или Божией Матери мы видим в том только, чтобы пойти в храм, прослушать там Евангелие и песнопения, рассказывающие о событиях, совершившихся когда-то очень давно, вспомнить об этих событиях. Так можем мы отнестись и к сегодняшнему празднику. Церковное предание говорит нам о том, что около 2000 лет тому назад Пресвятая Дева родилась в Галилейском городе Назарете от престарелых родителей, праведных Иоакима и Анны. Оно повествует, что рождением своим Дева Мария разрешила узы их бесплодства и доставила им великую радость. Об этом рассказывают нам песнопения сегодняшнего дня, и можно было бы заключить, что весь смысл праздника сводится к тому, чтобы вспомнить об этих далеких событиях.

Но если мы обратимся к тексту песнопений и постараемся вникнуть в смысл того, что говорят их творцы, то мы сразу же убедимся в том, что такое отношение к празднику может быть свойственно только людям внешним, не понимающим тайн

¹ Служба 1 сентября, канон индикта, 9-я песнь.

церковной жизни. В действительности, песнопения праздника говорят совсем иное. В стихирах сегодняшней вечерни мы слышали: «Днесь неплодная врата отверзаются, и Дверь девическая Божественная предгрядет», «Днесь всемирныя радости предвозвешение, днесь возвеша ветри, спасения провозвешницы, естества нашего разрешается неплодство», и, наконец: «Днесь неплодная Анна раждает Богоотроковицу»¹.

Что же означает это «днесь» («днесь... разрешается неплодство», «днесь... Анна раждает Богоотроковицу»)? Есть ли это только лишь приемы образной поэтической речи, или в этих словах заключается какой-то иной смысл?

Если рассуждать с точки зрения мудрости века сего, то утверждение реального смысла этих слов является безумием. Ведь все это совершалось когда-то очень давно. Но для *живущих... по духу* (Рим. 8, 5) все, что совершилось «нас ради человек и нашего ради спасения», не только произошло во времени, но и в вечности пребывает. Поэтому, когда мы слышим сегодня, что «ныне Дева чистая от Анны происходит» — нам открываются врата вечности.

Богослужение сегодняшнего дня говорит нам о том, что рождение Пресвятой Девы было радостью не только для Ее родителей и родственников, живших в Назарете, но стало всемирной радостью, что оно разрешило неплодство не только святых праведных Иоакима и Анны, но в Ее рождении «естества нашего разрешается неплодство» и рождается «плод живоносен миру».

Богослужение открывает нам, что Рождество Богоматери имело значение не только для живших в те дни в Назарете, но совершилось «нас ради человек и нашего ради спасения», что с рождением Ее «жизни раждается... мост»², вводящий нас в вечность.

Прославляя Господа, мы каждое славословие заканчиваем словами «ныне и присно и во веки веков». Этими словами Святая Церковь говорит нам о том, что богослужение, которое

¹ Служба на Рождество Пресвятой Богородицы, 4, 5 и 6-я стихиры на Господи воззвах.

² Служба на Рождество Пресвятой Богородицы, 1-й канон, 1-я песнь, 3-й тропарь.

мы совершаем «ныне», будет совершаться «и присно и во веки веков», потому что уже сейчас оно совершается в вечности и приобщает нас к вечной жизни. В этом и заключается тайна богослужения — великая тайна, которую открывает нам Святая Церковь.

Отнимите от богослужения его сокровенный смысл, заключенный в словах «ныне и присно и во веки веков», и для вас закроется текущий в нем источник вечной жизни, вы навсегда останетесь оторванными от того, что было и ушло в безвозвратное прошлое, ибо никто из людей не может присутствовать при рождении своей матери или своего отца. Но мы знаем, что лучшие из наших подвижников, которые были творцами богослужебных песнопений и канонов, пили из этого источника вечной жизни. Они на опыте познали, что богослужение открывает нам познание вечности.

А для нас грешных самое главное (и об этом нужно помнить всегда) заключается в том, чтобы самим прикоснуться к этому источнику познания, который открывается нам через тайну богослужения.

А для этого, пока еще мы здесь, на земле, с верою, благоговением и страхом Божиим воспринимайте все то, что вы видите и слышите в храме, все, что совершается, поется и читается за богослужением. И, снова входя ныне в годовой круг богослужения, будем помнить, кто мы и к чему призваны. И по мере вхождения в него нам будет все больше открываться великая тайна вечности.

Святая Церковь верит, что не одни мы совершаем богослужение, что вместе с нами молятся и славословят Господа ангельские силы и вся Небесная Церковь. «Ныне силы небесные с нами невидимо служат», — воспеваем мы на литургии Преждеосвященных Даров Великим постом. И не только в эти дни, но и во все дни церковного года, за каждой литургией, перед малым входом, священник молится: «Сотвори со входом нашим входу святых ангелов быти, сослужащих нам и славословящих Твою благодать». Именно отсюда, из этого соприсутствия и сослужения с нами уже достигших вечности и живущих вечной жизнью в Господе ангелов и святых, рождается и в нас стремление в вечность.

Поэтому во время Божественной литургии священник, после принесения Господу благодарственной службы о всех святых и «изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преподобней, славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии», поминает живых и усопших и молится, чтобы Господь помянул их в Царствии Своем, то есть приобщил их к вечной Своей памяти, которая и есть Царствие Божие.

Из этого нам должно быть ясно, что совершаемое здесь, на земле, богослужение есть не что иное, как последовательное раскрытие во времени тайн вечности. А для каждого из нас, верующих, оно есть путь, ведущий к вечной жизни.

Поэтому и праздники церковные представляют собой не случайное собрание памятных дней, но сияющие в нашем временном мире точки вечности, прохождение через которые подчиняется неизменному духовному порядку. Точки эти сменяют друг друга в определенной последовательности, они связаны друг с другом как ступени единой лестницы духовного восхождения, так что, стоя на одной из ступеней, мы уже видим свет, озаряющий нас с другой.

Вот и сегодня чтение канона сопровождается пением воздвиженской катавасии «Крест начертав Моисей». Казалось бы, она не имеет отношения к сегодняшнему дню, но на самом деле это не так. Она говорит нам о неразрывной духовной связи следующих друг за другом церковных праздников; свет Воздвижения озаряет нас издали, так что уже сегодня мы начинаем входить в него.

Тайна богослужения есть величайшая из тайн Церкви. Сами мы не можем сразу постигнуть ее. Но мы знаем, что она была открыта величайшим из угодников Божиих. Поэтому, входя в их опыт через те молитвы и песнопения, в которых они его запечатлели, прося их помощи и молитв за нас грешных, можем и мы постепенно начать прикасаться к этой великой тайне. И по мере того как через это в нас будут рождаться и возрастать элементы вечности, мы по-иному, чем теперь, станем относиться и к нашей временной жизни. Мы поймем тогда, что она есть только путь, ведущий нас от дольного к горнему, от временного к вечному.

И тогда, уходя из этой жизни, мы, может быть, сподобимся Вечного Царствия, уготованного Господом для тех, кто уже здесь, на земле, начал входить в Его вечную память, что есть величайшее достижение для человека, идущего от дольного к горнему.

Об «идейном» и духовном христианстве

*В день церковного Новолетия,
1 сентября*

Есть два понимания церковных праздников и два отношения к ним: мирское и духовное.

Согласно мирскому пониманию, в дни церковных праздников мы собираемся в храм для того, чтобы вспомнить о событиях, произошедших в древности. Такое отношение к праздникам является плодом «идейного», или словесного, христианства.

Для тех, кто так понимает христианство, оно сводится к определенным религиозно-нравственным идеям, о которых можно говорить, в которые можно рассудочно верить, которыми можно даже и загореться на некоторое время. Это «идейное» понимание христианства — приговор для нас, оно убивает в нас настоящую христианскую жизнь. Хуже всего, если нас будут называть «идейными» христианами. Поэтому мы должны вести борьбу с идейностью в христианстве, подавлять ее в себе, если она есть в нас, бороться за иное понимание — духовное, противостоящее ей.

Оно исходит из того, что Христос принес на Землю не новую идею, а новую жизнь. *Аз есмь Воскресение и Жизнь* (Ин. 2, 25). Христос учит не просто говорить, Он учит жить. Поэтому, если мы хотим следовать за Ним, мы должны жить во Христе. Он указал нам путь в этой жизни, и Сам Он есть *Путь и Истина и Жизнь* (Ин. 14, 6). Он требует от нас следования Ему не словами, а делами: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29).

Такое отношение к христианству обязывает нас к новому, совсем не мирскому, а духовному пониманию праздников. Смысл их заключается прежде всего не в воспоминании

о прошедших когда-то событиях, а в духовном вхождении в то, что случилось «нас ради человек и нашего ради спасения».

Это в полной мере относится и к нынешнему празднику. Святые отцы учат нас, что нельзя о Христе только думать или говорить, нельзя только лишь словесно почитать Крест, на котором Христос был распят. Если мы хотим воистину поклоняться Кресту Христову, то мы должны делать это не только по преданию и по традиции, потому, что так принято, и не только словесно, — мы должны делом поклоняться Христу Распятому. Взять свой крест и идти вслед Христу, сораспяться Ему — вот истинный путь христианина. К этому приводит нас Господь, когда говорит: *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8, 34). Отсюда начинается истинное христианство. Его начало — отвержение себя, борьба с живущими в нашем сердце страстями и сораспятие Христу на данном каждому из нас Господом кресте.

Истинное поклонение Кресту начинается с той минуты, когда мы хоть немного, хоть чуть-чуть начинаем работать над своей душой, бороться со своими страстями: завистью, гордостью, гневом; когда мы начинаем работать над тем, чтобы родилось в нас новое отношение к нашим ближним. Потому что отношение к ближнему — это и есть подлинное дело, которое заповедал Христос¹, это и есть настоящий подвиг, это и есть христианство. А то, о чем мы любим говорить, чем «загораемся» даже, вполне может быть и от диавола. Ведь и диавол знает о Боге, знает Священное Писание, но у него нет борьбы за Царство Божие внутри себя. А Христос пришел к нам для того, чтобы сделать нас сынами этого Царствия.

Если мы поистине хотим быть христианами, если мы хотим сегодня от всего сердца поклониться Честному и Животворящему Кресту Господню, если мы действительно верим, что Христос был распят на этом Кресте «нас ради человек и нашего ради спасения», то мы должны последовать Его слову, обращенному к нам. А Он, Распятый, зовет и нас сораспяться

¹ См.: Лк. 6, 31–36; 10, 29–37 и др.

Ему на нашем кресте. Тогда-то мы воистину начнем христианскую жизнь, которая состоит не в идейности, не в прекрасных словах, а в действительности служения Ему, нашему Господу, и нашему ближнему.

Давайте же осознаем, ради чего пришли мы сегодня сюда, что мы празднуем, что торжествуем! Будем молиться, чтобы Господь просветил наши сердца и дал нам понять, в чем наше настоящее дело. Тогда мы станем читать Священное Евангелие делами. Тогда начнется для нас на своем кресте сораспятие Господу. *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8, 34).

На Новый год

1 января

Приветствуя вас всех, господа, с Новым годом, полагаю, что, конечно, немногие из вас в постели и во сне его встретили; думаю, что большинство встречали его в кругу семьи и близких друзей с радостью, весельем, взаимно желая друг другу счастья, вспоминая прошедший год, строя планы на будущий. Но у некоторых из вас, глубоко чувствующих и размышляющих, среди этого бодрого веселья не ощущалась ли в сердце грустная мысль, как бы глухой голос говорит вам: ведь вот наступил Новый год, а уже некоторых из тех, которые встречали прошедший, нет в живых; подкошены юные жизни некоторых товарищей, других страшный недуг скоро подкосит. Не есть ли этот год последний? Не заглушайте в себе этого голоса. Это голос Божий...

Желаю же, чтобы Господь, даровавший нам новое лето жизни, утвердил нас в страхе Божиим, покаянии и добродетели.

О Страшном суде Божиим

В неделю Мясопустную (за литургией)

Подобно тому как во время пожара набатный колокол тревожными частыми ударами все настойчивее и настойчивее напоминает жителям города о спасении от пламени их

имущества, так же и Святая Церковь с каждым днем все убедительнее зовет нас ко спасению того, что, несомненно, дороже всего вещественного, спасению драгоценных душ наших.

В прошлое воскресенье она приглашала нас к покаянию и к исправлению греховной жизни нашей, к приобретению христианских добродетелей. Вчера, в субботу, она напоминала нам своим заупокойным богослужением о страшном часе смертном, ожидающем всех нас.

И вот в это воскресенье Господь открывает нам Своим неложным словом тайны последнего Суда Своего, последнюю, заключительную страницу земной жизни каждого из нас. *Грядет час*, — говорит Господь, — *в онъже вси сущии во гробех услышат глас Сына Божия* (Ин. 5, 28), и все мы предстанем пред нелицеприятным Судилищем Христовым не только со всеми делами, но и с едва заметными для нас помышлениями. На этом Суде уже не будет места никакому самоизвинению — то будет не суд человеческий, иногда и пристрастный, и несправедливый. Нет, то будет Суд Божий, грозный, нелицеприятный, все проникающий, пред которым все открыто.

И спросит Господь наш Иисус Христос каждого из нас: «Вот вы именовались христианами, но старались ли вы в своей жизни подражать Мне? Чем свидетельствовали вы свою веру в Меня? В чем вы показали свою любовь ко Мне? Чем вы старались заслужить Мою любовь и Мое благоволение?.. Вот, смотрите, — скажет Он, указывая на многочисленное собрание святых апостолов, пророков, мучеников, преподобных и праведников. — Вот они были такие же люди, как и вы, а между тем, проповедуя Мое имя, они претерпели ради Меня всевозможные скорби, страдания, гонения, самые утонченные мучения и, наконец, запечатлели верность Мне своею кровью. А эти преподобные отцы и матери, отвергнув вся красная мира, провели всю свою жизнь в слезах и воздыханиях, в голоде и жажде, дни и ночи проводя в молитве, скитаясь в пустынях, не имея иногда даже и корки хлеба для утоления голода. Но, скажете вы, они жили в монастырях и пустынях и им легко было спастись. Но вот смотрите: целые тысячи праведников, которые жили в миру, подобно вам. Из них многие были люди богатые, занимали высокие общественные должности,

были связаны семейными узами, а между тем, живя в мире, они были не от мира — то есть не заражались его пороками. Обращаясь среди грешных людей, в душе своей они были собеседниками ангелов. Занимая различные общественные должности, всем сердцем и всею душою искали лишь *Царства Божия и правды Его* (Мф. 6, 33)... Что же сделали вы, — спросит Он нас всех, — чтобы достойно называться христианами и стать *одесную* Меня? Я от вас не требовал тех великих подвигов, которые принесли Мне святые люди, одного Я просил у вас — любви ко Мне, Спасителю вашему, и любви к ближним вашим. Если вы сами не могли терпеть голод и жажду для достижения Царства Небесного, то, по крайней мере, насытили ли вы голодного, когда Я, в лице нищего, просил у вас хлеба? Напоили ли жаждущего ради Меня? Если вы не могли оставить свой дом, своих братьев и удалиться в пустыню ради спасения своей души, то по крайней мере ввели ли Меня в свой дом и успокоили ли Меня, когда Я стоял в жалком рубище, стучась в дверь дома вашего? Если вы сами не могли страдать за Меня, терпеть ради Меня болезни, скорби и унижения от людей, то, по крайней мере, старались ли вы облегчить своим участием, состраданием и помощью Мои болезни и страдания, когда Я лежал на одре с болящими и когда томился в темнице вместе с узниками?»

Да, братие, в самых малых делах любви нас истязут, и будем ли мы в состоянии дать добрый ответ? Согрето ли наше сердце любовью к Богу и к ближнему, не очерствело ли, не окаменело ли оно от самолюбия, чувственности, зависти и других пороков?

О! Пока есть еще время, постараемся исправиться! Прежде Суда Божия осудим себя, всю свою прошедшую греховную жизнь. В грядущий Великий пост омоем свою душу слезами покаяния, украсим ее добрыми делами веры и любви, смирения и милосердия, да милостивого найдем в страшный день Суда Божия Судию и Господа и услышим Его вожделенный голос: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира* (Мф. 25, 34). Аминь.

Путь мира и путь Церкви

В неделю Мясопустную (за литургией)

Сердечный привет вам, дорогие сестры, с вашим сегодняшним праздником! Не обращает ли наше внимание то, в какое время он совершается? Теперь, как известно, в нашем многошумном городе самый разгар всякого рода увеселений, а Церковь в то же время приглашает всех к покаянной молитве. Мир воспевает радости и наслаждения земной жизни, а Церковь напоминает нам о ее скоротечности, о страшном часе смертном, ожидающем каждого из нас. Мир в погоне за всевозможными радостями, утехами вовсе забыл о высоких подвигах и великом назначении души нашей, а Церковь неложным словом Господа нашего Иисуса Христа раскрывает нам грозную картину будущего пришествия Господа и Страшного суда, на котором мы будем судимы не только за дела и поступки, но и за самые малейшие, сокровеннейшие мысли и пожелания. Не правда ли, какая резкая противоположность между жизнью мира и жизнью Церкви!

А что сказать вам о том, что часто за этим видимым мирским весельем скрываются глубокие душевные драмы. Часто веселое лицо, оживленный блеск глаз — лишь маска, под которой скрываются внутри затаенные страдания. Мир желает веселья, отгоняя от себя прочь тревожные мысли, подавляет в себе всякое религиозное чувство, шумом и песнями старается заглушить страх смерти и чаяние будущего воздаяния. Но, увы, не может вырвать или подавить в себе эти чувства и мысли и не может заглушить и порывов к небесному своей бессмертной души. И тоска, и уныние, горькие слезы и жгучие рыдания наедине, в тиши своей комнаты, ясно свидетельствуют бедному человеку, что не здесь, на земле, его назначение, — а там, на небе. Здесь лишь призрак жизни, лишь приготовление к вечности. А, с другой стороны, эта, по-видимому, скучная и однообразная церковная жизнь доставляет душе мир и счастье, которые она не променяет ни на какие блага мира. Эти дни Великого поста, например, когда церковная жизнь особенно ярко себя выражает в покаянных молитвах, дивных напевах, церковных чудных богослужениях, как дороги, как милы они всякому православному человеку!

В это время, сосредоточившись в мыслях и чувствах, успешней борешься с мыслями и пороками, гнездящимися в душе каждого из нас. С большей любовью относишься к своему ближнему, начинаешь яснее прозревать в тайны Божьего мира и глубже осознавать свое назначение как человека и христианина. О, дорогие дни Великого поста! Ничто не заменит вас для нашего сердца.

И вот, дорогие мои, в изображенном мною само собой заключается наставление для вас: мне не придется тратить слова, чтобы сделать вывод, — вы сами его ясно понимаете. Вот вам два пути или, вернее сказать, две жизни: жизнь мира — веселая и легкая снаружи, но полная разлада, тоски и отчаяния, жизнь же Церкви — скучная, утомительная и однообразная снаружи, но полная духовных радостей внутри.

Сердце мое, Боже, готово. Вот оно мое грешное растленное сердце, Ты видишь его, Господи. Молю же Тебя вместе с пророком: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50, 12). Аминь.

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче

Начало Великого поста

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче! Так ныне взывает к Богу каждый из нас, кающихся грешников. «Господи, Ты Сам видишь, что я давно перестал находить сладость в грехах и искренно желаю переменить мою нечистую жизнь, но, увы, не успею я отмыться слезами покаяния, как снова падаю в болото нечистых помыслов и греховных дел. Злой враг мой, диавол, кажется, для того только и дает мне несколько духовной свободы, чтобы потом отнять ее и уничтожить все, что сделано мною во время покаяния. Прежде еще я мог безрассудно надеяться на свои силы, но теперь я опытом познал, что я совершенный раб греха, что мои страсти бесконечно сильнее меня. Поэтому я оставляю надежду на себя и все упование мое возлагаю на Тебя, моего Спасителя и Господа. Пересоздай Духом Твоим Святым мое злое сердце. Не только открой мне двери покаяния, но и введи меня в него и до тех пор удержи в нем, пока не изгонится из души все

злое и не останется в ней единый образ Твой». Так молится истинно кающийся.

Но и сами мы должны прилагать старания к своему возрождению. «Утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему», — говорит дальше кающийся. То есть стремится мой дух к небу, заботясь о спасении души, часто посещая храм Божий, внимательно слушая молитвы церковные, усердно читая Священное Писание, насколько возможно, помогая ближнему.

Да поможет же нам в сем деле Господь: искренно раскаявшись в своих грехах, сделаться добрыми христианами на все последующее время жизни. Аминь.

Пост — мать целомудрия

«Прииде пост — мать целомудрия», — воспевают Святая Церковь¹. А какое же время было до поста? — Время грехопадений, постоянного потворства своим телесным склонностям. Если не делом, то мыслью мы постоянно грешили и падали. Подобно тому как птица, если у нее испорчены крылья, едва-едва поднявшись над землей, снова опускается на нее, точно так же и человек, если у него ослабел дух, постоянно опускается к земным предметам и только в телесном, земном находит себе наслаждение.

Душа грешит со всем, что ей попадает на глаза: и с лицами, и с вещами, легко поддается чувственной страсти.

И вот поддался бедный человек гнездящейся в нем страсти и лишился крепости духовных сил своих и, мало этого, ослеп духовно и, сам того не замечая, быстрыми шагами идет к своей окончательной гибели. Так некогда Самсон, увлекаемый сладострастием к коварной Далиле, лишился всей своей Богом данной ему силы и, обессиленный, с выколотыми глазами, уже не мог более служить, как прежде, Богу (см.: Суд. 16).

Да послужит это каждому из нас уроком! Всякий из нас пусть познает преобладающую в нем страсть и именно во

¹ Понедельник первой седмицы Великого поста на утрени, на стиховне самогласен, глас 5-й.

время поста всеми силами борется с ней. И тогда, подобно Самсону, и у нас снова отрастут благие помышления, а вместе с ними не только телесные силы воротятся, а и крепость воли, и не только телесные очи откроются, но и духовные: ум станет зрячим, и мы снова увидим Господа и все окружающее в истинном свете.

Душе моя, душе моя, воспрями убо¹! *Се ныне время благоприятное, се ныне день спасения* (2 Кор. 6, 2)! Аминь.

Время поста дано нам для исправления нашей жизни

Итак, братие, снова наступил Великий пост. Снова открываются перед нами двери милосердия Божия. Увы, некоторых из тех, которые с нами молились, говели, исповедовались и причащались Святых Таин, уже нет в живых. Закрылись для них двери чертога Царства Божиего, а пред нами они еще открыты. Их жребий уже решен безвозвратно, а наш находится в наших руках. Возблагодарим же Господа, не погубившего нас с нашими беззакониями и дающего нам еще время для покаяния.

Каким же образом возблагодарим? Решительным отвержением греха и полным, искренним желанием служить Богу. Замечаем ли мы в себе это духовное, если так можно выразиться, выздоровление? Ведь, не правда ли, человек, исцеленный от тяжелой болезни, не затруднится сказать, что он здоров. Даже человек, начинающий выздоравливать, ясно сознает, что его телесный организм восстанавливается в прежнем здоровье. А мы? Сделались ли мы более здоровы душой и совестью? И не всякий из нас, к несчастью, может дать на это положительный ответ. Многие из нас пред лицом своей совести должны сказать, что мертв или, по крайней мере, слаб их внутренний человек. Да что же это значит? Разве недостаточно сильно то духовное лекарство, которое мы принимаем? Неужели же Таинства Святой Церкви потеряли свою силу,

¹ Кондак, поемый или читаемый по 6-й песни Великого покаянного канона.

и Спаситель, преподавая нам Тело и Кровь, преподавал нам чужие, а не Свои собственные? Нет! Сильна благодать Божия по-прежнему, по-прежнему врачует она немощи, наполняет силой оскудевающих. Нет, дело в нас самих. Потому мы не исцелили, что возлюбили свои духовные раны, постоянно растравливая их новыми грехами. Потому что мы как будто решились жить и умереть в грехах наших.

В самом деле, посмотрите, как мы приступаем к величайшим Таинствам: Исповеди и Причастию? Приступаем, правда, с благоговением, приготовившись внешним образом, но поверхностно. Оно не проникает до самой глубины нашей души. Нет в нас твердой решимости решительно измениться в своей жизни. Мы больше причащаемся в оставление наших прошедших грехов, мало думая о своем поведении в будущем. Больше — в жизнь вечную на небе, чем в мыслях о жизни добродетельной на земле. Удивительно ли после этого, что наше говение производит на нашу душу лишь мимолетное впечатление. Несколько дней в году проводим мы по-христиански, остерегаясь не только греховных дел, но и мыслей, спокойнее и естественнее начинает делаться направление нашей жизни, а затем зло снова вступает в свои права и, на время стесненное, еще более усугубляется. Счастье еще тем, которым предстоит прожить еще много лет. Может, несчастья и болезни еще заставят их опомниться. Но, увы! Что делать тем, для которых этот пост — последний в жизни, для которых Судия уже *при дверех*, по выражению Священного Писания (Мф. 24, 33)? Кто эти несчастные, мы не знаем. Может быть, ты, слушатель, меньше всего теперь думающий о смерти, а может быть, и я, возвещающий тебе эту грозную истину...

Соединимся же, возлюбленные братие, в искреннем желании самоисправления и решимся раз и навсегда оставить жизнь греха. Ты же, Господи и Владыка нашей жизни, Небесный Врач душ и телес наших, помоги нам Своею всемогущею десницею, изведи нас из духовного плена. Аминь.

Постимся постом приятным, благоутодным Господеви¹

Истинный пост заключается не только в воздержании от пищи, запрещенной Церковью, но главным образом и, можно сказать, исключительно в воздержании от злых дел и мыслей. Итак, хочешь ты поститься воистину, прежде всего воздержи твой язык от всякого пустого, злого, праздного слова. Не забывай, что язык может быть великим врагом человека. Ведь недавно святой апостол Иаков говорит: *Аще кто в слове не согрешает, сей совершен муж, силен обуздати и все тело* (Иак. 3, 2).

Хочешь ли ты поститься истинным постом — оставь всякую ненависть, досаду, ропот, вражду, сделайся ко всем людям кротким, смиренным, снисходительным, любящим.

Хочешь ли ты поститься истинным постом — вместе с пищею оставь всякого рода плотоугодие, брось книгу, дышащую сладострастием, сними со стен комнаты развратные картины, выбрось из ума (хоть вдруг это сделать нельзя, ведь ум — не стены дома) все нечистые, страстные мысли и образы.

Хочешь ли ты поститься истинным постом — помоги меньшому брату, одень нагого, прими странника, посети больного, утешь заключенного. Ведь ты сам посредством поста ищешь милости у Бога — окажи же и ближним твоим милосердие.

Таков истинный пост приятен Богу. А иначе мы будем похожи на больного, который, принимая лекарство, не воздерживается ни от одной из своих привычек, произведших болезнь. Что можно ожидать от такого лечения, кроме усиления болезни? Тогда уже лучше вовсе не поститься, тогда, по крайней мере, не будет места для самообольщения. Аминь.

Душе моя, востани, что спиши²

Слышали вы сейчас трогательную церковную песнь «Душе моя, душе моя, востани, что спиши?» И вот ныне к тебе, грешная душа моя, обращает свой голос Святая Церковь.

¹ Стихира на стиховне на вечерне понедельника первой седмицы Великого поста.

² Слова из кондака, поемого или читаемого по 6-й песни Великого покаянного канона.

Душе моя, душе моя, слышала ты сегодня за вечерним богослужением историю сотворения мира Господом Богом. Слышала ты и печальный рассказ о падении первых людей, слышала ты и радостное обещание: спасения в Господе нашем Иисусе Христе.

Внимай и поучайся. Ты можешь снова воссоздать ныне свое падшее естество. Теперь или никогда — во время поста, когда ты наиболее, чем во всякое время, думаешь о Боге и о себе самой.

Тьма глубокая внутри тебя, о душе моя, но припади ко Господу, усердно помолись, и Он пошлет тебе Свой свет, который просветит тьму твою греховную, вложит в твое сердце искреннее и твердое намерение Ему служить, Ему работать — и тем как бы твердь поставит среди мятущихся мыслей и желаний грехолюбивого сердца твоего. Все распределит в твоей душе по своим местам, как бы разделит ее на море и сушу!

Вот и ты начнешь, подобно первозданной земле, произращать из себя сначала начатки добродетелей, а затем и богоугодные дела, пока, наконец, не восстановится в тебе образ и подобие Божие — как ты была создана в начале¹!

Все это Господь совершит в тебе в шесть дней твоего духовного творения — говения, если будешь проходить его со вниманием, благоговением и сердечным сокрушением. Аминь.

О страхе Божием

«Душе моя, душе моя, — вызывает к нам Святая Церковь, — воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог!»

Вчера мы говорили о том, что для того, чтобы достойно приготовить себя к Царствию Небесному, необходимо насытить добродетели в сердце своем и усердно работать над собой.

В самых коротких словах, вот каким образом сегодня намечается тебе программа духовной деятельности, душе моя: *Бойся... Бога, и уклоняйся от всякого зла* (Притч. 3, 7)²!

¹ Ср.: Быт. 1, 27.

² Слова из второй паримии, читаемой на вечерне в четверг первой седмицы Великого поста (Притч. 3, 1–18).

Так говорил сегодня Премудрый в своих притчах. И корень богоугодной жизни — страх Господень. Когда он придет, то все в тебе перестроит и воссоздаст в тебе прекрасный порядок.

Но как приобрести страх Божий?

Он, дорогие братие, во всех нас есть, только он заглушен. Надо его воскресить, а для этого надо дать голос своему разуму, с одной стороны, и открыть сердце для внушения истины. До сих пор мы запрещали ему говорить или, если он говорил, не слышали его голоса — подобно тому как на собрании неблаговидных людей слышится крик многих голосов, которые стараются друг друга перекричать и таким образом заглушают голос самого благоразумного и мудрого между ними. Точно так же и в нашем сердце слышатся голоса гнездящихся в нем пороков: зависти, сладострастия, гордости и нередко отчаянный крик уныния, и среди них вовсе заглушен голос разума. Дай же говорить ему здравые речи! Пусть замолкнут хотя теперь беспорядочные голоса страстей!

Слышишь, что он говорит?

Прислушайся к тому, что он говорит. Он говорит о том, что Господь Вседержитель тебя охраняет, но может каждую минуту тебя бросить. Он говорит, что Господь вездесущ и всеведущ, Он все в тебе видит и за все худое в тебе гневается. Он говорит о Божием правосудии: оно готово сейчас же тебя наказать, но удерживается милостию. Он говорит, наконец, о смерти, каждое мгновение готовой схватить тебя и предать суду и воздаянию.

Слушай лишь его внимательно и старайся в сердце твое вложить эти истины. Пробудишь сердце твое — пробудишь страх Господень; будешь Бога бояться — будешь стараться и уклоняться от зла. Да будет так! Аминь.

О памяти смертной

Снова слышали мы чудную молитву: «Душе моя, душе моя, встань, что спиши? Конец приближается, и имаши смутиться!»

Приближается конец, приближается, и мы не радим, не готовимся! Ведь, кажется, нет более достоверной истины, как истины смерти. Если я существую, следовательно, я и умру. И Церковь, можно сказать, каждым своим богослужением напоминает нам о страшном часе смертном, ждущем каждого из нас. Но ныне, в эти дни Великого поста, в дни приготовления к страшной Трапезе, она особенно напоминает нам о смерти, как бы, так говоря: «Христианин, опомнись, сей смертный час твой близок, оглянись назад: вчера ты потерял своих родителей, сегодня, может быть, ты потеряешь родных братьев, завтра, может быть, придет и твой конец! Ведь смерть не ждет, ведь она подстерегает нас на каждом шагу!» «Вчерашний бо день беседовал с вами, и внезапно найде на мя страшный час смертный!» — взывает умерший словами Святой Церкви¹.

Будь готов, христианин, каждую минуту к непостыдному ответу на Страшном судище Христовом! А между тем человек как боится смерти, так суеверно гонит мысль о ней от себя. Ладан, восковые свечи, все принадлежности заупокойного богослужения внушают ему суеверный ужас.

Взгляните на умирающего. Ему давно уже подписан смертный приговор! Все, даже близкие родные, с минуты на минуту ждут его смерти — не ждет лишь он один: все ему кажется, что он встанет с постели и начнет снова жить.

Страшна ему смерть, мила ему жизнь!

Откуда же этот ужас перед смертью?

Этот ужас оттого, что мы всем своим существом связаны с землею и ее наслаждениями! Оттого, что наша жизнь эта — непробудная тьма телесных, плотских страстей и похотей, и разве изредка промелькнут вспышки, как бы слабые огоньки добрых чувств, небесных желаний. Поэтому как же человеку не бояться смерти, когда со смертью тела он лишается всего, а там, на небе, откроется для него такая жизнь, о которой он никогда и не думал!

Для того чтобы жить духовной жизнью, надо здесь, на земле, приготовить себя к ней.

¹ Последование погребения, стихира при последнем целовании, на «Слава».

Рай или ад начинается здесь, а там он лишь продолжается в бесконечность!

Надо здесь насадить в себе начатки добрых чувств — смирения, любви, кротости, воздержания. А они насаждаются Словом Божиим, как обильным дождем поливаются благодатной горячей молитвой, очищаются от терний зла и порока работой над собой, а возрастают милосердием Человеколюбца Бога.

«Душе моя, душе моя... воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог!» Аминь.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя

«Помилуй мя, Боже, помилуй мя», — часто и многократно взывает Святая Церковь. В самом деле, обзрев всю нашу жизнь от рождения до смерти, мы поймем, зачем этот непрерывный вопль к небу. В самом деле, в беззаконии я зачат, и во грехах родила меня мать моя. Явился я на свет со всеми грехами моих отцов и праотцов, получив в наследство ужасную склонность ко злу, предстоит мне борьба со множеством скорбей, соблазнов и искушений, и остается лишь взывать к Богу: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

Но вот в купели крещения я омыт от скверн моей природы, освящен благодатью Святого Духа, облечен в белую одежду невинности, но, увы, где же эти духовные дары? Они все потеряны. Не сохранил я благодати крещения, не остался верным Тому, Кому сочетался. Подобно человеку, попавшемуся разбойникам, я весь от ног до головы покрыт греховными ранами (см.: Лк. 10, 30). К Тебе лишь обращаюсь я за помощью, человеколюбивый Творец мой: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

За летами моего неразумного младенчества наступили годы отрочества и юности — драгоценное время, время, когда в человеке открываются разум и воля. В это время я находился, подобно прародителям моим, в раю невинности, и мог бы не вкушать запретного плода, и мог бы оставаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать крещения, и голос совести, и родители,

и воспитатели, но, увы, ничто не удержало. Вкусил я, несчастный, с дерзостью горькой греховной пищи и потерял рай. О, драгоценные дни юности, вернитесь!.. Но, увы, они никогда уже не возвратятся, и нам остается лишь, вспоминая их, восклицать из глубины души: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя... *Грех юности моя и неведения моего не помяни* (Пс. 24, 7)».

Вот наступили годы мужества. Казалось бы, теперь, в эти годы зрелости, должны мы развить в себе все добродетели, но, увы, я вижу в себе одни лишь пороки. Хочу делать добро, а делаю зло, вижу, что иду не тем путем, а все-таки иду. Когда же кончится эта злополучная борьба совести со страстями? Где конец моему душевному рабству? Господи, дай мне силы для борьбы с грехом! Спаси меня от меня самого! Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Наступит старость, ослабеют силы — жизнь уже изжита, смерть уже стучится в двери. Употреблю ли я хотя тогда жалкий остаток жизни на добрые дела? Увы, сколько видал я стариков легкомысленных, пустых, развратных, безумно отгоняющих от себя всякую мысль о смерти. Господи, пощади меня от этого адского ослепления! Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Вот уже и смертный одр, доктора отказались помочь чем-либо, приблизился священник, родные и друзья окружают постель, ожидая кончины. И в этот страшный час томления духа, смятения мыслей и чувств я желал бы зывать лишь об одном: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя».

Наступит время Страшного суда, и мы вместе с прочими предстанем пред Господом. Тогда между раем и адом, между демонами и ангелами со стенанием возопиешь ты, грешная душа: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя»! — уже в последний раз. Дальше начинается вечная жизнь: или рай, или ад.

Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя!¹

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

¹ Припев к покаянным стихирам св. Андрея Критского, написанным по числу букв греческого алфавита (всего 24), поемым на вечерне, на Господи воззвах, в среду пятой седмицы Великого поста.

**Да исправится молитва моя,
яко кадило пред Тобою¹**

*Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, возде-
яние руку моею, жертва вечерняя* (Пс. 140, 2). Когда в нас пробуждается сознание нашей крайней духовной греховно-
сти и гибели нашей души, то это заставляет нас звать
к Спасителю нашему Богу голосом погибающего о помощи.
Но прежде обращения к Богу мы должны рассмотреть —
чиста ли наша молитва, нет ли в ней чего-нибудь недостойно-
го, нечистого.

Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, — зы-
ваем мы к Богу. Что же нужно, чтобы кадило благоухало?
Прежде всего для этого нужен огонь. Когда горит огонь в ка-
диле, тогда вложенный туда ладан распространяет вокруг себя
ароматный запах. Когда огонь погасает, и кадило перестает
издавать благоухание. Так и молитва наша только тогда возно-
сится к небу, когда исходит из сердца, горящего огнем святых
и чистых мыслей и чувств.

Этот духовный огонь зажигается прежде всего чувством
страха Божия. В самом деле, пусть размыслит каждый из нас:
где он стоит и к Кому он приступает со своими молитвами?
Величайший грешник, непослушный, употребивший во зло
данные ему духовные силы, постоянно падающий, полный
злых мыслей и чувств, дерзает беседовать со своим Владыкой
и Творцом, пред Которым и праведники предстоят в трепет-
ном ожидании Страшного суда.

Что, если мера долготерпения Божия уже преисполнилась
и вместо милосердия настало уже время суда? Что, если гнев
Божий готов поразить его в ту минуту, когда он готов открыть
свои лживые уста, которыми он уже столько раз лгал пред
Богом в своих недостойных молитвах?

Читаем мы в Слове Божиим, что сыны Аарона, принесшие
чуждый огонь Богу, были истреблены небесным огнем (см.:
Лев. 10, 1–2; Чис. 3, 4; 26, 61). Но Господь Бог и ныне все тот
же Бог (Евр. 13, 8), и если по милосердию Своему щадит нас,

¹ Прокимен великий на литургии Преждеосвященных Даров.

ради Крови возлюбленного Сына Своего, то это для того, чтобы дать нам время для покаяния. Да вострепещет душа наша пред лицом Господа Славы. Да сотрясется все существо наше страхом суда Божия. Да воззовет каждый из нас из глубины души: *«Господи, прежде даже до конца не погибну, спаси мя. Помилуй мя, Боже, помилуй мя»*. Аминь.

О благодати Святого Духа

Как в кадиле, полном огня, фимиам неудержимо стремится вверх, точно так же пусть уносятся мои мысли и чувства туда, к небу, к Престолу Твоей благодати, Господи!

Но, увы, по большей части или нечисты, или слабы, а потому бездейственны наши молитвы. Или мы молимся о земном благополучии, о земном счастье — и не слышит нас Господь. Или молимся об освобождении от грехов, об изменении порочной жизни, но так вяло и слабо, как будто это такое небольшое зло, с которым без всякого для себя вреда можно прожить до самой смерти.

Предаем самих себя воле Божией, но только на одних словах, подобно тому как подписываемся в письмах «покорнейшими слугами» всех и каждого, не обязывая себя этим ни к чему. Такая слабая и безжизненная молитва вместо того, чтобы оживить и укрепить нашу волю на добро, напротив, еще более ее обессиливает.

Как же нам помочь этому бессилию в молитве? Да так же, как помогают угасающему кадилу — раздуванием прежнего или подложением нового огня.

Где же этот духовный огонь? Он в благодати Духа Святого. На кого повеет благодать Святого Духа, тот уже не сам молится, а Дух Божий *ходатайствует* за него и в нем *воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8, 28). А человек? Он среди этой молитвы Духа Святого, по свидетельству людей, испытавших это состояние, бывает как металл, проникнутый огнем.

Как же привлечь благодать Святого Духа в сердце? Прежде всего, возлюбленные братие, смирением, полным сознанием своего ничтожества пред Богом, искренним желанием угодить

Ему, чистотою мыслей. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Такую душу не оставит без помощи Дух Святой.

Благодать Святого Духа да будет со всеми нами во веки. Аминь.

О чем нам молиться?

Но кадило только тогда при каждом распространяет благоухание, когда в него вложен чистый, благоуханный ладан. Нечистый же, испорченный ладан дает смрадный, зловонный запах.

Этот ладан в нашей молитве есть самый предмет молитвы — то, о чем мы молимся.

О чем же нам молиться? Молиться нам должно о том лишь, что согласно с волей Божией. В чем же Его воля? *Сия бо есть воля Божия — святость ваша*, — говорит святой апостол (1 Фес. 4, 3). Поэтому, прежде всего, нам надо молиться о том, чтобы быть святыми и непорочными пред Господом.

О том нам надо дальше молиться, чтобы Он пробудил в нас истинный дух покаяния, сокрушения о грехах, чтобы избавил нас от всяких искушений и соблазнов, которые подстерегают нас на каждом шагу нашей жизни. Чтобы помог нам Своею благодатию всегда исполнять так волю Его на земле, как исполняют ее ангелы на небе. Чтобы сподобил нас с искренней верой, любовью и страхом Божиим достойно причащаться Пречистых Тела и Крови Единородного Сына Своего во освящение души и тела и в жизнь вечную. Чтобы заповедал ангелу-хранителю сохранять нас на всех путях нашей жизни, чтобы не лишил нас последнего величайшего блага — христианской кончины жизни нашей, безболезненной, непостыдной, мирной.

Вот такая молитва угодна Богу. Вот такая молитва, как благовонный ладан, возносится к небу.

Помогай же нам, Господи, молиться Тебе молитвой чистой и угодной Тебе. Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою. Аминь.

О любви к Богу

Другой, если так выразиться, уголь, которым зажигается огонь нашей молитвы, есть любовь к Богу. Та благодатная сила Божия, которую мы испрашиваем в молитвах, есть, так сказать, жизнь нашей жизни, душа нашей души. Без этой благодатной силы Божией мы мертвы навеки. Если теперь мы вполне не чувствуем этой духовной смерти, то это потому, что мы еще находимся здесь под покровительством милосердия Божия, а, с другой стороны, потому, что телесные потребности заглушают в нас чувства духовные.

Но когда, после нашей смерти, настанет время суда, когда мы уже не будем иметь нужду ни в чем временном и вещественном, тогда-то во всей силе обнаружатся страшные мучения смерти духовной, которым подвергнется душа, отверженная Богом, которые будут мучить ее всю вечность. Ужасны будут эти мучения. Слышали ли вы о тех ужасных страданиях, которые претерпевают умирающие голодной смертью? Со стонами и воплями протягивают они свои исхудалые руки, прося лишь куска хлеба и не могут его получить. Эти страдания — лишь слабая тень страданий души, отверженной Богом.

После этого как же нам не любить Господа Иисуса Христа, Который в причащении Тела и Крови Своей делает нас причастниками Своей божественной и вечной жизни? Как же нам не дорожить благодатью Святого Духа, без которой душа наша умрет вечной смертью?

Этой мыслью о вечной смерти без Христа и вечной блаженной жизни со Христом и возгревали в себе святые Божии люди ту любовь к Богу, которая, разгораясь в пламень, уже не оставляла их всю жизнь и переходила в вечность.

О, да поможет Господь Бог и нам приобрести величайшую добродетель — детскую смиренную любовь к Богу, дабы вместе с одним праведником так взывать к Господу: «Как мне не любить Тебя, Господа моего! Ты моя жизнь. Ты мое спасение. Ты моя слава и похвала. Ты моя надежда. Ты моя радость. День и ночь я Тебя желаю, о, Боже мой, весь да буду в Тебе и Ты во мне». Аминь.

Взирая на Крест Христов

Третий уголь, которым зажигается огонь молитвы нашей к Богу, есть умиление и сокрушение сердечное, оно почерпается из размышления о крестных страданиях Господа Иисуса Христа. Вот почему святые евангелисты и изобразили их со всею подробностью — дабы Господь был как бы всегда распят пред нашими глазами. Итак, взирая на Крест Христов, брат, смотри, чего не потерпел за нас Господь наш: за нашу гордость Он смирил Себя до смерти, за наше плотоугодие и сладострастие — предал Свое Тело на поругание, истязание и распятие. За наши злословия, оплевания и осуждения друг друга Он молчал, когда на Него плевали и несправедливо Его осуждали. За наше окаменение сердечное, за нашу жестокость, нераскаянность в грехах Он так плакал и скорбел духом Своим, что пресвятая душа Его была прискорбна даже до смерти (см.: Мф. 26, 38; Мк. 14, 33).

Взирай на Крест Христов и ясно сознаешь свою неблагодарность пред Богом. В чем, в самом деле, она не проявляется! Господь нас украсил Своим образом, а мы плотскими страстями опозориваем этот образ Божий, подобно бессмысленным скотам¹. Господь дал нам слово, этот величайший дар Божий, для Его прославления, а мы употребляем его как оружие лжи, злобы, коварства, а иногда даже и богохуления. Господь открыл нам Свою волю, дабы вести нас в Свое Царство, а мы вместо воли Божией ставим свою преступную волю, как бы прямо говорим Богу: *Отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих!* (Иов 21, 14).

Взирай на Крест Христов, ибо в нем и твоя участь! Если уже, говорит Спаситель, с зеленеющим деревом поступили так, то что сделается с сухим, каковы мы (см.: Лк. 23, 31)? Если уже пречистый и безгрешный Спаситель так ужасно страдал за чужие грехи, то как должны мы пострадать за свои собственные грехи!

Взирай же, возлюбленный брат, чаще на Крест Христов и ты, несомненно, исполнишься чувствами покаяния, и размягчится твое окаменелое сердце, и слезы обильной струей

¹ См.: Канон Иисусу Сладчайшему, 8-я песнь, 2-й тропарь.

потекут из очей твоих, и, как благовонный фимиам, вознесется молитва твоя к небу: «Да исправится молитва моя...» Аминь.

Господи и Владыко живота моего¹

Эта молитва преподобного Ефрема Сирина особенно часто повторяется в святой Великий пост. Почему? Потому что в ней ясно изображено все то, в чем нуждается наша душа. Сам преподобный Ефрем² принадлежит к числу величайших подвижников веры, которые украшали собой древнюю христианскую Церковь.

Поистине о нем можно сказать, что он по телу был человек, а по духу и совершенству — ангел. С самых молодых лет преподобный оставил мир и поселился в пустыне, где после долгих подвигов самоусовершенствования сделался учителем всего Востока. Самым любимым предметом его бесед было покаяние. Церковь Сирийская, к которой он принадлежал по месту своего жительства³, имела в нем великого благодетеля, он наставлял своих собратий в вере, он обличал пороки, когда их замечал, во время голода он доставал им пищу (молитвами своими), во время болезни он молитвами своими их излечивал, во время гонений от еретиков и язычников он являлся их защитником. Всеобщее уважение за эту высокую добродетельную жизнь до того доходило, что еще при жизни его поучения его читались по церквям непосредственно за Святым Писанием⁴.

И в этой своей молитве, как и в своей жизни, он так же прост и безыскусен. Он сначала молит Господа об удалении из нашей души пороков, затем о ниспослании на их место добродетелей. И так как такая решительная перемена не может произойти без помощи Божией, то он испрашивает ее. Именно

¹ Первые слова молитвы св. Ефрема Сирина, читаемой на богослужениях Великого поста, а также в среду и пятницу Сырной седмицы.

² Память преподобного Ефрема Сирина (ок. 306—373) Православная Церковь совершает 28 января.

³ Преподобный Ефрем подвизался в Месопотамии, которая в то время числилась к Сирии.

⁴ Об этом свидетельствует блаженный Иероним.

это чувство своего бессилия, это отсутствие самонадеянности и составляет отличительное свойство христианской нравственности. Гордый язычник так говорит: «Пусть боги дадут мне честь, богатство, здоровье, а добродетели я сам себе достану». Но откуда у него эта самонадеянность? От решительного незнания своего сердца и своей души. Язычник не проникал в глубь их, в дух самых добродетелей и ограничивался только одною внешней честностию в поведении.

Христианин же при свете Евангелия ясно видит все внутреннее растление своей природы. Как тесно в нем сплелись добро со злом. Как грех и зло до того проникли в нашу душу, что овладели самым внутренним источником мыслей и чувств. Для того, чтобы не только казаться в глазах человеческих, но быть на самом деле добродетельным, надо иметь много искренней любви к добру, полное послушание воле Божией и закону совести, решительное отвержение всяких расчетов самолюбия. А иначе блестящая внешность будет прикрывать лишь тайную гордость и своекорыстие.

Видя все это, сознавая всю невозможность собственными силами освободиться от этого духовного яда, проникшего насквозь всю нашу душу и сердце, христианин с чувством глубочайшего смирения и надежды пламенной падает пред Престолом благодати Божией и взывает к Нему: «Исцелителю душ и сердец, Господи и Владыко живота моего, если Ты, Всеблагий и Всемогуший, не поможешь мне, если Ты Сам не уничтожишь то зло, что гнездится в моей душе, то сам я никогда этого не достигну. Вырви же из моей души все порочное, сделай ее чистою и святой».

Так молится христианин. Аминь.

О стяжании духа добродетелей

Обратили ли вы внимание, что в этой молитве преподобный Ефрем просит не только об удалении известного порока или даровании добродетели, но и об удалении самого духа порока и даровании духа добродетели.

Каждая добродетель, когда она утвердится в душе, и каждый порок, когда овладеет душой, образуют из самих себя как

бы, так сказать, свой дух. Этот дух добродетели сильнее и ярче, нежели самая добродетель. Этот дух порока мрачнее и злее, нежели сам порок.

Как же образуется в душе этот дух? Да точно так же, как в вещах чувственных. Наполните, например, комнату какими-нибудь вещами и оставьте их там надолго, в комнате образуется дух этих вещей, так что если вы и вынесете эти вещи, дух их все-таки останется надолго. Например, наполните комнату ароматными духами — в ней останется надолго ароматный запах и наоборот.

Точно так же и с душой. Когда она наполняется известным видом каких-нибудь добродетелей или пороков, то в ней образуется дух этой господствующей добродетели или дух любимого порока. Кто, например, в продолжение этого поста потрудится поститься усердно, у того и после поста останется этот дух воздержности во всем и трезвость. Кто, напротив, предавался сладострастию, невоздержанию, из того и самый пост долго не будет в состоянии изгнать самого духа сладострастности, так что такой человек будет долго и в самые священные минуты молитвы смущаться от воспоминаний и картин чувственности. Вообще борьба с духом порока гораздо труднее, нежели с самим пороком. Порок можно тотчас оставить, но дух порока не скоро оставит тебя. Надо долго с ним бороться, чтобы окончательно с ним расстаться. Все это имел в виду преподобный Ефрем, когда молился об очищении души и сердца от зла. Будем же и мы в этом случае подражать ему и, стремясь к совершенному очищению себя от пороков и страстей, в то же время будем молить Господа Бога о благодатной Его помощи.

Перед исповедью

Мы приступаем к исповеди. Много раз я беседовал с вами об этом. Ныне напоминаю о том, что, если вы желаете избавиться от духовной вашей болезни, приступите к исповеди с полным сердечным сокрушением.

В самом деле, представим себе человека, который заболел тяжелой болезнью. Болезнь эта угрожает опасностью его

жизни, сделала его несчастным уродом и калекой на всю жизнь — и при этом страдалец знает, что болезнь эта произошла от его же вины, нанесена, так сказать, его же собственными руками. Не правда ли, разве не осудил ли человек сам себя как преступника собственной жизни, не возненавидел ли он то минутное удовольствие, за которое пришлось ему заплатить здоровьем и даже жизнью? Не стал ли он не только просить, но даже умолять врача, чтобы освободить его от этой болезни и, если бы ему возвратили здоровье, не стал ли бы он дорожить им более всего в мире?

Братие, наше тело тленно, оно самим Богом осуждено на болезни и страдания, оно рано или поздно умрет. Душа же наша вечно будет жить и вечно будет мучиться своими грехами. Вот почему болезни души в сотни тысяч раз ужасней болезней тела.

Премилосердый Господь наш Иисус Христос уготовал нам и лекарство от этих духовных болезней — это покаяние и исповедь, которые Святая Церковь предлагает во дни Великого поста. Приступим же к этому врачевству с истинным желанием исправления и, исповедав свои грехи, дадим слово уже более к ним не возвращаться. Аминь.

О покаянии

Снова, братие, Святая Церковь напоминает нам о покаянии, снова призывает обратить нашу душу и сердце от земного Вавилона к горнему, небесному Иерусалиму. Пойдем ли на ее призыв, откликнемся ли на ее голос? Это будет зависеть от нашего взгляда на жизнь и на себя. Если в нашем сердце не замолк еще голос, напоминающий нам о близкой смерти, о последнем Суде, о грозном Судии и о нашей греховности и безответности, то мы употребим все силы души нашей, дабы внимательно и строго просмотреть все прошедшее время живота нашего и слезами покаяния отмыть все греховные пятна наши.

Труден для самолюбия и гордости человеческой этот строгий суд над собой. Очень редко найдется человек, который обвинил бы беспристрастно самого себя в своих ошибках

и падениях. Даже во время исповеди пред лицом Самого Бога, по большей части, приходится слышать самооправдание вместо самообвинения из уст кающегося грешника. Все виноваты: родители, не умевшие воспитать, общество, не поддержавшее в минуты искушений, люди, не поднявшие павшего, — все виноваты, один лишь павший или падающий прав. И чем глубже он пал, чем грубее его грехи, тем менее в нем является сознание своей греховности, тем озлобленнее относится он к людям и снисходительнее к себе.

И на самых высших ступенях общественной лестницы мы реже всего встречаем истинно кающегося. Там особенно дорожат люди призрачными титулами, которые когда-то даны были им обществом с надеждою на пользу от получивших их, и всего менее дорожат поруганным человеческим достоинством.

Но если бы общество восстановило его во всех правах, дало бы ему и денежные средства, вы думаете, что он исправился бы и начал новую жизнь? Нет, в самое короткое время он спустился бы так же низко, как и раньше, сделался бы еще больше озлобленным и гордым — ибо дело не в одном лишь положении и не в видимых удобствах и преимуществах, а во внутреннем устройстве человеческой души. И пример тому нам — все святые и праведные люди, которые терпели всякие лишения — и голод, и холод, и наготу, — и однако это не озлобляло их, и не надмевало. *Они, ихже не был достоин весь мир* (Евр. 11, 38), считали себя последними из людей и перенесли издевательства грешников.

Сознание своего высокого назначения как христианина, как образа и подобия Божия и своей немощи и греховности, по которым мы растлили, омерзили и погубили божественную простоту души нашей, — вот поводы, побудившие к исправлению и истинному покаянию. А так как такого сознания нет в нас, то и нет между нас Закхей, обещавшего в покаянном плаче пред Господом: *Господи! половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо* (Лк. 19, 8). Нет между нами и мытаря, не смевшего в церковь Божию взойти и очи возвести на небо, а бьющего себя в грудь и восклицавшего: *Боже, милостив буди мне грешному* (Лк. 18, 13).

А то, что принимается нами за покаяние и раскаяние, — не истинное покаяние и не истинное раскаяние. Это минутный порыв: или под влиянием раздражившего нашу чувствительность слова, или, особенно часто, вследствие особенно постыдного дела, мучающего наше самолюбие. Мы как будто каемся и обвиняем себя, но лишь для того, чтобы не услышать от других сурового приговора, что гораздо тяжелее и больнее для нас. И вот Святая Церковь пред наступлением Великого поста — времени покаянного плача, когда человек хотя немного заглядывает в себя, указывает нам, в чем евангельский пример: как надо каяться.

Некогда жили два брата, и в то время когда один шел правильным путем, другой ушел на страну далече, то есть удалился истинного горнего Сиона и жил блудно. Он дошел до полного нравственного падения, до совершенного искажения образа и подобия Божия, но в нем не замер еще голос, говоривший ему о возвращении на другую дорогу: «*Пойду*, — говорит он, — *к отцу*» (Лк. 15, 18). Заметьте, он не ищет возвращения сыновних утраченных прав, вещественного обеспечения. Нет, он желает одного: прощения и перемены жизни. И, о дивное чудо! Не как наемника встречает его милосердый отец, а как любимого сына. Таковы милосердие Божие к кающемуся грешнику и плоды истинного покаяния. Думаете ли вы, что блудный сын снова захотел бы уйти от отца и снова питаться пищей свиней, то есть развратом и преступлением? Думаете ли вы, что он забыл грехи свои пред отцом? Нет! Всю жизнь свою он имел их пред очами — и всю жизнь оплакивал, и только и стремился, чтобы загладить их. Примером этому многие святые, которые, однажды совершив какой-либо грех, всю жизнь уже не осушали глаз своих.

Подумайте об этом, братие, и приготовьтесь к исповеди — искренней и чистосердечной. Просмотрите жизнь вашу, все ваши грехи, и тогда, может быть, у вас не найдется слов для самооправдания, но как смиренный мытарь едва осмелитесь вы вознести молитвенный глас к Нему, едва осмелитесь воззвать: *Боже, милостив буди мне грешному*. Аминь.

После Святого Причащения¹

Итак, то, к чему вы готовили себя в продолжение целой недели, о чем просили, плакали и молились, ныне совершилось. Господь, Царь Славы, сошел ныне в вашу очищенную покаянием душу и соединился с вами, подобно тому как лоза соединяется с привитой к ней ветвью, передавая ей этим свой сок, свою жизнь.

«Как же может Господь всецело вселяться в тысячах душ одновременно?» — спрашивают некоторые. Это глубокая тайна, которую объясняют подобием.

Представьте себе чудное летнее утро, только что взошло лучезарное солнце. Оно неизмеримо далеко находится от нас, оно в несколько раз громаднее земли — а между тем оно и освещает, и согревает эту бедную землю, оно является благодатным зиждителем всего живущего на ней. Но и этого мало. Спустите свой взор с неба на землю. Под вашими ногами ковер из разноцветных полевых цветов. Вглядитесь пристальней: в каждой чашечке — капля росы, в каждой росинке отражается все солнце со всеми его лучами, и не просто отражается, но как бы воплощается в нем. И каждый цветок издает даже теплоту от присутствия в нем солнца.

Не так ли и человек? Восприняв в себя Христа Спасителя, он с благодатной Его помощью начинает совершать добрые дела на пользу себе и людям.

Солнце правды и истины, Христос Спаситель, ныне вселившийся в нас, ничтожных и малых, да не бесплодно будет Твое вселение! Да усовершаемся мы духом, дабы, постепенно приближаясь к Тебе, всегда наслаждаться тою светлою радостью, какую мы ныне испытываем! Аминь.

Вкусите и видите, яко благ Господь

Святой пророк Давид в порыве духовного восторга восклицает в одном из своих псалмов: *Вкусите и видите, яко благ Господь!* (Пс. 33.9).

¹ Эта и следующая проповеди были опубликованы в «Журнале Московской Патриархии» ([36]).

Да, на собственном опыте, пророк Божий, мы познали это. Вкусили мы ныне и видим, как благ Господь и к нам, вовсе недостойным Его благодати. Тысячу раз мы оскорбляли Его величие всевозможными грехами, а Он, милосердый, все это забыл и не помянул наших оскорблений. Мы явились неоплатными должниками пред Ним, а Он нам все простил, человеколюбивый, за одну нашу исповедь. Страшно сказать, сообщниками бесов сотворили мы себя, угождая плотским страстям, а Он сделал нас сообщниками ангелов и святых. По нашим грехам мы достойны были ада, а Он сделал нас наследниками вечно-го блаженства будущей жизни. Вместо праведного осуждения Он нас помиловал, вместо гнева и проклятия Он явил нам сладость Своей любви. Вместо того, чтобы навеки нас отвергнуть, Он соединил нас с Собою, наплатил нас пищею бессмертия — Божественными Телом и Кровию Своими.

О, великая любовь Твоя, Господи, о, непостижимое долготерпение Твое, Человеколюбче!

Да, братие мои, бесконечно благ Господь Бог! Дадим же слово быть достойными Его любви, дадим обещанье отныне начать новую, истинно христианскую жизнь, дабы навсегда сохранить в душе нашей благодать Божию.

За все, что Ты для нас сделал, Господи, да будет Тебе слава и благодарение от всех нас. Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Аминь.

Господи, воззвах к Тебе, услыши мя!

Во Вторник первой седмицы Великого поста

В покаянные дни Святой Четыредесятницы особенно часто поется Церковью псалом 140-й: «*Господи, воззвах к Тебе, услыши мя*» (Пс. 140, 1)¹. Этой молитвой молился святой пророк и псалмопевец Давид в то время, когда он находился в изгнании. Страдая душой, томясь скорбью об удалении от святого храма, он пламенно взывал ко Господу: «Господи, к Тебе взываю, услышь меня!»

¹ Великим постом, кроме вечерни, этот псалом поется в качестве Великого прокимна на литургии Преждеосвященных Даров.

И мы часто, братие, отлученные от Бога нашими грехами, должны бы взывать к Нему тою же молитвой: «Услышь меня, Господи!» Подобно путешественнику, который, когда увидит, что он зашел в непроходимые дебри, что отовсюду окружают его опасности, начинает громко взывать о помощи. Точно так же и мы, повинувшись злой воле нашей, удалились с прямого пути христианского, и, как это всегда бывает, когда человек перестает слушаться голоса своей совести, заблудились во всевозможных искушениях и противоречиях. И остается нам взывать к милосердому Богу, чтобы Он снова вывел нас на прямую дорогу: «Господи, к Тебе я взываю, услышь меня!»

Но пусть не смущается наше сердце, если мы не тотчас же получим божественную помощь, если теплота любви Божией не сразу согреет наше оледеневшее сердце. Подобно матери, которая оставляет на время своего ребенка и скрывается от него, чтобы больше обрадовать его своим внезапным появлением, чтобы еще крепче, так сказать, привязать его к себе, — так и благодать Божия иногда на некоторое время покидает человека. Тогда-то, в эти горестные минуты, и надо со всем пламенным усердием взывать ко Господу: «Заступник мой, зачем Ты забыл меня!»

«Боже мой, Боже мой, зачем ты меня оставил!

Господи, я взываю к Тебе, услышь меня!»

Не для Господа нужен вопль нашего сердца — Он все видит. Он нужен для нашего духовного усовершенствования. Степенью его горячности мы определяем степень нашей любви к Богу — подобно тому, как сильным или слабым биением сердца определяем бодрость или упадок телесных сил.

Итак, возлюбленные братие и сестры, если мы, хотя и согрешив, не впадем в отчаяние, а припадем с измученной душой и из глубины сердца воззовем к Господу Богу о благодатной Его помощи, Он поможет нам. Когда наша совесть будет обличать нас в тяжких грехах и внутренняя тоска томить нас, то воззовем из глубины нашего сердца: «Господи, из глубины взываю к Тебе, услышь меня!» Когда всевозможные искушения, скорби и болезни отягощают на нас,

с воплем крепким воззовем к нашему Спасителю: «Господи, к Тебе взываю, услышь меня, вонми голосу молитвы моей!» Аминь.

Возьми крест свой

В 3-ю неделю Великого поста, Крестопоклонную

И вот, братие, снова вознесен пред нами Крест Христов, и Распятый на нем Господь Иисус Христос указывает нам путь, по которому мы должны идти, чтобы наследовать Царство Небесное. Он говорит с Креста Своего нам: «Если ты, христианин, хочешь не по имени лишь, а по жизни быть чистым, то *отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною*» (Мф. 16, 24).

Отвергнись себя — ибо в грешной душе человека существует как бы какое разделение. Голос совести указывает ему, как надо поступать по-евангельски, где ложь и где правда, обличает его, если видит отступление человека от этой правды. А голос чувственности зовет его к усладам и утехам греховным, мирским. Какого голоса слушаться человеку, на какой путь вступить ему? Здесь пусть вспомнит он слова Спасителя: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?* (Мф. 16, 26). Ибо нам путь один: или люби мир, или свою душу, так как мир есть совокупность вещей, [окружающих] нас, — видимое, осязаемое, чувственное. Мир противоположен духу, он враждебен Богу. Мир живет злобою, гордостью, сладострастием, ненавистью, сребролюбием. И все эти страсти находят себе сочувствие и созвучие в грешной душе нашей и настолько сильны, что отвергнуть их, вырвать из своей души так же для нас трудно, как отделиться от самого себя.

И вот, отвергнувшись своего грешного себялюбия, человек решается взять крест. Это значит великодушно и терпеливо переносить все насмешки и укоризны, какими, несомненно, мир осыпает истинного христианина. В самом деле, посмотрите на жизнь всех [праведно] живущих людей. Они все подвергались издевательствам, и гонениям, и преследованиям. За исключением немногих их верных последователей, все

остальные люди их гнали. И всякий, желающий по-христиански жить, это испытал. Живи жизнью мирской, старайся угождать мирским обычаям — никто тебя не тронет: ты свой человек. Но попробуй жить не так, как другие живут, старайся по силе своей, с помощью благодати Божией, жить любовью ко Христу и ближнему. О, какая туча насмешек обрушится над тобой! Всякое твое слово, всякое твое действие сейчас же будет перетолковано в худую сторону. Ты будешь стараться всем помочь, всякому делать добро — тебя, несомненно, обвинят в тщеславии и желании людской похвалы. Будешь молиться и других учить молиться — обвинят в лицемерии. Словом, объявят все твои действия, слова, поступки даже вредными. Всякий будет стараться заглянуть в твою душу, добраться до самого святого и дорогого для тебя и все это облить ядовитой хулой, бранью.

И пусть всякий христианин, взявший крест страдания, будет готов не к похвалам, а к порицаниям. И пусть он утешает себя тем, что Спаситель, страдая, предсказал это в Святом Евангелии: *В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33).

Но гонения и хула мира — еще не самое скорбное в жизни крестоносца. Он должен державствовать продолжением всей земной жизни — вести внутреннюю борьбу с самим собой, никому, кроме Бога, незаметную. Духи злобы не без борьбы выпускают из своих рук свою жертву. Обратившийся ко спасению грешник пусть знает, что ему предлежит тяжкая борьба с самим собою. Ему постоянно придется бороться с восстающими греховными помыслами, особенно с помыслами злобы, блуда, осуждения, уныния. Часто ему будет представляться греховная земля прекрасной, по выражению святого Андрея Критского, часто помыслы будут его дразнить, указывая на земное, оставленное им. Эта внутренняя борьба самая тяжелая, ибо она происходит в душе и ему надо бороться непосредственно с духом злобы, искушающим его. Как говорит апостол Павел: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной* (Еф. 6, 12). И здесь он должен жить высокой строгой жизнью

и не поддаваться этим мыслям, особенно помыслам осуждения и блуда. Мысли эти могут повлечь за собой и дело, и самый грех. И тогда наступает тяжкое уныние, и нередко отчаяние — ибо весь труд потрачен и надо начинать сначала.

Но крест христианский слагается еще из разных скорбей, бедствий, какие угодно Божественному Промыслу попустить нам для воспитания нашего смирения. И здесь великая разница между грешником и кающимся. И грешники терпят иногда лютые скорби и бедствия, но они их переносят с ропотом, хулой и злобой, но не со смирением, обвиняя других, а не себя самого. Кто воспитает в себе это смирение, тот подобно праведному Иову скажет: *отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле* (Иов 42, 6).

Взять крест христианский, наконец, значит добровольно подчиняться лишениям и подвигам, обуздывающим наше тело. Нам это тоже очень тяжело; всякая телесная прихоть, самая ничтожная, с трудом побеждается. Но пока мы не победим их всех — до тех пор невозможна и свобода духа. Можно ли представить себе, в самом деле, христианина, который привлечен телесным: только тогда он спокоен, когда их все удовлетворит, а когда они не удовлетворены, он раздражается и злобствует. Пока мы, по выражению святых отцов, не обуздаем, не оседлаем дикого коня — тело наше, для нас нет истинной христианской жизни.

Но надо именно взять крест свой, да не какой-нибудь другой. Надо покориться именно тем лишениям и невзгодам, какие нам посылаются, значит, довольствоваться тем жребием и участью, какие нам ниспосланы. И здесь мы часто погрешаем. Нам кажется, что вот именно в этой обстановке, при данных условиях жизни я не могу спастись, а переведи меня в другие условия жизни — я сделаюсь праведником. Например, может быть, некоторые из нас говорят: вот если бы жить в монастыре, в отшельничестве, так тут бы спасся, а где спастись среди мирской суеты. И это неправда, и это есть гордость, восстание против воли Господней. Не лучше ли Господь знает, где нам удобнее спастись, и не для всякого ли Он выбирает крест по его силам? А потому и неси его. Если ты здесь плох, то не лучше будешь и в отшельничестве. Терпи и знай:

что где тебе Господом определено жить, там ты и должен трудиться по силе своей во славу святого Имени Его.

И вот, взяв крест свой, должен человек идти всегда за Христом — то есть всегда и во всем следовать Евангелию, иметь Евангелие руководством своей деятельности по тем толкованиям, какие дают ему святые отцы. А в Евангелии рассказывается о том, как Господь пришел искупить нас ради любви Своей к грешному миру и дать ему законы новой жизни. Следовать Евангелию — значит возлюбить Христа и ближних своих и эту любовь положить в основу своих дел и действий на земле.

Возлюбленные братие, воздавая сегодня поклонение Кресту Христову телом — устами своими, воздадим ему поклонение и духом. И каждый с креста своего, подобно благоразумному разбойнику, воскликнет: «Помилуй нас, Господи». И подобно ему откроем себе крестом райские двери, не позволим себе ропота и хулы, которые часто слышатся.

Поклоняясь Кресту

В 3-ю неделю Великого поста, Крестопоклонную

Когда Господь наш Иисус Христос висел на кресте, много народу окружало Его. Большая часть его или со злобою, или с насмешкой и хулой смотрели на Него. Они говорили: «Если ты Христос, сойди со Креста» (ср.: Мф. 27, 40). И еще больше было равнодушных людей, которые смотрели на эту казнь, но не понимали ни внутреннего ее значения, ни личности Страдальца. Не все ли? Было, конечно, много и исцеленных Господом, которые присутствовали с тайной тяжелой скорбью о страдании своего Благодетеля.

Вот и мы теперь окружаем Крест Христов с пригвожденным на нем Божественным Страдальцем. Окружаем, по-видимому, с благоговением, окружаем, имея в руках горящие свечи как знамение сердечной, пламенной молитвы нашей души, окружаем, имея на устах хвалебные песни в честь пострадавшего Господа. Только мы по видимости таковыми являемся людям. Но что у нас на душе — это никому не видно, никому неизвестно, кроме всеведущего Господа. Что же в ней? Я не

думаю, дети мои, чтобы кто-нибудь из вас со злобой и неверием взирал на лежащий Крест, не думаю, чтобы кто-нибудь насмешкой приветствовал Страдальца Господа. Нет, с уверенностью скажу — нет таких между нами. И яд сомнений и хулы еще не проник в ваши души. Но вот на что я, может быть, не без основания укажу вам: на равнодушие. Очень может быть, что равнодушных между вами много. И многие смотрят на совершившееся пред вами священное действие как на простой обряд, не затрагивающий сердце и не пробуждающий мысли. Вынес-де священник Крест, пропели несколько песнопений, приложились к Кресту, и все окончилось.

Нет, братие, этот обряд — он полон великого значения. Вспомните, что так недавно произошло с вами. Вы были у Престола Божия, вы были больны душой и исцелили чрез прощение грехов своих, соединились душой и телом со Христом, приняли в себя огонь божественный, испепеливший и уничтоживший ваши грехи и дающий вам новые благодатные силы духовные. Загляните в себя внимательно и в свою душу: не были ли вы, подобно разбойнику, висевшему на кресте, полны всяких грехов? И вот Господь не только прощает их, но даже открыл вам двери рая. Не отрекались ли вы от Него, подобно Петру, в своей жизни кощунством, насмешками, неблаговидным держанием себя в храме? И вот Господь снова вас принимает в число детей Своих. Не было ли между вами грехов, подобно грехам блудницы? И вот Господь милостиво вам все простил. Словом, все прощено, все заглажено, все умиротворено. Вы снова сделались возлюбленными детьми Божиими и наследниками вечного блаженства. И Кто все это сделал? Господь Иисус Христос. И сделал это чрез Кровь Свою, Свои раны, унижения, словом, через крестные страдания Свои. Если бы Он не пострадал за нас, то мы были бы под проклятием и осужденными навеки на адские муки. Как же нам быть равнодушными при виде Креста Господня и пригвожденного к нему Страдальца Господа? Если мы не настолько бессердечны, чтобы не благодарить доброго человека, оказавшего нам помощь, то не тем ли более должны мы быть благодарны Господу, оказавшему нам столько милости.

И, лобзая теперь Крест Христов и поклоняясь ему, пусть каждый из нас скажет в глубине души своей Господу: «Благодарю Тебя, Спаситель, за Твои великие милости ко мне, грешному и недостойному. Дай мне исправиться и быть вечно с Тобой в Царствии Небесном. Научи меня, как мне жить, чтобы угодить Тебе».

Наставление будущим пастырям

В неделю 5-ю по Пасхе¹

Сегодня мы слышали Евангелие, повествующее о беседе Христа с простой самарянкой. Живо рисуется мне эта картина.

Посмотрите вокруг себя: какая богатая нива Божия, она уже созрела для жатвы. И вам, дорогие братие, назначено быть жателями. Идите же на эту ниву, жните и собирайте! Помните, чем вы обязаны нашему бедному народу: он дал вам свои кровные гроши для воспитания и образования и ищет от вас духовного утешения, утоления своей духовной жажды. Утешайте же его, любите его и трудитесь для него, сейте слово...

А что это так, что народ русский жаждет утоления своей духовной жажды, своего духовного голода, лучше всего должно быть видно вам, по особому Промыслу Божию живущим около святых обителей. Если вы внимательно приглядитесь к жизни этих обителей, к богомольцам их — не с холодным вниманием туриста, видящего одну лишь историческую и археологическую редкость, не с озлобленным, недоброжелательным оком человека, оторвавшегося от родной Церкви, от родных нам ее уставов, каких теперь, к сожалению, весьма много, — нет! Но если вы внимательно и с любовью присмотритесь, то увидите, с какой верой, с какой надеждой на утоление своей духовной жажды идет сюда русский народ, неся и свое горе, и скорби душевные и телесные, и недоумения и вопросы.

¹ Очевидно, это слово было произнесено в то время, когда архимандрит Трифон был ректором Вифанской (1896–1898) или Московской (1898–1901) духовных семинарий.

Сколько слез пролито пред сей чудотворной иконой и мощами святого молитвенника преподобного Сергия! И к вам готовы обратиться с таким же доверием и любовью — от вас будет зависеть лишь приобрести их доверие и любовь. Правда, очень труден этот подвиг. Пастырям Христова стада много придется потерпеть в жизни, много скорбей и тягостей. *В мире скорбни будете...* (Ин. 16, 33) Но есть такие минуты духовной радости, каких мир не знает и не может понять. Если кто из вас испытал наслаждение в том, чтобы сделать добро, оказать помощь, дать добрый совет, утешить несчастного, вразумить заблуждающегося, — тот поймет меня. Лучше всего об этом может свидетельствовать настоятель этой обители. Спросите у него о сем, не уклоняйтесь от беседы с ним, и, я уверен, он подтвердит вам мои слова. Я твердо уверен, что свою убогую келью, свой скромный иноческий образ жизни он не променяет ни на какие сокровища мира — ибо здесь, с народом, в утолении его духовной жажды он испытал такую духовную радость, какую не испытывал ни один самый великий вельможа, ни один самый богатый человек. Идите смиренно на сей подвиг, и благословение Владычицы нашей Небесной будет с вами.

Помолимся же нашей общей Небесной Матери, да подаст Она нам силы идти этим путем.

Преподобная Мария Египетская¹

В 5-ю неделю Великого поста (за литургией)

В этот воскресный день Святая Церковь совершает память преподобной Марии Египетской, и это потому, что в теперешнее время покаяния и поста ее жизнь и подвиги особенно могут служить и в назидание, и в утешение всех нас, грешников. В самом деле, что особенно смущает всякого человека, желающего бросить греховную жизнь и начать новую, христианскую? Прежде всего смущает его представление о тяжести его прежних грехов, затем — привычка ко греху, которую так трудно преодолеть.

¹ Оpubл. в: [40], с. 332–338.

Но вот мы видим здесь женщину с сердцем уже испорченным, с натурой страстной, настолько погруженной в греховные утехы, что ради них она забывает и стыд, и совесть, попирает все священное, по-видимому, близка к совершенной и окончательной гибели. Люди уже отвернулись от нее с презрением.

И вот путем внутренней работы над собой, борьбы со своими пороками, победой над своею страстностью, при благодатной помощи Божией, она делается великой подвижницей, удостаивается величайших даров благодати Божией, земным ангелом является людям... И прошли годы, и сотни лет, а величавый образ пустынноицы по-прежнему сияет светом Христовой чистоты и ободряет всех погрязших в грехах людей, желающих своего исправления.

И в наше время, когда многие так легкомысленно и снисходительно относятся ко грехам тела, воспоминание о жизни преподобной Марии должно быть особенно полезно. Они увидят из него, что грех не может доставить истинного счастья людям, что за короткие мгновения заставляет расплачиваться дорогой ценой — душевной тоской, унынием. Они увидят, с другой стороны, как сильна привычка ко злу и как трудно вырвать из своей души, как негодные растения, нечистые, греховные мысли и чувства, и что поэтому надо всячески остерегаться укреплять в себе эту привычку ко злу. Они увидят, наконец, что лишь добро сродно богоподобной душе человеческой, что в просветленной и очищенной от греха душе человеческой вселяется благодать Божия, а где она присутствует, там истинное счастье. Поэтому на всех вдумывающихся в себя людей жизнь преподобной Марии производит всегда сильное впечатление.

Расскажем это житие так, как оно изложено Софронием, патриархом Иерусалимским¹.

Мария жила в начале V века, родом была из Египта. Еще в самых молодых годах она имела несчастье потерять свою телесную чистоту, а так как родители ее, конечно, запрещали ей вести греховную жизнь, то она убежала от них в город

¹ Первый составитель жития преподобной Марии Египетской, † 638–644; память 11 марта.

Александрию, пользовавшийся самой дурной репутацией за дурной образ жизни своих жителей. Будучи замечательно красивой и обладая страстным и горячим темпераментом, лишенная при этом руководства и доброго влияния, она падала все ниже и ниже, пока, наконец, не оказалась на самой низкой ступени этой лестницы разврата. Она сама говорит о себе: «Я не могу без ужаса вспомнить о той жизни, которую я прожила в Александрии; почти 17 лет предавалась я распутству, и не для того, чтобы получать деньги, а для того, чтобы удовлетворять своей похоти; я не просила денег у мужчин, лишь бы они служили мне». Но этого ей было мало. Однажды (на 29-м году своей жизни) она увидела множество людей из Египта и Ливии, которые толпами направлялись к морю. Она спросила, что это значит, и ей ответили, что эти люди отплывают в Палестину на праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Тогда у нее явилась злая мысль отправиться вместе с ними; так как на корабле было много молодых людей, то это давало ей возможность удовлетворять своей страсти; и в то же время, может быть, в самом соращении этих паломников, едущих на поклонение Кресту, она находила дьявольское наслаждение. И вот, с песнями, вином, развратными утехами плывет она к Священному граду Иерусалиму. Но и приехав туда, она не оставляет своей прежней жизни; не трогают ее ни Святой град, ни вид Голгофы, ни Гроба Господня, в безумном опьянении грехом кощунственно смеется над всем дорогим для христианина молодая грешница, дерзким, вызывающим хохотом отвечает она на все укоризны и обличения людей благочестивых...

Но Тот, Кто ради спасения нас грешных сошел на землю, Кто учил нас любить друг друга, Кто ради спасения одной заблудшей овцы оставляет девяносто девять (см.: Мф. 18, 12–13), не оставил и эту бедную грешницу без своей помощи и употребил для ее обращения то, что, казалось, должно было бы ее погубить окончательно.

Вот это замечательное событие. Пришло время поклонения Животворящему Кресту Христову, толпами народ устремился в храм. Вместе со всеми пошла и Мария. Какое чувство руководило ею, неизвестно: было ли то простое

любопытство, или, может быть, она и в храме намеревалась кого-либо поймать в свои сети; во всяком случае можно сказать, что ее влекло в храм вовсе не чувство благоговейного почтения к величайшей христианской святыне.

Вот подходит она к церковным дверям; толпа народа теснится перед ними. Вместе с другими Мария хочет проникнуть в храм, но напрасно; волнением народной толпы ее отбрасывает назад; она снова делает усилие пробраться в двери, но ее снова отбрасывает назад. Сначала ей это казалось делом простого случая, но, когда она увидела, что все ее стремления проникнуть в храм остаются напрасными, в ее сердце закрадывается какое-то томительное беспокойство; но вот она видит, к ужасу своему, что этот неуспех преследует только ее одну, что все остальные свободно проходят в храм. «Да что же это, Господи!» — восклицает она в трепетном недоумении; и вдруг глаза ее невольно устремляются на стену церковную, и здесь она видит пред собою образ Богоматери, как бы живой; и видится ей, что Ее очи с горем и укоризной устремлены на нее. Мучительный стыд, сознание своей греховности, сознание, что здесь страшное наказание Божие ее нечистоте, как молния, озарили в одно мгновение все ее духовное существо. Всю свою надежду, падая на землю перед образом, устремляет она к Богоматери, к Ней взывает она: «Матерь Божия, я знаю мою нечистоту греховную, знаю, что мое место — не в храме, а в аду...» И обильные слезы лились из ее очей, и рыдания сотрясали все ее тело. И плакала она и молилась, и сладки были эти слезы пробудившейся совести...

Отныне Мария принадлежит Богу. Взойдя теперь свободно в храм и приложившись к Животворящему Кресту, еще раз дает обещание принадлежать только Господу Богу и уходит в пустыню Иорданскую, навсегда оставляя не только мир, не только прихоти человеческие, но и самые насущные потребности.

Отныне начинается поразительный, необыкновенный подвиг, пред которым должен склониться даже неверующий человек, а не только христианин, и этот подвиг совершает слабая женщина. Во все время пребывания в пустыне у нее не было ни жилища, ни одежды, ни настоящей пищи. Сорок семь лет провела она в пустыне...

«У меня оставалось, — рассказывала она сама старцу Зосиме, пришедшему, по особому Промыслу Божию, в Иорданскую пустыню для того, чтобы видеть пустыннолицу и беседовать с ней, — два с половиной хлеба; когда я переправилась через Иордан, понемногу я их съела и затем питалась травой. Моя внутренняя борьба с моими страстями и пороками продолжалась 17 лет. Она была так ужасна, что я и теперь трепещу и содрогаюсь, вспоминая ее. С одной стороны, я невыразимо страдала от голода и жажды. Изнеженная, избалованная всякого рода роскошью, я теперь страдала от недостатка необходимого, чего не лишен последний нищий, и эта мука еще более усиливалась, когда я вспоминала о вкусных блюдах, мясных и рыбных, которые я ела прежде, о вине, которое пила. Но еще ужаснее были сладострастные помыслы; злой демон со всею живостью воскрешал в моих мыслях распутные песни, которые я пела, со всею живостью воскрешал похотливые картины наших неисчисленных преступлений... С другой стороны, одежда, в которой я вышла, от времени совсем распалась, и я подвергалась влиянию всех перемен погоды, всем жестокостям времен года: то солнце жгло меня раскаленными лучами, то стужа охватывала меня. Тогда, падая на землю, сожженная или оледенелая, я чувствовала, что умираю... А тысячные искушения нападали на меня с демонскою силою.

И в этих жестоких муках Пресвятая Владычица Богородица была мне помощью. Невыносимо страдая, охваченная в своем сердце огнем греховных помыслов, я падала на землю, ударяла себя в грудь и, горько рыдая, молила Ее: Владычица, милостивая Царица, не лиши меня Своей помощи, на Тебя одна надежда. И вот после рыданья и мольбы, после бури наступала святая тишина, небесный свет озарял мою душу, исчезали мои помыслы, сладкий покой возвращался моему сердцу. И так прошло 17 лет, боюсь их и вспоминать. А после них наступил покой для моего сердца, и Сама Богородица руководит меня во всем!

Вспоминая, от каких бед избавил меня Господь, — прибавила пустыннолицу, — я питаюсь пищею неистлевающей надежды на спасение, ведь *не о хлебе едином жив будет человек* (Мф. 4, 4)».

Когда Зосима услышал, что пустынноница произносит слова Священного Писания, он спросил ее, как знает она Священное Писание. Пустынница улыбнулась и ответила, что ни в миру не училась она, ни в пустыне не слыхала, чтобы кто ей читал книги; голос Божий, живой и действенный, в сердце ее был единый наставник.

После таких великих подвигов, несомненно, должно последовать очищение души и тела, мир с Богом и совестью, приближение к первобытному совершенству человека в состоянии невинности. Мария в это время была уже не человеком, но уже ангелом. Она еще облечена была в тело, но оно более походило на дух, чем на человеческое тело. Она проходила по Иордану, как по суше, во время молитвы возносилась от земли на воздух, почти ничего не вкушала, кроме Тела и Крови Христовой...

Теперь вы понимаете, братие, почему Святая Церковь во дни Великого поста вспоминает жизнь преподобной Марии.

Из этой жизни каждый из нас может видеть, что путем веры и покаяния самый грешный и развращенный может, при помощи Божией, достигнуть великого совершенства. Но, может быть, кто-нибудь из нас скажет: «Да, но ведь у Марии было особенное призвание от Бога». Но, собственно говоря, какое же особое призвание? То, что за теснотою она не могла войти в храм Иерусалимский? Но громадное большинство не обратили бы на это внимания и, может быть, с радостью пошли бы домой. Почему же для Марии это оказалось решительным шагом к полному духовному перерождению? Да потому, что в ней с неизъяснимою силою заговорила совесть! И если бы каждый из нас чаще прислушивался к голосу совести, то нашел бы несравненно более сильных случаев, где благодать Божия явно призывала нас к исправлению. Но, увы, мы не обращали внимания на них и называли их случайностями...

Нет, знай, возлюбленный брат, что, когда бы и где бы ни пришла тебе мысль бросить пустую, рассеянную жизнь и жить для Господа Бога, — знай, что эта мысль исходит от Бога, и, если ты примешь эту мысль в сердце, то немедленно явится благодать Божия и укажет тот путь, по которому надо идти для своего исправления. Не всякий может идти путем Марии —

это путь ангелов. Но не будем идти и путем противоположным — демонов, подражая им в гордой ожесточенности. Есть средний путь — смиренного покаявшегося грешника, с помощью Божиею очищающего свою душу от греха, дабы, очистившись от него, хотя последним войти в Царствие Небесное, чего да сподобит нас Господь молитвами преподобной Марии. Аминь.

Се, Человек!¹

В Великий Пяток

Се, Человек! (Ин. 19, 5). Невольно вырывается это восклицание Пилата, когда видим пред собой Крест с пригвожденным на нем Божественным Страдальцем. Да, братие, навряд ли найдется такая бесчувственная душа, которую бы не тронул и не умилил вид Креста Господня. Но тогда, в ответ на это восклицание, иудеи, еще озлобленные, закричали: *Распни Его* (ст. 6). И когда уже совершилась незаконная казнь, они не переставали грубыми насмешками осыпать Повешенного.

А теперь? Что было бы теперь, если бы Он снова явился перед нами во всем сиянии Своей божественной красоты, кротости и смирения?! О, конечно, мы не так бы приняли Его, как 19 веков тому назад еврейский народ. Мы окружили бы Его любовью, нежностью, мы все бы раздали, что имеем, и пошли бы за Ним. Мы за великое счастье считали бы один Его милостивый взор и, если бы Ему понадобилось опять пострадать и умереть, то мы бы пострадали и умерли вместе с Ним. Вот что готовы ответить вы мне. Но так ли это? Правда ли это?

Жестокое слово скажу я вам, братие, но поистине не могу его не сказать: мы бы, может быть, отреклись от Него снова. Вспомните, кто окружал Крест Христов? Одни враги, одни иудеи, как дикие звери жаждущие Его страданий и мук. Где же были Его многочисленные друзья и ученики? Что же не исповедывают они Его Сыном Божиим, что же не вступаются

¹ Опул. в: [40], с. 318–321.

за Него? Где же апостол Петр, с клятвой обещавший душу свою положить за Него? — Он клятвою же подтверждает, что *не знает Человека сего* (Мф. 26; 72, 74; Мк. 14, 71). Где апостол Андрей? Он малодушно предается бегству. Где же любимый Его ученик, которого он согревал на груди Своей? Ему-то бы следовало броситься на мучителей, вырвать копье, поразившее Господа, обрушиться на них громовою речью в защиту своего Учителя и Господа... А он стоит при Кресте безмолвно и бездейственно (см.: Ин. 19, 26). Один лишь человек громко вступился за Него тогда... И этот человек был разбойник.

И если бы через 19 веков Он снова пришел к нам, то и теперь, может быть, Он нашел бы не более сильную защиту. Трудно, кажется, этому поверить, видя торжество Христова Креста во всех пределах православного мира, видя, как множество верующих сходятся для поклонения Ему. И всякий из нас с негодованием готов отвергнуть обвинение в отречении от своего Владыки и Господа. Но пусть каждый испытает свою душу — насколько она усвоила себе все глубокое значение Креста Господня? То есть — насколько она является в своей жизни участником, причастником страданий Христовых? И не есть ли это видимое благоговейное поклонение Кресту Христову лишь действием чувствительного и торжественного церковного зрелища на наши воображение и чувства?!..

Участвовать в страданиях Христовых — значит бесповоротно и всецело совлечься *ветхого человека* со всеми его *страстями и похотьми... и облечься в нового*, иже есть Христос¹. Где же теперь истинные христиане? Кто хочет быть совершенным? Если мы жертвуем чем-либо ради Христа — то самым малым, ничтожным и не имеющим для нас цены. Да и этой своей жертве придаем огромное значение. Даже лучшие из христиан полагают исключительно свою задачу в делах благотворения: встать пораньше к службе церковной, поститься установленные дни, подавать малую милостыню, не творить смертных грехов, молиться утром и вечером... Вот в чем полагает свою задачу христианин, и если он все это исполняет, то

¹ См.: Кол. 9, 10; Еф. 4, 24; Гал. 5, 24; Рим. 13, 14.

считает, что его долг совершен. Хороши, конечно, и эти дела, и без них нельзя обойтись (многие, к несчастью, и их не исполняют) — но не в них единственное дело христианина. Оно во внутреннем очищении своего сердца от зла и порока, в постоянной, тяжелой работе над собой. «Лицемер, *очисти прежде внутреннее сткляницы и блюда*», — говорит Господь, обращаясь к таким внешним христианам (Мф. 23, 26).

Трудна и тяжела эта работа над собой, ее, по справедливости, святые отцы называют каждодневным мученичеством, каждодневным умиранием за Имя Христово. И многие о ней-то и не радеют вовсе. Мало того, когда является человек в их среде, который проходит истинную христианскую жизнь, то он подвергается всяким насмешкам и укоризнам. И это всякий замечал в своей жизни. И в семействах, и в монастырях, и в обществе — кто особенно подвергается злоречию? Это тот, кто неуклонно следует по пути Христову. И вот, братие, в лице этих праведников разве мы не гоним и не предаем на пропятие Самого Господа?

Теперь представьте себе, если бы не слабые лучи отдаленного солнца, какими можно считать даже самых святых людей, осветили наше себялюбие, а если бы Само Солнце правды, истины и святости, если бы Сам Христос пришел к нам снова на землю, если бы Он озарил до последнего уголка всю нашу темную душу. О, какой взрыв злобы и ярости обрушился бы на Него! Если бы Он потребовал от богача, чтобы тот все имение свое роздал нищим и шел бы вслед за Ним, — думаете ли вы, что не возненавидел бы Его богач? Думаете ли вы, что сластолюбивый или развратный человек кротко принял бы Его обличительные речи? А мы, гордящиеся своим благочестием и молитвами, — думаете ли вы, что мы терпеливее древних фарисеев приняли бы Его обличения, ясно показывающие наше тщеславие и самолюбие? И не только те, кому хорошо и привольно живется на свете, но и страдающие, как на кресте, чья жизнь представляется для постороннего глаза одним непрерывным мучением — больные тяжелыми недугами, терзаемые душевными муками, томящиеся в каторжных работах, — разве они все встретили бы Его с любовью и отрадой? Одно мы видим — что

они-то особенно злобно богохульствуют, издеваются над святым и упорно, с демонской гордостью отвергают божественные утешения.

Да, братие, если бы Он пришел к нам снова, то, поверьте, что многие сказали бы Ему: «Уйди от нас, так как без Тебя легче живется, для нас нет обличителя наших темных дел и помыслов. Уйди, Твоя святость раздражает нас, как раздражает больной глаз яркий блеск солнца». И если бы Он не ушел, то опять мы предали бы Его на смерть, осудили на пропятие.

Но все ли?! Нет, не все! Если тогда нашелся один человек, в котором божественная кротость незлобивого Агнца пробудила совесть, не дремлющую вовсе в человеке, и он, сознав всю глубину своей порочной жизни, исповедал в поруганном и распятом человеке Бога и торжественно возгласил с креста своего: *Что этот терпит ни единыя вины сотворил*, и слезно молился не о прекращении крестных страданий, а дабы быть с Ним в раю. Так и теперь нашлись бы люди, которые воззвали бы к Нему из глубины смиренных сердец своих: *Помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем* (Лк. 23, 42).

Братие христиане! Пред Крестом Христовым нет места лжи, самообману. Все мы знаем, что путь на небо предлежит нам всем, и скоро, очень скоро Ангел смерти предстанет пред нами. С чем предстанем мы на тот свет? С искренним ли желанием быть в раю, или со злобой и ненавистью? Если в нас есть искреннее желание быть в Царствии Небесном, то сами взойдем на Крест Христов — то есть отвергнем прежнюю жизнь, как нечистую и греховную, и дадим слово с твердым намерением во всем, решительно во всем следовать воле и заповедям Божиим.

Давайте же плакать о грехах своих и молиться, дабы благодать Святого Духа истребила в нас трусливого, слабого и грешного ветхого человека, как некогда, взойдя в апостолов, она сделала их смелыми и твердыми борцами за Имя Христово даже до мук и смерти. Помогай нам, долготерпеливый Господи! Аминь.

О внутреннем кресте

В неделю по Воздвижению

Святая Церковь в неделю по Воздвижению останавливает наше внимание на значении Креста Господня, а также и на значении того креста, который каждый из нас должен нести, желает он того или нет.

В Евангелии, возглашаемом на литургии в неделю по Воздвижению, Святая Церковь раскрывает нам значение христианского подвига: *Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мк. 8, 34).

Взятие своего креста, отвержение себя грешного и скверного и шествие за Господом — вот те важнейшие основы христианского подвига, которые Церковь раскрывает нам сегодня и в которых она считает необходимым еще раз утвердить нас в этот поспразднственный день.

В чем же заключается наше делание? Прежде всего в том, чтобы взять свой крест. И если ты хочешь идти по пути этого делания, то бери именно тот крест, который тебе дал Господь. А между тем почти каждый из нас недоволен именно своим крестом. Как часто мы жалуемся на него и говорим себе: «Все сделаю, только не это!» У кого нет семьи, тот жалуется, что ему тяжело одному. А другой стремится уйти от своей семейной обстановки. Больные жалуются на нездоровье, а здоровые порой говорят: «Заболеть бы».

Это происходит от того, что мы в большинстве случаев не имеем настоящей христианской жизни, а живем «идейным» христианством, которое не может помогать нам в несении нашего креста.

Для того, чтобы стяжать истинно христианскую жизнь, нам нужно прийти ко Христу, последовать Ему и учиться от Него: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Тогда иго будет благо, бремя креста сделается легким, и мы вступим на путь истинного делания, потому что, как говорит один святой отец, «прилепившись к тем, кто имеет эту жизнь, ты и сам становишься не рассуждающим, не проповедующим, а делающим».

Если наше делание заключается в том, чтобы взять свой крест, то мало нам знать, что христианину нужен крест; надо еще и понести его, пойти с ним по Господнему пути.

Как же нам нести свой крест? Святые отцы говорят, что для этого мы должны прежде всего вооружиться терпением, а терпение, по словам преподобного Иоанна Лествичника, есть «предназначение себя к ежедневной скорби». Такое устроение есть залог того, что человек будет бороться и не падет. Подобно человеку, исходящему на брань, он готов идти тесным путем и переносить всяческие трудности.

Но мало нам знать, что терпение есть ожидание всякой скорби, что терпение есть тесный путь. Нужно еще понять, в чем заключаются источники вторгающихся в нашу жизнь скорбей. Этому также может научить нас терпение, потому что оно есть «отсечение оправдания и обвинение себя». Если со мной случается скорбь, я не должен в ней обвинять других и оправдывать себя, думая, что если бы не тот или другой человек, то я бы никогда не скорбел. «Принимай все, как случаемое по твоей собственной вине», — так говорят святые отцы. И терпение мы должны иметь не на словах, не в идее, а в жизни, мы должны сделать, чтобы оно было руководящим правилом нашей жизни.

Терпение есть необходимое условие, без которого мы не можем понести данного нам Господом креста. Но в чем же состоит самый крест наш? Не в том одном, конечно, что мы часто бываем в храме и выстаиваем здесь длинные службы. Ведь Церковь есть земное небо, она есть место, где мы готовимся к небесной жизни. А есть еще и земля, на которую мы посланы Богом и которую часто забываем. И если нам порою трудно молиться, и если, стоя в храме, мы не чувствуем, что находимся на земном небе, то лишь потому, что не готовимся мы к этому в жизни, лишь потому, что на земле, на которую послал нас Господь, мы не понесли по-настоящему данного нам Господом креста.

Где же наш настоящий крест? Прежде всего в смиренном сознании наших грехов, при помощи благодати, а также при участии наших усилий в изживании их. И, во-вторых, в том, чтобы переносить окружающие нас злобу, зависть и грехи

всех наших ближних. Борьба со всем этим не на жизнь, а на смерть — и есть истинное несение нашего креста.

Борьба эта начинается с того, что живет внутри нас, в нашей душе. Ибо, если Царствие Божие — внутри нас, то и вся греховная гадость тоже в нас. Не смотри по сторонам, а помни о своей душе. Распятие души своей со всеми ее страстями и похотями и непрестанное очищение себя пред Господом — это одна сторона нашего креста. А другая заключается в преодолении грехов в окружающих нас людях. Видя их грехи, мы должны смотреть на них, как на больных, требующих врачевания, и врачевание это мы должны совершать с кротостью и терпением. Святые отцы говорят: «Если думаешь вынуть сучец из глаза ближнего, не употребляй для этого бревна, но уврачуй кротостью и долготерпением»¹.

Наставление новопостриженному иноку

Приветствую тебя с принятием ангельского образа. Итак, исполнилось твое желание быть иноком, и вся твоя душа исполнена горячим желанием служить Господу Богу Иисусу Христу до последнего дыхания. Ты выходишь на служение Ему в первый час твоей жизни, принося Ему твою чистую юность. Оставляя широкий путь мирской жизни, открывающийся для тебя благодаря твоим дарованиям, забывая ее сладости и утехы, имея пред духовными очами одну цель — достижение Царства Небесного.

Видя твою юность, житейскую неопытность и предполагая лишь временное увлечение иноческим идеалом, ближние, любящие тебя, долгое время старались отклонить тебя от этого тяжелого, многотрудного подвига; с этой же целью и я послал тебя для испытания в суровую, пустынную обитель Оптину, где самые трудности жизни могли тебя отвлечь от мысли стать иноком. Но, наоборот, что для другого показалось бы невыносимо тяжелым, мрачным и унылым: суровый пост, долгие службы, тяжелые работы днем и ночью, строгое послушание начальнику — для тебя было легким,

¹ *Преподобный Иоанн, игумен Синайский. Лестница. 8, 20.*

светлым и радостным, и ты возвратился оттуда еще более укрепленным в своем желании служить Богу. На призыв Христа Спасителя: *Если хочешь быть совершенным, оставь все и иди за Мной* (Мф. 19, 21) — ты с пламенным восторгом отвечаешь Ему: «Иду, *готово сердце мое*, иду за Тобой! Подобно апостолам, с Тобой, Господи, готов я и в темницу, и на смерть идти»¹. И уповаю, что с помощью благодати Божией и братских молитв ты останешься верен своему призванию до самой смерти.

Зная тебя уже давно как одного из ближайших моих учеников, видя твою пламенную веру, твою ревность к молитвенным подвигам, твою сыновнюю любовь к нашей матери Православной Церкви, к ее установлениям и обрядам, я всегда прозревал в тебе это призвание и ныне, после твоего последнего испытания, бестрепетно возложил на тебя руки для пострижения. Да будет над тобой воля Божия. Господь человеколюбивый, милосердный, сказавший: «Если и мать забудет свое дитя, Я не забуду тебя»², Он, видящий искренность твоего желания служить Ему, да восприимет, да обымет, да защитит тебя от козней вражеских, совозставая и совозлежая с тобою, услаждая и веселя твое сердце утешением Святого Своего Духа³. Много что хотелось бы сказать тебе ныне. Мы так долго беседовали с тобой о разных сторонах иноческого делания, что я лишь вкратце напомним тебе о самом главном и необходимом. Более всего стремись поддерживать в душе своей молитвенный пламень, а он поддерживается и усиливается вниманием к себе. Проходящий же путь внимания должен, по словам преподобного Серафима, испытывать малейшие свои сердечные действия и поверять свою жизнь Законом Божиим и деятельною жизнью подвижников. Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж и неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима. Углубляясь в себя, ты будешь все ясней и ясней видеть малейшие свои немощи, свое духовное несовершенство, а поэтому в молитве

¹ Ср.: Пс. 56, 8; 107, 2; Деян. 21, 13; Лк. 22, 33.

² Ср. со словами оглашения из Последования монашеского пострижения (малого ангельского образа, еже есть мантия), ср.: Ис. 49, 15.

³ Там же.

будешь всегда искать благодатной помощи у Бога для их исцеления. Сознывая глубоко свою греховность, ты никогда не впадешь в дух горделивого осуждения других. Создай же в своей душе внутренний сердечный храм, куда каждую минуту ты мог бы удалиться для молитвы и созерцания, тогда ты не впадешь ни в малодушие, ни в уныние, какие бы скорби и испытания тебя ни постигали, а, несомненно, их будет немало — этого надо ждать.

Ведь ты по своим послушаниям должен будешь жить в самом водовороте мирской жизни, а ты знаешь, как далеко мир ушел от Церкви, от истинного понимания Христова учения. Ты знаешь, что мир более всего жаждет свободы от нравственных обязанностей. К гордости, к сладострастию призывает он своих сынов и невыносимой кажется ему проповедь кротости, смирения, незлобивости и духовной чистоты. Немного поэтому найдешь ты искренно сочувствующих тебе людей, немало встретишь бессердечия, злобы, коварства и ядовитой клеветы, от которых нежное, любящее твое сердце готово будет обливаться кровью. Но, если ты будешь иметь в своей душе молитвенный пламень, ты никогда не ожесточишься, не озлобишься, не впадешь в нечувствие и сухость себялюбия, ибо ты всегда будешь с Богом. А с Господом, возлюбленный брат мой, всегда хорошо, и в счастии, и в несчастии. Он, Христос Спаситель, — наша жизнь, наша радость, наша слава, утешение и блаженство. А если по воле Божией тебе надо будет оставить мир и удалиться в монастырь, ты, далекий от замыслов честолюбия, с радостью уйдешь туда, где можешь вполне отдаться молитвенным подвигам.

Будем помнить, что мы, монахи, — пришельцы в миру, а духовная наша родина — это монастырь. Пусть в этом случае примером для нас служит преподобный Серафим. Вот он удаляется в пустыню, там в подвигах самоисправления, в непрестанной молитве, в чтении Священного Писания возрастает духовно, укрепляется, усовершенствуется и выходит на служение миру; он утешает скорбящих, страждущих, он исцеляет болящих духом и телом, он назидает сомневающихся, он спасает унывающих от отчаяния. Но вот приходит час воли Божией, и он снова удаляется в затвор и снова отдается внутренней

жизни. Так и ты, иди, служи миру, отдавай свое сердце ближним, лечи их духовные недуги, возгревай в них веру, надежду, любовь христианские, но, если нужно то будет, снова с веселием и духовной радостью возвратись в тихую обитель.

О христианском мировоззрении

Как человек, живущий по преимуществу духовной жизнью уже в продолжение многих лет, я часто умею без слов, чрез непосредственное влияние духа на дух, понимать, или, лучше сказать, чувствовать духовное настроение своего собеседника. Вот почему иногда чувствую себя весьма тяжело и неудобно, как бы чужим, среди некоторых родных мне по плоти и, наоборот, иногда чувствую себя и светло, и тепло, как бы родным, среди чужих. Все зависит от духовного настроения моего собеседника или, лучше сказать, от тех идеалов, того мировоззрения, результатом которого и является то или иное настроение человека. Как монах, как искренний христианин, я живу народною жизнью, мои идеалы, мое мировоззрение — те христианские, которыми живут сотни тысяч православных людей.

И вот почему, конечно, я сразу почувствовал себя так легко и свободно у нашего дорогого собрата и, несмотря на то, что наш продолжительный разговор не касался строго церковных вопросов, а переходил с литературы на общественные вопросы, от них на художественные, тем не менее чувствовалось, что мы стоим на одной почве, освещая вопросы с точки одного мировоззрения, и твердо верю, что лишь с высоты подобного миросозерцания и возможна правильная и беспристрастная оценка всего совершающегося среди нас.

Только человек-христианин, не чуждаясь жизни людей, умеет и способен во всем находить искру божественного огня и, признавая и почитая ее как таковую, не делать себе кумиров и идолов. И куда бы он ни обратил свой взор, на неодушевленную ли природу, на человека ли, на произведение ли художественного гения, он везде видит отображение Божества. В природе видит он божественную красоту ее Создателя, в литературных произведениях, в человеке он видит заложенное

Богом стремление к счастью и неудачные попытки найти это счастье на земле и в земном. Он с полной ясностью видит, как с отчаянием гонится бедный человек за этим эфемерным счастьем и как, увы, крепкими цепями привязанный к земле, он плачет и тоскует о потерянном рае. Словом сказать, отдавая должное всему прекрасному, христианин не забывает, что за этой землей, за этим небом, есть новая земля, есть новое небо, где живет правда Божия и гражданами которых должны сделаться все верующие. Вот почему, с искренним сердцем приветствуя вас, в то же время скорблю о каком-то болезненном ослеплении нашего образованного общества и приглашаю всех пожелать, чтобы оно снова возвратилось на родную почву.

В чем счастье?¹

Счастье — в молодости, простоте, богатстве, — говорит один; счастье — в славе, почете людском, — говорит другой; счастье — в научных или художественных трудах и открытиях, — говорит третий.

Действительно ли в этом счастье? Видал каждый из нас и богатых, и славных, и молодых, и красивых, и ученых, но кто из нас видал счастливого человека? *«Я, Екклесиаст, был царем над Израилем в Иерусалиме... Видал я все дела, какие делаются под солнцем, и вот, все — суета и томление духа, — говорит Премудрый в Святой Библии... — И сделался я великим и богатым больше всех, бывших прежде меня в Иерусалиме... Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывал им; не возбращал сердцу моему никакого веселия... И оглянулся я на все дела мои... и вот, все — суета и томление духа»* (Еккл. 1, 12–14; 2, 9–11). Нет, не счастье, а томление духа, недовольство собой и окружающим, тоска, уныние, отчаяние — вот, кажется, удел нам на земле!

Молод человек, красив, да беден — и он томится; богат, да болен — и он тоскует; учен, славен, но ищет все большей славы, большего успеха — и неспокоен духом! Но даже и при

¹ См.: [23]. Оpubл. в: [40], с. 231–233.

счастливых сочетаниях всего: молодости, красоты, богатства, славы — человек может быть несчастлив! Читал я о таком человеке, который был всем наделен Богом и который употребил эти дары для достижения личного счастья. Ничем для этого он не дорожил, ни даже собственной душой, ее вечным спасением! И вот пришла и к нему неумолимая старость — согнулся стан, поседели волосы, погас блеск очей, исчезла красота, ушло здоровье, — жизнь уже изжита! Уныние и отчаяние овладевают им; впереди себя он видит неумолимую смерть, которая каждую минуту готова сразить его своей холодной косой, а за собой видит лишь ряд ошибок, падений, разрушенное сердце, разбитую жизнь своих близких. Был ли он, по крайней мере, счастлив? Нет. Всем насладившись, ни одной минуты не может он назвать истинно блаженной.

Жизнь, где же то счастье, которое ты сулишь людям? Ответь нам! И вот моя мысль уносится далеко отсюда, в одну пустынную бедную обитель, и видится мне убогая деревянная келья, смиренный одр и на нем слабый, с едва слышным голосом, весь дрожащий от болезней, старости и трудов схимник.

Я, тогда еще юноша, приближаюсь к нему, вглядываюсь в его изможденное лицо, и, о чудо! — на нем, на этом дивном лике, разлито небесное спокойствие, радость и мир. Вот он, этот счастливый человек, которого я так напрасно, так бесплодно искал в многмятежном, бурном море житейском. Отчего же он счастлив таким небесным счастьем? У него ведь все отнято, чего желает и ищет мир: здоровье, молодость, богатство, суетные таланты! И тогда-то я понял глубоко, в чем истинное счастье человека: оно в мире душевном, а приобретается оно неуклонным исполнением заповедей Христовых. Не умом лишь, а и сердцем понял я, что значат слова Спасителя: *Ищите же прежде Царствия Божия, и правды его, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33). Те, которые его ищут, его жаждут, к нему единому всем сердцем устремляются, — те обретают мир души.

Мир оставляю вам, мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам (Ин. 14, 27), — торжественно завещал ученикам Своим Господь Иисус Христос в прощальной беседе Своей с ними. Нелегким трудом достигается он: много внутренней

тяжелой работы над собой надо употребить, чтобы получить его. *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Но тот, кто имеет победу, победившую мир (ср.: 1 Ин. 5, 4), — веру, надежду на благость и помощь Божию и любовь к Богу и ко всем людям, — тот не боится никакого труда, никаких искушений. Жизнь такого христианина трудна и тяжела по временам, но в ней нет томления духа и отчаяния. Все упование, всю надежду свою, все желание свое он полагает в Спасителе своем Господе. А при благодатной Его помощи, что может сделать ему злой человек или диавол? Мир Божий, превосходящий всякий ум, разлит в его душе!

БЕСЕДЫ,
ВОСПОМИНАНИЯ

Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель старец неросхимонах Амвросий

1.

За алтарем соборного храма древней обители Оптинской находится небольшая часовня, в ней мраморное надгробие, и на нем начертаны слова Священного Писания: Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых (1 Кор. 9, 22). И эти слова вполне выражают и характер, и направление деятельности того человека, который мирно покоится в недрах земли под этим надгробием.

Батюшка старец о. Амвросий был действительно олицетворением здесь, на земле, самоотверженной христианской любви и всю свою жизнь до последнего вздоха отдал ближним, спасая их из пропасти неверия, уныния и отчаяния. Здесь в этом зале, несомненно, есть много людей, которые хорошо помнят батюшку, которые пользовались его советами и наставлениями и которые, может быть, спасены им от великих житейских тягостей. Они являются живыми свидетелями истинности моего рассказа, но еще лучшим, вечно живым свидетелем этого является основанная им Шамординская Казанская Амвросиевская женская пустынь. Но прежде чем говорить о ней, скажем несколько кратких слов об Оптиной пустыни, где подвизался о. Амвросий, и о старчестве, которого он явился выразителем.

Древняя Оптина пустынь находится в Калужской губернии, недалеко от г. Козельска, и, по преданию, основана неким отшельником Оптой. В древности она процветала, но с течением времени стала хиреть и едва не была закрыта. Возобновителем ее явился в начале XIX столетия некто игумен Моисей, человек глубокого внутреннего опыта, он понял, что монастырь без духовного руководства не может процветать; для того чтобы научить братию молиться, бороться со страстями, совершенствоваться духовно, необходим опытный духовный руководитель. Вот почему он постарался отыскать такого руководителя и нашел его в лице некоего иеросхимонаха Леониды, ученика знаменитого Паисия Величковского. Учеником

о. Леонида был иеросхимонах Макарий, а учеником о. Макария — батюшка о. Амвросий.

В чем же заключается старчество? Оно заключается в духовном руководстве старцем ученика: ученик всецело подчиняет себя воле старца. Он каждодневно открывает ему все, что он сделал за весь день: все свои мысли, чувства, недоумения, и на все получает надлежащий ответ. Это отношение любящего мудрого отца к своему сыну. Старец может не иметь никакого иерархического положения в монастыре, но он за свою духовную мудрость пользуется глубоким авторитетом: пред ним преклоняется даже и сам настоятель.

Старческое влияние стало благотворно действовать на дух оптинской братии; она стала процветать и в то же время благодаря этому стала делаться все более и более известной и среди мирян. Кого только не перевидала Оптина пустынь в своих стенах! Киреевские, Хомяков, Гоголь, Достоевский, Леонтьев, Толстой и множество других людей всяких возрастов и состояний приходили к старцам, раскрывая им свою душу, получая мудрый совет и духовные исцеления. Молодым человеком пришел в Оптину пустынь и Александр Михайлович Гренков — впоследствии о. Амвросий. Происходя из духовного звания, он получил прекрасное образование в Тамбовской семинарии и был назначен в Липецкое духовное училище учителем греческого языка. Но с юных лет его влекло к монашеству — всюду и везде слышал он голос Божий, призывающий его к подвижнической жизни. Некоторое время в нем происходила борьба между миром с его удовольствиями и его призванием, влекущим его в обитель. Но вот он тяжело заболел и дал обет: если выздоровеет — немедленно идти в монастырь. Когда он исцелился от болезни, то исполнил его. По совету известного троекуровского затворника Илариона он ушел в Оптину пустынь. «Там ты будешь нужен», — пророчески вещал ему затворник. В Оптиной пустыни его приблизил к себе старец Макарий, приготавливая в его лице себе преемника; он сделал его своим секретарем и келейником. Здесь-то о. Амвросий и научился любить людей так, как умеют немногие. Перед ним ежедневно проходили целые вереницы людей — скорбных, унывающих и ждущих, как

палимые жаждою, глотка воды, духовного совета и утешения. Здесь из переписки старца с его духовными детьми, переписки особого рода, совершенно откровенной, в которой человек открывал перед старцем свои духовные раны, тщательно скрываемые даже от самых близких лиц, он познал всю глубину страданий, все море слез человеческих. С другой стороны, находясь в общении со старцем, он постоянно присутствовал при его мудрых беседах, участвовал в переводе на русский язык святоотеческих писаний и, таким образом, постепенно возрастая из силы в силу, он наконец возрос в того духоносного старца, которого знала и почитала вся верующая Россия.

Но вместе с духовным ростом телесно он все более и более ослабевал; будучи от природы не особенно крепкого здоровья, он несколько раз сильно простужался в Оптиной пустыни и еще в молодых годах должен был отказаться от радости совершать Божественную службу, а затем и вовсе зачислиться в заштат. Последние годы он почти вовсе не сходил с постели и к вечеру иногда от слабости терял голос, силы и походил на умирающего; но «сила Божия, — говорит Священное Писание, — совершается в немощи человеческой». Это умирание для ближних продолжалось долгие годы, и он, сам стоящий на пороге гроба, духовно воскрешал духовных мертвецов, приходивших к нему со всех концов России. Скорбя и болезнуя о всех людях, о. Амвросий особенно страдал за тех, в которых он видел искру Божию, призвание иноческое и которые тем не менее не имели возможности поступить в монастырь вследствие слабости своего здоровья. Как сам больной телом, он так же страдал за всех обиженных судьбой людей: больных, калек (особенно много таких из женщин), сирот, брошенных родителями, — и задумал, если Господу угодно, основать такую женскую обитель, в которую принимались бы все те, которых люди считали ненужными, лишними, тяжелым для себя бременем. И Господь внял его благому желанью и, можно сказать, чудесным образом создал Казанскую обитель — Амвросиевскую.

2. Шамордино

В двенадцати верстах от Оптиной пустыни в очень живописной местности, на берегу реки Серены, в середине прошлого столетия находилось небольшое поместье небогатого помещика Калыгина. Оно носило название Шамордино. Помещик этот, человек очень благочестивый, однажды видел следующее виденье. Ему казалось, что над его домом, в облаках, возвышается какой-то дивный храм и слышится какое-то неземное, ангельское пение. Пораженный этим виденьем, он открыл все это о. Амвросию, который сложил это в своем сердце. Прошло несколько лет, и Калыгин продает свое имение помещице Ключаревой — в монашестве схимонахине Амвросии, преданной духовной дочери о. Амвросия.

Переехавши из Белевского женского монастыря на дачу близ Оптиной пустыни для воспитания своих малолетних внушек-близнецов — Веры и Любы, дочерей своего единственного сына, — по совету о. Амвросия она покупает Шамордино, строит там дом и поселяет там своих внушек с многочисленным штатом оставшейся от крепостного времени прислуги. Станным ей кажется, что о. Амвросий при постройке дома руководствуется, по-видимому, не столько удобствами его будущих обитателей, сколько какими-то особенными соображениями.

Девочки Вера и Люба Ключаревы, для которых было куплено Шамордино, были особенными детьми, не похожими на других. Всякому из вас, вероятно, приходилось встречать таких детей, при знакомстве с которыми невольно подумаешь: «Нет, не жильцы они на белом свете! Что-то в них есть особенное, отблеск какого-то неземного света, и посылаются они на нашу грешную землю для того, может быть, чтобы мы, бедные, оземленившиеся, жестокие сердцем, могли уразуметь, как прекрасны ангелы на небе!..»

Они отличались глубокой религиозностью: их любимым занятием было посещение долгих оптинских служб и бесед с батюшкой, которого они горячо любили. Возвратившись домой, они пели церковные песни и читали церковные книги, подражая виденному в церкви, но это постоянное общение

с монастырем и монахами не делало их угрюмыми, нелюдимыми; нет, они были необыкновенно ласковые, кроткие девочки и в то же время — веселые, по-детски живые, любившие иногда и пошутить, и посмеяться, и позабавиться. Так, например, они очень забавлялись тем, что их бабушка (они называли ее «мама») не могла их отличить, до такой степени они были похожи друг на друга. «Ну, мама, — говорили они иногда, — закрой глаза, а потом открой и скажи, кто из нас Вера, а кто Люба», — и меняли свои места. Мать Амвросия часто ошибалась, и это девочкам доставляло большое удовольствие.

Тем не менее, очевидно, девочки носили в себе глубокую тайну — стремление к небесной жизни. Так, например, когда они были совсем маленькими, Вера, обратившись к сестре, совершенно неожиданно говорит: «Люба, ты хочешь долго жить на земле?» — «Нет, я хочу жить до 12-ти лет!» — «И я тоже», — отвечает другая. И желание бедных девочек было исполнено скоро: чрез некоторое время, заболев дифтеритом, они умирают одна за другой, кротко, тихо, с молитвой на устах.

Тогда-то и сделалось понятным, для чего прозорливый старец о. Амвросий предназначал Шамордино. Здесь открыл он женскую общину, первой настоятельницей которой была Софья Михайловна Астафьева, урожденная Болотова. Понятной сделалась и архитектура дома, ибо он предназначался для храма, и в зале была устроена церковь в честь Святой Троицы, а в ней поставлена главная драгоценность — чудотворная икона Казанской Божией Матери.

История этой иконы замечательна. Она принадлежала матери Амвросии (когда та жила еще в Белевском монастыре), будучи принесена одной бедной женщиной за десять рублей. С тех пор мать Амвросия постоянно покупала на десять рублей масла для неугасимой лампы пред иконой.

Но вот, когда однажды у нее не хватило денег на масло, она в горести усердно помолилась Божией Матери, чтобы Она Сама нашла необходимые деньги. Чрез несколько минут после молитвы, когда она задумала растапливать печь старыми бумагами, она нашла между ними нераспечатанный конверт, именно с десятью рублями. С этих пор она стала иметь особенное благоговение к этой иконе. Рассказывают также,

что, когда она находилась в Шамординском храме, один диакон усомнился в ее чудотворности и вдруг увидал исходящий от иконы такой ослепительно яркий свет, что был поражен и временно лишился речи.

Небогатое достоянье досталось первой настоятельнице, матери Софии: деревянный дом с домашней церковью да несколько деревянных хижин для жилья сестрам. Вот и все! Ни денег, ни имущества, ни каких-нибудь запасов, а между тем население общины с каждым днем все увеличивалось. Много посылал старец здоровых и крепких девушек, способных к работе, в монастырь, но не менее (если не более) — больных, увечных, не способных ни к какому труду. Вот, например, подползает к старцу безногая, с уродливым горбом, вся трясушаяся от болезни св. Витта. Кроме обид, оскорблений, эта несчастная ничего не видала от людей. Понятно, почему в душе ее — раздражение, злоба против них. Видя несчастную, старец изменяется в лице и посылает ее в Шамордино. Вот другая — на костылях, чахоточная, в лице ее кротость, она терпеливо переносит свою участь, но ей негде жить, ее отовсюду гонят, она никому ненужная, лишняя! Старец поговорил с ней, прослезился над ее страданиями и посылает ее в Шамордино. Вот приносят к нему детей, брошенных на произвол судьбы преступными или несчастными родителями. Бедные детки, покрытые грязными тряпками, иногда с золотушными ранами на теле, протягивают к нему свои ручонки, и старец отправляет их в Шамордино. Таким образом, население Шамордина все увеличивалось, а средства обители к существованию все уменьшались.

Но не такова была ее начальница — мать София, чтобы смутиться и пасть духом пред этими затруднениями: недаром память ее благоговейно чтится до сих пор в Шамордине. Представительной наружности, с твердым характером, пламенной верой в Бога и глубокой покорностью к старцу, она все могла перенести во славу Божию и на пользу вверенной ей обители. Входя во все тонкости монастырского хозяйства, она не забывала духовного воспитания сестер. Она старалась воспитать веру в Бога, любовь к ближним, глубокую преданность старцу, которая одушевляла все ее духовное существо.

«Смело, решительно, с молитвой на устах иди по пути христианского совершенства, — учила она сестер, — трудись, работай и не падай духом; если упадешь, Господь силен восстановить тебя. Он с тобою, а с Ним всегда и везде легко».

Одного она не выносила и не терпела — это часто встречающейся в людях склонности злословить и осуждать ближних. Злословие, клевета, сплетня — один из самых любимых предметов разговора в светском обществе, к сожалению, часто и в монашеском.

Ты видишь, как человек грешит! Но ты не знаешь, как он раскаивается в своем грехе! Ты издеваешься над ним, ты брызгаешь в него грязью, а он в это время пред образом оклеветанного и опозоренного врагами Спасителя плачет и рыдает кровавыми слезами и дает слово: более не грешить. И вот когда ты произнес на него свой беспощадный суд, милосердый Господь, пришедший спасти не гордых праведников, но кающихся грешников, уже нарек ему Свое прощение: «Чадо, отпускаются тебе твои грехи». Таким образом, ты бесстыдно предвосхитил Суд Божий.

Как магнит притягивает железо, так обаятельная личность матери Софии стала привлекать в обитель много людей самых разнообразных образований, состояний и положений в обществе. Постепенно Шамордино стало отстраиваться, украшаться новыми зданиями; твердо водворился в нем Устав Оптиной пустыни.

Но — увы! — недолго наслаждалась обитель миром и духовной радостью под ее настоятельством. Тяжелые труды сломили ее крепкое здоровье, и она скончалась, предварительно постригшись в схимонахини, горько оплакиваемая сестрами.

По кончине матери Софии старец избрал настоятельницей мать Евфросинию Розову. Столь же глубоко верующая, столь же преданная старцу, она не имела блестящих талантов администратора и духовного вождя, какими отличалась мать София. И старцу пришлось взять на себя хлопоты по устройству обители, для чего он посещал лично обитель не один раз, где и скончался 10 октября 1891 года, зазимовав там по случаю своей болезни.

Трудно передать ту радость, которая овладевала сестрами при вести, что дорогой батюшка едет к ним погостить. Ведь все они, можно сказать, и дышали им одним. Он был для них все: их отец, их покровитель, их молитвенник, их свет, их радость. Как путник бодро идет вперед, видя пред собой мерцающий огонек, так и они, не смущаясь, шли тернистым иноческим путем, ибо в умирающем телесно старце сиял тот огонь, который освещал их путь и воскрешал надежды на вечные радости на Небе. Еще за несколько дней до приезда старца в монастырском муравейнике начинались хлопоты, как бы получше встретить и успокоить дорогого гостя.

Но вот прошел слух: «Батюшка выехал из Оптиной». Июньское благоуханное утро, пахнет цветами и скошенным сеном; всю картину ярко озаряет солнце; у врат маленькой деревянной церкви собрались насельницы общины во главе с начальницей, держащей в руках чудотворный образ Казанской Божией Матери, и священником с крестом. Сестры обители, дети-сироты из приюта, безногие, слепые, расслабленные из богадельни и больницы — все собрались встречать своего отца. Тихо показалась из-за пригорка карета, в которой возили батюшку, боясь за его здоровье. И вот из этой кареты медленно выходит, весь дрожащий от болезни, в теплом подрыснике, в теплой шапочке, с костыликом в руках, батюшка; подходит он к иконе, опускается на колени, творит крестное знамение; слезы блестят в его чудных очах. Благоговейная тишина сменяется восторженными криками: «Батюшка, дорогой наш, родной батюшка приехал!» Да, такие минуты никогда не забываются теми, кто их испытал!

Каждодневно батюшка объезжал в монастырской пролетке все строения, указывал место, где должен быть, а теперь находится новый собор. Дельно и метко делал замечания плотникам, рабочим, сестрам, а затем возвращался к себе для духовных бесед с сестрами, а также и с приезжающими богомольцами. Вечером, после молитвы, он выходил на общее благословение в залу, как и в Оптиной пустыни, где его встречали сестры, которых он благословлял и почти каждой говорил что-либо полезное. Батюшка воплотил в себе два великих идеала: отречение от мира и служение человечеству, доказав

всему миру, что одно не исключает другого. Все внешние монашеские подвиги, молитву и очищение сердца старец ставил высоко, но при этом он более требовал от своих духовных детей того, чтобы они прежде всего готовы были жертвовать собой, чтобы пользу ближнего ставили выше своей, чтобы о себе думали как можно скромнее, не увлекаясь своей мнимой праведностью. Этому он учил и своих духовных детей, и из добродетелей христианских он прежде всего старался воспитать в людях смирение.

«Долготерпите, за все благодарите, о всем радуйтесь, молясь за всех о всем непрестанно». «Страдания для человека необходимы: без них жизнь была бы пуста и бессмысленна, — страдания отрывают нас от пустой жизни и заставляют думать о Боге, о вечности, следовательно, о своей душе. Страдания неизбежны в жизни: страдают ведь и люди неверующие, но они страдают с проклятиями, с богохульством, подобно разбойнику, висевшему по левую сторону от Христа, иногда в припадке отчаянья лишают себя жизни, напрасно думая, что с прекращением земной жизни прекратятся для них страдания духа. Между тем как человек верующий терпеливо переносит все, встречающееся на пути, ибо он верит, что это — наказание за его грехи, и очищает его душу. В то же время сознание своих собственных недостатков заставляет его снисходительно относиться к недостаткам и своего ближнего. В самом деле, скажите: отчего расстраиваются всякие общественные союзы? Всегда от самолюбия и гордости! Сначала люди нравятся друг другу, а как увидят недостатки ближних, начинают злословить друг друга, оскорблять, и все дело рушится!»

Этому учил о. Амвросий сестер шамординских.

3.

Замечательно, что в этот свой приезд о. Амвросий, может быть, в предведении неурожаев и других несчастных бедствий, обрушившихся на нашу Родину, приказал изобразить Божию Матерь, сидящую на облаках и благословляющую людей, а под Нею — поле, усеянное ржаными снопами и колосьями. Батюшка велел праздновать иконе 15 октября.

Замечательно, что это был день его погребенья. При совершении празднованья этой иконе «Спорительница хлебов» им указано читать обыкновенный Богородичный акафист, а припев петь следующий: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоея и яви милосердие Твое».

В 1890-м году старец опять приехал в Шамордину пустынь и остался там до самой своей кончины. Опять та же ликующая радость сестер, те же поездки по строениям в сопровождении сестер и богомольцев, те же беседы и благословенья с тою только разностию, что благодаря продолжительности пребывания старца они вместе с ним провели день его Ангела — 7 декабря, Рождество Христово, Новый год и Святую Пасху. Как много впечатлений, как много света и радости! Недаром старец говаривал: «Помните это времечко!»

1 января, рассказывают сестры, в самый первый день 1891 года, утром, после обедни, батюшка вышел к сестрам особенно задумчивый, серьезный; сев на диван, он неожиданно начал читать стихотворение: «Лебедь на берегах Меандра песнь последнюю поет». «А мы, — шутливо заметил старец, — могли бы так переделать это стихотворение: «Лебедь на берегах Шамандра песнь последнюю поет», — и объяснил, что лебедь поет только одну песнь — перед своей кончиной.

Тогда никто не понял печального значения этих слов, а между тем старец предсказал свою кончину в этом году. Предчувствуя ее, он особенно поспешно старался устроить монастырь. Так, было построено много новых келий в Шамордине, благоустроен хутор Руднево, в котором старец предсказал, что будет церковь, что и случилось после его кончины. В конце сентября старец заболел болезнью ушей, соединенной с инфлюенцей, и постепенно стал таять. Пламенны были молитвы сестер, но воля Божия должна была совершиться, и 10 октября тихо, мирно, подняв руку для крестного знаменья, он отдал свою душу Богу. После напряженной тишины вопль отчаянного горя раздался в Шамордине: то плакали сестры, потерявшие в старце все; и эти стенанья не прекращались до самого перенесенья его в Оптину.

Множество духовных лиц во главе с архиереем, множество народа, иноков и инокинь собрались на его отпеванье. Торжественно, великолепно было совершено отпеванье многочисленным духовенством во главе с епископом Виталием. Особенно разителен был контраст между скромным гробом и убогими скромными одеждами смиренного старца и блестящим облачением и пением соединенных хоров — иноческого и архиерейского, множеством свечей, множеством высокопоставленных лиц, толпами богомольцев. Всех их объединяло одно чувство — любовь и благодарность. Поистине можно сказать: любовь не умирает, любовь нельзя заключить во гробе и закопать в землю, она вечно жива.

Торжественны были проводы о. Амвросия в темный осенний вечер в родную ему Оптину пустынь. Несмотря на пронзительный ветер и дождь, свечи у богомольцев не угасали; гроб все время несли на руках его почитатели, и трогательна была минута, когда гроб, высоко поднятый, как плывущий по воздуху, был встречен сонмом иноков в серебряных облачениях во главе с настоятелем — архимандритом Исаакием. Поистине казалось, что это — перенесение мощей, а не просто погребение.

Замечательна судьба Шамордина после смерти батюшки. Умер ее отец и кормилец. Лишилась она своей главной опоры. Настоятельница ее, мать Евфросиния, от болезни ослепла. Средств в монастыре никаких, расход громадный: около тысячи сестер надо накормить, обути, одеть — такое громадное количество народа!

Казалось, по человеческим соображениям, Шамордину грозило окончательное закрытие, а между тем оно не только не закрылось, а больше процветало, чем при жизни батюшки.

Достаточно сказать, что за это время построено множество прекрасных каменных строений, как, например, трапезная, колокольня, построен и освящен великолепный собор в самом Шамордине, каких мало в столице, а главное, из общины Шамордино возведено в Казанскую Амвросиевскую обитель, а настоятельница, слепая и беспомощная, торжественно возведена в сан игумении и награждена наперсным золотым крестом.

Кто же взял на попечение осиротевшую обитель? Это были преданные духовные дети старца — наши дорогие москвичи: достопочтенный, в Бозе почивающий, Сергей Васильевич Перлов и поныне здравствующая его супруга Анна Яковлевна. Золотыми буквами написаны их имена в летописи Амвросиевской Казанской Шамординской обители, и никогда они не изгладятся из памяти насельниц этой обители. Молится за них старец, молится он и за всех тех, которые обращаются с любовью за его благодатной помощью; как при жизни, так и по кончине он всегда готов помочь всякому страждущему и скорбящему.

Из множества случаев его помощи благодатной мне припоминается такой.

Один господин был болен болезнью головы и ног, так что доктора отказались его лечить и ему грозила смерть. Но вот, прочтя в «Душеполезном чтении» об о. Амвросии, он мысленно попросил у него помощи и потом заснул. Во сне он увидел необыкновенный свет, и вот к нему подходит старец в мантии с золотым крестом, с четками в левой и посохом в правой руке; дотронувшись до его ног посохом, он сказал ему: «Чадо Николай, встань, поди в церковь, отслужи молебен Амвросию Медиоланскому», — и дал ему тут же кусочек просфоры. При этом он почувствовал страшную головную боль, но старец покрыл его своей мантией, и боль прошла. Когда тот господин спросил, кто он, старец отвечал: «Я старец Амвросий из Оптиной пустыни». На другой день господин встал здоровым и болезнь не повторялась. Чрез несколько времени он видел опять сон: старец лежал в гробу и грозно упрекнул его, что он о видении этом молчит и не сообщает в Оптину пустынь.

Конечно, в Шамордине и теперь много недостатков, но мы веруем, что Господь Бог по молитвам старца не оставит ее без добрых людей, как не оставлял до сих пор. Я верую также, дорогие братья и сестры, что духом старец сегодня среди нас. В самом деле, во имя чего собрались сегодня мы сюда? Во имя любви к ближнему.

Не скромный наш вечер сегодня, но его цель привлекла вас и ваши лепты сюда. Цель его — устройство глазной больницы в Сергиевом Посаде, куда собираются десятки тысяч

богомольцев. В летнюю пору, когда их бывает большой наплыв, когда колосится рожь, от нее попадает пыль в глаза, раздражающая их и производящая глазную болезнь.

При недостатке лечения болезнь эта может породить слепоту. А что ужаснее слепоты? Не видеть этой чудной природы, не видеть человека, быть погруженным в вечную тьму. Какое несчастье может сравниться с этим? Вот почему наше Общество имеет целью предупредить слепоту и возвратить зрение, пока это возможно.

К сожаленью, средства наши оскудели, и мы должны были бы закрыть лечебницу, если бы не помощь добрых людей.

Да благословит вас Господь Бог и да будет с вами и за вас молитва батюшки, старца о. Амвросия.

Недавно я прочел одно стихотворение, которое хотя и относится к другому лицу, именно к о. Иоанну Кронштадтскому, современнику батюшки о. Амвросия, тем не менее подходит к нему — родному по духу и по деятельности:

Он был жив — мы сердцем не робели,
Он был жив и были мы сильнее;
Умер он — и мы осиротели,
Умер он — и ночь еще темней.
Ночь темней, — а мы так одиноки
В грозном море — слабые пловцы...
Миру нужны вещие пророки
И с душою детской мудрецы.
В злобном вихре беспощадной битвы
Мир совсем забыл бы небеса,
Если б смолкли праведных молитвы,
Прекратились Божьи чудеса.
И нисходят в грешный мир святые,
И низводят с неба благодать...
Подвиг их — целить сердца больные
И умы заблудшие спасать.
Умер он — молитвенник народный,
Умер он — народный иерей,
И ненастной ночи мрак холодный
Стал еще темней и холодней.
Пусть он с нами вечным духом ныне,

Но не слышим мы его речей,
Не сияет в жизненной пустыне
Свет его ласкающих очей.
Оросив горячими слезами
Мертвый камень гробовой плиты,
Шепчем мы дрожащими устами:
«Без тебя мы в мире сироты!»

**Святитель Иоанн Златоуст,
страдалец и друг страждущих¹**

*Чтение в пользу Комитета для голодающих
под председательством Ее Императорского Высочества
великой княгини Елисаветы Феодоровны*

Мы собрались сегодня, дорогие братие и сестры, вспомнить многострадального святителя Божия, св. Иоанна Златоуста². Ведь если нам следовало бы знать жизнь каждого святого, то тем более необходимо нам быть знакомыми с жизнеописанием святого Златоуста, имя которого каждодневно молитвенно вспоминается на Божественной литургии, по преданию, им составленной. Жизнь его и вообще назидательна для нас, слабых и колеблющихся, как пример пламенной веры, твердого стояния за правду Божию, самоотверженной любви к людям, глубокой преданности воле Божией, выражавшейся в терпеливом перенесении неслыханных страданий. Глубоко назидательны и его творения: толкование Св. Писания и множество проповедей. Среди последних особенно много поучений о милосердии к бедным. Его поистине можно назвать другом бедных. Он их любил всем сердцем за их преданность Святой Церкви, за их добрую христианскую жизнь, за их страдания и скорбь; и те, в свою очередь, платили ему нежною любовью, не оставляя его даже в тяжкое время гонений. Но было бы совершенно несправедливо считать Иоанна Златоуста каким-то демагогом, народным трибуном. Не о земном благополучии людей заботился он, а о совершенстве духа человеческого, о достижении людьми светлых, небесных радостей.

¹ Печатается по: [30] (изд. А. Ступина).

² † 14 сентября 407 г.

Если ему пришлось терпеть от богатых и знатных людей, то это потому, что, по своей пламенной ревности о правде Божией, он с силой прр. Илии и Иоанна Крестителя громил людские пороки; и злоба людская восстала против него в лице сильных и преследовала его своей ненавистью до самой могилы, а он, испуская дух свой среди этих страданий, восклицал: «Слава Богу за все».

Великолепен был город Антиохия в IV столетии после Рождества Христова. Это была эпоха ее величайшего расцвета, и ею по справедливости славился весь Восток. Отличаясь живописностью своей и чрезвычайно приятным, мягким климатом, она в то же время славилась и благоустройством, которое сделало бы честь любому современному городу. Длинные, широкие улицы, обсаженные лавровыми и миртовыми деревьями, великолепные здания, чудно устроенное освещение, благодаря которому и вечером было так же светло, как днем, — все это делало Антиохию одним из самых красивых городов Востока. Жизнь кипела в ней ключом: торговые, политические, художественные и религиозные интересы волновали жителей и иностранцев, которые приезжали сюда как для устройства своих дел, так и для отдыха. Шумит и волнуется многочисленная толпа на улицах и площадях, наполняет многочисленные театры, цирки, лихорадочно живет интересами дня; толпа горячая, южная, страстная, в живописных, ярких костюмах. Как далека она кажется от святой и тихой простоты христианской жизни, а между тем тут, в самых недрах этого распущенного, роскошного города, незаметно пока для людей, созревает великий христианин, славный учитель, друг бедных и скорбных. В одной из отдаленных от центра и пустынных улиц стоит небольшой скромный домик. Взойдем в него! Скромная обстановка... тишина... на скамейке сидят двое: юная красавица — мать и маленький мальчик с тонкими подвижными чертами лица и с большими черными глазами. У него развернута большая книга: Св. Евангелие — он учится читать. То — праведная Анфуса и ее сын Иоанн — впоследствии великий Златоуст.

Оставшись после смерти своего мужа, занимавшего видную военную должность, вдовой, Анфуса, несмотря на свою

молодость и красоту, всецело отдалась воспитанию своих малолетних детей: мальчика Иоанна и девочки. Последняя скоро умерла, и Анфуса всю нежность своего сердца, всю свою любовь излила на маленького Златоуста. Она воспитывала его в строго христианском духе, и первая книга, которую они изучали, была Евангелие. Едва умея лепетать, в самом раннем возрасте, Иоанн познакомился с земной жизнью, страданиями и учением Христа Спасителя. Эта книга была, так сказать, фундаментом, на котором возросло здание его великих добродетелей. Ему открылись с детства уже тайны христианства: стремление к идеальному христианскому совершенству, ибо Спаситель сказал: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный* (Мф. 5, 48); к величайшей, пламенной и самоотверженной любви к ближнему, ибо Спаситель сказал: *по тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13, 35); к величайшему терпению в перенесении всех земных страданий и бедствий, ибо Спаситель сказал: *претерпевший же до конца спасется* (Мф. 10, 22). И любимой молитвой Иоанна с раннего детства была «Слава Богу за все! И за радости, и за горе»!

По обычаю того времени, Иоанн был отдан в школу знаменитого в то время в Антиохии Ливания. Там он изучал всевозможные науки, по преимуществу философию, юридические науки, словесность и ораторское искусство, в котором особенно был силен Ливаний. В этом последнем искусстве Иоанн оказал наибольшие успехи: Ливаний приготавливал его к деятельности адвоката, пророчествовал ему блестящую будущность и не раз, впоследствии, со вздохом говаривал: «Каким бы великим человеком был Иоанн, если бы его у меня не украли христиане». Окончив курс, Иоанн первое время, действительно, занялся адвокатурой. Эти занятия послужили на пользу ему в том отношении, что, благодаря им, он познакомился с преступным миром и на опыте мог увидеть, как зло лукаво, как хитро оно побеждает человека; как несчастен человек, поддавшийся этим внушениям зла, и как все-таки несмотря на свою мрачность и темноту, в каждой преступной душе теплится искра Божия; и как слабый, бедный, несчастный человек, крепкими цепями своих страстей прикованный

к земле, плачет и тоскует о потерянном рае. В этот период своей мирской жизни Иоанн Златоуст, по своей страстной, горячей натуре, стал было увлекаться и светскими развлечениями: театром, цирком; но голос Божий звал его к другой жизни, и он все оставил и пошел за ним. Он принял крещение (в то время крещение принимали взрослые) и окончательно порвал всякие связи с мирской жизнью.

В то же время Иоанн стал молчаливым, задумчивым, стал бледнеть, худеть: очевидно, в нем созревало какое-то важное решение, которое тяжело было высказать своей матери. Наконец он решился; и с трепетом сердечным, со слезами, он открыл ей свое намерение сделаться монахом. Горе его матери было неопишимо: «Она взяла меня за руку, — говорил впоследствии Иоанн Златоуст, — и, обливаясь слезами, стала говорить слова, еще печальнее слез».

«Милый мой сын, единственное утешение моей горькой жизни, умоляю тебя: пожалей меня; ведь я тебе не сделала никакого зла! Потерпи, по крайней мере, до моей смерти; не заставляй меня переживать еще раз тот ужас одиночества, который я испытывала после смерти твоего отца! Я уже выплакала тогда все слезы; я уже тогда истерзала всю свою грудь страданиями! Неужели мне еще плакать, еще страдать? Друг мой, мой единственный друг, пожалей меня — твою несчастную мать!» Иоанн Златоуст послушался своей матери и остался до ее кончины около нее.

Тем не менее все-таки он постепенно готовил себя к служению Церкви, пристально изучая и наблюдая современную религиозную жизнь народа, его духовные недуги, которые впоследствии следовало лечить. В то время антиохийские христиане страдали от двух главных болезней души: с одной стороны — от языческой распушенности жизни, с другой — от арианских еретических заблуждений. Да и не могло быть иначе! В своей юности Иоанн был свидетелем отчаянной борьбы с христианством, которую вел Юлиан Отступник, все силы употребивший для того, чтобы сломить ненавистное ему христианство, и погибший в этой борьбе. Иоанн припоминал, как в годы своей юности, еще когда он учился у Ливания, тот, с презрительным высокомерием истинно просвещенного

человека, обратился в присутствии Иоанна с насмешливым вопросом к одному христианину: «Ну, скажи мне, что поделывает теперь сын плотника»? На что тот отвечал: «Тот, Кого ты называешь сыном плотника, в действительности есть Сын Божий, Творец неба и земли! Ты спрашиваешь, что Он делает? Он строит теперь погребальные дороги!»

И действительно, вскоре распространилась весть, что Юлиан умер. Во время персидского похода он был смертельно ранен и, как рассказывает предание, упав на землю, в безумной ярости он бросал к солнцу комья грязи с запекшейся своею кровью и, уже с предсмертным вздохом, восклицал: «Ты победил меня, Галилеянин»!

Он умер, но ядовитые семена, брошенные в христианскую среду, возросли и дали плод в виде распущенной языческой жизни; а с другой стороны — тяжело волновала весь Восток арианская ересь: не только миряне, но и духовные лица, и даже епископы были ею заражены. На площадях, на улицах происходили оживленные богословские споры, кончавшиеся жестокими побоищами. Таким образом, много было среди антиохийцев христиан только по имени и язычников по жизни; а затем не меньше было и не православных христиан. Иоанн понимал, какой тяжкий подвиг был — быть пастырем среди такой паствы; каких высоких духовных совершенств требует это служение. Вот почему в своих письмах о священстве он говорит, что священник должен иметь душу чище лучей солнечных, чтобы его никогда не оставлял Дух Святой. И, сознавая это, он со свойственною ему стремительностью, после смерти матери удалился в пустыню, находившуюся за Антиохией, где в то время жили величайшие подвижники, для того, чтобы усовершенствоваться духовно и тем подготовить себя к принятию священства. Необычайно была сурова их жизнь: нам, слабым, изнеженным, невероятными представляются те подвиги, какие они там несли. Весь день и почти всю ночь проводили они в молитве, чтении Св. Писания и рукоделии; пища их — один хлеб, и то в ограниченном количестве, и вода; изголовье — камень; но Златоусту показалось мало этих подвигов: он удаляется в самую глубь пустыни, затворяется там в мрачной сырой пещере, не имея здесь ни

постели, ни стула, ни стола, опираясь на стену пещеры, и здесь предается пламенной молитве. И вот из этого периода его жизни мне особенно ясно рисуется одна картина.

Глубокая ночь! Звездное небо... все спит в природе... не слышится ни одного звука, один лишь человек бодрствует в это время в пустыне: то молодой подвижник Иоанн! Стоя на коленях и простирая руки к небу, он молится пламенной молитвой. Он молится о том, чтобы Господь сподобил его быть истинным пастырем Христовым, чтобы всегда ему идти путем евангельской правды, чтобы хранить в целостности Церковь Христову, ради нее, если надо, пожертвовать всем, даже жизнью; душу свою отдать за паству свою. Любить любовью Христовою всех вверенных ему детей духовных. Особенно же всех страждущих, скорбящих, бедных и угнетенных — вести их всех к совершенству — Царству Небесному. Но наконец силы его не выдержали, и он должен был прекратить подвиг пустынножительства и возвратиться в Антиохию, после шести лет подвижничества. Жизнь эта надломила его здоровье, но зато укрепила его дух; оттуда он вынес глубокое знание и понимание Св. Писания, пламенную веру и ту ясную проницательность души, доходящую до прозорливости, которая присуща всем святым, долгие годы проводившим в подвигах самоуглубления и молитвы.

По возвращении из пустыни он был посвящен в сан диакона, а затем рукоположен епископом Флавианом в сан пресвитера. Уже в сане диакона Иоанн своею любовью завоевал сердца антиохийцев, и его посвящение в сан священника было встречено большой радостью всего населения, тем более что по городу распространился слух о необыкновенных ораторских способностях молодого священника. Уже первая его проповедь, где он рисует идеал священства, очень понравилась народу; а затем дальнейшие его проповеди все больше и больше привлекали сердца антиохийцев, и храмы, где он проповедовал, были всегда полны народом. Люди самых разнообразных классов и образований приходили послушать Златоуста. Увлекательное красноречие его проповедей, глубокое толкование Св. Писания, глубокое знание человеческого сердца, легкость речи, живость и страстность изложения,

образность, множество разнообразных сравнений, убежденность, пламенная вера, а главное, самая пламенная любовь к людям — делали необыкновенно привлекательными его проповеди; иногда страстные южане, восхищенные его словами, не могли удержаться от рукоплесканий, что было крайне неприятно Златоусту. В то время он и получил свое название.

Рассказывают, что одна бедная женщина воскликнула после одной из его проповедей: «Святой Иоанн, святитель Божий, Золотые Уста! Мы не все можем понять в твоих речах, ибо смысл их для нас слишком глубок». С этих пор Иоанн начал говорить настолько просто, чтобы быть понятным и людям необразованным. В своих проповедях он касался разнообразных предметов, но в особенности он много говорил о милосердии к бедным.

Так, например, в одной из своих проповедей он говорит таким образом: «Бедные суть также дети одного Отца Небесного, в лице которых нам представляется Сам Иисус Христос. Он благоволил, чтобы доставить нам случай засвидетельствовать к Нему любовь и признательность, являться к нам в лице бедных, странников, узников и болящих. Он говорит нам устами сих несчастных: если вы не хотели быть признательными ко Мне за все, что Я сделал и потерпел для вас, имейте сострадание к Моей бедности, если Моя бедность не трогает вас, сжальтесь над Моими страданиями, которые изнуряют Меня, над Моими цепями, которые тяготят Мои руки и ноги. Если Мои страдания, бедность, цепи не трогают вас, подумайте хотя о том, как мало то, чего Я у вас прошу. Я не требую от вас многоценных приношений; Я прошу только один кусок хлеба, кров от темной ночи, слово ласковое и совет добрый. Подайте Мне милостыню, чтобы приобрести право на те небесные награды, которые Я обещал милостивым».

Да и как ему было не любить бедных! Он видел, насколько они своим благочестием, своею преданностью церкви превосходят богатых. В то время, когда последние, оставаясь в глубине души язычниками, все свое время посвящают забавам и развлечениям, а в церковь являются только по необходимости, и то на самое короткое время, бедные наполняют храмы, внимательно слушают проповеди, усердно молятся. Как же

было не любить Златоусту этих преданнейших ему детей духовных, любовь которых ничто не могло поколебать: ни гонения, ни изгнания, ни насмешки, ни издевательства, ни унижения любимого архипастыря, — которые с радостью шли за ним на верную смерть. Да, поистине, и он на любовь отвечал пламенную любовью. Неложно было его слово, когда он им говорил: «Я люблю вас так же, как и вы меня. Вы заменяете мне отца, мать, братьев, детей. Вы для меня — все на свете! И когда один из вас погибает, погибаю и я!»

Но не одних только бедных, он любил и всю свою паству, что доказал во время одного тяжелого несчастья, обрушившегося на Антиохию: то был бунт антиохийцев против императора Феодосия, случившийся по следующему поводу.

Император, желая отпраздновать десятилетие своего царствования, наложил тяжелые подати на антиохийцев. Антиохийцы, хотя в большинстве своем довольно богатые, тем не менее сочли этот налог несправедливым и, возбуждаемые некоторыми народными ораторами, произвели страшное возмущение. Южная толпа — страстная и горячая — долгое время шумела и бесчинствовала в городе, затем бросилась в предместье его — Дафну, осадила царский дворец, ворвалась в комнату, где находились статуи Феодосия и его семейства, камнями повалила их на землю, с яростными криками повлекла их по городу и наконец бросила в реку. После этого пароксизма бешенства народ опомнился. Страшное уныние овладело им; после крика ярости наступила зловещая тишина: улицы опустели... все спрятались в свои дома... каждый говорил: «Что мы сделали! Теперь нас ждет неминуемая казнь!»

Тогда-то во всей своей духовной силе и являются духовные вожди: епископ Флавиан и священник Иоанн. Первый, несмотря на свою дряхлость, отправляется в Константинополь просить царя о помиловании, а второй — день и ночь молится в храме, утешает народ, ободряет его надеждой на милость Божию.

«Предайте мне ваши души! — говорит он, — отбросьте ваши печали, возложим все на Бога. Это послужит нам к прекращению бедствия, потому что когда Господь увидит, что мы со вниманием слушаем Его слова и в самое бедственное

время не оставляем молитвы, то скоро подаст нам помощь и благую перемену, превратив бурю в тишину. Не упадем же духом, возлюбленные! Не столько мы заботимся о своем спасении, сколько сотворивший нас Бог. Не столько мы печемся о себе, сколько Тот, Кто даровал нам душу и дает такое множество благ. Окрылим себя надеждою и будем благодушно ожидать, что благоугодно будет Господу сотворить с нами». И, действительно, совершилось по его слову.

Горячий сердцем, но великодушный император Феодосий простил антиохийцев. После этого любовь народа к Иоанну еще более возросла. Они не хотели отпускать его ни на один день из города; даже когда он хотел удалиться за город, чтобы немного отдохнуть, народ говорил ему: «Вернись, ибо без тебя мы погибаем». Тем не менее им вскоре пришлось уже навсегда расстаться с ним. Иоанн Златоуст был вскоре после этого назначен архиепископом Константинопольским и увезен тайно в Константинополь неким евнухом Евтропием, самым тогда важным сановником в государстве и ближайшим другом императора Аркадия, который занял престол после отца своего Феодосия.

Златоуст был милостиво принят императором, сказавшим ему, чтобы он готовился к посвящению.

Замечательный контраст представлял Златоуст — небольшого роста, худой, загорелый, в скромной, можно сказать, в бедной одежде — с великолепием и роскошью Византийского двора. Зала, в которой он был принят, была вся разукрашена золотом, розовым — золотистым мрамором и драгоценными камнями, даже самый пол был посыпан золотым песком. Придворные воины и сановники были украшены жемчугом и смарагдами; золотой трон поддерживался золотыми львами; на нем в пурпурной одежде, украшенной жемчугами и рубинами, восседал Аркадий; на голове его сверкала диадема, так красиво шедшая к его черным волосам. После императора Златоуст был еще более милостиво принят императрицей Евдоксией, которая поцеловала у него руку и обещала ему всякую помощь в его подвигах милосердия. 26 февраля 398 года совершено посвящение Златоуста в сан архиепископа александрийским патриархом Феофилом (своим тайным

недоброжелателем) в великолепном храме Софии, в присутствии императора, императрицы и множества народа. В своей речи после посвящения Златоуст, намечая программу своей будущей деятельности, главным образом обещал стремиться всеми пастырскими средствами к тому, чтобы распространять Православную веру среди язычников и еретиков, а затем, чтобы среди православных улучшить нравы, поднять их нравственность на высокую степень совершенства. Особенно знаменательны его слова: «Я, при помощи Божией, буду смело обличать пороки; я не буду входить ни в какие соглашения, не буду заключать никакого договора с адом. Для нечестия и порока я буду непреклонным врагом. Но по отношению к самим грешникам я всегда готов действовать в духе сострадания и, насколько это будет зависеть от меня и возможно мне, не вредя правде и благу Церкви, буду жить в мире со всеми». Закончил он свою речь просьбою молитвенной помощи у своей паствы.

Иоанн Златоуст был прямая противоположность своему предшественнику — архиепископу Нектарию. Последний, будучи, до принятия святительского сана, знатным светским сановником, остался, в существе дела, таким же и в сане архиепископа. Он любил пышную, блестящую жизнь, светское общество, любил давать роскошные обеды своим многочисленным знакомым, вовсе не заботился о духовном воспитании своей паствы и относился самым внешним образом к своим обязанностям. Совершая в торжественные дни богослужения, говоря холодные, заученные проповеди да принимая просителей, разбирая бумажные дела, он не прилежал сердцем к своим обязанностям. Он не был ни для кого опасен, и поэтому все относились к нему доброжелательно. Не таков был Иоанн Златоуст: он весь был огонь в ревности о славе Божией Церкви. Величайший подвижник, своей личной жизни он изгнал всякую роскошь с архиепископского двора; все золотые и серебряные вещи были проданы, и деньги розданы бедным. Многочисленная свита была распущена: он ограничился двумя или тремя преданными ему людьми. Прекратились роскошные обеды, ибо Иоанн довольствовался самой скромной пищей из овощей с прибавлением иногда

немного рыбы и белого мяса. Прекратился прием праздных посетителей, ибо к Иоанну имели доступ только те, которые нуждались в нем как пастыре Церкви. Единственной роскошью была его многотомная библиотека. Но в особенности резка была его противоположность с Нектарием в отношении к клиру и пастве. В то время как последний сквозь пальцы смотрел на злоупотребления, роскошь и разврат клира, на маловерие, ереси и всякого рода пороки мирян, Иоанн Златоуст явился пламенным обличителем и карателем всего порочного. Решительный, прямолинейный он, действительно, не умел входить в сделки со злом, как он сказал в своей вступительной речи. Он обличал, запрещал и изгонял из пределов своей епархии ленивых и развратных иноков и клириков, которые, вместо того, чтобы подавать добрый пример словом или делом мирянам, сами оказывались хуже их, проводя жизнь среди светских людей, на веселых пирах и полной лености, нисколько не заботясь о своих обязанностях.

Он обличал и свою паству в холодности к храму Божию, в любви к безнравственным языческим зрелищам, жестокости к бедным и несчастным, в гордости, в неправославии и др. пороках. Этим он страшно вооружил против себя худшую часть клира и многих знатных и богатых мирян. Сначала шепотом, а затем все громче и громче стали раздаваться голоса против Иоанна Златоуста. Он-де несправедлив, жесток, своею нетерпимостью оттолкнет народ от церкви! К чему эти обличения богатых и знатных? — он возмущает этим народ!

Постепенно к этому стала примешиваться и клевета! «Вот, других-то он обличает, а сам-то предается, как слышно, неслыханным порокам!... — Зачем он запирается от людей?.. — потому что он лицемер!.. Он тайно предается обжорству и пьянству»!.. Эти змеиные речи, передаваясь от одного к другому, дошли до императорского дворца, в частности до императрицы Евдоксии; тем не менее отношения между Иоанном Златоустом и Евдоксией были по-прежнему удовлетворительными. Она принимала участие в открытии св. мощей св. муч. Фоки и других. Иоанн в своей речи даже похвалил благочестие императрицы, назвав ее матерью церковей. С императором Аркадием отношения его были тоже вполне

удовлетворительными, и он даже оказал великую государственную заслугу: в то время против Византии возмущился римский военачальник Гайна и подошел к самому Константинополю, угрожая ему завоеванием. Император Аркадий пал духом: ибо никто, кроме Иоанна, не хотел идти ко врагу для переговоров. Иоанн смело пошел к Гайне и победил его сердце. Тот не только согласился отступить от города, не причинив ему никакого вреда, но даже вместе со своими коленопреклоненными сыновьями испросил благословение у святителя несмотря на то, что был арианин и, следовательно, злейший враг христиан.

Кроме благоустройства богослужения, монастырей, клира, Иоанн Златоуст особенно много занимался миссионерским делом среди финикиян, скифов и готов. Посещал он и провинциальные церкви для упорядочения там церковных дел. Ночное время, остававшееся свободным от многочисленных административных и богослужебных обязанностей, он употреблял на письменные труды. Но в особенности много времени он по-прежнему отдавал своим друзьям — бедным: для их назиданья и утешенья он часто проповедовал, беседам с ними он отдавал все свое свободное время и все свои средства; он построил несколько домов призрения бедных, больниц и других богоугодных заведений. При нем особенно развился институт диаконис, назначение которых было не только помогать крещаемым женщинам, но и оказывать самую широкую благотворительность. Святая Церковь с благодарностью вспоминает и будет вечно вспоминать святые имена: Сальвины, Ампрукты, Пентадии и Олимпиады, женщин очень богатых и знатных, но ради Бога и ближних оставивших все земное, «обнищавших здесь на земле, чтобы обогатиться в Царствии Небесном», по слову самого Златоуста. И бедный простой народ глубоко чтит Иоанна Златоуста: храм, где он служил, всегда был полон народом, который с жадностью ловил каждое его слово; он жизнь свою готов был бы отдать за своего любимого учителя. Поистине, подобно ап. Павлу галатам, Иоанн Златоуст мог бы сказать константинопольцам: «Вы готовы были бы вынуть свои очи и отдать их мне» (ср.: Гал. 4, 15), так вы меня любили! Тем не

менее все-таки злоба делала свое дело, и должно было наступить время столкновения Иоанна Златоуста с императорским двором. Для этого нужен был только повод, и он открылся в деле евнуха Евтропия.

Властолюбивый временщик, некогда привезший в Константинополь Иоанна Златоуста и сначала с ним друживший, затем, сделавшись одним из его яростных врагов и гонителей, постепенно стал так забываться, что позволил себе дерзко обращаться даже с самой императрицей. Та долго переносила все эти оскорбления, но, наконец, сильно оскорбленная им, бросилась к императору, захватив с собою обеих дочерей. Упав пред императором на колени, она воскликнула: «Твоя ли я жена или нет? Императрица я или раба? Твои ли это дети, и неужели их мать для тебя ничего не значит?» «В чем дело?» — спросил император. — «Меня оскорбил Евтропий, — сказала Евдоксия, — он угрожает низвергнуть меня, когда только захочет этого. Скажи, кто же император: ты или он?» Император Аркадий, который давно тяготился зависимостью от Евтропия, приказал немедленно его арестовать. Евтропий в страшном отчаянии, не зная, куда ему деваться, бросился в храм св. Софии, ища там убежища, а между тем еще так недавно настоял он на том, чтобы император отменил право убежищ преследуемым, которыми пользовались христианские храмы, против чего, в свое время, горячо восстал Иоанн Златоуст. Здесь, в этом храме, ползая в ногах святителя, этот гордый человек просил Иоаннова милосердия и заступничества пред императором. Иоанн обещал ему и исполнил свое обещание. Воинам, которые ворвались в храм, ища Евтропия, он решительно заявил, что они только чрез его труп и священнослужителей пройдут к Евтропию, а затем в первый праздничный день совершил в храме св. Софии литургию, на которой присутствовал император, императрица, весь двор и множество народа. Когда все собрались, Иоанн взошел на кафедру для проповеди, отдернул завесу, отделявшую престол от народа; пред взором всех предстал несчастный Евтропий.

Этот, еще так недавно гордый временщик, пред которым трепетали целые сотни тысяч народу, повинуюсь каждому его слову, в грязной, изорванной одежде, с лицом бледным,

искаженным ужасом, стоял на коленях, судорожно обхватив одну из колонн престола, трепетно слушая вдохновенное слово Иоанна: «Суета сует и все суета. Всегда истинно это изречение, еще более теперь. Где теперь блеск, где убранства, где рабелепные крики народа? Все прошло, буря ринулась на дерево, вырвала его с корнем и повергла на землю. Где ложные друзья? Столы, уставленные яствами, чаши, наполненные винами? Все исчезло, как сон. Запишите же на ваших стенах, на ваших одеждах, на окнах домов ваших, в совести вашей запишите и повторяйте это: суета сует и все суета». И обратившись к Евтропию, Иоанн продолжал: «Разве я не говорил тебе, что богатство улетает, а ты не хотел слушать меня. Разве не говорил, что слава — дым, как и уверения фальшивых друзей? Я сделался твоим врагом, потому что говорил тебе правду; но я был более твоим верным другом, чем те, кто тебе льстили. Они ушли к твоим врагам, а я один поддерживаю тебя. Ты оскорбил Церковь, а Церковь открыла тебе свои объятия». И, снова обратившись к народу, он продолжал: «Не думайте, что я хочу оскорбить павшего человека. Я нахожусь здесь не для того, чтобы усиливать страдания раненого, но чтобы сохранить здоровье тем, которые еще не ранены. Посмотрите на святой престол: он украшен золотом и драгоценными камнями, но богатейшее его украшение не золото и не камни, а этот несчастный беглец, который припал к подножию престола. Приступите же, и совершим теперь святое таинство; затем вместе обратимся к императору и попросим его милосердия и прощения Евтропию. Повергнем к его стопам золотые колосья жатвы нашего сострадания».

Евтропий был прощен, но отношения к Евдоксии окончательно испортились. Мрачные тучи надвинулись на Иоанна Златоуста. Должна была разразиться над ним гроза, и она разразилась. В числе лютых врагов Иоанна Златоуста был александрийский патриарх Феофил, который давно мечтал низложить его и занять его место. Нужен был только повод, и он нашелся.

Это было — принятие Златоустом четырех монахов из александрийского патриархата. Монахи эти, известные за свой длинный рост, под названием «Долгие братья» были

выгнаны без всякого основания, обвинены Феофилом в ереси и бежали в Константинополь, ища покровительства патриархата. Они были приняты с состраданием и любовью Златоустом в общение, и это дало повод Феофилу самого Златоуста обвинить в ереси. И вот он собирает собор из 23 епископов в Дубе — предместье Халкидона. На этом соборе обвиняют Златоуста в 29 пунктах совершенно ложно и заочно низлагают. Этот протокол собора был утвержден императором Аркадием. Когда об этом узнал народ, то он пришел в крайнее негодование. Громадные толпы окружили архиепископский дом; настроение делалось все более и более раздраженным. Кто-то пустил среди народа зловещее известие о том, что Златоусту угрожает уже не ссылка, а смерть... что-де только не знают, что выбрать для казни: топор или меч!

Крики: «Требуем вселенского собора», вопли женщин, плач детей — все сливалось в страшный гул. И среди этого смятения оставался спокойным только один Златоуст. А почему? Это он выразил в своей прощальной речи. Он собрал вокруг себя свою паству и так говорил: «Братия, ужасная буря застигла нас, и волны поражают нас с небывалой силою; но мы не боимся потопления, потому что опираемся на скалу. Сколько бы ни свирепствовало море, скала эта не потрясется. Сколько бы ни вздувались и ни хлестали волны, корабль Христов не погибнет. Чего же страшиться мне? Спрашиваю вас. Смерти? Но я скажу с апостолом: „Жизнь моя Христос, и смерть мое стяжание“. Изгнания? Но земля принадлежит Господу и со всем, что она содержит. Лишения имущества? Я ничего не принес в этот мир и ничего не унесу из него с собою. Все, что может заставить человека трепетать, я презираю. Смеюсь над богатством, смеюсь над почестями, которых другие так жаждут. Богатство для меня не более, как нищета, и если я желаю жить, то только для того, чтобы быть с вами, трудиться над вашим душевным совершенствованием. О, они совсем не знают нас! Христос со мною! Чего я устрашусь? Его Евангелие в руках моих — посох, на который я опираюсь. Вот где мое прибежище, вот мирная пристань души моей. Иродида также здесь; Иродида все еще пляшет, требуя головы Иоанна, и ей отдадут голову Иоанна, потому что она пляшет».

На другой день после этого явился к Иоанну императорский чиновник и потребовал, чтобы Иоанн немедленно оставил город. «Корабль готов, чтобы отвезти тебя в ссылку, и если ты не уйдешь добровольно, то ты будешь увезен силою». И вот, исполняя это приказание, Иоанн ночью, тайно, весь закутанный плащом, чтобы народ его не видал, вышел из своего дома и сел на корабль, который и отвез его на место его ссылки в Пренет. Когда на другой день народ узнал, что Иоанн тайно увезен из Константинополя, поднялось уже настоящее возмущение: как разъяренное море, волновался народ, и везде кричали о несправедливом суде над ним. Патриарх Феофил тайно бежал из города: иначе он был бы побит камнями. Увидев его дом пустым, народ громадными толпами повалил к императорскому дворцу и с криками, воплями и рыданиями зывал: «Возврати нам святителя Иоанна!» Дрогнуло сердце Евдоксии, и она начала раскаиваться в совершенном! В это время вдруг произошло страшное землетрясение: почва стала колебаться все сильнее и сильнее, подземные толчки все увеличивались, дома стали рушиться, стены падать. Смятение распространилось по всему городу, рыдание и стоны несчастных пострадавших все усиливались, наконец, дрогнули стены самого дворца. Еще минута, еще секунда... — и дворец был бы разрушен. Тогда испуганная Евдоксия, накинув кое-как на себя одежду, бросилась к императору, восклицая: «Это гнев Божий... это за наш грех... о, возврати скорей Иоанна!» Император, в глубине души своей не переставший почитать Иоанна как человека Божьего, немедленно отправил посла к Иоанну с письмом, в котором императрица умоляла его немедленно вернуться в Константинополь. И святитель Божий, забыв о нанесенных ему оскорблениях и помня только любовь к нему народа, возвратился снова к своей пастве; в это время землетрясение уже прекратилось.

Наступила ночь. Несметные толпы народа собрались на берег пролива, чтобы встретить своего возлюбленного святителя. С факелами в руках сопровождали они вернувшегося Иоанна; шествие приняло вид огненной реки. Впереди всех шла сама императрица; народ пел хвалебные гимны, многие плакали слезами светлой радости. Придя в храм, Иоанн встал

на кафедру, а народ весь опустился перед ним на колени. Со слезами благословил его святитель, так говоря: «Благословен Бог, удаливший меня! Благословен Он, возвративший меня! Благословен Бог, попустивший на меня бурю! Благословен Он, удаливший ее!» Через несколько времени собор из 60-ти епископов, собравшихся в Константинополе, отменил решение Дубского собора. Велика была радость народа, велико было торжество правды Божией в лице Иоанна! Но, — увы! — оно было непродолжительно. Прошло немного времени, и Иоанн был окончательно свергнут с престола и уже до конца дней своих не видал более своей паствы: он умер бедным изгнанником.

Поводом к окончательному изгнанию Иоанна Златоуста послужила его обличительная речь против Евдоксии за то, что та воздвигла себе статую прямо за храмом и устроила по этому поводу торжественные празднества, заглушавшие даже богослужение. Иоанн Златоуст со свойственным ему пылом обрушился на честолюбие императрицы. Был созван новый собор, и так как он не пришел ни к какому решению, то император собственной властью велел лишить Иоанна Златоуста архиепископского престола и изгнать его из города, а на его место избрать другого.

Была Великая Суббота; по обычаю того времени, в этот день многие готовились к св. крещению. Храм был полон народа. Женщины и дети в белых одеждах готовились к таинству крещения и св. миропомазания. Дияконисы приготавливали все необходимое для совершения этих таинств. Благоговейно молился священник, благоговейно раздавались в воздухе церковные песнопения. Вдруг ворвался отряд солдат, ища Златоуста. Крик... шум... вопли... стоны раненых сменили благоговейную тишину; ища Златоуста, они опрокинули священное вино Евхаристии... вода в крещальнях смешалась с кровью избиваемых... Наконец, Златоуст был схвачен и, несмотря на сопротивление толпы, был увлечен из храма.

Мрачно и уныло была встречена тогда Пасха константинопольскими христианами.

Через несколько времени Иоанн был отправлен в ссылку под строгим конвоем солдат. В самый момент его удаления

сделалась страшная гроза... молния упала в купол Софийского храма... произошел страшный пожар. Ветер раздувал его: он превратился в огненное пылающее море, которое захватило весь город и едва не достигло императорского дворца.

Конечно, враги Златоуста сейчас же обвинили друзей его в поджоге: это еще более ухудшило его участь. Воинам приказано было обращаться с пленным, как можно хуже, и они, действительно, с беспощадной жестокостью мучили его. Большой изнурительной лихорадкой, издавна страдавший тяжелыми желудочными болями, хилый и слабый от природы и еще более изнуренный от подвижнической жизни и тяжелых трудов, он страдал невообразимо.

Палил южный зной; Иоанна Златоуста влекли под палящими лучами солнца, отчего невыразимо он страдал, ибо его голова была лишена волос. Дул пронзительный, леденящий ветер, шел дождь, а воины снова влекли его, трясущегося от изнурительной лихорадки. Наконец, то обожженный солнцем, то оледенелый от стужи, он падал на землю в изнеможении, и лишь уста его беззвучно шептали молитву «Слава Богу за все!», а у своих мучителей он просил только хотя немного сострадания, немного отдыха, но получал отказ. И они снова влекли его вперед.

Сначала ему было назначено пребывание в небольшом городке Кукузе, но когда там поселился, он сделался центром церковной жизни своего времени: к нему стало стекаться множество богомольцев, отсюда стал он рассылать свои грамоты, утешая, назидая и ободряя свою паству. Это встревожило его врагов: «Этот мертвец становится опасным! Вся Антиохия теперь в Кукузах!» И было дано распоряжение перевести его еще дальше, в полуразрушенный Пифиунт. Но во время путешествия силы окончательно оставили Златоуста, и ему было разрешено остановиться в доме священника при церкви св. мученика Василиска¹. Ночью, во сне, ему явился св. мученик и сказал: «Не унывай, брат Иоанн! Мужайся — завтра мы будем с тобой пред лицом любвеобильного Бога!» На другой день Иоанн просил облечь его в чистые одежды, приобщить

¹ Св. мученик Василиск был усечен мечом 22 мая 308 года в городе Команах в Понте на южном берегу Черного моря.

Св. Таин. Долго и усердно он молился. Конечно, подобно своему Учителю и Господу, он молился и за своих мучителей: «Отче, отпусти им, ибо они не ведают, что делают!»

Наконец, со словами «Слава Богу за все» он предал свою душу Богу.

Прошло 30 лет; императором в то время был Феодосий II. Народ, не забывши своего благодетеля и учителя, потребовал останки Иоанна Златоуста: «Мы требуем, чтобы нам возвратили тело отца нашего!» Враги Златоуста все в это время уже кончили дни свои, многие из них — как бы в наказание Божие — в страшных мучениях.

Сам император чувствовал вину своих родителей пред Златоустом и решил, как можно торжественнее, перенести в Константинополь гроб с мощами святого. И вот император, все духовенство, целые тысячи народа вышли навстречу к некогда поруганному и выгнанному, как преступник, из города святителю Иоанну. Народ плакал от радости. Император Феодосий снял все знаки своего царского достоинства и, склонившись пред святой гробницей, вслух всех с рыданиями просил простить все то зло, которое ему причинили отец и мать. А патриарх Прокл вместе с народом воскликнул: «Святитель Божий! Займи опять твой прежний престол».

Предание говорит, что из гроба в это время послышался голос Златоуста: «Мир вам!» Таково было торжество правды Божией! Назидательна жизнь святителя! Поистине она светит ярким светом христианской веры и любви среди окружающего нас мрака. Он всего себя отдал Богу, он стремился лишь к вечной жизни за гробом, и вот почему среди всевозможных унижений и страданий, которые бы подавили и привели в отчаяние малодушного человека, он благодарил Бога: «Слава Богу за все! И за радости, и за горе!»

Так молился он, когда жил беззаботным отроком в доме своей нежно любящей его матери; так взывал он к Богу в пустынной келье среди невероятных подвигов подвижничества; так молился он на высоте архиепископского престола и ту же молитву неоднократно повторял он в ссылке, в изгнании, среди бесчеловечных истязаний, терзаемый голодом, жаждой, болезнями, влачимый под палящим солнцем. «Слава Богу за

все!» — были его и последними словами здесь, на земле. О, если бы и нам, в нашей жизни, всегда следовать примеру св. Иоанна! Да поможет он нам сам в этом своими молитвами пред престолом Божиим!

Дорогие братья и сестры! Вспоминая сегодня друга бедных, великого страдальца Иоанна Златоуста, я невольно переношусь воображением из нашего шумного столичного города, из этой ярко освещенной залы туда, далеко, в бедную деревушку — и видится мне полуразрушенная изба, и в ней голодные люди — наши братья о Господе!.. Видится мне малютка, одетый в грязные лохмотья; он протягивает свои исхудалые руки к своей матери и жалобно просит у нее хотя кусочек хлеба для утоления голода. А за ним, за этим страдающим ребенком, протягивает к нам руки святитель Иоанн Златоуст и взывает: «Вы пресыщены, а несчастное дитя голодно; вы имеете всего в достатке или изобилии, а здесь ваши братья, или, вернее, Сам Христос, во образе меньших братьев, всего лишен: и алчет, и жаждет, и наготует!

Пожалейте же их, и отрите их слезы; помните, кто делает для бедных и нищих — делает для Самого Христа Спасителя! Благо же всем тем, кто помнит завет Христа и приходит на помощь голодным и сирым! Благо и вам, что вы принесли им свою лепту! Благословение святителя Иоанна Златоуста да будет с вами вовеки. Аминь.

Пещное действо

Введение

Несколько лет тому назад, по инициативе Московского археологического института, на его открытом заседании исполнялись полным синодальным хором песнопения из пещного действия. Пению предшествовал подробный реферат священника о. Металлова о происхождении и исполнении в древности пещного действия. Было показано несколько картин, изображающих различные его моменты. Вечер этот привлек многочисленных слушателей, весьма заинтересовавшихся, и пение, и чтение были выслушаны с глубоким вниманием; но тогда же было выражено желание видеть

самое пещное действо не на картинах, а воочию совершающимся. Генеральный директор Археологического института предложил мне, как действительному члену Археологического института, исполнить эту задачу — со всеми подробностями изобразить пещное действо по возможности так, как оно совершалось в древности. Признаюсь, с большим смущением взял я на себя это поручение. Причин этого очень много. Первое: новизна дела. Как воссоздать то священнодействие, которое уже давно забыто, и притом не в храме, не за богослужением, не пред благоговейно настроенными богомольцами, а пред обыкновенными слушателями в зале, при обыкновенной обстановке духовных концертов. Невольно является опасение: не показался бы этот церковный обряд театральным зрелищем, никогда не виденным нами, и притом зрелищем простым, может быть, даже грубым, смешным и наивным для теперешнего зрителя, избалованного блестящей обстановкой театров? С другой стороны, удобно ли духовному лицу братья за это дело? Не лучше ли было бы, если бы это исполнил светский человек, гораздо лучше знакомый с подобного рода постановками?! На первый вопрос я ответил себе: что для людей, любящих церковную старину (а таковых очень много), всегда приятно и утешительно созерцать какой-либо церковный обряд. Доказательством этого служит множество богомольцев в нашем Успенском соборе, когда там совершается в Великий Четверг обряд омовения ног, заключающий в себе тоже некоторый драматический элемент. Полагаю, что таковых слушателей много в этом зале и что они отнесутся без предубеждения и со вниманием к тому обряду, который будет совершаться перед нами. На второй вопрос я ответил себе, что я не сам на себя взял это дело, а оно мне поручено моим сочленом. А ведь монахов учат, что послушание выше поста и молитвы.

Заранее лишь прошу прощения у вас, если мой труд окажется неумелым и несовершенным. Сделал, что мог, а впоследствии явятся люди, которые сделают то же самое гораздо лучше! Есть и еще одна причина, по которой я не отказался от этого поручения: это моя глубокая и искренняя любовь ко Святой Церкви и ко всем малейшим ее обрядам; отсюда проистекает

моя любовь и к церковной археологии. Когда я читаю описания различных древних обрядов, священнодействий; когда я вижу старинные облачения, утварь; когда я присутствую при богослужении в древних храмах; когда я молюсь пред древними иконами, пред которыми изливали свои мольбы целые сотни тысяч людей, то невольно моя душа переносится в то далекое время, когда на Святой Руси так глубоко верили и так пламенно молились, когда среди русских была такая любовь к храму, что казалось, что они готовы провести в нем целые сутки. Эта любовь и благочестие поражали иностранцев. Один из них даже заметил. Что недаром Россия называется Святой Русью, что «если Христос родился в Вифлееме, то духом пребывает в России». И скажу вам откровенно, что по этим причинам для меня глубоко антипатичен тот взгляд на церковную археологию, которого держатся некоторые ученые и который, между прочим, выразил покойный писатель Лесков в одном из своих писем. Так, он хвалит одного ученого историка за то, что тот с полным равнодушием, с полной безразличностью относится к древним предметам церковного культа. «Мне именно нравится в нем, — говорит Лесков, — что для него священническая риза не есть священный предмет благоговейного почитания, а просто старая, никуда не годная ветошь с пропитанной потом подоплекой». Мне думается, что такое холодное, равнодушное отношение к старине составляет принадлежность ветошника, торгующего старым добром, для которого вещь не имеет цены сама по себе, а лишь постольку, поскольку за нее дают деньги. Истинный же археолог, любящий свою Родину и свою Церковь, старается проникнуть в дух старины, оживотворить ее со всею ясностью; он представляет себе и то время, которое он изучает, и тех людей, которые в нем действуют, он их любит, он с ними живет, он радуется их радостям и горюет о их горе.

1. Библейская история

Теперь переходим к самому пещному действию. Оно изображало историю ввержения в раскаленную огнем печь трех еврейских отроков, о которой рассказывается в Библии в книге пророка Даниила. Напомню вам ее вкратце.

Царь Вавилонский Навуходоносор, покорив иудейский народ, за свое нечестие преданный Богом в плен нечестивому деспоту, сделал громадный золотой истукан, поставил его в области Вавилонской, на поле Деире, и приказал, чтобы весь народ пришел на торжественное открытие истукана и поклонился перед ним — олицетворением силы и могущества самого царя. Когда собрался весь народ, тогда глашатай громко воскликнул: «Объявляется вам, народы, племена и языки! В то время, как услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии и всяких музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, который поставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем». И вот люди один за другим стали поклоняться золотому истукану при торжественных звуках музыкальных инструментов. Но вдруг некоторые из халдеев сообщают царю страшную новость: «Трое юношей евреев, избранных из всего покоренного народа, из рода царского, Анания, Азария и Мисаил, за свой ум и красоту приставленные к царскому двору для того, чтобы впоследствии, изучивши халдейский язык, стать приближенными советниками царя, не исполняют царского приказания и не желают поклоняться золотому истукану».

Юноши эти были глубокого благочестия и здесь на чужбине не переставали веровать Богу отцов своих и пламенно молиться. Вzbешенный восточный деспот приказывает привести их пред собою, с гневом, яростью он вопрошает их: с умыслом ли вы: Седрах, Мисах и Авденаго (так переименовали их при царском дворе), богам моим не служите, золотому истукану, которого я поставил, не поклоняетесь? Отныне, если вы не исполните моего повеления, я брошу вас в раскаленную печь: тогда узнаем, какой Бог избавит вас от руки моей.

На это юноши спокойно отвечали ему: нет нужды отвечать тебе на это. Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей избавить. Тогда разъяренный царь приказал раскалить печь огнем и бросить туда трех связанных отроков и — о дивное чудо! — пламя огня, которое убило тех людей, которые бросали, даже не коснулось отроков, и они ходили, воспевая Бога: «Благословен Ты,

Господи Боже отцов наших, пели они, хвально и прославлено имя Твое вовеки. Ибо праведен Ты во всем, что сделал с нами, и все дела Твои истинны, и пути Твои правы, и все суды Твои истинны. Ты совершил истинные суды во всем, что навел на нас. Ибо согрешили мы и поступили беззаконно, отступив от Тебя. Но не предай нас навсегда ради имени Твоего и не разрушь завета Твоего. Не отними от нас милости Твоей, избавь нас силою чудес и дай славу имени Твоему, Господи!»

А пламень между тем поднимался над пещью на сорок девять локтей и вырывался, и сожигал тех из халдеев, которых достигал около печи. Тогда совершилось другое великое чудо — ангел Господень сошел в пещь и выбросил пламень огня из печи, и сделал, что в середине печи был, как бы шумящий влажный ветер.

Тогда отроки, как бы одними устами, благодарили и прославляли Бога. «Благословен, — пели они, — Ты, Господи Боже отцов наших, и хвально, и превозносимо имя Твое вовеки. Благословите, все дела Господня, Господа, пойте и превозносите вовеки. Благословите, ангелы Господни; благословите небеса. Благословите, все Силы Господни. Благословите, солнце и луна. Благословите, звезды небесные. Благословите все духи. Благословите, свет и тьма, да благословит вся земля. Благословите, духи и души праведных. Благословите, Ангелы, Азария и Мисаил. Господа, пойте и превозносите Его во веки!»

Изумленный царь, услыша, что они поют, поспешно встал и сказал своим вельможам: «Смотрите, не троих ли мужей мы бросили в огонь, но вот я вижу четырех, ходящих среди огня, и нет им вреда, а вид четвертого страшен и грозен, подобен Сыну Божию». И воззвал он к отрокам: «Седрах, Мисах и Авденаго, рабы Бога Всевышнего, выйдите и подойдите ко мне». И вышли к нему юноши, даже неопаленные огнем. Пораженный силою Божиею царь сказал: «Благословен Бог ваш, пославший ангела Своего и избавивший вас, своих рабов, за то, что вы не отступили от Него».

После этого юноши эти были в особенном почете у царя и народа.

2. Символическое значение

Это библейское событие имеет для нас, христиан, великое символическое значение, о котором в одном из церковных песнопений так говорится: «Мы, верующие, признаем Тебя, Богородица, духовною пещию; ибо как превозносимый (Господь) спас трех отроков (в пещи), (так) в Твоем чреве обновил весь мир хвалимый и препрославленный Бог отцев» (Воскр., глас 1, песнь 7, ирмос).

На праздник Рождества Богородицы поется следующий ирмос: «В печи отроков Ты прообразовал некогда Матерь Свою, Господи; и это прообразование от огня спасало их, ходивших (среди его) неопально; Ее, явившуюся чрез Тебя концам (вселенной), мы ныне воспеваем и превозносим во все веки» (Первого канона песнь 8-я).

Таким образом, мы видим из приведенных песнопений, что это событие прообразовало рождество Христа Спасителя от Пречистой Девы. Подобно тому, как огонь не опалил отроков, но, наоборот, сделал их великими и славными и чрез них прославил Бога, так же и рождество Христово оставило Девой Пренепорочную и чрез Нее спасло всех людей, соделав их сынами Божиими.

Это событие в виду его важности воспоминается Церковью каждодневно за утренним богослужением или за всенощным; а вместе с этим каждодневно же поется песнь вышеприведенная святых отроков. Кто из вас бывал в строгих пустынных монастырях, каковы: Валаам, Саров, Оптиная пустынь, где устав церковный соблюдается строго, тот наблюдал это сам. Что же касается до обыкновенных храмов, то, так как здесь служба совершается весьма сокращенно, песнь отроков обыкновенно пропускается, и оставляется один ирмос, воспевающий самое событие и его прообразовательное значение. Вот именно эта-то часть утреннего богослужения, только изображаемая в лицах, и составляет содержание пещного действа. Таким образом, мы видим, что оно не было чем-то случайным, произвольно внесенным в богослужение. Нет, оно совершалось ежедневно, но обыкновенными чтецами и певцами, а один раз в год — с особою торжественностью, с участием особых церковных

служителей: трех отроков, двух халдеев, с постановкой в храме особого высокого амвона, изображающего печь, со спуском из купола на веревке иконы, изображающей ангела, с небольшими диалогами, взятыми из той же книги пророка Даниила, с возжиганием в печи огня и т. д.

И так как оно символизировало рождество Христово, то именно и совершалось за две или за одну неделю до Рождества Христова; в то воскресенье, которое именуется в церковном уставе неделей Праотец, или Святых отец, в которые, между прочим, и вспоминает церковь трех отроков: Анания, Азария и Мисаила и св. пророка Даниила.

3. Археологические заметки

Главная часть печного действия, как мы сказали выше, совершалась за утренним богослужением, но начиналось оно на субботней вечерне. Отроки и халдеи сопровождали патриарха или митрополита в собор к вечерне и участвовали в малом входе, неся свечи. После вечерни они провожали святителя в келью, а к утрени снова собирались в крестовую палату, чтобы участвовать в торжественном выходе святителя в церковь.

За утреней, после 6-й песни, совершалось самое действие, которое с возможною точностью и будет сейчас изображено пред вами. Перед литургией отроки, подобно нашим исполлатчикам, пели посреди храма — «исполла эти дэспота», а затем — на реках Вавилонских, т. е., иными словами, псалом 136-й:

«При реках Вавилона — там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе; на вербах, посреди его, повесили мы наши арфы. Там пленившие нас требовали от нас слов песней, и притеснители наши — веселья: пропойте нам из песней Сионских. Как нам петь песнь Господню на чужой земле? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня десница моя; прильпни язык мой к гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего. Припомни, Господи, сынам Едомовым день Иерусалима, когда они говорили: разрушайте, разрушайте до основания его. Дочь Вавилона, опустошительница! Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам! Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!»

Почему этот псалом? Весьма понятно. В нем изображается скорбь Израиля, томящегося в Вавилонском плену. Именно эту песнь и воспевали отроки при дворе Навуходоносора. В словах этого псалма для христиан изображается духовный плен человечества, пред рождением Христовым, томящегося под игом диавола, греха, проклятия и смерти.

Затем на литургии отроки и халдеи принимали участие в великом выходе, подавали святителю после его причащения антидор, пели ему по окончании обедни «исполла эти дэспота», провожали его обратно в келью; в этот же день вечером снова участвовали в проводах патриарха к вечерне и обратно в келью. Этим и заканчивался суточный чин пещного действия; причем главная часть его заключается только между 6-й и 9-й песнями ирмосов воскресной утрени. Надо еще заметить, что отроки и халдеи участвовали во всех службах на Рождество Христово.

Теперь естественно спросить: как древне у нас чинопоследование пещного действия, откуда его происхождение, и когда прекратилось его совершение? На все эти вопросы очень подробный и обстоятельный ответ дают священник Металлов в своем реферате о пещном действе и профессор А. Дмитриевский в своем историко-археологическом этюде: чин пещного действия, помещенном в журнале «Византийский Временник», том I, вып. 3 и 4. Мы же за недостатком времени ответим на эти вопросы вкратце.

Ответы на предложенные вопросы не могут быть вполне точны за отсутствием исторических данных. Надо полагать, что в начале XVI столетия этот чин был уже известен, так как в одном из архиерейских новгородских чиновников профессору Красносельцеву удалось найти чин пещного действия, где, между прочим, приводится такое многолетие: «Дай Господи здрав был царь и великий князь Василий Иванович всея Руси самодержец на многие лета». По мнению протоиерея Никольского, первым распространителем и насадителем чина пещного действия был на широкой Руси Новгород, так как новгородские архиереи отличались особою любовью к греческим обрядам и старались их всемерно распространять. Все ученые согласны в том, что чин пещного действия — происхождения

греческого. Действительно, профессору Дмитриевскому удалось найти в Афонском Иверском монастыре чин пещного действа — греческую рукопись с датой 1357 года. Отличие этого чина от русского в том, что он совершался не на самой утрени, а после ее окончания и был очень краток. По мнению профессора Дмитриевского, в нашей богослужебной практике чин пещного действа продержался весь XVI век и вплоть до первой половины XVII столетия. Полного певческого чина (говорит свящ. Металлов), употреблявшегося в пещном действе, доселе не сохранилось ни в крюках, ни в нотах. Однако в библиотеке Синодального училища удалось найти ирмолог старообрядческий поморского письма конца XVII или начала XVIII века, крюковой, где между ирмосами 8 гласа знаменного распева помещается 7-я песнь с текстом: «На поле молебне» (ныне: на поле Деире), с тем самым текстом, пением которого и начиналось после 6-ой песни ирмосов на утрени самое пещное действо. (Напев рек Вавилонских заимствован из крюковой тетради XVIII–XIX вв. библиотеки Синодального училища.)

Ближайшими исполнителями чина пещного действа были патриаршие, ныне синодальные, певчие, которые за исполнение награждались подарками и деньгами и в самый день исполнения приглашались к патриаршему обеденному столу. Как обстановка, так и исполнение были простые, безыскусственные; наши предки видели в пещном действии молитвенный обряд, а не театральное представление, а посему исполнители с такой же благоговейной простотой, с такою, если можно так выразиться, объективностью относились к своим словам, с какою и поныне читают и поют в церкви благочестивые священно- и церковнослужители. Сделав эти предварительные замечания, приступаем, наконец, к самому пещному действу.

4. Картины и их описания

Для того, чтобы яснее представить себе занимающий нас богослужебный чин, перенесемся мысленно в Древнюю Русь, представим себе на несколько часов, что мы живем не в XX столетии, а в первой половине XVII века, в Москве, что, как все благочестивые тогдашние москвичи, мы сливаемся своею

жизнью с жизнью Церкви, и так как, следовательно, наш высший духовный интерес сосредоточивается на церковных таинствах и обрядах, то мы с нетерпением вместе с прочими ожидаем Рождества Христова со всеми предшествующими и сопровождающими его церковными службами. Длинный Рождественский или Филипповский пост приходит к концу; остается всего только две с небольшим недели до радостного праздника. Наступает суббота недели св. Праотцев. Побывали мы у вечерни в Успенском соборе, видели мы торжественный выход патриарха, сопровождаемого многочисленной свитой духовных и светских лиц, а среди них отроков и халдеев, в Успенский собор. И в самом соборе сделаны особые приготовления к пещному чину. Разобрано и снято большое паникадило посредине собора для спуска ангела в пещь, вместо диаконского амвона поставлен особенный амвон, именуемый пещью и украшенный изображением св. пророков, предвозвестивших рождество Спасителя (наша пещь — снимок с Новгородской пещи, хранящейся в Музее императора Александра III в Петербурге). Помолились мы вместе с прочими, вернулись к себе домой куда-нибудь на Ордынку, Полянку, поужинали постными яствами без рыбы, щей похлебали, каши гречневой, после ужина молитвы прочли на сон грядущим пред старинными иконами со многими возженными лампадками и порану, часов в восемь — девять вечера, залегли спать. Вставать надо рано.

Благовест к утрени начинался в час ночи, а надо прийти в собор раньше, а то места себе не достанешь. За множеством народа не увидишь, как ангела Божия станут спускать в пещь, как оные отроки будут умильно поклоняться ему, а злые халдеи напрасно метать плавун-траву, чтобы пещь разжечь огнем нестерпимым. В то время, когда у нас только что вечер начинается, т. е. часов в одиннадцать с половиной, мы уже проснулись, прочли утренние молитвы, надели свои кафтаны или полушубки и отправились в путь.

Тихо все вокруг. Луна тускло светит. Мороз пощипывает щеки, снег хрустит под ногами. Зимний холодок пробирает тело, а на душе тихо, светло и спокойно, как на небе. Вот впереди узкой кривой улицы с маленькими домиками, с окнами,

закрытыми ставнями, сквозь которые светится свет лампадки, скрипя полозьями по снегу, тащится возок с каким-нибудь важным боярином, тоже направляющимся к Успенскому собору.

Приходилось ли вам, дорогие братие, позднею ночью или ранним утром идти в храм на молитву. Если вам приходилось, хотя бы в пору вашей юности, в Страстную Субботу, например, идти также в Успенский собор к утрени, то вы несомненно испытывали чувство легкости душевной, какого-то восторженного желания все любить, всем делать добро и за всех молиться; и как больно за тех из наших братьев, которые воспитаны вдали от Церкви, никогда не испытали этих дивных чувств. Невольно вспоминаются слова нашего поэта-мыслителя и богослова Алексея Степановича Хомякова:

Спала ночь с померкшей вышины,
В небе сумрак, над землею тени,
И под кровом темной тишины
Ходит сонм обманчивых видений.

Ты вставай, во мраке спящий брат!
Освяти молитвой час полночи!
Божьи духи землю сторожат,
Звезды светят, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мраке спящий брат!
Разорви ночных обманов сети!
В городах к заутрени звонят,
В Божью церковь идут Божьи дети.

Помолися о себе, о всех,
Для кого тяжка земная битва,
О рабах бессмысленных утех
Верь, для всех нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мраке спящий брат!
Пусть зажжется дух твой пробужденный
Так, как звезды на небе горят,
Как горит лампада пред иконой.

Но вот понемногу приближаемся мы и к Кремлю. Вот и Спасские ворота с едва мерцающей, как звездочка, лампадкой пред высоко висящей на них иконой. Слышен уже мощный звон большого колокола Ивановской колокольни. Кто из нас, москвичей, не любит этого звона?! В ком эта, по выражению одного писателя, медная буря воздушных голосов не вызывает давно иногда забытой любви к своей родине, к своей Церкви, к своему народу?! С этим звоном соединяется у нас воспоминание о всех торжественных событиях нашей многострадальной Родины, о всех великих праздниках христианских, а особенно о празднике из праздников — Святой Пасхе! В эту священную ночь даже иностранцы собираются к нам на Кремлевскую площадь, чтобы вместе с нами воскресить в своей душе Воскресшего Христа Спасителя.

Тот же дорогой русскому сердцу поэт по этому поводу так говорит:

В безмолвии, под ризою ночную,
Москва ждала, и час святой настал:
И мощный звон промчался над землею.
И воздух весь, гудя, затрепетал.
Певучие, серебряные громы
Сказали весть святого торжества,
И слыша глас, ее душе знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тот же глас — ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественных забот
Не знает он, и вестник искупленья,
Он с высоты нам песнь одну поет, —
Свободы песнь, песнь конченного плена!
Мы слушаем: но как внимаем мы?
Сгибаются ль упрямые колена?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроем ли радушные объятия
Для страждущих, для меньшей братии всей?
Хоть вспомним ли, что это слово — братья —
Всех слов земных дороже и святей?

Но вот, сняв шапку и осенив себя крестным знамением, взошли мы в Спасские ворота, подходим к Успенскому собору: множество народа собралось вокруг. Не слышно смеха, споров и криков, так обычных для толпы, молчит народ, молчат люди, перекидываясь лишь краткими замечаниями. Ведь они пришли не на мирской праздник или гульбище, а собрались они предпраздновать честное Христово Рождество. С шумом распахнулись, наконец, тяжелые, железные, соборные двери, входит народ в церковь, творит уставные поклоны: семипоклонный начал — и в молчании, сосредоточившись в себе, ждет начала службы церковной.

Среди народа проносится слух: Сам Батюшка, Тишайший Царь, Алексей Михайлович со своей супругой Натальей Кирилловной будут сегодня в соборе на утрени; и еще с большим нетерпением ждут богомольцы начала богослужения. И в самом деле, в царском дворце царь с царицей, каждый на своей половине, готовятся идти в храм Божий.

Скоро начнут! В крестовой, что ныне мироварная палата, позади собора, Святейший Патриарх уже сидит на своем месте, облаченный в мантию и окруженный своею свитою, а перед ним отроки и халдеи, просящие его благословения: «Владыко, благослови!» А другой прибавляет: «И помолися!»

Святитель, встав, читает молитву Богоматери «Достойно есть» и творит отпуст, и вся процессия торжественно шествует в собор.

Прибыл патриарх в собор; торжественно шествует туда же из дворца и Тишайший Государь.

Взяв благословение у святителя и поклонившись царю, чередной протопоп начинает утрению. Последование ее ничем не отличалось, кроме пещного действия, от обыкновенного, кроме того, что воскресное Евангелие читалось после славословия в пещи. Да надо полагать, что и вообще утренья того времени в Успенском соборе мало отличалась от теперешней: разве только была продолжительней, да пение было менее сладкогласно, чем теперь. Также мерно и звучно гремел густой бас протодиакона, молитвенно просящий у Бога доброго и полезного всем православным христианам. Так же, как теперь, торжественно — спокойно читал сакелларий шестопсалмие

с его дивными псалмами, так глубоко и поэтично выражающими и светлую надежду верующей души, и тяжкую скорбь души падшей, грешной.

Утренья продолжается. Вот началось пение ирмосов и чтение канона, пропета 6-ая песнь, прочтен так называемый пролог, в котором рассказывается история трех святых отроков и пророка Даниила, с нравственным из нее приложением для слушателей, начинается пещное действо. Обалика «на восходе», т. е. сойдясь вместе, начинают 7-ую песнь: «На поле молебне иногда мучитель пещь постави на мучение богомудрых, в ней же три отроцы песнословяху единого Бога, трие воспеваху, глаголющее: „Отец наших Боже, благословен еси”».

Тогда протодиакон, который будет возглашать стихи, берет благословение у святителя, идет в алтарь, берет три отроческие свечи и выходит из алтаря, за ним халдеи ведут на середину храма трех отроков, связанных по выям (шеем) полотенцем, или убрсом, со скрещенными руками на груди, держа в руках концы полотенца, притом так, что один халдей идет впереди, а другой позади отроков. Ставши, по выходе, лицом к архиерею, они все вместе низко кланяются архиерею; отроки получают от него свечи, халдеи — пальмы, целуют ему руку и становятся полукругом вблизи пещи.

Халдеи, указывая пальмами отрокам на пещь, ведут следующий разговор:

Первый халдей говорит отрокам: «Дети царевы?»

Второй халдей повторяет то же: «Царевы».

Первый, указывая на пещь, говорит: «Видите ли сию пещь, огнем горящу и вельми распалаему?»

Второй: «А сия пещь уготовася вам на мучение».

Анания: «Видим мы пещь сию, но не ужасаемся, есть бо Бог наш на небеси, Ему же мы служим. Той силен изъяти нас от пещи сия».

Азария: «И от рук ваших избавит нас».

Мисаил: «А сия пещь будет не нам на мучение, но вам на обличение».

Отроки и хор поют пред архиереем стих «И потщися на помощь нашу, яко можеша хотяи».

Халдеи развязывают полотенце, которым были связаны отроки; все кланяются архиерею, и отроки отводятся халдеями в пещь.

Протодиакон, став на указанном ему месте и обратившись лицом к архиерею, начинает канонаршить седьмую песнь «Благословен еси, Господи, Боже отец наших...», этот, а равно и последующие за сим стихи повторяются за протодиаконом как отроками в пещи, так и всем хором. В это время халдеи с пальмами и трубками в руках ходят кругом пещи и мечут плавучею травою на пещь и под пещь. Когда протодиакон провозглашает: «И распалашеся пламень над пещию...», готовят к спуску ангела, и бывает вспышка огня. При словах протодиакона: «Ангел же Господень сниде купно с сущими...» спускают ангела. Слышится гром... все падают: и халдеи, и отроки. Когда же протодиакон продолжает: «Тогда тии трие яко едиными усты пояху...», отроки встают, берут в руки ангела, ходят с ним в пещи кругом три раза и поют: «Благословен еси, Господи, Боже отец наших, препетый и превозносимый вовеки». Халдеи же лежат. Затем отроки кланяются ангелу, и во время их поклона ангел поднимается. При словах протодиакона «Ангели Господни, благословите небеса...» происходит второе снисхождение ангела, обычное поклонение ему отроков и хождение с ним в пещи; затем ангел поднимается, отроки встают, халдеи же продолжают лежать.

Протодиакон продолжает: «Благословите, солнце, луна и звезды, благословите, звезды небесныя...», — в это время обычное в третий раз схождение ангела, а во время слов «Благословите, Анания, Азария, Мисаил» ангел поднимается; отроки по обычном поклоне ему встают, встают одновременно с ними и халдеи и стоят с поникшими главами.

Хор поет «Тричислении отроцы»; после пения этого ирмоса халдеи приглашают отроков выйти из пещи.

Первый халдей: «Анания, сын царев, гряди вон из пещи».

Второй: «Азария, сын царев, гряди вон из пещи».

Первый: «Мисайло, сын царев, гряди вон из пещи».

Когда все три отрока станут перед епископским местом и поклонятся епископу, который благословляет их, то поют многолетие: «Утверди, Боже».

Заканчивалась утренняя обычным порядком, и после нее патриарх шествовал обратно «со славою», т. е. шел в храм. На другой день совершалась торжественная литургия, причем пелась, как упоминалось раньше, отроками и певчими «Река Вавилонская».

Мы закончили. Насколько возможно, как в одежде, так и в самой обстановке мы старались быть ближе к древнему чину. Много, конечно, неточностей и несовершенств в нашем труде, за которые просим словами древнего летописца: «Простите нас Бога деля, а не кляните».

Одну из этих неточностей мы сами вам укажем. Мы должны были по условиям музыкальной гармонизации несколько уменьшить лета отроков; надо полагать, что в древности они были лет 18-и.

Заключение

Не знаю, удалось ли мне выполнить крайне трудную задачу: заставить вас, хотя короткое время, пожить жизнью ваших предков. Иными словами — создать в душе вашей то высокое молитвенное настроение, каким отличались русские Древней России, — той Святой Руси, в которой князья и бояре и даже сами цари считали за величайшее счастье после бранных подвигов или государственных трудов умереть простыми схимниками, — той Святой Руси, в которой умереть за Христа, хотя бы в мученьях, считалось Божией милостью. И хотя по-прежнему простой народ и теперь живет церковною жизнью, свято чтит святых подвижников Церкви и счастьем считает, хотя бы в нищенском образе, поклониться святым чудотворным мощам и иконам; но образованное общество, воспитанное на иных началах, давно уже охладело к Церкви, а в последнее время, к несчастью, это равнодушие сменяется как будто озлоблением против нее. Напрасно радостно и торжественно звучат колокола; оно не идет в храм Божий. Не о том мы говорим, чтобы нашу жизнь снова превратить в молитвенный подвиг, который в Древней Руси поразил Антиохийского патриарха и его спутника Павла Алеппского, прибывших в Россию за сбором. (С интересной книгой его записок советую познакомиться нашим слушателям). Условия жизни изменились; она

осложнилась, явилось много других разнообразных задач и целей, так что вернуться к прежнему патриархальному быту уже невозможно. И как бы мы не взывали вместе с Гоголем: «Русь, остановись!», она не остановится на своем пути.

Мы желали бы лишь и пламенно молились бы о том, чтобы в этом шествии она окончательно не потеряла то, что во все времена составляло ее лучшее достояние: свою святую веру и любовь к своей небесной матери — Святой Церкви. Ведь на этом фундаменте создались и все ее добродетели!

Потеряет окончательно веру, потеряет Бога и станет глубоко несчастна. И действительно, оглядываясь вокруг себя, видя так много угрюмых, мрачных, озлобленных, лишенных светлой надежды людей, мы глубоко о них скорбим и усердно молим родившегося Спасителя — Христа — Истинного Света, да осветит Он их Своими лучами и да возродит в душах их святую веру.

**Памяти священника
Димитрия Савватьевича Дмитриева
(† 26 марта 1915 года)**

Поздний вечер. Сижу в польской халупе. Горит свеча. За окном раздаются далекие и глухие пушечные выстрелы и немолкающая ружейная стрекотня.

Я один.

Могу отдаться своим думам, читать, писать. Развертываю газету. Взор мой падает на эти равнодушные строки: «26 марта скоропостижно скончался священник Д. С. Дмитриев».

В сердце больно ударила неожиданная скорбь.

Бедный старый друг!

В феврале, в свое краткое пребывание в Москве, я его видел, беседовал с ним,

Прощался он со мной со слезами:

— Я Вас больше не увижу!..

— Увидимся еще, дорогой Дмитрий Савватьевич, — нарочно бодрым тоном ответил я ему, — еще повоюем, воин Христовой Церкви! Вспомните слова псалмопевца: *Не умру, но жив буду, и повем дела Господня* (Пс. 117, 17).

Хотя, правду сказать, его слова тяжело отзывались в душе. Он очень опустился. Болезнь сердца сделала очень большой шаг вперед. Приходилось прибегать к возбуждающим сердечную деятельность лекарствам.

Но все-таки я не ждал такой скорой развязки.

И вот его уже нет!

Во весь рост стоит он предо мной — «преподобный Серафим», как мы его называли. Он был очень похож на святого старца согбенным станом, белыми мягкими волосами, чертами лица, светлыми, милыми, голубыми глазами.

«Коль очи светлы, душа светла. Нет светлоты, темна душа», — вспомнились мне стихи, произнесенные его мягким, задушевным голосом.

Это было очень давно. Я еще был ректором Вифанской духовной семинарии, а он — светским человеком, сотрудником московских газет. Вспоминал он свою молодость, рассказывал бывшее, между прочим, как в старину в Московском артистическом кружке играл роль стольника Василия в драме «Каширская старина».

— Я и теперь еще кое-что помню...

И, воодушевившись, он прочел несколько стихов.

Запомнились мне эти слова об очах. Уж очень они подходили к нему. У него очи были светлы, честны, правдивы. Они ясно смотрели на мир Божий, они с благодушием взирали на людей.

Такова была и его душа.

Борьба за существование, за кусок хлеба для себя и семьи не озлобила, не ожесточила ее. Спасла твердая вера в Бога, спасла здоровая русская натура простолюдина, помогло домашнее суровое воспитание.

Сын обедневшего купца, он должен был с ранних лет работать не покладая рук... Пылкий, впечатлительный, очень набожный юноша, он охотно вместе с родителями посещал монастыри и, наконец, сам задумался было сделаться монахом.

Со страхом и трепетом решил он просить совета у московского митрополита Филарета. Тот обласкал его, но решительно отсоветовал поступить в Гефсиманский скит, куда он просился.

— Ты должен на другом поприще послужить Церкви и Родине, но и это от тебя не уйдет.

Случайно он получает место в библиотеке Московского университета и с ним возможность проникать на лекции тогдашних знаменитых профессоров, особенно историка С. М. Соловьева.

Пробуждается интерес к русской старине. Он зачитывается книгами исторического содержания, наполняет и расширяет свое скудное домашнее образование на медные деньги.

Дан толчок природному призванию писателя.

Написана первая историческая повесть, отнесена в редакцию московского журнала. Она понравилась, напечатана, и цель жизни определилась. Он почти на всю жизнь становится газетным работником.

Тяжела и терниста эта дорога для всякого человека, но без достаточного образования, без школьной подготовки она еще труднее, еще тернистее. В этом жизненном подвиге помогли ему природный талант, любовь к своему делу, работа над собой, самообразование, беседы с людьми таланта. Он не погиб, жизнь его не сломала. Он стал известным сотрудником тогдашних московских газет. Его исторические повести и романы полюбились читающей публике, его драматические произведения с успехом давались на разных сценах и теперь еще играют в провинции.

Собрал он на трудовые деньги большую библиотеку. Она охотно посещалась — так много там было интересного материала для чтения.

Слава Богу! Острый период нужды кончился. Можно жить и ему, и многочисленному семейству без назойливой заботы о завтрашнем дне.

Но тут ждало его непредвиденное, тяжелое горе. Умирает старший сын Сережа, уже кончавший курс гимназии, надежда семьи, общий любимец. Юноша прозрачной душевной чистоты, высокой религиозной настроенности, блестяще одаренный, с задатками большого литературного таланта — погибает от злой, скоротечной чахотки.

Горе отца неопишимо. Здесь начало сердечной болезни, сведшей его в могилу. Он сразу опустился, постарел, поседел.

Тогда созревает у него желание, давно таившееся в душе, быть посвященным во иерея.

5 февраля 1908 года, в день святителя Феодосия [Черниговского], которого он особенно чтит (и был на открытии его мощей), склоняет он свою старческую голову под руку архиерея пред Престолом Божиим и с глубоким умилением и слезами воспринимает благодать Святого Духа, немощная врачующую и оскудевающая восполняющую¹.

Совершилось! Он — иерей. Он может приносить Бескровную Жертву о любимом сыне, может сам совершать о нем панихиды. Он ближе теперь к нему духом...

Но не об одном лишь сыне молился он. Он любил людей, любил горячей любовью Родину. Изучение родной старины еще более ее укрепило, и он пламенно молился за всех и за вся.

Хороший он был священник. Благоговейно совершал он священнодействия. Его возгласы и чтение молитв не были механическим или нараспев бормотаньем или выкриком святых слов. Нет, он произносил их мягким, задушевым тоном, как бы сам вслушиваясь в них, с каждым разом все более и более проникаясь их глубоким смыслом, стараясь запечатлеть их в своей душе.

Так молятся для себя, из потребности своего сердца, некоторые очень верующие мирские люди.

Так, помню, в годы моего детства читал нам, детям, вечерние молитвы мой глубоко верующий отец. До сих пор звучат в моих ушах силой внутреннего чувства трогательные слова одной из вечерних молитв:

«Владыко Человеколюбче, не ужели мне одр сей гроб будет, или еще окаянную мою душу просветиши днем? Се ми гроб предлежит, се ми смерть предстоит. Суда Твоего, Господи, боюсь и муки бесконечныя, злое же творя не престаю: Тебе Господа Бога моего всегда прогневляю, и Пречистую Твою Матерь, и вся небесныя силы, и святаго ангела-хранителя моего...»

Его проповеди тоже отличались особым характером. Их нельзя было подвести под разряд каких-либо гомилетических произведений. Они были задушевыми беседами доброго,

¹ Слова из молитвы при хиротонии.

любящего отца с детьми. А так как он отличался и творческим воображением писателя, и прекрасно выработанной дикцией, и приятным голосом, и внутренней силой вдохновения, то они производили сильное впечатление на слушателей самых разнообразных классов и образования.

Таковы же были и его лекции для фабричных рабочих по разнообразным вопросам церковной жизни, особенно по агиологии.

Многие из его жизнеописаний новопрославленных чудотворцев напечатаны в разных духовных журналах.

Из его духовно-литературных трудов мне припоминается особенно живо описание нашей общей поездки в Саратовскую пустынь. Это было еще до принятия им сана священника. Картинно изобразил он Саратовскую пустынь и ее обитателей, выразительно раскрыл чувство, волнующее богомольца при гробе преподобного Серафима... Но чего он не мог нам открыть — это своей пламенной молитвы великому старцу о том, чтобы тот помог ему достойно воспринять сан священства, очистил бы его душу так, чтобы она, по выражению святителя Иоанна Златоуста, сделалась светлее солнечных лучей, сподобил бы его, хотя в малой степени, тех добродетелей любви и веры, какими была полна душа самого преподобного Серафима.

И можно сказать о нем, что он так же честно исполнил пастырский долг пред Церковью и Родиной, как раньше честно и нелицемерно служил им своим пером.

И вот его уже нет!

Тяжело на душе. Все больше и больше редет круг дорогих сердцу близких людей. Остается одному, как бесприютному страннику, пройти остаток жизненного пути. Хочется сказать с поэтом:

«Здравствуй, печальная старость! Догорай, одинокая жизнь!»

Уходят постепенно, можно сказать, ушли из жизни почти все представители нашей старой Москвы. А еще так недавно, кажется, их было так много!

И так отраднo было слушать их живые беседы о московской старине.

Как недавно еще, бывало, после тяжелого, утомительного трудового дня моей жизни, чтения всяких бумаг, приема бесчисленных просителей, всяческих тревог, забот и волнений, приятно было прийти с истерзанными нервами, с оледеневшей душой, с полным горечи сердцем в маленькую уютную келью, которую занимала у меня в доме моя покойная 79-летняя старица-мать, и встретить там Дмитрия Савватьевича.

Лампада освещает старинные иконы прадедовского киота, старинная мебель, по стенам фотографии давно уже почивших родных, друзей, духовных наставников.

Сидит мой старец. Перед ним стакан чая и варенье, без которых моя гостеприимная мать не отпускала никого от себя.

И беседуют оба о «делах давно минувших дней, преданьях старины глубокой»¹.

Как наяву вырастает предо мной старая, тихая Москва с ее своеобразным укладом жизни, старомодной по внешности, неказистой, далекой от блеска культурных европейских центров, со старыми торговыми рядами, еще помнившими Ивана Грозного, с извозчиками, с дрожками-гитарами², плохо мощеными улицами, тускло освещенными масляными фонарями, но зато со множеством обширных садов и палисадников, внутри которых стояли барские особняки Александровской эпохи с белыми колоннами, а Замоскворечье с купеческими домами тяжелой архитектуры, окруженными высокими заборами. В этой Москве было много какого-то особого уюта, много простоты, радушия, полное отсутствие чиновничьего лоска, особый отпечаток благодушного москвича, одним словом, отмеченное еще Грибоедовым.

В ней, в этой старой Москве, жило много лиц, блиставших ярким талантом на самых разнообразных поприщах.

И вот в задушевных беседах моих старцев передо мной проходит «галерея теней» церковной, дворянской, артистической,

¹ Начало первой песни поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

² Извозничьи «гитары» просуществовали до 1860-х годов. На двух парах стоячих рессор висела скамейка, обитая суконными подушками; спереди были козлы для извозчика, а на саму скамейку, снабженную по бокам подножками с крыльями, прикрывающими колеса, садились верхом или боком два пассажира.

купеческой старой Москвы. И постепенно успокаиваются нервы, отогревается душа; мир, спокойствие и какая-то уютность воцаряются в сердце.

Увы! Опустела навсегда келья моей матери. Не придет в нее больше уже никогда Дмитрий Савватьевич! Покоятся они оба на кладбищах столь любимых ими монастырей московских вечным сном.

Горько стало на душе. Слезы закапали из глаз... Газетный лист соскользнул с колен.

Я подошел к окну, отворил его.

Прохладный весенний воздух пахнул мне в лицо. Синее небо было усыпано звездами.

Вот то одна звездочка скатится и потускнеет, то другая, третья...

Вдали по-прежнему слышатся уже ослабевающие звуки боя.

И представилось мне, как на громадном пятисотверстном фронте нашей армии, подобно этим звездочкам, потухают молодые жизни наших героев-воинов в кровавом зареве военных подвигов. А там, вдали, в городах и селах, тихо и незаметно, также внезапно, гаснут жизни мирных тружеников в кругу их семейств.

Но и те и другие одинаково возносятся на небо, в вечное Царство любвеобильного Бога. И когда-нибудь мы все соединимся там, заживем одной жизнью, одной родной семьей вокруг Него...

На земле я одинок, но на небе меня ожидают любящие меня.

И теплее, и отраднее стало у меня на сердце. Тогда «смирившись души моей тревогой, и разошлись морщины на челе». Да, где бы ни послал мне Бог кончину, «в бою ли, в странствии, в волнах», — пламенно верую, что это лишь шаг к вечной, светлой и радостной жизни. Христос воскрес, и смерти уже более нет. Она уничтожена. Она — временный сон, подобный зимнему сну природы. Но, как теперь весной все ожило и зазеленело, так оживем и мы.

В небесах я вижу не бездушный синий свод, а Бога всемогущего, любвеобильного и молюсь Ему:

«Со святыми упокой, Христе, души усопших раб Твоих, наших героев самоотверженной любви, воинов; упокой и воина Церкви Твоей отца Дмитрия, и всех тех, кто так или иначе служил Тебе и людям-братьям на всех поприщах жизни!»

Из моих воспоминаний¹

Посвящается братству Шереметевского храма

То было несколько лет тому назад в Сочельник. Наступал Рождественский вечер. Мы с Михаилом Всеволодовичем спешили ко всенощной в Шереметевский храм. Скрипели полозья извозчичьих саней на снегу. Было морозно, но не ветрено. Луна сияла и освещала своим тихим, бледно-голубым светом землю. Царило какое-то величавое спокойствие и тишина, они заполняли душу, и чудилось, что в эту ночь нечто особенно торжественное и таинственное должно совершаться на земле. В короткие мгновения многое вспомнилось и перечувствовалось; всколыхнулись воспоминания, пережитые с раннего детства; все, что переживалось в разные эпохи жизни в эту ночь, в этот праздник.

Тут были и картины раннего детства, елка, освещение восковыми свечами, запах хвои, радостные лица детей; и одновременно: темный иконостас полуосвещенного деревянного храма, красная штофная занавесь алтаря, рождественские песни: «Христос рождается, славите...», «Дева днесь Пресущественного рождает...» Праздничное настроение в доме среди слуг и родных. Священник пришел с крестом, звучит песнь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума...» А затем далее: монастырь, ночная, величавая, долгая служба, девяностолетний оптинский архимандрит в тяжелой, шитой золотом ризе и митре, древние иконы, древние напевы, батюшка старец Амвросий в своей маленькой келье, его светлое личико, его дрожащая благословляющая ручка, запах росного ладану, иконы по стенам... А там, еще позднее, я сам священник и архиерей... Успенский древний собор, дивное, ангельское пение Синодального хора, великолепный храм

¹ РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 3323, лл. 23–24.

Спасителя, необъятные толпы богомольцев. А вот и родной мне Богоявленский монастырь, мои духовные дети; как многие из них состарились, а я их помню еще почти детьми. Все вспомнилось, промелькнуло и... погасло...

Но вот мы въехали в ворота обширного двора. Величавый дворец Шереметевской больницы, в стиле ампира, высокий подъезд, белые конюшни, множество народа на ступенях огромного крыльца, а среди них на возвышении Екатерина Владимировна, вся в белом, залитая лунным голубым светом, лучезарная и радостная, как ангел с неба, ждет с ангельским приветствием: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...»

Распахнулись широкие входные врата. Море огня, беломраморный храм, духовенство встречает в золотых ризах, а с клироса несется гимн: «Рождество Твое, Христе Боже наш!..» Незабвенные минуты! Как много в них и духовной высшей красоты, и высшей духовной радости, и света! И как больно за тех, кто их не испытал и не может их понять! Бедна их безотрадная жизнь! И где, и в чем им найти верную радость и утешение, какие не покидали бы их во время горестей и страданий, неизбежных в жизни?

Благодарю же Тебя, Боже мой, за себя и за всех моих духовных детей, за то, что Ты дал нам понять и почувствовать сердцем и душой великие ангельские слова: «Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение...»

1931, 17/4 ст. стиля, октябрь. День памяти свт. Гурия и Варсонофия.

ПИСЬМА,
СТИХИ,
МОЛИТВЫ,
АКАФИСТ

ПИСЬМА

К. Н. Леонтьеву¹

1.

Его Высокоблагородию Константину Николаевичу Леонтьеву от иер[омонаха] Трифона.

Спешу, спешу, смотрите, как спешу!
Быстрой стрелы с татарского лука!

(Шекспир) I. Т.

Феодору Павловичу мой сердечный поклон и поздравление с Праздником.

2.

Троице-Сергиева лавра. Духовная академия

Христос воскрес!

Возлюбленный и многоуважаемый Константин Николаевич!

Искренно желаю Вам и молитвенно прошу у Господа встретить и провести Светлые Дни в добром здоровье, радостно и мирно. Прошу передать мое поздравление Елизавете Павловне, а также всем Вашим домочадцам.

Я теперь засел в Академии и в Москве был только один раз, поэтому решительно ни с кем, кроме родных, не виделся. Очень боюсь за экзамены, многое позабыто, а многое и совсем незнакомо; а провалиться или быть принятым только из милосердия и из уважения к моей старости и монашеству стыдно! Да и здоровье плоховато; нервы не совсем в порядке, так что я даже советовался с доктором, который нашел во мне множество болезней с самыми мудреными названиями — и в заключение

¹ РГАЛИ, ф. 290, оп. 2, ед. хр. 60. — 2 письма, 6 л.

Эти письма К. Н. Леонтьеву († 23 августа 1891 г.) написаны, очевидно, в 1891 году, когда иеромонах Трифон держал вступительные экзамены и начал учебу в Московской духовной академии.

объявил, что я неврастеник. Слово подозрительное, в роде *моветон*¹. «Хорошо еще если значит мошенник, а может, и хуже»... О. ректор² относится ко мне очень сердечно, истинно по-братски. По убеждениям он проповедник любви и большой поклонник Достоевского.

Здесь в Академии учится много духовенства белого и черного. Из белого самое интересное лицо — священник Толстой. Очень богатый и высшего придворного круга дворянин, кончил курс в Пажеском корпусе и был несколько лет офицером. Очень еще юн, красив и чрезвычайно симпатичен. Глубоко верующий, но с некоторым пристрастием к католичеству³. Я его все убеждаю летом ехать в Оптину и побеседовать со старцем. Пока до свидания, прошу простить несколько легкомысленный тон письма. Не забывают искренно почитающего и любящего Вас многогрешного богомольца Вашего, недостойного иер. Трифона.

Простите, Бога ради, за кляксы и в знак прощения ответьте поскорее.

3.

22 мая [1891 года]. Духовная академия

Дорогой и многоуважаемый Константин Николаевич!
Воистину Воскресе Христос!

Очень и очень благодарю Вас за Ваше милое письмо, от него мне повеяло **нашим**⁴ оптинским духом; мне вспомнились наши тихие зимние беседы и опять неудержимо повлекло обратно в Оптину, и надеюсь, с Божией помощью, как-нибудь осуществить это намерение; надеюсь даже захватить кое-кого из нашей академической братии; даже убеждаю о. ректора побывать в Оптиной, хотя на короткое время, и, может быть, мне и удастся склонить его к этому; впрочем, человек предполагает, а Бог располагает. Сегодня для меня знаменательно. Я в первый раз публично проповедовал перед

¹ Моветон — человек дурного поведения, невоспитанный (*франц.*).

² Ректором Московской духовной академии в то время (1890–1895 гг.) был архимандрит Антоний (Храповицкий), впоследствии митрополит.

³ Священник Николай Толстой впоследствии перешел в униатство.

⁴ Здесь и далее в письмах и воспоминаниях подчеркивания авторские.

многочисленной публикой и имел большой успех. Я Вам это **откровенно**, по-дружески говорю. Разумеется, я мог бы не хуже о.о. Н., Л. и др. смиренно пролепетать: простите, Христа ради, по немощи имел... какие есть немощные — одобряли, и т. д. Но Вам я прямо говорю: да, я имел **большой** успех, многие во время моей проповеди плакали; меня провозгласили талантом — и мне это **очень** приятно. Ура!!!!..

Проповедь, разумеется, моего собственного сочинения; я над ней сидел целую неделю; тема — о терпении.

Из бравурного тона перехожу в минорный. Откуда явился слух, что я писал о. Никону, я в Оптину написал следующие письма: старцу, о. архимандриту, Вам, о. Герасиму, о. Иову и о. Павлу. О. Никону я просил в письме к о. Герасиму засвидетельствовать свое почтение. Я слышал сегодня от одной монахини, что ходят слухи, будто ему дают наперсный крест и делают игуменом. Если это правда, то поздравьте его от меня.

Искренно благодарю за статью, прочел с большим удовольствием.

Всей о Христе братии поющей, вопиющей, взывающей и глаголющей у Вас на всенощных: о. Леонтию, о. Константину, брату Ивану, Тимофею и прочим — мой сердечный поклон и искреннее желание как можно скорее «все получить» — а что это значит по-монашески, разумеется, и Вы, и они знают.

Феодору Павловичу искренняя благодарность за приписку и столь же искреннее и в грешных моих молитвах выраженное желание: всего, всего хорошего, доброго и полезного.

Елизавете Павловне свидетельствую свое уважение, а домочадцам мой поклон.

Прошу не забывать и извинить мальчишеский тон письма искренно Вас любящему и уважающему **очень** грешному иер. Трифону.

Епископу Арсению (Стадницкому)¹

1.

Ваше преосвященство, возлюбленнейший Владыко и (смею ли Вас так называть?) [...]!²

¹ ГАРФ, ф. 550, оп. 1, ед. хр. 534, лл. 1, 2–2 об., 5–5 об.

² Неразборчиво одно слово.

Вчера в 5 часов вечера явился помощник инспектора Московской семинарии и потребовал меня сегодня в 6 часов вечера в Москву для приема семинарии, вследствие словесного распоряжения митрополита. Таким образом, совершится нечто невиданное: приму Московскую семинарию, не сдав еще Вифанской! Указ о моем назначении пришел тоже вчера вечером! Полагаю вернуться 30-го вечером обратно и пробыть до 2-го; посему всюнощную я у вас служить не могу, а к обедне являюсь. Будьте добры, лишь назовите час, уведомив меня о нем письменно — с сим посланием.

Пожелайте¹ мне благополучно принять Московскую семинарию и не забудьте помолиться о грешном Вашем богомольце и смиренном послушнике, убогом Трифоне.

29-го сен[тября] 1899 г., 5 час[ов] утра

2.

Ваше преосвященство, дорогой и сердечнотимый Владыко! Сердечно благодарю Вас за присланный Вами подарок: Вашу докторскую диссертацию. Книга написана таким живым и ярким языком, что даже моя мать читает ее с интересом.

Вместе с этим приношу Вам мое поздравление с возведением на ученую степень доктора.

Крайне сожалею, что минувшим летом не пришлось мне Вас посетить и откровенно и дружески с Вами побеседовать о многом. Мечтаю, что Господь исполнит в недалеком будущем это мое желание.

Если Вас не затруднит, напишите мне, пожалуйста, в каком положении Вы нашли Спасо-Елеазаров монастырь; я там гостил в годы моей юности, когда настоятелем там был игумен Сергей (Турбин).

В числе братии Вашего архиерейского дома находится иеромонах Серапион, бывший Оптинский послушник, а затем постриженник того же Спасо-Елеазарова монастыря. Кланяюсь ему.

Моя мать свидетельствует Вам самый сердечный привет и просит Вашего благословения.

Прошу Ваших святых молитв.

¹ Это слово не вполне разборчиво.

Искренно любящий и почитающий Вас брат и грешный богомолец епископ Трифон.

27 ноября 1904 года. Москва, Богоявленский монастырь

Марии Николаевне Сумбатовой-Южиной¹

1.

В ранней моей молодости, так приблизительно до 20-летнего возраста, я очень увлекался театром и в домашних спектаклях несколько раз пробовал свои силы. Пробы эти были по большей части неудачны и потому, что амплуа я выбрал крайне неподходящее, ничего общего не могло быть между мною, маленьким, худеньким, сутуловатым юношей с очень неловкими манерами и всегда крайне плохо одетым [...] и ролями блестящих красавцев.

Восторгаясь Михаилом Аркадьевичем² на сцене, я по своей застенчивости, даже дикости, никогда не мечтал познакомиться с ним лично, но совершенно неожиданно для меня... получил эту великую тогда для меня радость. То было в Крыму, в Ялте, где он, уже безнадежно больной, лечился от чахотки; там же находился и мой больной астмой отец, а с ним, в качестве спутника, я.

Мой отец представил меня Михаилу Аркадьевичу, а я дрожащим от робости голосом просил позволения посетить его, на что тот очень любезно дал свое согласие...

Я, как очень многие застенчивые люди, робею малознакомого лица до тех пор, пока не уверюсь, что оно ко мне хорошо относится. Когда же я приду к этому убеждению, я делаюсь вполне откровенным и открываю все, что у меня на душе. Так и в моих отношениях с покойным — когда я увидел его сердечное расположение ко мне, я не без страха и трепета все-таки на его вопрос, какую я думаю избрать карьеру в жизни, открыл ему... что я избрал... иноческий путь и предполагаю

¹ Все помещенные ниже письма М. Н. Сумбатовой-Южиной, кроме первого (взятого из [54], ч. 1), хранятся в РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 3323, лл. 1–9 об., 11, 12, 14, 17, 18, 20, 21.

М. Н. Сумбатова-Южина (урожд. Корф) — супруга известного актера и драматурга Александра Ивановича Южина (Сумбатова, † 1927).

² М. А. Решимов — артист Малого театра.

в скором времени поступить послушником в Оптину пустынь, где в то время подвизался иеросхимонах Амвросий... Мне хотелось, говорил я, приняв пострижение и пробыв под руководством этого великого христианского психолога несколько лет, потом выйти, если Господу будет угодно, на служение братьям людям, особенно всем скорбным, страдающим, нуждающимся в духовной поддержке. Я не без основания заметил, что открыл ему это не без страха и трепета, потому что до этого времени, кому я ни открывал свое заветное желание, — все, за исключением моей матери, отнеслись к этому крайне неодобрительно; много всякого рода возражений, а иногда и укоризны, насмешек услышал я от своих товарищей, и от родных, и от того интеллигентного слоя общества, среди которого я находился. Не так отнесся ко мне мой дорогой Михаил Аркадьевич. Своей чуткой артистической душой он понял искренность моего призвания служить Господу, и, когда его супруга Вера Дмитриевна заметила, что она не понимает, как можно в такие молодые годы обрекать себя на такую безотрадную жизнь, он ей на это возразил: «Как ты не понимаешь, Вера Дмитриевна, что у князя горячее желание принять глубокое пострижение (надо было сказать «великое» пострижение, но в терминологии церковной он был весьма слаб), он хочет служить Богу и ближним, это высокое дело». Это было мое последнее свидание с ним, через несколько дней я уехал в Москву, а затем скоро поступил в монастырь. [...]

[1920-е]

2.

Глубоко чтимая и дорогая Мария Николаевна.

Сердечно благодарю Вас за поздравление с праздником. Взаимно поздравляю Вас и Лидию Николаевну¹. Мне теперь лучше. Сегодня у меня будет доктор, а завтра я свободен.

Соне приготовил в подарок куклу, [...й]², впрочем, ей не говорите.

Если возможно, пришлите книг.

¹ Л. Н. Ленская — сестра М. Н. Сумбатовой-Южиной.

² Неразборчиво одно слово.

Искренно Вас любящий и благодарный за участие ко мне грешному.

А[рхиепископ] Трифон.

1929, 27 дек[абря] / 1930, 9 янв[аря]

3.

Глубокопочитаемая Мария Николаевна.

Сейчас вернулся с кладбища Девичьего монастыря и **в восторге** от благоустройства и красоты могилы Александра Ивановича. Это — **лучшая** могила на всем кладбище! Честь Вам и слава за то, что так **трогательно** заботитесь о сохранении памяти любимого человека.

Господь да благословит Вас.

Сегодня вечером я дома, но не настаиваю на Вашем приезде, имея в виду хлопоты о 17-м числе.

Ваш искренний богомолец убогий и болящий старец

А[рхиепископ] Трифон.

15 авг[уста] 1930 г[ода]

4.

Глубокочитимая Мария Николаевна.

Мне бы все-таки хотелось совершить панихиду 17-го сентября, но скромную, тихую, **после** поздней обедни в храме «Взыскание погибших», как в Вашем приходском храме. Обедня кончается в 12 часов дня.

Ваш грешный богомолец а[рхиепископ] Трифон.

1930 г., 15 сент[ября]

5.

Сердечночитимая Мария Николаевна.

Воскресенье утром я был обрадован через своего извозчика известием об улучшении здоровья Екатерины Ивановны, но с этого времени не знаю, **как** теперь чувствует себя наша бедная страдальца. Сообщите, пожалуйста, или еще лучше **сами** пожалуйста ко мне — **одни** — сегодня или завтра. Молюсь и за нее и за Вас и призываю благословение Божие.

Ваш грешный богомолец а[рхиепископ] Трифон.

1931 г., 31 марта

6.

Глубокочтимая Мария Николаевна.

Я исполнил Ваше желание и написал свои воспоминания о Решимове. Завтра они будут переписаны и, если Вам угодно будет посетить меня, то я Вам их вручу. «Рампу и жизнь» больше не присылайте. Боюсь, что я перечитал всю Вашу театральную библиотеку; если что еще найдете, то пришлите, пожалуйста.

Если не можете завтра придти, то пожалуйста во **вторник**.

Господь да хранит Вас.

А[рхиепископ] Трифон.

10 мая [1931 года ?]

7.

Глубокочтимая Мария Николаевна.

Очень прошу Вас вручить подательнице **альбом** фототипий **Поссарта**. Возвращу его Вам в скором времени в целости.

Ваш искренний а[рхиепископ] Трифон.

1931 г. 15 июня

8.

Очень беспокоюсь, глубокочтимая Мария Николаевна, не видя Вас так давно. Говорят, что Вы ухаживаете за больной? Кто эта больная? Знаю ли я ее? Уж не Лидия ли Николаевна, сохрани Бог! На **этом** же письме напишите **два** слова: **кто** больная и долго ли **продолжится** Ваш подвиг. Молюсь за Вас.

Ваш дух. отец а[рхиепископ] Трифон.

1931 г., 21 июня

9.

Глубокочтимая Мария Николаевна.

Сегодня, в день Вашего Ангела, сердечно поздравляю Вас и молитвенно желаю доброго здоровья и того мира душевного, непоколебимого при всяких житейских тревоблениях, о котором некогда пели ангелы при рождении Христа Спасителя.

Ваши скорби и тревоги — мои скорби, а поэтому Вы можете верить искренности моих убогих и грешных молитв.

Все эти дни я служил и молился за Вас к преподобному Серафиму — печальнику о всех нас и пламенному ревнителю веры пророку Илии и Вашей святой, которой многое прощено, потому что она возлюбила много.

Жду Вас для душевной беседы. Теперь ищу [...]¹. Сегодня еду в Дорогомилово, где, говорят, есть подходящая квартира. Господь да хранит Вас!

Ваш искренний духовный отец старец убогий и грешный м[итрополит] Трифон.

1931 г., июля 22 / 4 августа

[На обороте:]

Мои службы:

9 авг. / 27 июля — ранняя обедня в Хлынове в 6 1/2 ч[асов] у[тра].

В этот же день вечером — всен. в 6 1/4 ч[асов] в[ечера] на Смоленском рынке, в храме Николы на Щепках.

10 авг. / 28 июля — обедня там же в 10 ч[асов] у[тра].

11 авг. / 29 июля — всен[очная] в храме Ивана Воина на Якиманке.

12 [авг.] / 30 [июля] — там же обедня в 10 час. утра.

10.

Глубокочтимая Мария Николаевна.

Очень давно не видел Вас. Как Ваше здоровье? Беспокоюсь.

Сегодня служу всенощную (в 7 часов в[ечера]), **завтра** — обедню в **10 час. у[тра]** — в Хлынове; **послезавтра** (воскресенье) — раннюю в 6 1/2 у[тра] — там же.

Завтра вечером свободен с 7 часов. Не зайдете ли?

Ваш дух. отец убогий м[итрополит] Трифон.

1931 г. 31 июля

11.

Дорогая Мария Николаевна.

Сообщаю Вам адрес Ивана Львовича Поливанова: Плющиха, Долгий переулок, дом 16, квартира № 11 (одиннадцать).

Ваш м[итрополит] Трифон.

1931 г. 26 октября

¹ Неразборчиво одно слово.

12.

Глубокочтимая и дорогая Мария Николаевна.

Только вчера я узнал, что Вы меня посетили 15 / 2 января. Очень и очень сожалею, что мне не дали знать о Вашем прибытии. Я, утомленный многими долгими службами, прилег отдохнуть и задремал. Настя в это время ушла домой, а хозяева не решились меня будить. Все это очень печально, тем более что достигнуть моего жилища при трамвайном многолюдстве — поистине подвиг!

Надеюсь только, что по своей доброте и снисхождению к моей немощи Вы простите мне мой невольный грех и все-таки не перестанете утешать меня своей беседой. Сегодня 17-ое — день Вашего очередного вечера. Желаю Вам полных успехов.

Господь да хранит Вас. Искренно любящий старец м[итрополит] Трифон.

1932 г., 17 / 4 января

13.

Глубокочтимая Мария Николаевна.

Сердечно поздравляю Вас с дорогой именинницей Лидией Николаевной. Очень прошу Вас передать ей мое искреннее приветствие с пожеланием молитвенным милости и помощи Божией. На этой неделе до четверга включительно служу в Хлынове. Храму этому опять угрожает закрытие. Так жалко!

Ваш богомолец, грешный м[итрополит] Трифон.

1932 г., 23 марта / 5 апреля

14.

Глубокочтимая и дорогая Мария Николаевна.

Сердечно поздравляю Вас с принятием Святых Христовых Таин и дорогой именинницей, которую поздравьте от моего лица и пожелайте доброго здоровья.

Посылаю просфору, вынутую за Ваше и ее здоровье и спасение.

Св. великомученица Екатерина да хранит Вас всех.

Любящий м[итрополит] Трифон.

1932 г., 7 дек[абря] (24 нояб[ря] с[т.] с[тиля])

15.

Глубокочтимая Мария Николаевна.

Вчера у меня была Лидия Николаевна. Я чувствовал себя настолько слабым, что лежал в постели и не мог ее принять. Вероятно, она этим очень огорчилась, а я обеспокоен. Будьте добры, извинитесь за меня, болящего и убогого старца. Когда поправлюсь, буду рад видеть и Ее и Вас.

Ваш богомолец м[итрополит] Трифон.

1932 г., 21 дек[абря]

16.

Воистину воскрес Христос!

Дорогая Мария Николаевна.

Сердце сердцу весть подает. Сегодня и вчера думал **усиленно** о Вас. Собрался сегодня послать пасхальное яичко и приветствие и — вдруг — получаю Ваше письмо. Сердечно благодарю и молюсь усердно. Я болею, перешел теперь на гомеопатию. Жду исцеления от небесного Врача. Да будет Его воля. Очень **хочу** Вас видеть, моя дорогая, думаю, что это можно устроить для Вас **удобно**. А **как** устроить — сообразит Саша.

Любящий старец м[итрополит] Трифон.

13 апреля 1934 г.

А. В. Неждановой¹

1.

6 мая 1933 года

Глубокоуважаемая Антонина Васильевна.

Приношу Вам сердечное и искреннее поздравление с исполнившейся 30-летней годовщиной Вашего славного служения родному искусству.

Усердно молю Господа, да дарует Он Вам еще долгие и долгие годы на радость всех, почитающих и любящих Вас. Сегодня особенно живо вспоминается мне мое знакомство с Вами,

¹ А. В. Нежданова — выдающаяся русская певица, артистка Большого театра († 1950).

начавшееся с духовных концертов Елизаветинского общества в консерватории, где я впервые услышал Ваше дивное пение, и продолжившееся в Никитском монастыре и Шереметевском храме. Страстная седмица... Прославление страданий Спасителя, общая исповедь, причащение Святых Христовых Таин... Умилительное восторженное состояние духа, горячая общая молитва, а иногда и горячие слезы.

Но особенно ясно рисуется мне лучезарно-светлый праздник Святой Пасхи в Шереметевском храме: много света, много радости среди богомольцев, а с клироса несется Ваш вдохновенный голос, торжественно воспевающий Воскресшего Спасителя, Его Пречистую Матерь: «Ангел вопияше Благодатней: чистая Дево, радуйся...»

И вот мне хочется в эти дни Пятидесятницы, когда еще не смолкли в храмах пасхальные песни, на память этого незабвенного времени преподнести Вам скромное пасхальное яичко и от всей души и сердца приветствовать Вас радостным приветом: «Христос Воскресе!» Да воскресает непрестанно в Вашей душе, дорогая Антонина Васильевна, мир, радость и благодатный свет!

Ваш грешный духовный отец и богомолец, убогий старец митрополит Трифон.

Семье Федуловых и другим духовным детям¹

1.

30 июня (н. с.) 1930 года

Дорогой Коля, милый мой сынок, мой верный, искренний друг. Очень и очень был рад получить сегодня твое письмо. Не медлю ответом, чтобы поблагодарить тебя за него, за то,

¹ В помещенных ниже письмах упоминаются: Павел Павлович († 1938) и Иван Павлович Федуловы († 13 марта 1934) — родные братья, купцы, переехавшие в Москву из Кашина; супруга Павла Павловича — Варвара Тимофеевна (урожд. Злобина, 1883(?)–1972), детей у них не было; ее незамужняя сестра Мария Тимофеевна Злобина (1903–1985). Супруга Ивана Павловича — Евдокия Павловна († 1974); у них было 6 детей: Мария (1905–1992), Николай (1906–1961), Алексей (1910, погиб в Великую Отечественную войну), Ольга (1914–1998) Сергей (1916, погиб в Великую Отечественную войну), Валентина (1922 г. р.).

что ты не забываешь меня, старого и болящего, искренно и сердечно тебя любящего. Как раз в вечер, когда я получил письмо, собрались все мои друзья (в том числе и Маруся Злобина¹, пришедшая проститься со мной перед отъездом в деревню). Все тебе кланяются и сожалеют о твоём отсутствии, а больше всех я. Недостает мне моего милого друга, которого я привык видеть в течение долгих прожитых лет, от дней твоего раннего детства, ещё совсем маленьким ребёнком!

Твое интересное письмо с таким поэтическим описанием степи, этого беспредельного пространства, где свободно дышит грудь, где легко и отрадно чувствует себя человек, как бы отрешась от всех несносных пут и условностей городской жизни, мне напомнило и мое пребывание на юге когда-то очень давно и всколыхнуло много светлых и сладких впечатлений в моей душе²! А твоё описание укулов, уже вовсе не сладких, комаров напомнило мне, как и я и мой брат Дмитрий Петрович были в Афинах также искусаны этими несносными насекомыми (москитами; вероятно, и у Вас тоже свирепствуют их разновидности). Мы даже испугались, опасаясь заражения какой-либо болезнью, и призывали доктора. От них надо чем-нибудь себя окуривать, а главное, спать под пологом, что крайне неприятно: душно и жарко. Да, это большое горе на юге.

Что сказать тебе о моем житии?

По-прежнему довольно часто служу, но уже нередко без участия Михаила Всеволодовича (Штурма), которого с биржи назначили на службу в «Трансстрой», если не ошибаюсь, счетчиком: служба довольно утомительная (8 часов) и оплачивается (60 руб. в месяц). Он скорбит, кричит, но делать нечего! Обхожусь без него благодаря Ване, который очень аккуратно ездит с дачи на всякое мое служение, иногда участвует и Федя, а большей частью — Алеша пососаник. Старицы

¹ Среди духовных детей владыки Трифона было много Марий: Мария Тимофеевна Злобина; ее племянница Мария Ивановна Федулова; Мария Артемьевна Егорова, племянница тети Насти, помогавшей Владыке по хозяйству...

² В 1930 г. Николай Иванович Федулов, почвовед по профессии, был в командировке на Кавказе.

мои болеют. Недавно мать Пантелеимона чуть не умерла, отравившись рыбой, насилу ее выходили, хотя она очень изменилась, ослабела и потеряла, так сказать, весь свой форс! Анна Иларионовна тоже очень слаба, и я ее с Любовью Васильевной часто причащаю. Епископ Арсений¹, как тебе, кажется, известно, переоделся в светское платье, не служит, занимается литературными трудами и меня не посещает. Вероятно, стесняется своего костюма. Молодежь обоего пола процветает, хотя тоже не без скорбей. У Любочки в семействе случилось большое горе, но, слава Богу, все окончилось благополучно, одной тревогой. Если ты вздумаешь меня обрадовать своим письмом, пиши прямо Михаилу Всеволодовичу. Без приписки для меня.

Раздался звонок! Это принес Павел Павлович твой адрес. Павел Павлович просит тебе поклониться от него, он сидит и ждет, когда я кончу писать, чтобы немедленно сдать на почту.

Пишу не заказным, надеясь, что дойдет. В годовщину хиротонии служу в Хлынове и особенно усердно помолюсь за тебя, мой дорогой, мой милый, да подаст тебе Господь молитвами святого мученика Трифона всего доброго и сохранит от всяких скорбей.

Любящий и помнящий а[рхиепископ] Трифон.

2.

6 ноября 1930 года

Дорогой мой Павел Павлович!

Сердечно и искренно поздравляю Вас, Варвару Тимофеевну и все Ваше семейство с днем Вашего Ангела и молитвенно

¹ Арсений (Денисов), епископ Каширский, викарий Московской епархии. Окончил Московский университет. В 1910-е гг. был помощником синодального ризничего, с мая 1914 г. — синодальным ризничим в сане архимандрита. С сентября 1927 г. — епископ Марийский, викарий Нижегородской епархии; с 1928 г. — епископ Ефремовский, викарий Тульской епархии; с марта 1931 г. — епископ Каширский, с декабря 1931 г. епархией не управлял. Дата смерти неизвестна. Известный духовный писатель; среди его многочисленных изданий: Житие преподобного Серафима Саровского (М., 1904); Жизнь святого великомученика Пантелеимона (1909); Православные монастыри Российской Империи (1908) и мн. др.

желаю Вам не только здоровья тела, а, главным образом, спокойствия и равновесия духа для прохождения тяжелой, многострадальной жизни и всяческих испытаний и скорбей, выпавших на Вашу долю.

Господь видит чистоту Вашей души и совести и, несомненно, ведет Вас этим тернистым путем к вечному блаженству, а нам, Вас любящим, остается только просить Его милосердие о том, чтобы Он давал Вам силы и бодрость духа и вместе со скорбями посылал Вам возможно чаще и свое божественное утешение и радость.

Искренне и горячо любящий и уважающий Вас дух[овный] отец Ваш а[рхиепископ] Трифон.

3.

17 / 4 июля [б. г.]

Дорогие мои дети Мария и Коля!

Очень был обрадован вашим письмом. Оно так прекрасно написано, что я пришел в умиление и вчера особенно усердно помолился за Вас.

Надеюсь, что вы вовсю пользуетесь деревенским привольем: гуляете, купаетесь, пьете молоко, собираете ягоды и грибы. А мы, бедные, обитая в городе, живем в куче, за оградой, не дышим утренней прохладой, ни внешним запахом лугов, как говорил Пушкин. Часто служу, довольно часто выдаюсь с Марусей — были в Симоновом монастыре, Донском. На 1-е июля торжественно служил у Космы и Дамиана на Маросейке. По возвращении домой нашел свою комнату всю украшенную цветами, даже кресла были увиты гирляндами из живой зелени, даже пол был покрыт цветочным ковром. Все это смастерили Маруся и Анна Ивановна, убежав из церкви. Очень это было трогательно! Вечером они и много других моих чад духовных пили у меня чай и приятно беседовали до позднего вечера. Завтра, на Сергиев день, служу в Никитском монастыре. Передайте мой привет мамаше, Варваре Тимофеевне, братьям и сестрам и всем родным и знакомым.

Господь да хранит Вас.

Искренне любящий а[рхиепископ] Трифон.

4.

10 / 23 февраля 1931 года

Дорогая Маруся!

Не имея возможности поздравить лично дорогих именинницу и именинника, очень прошу тебя принести им всем мои искренние поздравления с пожеланиями доброго здоровья и мира душевного. Вале и Алеше скажи, что за мной не пропадет подарочек, но теперь мне нет времени его приобрести. Марии же скажи, что молюсь за нее сугубо и вместе с ней поздравляю и ее супруга, и милого Борю, которому желаю от всей души доброго здоровья. О всех вас молюсь и буду молиться.

Искренне любящий а[рхиепископ] Трифон.

5.

Вторник, 20 июля / 2 августа [б. г.], 6 часов

Дорогая Маруся!

Сердечно и искренно поздравляю тебя с днем Ангела. Молюсь горячо за тебя и желаю молитвенно доброго здоровья и бодрости душевной, то есть именно того, чего сам лишен: и здоровье плоховато (одолели последние дни старческие недуги), и бодрости мало. Последней недостает по обстоятельствам: меня опять беспокоят с квартирой; у хозяев отнимают комнату, где я живу, и меня тянут к допросу в Домком. Видно, и отсюда придется уезжать, и обидно, и очень затруднительно найти какое-то удобное помещение. В настоящий момент у меня сидят в комнате: Коля, Миша и Александр Август[ович], приглашенные мною перетаскивать тяжелый диван ко мне в комнату. Сегодня служил на Пятницкой, а в день твоих именин пойду к обедне помолиться за тебя и причастить Анну Иларионовну. Все наши близкие просили передать тебе свое искреннее поздравление, в них же одни из первых: Настя и Маня (Русинова). Сейчас принесли самовар, а затем примемся за диван. Господь да хранит тебя!

Варвару Тимофеевну и всех близких твоих приветствую с дорогой именинницей.

Искренне любящий тебя духовный отец а[рхиепископ] Трифон.

6.

3 февраля 1931 года

Дорогая моя духовная дочь Анюта!

Сегодня, в день твоего Ангела, вспоминая все то добро, которое ты мне делаешь, я усердно и горячо молю Господа и св. праведную Анну, да даруется тебе здравие, спасение и во всех благое поспешение.

Да укрепляются твои силы для прохождения тяжкого жизненного пути на долгие и долгие годы на радость искренно тебя любящих: Анастасии Егоровны (тети Насти), м. Пантелеимоны, и грешного старца твоего духовного отца [архиепископа] Трифона.

Прими сию малую икону в благословение от меня, а также некое сладкое утешение для услаждения житейской [горечи¹].

7.

21 июня 1931 года

Сердечно благодарю, дорогой мой Коля, за твое поздравление. Я получил его как раз вовремя. На этот раз моя годовщина праздновалась особенно тепло. Монашенки откуда-то достали целую корзину цветов, а Федя с некоторыми сотрудниками целую ночь не спали, устраивая из цветов ковер во всю длину храма. К моему удивлению, прибыли с дачи, да еще пешком и под проливным дождем протодьякон Михайлов и Солнцев, и они общими силами устроили такое торжественное служение, какие редко совершаются, ибо все было совершенно только по любви ко мне и поэтому отличалось особенным одушевлением и теплотой, каких за деньги не купишь. Говорилось много речей и духовенством, и прихожанами, и монашенками, много было слез радостных и печальных, ибо думалось иным, что на будущий год, может быть, не будет в живых старого и больного юбиляра!

Да, здоровье мое очень неважное; в последнее время участилось головокружение. Приглашал доктора, советует ехать в деревню на свежий воздух. Но куда ехать? На несколько дней можно отправиться к игуменье на Лобню, а на долгий

¹ Неразборчиво одно слово, м. б., — горечи.

срок некуда. Получил несколько поздравительных писем от Маруси Злобиной, Верочки Келаревой, отца Митрофана, а одно даже из Владивостока от одного священника, моего ставленника и ученика. Жизнь всех моих друзей течет по-прежнему: между работой посещают мои службы, а иногда и меня в моем уединении. Хотя, надо сказать, теперь меня посещают реже, чем прежде, вследствие слабости моего здоровья. Михаил Всеволодович все на службе. Привыкает понемногу, хотя худеет и слабеет. Настя трудится во всю мочь, чтобы меня покормить из всяких скудных припасов.

Постепенно сокращаются дни нашей разлуки, и наступит, наконец, день, когда я снова увижу моего дорогого, верного друга и сына, а пока прими от меня самую сердечную и искреннюю благодарность за твои милые строки. Ценю твои чувства, глубоко ими тронут, переживаю вместе с тобой все твои скорби и молю Бога, да даст он тебе и свет, и радость, и душевный мир.

Любящий а[рхиепископ] Трифон.

8.

18 июля 1931 года

Дорогой Коля!

Из всех многочисленных приветствий, полученных в мою годовщину¹, самое лучшее, самое сердечное и трогательное было твое. Я его читал и перечитывал много раз и даже всплакнул. Спасибо тебе, милый мой сыночек и друг!!!

Все меня поздравили, блистали своим отсутствием только ... Сергей Николаевич и его сын Виктор!!! Ни привета, ни присутствия! Почему — не знаю. Может быть, были серьезные основания, а пока меня это огорчает.

Синод меня возвел в сан митрополита с правом ношения белого клобука и креста на митре. Сего я менее всего ожидал.

Теперь главная моя скорбь — лишение комнаты, ибо мне отказали в квартире. Найти в Москве комнату очень трудно, почти невозможно, переехать в другой город крайне тяжело и по здоровью, и по условиям моей жизни.

¹ Архиерейской хиротонии.

Что делать! Да будет воля Божья! Господь да хранит тебя. Искренне и горячо любящий митрополит Трифон.

9.

3 февраля 1933 года

Дорогая Анюта!

Сегодня в день твоего Ангела поздравляю тебя, вспоминая твою долголетнюю усердную помощь мне, грешному. Я молитвенно желаю тебе долгих лет, доброго здоровья и мира душевного. Пусть благодатная сила святой праведной Анны сопровождает тебя все дни жизни твоей купно с родным нашим святым Владимиром, которою иконой тебя благословляю.

Господь же Спаситель наш да сохранит нас от всякого зла: и тебя, и меня, твоего духовного отца, любящего старца.

Митрополит Трифон.

10.

6 / 19 ноября 1932 года

Сердечно поздравляю Вас, любимый, дорогой, старинный и верный друг, мой сын духовный Павел Павлович!

От искреннего сердца поздравляю Вас с днем Ангела, а дорогую Варвару Тимофеевну и все милое Ваше семейство с именинником.

Сожалею, что не мог сегодня служить. Но в тиши моей кельи молитвенно вспомнул Вас, и в храме при моих служениях всегда вспоминаю. 21 и 22 ноября (18 и 9 ст. стиля) буду совершать литургии на Щепях и на Полянке и просить Богоматерь и архангелов даровать Вам бодрость сил, душевного спокойствия и во всем благополучия. И твердо верю я, что жар молитвенных желаний добра другим доходит ввысь, мои молитвы не пропадут в воздушном океане, но с именем твоим до Бога донеслись.

Один из небесных покровителей вашего храма¹ — св. Василий Великий. Пусть же он вкупе с Григорием Богословом

¹ Павел Павлович Федулов жил с супругой Варварой Тимофеевной (детей у них не было) недалеко от храма Живоначальной Троицы в Серебряниках, с приделами свт. Василия Великого и Казанской иконы Божией

и Иоанном Златоустом охраняют вас всех своим молитвенным покровом.

Любящий и благодарный навсегда, убогий и болящий старец митрополит Трифон.

11.

19 / 6 ноября 1933 года

Сердечно любимый Павел Павлович!

От всей души поздравляю Вас с днем Ангела и молитвенно желаю доброго здоровья и мира душевного.

Молюсь за Вас дома, в своей келье, а в церкви буду молиться в воскресенье 26 ноября н. стилия (13 ст. стилия) в храме св. Иоанна Предтечи на [З...]¹; служу обедню в 10 часов утра. Очень просили там отслужить. Не знаю только, позволит ли здоровье. Чувствую себя очень неважно. Гомеопатия не помогает, и приступы желудочно-кишечных болей случаются все чаще и чаще.

Барвару Тимофеевну и всех близких сердечно поздравляю с дорогим именинником.

Господь да хранит Вас.

Любящий старец митрополит Трифон.

Матери, в Серебряническом переулке, д. 2/5. В этой же квартире, превращенной в то время в «коммуналку», жила и большая семья Ивана Павловича Федулова. В 1929 г. владыка Трифон пять месяцев жил в этой квартире (Павел Павлович и Варвара Тимофеевна уступили ему свою комнату, а сами ушли в соседний 4-й дом, где жили сестры и мать В. Т.). Тогда Троицкий храм был уже закрыт, и Владыка часто исповедовал в помещении под храмом.

¹ Неразборчиво одно слово; очевидно, на Земляном валу. Храм Усекновения главы Иоанна Предтечи в Казенной слободе (на углу ул. Покровки и Земляного вала), XVII в., разрушен в 1930 или 1935 г.; колокольня постройки 1770–1772 гг. сохранилась.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Цветок от бедного сердца мученику Трифону

В мучительных страданиях, умирая,
Не о себе, святой, ты Господа молил,
О нет, о людях ты, изнемогая,
С последним вздыханием Христа просил:

«Спаситель мой, мой Бог любви, к Тебе взываю.
Услышь мою последнюю к Тебе мольбу:
Кто с верой воззовет ко мне: «Страдаю,
Не в силах больше я вести со злом борьбу.

Болезнь меня постигла, горе злое,
Со всех сторон грозят мне страшные враги,
Спаси ж меня, угодник Божий, во благое
Все злое обрати. Ты добр, мне помоги.

Пусть да услышана молитва будет
Тобою, Господи, и скорбь их вся пройдет.
И мир тогда мой подвиг не забудет,
И всякий скорбный, плачущий ко мне придет».

И услышал Господь молитву эту —
Сей храм свидетелем святых Его чудес —
Вещает он повсюду, всему свету,
Что имя Трифона доходит до небес.

И ныне, в день святых его страданий,
К тебе, о святче Божий Трифоне, зовем:
Спаси скорбящих нас от всех терзаний,
Да непрестанно мы тебе хвалу поем.

февраля 1925 года

Песнь Иосифа¹

Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно,
Исполнен мир Его чудес
И славы несказанной.

Хвалите сонм бесплотных сил
И ангельские лики,
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.

Хвалите Господа с небес,
Холмы, утесы, горы.
Осанна! Смерти страх исчез,
Светлеют наши взоры.

Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный,
Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадёжный.

Хвалите Господа с небес
И славьте, человеки,
Христос Воскрес! Христос Воскрес!
И смерть поправ навеки.

Утоли моя печали

Словно тучи день весенний,
Скорби жизнь мне омрачали,
Пресвятая Богоматерь, утоли моя печали.

Верить жаждал я — и верил,
Но сомненья дух смущали.
Пресвятая Богоматерь, утоли моя печали.

Я мечтой стремился к небу —
В сердце страсти закипали.
Пресвятая Богоматерь, утоли моя печали.

¹ Ср.: Пс. 148.

Я объят тяжелой думой
О грядущей темной дали...
Пресвятая Богоматерь, утоли моя печали.

Чтобы скорби, словно тучи,
Вечер мой не омрачали,
Пресвятая Богоматерь, утоли моя печали.

Памяти патриарха

И нет его, кто целых восемь лет
Стоял на страже Церкви Православной,
Кто охранял ее в годину тяжких бед
От смуты внутренней в борьбе неравной.

Жил патриарх, и мы спокойны были,
Что святость веры строго сохраним.
Мы верили ему, его высоко чтили,
Благословение Собора было с ним.

Но час пробил, и мы осиротели,
Святейший от трудов своих почил.
Уста сомкнуты, очи потускнели,
И голос смолк, что правде нас учил.

Рука, благословящая с любовью
Несчетно раз нас знаменьем Креста,
Недвижимо лежит, не греемая кровью,
И скорбных чад к ней льнут горячие уста.

Окончен славный путь Христовой жизни,
Духовных подвигов, святительских трудов.
И новый гражданин превыспренней Отчизны
Вступил в ряды борцов.

Склонись пред памятью его священной,
Кому Святая Церковь — мать,
И научись, примером вдохновенный,
За святость веры до конца стоять.

[1925 год, апрель]

Николаю Семеновичу Голованову¹

Я помню ясный день, то день святой был Пасхи.
Дыханьем солнечным весенней, теплой ласки
Был воздух свежий, чистый напоен.
Гремел по всей Москве церковный звон.

Холодные, жестокие сердца смягчая,
И свет, и радость в души всех людей вливая,
Торжественно-победно он вещал:
Христос Воскрес! Из гроба мертвых встал!

И в этот светлый день Христова Воскресенья
Огнями весь сиял наш древний храм Успенья.
Молился там святителей собор,
И с ним сливался сладкогласный хор.

¹ Николай Семенович Голованов († 28 августа 1953) — известный композитор и пианист, постоянный аккомпаниатор А. В. Неждановой; до 1917 г. — помощник регента Московского Синодального хора, с 1914 г. — дирижер Большого театра. В течение всей своей жизни, включая годы гонений на веру, Николай Семенович сохранял верность православным устоям, в которых был воспитан. Бескомпромиссность и независимость от официальных установок создавали значительные трудности в его деятельности в годы советской власти (его трижды увольняли из Большого театра). Н. С. Голованов знал митрополита Трифона с того времени, когда учился в Синодальном училище и участвовал певчим в торжественных службах в Успенском соборе Московского Кремля.

В архиве композитора хранится письмо митрополита Трифона, датированное 18 февраля 1930 г. В нем святитель пишет: «Время от времени я получаю от Вас очень полезные для меня подарки. Сердечно и глубоко благодарен Вам. Желая, чтобы Вы хоть что-нибудь имели от меня на память, прошу Вас принять благосклонно мой скромный стихотворный дар. Он лишен литературных достоинств, и его единственное качество — искренность» (ГЦММК им. М. И. Глинки, ф. 468, ед. хр. 4392, л. 22 об.; цит. по готовящейся к изданию статье канд. искусствоведения О. И. Захаровой «Н. С. Голованов: устои творчества и жизни»). При этом прилагалось помещаемое ниже стихотворение (оно опубликовано в кн.: Русская духовная музыка в документах и материалах: в 4 т. / сост. С. Г. Зверева, А. А. Наумов, М. П. Рахманова. М., 1998. Т. 1: Синодальный хор и училище церковного пения. С. 560–561). За год до своей смерти Н. С. Голованов написал песнопение с посвящением «Святителю Трифону», которое явилось как бы ответом композитора на это стихотворение.

И пред открытым алтарем, как перед Богом,
Молился весь народ, склонясь в молчаньи строгом.
И чувствовал, что он не одинок,
Что с ним всегда его Воскресший Бог.

Но вот: три отрока в блистании одежды
Воспели песнь любви, и веры, и надежды.
От них один отличен был во всем:
И голосом, и пения огнем.

Казалось, Господа он зрел душою чистой,
И сладостен его был голос серебристый,
И чудилось — молитвы те неслись
К Престолу Божьему, на небо, ввысь.

«Вонми, — он пел, —
вонми, Создатель, пламенной молитве
И помощи нам всем в житейской страшной битве.
О, воскресни, обрадуй нас людей.
Нам тяжело под бременем скорбей».

И видел я тогда духовными очами,
Что ясно над челом его сверкал огнями,
Как яркая звезда, — призванья луч
Из-за житейских горьких, мрачных туч.

И в нем я не ошибся. Проходили годы.
В работе и трудах, терпя порой невзгоды,
Блестящим он талантом возрастал
И музыкой Европу восхищал.

Хотя пред гением его склонялись главы,
Не возгордился духом. В блеске шумной славы
Он сохранил всю веру детских лет,
И не считаясь с тем, что скажет свет.

Во всякой смене убегающих мгновений
Все помнит он напевы древних песнопений
И ранней юности своих друзей,
Стараясь снять с них бремя их скорбей.

Давно когда-то с ним сливался я в молитве,
И вот теперь в житейской грозной битве
Он, помня дни родного далека,
Не позабыл больного старика.

И с благодарностью за помощь и участие
Молю я Господа, да даст ему Он счастье,
Чтобы не пал в борьбе со злой судьбой
Своею верой огражден святой.

1 февраля 1930 года

На память о наших молитвах в Шереметевском храме

Марии Зиновьевой

Когда ты молишься с лицом, слезой облитым,
С младенцем сыном на руках,
О всем тобой давно прожитом:
Нужде, скорбях, трудах,

Сестра моя, сестра моя родная!
Мне хочется тогда тебе сказать:
У сердца твоего — вот ноша дорогая.
О, не скорби, о, не тужи, не плачь!

Смотри, как светел лик его, как ясен взор очей,
Когда с улыбкой ангельской вкушает он причастье,
И верится тогда, что он душе твоей
Приносит с неба мир, любовь и счастье.

Молись, дитя, молись о матери родной.
В нужде она жила, и ей одна отрада —
Малютка Витенька, сыночек дорогой.
Тобой она живет, тебя любить услада.

1923 год, 7 июля, Голицыно

Д. П. Т.¹

Мой милый брат, с тобой вся жизнь моя прошла,
Ты знаешь все мои и муки, и терзанья,
И то, чем жизнь была, хотя на миг, жива,
И то, в чем боль была несносного страданья.

Увидимся с тобой мы в жизни сей иль нет?
Сегодня, может быть, последний день свиданья...
Как знать? Но для меня погас надежды свет,
Нет радостной мечты, как нет и ожиданья.

Да, знаю, как горька была твоя судьба,
Как мучил рок тебя всевластный, беспощадный,
Как тяжела была с нуждою злой борьба,
Как изнемог, устал ты в жизни безотрадной...

Вот почему тебя всегда я видеть рад,
Вот почему душой с тобою я сроднился, —
Ты в жизни был мне друг, по горестям собрат,
В твоих речах мой дух окреп и оживился.

Теперь ты далеко, и снова я один,
В ночной тиши тебе пишу сие посланье,
И тихо, как змея, вползает в душу сплин,
И кажется, как сон, прошло наше свиданье...

31 июля 1929 года, 2 ч. 30 м. ночи

Что у Бога прошу и молю

В день святой Ангела шлю вам привет.
Здоровья желаю, счастливейших лет.
Но мои доченьки, радость желанная,
Счастье житейское — счастье обманное.

¹ Дмитрию Петровичу Туркестанову, брату митрополита Трифона. Д. П. Туркестанов род. в 1869 г., окончил Тверское кавалерийское училище, с 1909 г. в отставке. Дата кончины неизвестна.

Нынче веселье, а завтра печаль,
А впереди — непроглядная даль!
Счастья иного и Богу любезного:
Веры горячей, моления слезного,

В горести мужества, в счастье смирения,
К людям любви, к их грехам снисхождения, —
Вот что у Бога прошу и молю
Всем, кто мне дорог, кого я люблю.

Молитва¹

Я не прошу Тебя, Владыко всей вселенной,
Счастливых и спокойных добрых лет.
Пускай умру я скоро, миром всем забвенный,
Ведь знаю, как коварен лживый свет.

Я слезно об одном прошу, молю, взываю:
Душе моей смятенной дай покой:
Смотри, как стар, измучен я, как я страдаю.
О, упокой Ты дней остаток мой.

Да! Знаю сам, не стою извиненья:
Так много, тяжело я грешу, грешил.
Но Ты, великий Бог великого прощенья,
Средь крестных мук разбойника простил.

Обетов страшных я невольник добровольный,
Я тоже на кресте — меня прости.
Мне было горько жить, и тягостно, и больно,
Ужель не хочешь Ты меня спасти...

[1931–1934 гг.]

¹ Автограф этого стихотворения принадлежал духовной дочери митрополита Трифона Лидии Митрофановне Понсовой.

МОЛИТВЫ

Молитва Пресвятой Богородице

О Пресвятая Владычице! Заступница о нас грешных пред лицом Божиим усердная! Спаси нас слабых, беззащитных и неразумных детей Твоих! Сохрани нас под кровом Твоим, настави, вразуми и уврачуй наши легковверные и мятущиеся души. Укрепи в нас веру твердую и непоколебимую. Ты видишь, Пресветлая и Всечестная Владычице Богородица, что мы гибнем в бездне неверия, страсти овладевают нами и не хватает наших сил бороться с ними. Страдания, трудные испытания, усугубляемые тяжелою годиною, посылаются нам. Укрепи же в нас веру пламенную и умножи наши силы. О, Пресветлая Матерь Божия, дабы не поступиться нам нашим вечным спасением ради прелести мирской, молим Тебя усердно и со слезами восклицаем: Ты нам помози, на Тебя надеемся и Тобою хвалимся. Так как все — Твои дети. Не будет, и не будет для нас матери другой, равной Тебе по благодати и милосердию. Аминь.

19 января 1925 года

Молитва пред иконою Божией Матери «Споручница грешных»¹

О Всепетая Мати, о надеждо всех христиан! Ныне, в сей день священный Твоего праздника, всею душою и всем сердцем чувствуем мы Твое невидимое среди нас пребывание. Созерцаем душевными очами Твой Покров, распростертый над нами, грешными детьми Твоими, и с веселием и радостью восклицаем Тебе: «Откуда нам сие, да прииде Мати Господа нашего к нам». Так некогда рекла святая праведная Елизавета,

¹ См.: [39], с. 444–445.

и вострепета младенец радостно во чреве ея. Светлою надеждою трепещет и наше сердце в груди, яко Ты не оставляешь нас, Споручнице грешных. Поручаем мы Тебе, нашей Небесной Матери, себя самих, слабых, унылых, непрестанно падающих во многие великие согрешения, теряющих от уныния нашего и веру, и надежду, жестоких сердцем, не имеющих любви к ближним. Помогите нам, Споручнице грешных! Поручаем Тебе, Матерь Милосердная, наших братьев и сестер скорбящих, плачущих, болезнующих, впадших в отчаяние. Помогите им, Споручнице грешных! Поручаем Тебе, о Матерь человеколюбивого Бога, всех дорогих и любимых наших усопших отцов, матерей, братьев и сестер и всех христиан, наипаче тех, о коих некому помолиться. Защити их и помоги им, Споручнице грешных. Ныне день, именуемый Торжеством Православия, умоли Всемогущего Бога, да торжествует непрестанно в земле нашей вера апостольская, вера отеческая, вера Православная, еюже крепцы и сильни быша праотцы и отцы наши, да все русские люди, имея Тебя Заступницей Усердной, восклицаем Тебе победную песнь: «Радуйся, Споручнице грешных, надеждо крепкая земли нашей»¹.

Молитва Иоанну Крестителю²

О, Крестителю Христов, о проповедниче покаяния! Ныне, в дни покаяния Великого поста, в храме сем, тебе посвященном, именуем тебя своим покровителем и молитвенником, молим тебя и просим: помолись за нас, слабых, маловерных, унывающих, печальных, во многия беды и скорби впадших, Владыке и Богу нашему Господу Иисусу Христу. Да утешит нас Своею благодатною помощью, да дарует нам покаяние и терпение, да озарит наши грешные и темные души светом Своей любви и истины. Много бо может твоя молитва. Ты первый воззвал ко грешным людям: «Покайтесь и веруйте в Евангелие». Обнови наши души покаянием, как вторым

¹ Вероятно, эта молитва составлена 7/20 марта 1910, 1921 или 1932 года — в эти годы неделя Торжества Православия пришлась на 7 марта — день празднования иконе Божией Матери «Споручница грешных».

² См.: [39], с. 445–446.

крещением, ибо обоих ты являешься начальником: крещением омывая прародительский грех, покаянием очищая души от греховных скверн. И очисти в нас, грехами оскверненных, и просвети благодатию Святаго Духа. Введи с собою в Царство Небесное, Царство любви, света, и вечной истины, и правды. Аминь.

1931 год

Молитва на обновление храма

Предвечный Слове и Сыне едиnorodный Божий, Боже истинный, Содетелю вся твари, чувственные же и умные, иже премудрому Соломону повелевый создати дом святой и славный Твоея неизреченныя и неисповедимыя славы и сего обновивый духом Твоим Святым, Тебе молимся и мили ся деим, да и нам в час сей низпошлещи благодать Пресвятаго Твоего Духа, и ныне храм сей, во Твое славословие и хвалу утвердиши и укрепиши, сохраняя его до скончания веков, и Духом Твоим Святым сего обновиши: якоже в нем Безкровныя Жертвы приносяще Тебе, причастницы будем Святаго Духа, обновившагося в душах наших и утверждающего в сердцах наших единомыслие и мир. Всем же братиям и сестрам нашим, потрудившимся в обновление храма сего и принесшим лепты своя, даруй, милосердне Господи, ко спасению прощения; укрепи их веру Православную, воздвигни к деланию заповедей Твоих, даруй им обновление дара Святаго Твоего Духа, да неосужденно поклонятся Тебе, единому истинному Богу, и Его же послал еси Иисуса Христа, молитвами Пречистыя Богородицы, святаго праведнаго Лазаря, святаго апостола и евангелиста Луки и всех святых Твоих. Аминь.

Молитва о благотворящих нам¹

Господи Боже Спасителю наш! Призри с небесе святаго Твоего и прими смиренное благодарение наше за великия щедроты Твоя, на нас недостойных бывшая, и услыши моле-

¹ См.: [39], с. 442.

ние наше о рабах Твоих (*имярек*), яже избрал еси быти благо-творящая нам и имиже явил еси на нас неизреченная Твоя милости. Благодарим Тя, Господи Боже наш, яко не оставил еси нас сирых в скорбех и напастех, но послал еси нам слуги Твоя, благотворители наша (*имярек*), да исполнят над нами благое Твое произволение. Хвалим, благодарим, славословим Тя, Господи, тепле припадаем к Тебе, поклоняемся Тебе и молимтися. Благословением Твоим, Господи, благослови рабы Твоя (*имярек*), сотворивыя нам благая, и сторицею, Человеколюбче, воздаждь им богатою Твоею милостию. Покрый их, Господи, спасительною десницею Твоею, во вся дни живота их и буди им помощник и покровитель во всех делах их. Ангелом Твоим, Господи, заповеждь о них, сохранить их во всех путех их, и милосерд к ним, Милостиве, буди милосердия их ради. Веселия и радости исполни, Господи, сердца их, мир Твой, здравие и спасение подаждь им. Спаси и помилуй рабы Твоя (*имярек*), благотворящая нам, благодатию Твоею во веки веков. Аминь.

Исповедание грехов¹

Исповедую аз, многогрешный(-ая) раб(-а) Божий(-я) (*имя*), Господу Богу моему Иисусу Христу и тебе, Владыко и отче, вся согрешения моя, вся злая дела моя, яже содеях во вся дни живота моего, яже помыслих, яже глаголах, яже волею своею сотворих и неволею, яже вем и яже не вем, прости ми вся сия.

Согреших малодушием, маловерием, несоблюдением христианских заповедей закона Божия, леностию к молитве и к посещению храма Божия, кощунством, ропотом и хулой на Самого Господа Бога, осуждением всех человек, живых и мертвых, завистию, гневом, яростию, ненавистию, злопамятством, клеветою, корыстолюбием, желанием славы, чести и почитания, тяжбою, утаением чужих вещей, обвинением во всем близких, а не укорением себе самого(-ой) в своих поступках, рассеянностью ума, холодностью и окаменением сердца,

¹ См.: [40], с. 446–447.

услаждением и укуснением в скверных, нечистых, сладострастных помыслах, греховным воззрением на лица; зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием и всеми моими чувствами душевными и телесными. Во всех сих каюся, жалею, виновным(-ой) себе пред Богом представляю и имею волю впредь, елико возможно, с помощью Божией, соблюдатися от всех сих.

Ты же прости мя, Владыко и отче, благослови, разреши и помолись о мне грешнем(ой).

Предсмертная молитва митрополита Трифона¹

Господи Иисусе Христе, Боже наш, молитвами Пречистыя Твоея Матери, святых ангелов-хранителей наших и всех святых, приими мою усердную молитву за всех моих чад духовных, живых и мертвых.

Приими молитву за всех благотворящих мне, милующих, и даруй всем милость Твою великую: живых соблюди в мире и благосостоянии, усопшим даруй вечный покой и бесконечные радости.

Господи Боже мой, видишь Ты искренность молитвы моей, яко ничем не могу возблагодарить их, токмо сей усердной моей молитвой.

Приими же сия слова моя, яко дело благотворения, и помилуй всех нас.

23 мая / 5 июня 1934 года

¹ См.: [39], с. 447.

АКАФИСТ БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ

СЛАВА БОГУ ЗА ВСЕ

Кондак 1

Нетленный Царю веков, содержащий в деснице Своей все пути жизни человеческой силою спасительного промысла Твоего, благодарим Тя за все ведомые и сокровенные благодеяния Твоя, за земную жизнь и за небесные радости Царства Твоего будущего. Простирай нам и впредь Твои милости, поющим:

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Икос 1

Слабым беспомощным ребенком родился я в мир, но Твой Ангел простер свои светлые крылья, охраняя мою колыбель. С тех пор любовь Твоя сияет на всех путях моих, чудно руководя меня к свету вечности. Славлю щедрые дары Твоего промысла, явленные с первого дня и доныне. Благодарю и взываю со всеми, познавшими Тя:

Слава Тебе, призвавшему меня к жизни.

Слава Тебе, явившему мне красоту вселенной.

Слава Тебе, раскрывшему предо мною небо и землю как великую книгу премудрости.

Слава Твоей вечности среди мира временного.

Слава Тебе за тайные и явные милости Твои.

Слава Тебе за каждый вздох груди моей.

Слава Тебе за каждый шаг жизни, за каждое мгновение радости.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 2

Господи, как хорошо гостить у Тебя: благоухающий воздух, горы, простертые в небо, воды, как беспредельные зеркала, отражающие золото лучей и легкость облаков. Вся природа таинственно шепчется, вся полна ласки. И птицы и звери носят печать Твоей любви. Благословенна мать-земля с ее скоро-текущей красотой, пробуждающей тоску по вечной отчизне, где в нетленной красоте звучит: Аллилуиа!

Икос 2

Ты ввел меня в эту жизнь, как в чарующий рай. Мы увидели небо, как глубокую синюю чашу, в лазури которой звенят птицы, мы слышали умиротворяющий шум леса и сладкозвучную музыку вод, мы ели благоуханные сладкие плоды и душистый мед. Хорошо у Тебя на земле, радостно у Тебя в гостях.

Слава Тебе за праздник жизни.

Слава Тебе за прохладную свежесть воды.

Слава Тебе за благоухание ландышей и роз.

Слава Тебе за сладостное разнообразие ягод и плодов.

Слава Тебе за алмазное сияние утренней росы.

Слава Тебе за улыбку светлую пробуждения.

Слава Тебе за земную жизнь, предвестницу небесной.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 3

Силою Духа Святого объят каждый цветок, тихое веяние аромата, нежность окраски, красота Великого в малом. Хвала и честь животворящему Богу, простирающему луга, как цветущий ковер, венчающему поля золотом колосьев и лазурью васильков, а души — радостью созерцания. Веселитесь и пойте Ему: Аллилуиа!

Икос 3

Как Ты прекрасен в торжестве весны, когда воскресает вся тварь и на тысячи ладов радостно взывает к Тебе: Ты источник жизни, Ты победитель смерти. При свете месяца и пении соловья стоят долины и леса в своих белоснежных подвенечных уборах. Вся земля — невеста Твоя, она ждет Тебя, Нетленного

Жениха. Если Ты траву так одеваешь, то как же нас преобразишь в будущий век воскресения, как просветятся наши тела, как засияют души!

Слава Тебе, изведшему из темноты земли разнообразие красок, вкуса и аромата.

Слава Тебе за радушие и ласку всей природы Твоей.

Слава Тебе за то, что Ты окружил нас тысячами Твоих созданий.

Слава Тебе за глубину Твоего разума, впечатленного во всем мире.

Слава Тебе, благоговейно целую следы Твоей незримой стопы.

Слава Тебе, зажегшему впереди яркий свет вечной жизни.

Слава Тебе за надежду бессмертной идеальной нетленной красоты.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 4

Как Ты услаждаешь думающих о Тебе, как животворно святое Слово Твое, мягче еля и сладостнее сота беседа с Тобой. Окрыляет и живит молитва к Тебе. Каким трепетом тогда наполняется сердце и как величава и разумна становится природа и вся жизнь! Где нет Тебя — там пустота. Где Ты — там богатство души, там живым потоком изливается песнь: Аллилуиа!

Икос 4

Когда на землю сходит закат, когда воцаряется покой вечернего сна, в тишине угасающего дня, я вижу Твой чертог под образом сияющих палат и облачных сеней зари. Огонь и пурпур, золото и лазурь пророчески говорят о неизреченной красоте Твоих селений, торжественно зовут: пойдем к Отцу!

Слава Тебе в тихий час вечера.

Слава Тебе, излившему миру великий покой.

Слава Тебе, за прощальный луч заходящего солнца.

Слава Тебе за отдых благодатного сна.

Слава Тебе за Твою благодать во мраке, когда далек весь мир.

Слава Тебе за умиленные молитвы растроганной души.

Слава Тебе за обещанное пробуждение к радости вечного неувечерного дня.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 5

Не страшны бури житейские тому, у кого в сердце сияет светильник Твоего огня. Кругом непогода и тьма, ужас и завывание ветра. А в душе — тишина и свет. Там Христос! И сердце поет: Аллилуиа!

Икос 5

Я вижу небо Твое, сияющее звездами. О, как Ты богат, сколько у Тебя света! Лучами далеких светил смотрит на меня вечность; я так мал и ничтожен, но со мною Господь. Его любящая десница всюду хранит меня.

Слава Тебе за непрестанные заботы обо мне.

Слава Тебе за промыслительные встречи с людьми.

Слава Тебе за любовь родных, за преданность друзей.

Слава Тебе за кротость животных, служащих мне.

Слава Тебе за светлые минуты моей жизни.

Слава Тебе за ясные радости сердца.

Слава Тебе за счастье жить, двигаться, созерцать.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 6

Как Ты велик и близок в мощном движении грозы, как видна Твоя могучая рука в изгибах ослепительных молний. Дивно величие Твое. Глас Господень над полями и в шуме лесов, глас Господень в рождестве громов и дождя, Глас Господень на водами многими. Хвала Тебе в грохоте огнедышащих гор. Ты сотрясаешь землю, как одежду. Ты вздымаешь до неба волны морские. Хвала Тебе, смиряющему человеческую гордыню, исторгающему покаянный вопль: Аллилуиа!

Икос 6

Как молния, когда осветит чертоги пира, то после нее жалкими кажутся огни светильников, так Ты внезапно блистал в душе моей во время самых сильных радостей жизни. И после

молниеносного света Твоего какими бесцветными, темными, призрачными казались они. Душа гналась за Тобою.

Слава Тебе, край и предел высочайшей человеческой мечты!

Слава Тебе за нашу неутолимую жажду богообщения.

Слава Тебе, вдохнувшему в нас неудовлетворенность земным.

Слава Тебе, вложившему в нас вечную тоску по небу.

Слава Тебе, облекшему нас тончайшими лучами Твоими.

Слава Тебе, сокрушившему власть духов тьмы, обрекшему на уничтожение всякое зло.

Слава Тебе за откровения Твои, за счастье чувствовать Тебя и жить с Тобою.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 7

В дивном сочетании звуков слышится зов Твой. Ты открываешь нам преддверия грядущего рая и мелодичность пения в гармоничных тонах, в высоте музыкальных красот, в блеске художественного творчества. Все истинно прекрасное могучим призывом уносит душу к Тебе, заставляет восторженно петь: Аллилуиа!

Икос 7

Найтием Святаго Духа Ты озаряешь мысль художников, поэтов, гениев науки. Силой сверхсознания они пророчески постигают законы Твои, раскрывая нам бездну творческой премудрости Твоей. Их дела невольно говорят о Тебе: о, как Ты велик в Своих созданиях, о, как Ты велик в человеке!

Слава Тебе, явившему непостижимую силу в законах вселенной.

Слава Тебе, вся природа полна знаков Твоего бытия.

Слава Тебе, за все открытое нам по благодати Твоей.

Слава Тебе за то, что ты сокрыл по мудрости Твоей.

Слава Тебе за гениальность человеческого ума.

Слава Тебе за животворную силу труда.

Слава Тебе за огненные языки вдохновения.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 8

Как близок ты во дни болезни, Ты Сам посещаешь больных, Ты Сам склоняешься у страдальческого ложа, и сердце беседует с Тобою. Ты миром осеняешь душу во время тяжких скорбей и страданий, Ты посылаешь нежданную помощь. Ты Утешитель, Ты Любовь, испытующая и спасающая, Тебе поем песнь: Аллилуиа!

Икос 8

Когда я в детстве первый раз сознательно призвал Тебя, Ты исполнил мою молитву и душу осенил благоговейный покой. Тогда я понял, что Ты благ, и блаженны прибегающие к Тебе. Я стал призывать Тебя снова и снова, и ныне зову:

Слава Тебе, исполняющему во благих желания мои.

Слава Тебе, бодрствующему надо мною день и ночь.

Слава Тебе, прежде прошения посылающему обилие благ.

Слава Тебе, врачующему скорби и утраты целительным течением времени.

Слава Тебе, с Тобой нет безнадежных потерь, Ты даруешь всем вечную жизнь,

Слава Тебе, Ты одарил бессмертием все доброе и высокое,

Слава Тебе, Ты обещал нам желанную встречу с умершими.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 9

Отчего вся природа таинственно улыбается во дни праздников Твоих? Отчего тогда в сердце разливается дивная легкость, ни с чем земным не сравнимая, и самый воздух алтаря и храма становится светоносным? Это веяние благодати Твоей, это отблеск Фаворского света, когда небо и земля хвалебно поют: Аллилуиа!

Икос 9

Когда Ты вдохновлял меня служить ближним, а душу озарял смирением, тогда один из бесчисленных лучей Твоих падал на мое сердце, и оно становилось светоносным, как железо в огне. Я видел Твой таинственный, неуловимый Лик.

Слава Тебе, преобразившему нашу жизнь делами добра.

Слава Тебе, запечатлевшему несказанную сладость в каждой заповеди Твоей.

Слава Тебе, явно пребывающему там, где благоухает милосердие.

Слава Тебе, посылающему нам неудачи и скорби, дабы мы были чутки к страданиям других.

Слава Тебе, положившему великую награду в самоценности добра.

Слава Тебе, приемлющему каждый высокий порыв.

Слава Тебе, возвысившему любовь превыше всего земного и небесного.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 10

Разбитое в прах нельзя восстановить, но Ты восстанавливаешь тех, у кого истлела совесть, но Ты возвращаешь прежнюю красоту душам, безнадежно потерявшим ее. С Тобою нет непоправимого. Ты весь любви! Ты Творец и Воссоздатель. Тебя хвалим песнью: Аллилуиа!

Икос 10

Боже мой, ведый отпадение гордого ангела денницы. Спаси меня силою благодати Твоей! Не дай мне отпасть от Тебя, не дай усомниться в Тебе, не дай забыть все Твои благодеяния и дары. Обостри слух мой, дабы во все минуты жизни я слышал Твой таинственный голос и взывал к Тебе Вездесущему:

Слава Тебе за промыслительное стечение обстоятельств.

Слава Тебе за благодатные предчувствия.

Слава Тебе за указания тайного голоса.

Слава Тебе за откровения во сне и наяву.

Слава Тебе, разрушающему наши бесполезные замыслы.

Слава Тебе, страданиями отрезвляющему нас от угара страстей.

Слава Тебе, спасительно смиряющему гордыню сердца.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 11

Через ледяную цепь веков я чувствую тепло Твоего Божественного дыхания, слышу струящуюся кровь. Ты уже близок, цепь времен распалась; я вижу Твой Крест — он ради меня. Мой дух — прах пред Крестом: здесь торжество любви и спасения, здесь не умолкает вовеки хвала: Аллилуиа!

Икос 11

Блажен, кто вкусит вечерю во Царствии Твоем, но Ты уже на земле приобщил меня этого блаженства. Сколько раз Ты простирал мне Божественной десницей Тело и Кровь Твою, и я, многогрешный, принимал эту святыню и чувствовал Твою любовь, несказанную, сверхъестественную.

Слава Тебе за непостижимую живительную силу благодати.

Слава Тебе, воздвигшему Церковь Твою как тихое пристанище измученному миру.

Слава Тебе, возрождающему нас животворящими водами крещения.

Слава Тебе, Ты возвращаешь кающимся чистоту непорочных лилий.

Слава Тебе, неиссякаемая бездна прощения.

Слава Тебе за чашу жизни, за хлеб вечной радости.

Слава Тебе, возведшему нас на небо.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 12

Я видел много раз отражение славы Твоей на лицах умерших. Какой неземной красотой и радостью светились они, как воздушны, нематериальны были их черты, это было торжество достигнутого счастья и покоя. Молчанием они звали к Тебе. В час кончины моей просвети и мою душу зовущую: Аллилуиа!

Икос 12

Что моя хвала пред Тобою! Я не слышал пения херувимов, это удел высоких душ, но я знаю, как хвалит Тебя природа. Я созерцал зимой, как в лунном безмолвье вся земля тихо

молилась Тебе, облеченная в белую ризу, сияя алмазами снега. Я видел, как радовалось о Тебе восходящее солнце, и хоры птиц гремели Тебе хвалу. Я слышал, как таинственно о Тебе шумит лес, поют ветры, журчат воды, как проповедуют о Тебе хоры светил своим стройным движением в бесконечном пространстве. Что моя хвала! Природа послушна Тебе, а я — нет, но пока живу, я вижу любовь Твою, хочу благодарить, молиться и звать:

Слава Тебе, показавшему нам свет.

Слава Тебе, возлюбившему нас любовью глубокой, неизмеримой, божественной.

Слава Тебе, осеняющему нас светлыми сонмами ангелов и святых.

Слава Тебе, Всесвятый Отче, заповедовавший нам Твое Царство.

Слава Тебе, Искупителю Сыне, открывший нам путь ко спасению.

Слава Тебе, Святый Душе, животворящее солнце будущего века.

Слава Тебе за все, о Троице Божественная, Всеблагая.

Слава Тебе, Боже, вовеки!

Кондак 13

О Всеблагая и Животворящая Троице, прими благодарения за вся милости Твоя и яви нас достойными Твоих благодеяний, дабы, умножив вверенные нам таланты, мы вошли в вечную радость Господа своего с победной хвалой: Аллилуиа!

(*Кондак 13* читается 3 раза, затем читаются *Икос 1* и *Кондак 1*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Свидетельства современников о митрополите Трифоне: речи, воспоминания, стихи, письма

Послужной список

*Выписка из Составы Святейшего Правительствующего Всероссийского Синода
и российской церковной иерархии на 1917 год*

Трифон, бывший епископ Дмитровский, викарий Московской епархии, состоит настоятелем Воскресенского, Новым Иерусалимом именуемого ставропигиального монастыря.

Награжден:

орденом Св. Анны 2 ст. (1901 год);

орденом Св. Владимира 3 ст. (1903 год);

орденом Св. Анны 1 ст. (1907 год);

орденом Св. Владимира 2 ст. (1912 год);

Панагиею на Георгиевской ленте из кабинета Его Величества (1915 год);

орденом Св. Александра Невского с мечами (1916 год).

В 1889 году 31 декабря — пострижен в монашество.

В 1890 году 6 января — рукоположен в иеромонахи.

В 1895 году — по окончании Московской духовной академии назначен смотрителем Донского духовного училища.

В 1896 году [в действительности — в 1897 году] — ректор Вифанской духовной семинарии.

В 1897 году [в действительности — в 1899 году] — ректор Московской духовной семинарии.

В 1901 году, 1 июля — хиротонисан во епископа Дмитровского, второго викария Московской епархии.

В 1904 году 13 декабря — первый викарий.

В 1916 году 2 июня — уволен на покой согласно прошению. Назначен управляющим ставропигиальным Воскресенским Ново-Иерусалимским монастырем.

Слова и речи, обращенные к преосвященному Трифону

**Речь ректора Тифлисской семинарии
архимандрита Николая (Зиорова)
при пострижении в монашество
князя Бориса Туркестанова¹**

*В церкви семинарии
За всенощным бдением, 31 декабря 1889 года*

Приветствую тебя, возлюбленный брат Трифон, с исполнением твоего святого желания: да возрадуется душа твоя о Господе!..

Господь, по предстательству о тебе святого мученика Трифона, пред которым твоя благочестивая мать молилась горячо, вопреки советам и решениям о тебе врачей земных, чудесно исцеливший тебя еще с младенчества от тяжелой болезни, дивными и неисповедимыми путями Промышления Своего приводит, наконец, от знатности, блеска и роскоши, окружавших тебя в доме твоих *присных*, на сей новый для тебя путь — *путь узкий и прискорбный*. И когда приводит тебя? В дни великих праздников Церкви, именуемых *святками*, на рубеже старого и нового года — в канун Обрезания Христова и памяти одного из основателей иноческой жизни — святителя Василия Великого. И где? В стране, в которой некогда твои предки жили и служили, где особенно цвело благочестие и процветало иночество...

Да будет же этот новый твой путь, начинающийся при таких светлых воспоминаниях и при таких отрадных знамениях, *во спасение тебе!* С честью и пользою послужи в сем новом твоём звании в стране преблагословенной Девы Марии — родине твоего именитого рода, — как с честью и пользою служили твои деды и отцы нашему общему Отечеству — Святой

¹ Печатается по: [42].

Руси! Вступай в этот Новый год не во обновлении только одежд и имени, а в *обновлении ума* (Рим. 12, 2) и *сердца*, не в обрезании только влас главы, но в обрезании воли от страстей и похотей (ср.: Рим. 2, 29, Кол. 2, 11). Святой мученик Трифон, твой фамильный патрон, а ныне и твой ближайший заступник и покровитель, с Василием Великим, началовождем иноков, уповаю, помогут тебе управить сей новый путь твой к тихой и безмятежной пристани...

Путь иноческий, сам знаешь, нелегкий, это путь креста и самоотвержения, путь труда, болезней и скорбей. Пока дойдешь до конца этого пути, много придется встретить претыканий и всякого рода искушений — и от исконного врага рода человеческого, диавола, и от собственной грешной природы, и от окружающих тебя ближних твоих.

Монаху более всего приходится терпеть в мире от пересудов и клеветы людской, а от диавола — смущаться *воспоминаниями красных мира сего*, от которых он отрекся. Смотри же — мужайся и укрепляйся духом! *Да не смущается сердце твое, не устрашает* (Ин. 14, 27). *Веруй в Господа и на Него возложи свое упование*. Он Сам сказал Своим ученикам: *В мире скорбни будете, но дерзайте, яко Аз победих мир* (Ин. 16, 33).

Самым большим препятствием в деле нашего нравственно-го усовершенствования с нашей собственно стороны, а вместе с тем и самую удобную почву для козней диавола служит наше *самолюбие* с гордостью и самомнением. Из самолюбия и гордости, как из зерна, вырастают уже и другие страсти. Смотри же, старайся вовремя исторгать из сердца своего эту сорную траву, старайся, напротив, утверждать волю свою в смирении, терпении и послушании. *Не хваляй бо себе, сей искусен, но егоже Бог восхваляет* (2 Кор. 10, 18). Не смущайся своими немощами. *Довлеет ти благодать (Божия), сила бо (Божия) в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9), — говорит святой апостол Павел.

Итак, с верою во вседержавный Промысл Божий, с упованием на благодать Божию, всегда немощная врачующую, — дерзай (ср.: Евр. 4, 16). Дерзай, брате Трифоне!..

Господь благодатию Своею да *сохранит вхождение твое и исхождение твое от ныне и до века!* (Пс. 120, 8).

**Речь Высокопреосвященнейшего Владимира,
митрополита Московского и Коломенского,
при вручении жезла преосвященному Трифону¹**

*В Успенском соборе Кремля
1 июля 1901 года*

Преосвященный епископ Трифон!

Что сказать тебе в назидание, коего требует правило от меня сейчас и Церкви, и долг архипастыря? Зная беспримерное усердие и любовь твою к проповеданию слова Божия, я хочу напомнить тебе те дорожные для каждого из нас, пастырей, слова, которые некогда сказал Господь смущенному и боявшемуся за успех своей проповеди апостолу Павлу в Коринфе: *Не бойся, но глаголи, и да не умолкнешь; зане Аз есмь с тобою, и никтоже приложит озлобити тя; зане людие суть Ми мнози во граде сем* (Деян. 18, 8–10).

Если и такой муж силы, и такой герой веры, каким был апостол Павел, не был свободен от страха, когда получил божественное призвание проповедовать слово крестное в многолюдном, полном роскоши и богатства, языческом городе Коринфе; если и он, как сам говорит, был в этом городе и *в немощи и страхе и трепете мнозе* (1 Кор. 2, 3), то что удивительного, если и ты, как сам поведал нам при своем наречении, принимаешь свое призвание к епископскому служению не без смущения и душевной тревоги.

Есть действительно в этом служении нечто такое, что может встревожить и самую не робкую душу. Правда, ты идешь на проповедь Евангелия не в языческий город, как апостол Павел, но в город христианский, издревле известный своим благочестием; но при настоящем брожении умов и религиозном разномыслии мало ли в христианстве людей, мыслящих не похристиански, людей, которые *премудрость Божию, в тайне сокровавленную* (1 Кор. 2, 7), почитают за глупость и безумие.

И кто не знает, какое тяжелое, какое смутное время переживает сейчас наша Церковь! Никогда на ниве Христовой не было столько плевел, как ныне. Никогда враг человеческого

¹ Печатается по: Прибавления к церковным ведомостям. СПб. 1901. № 29. С. 1017–1019; то же в: [45]. С. 15–18.

спасения — диавол не употреблял столько усилий к разрушению Царства Божия на земле, как теперь. Никогда враги Церкви не ополчались на нее с таким ожесточением, как сейчас. Ратуя против нее опаснейшим из оружий, оружием развитой мысли и соответственного ей слова, они по всем направлениям изрыли область христианской веры, не оставив не тронутою ни одной из ее истин. Теперь разом мы имеем пред собою все заблуждения, какие когда-либо существовали, и несколько таких, которые, по крайней мере в настоящем своем развитии, никогда еще не существовали. И этот всеотрицающий, всеколеблющий, всеразрушающий дух неверия и вольномыслия, как язва, как смерть, — скажем словами пророка — усиливается проникнуть не только сквозь наши двери, но и сквозь окна и щели, и хочет во что бы [то] ни стало все у нас переделать по-своему. Много труда, самоотвержения и умственного напряжения нужно поэтому тому, кто правит слово истины; ему поистине нужно иметь тот *ум Христов* (1 Кор. 2, 16), которым обладали апостолы, пред словом которых преклонялась мудрость философов и легкомыслие толпы. Все это, конечно, не может не устрашать человека мыслящего, вместе с именем епископа принимающего на себя обязанность проповедовать Евангелие, обличать и отражать ложь, защищать и охранять истину, ратоборствовать против сильных врагов и многочисленных опасностей и затруднений.

Но послушай, что говорит Господь апостолу, а в лице его и тебе: *Не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла...* Итак, ободрись и успокойся, возлюбленный собрат, ибо ты не одинок и не беспомощен: Верховный Пастыреначальник наш Христос дал тебе для этой борьбы всемогущее слово Свое во уста твои и вседетельный дух в твое сердце. Так говори же и не умолкай, как неумолкаемо говорил ты и на прежних местах своего служения. Подкрепленный сегодня силою новой архиерейской благодати, облеченный в это духовное вооружение, сильное, по выражению слова Божия, *на разорение твердем* [(2 Кор. 10, 4)], смело становись на стражу веры и Церкви Православной. Защищай ее от внешних и внутренних врагов, ни на минуту не изменяя ей в ее правах и пользах и не жертвуя ими никаким видам

мира, чем бы ни старался он увлечь, обольстить или утешить тебя.

Зорко следи за вопросами времени, касающимися веры и Церкви, и, не оставляя их на произвол мира, старайся в своем слове освещать их светом церковной идеи и науки. Не оставляй вне своего пастырского воздействия и те передовые наши сословия, к которым ты так близко стоишь по своему происхождению, будучи костью от костей их и плотью от плоти их. Устремившись с жаром к научному образованию и уклонившись в направлении ума и жизни от света веры и спасительного руководства Церкви, они довольно вкусили горьких плодов от древа познания добра и зла и в лучшей своей части ищут врачевания. Имея постоянное общение с этим сословием, не упускай случая указывать им на возможность совмещения здравых научных познаний с искреннею верой, современных открытий и усовершенствований с вечными началами духовной жизни, удовольствий и наслаждений с добродетелью, труда и борьбы с миром и спокойствием сердца.

Конечно, в новом высоком положении тебя ожидают не одни только розы, придется увидеть, может быть, немало и колючих шипов, наряду с радостями испытать немало скорбей и огорчений; но Господь, обещающий быть с тобою, поможет тебе перенести все это с терпением и мужеством, благоумием и кротостию, как подобает истинному служителю Христа: *Аз есмь с тобою, говорит Он, и никтоже приложит озлобити тя.*

Казалось бы, что этого ободрения и достаточно для служителя Христова; но Господь не ограничивается этим; Он простирает Свое ободрение далее. *Зане, — говорит Он, — людие суть Ми мнози во граде сем* — у Меня много людей в этом городе. Замечательно, что когда Он говорил это о городе Коринфе, тогда в нем было только несколько душ верующих, остальные же все были язычники. Но Тот, всевидящее око Которого способно усматривать обильную жатву и там, где обыкновенный человеческий глаз ничего не видит, кроме напрасного труда и безуспешности, Он усмотрел и в Коринфе обильную жатву — великую христианскую общину еще прежде, чем она основана была апостолом. *У Меня много людей, — сказал Он, —*

в этом городе. Да послужит это слово и тебе, возлюбленный собрат, ободрением и основанием для той светлой надежды, что и твой пастырский голос не будет заглушен на нашем шумном базаре столичной житейской суеты, но привлечет к себе многих слушателей и что семя божественного слова, которое будешь ты сеять, найдет для себя восприимчивую почву, взойдет во время свое и принесет плод свой.

Итак, прими этот пастырский жезл и води с ним вручаемое тебе словесное стадо на животворные нивы словес Божиих и к источникам благодатных вод, текущих в живот вечный.

Не бойся, но говори и не умолкай; ибо Я с тобою, и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в этом городе.

**Приветствие иеромонаха Иоасафа
от имени братии Афонской Пантелеимоновой часовни в Москве
по случаю недавнего возведения преосвященного Трифона
в епископский сан¹**

*В день памяти св. великомученика Пантелеимона
27 июля 1901 года*

Ваше Преосвященство, преосвященнейший Владыко!

Празднуя день памяти св. великомученика Пантелеимона, мы, все братство сей часовни, сугубо радуемся, видя тебя здесь, среди нас, участвующим в духовном торжестве. Пользуясь таким твоим отеческим благоволением к нам, мы с чувством сердечной любви приветствуем тебя с возведением в святительский сан.

Вся Москва радуется, видя тебя, Владыко, ставшим на страже доброго пастыря словесных овец стада Христова. А мы, ставшие по воле Царицы Небесной, особеннейшей покровительницы святой горы Афонской, членами Московской Церкви, радуемся еще более, видя тебя вместе и настоятелем Богоявленской обители.

Эта обитель с давнего времени находится в самых близких отношениях с нашею обителию во имя св. великомученика Пантелеимона на Афоне.

¹ Печатается по: [5].

Когда наша обитель испытывала крайнее оскудение в материальном отношении и когда, в 1867 году, с Высочайшего соизволения и по благословению Святейшего Синода прибыла из Афона в Москву святыня [часть] мощей св. великомученика Пантелеимона, тогда Богоявленская обитель первую пришла на помощь нашим отцам и братьям, сопровождавшим святыню, дав им достаточное количество келий для жилища и место для открытия временной часовни во имя св. великомученика Пантелеимона.

Такая истинно братская услуга и благовременная помощь со стороны Богоявленской обители, оказанная нашей обители в годину великих материальных нужд ее, весьма дорого ценится нами и поныне, и всегда будет цениться как великое благодеяние.

Но Богоявленская обитель и теперь не перестает оказывать нам благодеяния: она всегда доставляет нам, не имеющим здесь, в Москве, своего храма, возможность совершать в сем храме подобающее празднество в дни великих наших праздников, каковы: память св. великомученика и целителя Пантелеимона и чудотворной иконы Божией Матери, именуемой «Скоропослушница»; причем в этих празднествах участвует и все братство Богоявленской обители во главе со своим настоятелем, каковым мы видим теперь тебя, преосвященнейший Владыко.

Все это так сблизило и сроднило нас с Богоявленской обителью, что мы искренно участвуем во всех ее событиях.

В настоящие дни, близко совпавшие с днем празднования памяти нашего Небесного Покровителя, в жизни Богоявленской обители совершилось такое событие, которому нельзя не порадоваться; и мы радуемся радостью искреннею, чистою, радуемся тому, что настоятелем дружественной нам обители стал ты, преосвященнейший Владыко.

Под влиянием этой радости и движимые сердечною любовью к тебе, добрый пастырь, мы молимся и не престанем молиться Господу, Его Пречистой Матери — общей нашей покровительнице — и святому великомученику и целителю Пантелеимону, да хранят Они твое драгоценное здравие на многие годы, дабы ты как ревностный поборник истины и добра

вполне мог принести те обильные плоды, каких от тебя ожидает Церковь Христова...

В знак сыновней любви к тебе, преосвященнейший Владыко, прими в дар от всего братства Афонской Пантелеимоновой часовни сию икону Царицы Небесной и «архиерейский чиновник», нас же не забуди в своих архиерейских молитвах.

**Ответное слово преосв. Трифона
братии Афонской Пантелеимоновой часовни
в Москве**

*В день памяти св. великомученика Пантелеимона
27 июля 1901 года¹*

Возлюбленные отцы и братия!

От всей души благодарю вас за приветствие и за доставление мне великого утешения в праздновании памяти св. великомученика и целебника Пантелеимона.

Искренно разделяю с вами сердечную радость по случаю настоящего духовного торжества.

Еще более радуюсь тому, что я, став во главе Богоявленской обители, могу послужить еще большему скреплению ее дружбы с многочисленною обителью св. великомученика Пантелеимона и с его, дорогою для меня, часовнею.

Истину говорю вам, отцы и братия, я с самого детства полюбил угодника Божия Пантелеимона и часто хаживал сюда, в эту часовню, молиться пред его св. мощами и пред иконою Царицы Небесной, скорой услышательницы всех молящихся и такого грешника, как я...

Помолился я сегодня, да процветает Афонская обитель и ее часовня во славу Божию и на пользу не только Москве, но и всему православному миру.

С любовью и благодарностию приемлю дорогой для меня дар — св. икону Царицы Небесной, общей нашей заступницы.

¹ Печатается по: [5].

**Речь от имени причта храма
во имя Рождества Пресвятой Богородицы
в селе Говорово (имении В. А. Туркестановой),
после освящения храма и литургии,
совершенной епископом Трифоном¹**

24 июля 1901 года

Ваше Преосвященство!

Как скоро благая, радостная весть о новоявленной милости к Вам Божией — о наречении Вас во епископа Дмитровского и о возведении Вас в сан архиерейский достигла до родного Вам села Говорова, до близкого сердцу моему Сухова, до смежных с ним сел и деревень, народ взволновался чувством того трепетного ожидания, с каким уже давно привык встречать Вас, Владыко!

Так говоря, я говорю лишь то, что каждому из нас чувствуется, что каждому из нас мыслится!.. Подвигнутый этою любовью народ возымел святое намерение поднести Вам эту икону Казанской Божией Матери. Ее воспрям всем сердцем, всею крепостью моей грешной души, прошу Вас принять Ее, Владыко, с миром и с любовью.

Не о хлебе едином сыт бывает человек, и не одно это внешнее, видимое солнце озаряет наш земной путь!.. За ним светит нам солнце внутреннее, солнце небесное, солнце более яркое, чем это всеми нами видимое, земное солнце той любви, о которой писал еще апостол Павел в Послании к Коринфянам: *Любовь никогда не перестанет, хотя и... языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13, 8). «Каждому из нас дано жить этим светом, светом солнца небесного, но, отвлекаемые нашими земными заботами, страстями, мы часто вовсе не замечаем его, и видеть всю полноту его света, подобно Вам, Ваше Преосвященство, могут лишь редкие избранники Божии. И да будет над ними благословение Господне во веки веков! Кратка слава земных дел человеческих!»

¹ Печатается по: Из-под Москвы. Говорово. Освящение храма // Московские ведомости. 30 июля 1901. № 207. С. 2.

Летом 1901 года преосвященный Трифон на свои средства ремонтировал этот пришедший в ветхость храм, с которым связаны его лучшие детские воспоминания.

Сомкнутся очи умирающего, и не увидит он больше солнца земного, угаснут заодно с ним и радости земные, и лишь радости любви духовной не покинут нас никогда, и каждому из нас, при самом вступлении в сознательную земную жизнь уже вступая в жизнь, рано или поздно предстоит решить вопрос — за которым из этих двух солнц пойдем мы: за земным или небесным!..

Вы, Ваше Преосвященство, еще мальчиком решили свой путь! Не увлекаясь ни знатностью своего происхождения, ни возможностью широких земных поприщ, Вы, горя чистою любовью, скромный стихарь предпочли всем радостям земным!..

О, мы не знали тогда, какие великие духовные блага принесет нам этот Ваш *детский стихарь*! Когда Вы, Владыко, явились в этот, ныне возобновленный Вами древний храм, колыбель лучших дум и лучших стремлений Ваших, скромным иноком, мы взглянули на Вас только с изумлением, но когда Вы, уже иеромонахом, произнесли перед нами свое первое слово в церкви села Орлова о любви к Богу и к ближнему, когда, обратившись к иконе Казанской Божией Матери, с восторженною любовью и в голосе, и в очах своих, стали поучать нас, как молиться Ей, чтобы услышала нас грешных и недостойных, сердца наши загорелись любовью к Вам самому, и с той поры были ли Вы в храме Орловском, мы были с Вами, молились ли Вы здесь, мы окружали Вас тесною толпою, и в селе Лукино, тронутые до слез Вашей проповедью о желательности каждодневных вечерних покаянных молитв во всем, что за истекший день соделано нами недоброго или греховного, глубоко запечатлели в душах наших ту святую заповедь Вашу, и в сердцах наших и ныне горит к Вам та чистая любовь, с какою в те счастливые минуты внимали мы Вам, с какою смотрим и ныне на Вас и, поднося Вам эту святую икону, молим Пречистую Владычицу нашу Казанскую Божию Матерь ущедрить дни Ваши на радость и счастье всех нас, молим укрепить правящую десницу Вашу и по молитве Вашей даровать душам нашим мир, сердцам же ту чистую любовь, какою дышим мы все, как один, в эти счастливые и уже никогда не забвенные для нас минуты!»

**Из слова
инспектора Московской духовной семинарии С. З. Ястребцова
после прощального богослужения епископа Трифона
в храме семинарии¹**

*В день Московских святителей
5 октября 1901 года*

Преосвященнейший Владыко!

Ровно два года минуло с тех пор, как в этом храме 5-го октября Вы совершили первую литургию, будучи ректором Московской семинарии; в первый раз мы слышали тогда и Ваше благолепное, умилительное служение и первые Ваши трогательные слова, от сердца обращенные к этой многочисленной семье наших питомцев. «Не думал я,— говорили Вы тогда,— быть здесь начальником заведения, не стремился занимать у Вас ректорский ответственный пост; я искал пустынножительства, всей душой стремился к тихому уединению, где возможно сосредоточиться в богомыслии и труде. Но неисповедимая воля Божия указывает мне иной путь послушания, и ступаю на него с твердою верою и упованием на помощь Божию»... Прошло около двух лет службы, и эта воля Божия указала вам другое высшее служение в Церкви Христовой в качестве верховного ея архипастыря, верховного учителя стада Христова...

Когда из семьи уходит ея глава, ея руководитель и советник, невольно в душе каждого ея члена возбуждается тогда искреннее желание при последнем свидании откровенно поговорить о минувшем прошлом — высказать все, что вместе было пережито, вместе пережито и что само собою просится излиться наружу. Простите, Владыко, если я — бывший Ваш ближайший сотрудник — по чистому влечению сердца немного коснусь вместе прожитого времени в этом духовном заведении и тем самым, очень может быть, затрону тайные струны Вашего сердца и нарушу Ваше смирение и скромность...

Не в том и заслуга человека, чтобы только по своему усмотрению все переделывать и ломать, не давая положительной жизненной силы для успешного и правильного роста заведения. Наши духовные заведения имеют свою определенную

¹ Печатается с сокращениями по: [44].

физиономию, одну определенную задачу и цель, чтобы не только путем одного научного образования, сколько путем воспитания, путем доброго воздействия на молодую душу питомцев, привития к ним добрых навыков, укрепления в добром направлении приготовить их к достойному потом пастырскому служению в Церкви. И вот, явившись сюда ректором семинарии, Вы, Владыко, все свое внимание и весь свой труд с первого же дня посвятили делу религиозно-нравственного воспитания вверенного Вам юношества; с самого начала главным образом обратили внимание на то, что «едино есть на потребу» в жизни каждого христианина, а пастыря Церкви в особенности...

Глубоко почитая всю возвышенность, а вместе и трудность служения, к которому нарочито подготавливаются наши юноши, Вы, Преосвященнейший Владыко, всеми мерами старались достойным образом подготовить этих будущих борцов с греховными страстями, развить и укрепить в их душе живую христианскую веру, которою одна должна быть для них и верным компасом, показывающим неизменность направления жизни, и надежным якорем спасения при всех ее невзгодах. И не бесплодны были Ваши стремления. Своим благолепным, величественным служением, до слез умилавшим молящихся в этом храме, своими необыкновенно теплыми, сердечными беседами, захватывавшими внимание всех и каждого, всем — и учащим и учащимся Вы подавали живой назидательный пример христианского благочестия, пример истинного пастыря Церкви, каким он должен быть по учению Христа. В этом храме Вы возбуждали у всех подъем религиозного чувства, скажу более — Вы приводили всех в религиозный восторг, горе, направляя наш ум и сердце. При мощных звуках стройного церковного пения, при благоговейном совершении богослужения, возгревавшем молитвенное настроение, душа наша невольно умягчалась и распялялась огнем любви Божественной. В минуты такого духовного восторга поистине отлагалось на время всякое житейское попечение; дух, отрешаясь от земного и тленного, парил к небесному и вечному... А что сказать мне о Ваших трогательных, назидательных поучениях и беседах?! Кто из присутствующих здесь не внимал им всем

сердцем, всею душой?! Произнесенные по разным случаям церковной, общественной и нашей семинарской жизни, они были так просты и понятны, произносились с таким горячим чувством; и так глубоко западали в сердце «глаголы живота вечного», что невольно с напряженным вниманием их все слушали и получали в них глубокое назидание. Лишь только появлялись Вы на солее для поучения, в храме водворялась полнейшая тишина, все проникались каким-то особенным настроением и с замиранием сердца слушали то, что рекою лилось из глубины Вашего убежденного сердца. Да, Бог наделил Вас даром слова, и с великою пользою Вы употребляли его для наставлений и назиданий этой семьи! С облегченным сердцем и умиротворенною совестью выходили мы из этого храма. Я уверен, на всю жизнь сохранится в юной впечатлительной душе этих питомцев то религиозное наслаждение, которое получали они здесь, в этом храме; с любовью вспомнят они потом о благолепии богослужения в семинарском храме и о Вас как достойном пастыре и учителе стада Христова, а многие, несомненно, и сами с таким же благоговением будут относиться потом к христианскому богослужению. То — неоспоримая истина, что если глава этой семьи был одушевлен истинным благочестием, если для него важно и священно было все, касающееся веры и благочестия, если свое христианское чувство он не притворно выражал во всякое время, его жизнь, несомненно, имела самое благотворное влияние на питомцев, возвращая в них семена добра и правды и предохраняя от всего порочного. Живой добрый пример это — постоянно открытая книга, которую они читали ежедневно и поучались; это — окружающая их здоровая духовная атмосфера, дыша которой, они возрастали, нравственно развиваясь и укрепляясь. Итак, Преосвященнейший Владыко, «пожив с нами вmale», Вы «исполнили лета долга»; примером своей жизни Вы имели неотразимое влияние на духовный склад этих юношей и вообще на направление и религиозный строй жизни в этом заведении. Вы «подвигом добрым подвизались» и тем самым содействовали упрочению тех священных основ, которые послужат надежным оплотом будущего преуспения нашего заведения...

Пока в сердцах наших будет гореть та искра горячей веры, которою проникались Вы, пока мы одушевлены будем теми лучшими стремлениями и побуждениями, которыми руководились Вы сами, пока по главе управления будут стоять лица, проникнутые неподдельным религиозным чувством и примером собственной жизни способные благотворно воздействовать на других, тогда нет основания опасаться за благоденствие и успешный рост заведения, тогда «ничтоже успеет враг на него»...

На память об этом заведении и обо всех бывших Ваших сослуживцах как знак нашего глубокого внимания и признательности к Вам примите, досточтимый Владыко, эту икону святителя Николая Чудотворца, память которого Вы особенно чтили и которому молились в этом храме обо всех вверенных Вашему попечению. Молитесь этому угоднику Божию, чтобы и на будущее время, по ходатайству святителя и чудотворца Николая, Господь охранил нашу семью от всех зол и напастей!

«Не думал я,— говорили Вы, Ваше Преосвященство, преосвященный Владыко, два года назад, 5-го октября 1899 года,— быть здесь начальником заведения, не стремился занимать у вас ректорский ответственный пост, я искал пустынножительства, всей душой стремился к тихому уединению, где возможно сосредоточиться в богомыслии и труде.

Но неисповедимая воля Божия указывает мне иной путь послушания, и я вступаю на него с твердой верой и упованием на помощь Божию».

Когда из семьи уходит ее глава, ее руководитель и советник, невольно в душе каждого ее члена возбуждается желание при последнем свидании искренно поговорить о минувшем. Не в том заслуга человека, чтобы по своему усмотрению все переделывать и ломать, не давая положительной жизненной силы для сцепления и правильного роста заведения. Наши духовные заведения имеют свою определенную физиономию, одну определенную задачу и цель, чтобы не столько путем одного научного образования, сколько путем воспитания, путем доброго воздействия на молодые души питомцев, привития им добрых навыков, укрепления в добром направлении

приготовить их к достойному пастырскому служению в Церкви. И Вы, Владыко, явившись сюда ректором, все свое внимание, весь свой труд посвятили делу религиозно-нравственного воспитания вверенного вам юношества.

Глубоко почитая всю возвышенность, а вместе и трудность будущего служения наших юношей, Вы, преосвященный Владыко, всеми мерами старались достойным образом подготовить из них будущих борцов с греховными страстями, развить и укрепить в их душе живую христианскую веру — верный компас неизменности направления жизни, надежный якорь спасения при всех ее невзгодах.

Своим благолепным величественным служением, до слез умилявшим молящихся, своими теплыми, сердечными беседами Вы подавали живой, назидательный пример христианского благочестия, пример истинного пастыря Церкви, каким он должен быть по учению Христа. В этом храме Вы возбуждали у всех подъем религиозного чувства, приводили всех в религиозный восторг, горе, направляя наш ум и сердце.

Ваши беседы по разным случаям церковной, общественной, семинарской жизни были просты, понятны, произносились с таким горячим чувством; и так глубоко западали в сердце «глаголы живота вечного», что все получали в них глубокое назидание. Лишь только Вы появлялись на солее для поучения, в храме водворялась тишина, проникнутая особым настроением, и мы с замиранием сердца слушали вас.

Да, Бог наделил Вас, Владыко, даром слова; с облегченным сердцем и умиротворенной совестью выходили мы из этого храма. Живой пример для наших юношей — это здоровая духовная атмосфера, дыша которой, они нравственно развивались и укреплялись. Вы, преосвященный Владыко, «пожив с нами вмале, исполнили лета долга» (ср.: Прем. 4, 13). Примером своей жизни Вы имели неотразимое влияние на духовный склад наших питомцев и на все направление и религиозный строй семинарии.

Вы «подвигом добрым подвизались» (ср.: 2 Тим. 4, 7). Пока в сердцах наших будет гореть искра горячей веры, которою проникнуты Вы, нет основания бояться за благоденствие и рост семинарии, и тогда *ничтоже успеет враг на него* (Пс. 88, 23).

ВОСПОМИНАНИЯ О МИТРОПОЛИТЕ ТРИФОНЕ

Поездка к старцу Нектарию Оптинскому¹

Однажды Владыка [Трифон] говорит: «Знаете, Варвара Тимофеевна, везите девиц своих к о. Нектарию, а то вдруг да умрет, тогда будете меня ругать». До этого Варвара Тимофеевна столько раз пыталась говорить Владыке: «Владыка, разрешите девочек свезти к о. Нектарию». А он говорил: «У вас что вопросы какие?» Она отвечала: «Нет, вопросов нет, а я хочу, чтобы они имели понятие, что такое старец». А он на это говорил: «Ну, успеете еще, свезете». И вот теперь мы и поехали, дело было перед Рождеством. Верст 20 ехали на лошадях. Жил о. Нектарий в деревянной избушке... Приехали. В избушке на другой половине какие-то монашки жили. Вечером батюшка служил у себя в келье всенощную. Такая была жара, что дышать было нечем, а на нем тулуп был одет, повязан кушаком и воротник приподнят. Слабый, старый уже был. Отслужил всенощную, и вдруг приехала милиция проверять паспорта на другой половине. А к старцу пришли и говорят: «Вот вы знаете, батюшка, приехало ГПУ». А он отвечает: «Ну и пусть проверяют, а они (это про нас) здесь лягут. Постелите им в этой комнатенке, все и лягут». Нам постелили: что-то бросили на пол, и все мы так спали. Мы спали, а там проверяли документы. Батюшка сказал, чтобы все, которые на той половине, ехали в Козельск, а там было много профессоров, ездили к нему многие от о. Алексия Мечева. «А они (про нас) пусть у меня останутся».

Мы приехали на несколько дней, а батюшка нас держит и держит. Зятю надо ехать на работу, племянница тоже

¹ Из: [54], ч. 2. Очевидно, это рассказ Марии Тимофеевны Злобиной о своей поездке вместе в сестрой Варварой Тимофеевной, ее мужем Павлом Павловичем и племянницей.

работала, а я безработная была. «Ну, поедете, сейчас каналий нет», — говорит. Каналий — это лошадей. «Каналий нет, вот будут каналы, поедете». Стал служить молебен, поет. На улице пурга — не видно света Божия. А зять все время стоит у окна, смотрит в окно и чуть не плачет — дескать, как же мы поедem в такую пургу. А сестра только качает головой: «Как тебе не стыдно, уж батюшка старец знает, а ты плачешь». По-молились — «каналы» подъехали. Варя говорит: «Батюшка, благословите, лошадей подали». А батюшка отвечает: «Ну, Бог благословит, поезжайте». А зять боится, плачет, что на поезд опоздали. Уже в дверях Варя и говорит: «Батюшка, все работают, а моя сестра не работает, никак не устроится, на бирже места не дают». А батюшка отвечает: «Ну, праздник придет, все будет хорошо». Поехали мы. А еще прежде был такой разговор. Варя про Владыку говорит: «Да вот, батюшка, мы обращаемся к владыке Трифону». Батюшка улыбнулся: «А, Владыка, — это наш, оптинский. Это земной ангел и небесный человек». Еще Варя сказала: «Батюшка, вот мы не постимся, Владыка разрешает». А он ответил: «Пока Владыка с вами, зачем же вам поститься, а не будет с Вами Владыки, тогда и будете поститься. Еще говорит старец, что будет время, когда останется один православный архиерей. Мы спросили: «Как же, батюшка, узнать его?» А он ответил: «Присматривайтесь...»

Ну вот мы поехали. Мы с Маней сели на первую лошадь, сзади села сестра с мужем на вторую лошадь. Едем, вдруг слышим, мальчишки сзади кричат: «Те в сугроб свалились». Смотрим, повернувшись, те валяются в сугробе — зять и сестра, сани упали. Пока поднимались... время-то идет, а ведь к поезду спешим. Подняли, поехали дальше, а зять только и твердит: «Ой, мальчишки, поскорее, опоздаем». А мальчишка и говорит: «Раз батюшка послал, не опоздаем». Вот какая у них вера была! И что же — мы едем, подъезжаем к вокзалу — и вдруг гудки. «Опоздали, — сокрушается зять, — опоздали, поезд подходит». Соскочили с саней, успели взять билеты — мальчишки, кажется, добежали, взяли нам билеты, — и только вступили на ступеньку вагона, как тут же поезд тронулся.

...Приходит Троица, мы и забыли, что мне работать, в деревню уехали на лето. Приехали из деревни — пришла повестка. 6 ноября подали мне повестку с биржи, а с 9-го числа я уже работала...

Митрополит Трифон¹

А. А. Солодовников

Впечатлениям детства присущи некоторая живучесть и способность определять поворотные пути развития человеческой души. Смело могу сказать, что одно из служений епископа Трифона (будущего митрополита) в 1906 или 1907 г. в нашем школьном храме (среднее учебное заведение, Московская практическая академия коммерческих наук) на всю жизнь запечатлелось в моем сердце.

Его необыкновенные, большие, темные, мерцающие, излучающие какую-то грустную ласку глаза, его проникновенный голос и весь облик в монашеском облачении и ниспадающей мантии, его живая беседа о только что прославленном в то время преподобном Серафиме Саровском в целом глубоко волновало душу. Каждому из нас, учеников, он вручил художественно написанный образок преподобного Серафима и благословлял им. До войны 1941 года у меня бережно хранилась эта иконка, и только в сумятице военных лет она потерялась.

Происходил митрополит Трифон из семьи князей Туркестановых. В ранние годы приняв монашество, он сравнительно быстро стал епископом и приобрел большой авторитет и любовь Православной Москвы. Будучи глубоко религиозным, он был проникнут духом подвига и сострадательной любви. Одно время иеромонахом он посещал заключенных в темницах, утешал, исповедовал и причащал их. Его высокая образованность, поэтическая, художественная чуткость создали ему огромный авторитет среди московской интеллигенции: артистов, художников, деятелей искусства. Известно, что приглашался он на

¹ Глава из очерка «Сокровища Введенских гор» (см.: [62]). Печатается по рукописи.

А. А. Солодовников известен как религиозный поэт прошедшего XX века, род. в 1893 г., окончил юридический факультет. В 1938 г. был арестован и осужден без вины на 10 лет лагерей, отбывал срок около Магадана. В 1956 г. вернулся в Москву († 1975 г.).

похороны деятелей искусств и пользовался заслуженной славой ценителя культурных ценностей человечества.

Утонченный по культуре, весь проникнутый стремлением к Богу, он вдохновенно служил литургию. С каким-то особенно торжественным и величественным чувством он произносил архиерейские возгласы с неповторимой интонацией, устремив к небу свои удивительные глаза. «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя», — так же вдохновенно звучал его голос во время пения Трисвятого.

Невысокого роста, весь охваченный духовным устремлением, с вдохновенно сияющими глазами, он совершал литургию как высшее служение Богу. Трепет и глубина смирения невольно охватывали всех присутствующих. Этот духовный подъем запечатлелся в глубоком по своему содержанию портрете митрополита Трифона, созданном П. Д. Кориным. Не знаяшим митрополита Трифона этот портрет может показаться не совсем удачным. Но кто знал его, тот в этом портрете найдет отображение тех высоких духовных переживаний, которые характерны были для него.

Удивительно было в митрополите Трифоне сочетание тонкой одухотворенности, интеллигентности и пламенной устремленности к Богу. Ему принадлежат очень глубокие по содержанию и художественные по форме молитвы — например, дивные акафисты «Хвала Творцу» и заупокойный.

Долгие годы он был светильником Московской Церкви, собравшим вокруг себя многочисленных верующих. Он завещал любить храм Божий как проявление неба на земле...

Из воспоминаний

С. Н. Лисевицкий¹ [1993 год]

В детские и юношеские годы я жил на Сретенском бульваре. Недалеко от моего дома находилась церковь Преображения

¹ Сергей Николаевич Лисевицкий был иподиаконом митрополита Трифона и Святейших Патриархов Сергия и Алексия; † 13 августа 1994 г., погребен на Введенском (Немецком) кладбище, недалеко от могилы митрополита Трифона.

в Пушкарях, куда я часто ходил молиться (правда, всегда с опаской и предельно незаметно), и посещал почти все праздничные богослужения. Этот прекрасный храм находился на Сретенке. Каменное здание церкви было выстроено на месте деревянной церкви в 1722 году. [...] Интерьер храма поражал своим величием. Белый с золотом иконостас был выполнен в классическом стиле и совсем незначительно отодвинут к востоку, что создавало впечатление, что все три иконостаса поставлены как бы в один ряд. Два придела были освящены в честь Казанской иконы Божией Матери и Николая Чудотворца. Этот архитектурный прием создавал единое пространство, придавая интерьеру обширность и торжественность. Днем храм был залит солнечным светом, а вечером ярко освещался четырьмя паникадилами и многочисленными лампадами. [...] Это была одна из самых посещаемых церквей Москвы, так как в ней благолепно совершались богослужения, а церковные песнопения, исполняемые знаменитым еще до революции хором под управлением Мохова, поражали религиозной проникновенностью и художественным исполнением. К тому же богослужения в храме возглавлял преосвященный Даниил (Троицкий), брат архиепископа Илариона¹. Особенно много народу и молодежи было в храме по вторникам — после краткой вечерни владыка Даниил произносил проповедь или, вернее, лекцию, в которой раскрывал сущность библейских сказаний и Нового Завета, затем благословлял многочисленных верующих, а хор в это время прекрасно исполнял концерты духовной музыки. Как жаль, что я тогда был маленьким и, хотя внимательно слушал каждое слово, но далеко не все понимал. Да и время сделало свое — плохо помню. Все это имело большое просветительское значение для религиозной жизни москвичей, являясь источником познания религиозного учения, популяризации церковной музыки и пользовалось популярностью не только у верующих, но и у духовенства, особенно у той его части, которая не имела семинарского образования. Естественно,

¹ Даниил (Троицкий), епископ (с 1921 г.), затем архиепископ (с 1934 г.). Брат архиепископа Илариона (Троицкого, † 28 декабря 1929). Умер от тифа в тюрьме г. Брянска осенью 1934 (или 1935) г.

что такая открытая пропаганда христианства вызвала недовольство властей — епископ Даниил вскоре был сослан в Сибирь¹, а хор принудительно переведен на радио. Так как прихожане привыкли в этом храме к архиерейскому богослужению, туда стали периодически приглашать для совершения церковных служб живущих в Москве или находящихся проездом в столице архиереев. Хорошо помню, как на второй неделе Великого поста я пришел в храм на Пассию (великопостная служба, совершаемая вечером по четырем воскресным дням в период Великого поста), которую совершал архиепископ Трифон (Туркестанов). Вспоминаю, что, хотя я был еще мальчиком, к тому же не получившим в семье религиозного воспитания, все же меня уже тогда поразила какая-то особая духовность и проникновенность, исходящая от показавшегося мне тогда строгим архиерея. Так впервые я увидел и услышал того архиерея, у которого в последние годы его жизни, по воле Божией, мне суждено было быть иподиаконом и который оказал на меня большое духовное влияние, навсегда непоколебимо укрепил в моей еще совсем юной и почти ничего не знающей душе веру в Господа Бога Иисуса Христа. Эту веру я сохранил до сего дня и пронес через всю жизнь, несмотря на сильное давление в семье и постоянную везде звучавшую антирелигиозную пропаганду — в школе, в институте, на работе, в кино и просто на улице.

На моих глазах закрывались и рушились церкви. Хочу пове-
дать о тех тяжелых переживаниях, связанных с закрытием хра-
мов вообще и в частности церкви Преображения, в которую я
ходил молиться. Последний раз я (как и все прихожане) был
в этом храме за всенощной и торжественной литургией в день
престольного праздника. Масса народа — богослужение воз-
главляет Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Высо-
копреосвященный митрополит Сергей. На следующий день,
то ли в 1928 или, может быть, в 1929 году (точно не помню),

¹ Епископ Даниил многократно арестовывался за то, что «под видом исполнения религиозных культов в церквях говорил проповеди, в кото-
рых всячески старался скомпрометировать советскую власть...», «по вы-
ходе на свободу стал опять вести такого рода агитацию, в силу которой он
пользуется большой популярностью среди верующих...»

иду в храм — двери его заколочены и на них приклеена бумага, сообщающая о его закрытии и переводе причта в церковь Святой Троицы в Листах¹. У меня все оборвалось, и какая-то буквально физическая боль пронзила всего меня, выступили слезы. На следующий день, сидя у открытого окна, я услышал какие-то вначале непонятные звуки — как будто кто-то пилой распиливал железо; а затем, через некоторое время раздался грохот. До сих пор стоит в ушах этот лязг железа. Я понял — спиливали кресты с моего любимого и почитаемого храма. У меня болело сердце, и, хотя мне было не более 14 лет, я всю ночь не мог уснуть. Слезы душили меня. А наутро, идя в школу на Сретенке, я увидел уже поруганный, лишенный крестов храм. Кто-то мне сказал, что церковь переоборудуется в клуб и уже ночью сломаны и вывезены иконостасы. Такая воровская практика применялась и при закрытии других храмов. Через несколько лет церковь разобрали, а на ее месте стоит ничем не примечательное, серое, неудобное здание школы².

Вспоминается мне, что я никак не мог понять, что это за люди, которые способны были уничтожить такую красоту...

Второй раз Господь сподобил меня присутствовать и молиться вместе с владыкой Трифоном в церкви Большого Вознесения у Никитских ворот³ 15 марта 1928 года. Это было заупокойное богослужение. Москва прощалась с великой русской актрисой Марией Николаевной Ермоловой. Великолепный строгий храм был полон скорбящих людей; у гроба Марии Николаевны собрался весь театральный мир. И вот закончилась литургия, которую совершал архиепископ Трифон. Стоя у гроба почившей, он своим звучным и удивительно музыкальным голосом произносит слово о жизненном пути и артистической деятельности Марии Николаевны. Вот его конец: «Вечная ей память и вечная благодарность и вечный

¹ Этот храм также вскоре был закрыт (в 1930-е гг.) и обезглавлен; вновь открыт в 1991 г.

² Церковь Спаса Преображения в Пушкинских горах была снесена в 1935 г. Здание школы на ее месте стоит и по сей день.

³ Этот храм, построенный в XVII веке, был закрыт в 1931 г., колокольня разрушена. Богослужения возобновлены здесь в 1990 г.

мир ее душе. Соединимся же вокруг ее гроба братской семьей; будем помнить, что любовь не умирает, она вечно жива и выражается у нас, верующих, в горячих и искренних молитвах. А они, эти молитвы, ей теперь и нужны, и необходимы. Аминь». Началось отпевание, которое также совершал архиепископ Трифон. Все присутствующие, верующие и неверующие, стояли с зажженными свечами. Проникновенно пел хор, в котором принимали участие многие известные артисты московских театров.

В эту вторую молитвенную встречу в мою юношескую душу запал духовный образ архиепископа Трифона и мне очень хотелось вновь быть на его богослужениях, слышать его слово о Боге, о Церкви, о нравственности. Но я не знал, где и когда он служит.

В школу повышенного разряда, находящуюся рядом с моим домом, меня не приняли как сына репрессированного. Ведь наша семья чудом осталась в Москве и не была выслана. Поэтому я учился на 1-й Мещанской (теперь проспект Мира). Рядом со школой находилась великолепная церковь святых мучеников Адриана и Наталии, но я боялся ходить в нее — а вдруг кто-нибудь из школы увидит, как я вхожу в храм, и тогда надо мной устроят судилище (как было с одной девочкой).

Как-то, идя из школы, я услышал разговор двух женщин, собиравшихся на акафист мученику Трифону в храм Адриана и Наталии. У меня промелькнула надежда — а вдруг богослужение будет совершать владыка Трифон? И я решился. Вечером вернулся, с опаской прошел школьный двор — и вот я в храме. В этот памятный для меня вечер владыка Трифон (он уже был митрополитом) сам прочитал от начала до конца акафист мученику Трифону. Его проникновенный и удивительно душевный голос трогал всех до самой глубины души. В храме установилась особая молитвенная атмосфера, когда священнослужитель и молящиеся как бы составляют единое целое; тогда понимаешь значение евангельского изречения: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино... да любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них* (Ин. 17; 21–26). У меня сжалось сердце, на душе же стало легко. Рядом со мной стоял мужчина;

я заметил, что он захвачен всеобщим духовным порывом, слушает каждое слово, но не крестится. Вдруг я увидел его просветленное лицо; по окончании службы он обращается к окружающим его богомольцам: «Знаете, я пришел из любопытства, а ухожу верующим. Теперь я буду ходить в церковь и молиться Богу». С этого дня, считая увиденное чудесным прозрением, совершенным Господом по молитвам Владыки, я стал ходить почти на все богослужения митрополита Трифона, иногда даже пропуская занятия, за что мне изрядно попало дома и в школе. Приходил я всегда заранее, до начала службы; за всенощной становился с левой стороны от архиерейской кафедры, а за обедней — у клироса.

Рождество Христово. Церковь Святой Троицы в Серебряническом переулке у Яузских ворот¹. Раскрылись Царские врата. Духовенство в расшитых золотом ризах вышло навстречу дорогому гостю — высокопреосвященному митрополиту Трифону. Входит Владыка, все паникадила сразу зажигаются, а с клироса разносится торжественное песнопение: «Рождество Твое, Христе Боже наш». Начинается торжественное праздничное богослужение, во время которого митрополит Трифон произносит слово. Вот отрывок из него: «Незабываемые минуты! Как много в них и духовной высшей красоты, и высшей духовной радости, и света... И как больно за тех, кто их не испытал, не может их понять. Бедна и безрадостна их жизнь! И где и в чем им найти верную радость и утешение, какие не покидали бы их во время горестей и страданий, неизбежных в жизни. Благодарю же Тебя, Боже мой, за себя и за всех моих духовных детей; за то, что Ты дал мне понять и почувствовать сердцем и душой слова: „Слава в вышних Богу”». Я почувствовал себя духовно богатым...

Богоявление Господне. Последние годы в этот праздник Владыка служил в храме преподобного Пимена Великого² —

¹ Церковь Живоначальной Троицы в Серебряниках с колокольной и в ней храмом Усекновения главы Иоанна Предтечи; храм был закрыт в 1930-е гг. Ныне возвращен Церкви, храм в колокольне освящен в 1993 г.

² Храм преподобного Пимена Великого (Живоначальной Троицы) в Новых Воротниках; после 1917 г. не закрывался, но в 1936–1946 гг. был захвачен обновленцами.

накануне обедню [литургию] с великим водоосвящением и все-нощную, а в самый день праздника — литургию. Церковь бывала переполнена до отказа (неправда, что в церковь тогда ходили только люди преклонного возраста, было много и молодежи). Молитвенное единение — это главная особенность всех богослужений Владыки, которая так притягивала и интеллигенцию, и простых людей, и молодежь... На литию владыка выходит в голубой мантии, белом клобуке. Я стою рядом и еле-еле удерживаюсь, чтобы не коснуться мантии. Молюсь: «Господи, сделай так, чтобы я был рядом с ним, чтобы касался его одеяний»... Иподиакона-посошника Владыки, как я узнал позже, звали Сашей Грозовым Я считал его самым счастливым человеком. Знаменательно и то, что мы с ним сохранили дружбу в течение более чем 60-летнего срока и я являюсь крестным отцом двух его сыновей, Николая и Алексия...

Когда я подходил под благословение или елеопомазание, я всегда чувствовал духовный трепет и испытывал необычайный покой и радость.

Мне стало казаться, что Владыка стал узнавать меня и как-то ласково и проникновенно смотреть на меня. В этот же день вечером, под праздник Собора Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, Владыка совершал всенощную в храме Малого Вознесения на Большой Никитской (теперь ул. Герцена). Я, как всегда, встал у кафедры и ждал начала богослужения. Вижу, из алтаря выходит старший иподиакон митрополита Михаил Всеволодович¹ (его имя я узнал позже) и направляется ко мне. «Знаете, — говорит он, — посошник Владыки заболел, не согласитесь ли вы постоять с посохом у владыки?» У меня замерло сердце. С трепетом и страхом направляюсь в алтарь. Мне дают стихарь, и я иду под благословение к митрополиту, на глазах у меня слезы. Получаю благословение, и вдруг вторая неожиданность — Владыка погладил меня по голове, прикоснулся к лицу и сказал, что благословляет меня завтра причаститься Святых Таин и что я должен себя подготовить к этому Таинству. Это было в 1932 году.

Так я стал иподиаконом митрополита Трифона. Начался один из самых счастливых периодов моей жизни. Я считал

¹ М. В. Штурм, впоследствии иеродиакон Феофан, † 1960-е гг.

дни от одного праздника до следующего. Каждая служба митрополита Трифона была для меня духовным пиром. Я отдавал себе отчет в том, что слабо знаю догматы христианского учения и церковные каноны (не говоря уже об истории Церкви). Постепенно я стал читать и изучать любой материал, связанный с христианством. Но, увы, достать какую-либо церковную литературу было очень трудно. Саша Громов дал мне Новый Завет, который я читал всю ночь, а на следующий день перечитывал вновь. Я познакомился с Зинаидой Степановной (фамилии я не помню), которая стояла на клиросе во время проповедей Владыки и стенографировала их. Она дала мне временно, для ознакомления, значительное количество его проповедей. Все свободное время и часть ночи я переписывал в толстую тетрадь весь полученный материал и таким образом узнавал многое о заветах Иисуса Христа, смысле христианства, о том, как должен жить христианин (тетрадь эта сохранилась у меня до сего дня, хотя читать ее трудно — чернила стали выцветать). Так постепенно, изо дня в день формировалось мое христианское мировоззрение...

День ангела Владыки — это день памяти мученика Трифона, который Церковь отмечает 1 февраля по старому стилю. Чудотворная икона мученика Трифона в то время находилась в прекрасной церкви во имя мучеников Адриана и Наталии. Этот день для всех нас был большим праздником. Владыка совершал торжественную всенощную, в которой принимало участие духовенство и из других храмов Москвы и Подмосковья. За час до начала службы церковь полностью заполнялась молящимися (особо подчеркиваю, что и молодежью) и почитателями Владыки. Атмосфера в храме достигала высшего духовного, молитвенного подъема, когда начинали петь величание мученику Трифону: все, вместе с митрополитом, едиными устами и единым сердцем прославляли великого мученика и молились ему.

В день праздника торжественную литургию совершал Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей в сослужении архиереев и, конечно, митрополита Трифона. Возглавляя церковное торжество, глава Русской Церкви ставил во время богослужения на первое место именинника,

подчеркивая тем самым глубокое к нему уважение за его пламенную веру и подвиги служения Церкви Христовой. Это торжество закончилось многолетием митрополиту Трифону, который после молебна долго благословлял бесконечное множество молящихся...

Почти за каждым богослужением Владыка обращался со словом назидания к молящимся. Так, в одной из своих проповедей он говорил: «Как же нам не любить Тебя, Господи, Ты наша надежда, Ты наша радость. О, Боже наш, все [да] будем в Тебе, и Ты в нас...» В день праздника Покрова Пресвятой Богородицы Владыка совершил литургию в церкви св. Николая Чудотворца в Пыжах на Большой Ордынке¹. После литургии он обратился ко всем присутствующим с такими словами: «Сердечно приветствую вас с принятием Святых Христовых Таин и с праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Для нас, торжественно совершающих этот праздник, было бы особенно радостно, не правда ли, если бы нашелся такой свидетель, который удостоверил бы нас в том, что Покров Божией Матери, несомненно, находится над нами... Мы, обитатели этого города, можем, несомненно, быть уверены, что Покров Божией Матери простирается над нашими головами и свидетельством тому Сама Владычица наша Небесная, Пресвятая Богородица; и свидетельство это заключается в том, что чудотворные образы Иверский, Казанский и прочие находятся в нашем городе. И Она дарует нам Свою небесную помощь, если мы прибегаем к Ней с открытой душой и сердцем».

Сейчас, перечитывая эти отрывки из многочисленных проповедей владыки Трифона (а они были в то время почти единственным средством, доносящим до многих слово Божие), необходимо отметить, что большая часть их эмоциональности пропала. Владыка обладал такой верой, таким трогательным образом святости и таким проникновенным голосом, что его слово не могло оставить равнодушным никого.

Жил владыка Трифон по-монашески, очень скромно. Последнее время он не имел даже своего жилья и часто переезжал

¹ Этот храм был вскоре закрыт (около 1934 г.); богослужения возобновлены в нем 11 июля 1991 г.

с одного места на другое — то к родственникам, то к духовным чадам. В то время священники именовались «служителями культа» и были «лишенцами» — их лишали не только так называемых избирательных, но и гражданских прав, а заодно и продовольственных карточек. Владыка почти не имел своих вещей. Единственно, что составляло его собственность, — это облачения, да и они были скромные, выполненные из льняного холста. Исключение составляло красное пасхальное, белое парчовое и голубое с золотом — все подарки Елисаветы Феодоровны. Владыка ограничивал себя в пище. Его обычный ужин — одно яйцо с кусочком хлеба и чашка чая. По утрам он никогда не ел (завтрак ему заменяла просфора с освященной водой), и обед его был таким же скромным, как и ужин. В гостях свою порцию он обычно недоедал, оставляя большую часть на тарелке. Когда хозяйка жаловалась, он отвечал: «Ну, матушка, я не виноват, что меня мать так приучила».

Сохранилась запись разговора между владыкой Трифоном и его духовными чадами о том, что важнее — молиться или помогать ближнему. Владыку спросили: если нужно сделать два дела в один день — пойти в храм и посетить больного, — но не хватает времени на то и другое, чему следует отдать предпочтение? Владыка сначала не ответил, а потом спросил собеседника: «А как Вы думаете?» Мнения разделились. Каждый приводил свои аргументы. Потом Владыка заключил: «А я думаю, что нужно и то, и другое сделать, и в храм сходить, и больного навестить».

Особенно проникновенно и с необычным теплом совершал владыка Трифон великопостные службы. Великий покаянный канон св. Андрея Критского он читал в разных храмах — у Малого Вознесения, в храмах Пимена Великого, Адриана и Наталии и других храмах Москвы. Я не застал его богослужений в Страстном монастыре, которого в период моего иподиаконства уже не существовало¹. Но я слышал из вос-

¹ Страстной монастырь был упразднен в 1919 г.; в 1922 г. его захватили обновленцы; однако в июне 1924 г. в нем еще жили монахини. Окончательно монастырь закрыт в 1928 г. и в его зданиях разместился антирелигиозный музей; все здания монастыря снесены в 1937 г.

поминаний многих, что Владыка читал там у Креста Господня (в настоящее время он находится в церкви Знамения у Рижского вокзала) канон св. Андрея Критского. «Господи и Владыко живота моего...» — так начинает митрополит Трифон одну из великопостных своих проповедей и заканчивает ее следующими словами: «Господи и Владыко живота моего, еси Ты, всеблагий и всемогущий, не поможешь мне, если Ты Сам не уничтожишь то зло, что гнездится в моей душе, то сам я никогда этого не достигну. Вырви же из моей души все порочное, сделай ее чистой и святой... Так молится христианин...» Много раз в своей жизни я участвовал в торжественных и пышных богослужениях, совершаемых сонмом Патриархов, множеством архиереев и духовенства. Но службы владыки Трифона в дни Страстной седмицы и Святой Пасхи навсегда остались в моей памяти как пир веры, когда «благодатная сила Божия, жизнь нашей жизни, душа нашей души», по словам митрополита Трифона, осеняла всех, кому выпало счастье молиться вместе с ним...

Чин «Погребения плащаницы» владыка Трифон совершал ночью, а затем начиналась литургия Великой Субботы. Когда хор начинал петь «Воскресни, Боже...», в наших сердцах зажигалась такая пламенная вера, на душе становилось так светло и радостно! Всем молящимся тогда казалось, что они «возносятся все более и более ко Господу; и какие бы ни были искушения, мы будем твердо веровать, что наша вера — вера апостольская, вера Православная; наша вера святыми апостолами всю вселенную утвердила, и ее ничто не уничтожит и не поколеблет» (из слова митрополита Трифона).

Светлое Христово Воскресение. Храм залит потоком света, и вот из уст Владыки раздаются столь дорогие для всякого верующего слова: «Христос Воскресе!» Всего два слова, но сколько в них великого смысла и радости! И как душевно звучал голос Владыки, произносивший эти спасительные слова! Мне казалось, что даже и неверующий готов был в этот момент воскликнуть: «Воистину Воскресе!»

В день праздника Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа — накануне всенощную, а в самый праздник литургию — Владыка служил в храме Малого Вознесения.

Митрополит Трифон, а с ним и все мы особенно любили эту церковь. В последние годы своей жизни Владыка чаще всего служил именно там и, как правило, ранние литургии, тем самым давая возможность присутствовать на службе и молиться и тем, кто работал. Отчетливо помню: раннее утро, 6 часов, скромная архиерейская служба, поют монахини бывшего Никитского монастыря... Но сколько в ней внутреннего молитвенного порыва! На Владыке легкое холщовое облачение, простая вышитая митра...

Проходя по ул. Герцена мимо этого храма, я каждый раз вспоминаю, сколько счастливых дней провели мы здесь, сколько пламенных, искренних, от всего сердца и души молитв сотворено здесь Владыкой митрополитом. По милости Божией и в этом храме, после поругания и осквернения, вновь совершаются богослужения. Как мне хочется помолиться там, но, увы, врачи категорически запретили мне выходить до весны на улицу. Первый храм, куда я, даст Бог, пойду молиться, будет храм Малого Вознесения¹...

И вот наступил 1934 год. Последние Рождественские и Богоявленские службы митрополита Трифона. Владыка чувствовал себя все хуже и хуже, совершать богослужения становилось все труднее. В день памяти мученика Трифона (день ангела Владыки) он совершал всенощную. Храм Адриана и Наталии снова полон, собралось такое множество народа, какое бывает разве на Пасху... Владыка закончил чтение Евангелия и при полной тишине обратился к своей пастве: «Какими же качествами отличался св. мученик Трифон? Он отличался любовью: любовью к Богу и ближнему. Ради этой любви он шел на самые утонченные мучения и пролил кровь за Христа. При конце жизни о чем он просил Господа? Об облегчении мучений? Нет, он молился о тех, которым прежде помогал, которых исцелял, молился и о тех, которым он готов всегда помогать, чтобы всякий, кто будет призывать его имя, был избавлен от прилога злого». А потом Владыка сказал, что чувствует, что это последнее его служение в день памяти

¹ Из этого можно заключить, что настоящие воспоминания Сергей Николаевич писал зимой 1992–1993 гг., поскольку богослужения в храме «Малое Вознесение» возобновились летом 1992 г., а далее говорится о том, что в следующем году исполняется 60 лет со дня кончины митрополита.

св. мученика Трифона, и просил в случае его кончины не отказать ему в молитвах, поминать его и молиться об упокоении его души. Он сказал, что всю жизнь он молился за других — за своих духовных детей, за свою московскую паству, за весь русский народ; а теперь настала пора, и он просит помолиться за него. В храме раздались рыдания, полились слезы и у меня...

Великим постом и в день Светлого Христова Воскресения митрополит Трифон уже не имел более сил совершать богослужения. Все мы ходили в храмы и слезно молили Господа, да сохранит Он Владыку!

Последний раз Владыка был в церкви на Пасху в субботу в храме Малого Вознесения. Он был очень слаб и не мог служить литургию. Причастившись в алтаре при поддержке иподиаконов, он вышел на солею и, поскольку не мог стоять, благословлял народ сидя. Многие в этот день видели его в последний раз.

За несколько дней до кончины Владыка пожелал благословить своих духовных детей. Все с трепетом, тихо, со слезами подходили к постели, на которой под сенью омофора лежал митрополит, и получали благословение, целуя высохшую руку старца. Получил благословение и я. Уверен, что оно еще больше укрепило мою веру и дало мне стойкость и крепость сохранить до сего дня верность Церкви Христовой и по мере моих сил служить делу Божию. В будущем году исполнится шестьдесят лет со дня кончины митрополита Трифона, и все это время я чувствовал его святое благословение; оно укрепляло меня в невзгодах, сохраняло в опасностях (когда усилились репрессии в 1937 г. и в период войны) и давало силы нести весьма скромно, но всегда искренне служение Матери Церкви — более 26 лет я стоял с посохом почти на всех богослужениях Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия [I], иподиаконом которого я был с момента вступления его в должность Патриаршего Местоблюстителя и до его кончины в 1970 году. Этим самым, пусть совсем незначительную, малую долю служения нашей родной и горячо любимой Матери святой Русской Православной Церкви, верю, по благословию митрополита Трифона, внес и я. Смею надеяться,

что и в настоящее время продолжаю по мере сил служить Русской Церкви, создавая религиозные слайд-фильмы, посвященные догматам христианского учения и истории Церкви...

В день смерти (14 июня 1934 года по новому стилю) митрополит Трифон, уже ослепший, просил своих духовных детей петь «Христос Воскресе» и сам пел вместе с ними. Владыка завещал совершить его отпевание в церкви во имя святых мучеников Адриана и Наталии монашеским чином; просил положить его в мантии и клобуке и не произносить речей у его гроба, как это было принято у иноков Древней Руси. Эта последняя воля митрополита Трифона была исполнена.

На Немецком кладбище архиепископы Серафим и Питирим¹ отслужили литию, и все стали расходиться. Все было кончено...

Померк тот светоч, что зарею ясной,
Порой грозя угаснуть каждый миг,
Своей душой, глубокой и прекрасной,
Он многое, нам тайное, постиг.
Он утешал страдальцев безымянных,
Больных душой он крепко исцелял,
И много шло и званых, и незваных
К его огню, что в нем для нас сиял.
Теперь, заснув в надежде воскресенья,
Как белый ангел в небе голубом,
Он отлетел, оставив нам мученья
С тоской пожизненной по нем...

(Автор неизвестен)

За несколько дней до кончины Владыка продиктовал молитву, которая как бы является его духовным завещанием.

В заключение хочу сказать, что без малого уже 60 лет, как с нами нет Владыки. Между тем могила его находится в образцовом порядке. На ней белый крест с надписью: «Дети, любите храм Божий. Храм Божий — это земное небо». Под крестом всегда горит лампадка. Много цветов. Ухаживают за

¹ Серафим (Остроумов), архиепископ Смоленский и Дорогобужский, и Питирим (Крылов), архиепископ Дмитровский.

могилой не только немногие оставшиеся в живых духовные дети митрополита Трифона, но и те, которые познали духовные заветы Владыки и познакомились с его литературным наследием уже после его кончины. К могиле митрополита Трифона идут и идут люди, как к месту упокоения благочестивого старца.

Закончить хочу словами Владыки: «О, милосердный Господи, в наше маловерное время дай нам покаяние разбойника, дай нам веру, когда мы будем на смертном одре, когда силы оставят нас, дай нам слабым, коснеющим языком воззвать к Тебе: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помяни мя, егда приидеши во Царствии Твоем”».

Воспоминания о митрополите Трифоне¹

А. Д. Понсов (2004)

Октябрь 2000 года, я опять в больнице; по ночам плохо сплю, бессонные ночи. Иногда вижу сны, связанные, главным образом, с нашим домом на Новосущевской улице. Очень явственно представляю обстановку наших комнат, иногда вижу маму, папу реже, иногда вижу Владыку... Эти бессонные ночи ясно восстановили в памяти те годы, когда у нас в доме жил митрополит Трифон.

Мои родители были благочестивыми, глубоко верующими христианами; отец — Дмитрий Петрович Понсов; мать — Лидия Митрофановна, в девичестве Солодовникова, она была дочерью купца 2-й гильдии Солодовникова, одной из одиннадцати его детей. Папа кончил техническое училище и получил звание техник-путеец, участвовал в строительстве Забайкальской железной дороги, в 1904 году строил Московскую окружную железную дорогу, а затем служил чиновником Департамента путей сообщения Его Императорского Величества. Мы с родителями жили в Средне-Кисловском переулке и ходили в церковь Никитского монастыря — до тех пор, пока его не закрыли (помню, что я был там в 1924 году). После этого папа ходил в церковь [Николая Чудотворца]

¹ Переписано с аудиокассеты.

в Хлыновском тупике; этой церкви я не помню... А позднее мы стали ходить в церковь Малого Вознесения, что на Большой Никитской улице, почти напротив консерватории.

Как случилось, что папа пригласил митрополита Трифона жить у нас, я не помню. Знаю по рассказам своих родителей, что митрополит Трифон был гоним, ему не давали жить по-долгу на одном месте и вообще запретили жить в домах, принадлежащих государству. А у папы в 1928 году появилась новая квартира.

Дело в том, что в нашей семье было пятеро детей, со мной вместе, но все братья и сестры были значительно старше: старшая сестра Женя родилась в 1896 году, Жорж [Георгий] — в 1899, Лида — в 1904, Лена — в 1907, а я родился в 1920 году. И вот все дочери вышли замуж, старший сын женился, и квартира в Средне-Кисловском переулке оказалась мала. Тогда папа решает перевезти в Москву дачу, которая находилась на станции Крюково Октябрьской железной дороги, как она тогда называлась [Санкт-Петербургское направление], в деревне Кутузово. Это был огромный двухэтажный дом, и одному папе оказалось, конечно, не под силу перевезти его. Он собирает компаньонов, создается коллектив застройщиков, дом разбирают, перевозят в Москву и строят заново на Новосущевской улице. Здесь когда-то протекала речка, которую ввели в трубу, овраг засыпали и замостили булыжником. И вот на этом месте строятся деревянные дома коллектива застройщиков.

В доме на Новосущевской у нас была квартира на первом этаже: три комнаты, шесть окон. Две комнаты были большие, 20 и 22 метра, а третья, крайняя, угловая, — небольшая; собственно, она состояла из двух частей — части, которую отрезали от большой комнаты, и маленькой комнатки 9 метров. Вот в этом помещении г-образной формы, посередине которой, разделяя эти две половинки, стояла голландская печь, в конце 1931 года поселился владыка митрополит Трифон. По рассказам родителей, я знал, что в это время его буквально выгнали с квартиры и он оказался на улице. Тогда папа и предложил ему поселиться в нашей новой квартире на Новосущевской...

В одну из последних ночей, когда я был в больнице, мне вдруг очень явственно представилась в памяти вся обстановка

этой комнаты. У стены против окна стояла железная кровать; левее окна в углу находился иконостас с большим количеством икон. Около кровати — небольшая этажерочка с точеными ножками, и вся такая точеная, с полочками, на которых лежали книжки и какие-то нужные митрополиту Трифону вещи. Перед иконостасом всегда горела лампадка. Справа от окна, в проеме между двумя этими комнатами (они разделялись аркой), стоял длинный, высокий, красного дерева, монастырский шкаф, к которому с левой стороны была прикреплена ширма и благодаря этому митрополит Трифон имел возможность отделяться от остального помещения. Вверху шкафа была крестообразная рама со стеклом, за стеклом — зеленая ткань. В той комнате, которая примыкала к основной, девятиметровой, стояло кресло, которое папа отдал митрополиту Трифону. Кресло было очень удобное, с высокой спинкой прямоугольной формы; меня всегда интересовало потрогать это кресло руками, потому что оно было обито замечательной тканью: по зеленому бархату на сиденье и на спинке были вышиты розы; на подлокотниках — также обитые зеленым бархатом подушечки (правда, в то время, когда я видел это кресло, подушечки были сильно потерты). Когда Владыка принимал каких-то, очень редких, посетителей, он обычно сидел в этом кресле, а посетитель сидел на стуле.

В этом же помещении, с правой стороны от входа, у стены стоял сундучок, на котором спала женщина (кажется, она была монахиня, но скрывала это, потому что монашки преследовались), которая ухаживала за митрополитом Трифоном, убирала комнату, готовила пищу, стирала белье и т. д. Перед комнатой, которую занимал Владыка, была передняя; в ней стоял небольшой столик с тумбочкой и мраморной крышкой. Этот столик с мраморной крышкой и шкаф из красного дерева до сих пор находятся в нашей квартире, в нашем обиходе... Митрополит Трифон очень редко выходил из своего помещения; умывался он у себя в комнате: женщина приносила таз и подогретую воду...

Когда митрополит Трифон появился в нашем доме, я увидел очень небольшого роста старичка со странным глазом —

у него один глаз был с бельмом; тонкий, горбатый, небольшой нос орлиного типа, седые волосы, седая негустая борода. У него был вкрадчивый голос и необыкновенно ласковые и теплые руки; у меня осталось очень теплое впечатление от прикосновения к этим рукам.

Мои родители проявляли максимум внимания и уважения к митрополиту Трифону; чтобы его не беспокоить, мне запрещалось громко разговаривать, кричать, петь; не помню, чтобы мне запрещали приглашать сверстников, но получалось так, что в этот период я никого и не приглашал — очевидно, из опасения, чтобы лишние глаза не видели митрополита Трифона у нас в доме. К нему очень редко приходили люди, очевидно, по какой-то предварительной договоренности; иногда за ним приезжали два молодых человека на извозчике, забирали его, и он ехал служить в тот или иной храм.

Мы с папой бывали на службах митрополита Трифона, в частности в храме «Малое Вознесение». Народу было очень много, яблоку негде было упасть; часто бывало так, что в храм невозможно было войти и не попавшие в храм люди стояли на улице. По благословению митрополита Трифона мы с папой молились за службой, находясь в алтаре.

Мы знали, что за митрополитом Трифоном велось наблюдение; часто под каким-то предлогом — то как работник Мосэнерго или какой-то другой работник — в квартиру врывается человек и что-то вынюхивал, высматривал. После смерти митрополита Трифона соседи говорили нам, что к ним неоднократно приходили люди из ГПУ и выспрашивали, кто приходит к митрополиту Трифону, кто у него бывает; но соседи, живущие за стеной в соседней квартире, ничего рассказать не могли.

Однажды, то ли в 1932, то ли в 1933 году, на мои именины митрополит Трифон подарил мне конструктор.

Папа мечтал о том, чтобы я стал инженером, и всячески направлял мои поползновения на то, чтобы я развивал себя в этой области; с этой целью мне был куплен маленький конструктор. А надо сказать, что жили мы, в общем, бедно и не всегда имели деньги на пропитание: папа был «лишенцем», после революции он, как буржуазный чиновник, был лишен

всех прав и не мог нигде устроиться на работу. Одно время папа был старостой в Никитском монастыре, потом старостой в церкви [Николая Чудотворца] в Хлыновском тупике; и только в конце 1920-х годов он устроился в какую-то контору, где получал мизерные деньги. И папа все же подарил мне маленький конструктор. Но из этого маленького конструктора мало что можно было сделать...

И вот неожиданно митрополит Трифон подарил мне большой конструктор, из которого можно было делать автомобили, подъемные краны, какие-то сооружения и массу всяких вещей... Это был царский подарок!..

Мама волновалась о моем будущем и спрашивала у Владыки, куда направить устремления Алеши. Поскольку я всегда рисовал, с малолетства, как помню себя, и Владыка это знал, то он посоветовал обратиться к художнику Павлу Дмитриевичу Корину. Он дал рекомендательную записку, и мы с мамой поехали к Павлу Дмитриевичу. Помню, что это было либо весной, либо осенью, потому что было сыро, и у меня промокали ноги. Павел Дмитриевич жил в то время на Усачевке (за теперешней станцией метро «Парк культуры»)¹, у него был большой деревянный дом. Когда мы вошли в этот дом, я был поражен количеством икон, висевших на стенах; в мастерской у него были расставлены портреты различных служителей Церкви: митрополитов, епископов, монахов, монахинь, а на мольберте стоял эскиз картины, которую он замыслил: «Уходящая Русь»; она была около трех метров длины и метр высоты. Я увидел, что посередине на этой картине написан и митрополит Трифон — его маленькая фигурка в ярко-красном пасхальном облачении является центром всей композиции. Павел Дмитриевич посмотрел мои рисунки и сделал очень серьезное наставление. Он говорил, что профессия художника является чрезвычайно серьезной и ответственной; для того, чтобы стать настоящим художником, надо оставить все увлечения и увеселения и полностью отдаться этому искусству — только тогда из меня может получиться настоящий художник. Не знаю, насколько я его завету следовал; думаю,

¹ С 1933 года П. Д. Корин († 1967) жил и работал в доме на Малой Пироговской улице, где ныне Дом-музей П. Д. Корина.

что из меня большого художника не получилось...

Митрополит Трифон дома ходил обычно в холщовом подряснике, подвязанном поясом в виде шнурка с кисточками на концах. Передвигался он в это время уже с трудом: обычно шел с палочкой или его сопровождала та самая женщина. Но ходил он по квартире очень мало.

Не помню, чья это была инициатива, но однажды митрополит Трифон сфотографировался на фоне деревянной стены нашей большой комнаты и на обороте этой фотографии написал: «Моей дорогой духовной дочери и благодетельнице Лидии Митрофановне на память об искренно и навсегда благодарном и молящемся за нее и за всех ей дорогих убогом, болящем старце. М. Трифон. 1933 год, 23 марта / 5 апреля». Он написал эти благодарственные слова своей духовной дочери, моей матери...

Летом 1933 года папа снял дачу по Савеловской дороге, станция Влахернская, деревня Свистуха. Думаю, что выезд в эту деревню, в эти красивые места (Клинско-Дмитровская гряда — очень пересеченная местность, поля, луга, замечательная природа) произошел не случайно, а по совету Владыки, который прежде возглавлял Дмитровскую епархию и прекрасно знал все эти места. Живя в деревне Свистуха, мы с папой ходили во Влахернский женский монастырь¹, были там на празднике Троицы; меня поразило, что в церкви в этот день все женщины и девочки были как на подбор в белых платочках. Теперь этого в храмах не увидишь, а тогда это произвело на меня большое впечатление. Еще я запомнил, что в храме было очень красивое убранство из молодых березок и свеженакошенной травы, которая устилала пол храма.

Это было последнее лето, которое я прожил вместе с папой и с мамой в деревне Свистуха на станции Влахернская...

Папа умер внезапно, находясь в командировке в г. Коломне, 5 марта 1934 года. Отпевал папу митрополит Трифон в храме Малого Вознесения (он сам изъявил желание, хотя был

¹ Спасо-Влахернский женский монастырь в 12 верстах от г. Дмитрова, на реке Икше; основан в 1858 г. святителем Филаретом (Дроздовым). Монастырь был закрыт в 1931 г., но, как видно из этих воспоминаний, службы в храме совершались и в 1933 году.

уже тяжело болен). На отпевании было много народа, потому что папу многие знали... Там митрополит Трифон и сказал слово, которое теперь опубликовано¹...

Летом 1934 года на дачу меня повезла старшая сестра Женя. Мама оставалась в Москве: митрополиту становилось все хуже и хуже, и она почти неотлучно была при его последних днях. Мама, конечно, была не одна, там были и другие люди; но тем не менее она была при Владыке до его последнего вздоха².

Похоронили митрополита Трифона на Немецком кладбище, там, где похоронен и мой отец. У владыки Трифона замечательная могила с белым мраморным крестом, на котором выбита надпись — его поучение: «Любите храм Божий, храм Божий — это земное небо». Всегда, когда я бываю на кладбище, я захожу на эту могилку. Так было, когда еще была жива моя жена Ирина; а сейчас, когда я уже слепой, меня сопровождает обычно дочка Мария...

¹ В: [39], с. 391–393; см.: наст. изд., с. 397.

² Лидия Митрофановна Понсова (1875–1964), пережив множество скорбей и потерь родных и близких людей, прожила еще долгую жизнь; все скорби принимала со смирением, от руки Божией, часто говорила: «На все воля Божия, значит, так угодно Господу, надо потерпеть». Она мирно скончалась 30 марта 1964 г.; отпевали ее в храме Воскресения Словущего (апостола Филиппа) на Арбате. Похоронена на Немецком кладбище.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ МИТРОПОЛИТУ ТРИФОНУ

*С. Соловьев*¹

[Епископу Трифону]²

I

Забуду ль день, когда, скитаясь праздно
По улицам столицы опустелой,
Июльским утром завернул случайно
Я в древний монастырь Богоявления,
И в храм вошел, и сквозь толпу густую
Едва достиг до середины храма,
Тогда был час великий возношенья
Святых Даров. От множества людей
Весь воздух заслан был как бы туманом,
И было тяжело дышать от жара
Толпы бесчисленной и благовонья
Пред алтарем курящихся кадил.
И сквозь туман увидел я тебя:
Перед потиром с Кровию Христовой
Ты предстоял в одеждах голубых,
И, обратясь от Царских врат к толпе,
С властительно поднятою десницей,

¹ Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942), внук историка С. М. Соловьева, племянник философа и поэта В. С. Соловьева. Отец его, М. С. Соловьев († 1903), — филолог, переводчик, исследователь евангельских текстов. Сергей Михайлович окончил Московский университет, а затем (в 1915 г.) Московскую духовную академию; в 1915 году рукоположен во священника, в 1923 г. перешел в католичество, с 1926 г. — вице-экзарх русской католической церкви греческого обряда. В 1931 году арестован. † 2 марта 1942 г. в г. Казани.

Помещенные ниже стихотворения взяты из книги: Возвращение в дом отчий. Четвертая книга стихов, 1913–1915. М., 1915. Книга посвящена автором преосвященному епископу Дмитровскому Трифону.

² Указ. изд. С. 7–10.

Благословлял склонившийся народ
И возносил дикий и трикий...
И мне казалось, что давно-давно
Тебя уж видел я пред алтарем,
Что это дивный сон, который вновь
Ко мне вернулся после долгих лет.
Когда же совершилась литургия,
Ты в клобуке и в мантии смиренной
Сошел к толпе и, опершись на посох,
Разверз уста для слова золотого:
Ты говорил о лестнице небесной,
Явившейся Иакову в Вефиле,
Ты воспевал духовную хвалу
Заступнице нескверной и неблазной,
Зане Ее был праздник в этот день —
Казанская. Окончив поученье,
Из храма ты пошел в твой тихий дом,
И видел я, как меж дерев зеленых
Неслышно плыл твой ангельский клобук,
И легкая рука не уставала
Благословлять теснящийся народ,
Пока не скрылся ты за дверью кельи.

II

Да, этот день был для меня началом
Прекрасной, новой жизни: будто вновь
Ко мне вернулась юность золотая,
Овеянная розами любви.
И новая весна в моей душе
Теперь цветет уже нетленным цветом,
И ей конца не может быть: она
Не связана пределом жизни бренной.

Как хорошо, покинув Вавилон,
Греховный град машин, автомобилей,
Театров, электричества, трамваев,
Дворцов разврата, рядом с нищетой
Воздвигнувших сверкающие стекла, —

Покинув это царство князя тьмы,
Ступить за монастырские ворота,
Куда не проникает шум мирской,
Где из-за нежной зелени приветно
Глядит с дверей церковных черный схимник —
Старинный князь московский Даниил.
Там, дальше — вечно озаренный рай,
Как бы кусок божественного неба,
Упавший в тьму земную. Там — сиянье
Лампад, благоухание кадильниц
И дивные каноны и стихиры,
Как отзвуки напевов неземных.
Там, у порога, Сам Христос тебя
Встречает в виде нищего калеки,
Прозящего о скудном подаянье.
Здесь он стоит, прижавший зрак раба,
А там, во храме, зришь его во славе,
Грядущего на облаках небесных.
Там предстоит его земной наместник,
И отроки пред ним, как херувимы,
Скрещают златоликие рипиды,
И черный клир приветствует его
На языке священной Византии.

III

О, княжеского рода цвет прекрасный!
Благословен тот день, когда на север,
Покинув горы Грузии цветущей,
Направил путь твой предок отдаленный.
Позволь же мне с толпой твоих овец
Благодарить тебя за то, что ты
В сердцах людей, внимающих тебе,
Разжег угасший уголь любви Христовой.
Ведь плакал весь народ, тебе внимая,
Когда ты в день обретенья Креста
Нам говорил о бремени Христовом
И бичевал преступные сердца,
Раскрывши язвы совестей греховных,

Епископ Трифон (Туркестанов). Москва, фотография А. Стейкер. Конец 1910-х гг. На оборотной стороне — дарственная надпись: «† На молитвенную память любящей дорогой о Христе сестре Вере Павловне от монахини Параскевы. Да хранит Вас Господь за молитвы Епископа Трифона. 29 декабря 1921 года». Из фондов музея Данилова монастыря, Москва

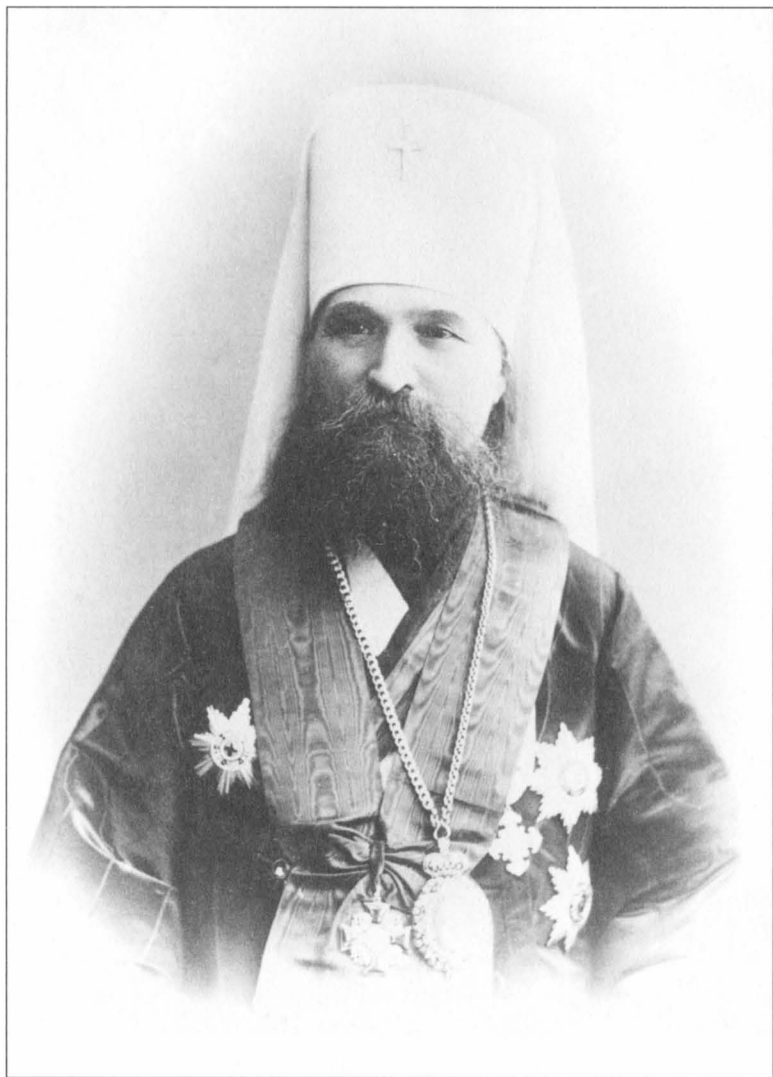

҃еромонахъ От. Варнава.

Старец Варнава Гетсиманский. Начало XX в.
Из фондов Издательства Московской Патриархии

Старец Амвросий Оптинский. Конец XIX в.
Из фондов Издательства Московской Патриархии

Митрополит Московский Владимир (Богоявленский). 1900-е гг.

Епископ Дмитровский Трифон.
Москва, фотография П. А. Пономарева, 1905 г.
Из фондов музея Данилова монастыря, Москва

Прием делегации в Московском епархиальном доме. В первом ряду сидят: пятый слева — епископ Трифон;
пятая справа — его мать княгиня Варвара Александровна Туркестанова. 1900-е гг.

Богоявленский монастырь. Из альбома Н. А. Найденова.
Начало XX в.

Часовня во имя великомученика Пантелеимона. Начало XX в.

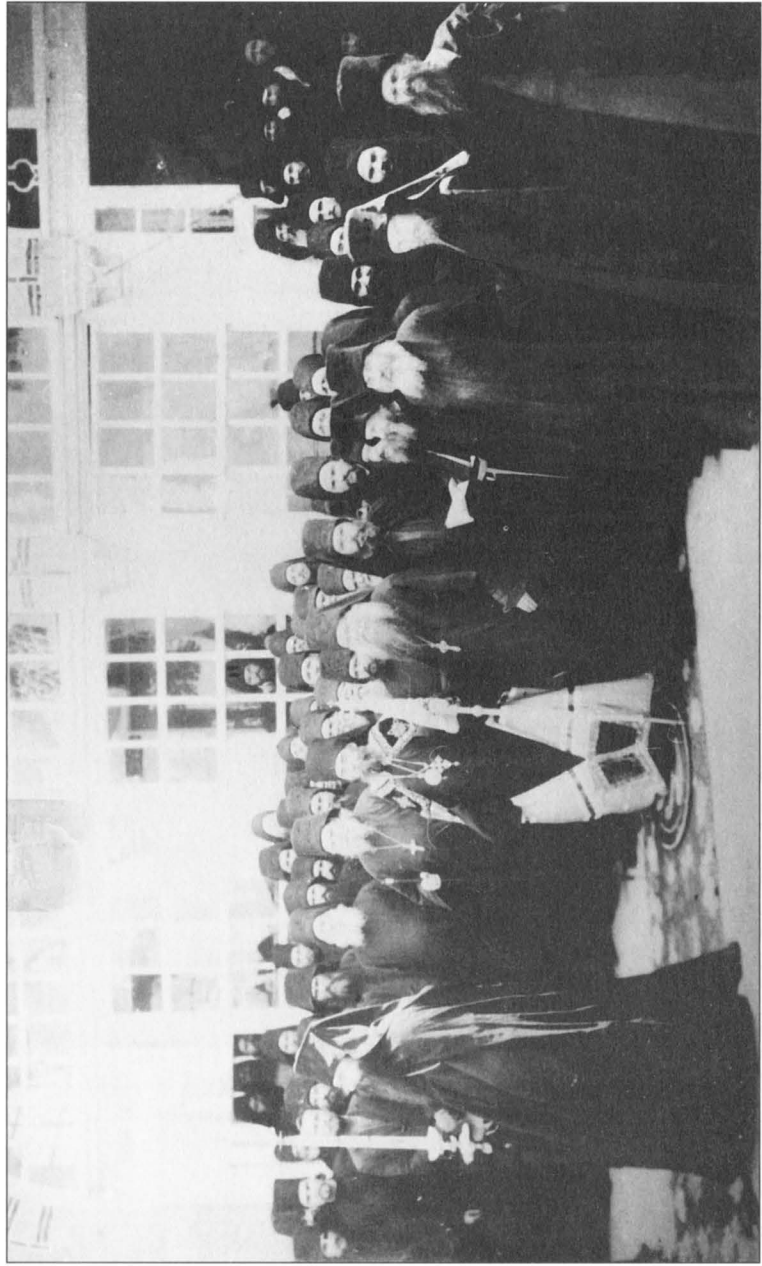
Московский Кремль. Почтовая открытка, начало XX в.

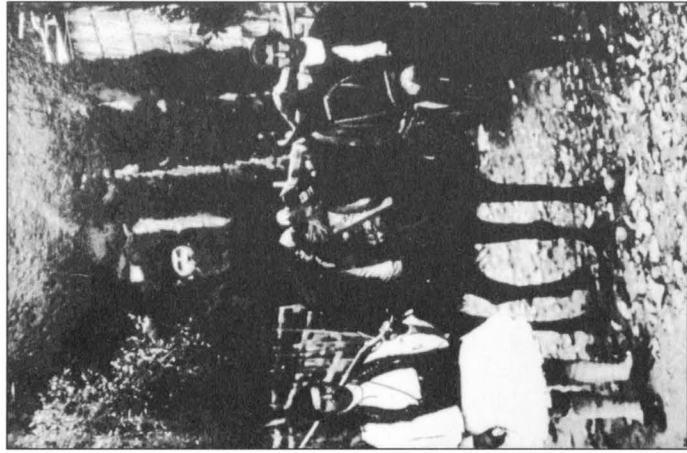
Епископ Трифон (в центре) в Иоанно-Предтеченском скиту
Оптиной пустыни, 1900-е гг.
Из фондов музея Данилова монастыря, Москва

Старец Варсонофий Оптинский. Начало XX в.
Из фондов Издательства Московской Патриархии

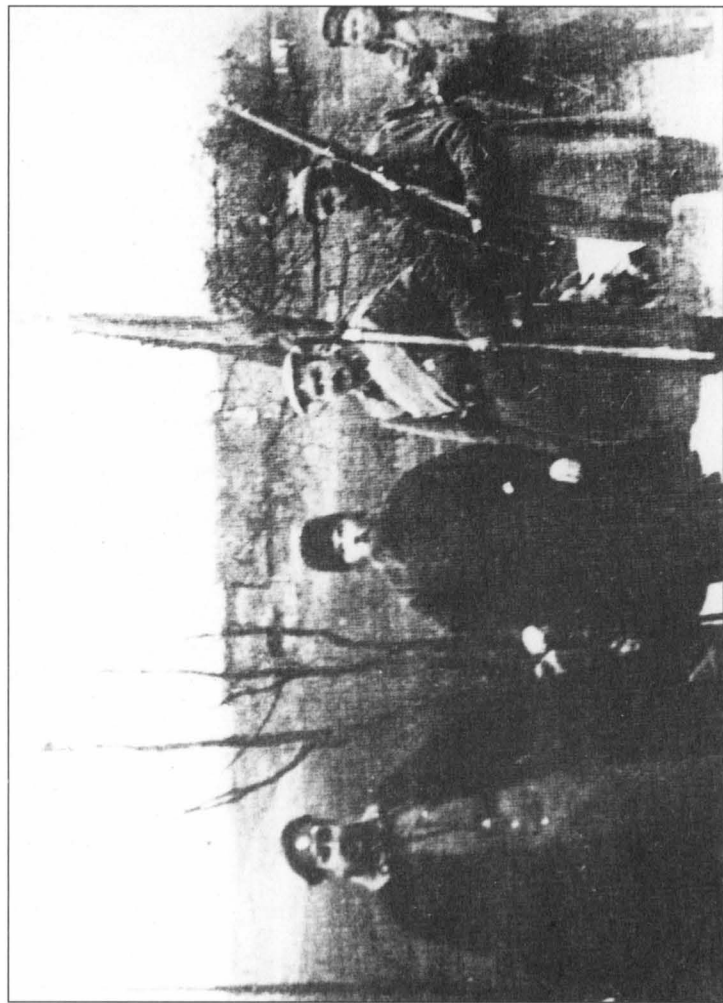
Шествие преосвященного Трифона из Пантелеимоновского собора Русского монастыря на Афоне после литургии.
15 августа 1912 г. Из архива альманаха «К свету»

Преосвященный Трифон во время поездки по Святой Горе. Август 1912 г.
Из архива альманаха «К свету»

В болгарском монастыре Зограф на Афоне. Епископ Трифон с братом Д. П. Туркестановым сидят в центре. Второй слева от митрополита Трифона — игумен Зографа архимандрит Каллистрат. Август 1912 г.
Из архива альманаха «К свету»

Епископ Трифон на фронте. 1914—1916 гг.

+

Моей дорогой духовной дочери Марии
 Троицкой на память о нашей общей
 вере и усердных молитвах друг за
 друга в имени Искупителя
 Верного и вечного Спасителя
 Трифона

1921 г.

1-го июля, день 20-летия моего архирейства.

На обороте фотографии — подпись преосвященного Трифона:

«† Моей дорогой духовной дочери Марии Злобиной на память о наших общих горячих и усердных молитвах друг за друга во многих московских храмах. Сердечно любящий, грешный епископ Трифон.

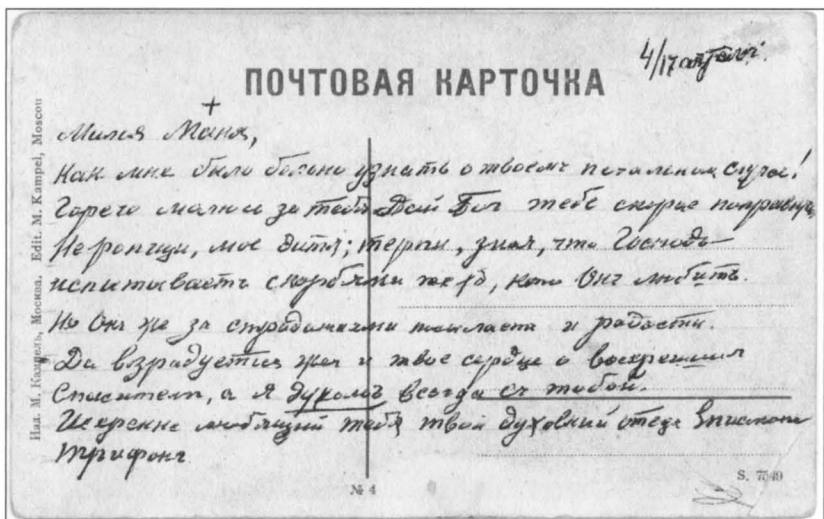
1921 г. 1-го июля, день 20-летия моего архирейства». Из архива А. М. Залесского

Епископ Трифон. После 1916 г.

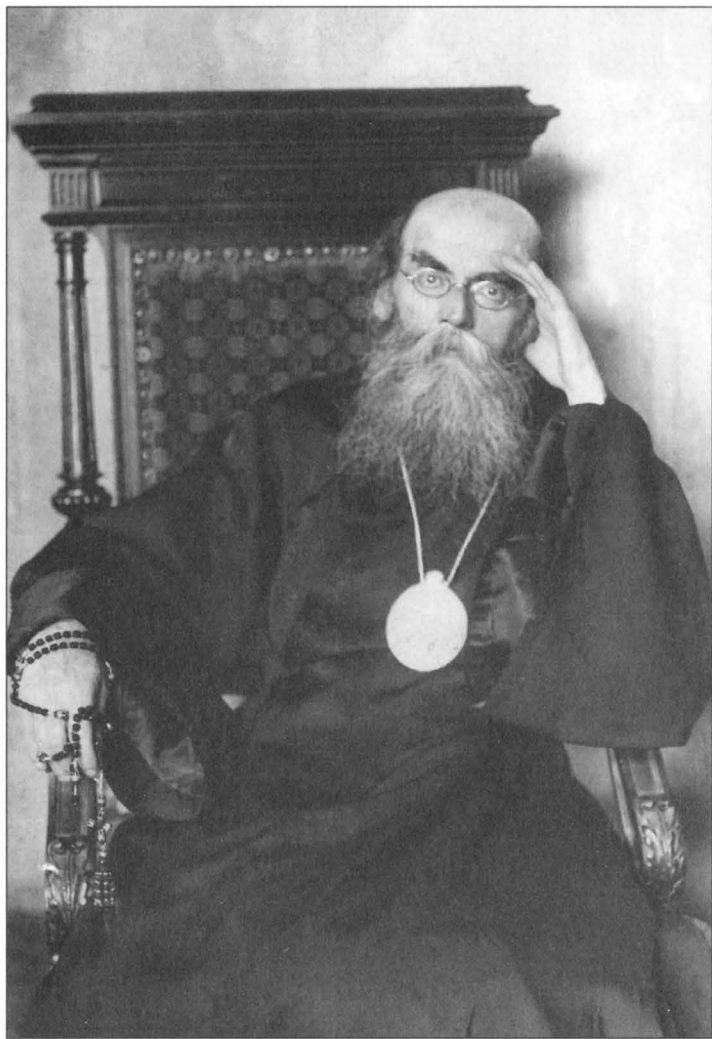
Почтовая карточка с видом Новоиерусалимского монастыря с надписью рукой преосвященного Трифона: «Сюда меня Маня провожала»

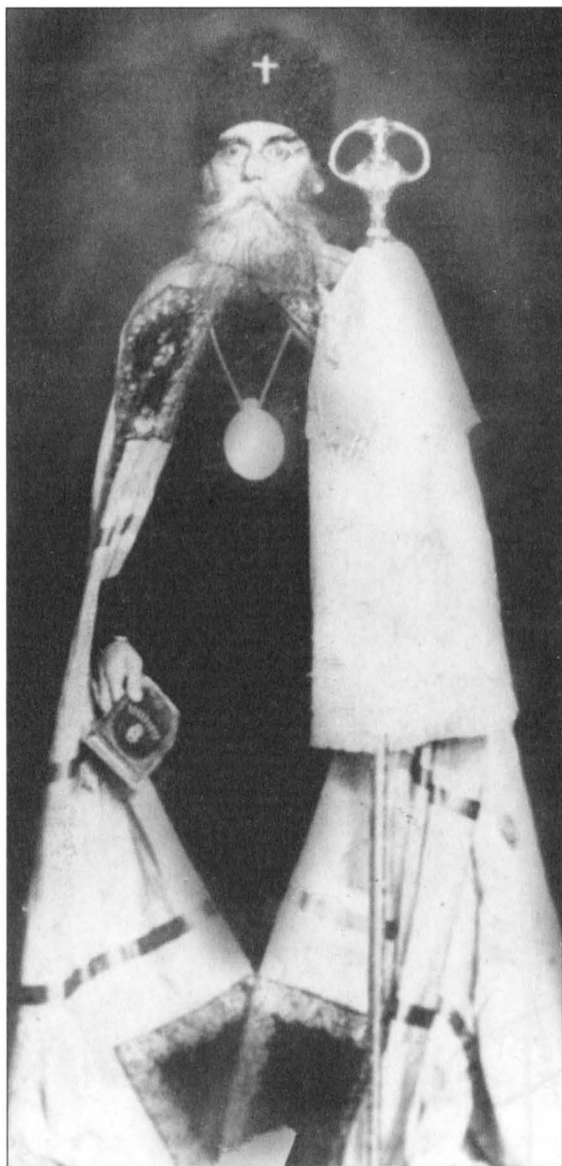
На обороте карточки — письмо преосвященного Трифона: «† 4/17 апреля. Милая Маня, как мне было больно узнать о твоём печальном случае! Горячо молюсь за тебя. Дай Бог тебе скорее поправиться. Не ропщи, мое дитя; терпи, зная, что Господь испытывает скорбями тех, кого Он любит. Но Он же за страданиями посылает и радости. Да возрадуется же и твое сердце о воскресшем Спасителе, а я духом всегда с тобой. Искренне любящий тебя твой духовный отец епископ Трифон»

Епископ Трифон.
Москва, фотография А. Стейкер. Конец 1910-х гг.

Преосвященный Трифон. Москва, фотография А. Стейкер.
На оборотной стороне — дарственная надпись, автограф
митрополита Трифона: «† Моей дорогой духовной дочери
Пелагии Семеновне на память долголетних молитв
друг за друга. М. Трифон. 1932 г. 31 мая».
Из фондов музея Данилова монастыря, Москва

Епископ Трифон (Туркестанов).
Конец 1920-х гг.

Церковь мученика Трифона в Напрудном.
Из альбома Н. А. Найденова

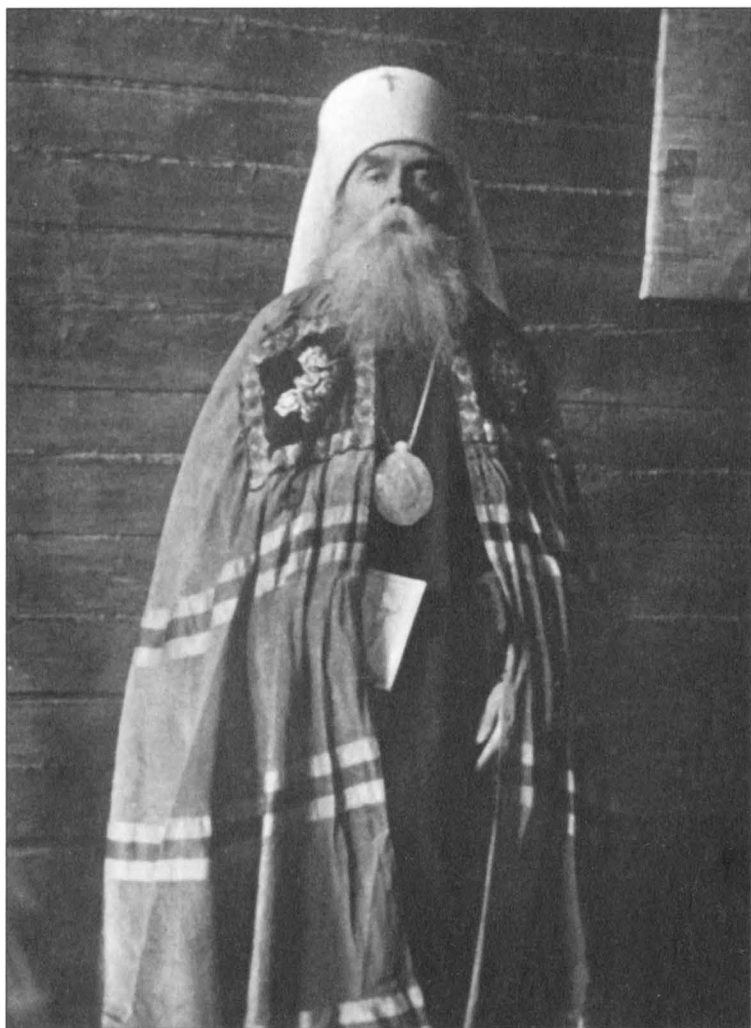
Семья Федуловых. В центре — Варвара Тимофеевна,
крайняя слева — Маня (Мария Тимофеевна). Начало 1910-х гг.

Вспомни воскрес Христова !

Дорогой Марусь Николаевна,

Сердце сердцу востановит. Сногиз и вера душой
уверенно о нас, согражданин, сногиз посетит
наша аула и правителств - и вдруг -
поиграю Ваше письмо. Сердце благодарно
и теплое устрою. Я боюсь, пережил теперь
на волнообразии. Изгнанный от небес
врага. Да будет Он волею. Ваша кону
Вас видят, моя дорога, думаю, что это
можно устроить для нас удовольствие. Я как
устрою - сообщит сама
можею стару М. В. В. В.

13 апр 1934

Митрополит Трифон в квартире Д. П. Понсова. 1931–1934 гг.
Из архива А. Д. Понсова

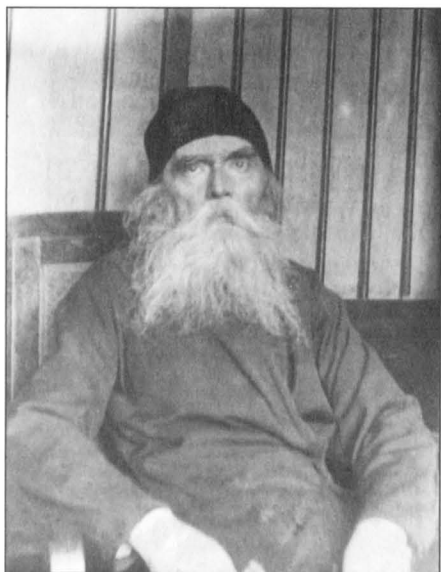
Дом на Новосушевской ул., где в квартире Д. П. Понсова в последние годы жил и скончался митрополит Трифон. Окна комнаты владыки Трифона — в нижнем этаже, два крайние справа.
Дом разрушен в начале 1980-х гг. Из архива А. Д. Понсова

Дмитрий Петрович Понсов, 1910–1917 гг.
Из архива А. Д. Понсова

Семья Понсовых. Начало 1910-х гг. Из архива А. Д. Понсова

Митрополит Трифон в квартире
Д. П. Понсова, на фоне
деревянной стены большой
комнаты, 1931—1933 гг.
Фотография была подарена
митрополитом Трифоном Лидии
Митрофановне Понсовой

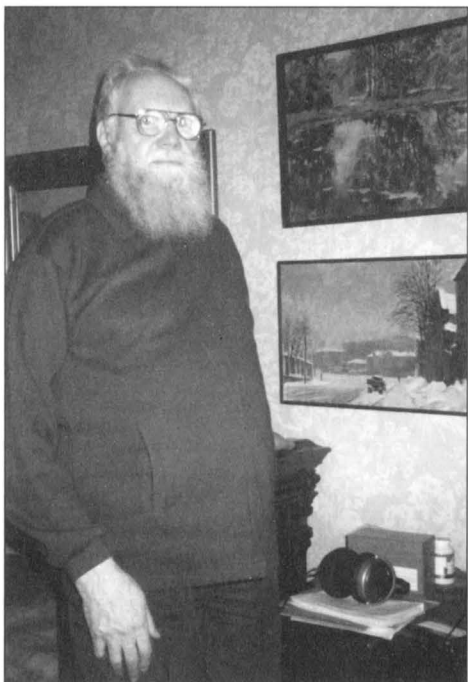
На оборотной стороне
фотографии — подпись
карандашом (автограф
митрополита Трифона):
«Моей дорогой духовной
дочери и благодетельнице
Лидии Митрофановне
на память об искренно
и навсегда благодарном
и молящемся за нее
и за всех ей дорогих убогом
болящем старце.
М. Трифон. 1933 год,
23 марта / 5 апреля».
Из архива А. Д. Понсова

+

Моей дорогой духовной дочери и
благодетельнице
Лидии Митрофановне
на память об искренно
и навсегда благодарном и
молящемся за нее и
за всех ей дорогих,
убогом болящем старце
М. Трифон
1933.
23 марта

Митрополит Трифон. 1931–1934.
Эта фотография — благословение
матери Алексею Дмитриевичу
Понсову, отправляющемуся
на фронт в годы Великой
Отечественной войны.
Из архива А. Д. Понсова

Алексей Дмитриевич Понсов
у себя в квартире. Справа
внизу — его картина: вид
Новосушевской улицы, холст,
масло, 1949 г.
Фото 2004 г.

Церковь свв. Адриана и Наталии в Мещанской слободе.
Из альбома Н. А. Найденова

Похороны митрополита Трифона. Июнь 1934 г.

На могиле митрополита Трифона на Введенском (Немецком) кладбище. 1980-е гг.
Крайний слева — Алексей Михайлович Залесский; в центре — Мария Тимофеевна Злобина

**Могила митрополита Трифона на Введенском
(Немецком) кладбище. 2003 г.**

Эскиз портрета митрополита Трифона к картине
«Русь уходящая». Художник П. Корин

Я не прошу Тебя, Владыко всей вселенной
Счастливых и спокойных дней дая.
Тусклой жизни я скоро, миром всем забвением,
Ведь знаю, как коварен лживый свет.
Я смерно об. одним прошу, молю, взыблю:
Душе моей смятенной дай покой.
Смотри, как стар, измучен я, как я страдаю,
О, усмотрю Ты дней остаток мой.
Да' знаю сам не стою удивления:
Так много падено я грешу, грешаю.
Но Ты всекий бог всекого прощай.
Средь крестных мух разбавника прости.
Обетов страшных я неосвоен добровольно.
Я то же на кресте - меня прости...
Мне было горько жить, и тоскливо, и больно,
Ужасно не дошло Ты меня смести.

Митрополит Трифон

Стихотворение митрополита Трифона «Молитва».
Автограф митрополита Трифона. Из архива А. Д. Понсова

Ты грозен был, как древний Моисей,
Во гневе разбивающий скрижали
На празднике кощунственном тельца.
Зато какая радость и услада,
Какая неземная тишина
Сходила в душу нам, когда вещал
Ты о святом затворнике Сарова
И повторял за ним «Христос Воскрес»,
Будя надежду радости пасхальной.
Благодарю тебя за то, что мне
Ты кровь согрел воспоминаньем нежным
О дальних днях, когда с моим отцом,
Бродили мы весной в Нескучных рощах,
Два отрока, направившие ум
От суеты — к познанию тайн Христовых.
Благодарю тебя за то, что мне,
Рабу греха, принес благословенье
Ты Оптиной обители заветной —
Свободы будущей обетованье.

О, дай же мне за клубуком твоим,
Идти вослед, следы твои лобзая,
Как ты идешь дорогою Креста!
О, напои иссохшую пустыню
Моей души словами золотыми,
Мой грех очисти язвою Христа
И освяти меня благоуханьем
Иаковлевой лестницы небесной.
Пусть твои верховные молитвы
Восходят ввысь, как фимиам кадильный,
И охраняют родину святую.
Да укрепят тебя в трудах твоих
Пречистая и Серафим Саровский.

7 ноября 1913 г., Дедово

Из стихотворения «Святой Москве»¹

Кто сей третий черноризец строгий?
(Как бела, нежна его рука!) –
Князь, презревший род свой для убогой
Кельи и простого клобука.

С темным, сокрушенным, строгим взором,
Всю толпу волнуя громом уст,
Голубым сияя омофором,
Он идет, как новый Златоуст.

Он не помнит пиршеств многолюдных,
Суета от сердца далека.
Побледнела в четках изумрудных
Княжеская гордая рука.

Шум толпы ему докучен ныне,
И труды правленья — тяжелей:
Улетел бы к Оптиной пустыне
Строгий ангел Дмитровских полей.

Только там — все то, что сердцу мило,
Тихие надгробные кресты...
И зовет Амвросия могила
Инока из мира суеты...

Не во сне ли было то виденье?
Неужели вновь она жива,
В золоте, в дыму кадил и в пенье
Третий Рим — священная Москва?

1913 г.

¹ Соловьев С. М. Возвращение в дом отчий. Четвертая книга стихов, 1913–1915. М., 1915. С. 20–22.

14 сентября 1913 года

(Юбилей Миланского эдикта)¹

По улицам почившего града
Я шел во мгле, чтоб славить Крест Христов,
И призраками высилась громада
Бесчисленных домов.

Белел рассвет. Неслося издалека
Предутреннее пенье петуха.
Весь город спал угрюмо и глубоко
Позорным сном греха.

А в ясном небе теплилась денница,
Уже заря готовилась взойти...
Лишь пьяница охрипший и блудница
Мне встретились в пути.

Смиренною и тихою отрадой
Меня манил белеющий собор,
Дремавший сад и скудную лампадой
Чуть озаренный двор.

Там древняя мерцала позолота,
И темный храм был светел, как Эдем;
Там шла давно горячая работа,
Не зримая никем.

Молились иноки о грешном мире,
Бескровные от бденья и постов,
И ты скрещал дикий и трикий,
Даруя свет Христов.

¹ Соловьев С. М. Возвращение в дом отчий. Четвертая книга стихов, 1913–1915. М., 1915. С. 23–24. Миланский эдикт 313 года — указ о веротерпимости, изданный римскими императорами св. равноапостольным Константином Великим и Лицинием, уравнявший христианство в правах с язычеством во всей Римской империи.

За грешный мир, за мир прелюбодейный,
В чаду греха уснувший, как в гробу,
Ты возносил в тиши благоговейной
Смиренную мольбу.

Еще вчера прияла тьма могилы
Все, чем тебе был красен этот мир¹,
Но бодр и строг, Христовой полон силы,
Ты возносил потир.

И твоего сияния лучами
Моя душа, когда я вышел вон,
Была полна... А в небе рдело пламя,
И раздавался звон.

И храмы все гудели заедино,
И таяли в сиянье хоры звезд,
Как в день, когда пред взором Константина
Явился в небе Крест.

**Епископу Трифону,
путешествующему за границей²**

Ты долго ждал целенья от недуга
И отдыха от пастырских трудов.
Привет тебе, в краю веселом юга
И непорочных льдов.

Счастливый край! Там все — утеха взора:
Краса и блеск лимонов золотых,
Лазурные швейцарские озера,
Вершины Альп седых.

¹ Имеется в виду смерть матери епископа Трифона, Варвары Александровны Туркестановой, 11 сентября 1913 г.

² Соловьев С. М. Возвращение в дом отчий. Четвертая книга стихов, 1913–1915. М., 1915. С. 25–26.

Но для чего судьба тебе судила
Тогда найти свободу и покой,
Когда сокрылось все, что было мило,
За гробовой доской¹?

Не внемлешь ты грохочущим потокам.
Не видишь горы в снежном серебре:
Ты сердцем здесь, на севере далеком,
В Донском монастыре.

Роскошный юг не облегчит потери!
А между тем, о пастырь и отец,
Здесь, в зимнем храме, тесном, как в пещере,
Стада твоих овец

Все ждут тебя смиренно и уныло,
Все те же лики смотрят с древних стен,
И также зыблет звонкое кадило
Твой дьякон Гермоген.

Все тот же мир и мраморные плиты,
И, жарче недоступного любя,
Сердца людей в одной молитве слиты,
В молитве за тебя.

В субботний вечер песни мироносиц
Все также льются в облаке кадил,
Но пуст алтарь, и мальчик жезлоносец
Как будто приуныл.

Епископ наш возлюбленный! Скорее
Вернись в свой храм. Молюсь, чтоб ты окреп,
Чтоб славить жезл из корня Иисея,
И ясли, и вертеп.

1 декабря 1913 г.

¹ Имеется в виду смерть матери; Варвара Александровна была похоронена в Донском монастыре.

Арсений Денисов, епископ Ефремовский

Архиепископу Трифону

Сбылось как будто бы... но то ль, о чем мечтал?
Рад и не рад я сам, — и новых полн смущений...
В два кратких мига я бывшее растоптал,
И жадно встреч я жду и новых ощущений.

Иным пойду путем, не знаемым досель,
Не проторенным мной, в краю мне неизвестном...
Но не забуду я дум тайных колыбель,
Где круг друзей моих кольцом сжимался тесным.

Средь них блистал один, чей дух мне был сродни,
Чей светоч мне сиял во мгле моих блужданий,
Чей голос ободрял меня в унынья дни,
Чье сердце плакало в часы моих страданий.

Забуду, может быть, я все, чем прежде жил,
И отрекусь от грез, что душу жгли порою,
Но буду помнить я тебя, с кем рок скрестил
Мой одинокий путь пред вечною зимою.

Москва, 5/18 октября 1927 года.

ПИСЬМА

Поздравление архиепископу Трифону от духовных детей в день Ангела

31 января [около 1930 года]

Тесною семьей с великою любовью окружили мы Вас, Владыко святой, в день Ангела Вашего. Что же, собственно, собрало нас, что вообще влечет сюда всех, в эту малую, тесную келью, и не нужно бывает порой нам ничего, лишь бы только сюда на службу попасть. В дни скорби и слез и душевных волнений, отчего сюда так спешит собрат-богомлец? Словно кто шепчет ему: «Брат дорогой, позабудь все на время и скорее иди, да спешь, там, у старца, наверное, уже все собрались, там ты от чистого сердца обучишься общей молитве, и пастырь там добрый утешит тебя».

Шумному свету покажется странным, даже совсем непонятным, отчего с такой великой любовью сюда идет народ. «Ничего здесь не вижу я, — скажет он гордо, — тесная келья, старец-монах и только»... Смолкнет шумный свет и не даст нам ответа, зачем мы сюда собрались. Дам ответ я за всех, как мне сердце подскажет.

Эта тесная келья — наш дом молитвы, где слово живое нам льется обильной струей. Здесь молится отец наш духовный, здесь молимся слабые мы — дети его. Живое участие во всем принимаем, поя, читая и воспевая Творца.

Наконец, ведь здесь наш Владыка, а с ним нам везде хорошо. Старец по опыту знает, что «трудна к спасенью дорога и детям моим одним не дойти»... И молится старец за всех горячо, как за нас — юных, так и за новых. Не забыты и первые, что с начала с твердою верой вслед за учителем спешно пошли. Чуткое сердце Ваших духовных детей все ценит, все видит и помнит. Уста благодарно шепчут молитву за Вас,

и сердцем смиренным я это за всех говорю: «Владыко свя-
тый, мы за Вами пойдем ко Христу в Царство Небесное, а там
Вас Господь вознаградит за все».

Из письма архиепископу Трифону от духовных детей

[...]¹ С достоинством выполняете назначение доброго пасты-
ря, душу свою полагающего за своих овец, живя их жизнью,
радуясь их радостями, плача их слезами.

Владыко, дорогой наш, от всей нашей души и любящих
сердец примите наше глубокое уверение, что Ваши молитвы,
привет и ласка всегда были дороги для нас, и все мы от всего
нашего сердца искренно и горячо полюбили Вас как своего
Архипастыря и Отца. Наши, может быть, грешные и недо-
стойные, но зато горячие и неустанные молитвы всегда будут
за Вас, за Ваше дорогое здоровье и благополучие, и нас, доро-
гой Архипастырь и Отец, не забудьте и впредь в Ваших святи-
тельских молитвах.

Письмо архиепископа Серафима (Остроумова) в годовщину кончины преосвященного Трифона

Дорогая о Господе Варвара Тимофеевна!

Получил Ваше письмо и, читая его, еще раз пережил го-
довщину смерти нашего дорогого, любимого Владыки и отца,
вспоминая его светлый, дорогой, любимый образ, всю его
любовь и доброе отношение к нам всем на протяжении
стольких лет. Пред Богоявленским образом, которым он
меня благословил в последний раз на память в Богоявлен-
ском монастыре, с которым связано особенно много святых
воспоминаний, как о первом начале всего святого, радостно-
го и счастливого в жизни, у меня постоянно теплится лампа-
дочка, как бы на его могилке. Господь да хранит Вас и всех
его духовных детей его святыми молитвами от всего тяжело-
го в жизни и да сподобит нас быть вместе с ним в райских се-
лениях Отца Небесного.

¹ Начало письма не сохранилось.

О поездке в Москву сейчас нет никаких у меня предположений. Думаю только о 2-м января, если доживу, а там — что Господь даст.

Божие благословение всем Вашим и всем, меня любящим и помнящим, в особенности тем, кто так любовно отнесся ко мне в день моего ангела, когда я был с Вами.

Прошу у Всех святых молитв.

Ваш во Христе ар[хиепископ] Серафим (Остроумов).

20 июня (3 июля н. с.) 1935 г.

ТРУДЫ МИТРОПОЛИТА ТРИФОНА (ТУРКЕСТАНОВА)

1. *Иеромонах Трифон*. Поучение в день престольного праздника (произнесенное в тюремном храме в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в Сергиевом Посаде 25 января 1894 года). М., 1894.

2. *Иеромонах Трифон*. Настоятель Оптиной пустыни священноархимандрит схимонах Исаакий. Произнесено 29 августа 1894 года в соборном храме Введенской Оптиной пустыни, в 9-й день по кончине о. архимандрита Исаакия. Шамордино: Тип. Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1894; 2-е изд.: 1910; *То же в кн.*: Очерк жизни настоятеля Оптиной пустыни архимандрита Исаакия. М., 1899; Житие оптинского старца схиархимандрита Исаакия (Антимонова). Издание Введенской Оптиной пустыни, 1995. С. 138–148.

3. *Иеромонах Трифон*. Речь, сказанная на погребении оптинского старца иеросхимонаха Амвросия 13 октября 1891 г. // *Схиархимандрит Агапит (Беловидов)*. Жизнеописание в Бозе почившего оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. М., 1900. Ч. 2. Приложение № 5. С. XIX–XXI.

4. *Епископ Трифон*. Речь при наречении во епископа Дмитровского 28 июня 1901 года в Московской Синодальной конторе // *Московские церковные ведомости*. 1901. № 27. С. 324–325. То же: Прибавления к Церковным ведомостям. 1901. № 27. С. 953–956. *Отд. изд.*: *Преосвященный Трифон, епископ Дмитровский*. Великий подвиг епископского служения и святоотеческие наставления о приготовлении к нему. М.: Унив. Тип. 1901.

5. *Епископ Трифон*. Речь к братии Афонской Пантелеимоновой часовни по случаю празднования памяти св. великомученика Пантелеимона в Москве, 27 июля 1901 г. // *Душеполезный собеседник*. 1901. № 10. С. 314–315.

6. *Епископ Дмитровский Трифон*. Слово после прощального богослужения в храме Московской духовной семинарии. (В статье: «Прощание Московской духовной семинарии с бывшим о. ректором ее...») // *Московские церковные ведомости*. 1901. № 42. С. 496.

7. *Епископ Трифон*. Речь после литургии перед присягой дворян по случаю дворянских выборов, произнесенная в Чудовом монастыре 19 января 1902 г. // *Пастырский собеседник*. 1902. № 6. С. 66–67; То же: *Журнал Московской Патриархии*. 1998. № 11. С. 63–64.

8. *Епископ Трифон*. Слово на освящении храма во имя святого Симеона Столпника в Даниловом монастыре (30 декабря 1902 года) // *Московские церковные ведомости*. 1903. № 8. С. 99.

9. *Епископ Дмитровский Трифон*. Поучение в 35-ю годовщину Императорского лицея в память цесаревича Николая 13 января 1903 г. (О святом храме.) // *Душеполезное чтение*. 1903. Ч. 1. С. 395–399; *Отд. изд.*: М.: Унив. тип. 1903.; *Журнал Московской Патриархии*. 1998. № 11. С. 64–65.

10. *Епископ Дмитровский Трифон*. Поучения о святом храме и о христианском воспитании детей, произнесенные в день годового акта Императорского лицея в память цесаревича Николая 13 января 1903 г. и в день открытия Московского промышленного училища императора Александра II 24 февраля 1903 г. М.: Унив. тип. 1903.

11. *Епископ Дмитровский Трифон*. Речь при освящении здания для школы и библиотеки-читальни при Николаевской, в Толмачах, церкви (26 января 1903 г.) // Душеполезное чтение. М., 1903. Ч. 1. С. 400–402.

12. *Епископ Трифон*. Слово, произнесенное 18 апреля 1903 года в 25-летний юбилей литературной деятельности Д. С. Дмитриева после молебствия, совершенного в квартире юбиляра. М.: Товарищество тип. А. И. Мамонтова. 1904.

13. *Епископ Трифон*. Речь, сказанная 18 мая 1903 года о. наместнику Богоявленского монастыря игумену Ионе при посвящении его в сей сан. М.: Унив. тип., 1903.

14. *Епископ Трифон*. Слова [всего три], произнесенные на торжествах в Иверской Выксунской обители 7–9 июля 1903 г. (в пересказе) // Воспоминания о праздничных торжествах в Иверской Выксунской женской обители Нижегородской губернии: Впечатления странника-богомольца. М., 1903.

15. *Епископ Дмитровский Трифон*. Речь в день годовщины Братства св. Петра, митрополита Московского, произнесенная в общем собрании членов Братства // Московские церковные ведомости. 1903. № 37. С. 463–464.

16. *Епископ Дмитровский Трифон*. Слово, сказанное после молебна о даровании победы русскому воинству в Чудовом монастыре 22 февраля 1904 г. // Подношение Тихоокеанской эскадре от Общества хоругвеносцев кремлевских соборов и монастырей. М., 1904.

17. *Епископ Трифон*. Из речи на собеседовании со старообрядцами при Сергиевской, в Рогожской, церкви, 31 октября 1904 г. // Московские церковные ведомости, 1904, № 45. С. 522.

18. *Епископ Трифон*. Утешение веры обуреваемым своеволием неверия. Речь, сказанная в храме Императорского лица в память цесаревича Николая 13 января 1905 г., в день годовичного акта лица // Вера и Церковь. 1905. Кн. 1. С. 7–8.

19. *Епископ Трифон*. Слово в Алексеевской церкви кафедрального Чудова монастыря в Кремле после литургии 20 января 1905 г. (В статье: «Присяга московского дворянства») // Московские церковные ведомости. 1905. № 5. С. 58–59.

20. *Епископ Трифон*. Памяти иеромонаха Варнавы. — М., 1906; *То же в кн.*: Жизнеописание в Бозе почившего старца-утешителя о. Варнавы, основателя и строителя Иверского Выксунского женского монастыря. Сергиев Посад, 1907.

21. *Епископ Дмитровский Трифон*. Священной памяти великого князя Сергея Александровича. Две речи, произнесенные 13 января 1907 г. в храме Лицея в память цесаревича Николая и 4 февраля 1907 года в храме-усыпальнице великого князя Сергея Александровича // Вера и Церковь. 1907. Кн. 1. С. 134–139.

22. *Епископ Трифон*. Слово на торжественном молебствии по случаю открытия приюта для слепых ремесленников 14 июня 1907 г. // Слепец. 1907. № 3. С. 49–52.

23. *Епископ Трифон*. В чем счастье? Калуга, 1909 (Листок Казанской Амвросиевской женской пустыни).

24. *Епископ Трифон*. Любите храм Божий! Калуга, 1909 (Листок Казанской Амвросиевской женской пустыни). То же: Журнал Московской Патриархии. 1974. № 12. С. 29.

25. *Епископ Трифон*. Поучение о значении колокольного звона. (Произнесено 31 октября 1910 г. в с. Горбунове, Московской губ., Дмитровского уезда). Шамордино: Тип. Казанской Амвросиевской женской пустыни. 1910.

26. *Епископ Трифон*. Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель старец иеросхимонах Амвросий. (Чтение в пользу бесплатной глазной лечебницы в Сергиевом Посаде, произнесенное в Большом зале Епархиального дома 4 марта 1912 г.) // Душеполезное чтение. 1912. Ч. 2. С. 104–119; *Отд. оттиск*: Сергиев Посад, 1912.

27. *Епископ Трифон*. Слово, сказанное воспитанницам церковно-учительской школы в г. Богословском Тульской губернии (в имени В. К. Саблера) 3 июня 1912 года // Прибавления к Церковным ведомостям. 1912. № 24. С. 982–984.

28. *Епископ Трифон*. Слово на отпевании старца Оптиной пустыни схимонаха Варсонофия 6 апреля 1913 года // Московские ведомости. 9 апреля 1913. № 82. С. 2; *То же в кн.*: Памяти оптинского старца схиархимандрита Варсонофия. Венок на могилу батюшки от его духовных чад и почитателей к 40-у дню его блаженной кончины († 1 апреля 1913 г.). М.: Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. 1913. [Статья помещена на с. 30–33]; Беседы старца Варсонофия Оптинского с духовными детьми. Воспоминания духовных детей о старце Варсонофии // Благовест (Москва–Рига). М., 1995. С. 179–181 (в сокращении); [журнал] Надежда. 1980. Вып. 6. С. 231–233.

29. *Епископ Трифон*. Пешное действо // Душеполезное чтение. 1913. Ч. 1. С. 473–494; *Отд. изд.*: Сергиев Посад: Св. Троицкая Сергиева лавра, 1913.

30. *Епископ Трифон*. Святитель Иоанн Златоуст, страдалец и друг страждущих. Сергиев Посад. 1913; 2-е изд.: М.: А. Д. Ступин, 1914. *То же*: Даниловский благовестник. 1992. № 2–3. Ч. II. С. 24–33.

31. *Епископ Трифон*. Речь о протоиерею Е. П. Успенскому при его прощальном служении в Ново-Ваганьковском храме 23 марта 1914 г. // Московские церковные ведомости. 1914. № 14–15. С. 277–278.

32. *Епископ Трифон*. Христос воскрес! Слово, произнесенное 25 марта 1914 г. в Большом зале Епархиального дома (в пользу Московского отделения Попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, на содержание бесплатной глазной лечебницы в Сергиевом Посаде). М., 1914.

33. *Епископ Трифон*. Речь на торжественном молебне на Красной площади по случаю объявления войны Германии 20 июля 1914 г. (В статье: Патриотизм русского народа) // Душеполезное чтение. 1914. Ч. 2. С. 491–492.

34. *Епископ Трифон*. Слово, сказанное 5 августа 1914 года в Успенском соборе (при встрече Императора Николая II, приехавшего в Москву по случаю объявления войны Германии) // Московские церковные ведомости. 1914. № 33. С. 626–627; Прибавления к Церковным ведомостям. 1914. № 33. С. 1453–1454.

35. *Епископ Трифон*. Памяти священника Д. С. Дмитриева // Исторический вестник. 1916. № 3. С. 820–826.

36. *Митрополит Трифон (Туркестанов)*. О Таинстве Покаяния. К 50-летию со времени кончины // Журнал Московской Патриархии. 1984. № 9. С. 41–42.

37. *Митрополит Трифон (Туркестанов)*. После Причащения. К 50-летию со времени кончины // Журнал Московской Патриархии. 1984. № 12. С. 47–48.

38. *Епископ Трифон*. Слова, сказанные на Светлой седмице 1914 года // Вестник Николо-Перервинской обители. М., 1996, № 4. С. 1–3.

39. *Митрополит Трифон (Туркестанов)*. Древнехристианские и оптинские старцы. М.: Мартис. 1997.

40. *Митрополит Трифон (Туркестанов)*. Проповеди и молитвы. Материалы к жизнеописанию / сост. иером. Афиноген (Полесский). М.: Сретенский монастырь: Новая книга. Ковчег. 1999.

41. *Митрополит Трифон (Туркестанов)*. Акафист благодарственный «Слава Богу за все». [М., 1996]; М.: Прав. Братство св. апостола Иоанна Богослова. 1999; СПб.: Сатис, 1999; 2000; Клин, 2003.

42. Проповеди митрополита Трифона (Туркестанова). Б. м. [1990-е гг.].

43. Митрополит Трифон (Туркестанов). Храм Божий — это земное Небо: Сб. писем, молитв, поучений и слов / сост. Г. Г. Гуличкина. М.: Сретенский монастырь, 2006. (Письма о духовной жизни). [Предисл. свящ. Игоря Филяновского «Послушанием своим обязанный жить среди мира», ср. № 48 в литературе о митрополите

Трифоне, добавлено лишь указание о приведенных в книге письмах (с. 60–62). Из нового: письма к архим. Оптиной пустыни Исаакию (Антимонову) (23. 03. 1893 — 18. 04. 1894: всего 7 писем (с. 65–73); письмо свящ. Иосифу Фуделю (22. 11. 1891) о смерти К. Н. Леонтьева, при которой иером. Трифон присутствовал (с. 80–83); приводятся также письма К. Н. Леонтьеву и письма актерам, публикуемые и в нашей книге. Едва ли, впрочем, письма эти, не лишённые значения биографического, могут быть отнесены к разряду «писем о духовной жизни». Дальнейшие материалы книги, составленной Г. Г. Гуличкиной, почерпнуты из книги № 40].

ПИСЬМА, ХРАНЯЩИЕСЯ В АРХИВАХ

1. Письма иеромонаха Трифона (Туркестанова Б. П.) Леонтьеву Константину Николаевичу, б. д. [1891 г. — годы учебы в МДА] [2 письма]. РГАЛИ, ф. 290, оп. 2, ед. хр. 60. 2 письма. 6 л.

2. Письма епископа Трифона к епископу Арсению (Стадницкому). 14 декабря 1898 г. 27 ноября 1904 г. [5 писем]. ГАРФ, ф. 550, оп. 1, ед. хр. 534. 015. 5 л.

3. Письма архиепископа Трифона Сумбатовой (урожд. Корф) Марии Николаевне. 9 января 1930 г. 13 апреля 1934 г. [15 писем и фото с подписью от 10 сентября 1929 г.]. Приложены: стихотворение епископа Трифона «Цветок от бедного сердца» и отрывок «Из моих воспоминаний» (машинопись). РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 3323. 24 л.

4. Письмо архиепископа Трифона Ленской (урожд. Корф) Лидии Николаевне. 19 апреля б/г. РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, ед. хр. 3474. 1 л. и конверт.

5. Письмо епископа Трифона Гиацинтова Владимиру Егоровичу от 12 января 1922 г. РГАЛИ, ф. 2049, оп. 3, ед. хр. 500. 1 л.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аарон, праотец, первый ветхозаветный первосвященник, старший брат Моисея 118, 239, 426
- Авгарь V Черный, кн. Едесский (I в. по Р. Х.). Древнее предание приписывает ему переписку с Иисусом Христом 270–272
- Августин Аврелий (353–430), еп. Иппонский, блж., знаменитый учитель Церкви 176
- Авденаго, халдейское имя Азарии *см. также* Азария
- Авель, сын праотца Адама 236
- Авраам, праотец 193, 310, 320
- Агнеса, игуменья Московского Никитского монастыря (с 1913) 322
- Адам, праотец 27, 225, 236
- Адриан и Наталия, мчч., пострадали в Никомидии при имп. Максимиане Галерии ок. 310 г. 53, 589, 592, 594, 596, 598
- Азария, еврейский отрок, брошенный Навуходоносором в раскаленную печь и чудесно спасшийся 501, 502, 504, 511, 512 *см. также* Авденаго
- Акакий Синайский (VI в.), прп., упоминается в «Лествице» прп. Иоанна Лествичника 206^(1, 2)
- Аксаков Иван Сергеевич (1823–1886), русский публицист, писатель и общественный деятель 26
- Александр II (1818–1881), Освободитель, имп. Всероссийский 9, 12, 99
- Александр III (1845–1894), Миротворец, имп. Всероссийский 20, 136⁽¹⁾, 298¹, 507
- Александр Августович, из окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 539
- Александр Невский (1220–1263), св. блгв. вел. кн. Перед кончиной принял пострижение с именем Алексия 48, 244, 566
- Александра Феодоровна (1872–1918), св. царств. мц.-страстотерпица, имп. Всероссийская 171, 199¹, 334
- Александров Анатолий Александрович (1861–1930), журналист, издатель, поэт, в 1883–1887 гг. учился в Московском университете, входил в круг лиц, близких К. Н. Леонтьеву 34
- Александров Н. Ф., в 1907 г. воспитатель в приюте для слепых ремесленников имени А. Г. Тряпкиной 135
- Алексеев, Михаил Федорович, капитан 38⁽¹⁾, 39, 40 *см. также* Михей
- Алексей Михайлович (1629–1676), царь Московский и всея Руси 245, 350⁽²⁾, 510

Алексий, человек Божий (V в.), по возвращении на родину в Рим 17 лет прожил в доме отца своего как никому не известный нищий странник 13

Алексий (Бяконт Симеон Федорович; ок. 1294–1378), митр. Московский, свт. и всея России чудотворец 85, 117, 124, 137

Алексий (Опоцкий Алексей Алексеевич; 1837–1914), архиеп. Тверской и Кашинский, участвовал 20 июля 1914 г. в Москве в крестном ходе по случаю объявления войны Германии (на тот момент был на покое, с правом управления Московским Донским монастырем) 357¹

Алексий I (Симанский Сергей Владимирович; 1877–1970), патриарх Московский и всея Руси 161, 53, 597

Алеша, посошник 536 *см. также* Громов Саша

Амвросий (1812–1991), старец Оптинский, прп. Кн. Борис Туркестанов посещал его в детстве и окормлялся у него в Оптиной в качестве послушника 2, 19, 22, 34–36, 40, 64, 66, 126, 128, 131, 173, 186, 207, 209, 261, 304, 305, 362, 466–469, 474, 476–478, 521, 529, 610 *см. также* Гренков Александр Михайлович

Амвросия (Ключарева Александра Николаевна; 1820–1881), схим. Положила основание Шамординскому Амвросиеву женскому монастырю в имении Шаморди-

но, купленном ею для внушек своих Веры и Любви 469, 470
Ампрукта, диакониса в Константинополе, упоминаемая свт. Иоанном Златоустом 490

Амфитеатров Валентин Николаевич (1836–1908), прот., уже при жизни славился в Москве чудотворениями 17, 45, 371

Анания, еврейский отрок, брошенный Навуходоносором в раскаленную печь и чудесно спасшийся 501, 502, 504, 511, 512

Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич; 1873–1965), митр. Восточноамериканский и Нью-Йоркский. С 1906 по 1914 г. был еп. Серпуховским, викарием Московской епархии 17, 45⁽²⁾, 47

Анатолий (Копьев Алексей Моисеевич, в Калужской духовной семинарии получил новую фамилию Зерцалов; 1824–1894), иеросхим., прп. Скитоначальник в Оптиной пустыни и духовник Шамординского в честь Казанской иконы Божией Матери женского монастыря 36

Андрей (870–936), блж., Христа ради юродивый, родом славянин, во Влахернском храме удостоился видеть Богоматерь, за мир молящуюся и покрывающую христиан Своим святым омофором 330

Андрей, отец свт. Иоасафа Белгородского 278, 286⁽¹⁾

Андрей (Ухтомский Александр Алексеевич; 1872–1937), архиеп.

Уфимский, кн., сщмч. Одновременно с иером. Трифоном с 1891 по 1895 г. учился в Московской духовной академии 37

Андрей (Роман Александр Мария, граф Шептицкий; 1865–1944), митр. Католической Церкви восточного обряда 6²

Андрей Критский (633–712), архиеп., один из величайших церковных поэтов, создатель Великого покаянного канона, читаемого Церковью в первые дни Великого поста 232, 233⁽¹⁾, 268¹, 318¹, 387¹, 425¹, 441, 594, 595

Андрей Первозванный, ап. 453

Андроник (Никольский Владимир Александрович; 1870–1918), архиеп. Пермский, сщмч. Одновременно с иером. Трифоном учился в Московской духовной академии 37⁽²⁾

Анна, духовная дочь владыки Трифона 540, 542

Анна, мать прор. Самуила 282

Анна, первосвященник иудейский в период служения св. Иоанна Предтечи 258, 363⁽⁴⁾

Анна, св. прав., мать Пресвятой Богородицы 98, 162, 406, 407, 540, 542,

Анна Иларионовна, из духовного окружения владыки Трифона 537, 539

Анна Ивановна, из духовного окружения владыки Трифона 538

Антоний, архим., представитель Антиохийской Церкви 215

Антоний (кн. Абашидзе Давид Ильич; 1867–1942), с 1912 г. еп. Таврический и Симферопольский; в 1914 г., после начала первой мировой войны, был священнослужителем Черноморской эскадры 8, 48 см. также Димитрий, архиеп.

Антоний (Флоренсов Михаил Симеонович; 1847–1918), еп. Вологодский, с 1895 г. на покое в Московском Донском монастыре 43

Антоний (Храповицкий Алексей Павлович; 1863–1936), митр. Киевский и Галицкий. С 1891 по 1895 г. был архим. и ректором Московской духовной академии, под его руководством иером. Трифон писал дипломную работу 41, 45⁽²⁾, 61, 525⁽¹⁾

Антоний Великий (250–356), прп., египетский подвижник, основатель монашества 361²

Антонин (Грановский Александр Андреевич; 1865–1927), еп. Нарвский, в 1908 г. уволен на покой, впоследствии известный деятель обновленческого раскола 6²

Анфуса, мать свт. Иоанна Златоуста 480, 481

Арий (256–336), ересиарх, смерть его сравнивали со смертью Иуды 140, 313

Аристоклий (Амвросиев Алексей Михайлович; 1846–1918), иеросхим., старец, возглавлял московское подворье Афонского Пантелеимонова монастыря,

- владыка Трифон дружил с ним и отпевал его 49, 260⁽¹⁾
- Аркадий (377–408), имп. Восточноримской империи (395–408) 487, 489–491, 493
- Арсений (Денисов Леонид Иванович; 1866–1942), еп. Каширский, церковный историк и писатель; владыка Трифон поддерживал его, когда он после разгрома храма в Кашире вышел за штат 537¹, 614
- Арсений (Жадановский Арсений Иванович; 1874–1937), еп. Серпуховский. Участвовал 20 июля 1914 г. в Москве в крестном ходе по случаю объявления войны Германии 353, 357¹
- Арсений (Стадницкий Авксентий Георгиевич; 1862–1936), митр. Ташкентский 44, 526
- Арсений (Апостолис) Грек (1550–1625), архиеп. Суздальский и Тарусский, свт. 191
- Арчил II (1647–1713), царь Имеретии и Кахетии, вынужден был в 1699 г. эмигрировать в Россию; основатель грузинской колонии в с. Всехсвятское под Москвой 8, 9
- Астафьева Софья Михайловна 470–472 *см. также* София, схим.
- Афанасий Великий (295–373), еп. Александрийский, отец Церкви, борец против арианства, свт. 404¹
- Афанасьев Виктор Васильевич (в монашестве Лазарь) (р. 1932), литературовед 33⁽²⁾, 392²
- Ахматов Алексей Петрович (1817–1870), обер-прокурор Св. Синода 12
- Беклемишева Александра Васильевна (1812–1834), супруга А. М. Нарышкина, мать В. А. Туркестановой 14
- Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич; 1880–1934), поэт и писатель, один из основателей русского символизма, учился в гимназии Льва Поливанова 5, 24⁽²⁾
- Березкин Иоанн Яковлевич, свящ., преподаватель литургики и гомилетики в Московской духовной семинарии, создатель Никольского храма в с. Орлово 191
- Блок Александр Александрович (1880–1921), русский поэт, один из основоположников русского символизма 43
- Болотова Софья Михайловна (в замужестве Астафьева), *см. также* София, схим.
- Борис Годунов (1552–1605), русский царь 150, 151⁽¹⁾
- Борис и Глеб († 1015), свв. кнн. страстотерпцы 9
- Боря, из окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 539
- Бугаев *см. также* А. Белый
- Бунин Иван Алексеевич (1870–1953), русский писатель и поэт 54
- Бутурлин Сергей Сергеевич (1842–1920), генерал от инфантерии, последний владелец имени Ясенево (ныне в черте Москвы) 19
- Ваня, из окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 536
- Варнава (Меркулов Василий Иванович) (1831–1906), старец

- Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры, прп. В 1905 г. он благословил на мученичество посетившего его имп. Николая II. Владыка Трифон ездил к старцу Варнаве еще гимназистом, был его духовным чадом и отпевал его 21– 23, 34, 39, 40, 43, 110, 126–131
- Варсануфий Великий (кон. V – нач. VI в.), прп., отшельник, автор аскетических трудов 65¹
- Варсонофий († 1576), еп. Тверской, Казанский чудотворец, свт. 522
- Варсонофий (1845–1913), схиархим., старец Оптиной пустыни, прп. 33⁽²⁾, 38, 306^(1,2), 307, 309, 310 *см. также* Плиханков Павел Иванович
- Василий Великий (330–379), архиеп. Кесарийский, отец Церкви, прп. 220, 242¹, 542⁽¹⁾, 567, 568
- Василий III Иванович (1479–1533), вел. кн. Московский 505
- Василий, стольник, персонаж пьесы Д. В. Аверкиева «Каширская сторона» 515
- Васильев, духовник Царской семьи 358¹
- Василиск († 308), мч., племянник Феодора Тирона 496⁽¹⁾
- Вахтанг VI (1675–1737), царь Картли. Неспособность противостоять турецкой агрессии заставили его в 1724 г. эмигрировать в Россию с семьей и большой свитой (около 1 400 человек) 8
- Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич; 1880–1961), митр. Саратовский и Вольский 51
- Венкстерн Алексей Алексеевич (1856–1909), поэт, переводчик, преподаватель русского языка в гимназии Л. И. Поливанова, секретарь Общества любителей российской словесности, член Шекспировского кружка 26
- Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918), историк литературы, профессор Московского университета 34
- Виктор, сын Сергея Николаевича, из окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 541
- Викторова Мария Александровна (1844–1863), автор переложения Киево-Печерского патерика на современный русский язык 190¹
- Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925), историк, профессор Московского, затем (с 1903) Оксфордского университета 34
- Виталий (Иосифов Василий Александрович) (1838–1892), еп. Калужский и Боровский 476
- Витенька, сын Марии Зиновьевой, которой посвящено стихотворение владыки Трифона 549
- Владимир († 1015), кн. Киевский, равноап. 247⁽¹⁾, 262, 542
- Владимир (Богоявленский Василий Никифорович; 1848–1918), митр. Киевский и Галицкий; с 1898 по 1912 г. был митр. Московским и Коломенским, новомуч., 5, 38, 43, 45, 48, 90, 377⁽¹⁾, 569

- Владимир (Сеньковский Филарет Алексеевич; 1846–1917), архиеп. Донской и Новочеркасский. Участвовал 20 июля 1914 г. в Москве в крестном ходе по случаю объявления войны Германии (на тот момент был на покое, с правом управления Заиконоспасским Московским Ставропигиальным монастырем) 357⁽¹⁾
- Вольф Маврикий Осипович (1825–1883), русский издатель 234¹
- Восторгов Иоанн Иоаннович (1867–1918), прот., духовный писатель, новомуч. 358¹
- Гааз Федор Петрович (1780–1853), врач московских тюремных больниц, прославившийся своей благотворительностью 378⁽¹⁾
- Гавриил, архангел 70, 343
- Гавриил, архимандр. 215
- Гайна, римский военачальник, арианин, с которым вел переговоры свт. Иоанн Златоуст 490
- Гамалиил, учитель ап. Павла 259
- Гвоздев Порфирий Петрович (1838–1901), соученик В. О. Ключевского по Пензенской семинарии 47) Георгий Всеволодович (1189–1237), вел. кн. Владимирский, св. 138
- Герасим, иером. из Оптиной пустыни 526
- Герасим (Прокофьев; † 1987), архим., настоятель Преображенского храма в Переделкино 60
- Гермоген, диак. 613
- Гершельман Сергей Константинович (1853–1910), генерал, военный писатель, Виленский генерал-губернатор 166⁽¹⁾
- Герье Владимир Иванович (1837–1919), русский историк, организатор и руководитель Высших женских курсов в Москве 34
- Гете Иоганн Вольфганг фон (1749–1832), немецкий поэт и писатель 31
- Гиацинтов Владимир Егорович (1858–1933), искусствовед, профессор Московского университета, член Шекспировского кружка. Упоминаются и его братья Николай и Эраст 26
- Глаголев Сергей Сергеевич (1865–1937), доктор богословия, профессор Московской духовной академии, автор множества апологетических трудов 47³
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852), русский писатель 467, 514
- Голенищев-Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), граф, русский полководец, фельдмаршал; чаще его называют Кутузовым 14
- Голицына Евдокия Михайловна (1790–1862), сестра А. М. Нарышкина, воспитывала юную Варю, впоследствии мать владыки Трифона 14
- Голованов Николай Семенович (1891–1953), дирижер, пианист, русский композитор 547⁽¹⁾
- Головина Анна, духовная дочь прот. Валентина Амфитеатрова 45⁴

Гонорий (384–423), имп. Западной Римской империи 177

Гончарова Е. И., начальница дома призрения в Сергиевом Посаде 23

Горький (Пешков Алексей Максимович) Максим (1868–1936), писатель 53, 54

Грановский Александр Андреевич *см. также* Антонин

Грачев Митрофан Сергеевич, купец, на его средства в 1892–1895 гг. был построен храм при детских приютах принца Ольденбургского и вел. кн. Елисаветы 202²

Гренков Александр Михайлович 467 *см. также* Амвросий

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), русский писатель 519

Григорий Богослов (330–390), еп. г. Назианза, отец Церкви, свт. 220, 405⁽¹⁾, 542

Громов Саша († после 1993), иподиакон-посошник владыки Трифона, С. Н. Лисевцкий стал крестным отцом его сыновей Алексея и Николая 591, 592 *см. также* Алеша

Гурий (Руготин Григорий Григорьевич; 1500–1563), первый архиеп. Казанский, свт. 522

Давид, царь и пророк-псалмопевец 31, 77, 89, 162, 187, 188, 240, 273, 283, 437

Далида, возлюбленная Самсона, коварная филистимлянка 417

Даль Владимир Иванович (1801–1882), русский писатель, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» 34¹

Дамиан († 284), бессребренник 45, 262⁽¹⁾, 378, 538

Даниил (Болотов Дмитрий Михайлович; † 1907), иером., иконописец из Оптиной пустыни, сестры его — Шамординские схимм. Макария и София 170, 173, 174, 183

Даниил, прор. 24, 500, 504, 511

Даниил (Троицкий Дмитрий Алексеевич; 1887–1934), архиеп. Брянский, брат свт. Илариона (Троицкого) 586⁽¹⁾, 587⁽¹⁾

Даниил Александрович (1261–1303), кн. Московский, сын Александра Невского, св. 243, 244⁽¹⁾, 245, 608

Дарья Арчиловна, царевна, дочь Имеретинского царя Арчила 8

Декий или Деций (195–251), Римский имп., его кратковременное царствование (249–251) ознаменовано большими гонениями на христиан 204

Димитрий, архиеп. 8, 48 *см. также* Антоний (Абашидзе),

Димитрий, архим., синодальный ризничий 280, 289

Димитрий (Добросердов Иоанн; 1865–1937), архиеп. Можайский. Участвовал 20 июля 1914 г. в Москве в крестном ходе по случаю объявления войны Германии (незадолго до того рукоположен во еп. Можайского) 357¹

Димитрий (Туптало Даниил Саввич; 1651–1709), митр. Ростовский, свт. Составитель «Четий-Миней» 149сн., 238, 337²

- Димитрий Донской (1350–1389), св. блгв. вел. кн. Московский, строитель белокаменного Кремля 119, 358
- Дионисий, называемый Щепа, свящ. и затворник Печерский, прп. († 1453) 344⁽¹⁾
- Дмитриев Дмитрий Савватиевич (1848–1915), свящ., писатель, драматург, духовное чадо владыки Трифона 7, 12, 17, 19, 20, 514, 519–521
- Дмитриев Николай Дмитриевич (1888–1960), писатель 24
- Дмитриев Сергей Дмитриевич († 1908), сын Д. С. Дмитриева 516
- Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929), ординарный профессор Киевской духовной академии, выдающийся литургист, член-корр. Императорской Академии наук 505, 506
- Добронравов Борис Георгиевич (1896–1949), актер Малого театра, выпускник Московской духовной семинарии 45³
- Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель 24, 27⁽⁴⁾, 30, 467, 525
- Дризен, фон дер Остен-Дризен Николай Васильевич (1868–1935), барон, историк русского театра, мемуарист 30⁷
- Дурылин Сергей Николаевич (1886–1953), публицист, писатель, историк литературы и театра, принял священство, но отказался от служения 31⁽¹⁾, 49
- Ева, праmaterь 236
- Евгения, девочка, исцеленная в 1911 г. от мошей свт. Иоасафа 289
- Евдоким (Мещерский Василий Иванович; 1869–1935), архиеп. Нижегородский, впоследствии деятель обновленческого раскола, соученик владыки Трифона по Московской духовной академии 6
- Евдокия Илиопольская (II в.), прмц. 246–247
- Евдоксия († 404), супруга имп. Аркадия 487, 489, 491, 492, 494, 495
- Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946), митр. Западно-европейских русских церквей 41
- Евтропий († 399), евнух, любимец имп. Аркадия 487, 491, 492
- Евфимий (Елиев Евстафий Платонович) (1846–1918), еп. Балахнинский. Участвовал 20 июля 1914 г. в Москве в крестном ходе по случаю объявления войны Германии (был в это время за штатом, настоятелем Московского Новоспасского монастыря) 357¹
- Евфросиния (Розова) († 1904), игуменья, настоятельница Шамординского Казанского женского монастыря 472, 476
- Евфросиния, княгиня Московская († 407), кн., прп. 149, 150⁽¹⁾
- Егорова Мария Артемьевна, племянница Анастасии Егоровны (тети Насти) 536¹

- Екатерина († около 310), вмц. из Александрии, царского рода 167, 168, 533
- Екатерина (Бутурлина Екатерина Петровна, урожд. Туркестанова) (1858–1920), сестра владыки Трифона, супруга С. С. Бутурлина 8, 19
- Екатерина Владимировна, встречала владыку Трифона у входа в Шереметевский храм 522
- Екатерина Ивановна, из духовного окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 530
- Екклесиаст (буквально: «проповедник в собрании»), автором этой книги считается царь Соломон 462
- Елена († 327), имп., мать императора Константина, равноап.; за год до кончины обрела Крест Господень 283¹
- Елена, раба Божия, содействовала построению в Богоявленском Московском монастыре храма во имя св. Феодосия Черниговского 121
- Елизавета, девочка, исцелившаяся в 1910 г. в Ростове от иконы Божией Матери «Умиление» 255
- Елизавета, св. прав., мать Иоанна Предтечи 299, 552
- Елизавета Павловна, из окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 526
- Елисавета Феодоровна (1864–1918), вел. кн., основательница Марфо-Мариинской обители в Москве, прпмц. 47⁽⁵⁾, 48, 52, 202⁽²⁾, 334, 348¹, 479, 594
- Елисей, пророк 219, 307, 310, 323
- Ельчанинов Александр Викторович (1881–1934), свящ., одноклассник свящ. Павла Флоренского. По окончании Санкт-Петербургского университета учился в Московской духовной академии 43
- Еммануил, пророческое название в Библии Иисуса Христа 301
- Елифаний, ученик прп. Андрея Юродивого 330
- Ермоген, сщмч. 311⁽¹⁾, 313, 315
- Ермолова Мария Николаевна (1853–1928), знаменитая русская актриса 24, 25, 29–31, 588
- Ефрем († 545), патриарх Антиохийский, свт. 140, 141
- Ефрем Сирий (306–373), прп., автор аскетических сочинений 79, 359, 360, 431^(1,2,3), 432, 433
- Жанна д'Арк (1412–1431), народная героиня Франции 29–30
- Жуковский Василий Андреевич (1783–1852), русский поэт и переводчик 30
- Загарин — псевдоним Л. И. Поливанова, взятый им по названию родового имени 23 *см. также* Поливанов, Лев Иванович
- Закатова Наталия Сергеевна 350⁽¹⁾ *см. также* Нина, игумения
- Закхей, богатый иудей, который влез на смоковницу, чтобы увидеть Спасителя 435
- Залесский Алексей Михайлович, составитель свода биографических материалов, посвященных митр. Трифону 3, 7, 48, 59

- Захария, свящ., отец Иоанна Предтечи 282
- Захарова Ольга Ивановна, музыковед 547¹
- Зверева Светлана Георгиевна, музыковед 547¹
- Зинаида Степановна, стенографировала проповеди владыки Трифона (в 1930-х гг.) 59, 592
- Зиновьева Мария, к ней обращено стихотворение митрополита Трифона (Туркестанова) 549
- Злобина Мария Тимофеевна (1903–1985), хранительница и собирательница материалов к жизнеописанию митр. Трифона, родная сестра Федуловой Варвары Тимофеевны 3, 59, 535¹, 536⁽¹⁾, 538, 539, 541, 582 *см. также* Маруся
- Зосима (в схиме Захария) († 1936), старец, последний духовник Троице-Сергиевой лавры 50, 450, 451
- Зосима Соловецкий († 1478), прп. 263¹, 327, 328⁽¹⁾
- Иаир, начальник синагоги, его дочь исцелил Спаситель 169, 196, 197
- Иаков, ветхозаветный патриарх 211, 320, 607
- Иаков, ап. 420
- Иван, послушник из Оптиной пустыни 526
- Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949), русский поэт и исследователь античности, теоретик символизма, соученик владыки Трифона по Московскому университету 34
- Иванцов-Платонов Александр Михайлович (1835–1894), прот., церковный историк, профессор Московского университета 21
- Игнатий, архим., представитель Антиохийской Церкви 201, 214
- Игнатий (Брянчанинов Дмитрий Александрович; 1807–1867), еп. Ставропольский и Кавказский, свт., известный русский подвижник и духовный писатель 10⁽¹⁾, 111, 16, 171, 54¹
- Игнатий, настоятель Троице-Сергиевой пустыни в Санкт-Петербурге 171 *см. также* Николай, отрок
- Игнатия (Петровская, Пузик Валентина Ильинична; 1903–2004), мон., доктор медицинских наук, оставила воспоминания о монашестве кон. 20-х — нач. 30-х гг. XX в. 54¹
- Иезекииль, прор. 170, 172, 349
- Иероним Стридонский (342–420), блж., переводчик Библии на латынь 431⁴
- Иессей, отец царя и прор. Давида 613
- Иисус Навин, преемник Моисея и вождь еврейского народа 118
- Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич; 1886–1929), архиеп. Верейский, сщмч. 586⁽¹⁾
- Иларион 287¹ *см. также* Иоаким, Иоасаф (Белгородский)
- Иларион, троюкуровский затворник, благословил о. Амвросия 467
- Илия, прор. 124, 219, 249, 307, 310, 323, 324, 354, 480, 582

- Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич; 1800–1857), архиеп. Херсонский и Таврический, свт. 233, 234¹, 235², 339⁽¹⁾
- Иннокентий Иркутский, еп. 118¹
- Иоаким, св. прав., отец Пресвятой Богородицы 162, 406–407
- Иоаким 286, 287¹ *см. также* Иларион, Иоасаф (Белгородский)
- Иоанн († 1186), архиеп. Новгородский, чудотворец, свт. 386¹
- Иоанн (Алексеев; 1866–1904), архим., ректор Александровской миссионерской семинарии в Ардоне 36, 37
- Иоанн Богослов, ап. 102, 139, 295⁽¹⁾, 296
- Иоанн Грозный (1530–1584), вел. кн. всея Руси, первый русский царь (с 1547) 20, 149сн., 519
- Иоанн Дамаскин (675–749), богослов и поэт, отец Церкви, св. 95¹, 114¹, 254¹, 266¹, 291², 302⁽¹⁾
- Иоанн Златоуст (344–407), архиеп. Константинопольский, отец Церкви, свт. 51, 83, 99, 114, 167, 168⁽¹⁾, 220, 232, 237, 260, 290, 293, 294, 327, 340⁽¹⁾, 355⁽¹⁾, 479–498, 518, 543, 610
- Иоанн пророк, прп., ученик Варсонофия Великого 66сн.
- Иоанн (Булин Николай Александрович; 1897–1946), еп. Печерский Псковской епархии 38, 39
- Иоанн (Козлович; 1716–1757), еп. Переяславский и Борисопольский 288²
- Иоанн, мон. афонский, в рассказе из Пролога 183
- Иоанн, прот., настоятель храма Знамения Божией Матери на Знаменке 375, 376
- Иоанн (Сергиев Иоанн Ильич) Кронштадтский (1829–1908), прот., св. прав. 2, 38–42, 98, 128, 211, 213–218⁽²⁾, 219, 348¹, 478
- Иоанн (Снычев Иван Матвеевич; 1927–1995), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский 12³
- Иоанн Лествичник (до 579 – ок. 649), игумен горы Синайской, автор аскетических сочинений, прп. 82, 457, 458¹
- Иоанн V Палеолог (1332–1391), имп. Византийской империи 149сн.
- Иоанн Предтеча и Креститель Господень 36, 46¹, 75, 145, 146, 180, 220–223, 236, 242⁽²⁾, 275–277, 282, 329, 350⁽³⁾, 389⁽²⁾, 480, 493, 543⁽¹⁾, 553, 590¹, 591
- Иоасаф (Горленко Иоаким Андреевич; 1705–1754), еп. Белгородский, свт., был причислен к лику святых в 1911 г. 50, 241, 247⁽²⁾, 277–281, 284–286⁽¹⁾, 287⁽¹⁾, 288², 289, 297⁽¹⁾ *см. также* Иларион, Иоаким
- Иоасаф, иером. 572
- Иов († 1607), первый патриарх Московский, свт. 149, 150, 151⁽¹⁾
- Иов, иером. из Оптиной пустыни (1891) 526
- Иов Многострадальный, св. прав. 308, 379, 442
- Иона († 1461), митр. Московский, свт. 85

- Иона, игумен, наместник Московского Богоявленского монастыря 104
- Иона, прор. 65
- Иосиф (Петровых Иван Семенович; 1872–1937), митр. Ленинградский, относился к «непомиなющим» 255, 257
- Иосиф, прав., обручник Пречистой Девы 70, 98, 229, 340, 388
- Иосиф, сын ветхозаветного патриарха Иакова 545
- Ирод, царь Иудейский 229, 275, 276, 329
- Иродиа, супруга царя Ирода 275, 276 *см. также* Иродиада
- Иродиада, супруга царя Ирода 493
- Исаак, ветхозаветный патриарх 320
- Исаакий (Антимонов Иван Иванович; 1810–1894), архим. (недолго до смерти был пострижен в схиму), старец Оптинский, прп. 39, 40, 71, 74, 476
- Исаия, прор. 96, 301, 367, 368
- Иуда, ап., сын Иакова 211
- Иуда Искарот, предатель 243, 363, 364
- Каиафа, первосвященник иудейский во дни начала служения св. Иоанна Предтечи 258, 363⁽⁴⁾
- Каин, сын праотца Адама, убивший брата своего Авеля 236
- Калыгин, небогатый помещик, которому принадлежало Шамордино, продал его Ключаревой (схим. Амвросии) 469
- Камаровская (в замужестве Виноградова) Екатерина Леонидовна (1878–1965), графиня 15⁽⁴⁾, 20
- Камаровский Сергей Леонидович (1876–?), граф, соученик патриарха Московского Алексия I по Лицею памяти цесаревича Николая и Московскому университету 16
- Касицын Дмитрий Феодорович (1839–1901), прот. и заслуженный профессор Московской духовной академии 96⁽¹⁾
- Кедров Михаил Николаевич (1893–1972), актер Малого театра, выпускник Московской духовной семинарии 45³
- Келарева Вера, из духовного окружения владыки Трифона 541
- Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), русский историк, в 1888 г. окончил Московский университет 33
- Киреевские, братья, Иван и Петр (1808–1856), славянофилы 467
- Киреевский Иван Васильевич (1806–1856), русский публицист и философ, основатель славянофильства, окормлялся в Оптиной пустыни 34
- Климент (Зедергольм Константин Карлович; 1830–1878), иером., подвизался в Оптиной пустыни 34
- Ключаревы Вера и Любовь (1871–1883), внучки схим. Амвросии. После их безвременной кончины, которую они сами предрекали, в Шамордине была устроена женская община, согласно завещанию схимонахини 469, 470

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), русский историк, преподавал в Московской духовной академии и Московском университете 102, 33, 47^(2,3)

Козлов Максим (р. 1963), прот. 50
Константин, иером. из Оптиной пустыни 526

Константин Великий (274–337), равноап., Римский имп. 283⁽¹⁾, 611¹, 612

Копьев Н. А., прот. из Москвы, благодаря его пожертвованиям был возобновлен храм в Яблочинском монастыре в Холмской Руси 178

Корин Павел Дмитриевич (1892–1967), художник, на протяжении многих лет работал над полотном «Русь уходящая», в средоточии которого изобразил владыку Трифона 2, 37, 52, 53, 585, 603⁽¹⁾

Корш Федор Евгеньевич (1843–1915), русский филолог, академик 34

Косма († 184), св. бессребренник 45, 262⁽¹⁾, 378, 538

Котляревский Нестор Александрович (1863–1925), академик РАН, литературовед, соученик владыки Трифона по Московскому университету 34

Красносельцев Николай Фомич (1815–1898), историк Церкви и археолог 505

Кристи Иван Иванович, еще воспитанником Московского лицея цесаревича Николая в сер. 1880-х гг. вошел в кружок, группировав-

шийся вокруг К. Н. Леонтьева, особо отмечавшего его: «Личная вера, самая искренняя и богобоязненная даже» (Письмо Т. И. Филиппову // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 1024. Л. 43), затем поступил в Московскую духовную академию, рано умер, племянник дипломата Павла Нелидова 34

Ксения Борисовна Годунова (пострижена под именем Ольга) († 1622), царевна 151¹

Кутушев А. П., кн., участник Шекспировского кружка 26

Кудрявцев Иван Михайлович (1989–1966), актер Малого театра, выпускник Московской духовной семинарии 45³

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал, в 1904–1905 гг. главнокомандующий вооруженными силами России на Дальнем Востоке 119⁽¹⁾

Лаврентий († 1720), архим., сподвижник царя Арчила, настоятель Московского Донского монастыря, дядя Б. П. Туркестанова 8

Лазарь, брат Марфы и Марии, Господь воскресил его из мертвых 229, 249, 252, 253, 307, 309, 345⁽¹⁾, 397, 554

Лазарь, персонаж из притчи Господней 193⁽²⁾

Лев VI Мудрый (866–912), византийский имп. 345¹

Левитин-Краснов Анатолий Эммануилович (1915–1991), церковный историк, диссидент, в юности

- был диак. при обновленческом митр. А. Введенском 6²
- Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924), политический деятель и революционер 6², 53
- Ленская Лидия Николаевна, супруга А. П. Ленского, родная сестра М. Н. Сумбатовой-Южиной 529⁽¹⁾, 531, 533, 534
- Ленский Александр Павлович (1847–1908), русский актер и режиссер 26, 31
- Леонид (Наголкин Лев Данилович; 1768–1841), иеросхим., старец Оптинский, прп. 466, 467
- Леонтий, иером. из Оптиной пустыни 526
- Леонтьев Константин Николаевич (в мон. Климент) (1831–1891), русский писатель и мыслитель. Иером. Трифон входил в близкий круг людей, собиравшихся вокруг него, присутствовал при его кончине 34⁽¹⁾, 40, 467, 524⁽¹⁾, 525
- Леонтьева (урожд. Политова) Елизавета Павловна (1842–1918), жена К. Н. Леонтьева 524
- Лесков Николай Семенович (1831–1895), русский писатель 500
- Лжедмитрий († 1606), царь-самозванец 151⁽¹⁾
- Ливаний, прославленный в Антиохии софист, учитель Иоанна Златоуста 481, 482
- Лисевицкий Сергей Николаевич († 1994), иподиак. митр. Трифона, а затем патриархов Сергия и Алексия I 52, 58, 330¹, 380¹, 585⁽¹⁾, 596¹
- Лициний (250–325), имп. Восточной Римской империи. В 313 г. совместно с имп. Константином Великим подписал Миланский эдикт о свободном исповедании христианства 611¹
- Лопатин Александр Михайлович (1859–1934), юрист, учился в гимназии Л. И. Поливанова 26
- Лопатин Владимир Михайлович (1861–1935), юрист, артист Малого театра, учился в гимназии Л. И. Поливанова 26, 28
- Лопатин Лев Михайлович (1855–1920), русский философ, друг Вл. Соловьева, выпускник, а затем преподаватель гимназии Л. И. Поливанова 23, 26, 28
- Лопатин Николай Михайлович (1854–1897), земский начальник, собиратель русских народных песен, учился в гимназии Л. И. Поливанова 26
- Лопатины, семейство Михаила Николаевича Лопатина (1824–1900), тайного советника, председателя департамента Московской судебной палаты, увлекавшегося театром, где часто бывал друживший с его детьми юный кн. Борис Туркестанов. Жена его Чебышева Екатерина Львовна (1827–1910). Помимо сыновей его, указанных выше, следует упомянуть дочь Екатерину (1865–1935) 26, 35
- Лука, ап. и ев. 210², 554

- Лукиан Самосатский, языческий философ, писатель и сатирик 204⁽¹⁾
- Лукиянов Сергей Михайлович (1855–1935), врач, библиограф, с 1909 по 1911 г. обер-прокурор Св. Синода 28⁶
- Лыкошина Екатерина Федоровна (1803–1840), супруга Н. В. Туркестанова 9
- Львов Владимир Николаевич (1872–1934), обер-прокурор Св. Синода при Временном правительстве (1917) 6
- Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925), кн., политический деятель, в марте — июле 1917 г. Председатель Временного правительства 21
- Любимов Борис, театровед 27⁽³⁾, 29²
- Любимов Сергей Васильевич, историк, занимался родословиями 9²
- Любовь Васильевна, из духовного окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 537
- Макарий, архим. 215
- Макарий (Иванов Михаил Николаевич; 1788–1860), иеросхим., старец Оптинский, прп. 34, 35, 51, 467
- Макарий (Невский Михаил Андреевич; 1835–1926), митр. Московский и Коломенский 5, 313⁽¹⁾, 329¹
- Макарий III († после 1666), патриарх Антиохийский 163
- Макария (Болотова), схим. в Шамординской Казанской Амвросиевой пустыни, сестра схим. Софии 173
- Мануил (Лемешевский Виктор Викторович) (1884–1968), митр. Куйбышевский и Сызранский 38⁽¹⁾, 60
- Маня, племянница Злобиной М. Т. 583
- Маня (Русинова), из духовного окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 539
- Мария, старица 205, 207
- Мария, *см. также* Станицына Мария Викторовна
- Мария (Тучкова Маргарита Михайловна; 1781–1852), игуменья, основательница Спасо-Бородинской обители на Бородинском поле, сестра А. М. Нарышкина 14
- Мария Григорьевна Годунова († 1606), царица, дочь Григория Лукьяновича Малюты-Скуратова 151¹
- Мария Египетская (VI в.), прп. 282, 361, 446, 447⁽¹⁾, 448, 449, 451, 452
- Мария Магдалина, равноап. 102, 103
- Марк (Лозинский) (1939–1973), игумен 10¹, 11¹, 17¹
- Маруся Злобина 536⁽¹⁾, 541 *см. также* Злобина Мария Тимофеевна
- Масарианова Нина Егоровна (1707–1760), жена Туркестанова Б. П. 8
- Матфей, ап. 196¹, 198⁽²⁾, 210²
- Металлов Василий Михайлович (1862–1926), свящ., палеограф,

- профессор истории церковной музыки в Московской консерватории 498, 505, 506
- Мефистофель, inferнальный персонаж из «Фауста» И. В. Гете 33
- Мечев Алексей Алексеевич (1859–1923), прот., старец, высоко чтившийся в Москве 6³, 13, 14⁽¹⁾, 49¹, 582
- Мечев Алексей Иванович, регент митрополичьего Чудовского хора, отец старца Алексея Мечева 13
- Мещерский Василий Иванович, архиеп. *см. также* Евдоким
- Минин Кузьма Минич († 1616), предводитель земского ополчения 191, 357
- Мисаил, еврейский отрок, брошенный Навуходоносором в раскаленную печь и чудесно спасшийся 501, 502, 504, 511, 512 *см. также* Мисах
- Мисах, другое имя отрока Мисаила 501, 502
- Митрофан, свящ. 541
- Митрофаній (в миру Михаил, в схиме Макарий; 1623–1703), еп. Воронежский, свт. 202, 203, 204, 205
- Михаил, архангел 194, 195, 196
- Михаил (Грибановский Михаил Михайлович; 1856–1898), еп. Таврический и Симферопольский 41
- Михайлов Максим Дормидонтович (1893–1971), протоиак., певец, народный артист СССР 540
- Михей (Алексеев Михаил Федорович; 1851–1931), еп. Уфимский. В 1890 г., будучи капитаном, поступил послушником в Оптину пустынь, в последние годы жизни жил на покое, неподалеку от Оптиной пустыни 39, 40 *см. также* Алексеев, Михаил Федорович
- Миша, из окружения владыки Трифона 539
- Модест (Никитин Тихон Николаевич; 1867–1937), архиеп. Смоленский и Вяземский). Участвовал 20 июля 1914 г. в Москве в крестном ходе по случаю объявления войны Германии (был в то время еп. Верейским) 357¹
- Моисей, игумен 466
- Моисей, прор. 118, 239, 249, 324, 331, 401, 409, 609
- Моисей (Путилов Тимофей Иванович; 1782–1862), схиархим., старец Оптинский, прп. 73
- Мохов, регент хора церкви Спаса Преображения в Пушкинах на Сретенке (храм был разрушен в 1935 г.) 586
- Навуходоносор, царь Вавилонский 501, 505
- Назаров Е. А., инспектор приюта для слепых ремесленников имени А. Г. Тряпкиной 135
- Наполеон Бонапарт (1769–1821), французский имп. 354
- Нарышкин Александр Михайлович, штабс-капитан лейб-гвардейского Московского полка, отец В. А. Туркестановой 14

- Настя (Анастасия Егоровна), помогала владыке Трифону по хозяйству 533, 536, 539–541
- Наталия († 304), мц. 53, 589, 592, 594, 596, 598
- Наталья Кирилловна (1652–1694), царица, супруга царя Алексея Михайловича 510
- Наумов А.А., музыковед 547¹
- Нафан, прор. 283
- Нежданова Антонина Васильевна (1873–1950), русская певица 534⁽¹⁾, 535, 547¹
- Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878), русский поэт 10
- Нектарий, архиеп., управлял Константинопольской Церковью с 381 по 397 г., свт. 488, 489
- Нектарий (Тихонов Николай Васильевич; 1858–1928), иером., старец Оптинский, прп. 50, 54, 582
- Нелидов Владимир Александрович († 1926), журналист и театральный критик 28, 30³, 31³
- Нелидов Павел, дипломат 34
- Нерон Клавдий Цезарь (37–68), римский имп., в 64 г. учинил жестокие гонения на христиан, обвинив их в поджоге Рима 260
- Нестор (XI в.), мон. Киево-Печерского монастыря, летописец, составитель «Повести временных лет», прп. 36, 190⁽¹⁾, 192
- Нестор (Анисимов Николай Александрович; 1884–1962), митр. Кировоградский и Николаевский 48
- Нестор (Метаниев Алексей Сергеевич; 1830–1910), еп. Дмитровский 261
- Николай (IV в.), архиеп. города Миры в Ликии, чудотворец, один из самых почитаемых на Руси святых 17, 85, 94, 119, 138–140, 171, 313, 337², 355, 397¹, 398², 402, 580, 586, 593, 599, 603
- Николай (Зиоров Михаил Захарович; 1851–1915), архиеп. Варшавский и Привисленский 36, 567
- Николай, некий господин, которого в видении исцелил старец Амвросий Оптинский 477
- Николай, отрок 171 *см. также* Игнатий, настоятель Троице-Сергиевой пустыни
- Николай II (1868–1918), св. царств. мч.-страстотерпец, последний Российский имп. 47, 358⁽¹⁾
- Николай Александрович (1843–1865), цесаревич, старший сын имп. Александра II. Его памяти М. Н. Катков посвятил созданный им в Москве лицей 90, 121, 132
- Никольский, прот. 505
- Никон (Беляев Николай Митрофанович; 1888–1931), иером., старец Оптинский, прп. 40, 50, 54,
- Никон, иером. из Оптиной пустыни 526
- Нилус Сергей Александрович (1862–1929), духовный публицист и писатель 11, 33
- Нина (276–337), св. равноап., просветительница Грузии 37
- Нина, игуменья Московского Страстного монастыря 350⁽¹⁾

- см. также* Закатова Наталия Сергеевна
 Ной, праотец 236, 339
- Олимпиада, св. жена († 410), диаконисса в Константинополе, адресат писем свт. Иоанна Златоуста 490
- Олсуфьев Дмитрий Адамович (1862 – после 1917), граф, камышинский уездный предводитель дворянства, был после 1905 г. в японском плену 21
- Олсуфьев Михаил Адамович, граф 21
- Ольденбургский Петр Георгиевич (1812–1881), принц, генерал 202¹
- Опта, разбойник, ставший отшельником, легендарный основатель Оптиной пустыни 466
- Павел, ап. 27, 89, 98, 105, 107, 115, 122, 128, 129, 156, 208, 210, 226, 227, 241, 257, 259, 260, 290, 312, 344, 345, 346⁽¹⁾, 371, 441, 490, 568, 569, 575 *см. также* Савл
- Павел, иером. из Оптиной пустыни 526
- Павел, мон. 321²
- Павел Алеппский (XVII в.), архи-
 диак., сын патриарха Антиохийского Макария, сопровождавший его во время путешествия в Россию и составивший описание этого путешествия 513
- Павел Препростый, ученик прп. Антония Великого, прп. 361⁽²⁾
- Паисий Величковский (1722–1794), прп., архим. Нямецкого монастыря в Молдавии, возро-
 дитель русской исихастской традиции 466
- Паисия, игумения 322, 323, 370
- Паламарчук Петр Георгиевич (1955–1998), писатель, составитель описания московских храмов «Сорок сороков» 91, 53²
- Палладий (Раев-Писарев Павел Иванович; 1827–1897), митр. Санкт-Петербургский и Ладожский 36
- Пантелеимон (III в.), вмч. 84, 157, 261–262, 264, 307, 310, 323, 378, 537⁽¹⁾, 572–574
- Пантелеимона, старица из духовного окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 537, 540
- Параскева Пятница († около 310), мч. 145, 147, 380
- Пастухов Николай Иванович (1831–1911), публицист, редактор-издатель «Московского листка» 265⁽¹⁾, 266, 267
- Пегов А. В., домовладелец, в чьем доме (ул. Пречистенка, 32), сохранившемся и поныне, помещалась гимназия Л. И. Поливанова 24
- Пентадия, диаконисса в Константинополе, упоминаемая свт. Иоанном Златоустом 490
- Перегрин, из произв. Лукиана Самосатского 204
- Перлов Николай Семенович († 1911), владыка Трифон отпевал его 291, 292
- Перлов Сергей Васильевич († 1910), чаоторговец, благотворитель, духовное чадо старца

- Амвросия. Божия Матерь явилась ему во сне и велела принять на себя попечение о Шамординской обители 477
- Перлова (урожд. Прохорова) Анна Яковлевна (1843–1918), супруга С. В. Перлова. Согласно письму, приведенному И. М. Концевичем, она была в тайном постриге и перед смертью, по свидетельству детей, в течение получаса разговаривала с Оптинскими старцами, называя их поименно 477
- Петр († 1326), первый митр. Московский, свт., перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву 85, 115, 332, 338
- Петр, ап. 102, 161, 237, 249, 250, 257–260, 264, 295, 324, 325, 364, 390, 444, 453 *см. также* Симон Петр, ап.
- Петр I Великий (1672–1725), имп. Российский 8, 166, 204
- Петров Петр Николаевич (1827–1891), русский писатель и историк искусства 8¹
- Петровский Александр Григорьевич (1854–1908), врач, служил в Московской городской думе, посетитель заседаний Шекспировского кружка, близкий знакомый Вл. Соловьева 26
- Пилат Понтий, прокуратор Иудеи, не препятствовал преданию Христа казни 222
- Пимен (Извеков Сергей Михайлович; 1910–1990), патриарх Московский и всея Руси 53
- Пимен Великий († 450), прп. 79, 590⁽²⁾, 594
- Питирим (Крылов Порфирий Симеонович; 1895 – после 1937), архиеп. Велико-Устюжский 598⁽¹⁾
- Платон, греческий философ 222
- Платон (Левшин Петр Егорович; 1737–1812), митр. Московский 46
- Плиханков Павел Иванович, полковник 37 *см. также* Варсонофий, схиархим. 37
- Пожарский Дмитрий (1578–1642), кн., боярин, полководец 14, 191⁽¹⁾, 375
- Поливанов Иван Львович, сын Л. И. Поливанова, владыка Трифон поддерживал отношения с семьей Л. И. Поливанова, передавал адрес И. Л. Поливанова М. Н. Южиной-Сумбатовой 532
- Поливанов, Лев Иванович (1838–1899), русский педагог, литературовед, директор частной гимназии, ставшей уникальным культурным центром, один из основателей Шекспировского кружка 2, 21, 23⁽⁵⁾, 24, 25⁽²⁾, 26, 28⁽¹⁾, 30–32¹ *см. также* Загарин
- Полиевкт (Пясковский Петр; 1817–1906), еп. Рязанский и Зарайский, участвовал в рукоположении владыки Трифона 261
- Полонский Яков Петрович (1819–1898), русский поэт 25
- Полянский И., прот. 377²
- Понсов Алексей Дмитриевич (р. 1920), младший сын Д. П. Понсова, живописец и декоратор МХАТа 52, 398, 599, 603
- Понсов Георгий Дмитриевич (1899–?) 600

- Понсов Дмитрий Петрович (1874–1934), инженер, в его деревянном доме на Новосущевской улице в Москве митр. Трифон прожил последние годы своей жизни (1930–1934) 49, 397⁽¹⁾, 398, 599
- Понсова Евгения Дмитриевна (1896–?), дочь Дмитрия Петровича и Лидии Митрофановны Понсовых 600, 605
- Понсова Елена Дмитриевна (1907–1966), дочь Дмитрия Петровича и Лидии Митрофановны Понсовых, актриса театра им. Е. Вахтангова, педагог театрального училища им. Б. Щукина 600
- Понсова Ирина, жена А. Д. Понсова 605
- Понсова Лидия Дмитриевна (1903–?) (в замужестве Станицына), художница по ткани 600
- Понсова Лидия Митрофановна (урожд. Солодовникова) (1875–1964), супруга Д. П. Понсова 551¹, 599, 604
- Поссарт Эрнст (1841–1921), немецкий артист 531
- Прокл († 446), патриарх Константинопольский 497
- Прометей, греческий мифологический герой 50
- Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт 519¹, 538
- Пшеничников (Николай), прот., сакелларий Большого Успенского собора Московского Кремля 358¹
- Рахманова Марина Павловна, музыковед 547¹
- Решимов (Горожанский) Михаил Аркадьевич (1845–1887), актер Малого театра 35, 528⁽²⁾, 529, 531
- Решимова Вера Дмитриевна, супруга М. А. Решимова 35, 529
- Розанов Василий Васильевич (1856–1919), писатель 5, 47⁴
- Розанов Николай Петрович (1857–1940), москвовед, окончил Московскую духовную академию (1880) 44, 45⁽³⁾
- Розов Константин Васильевич (1874–1923), архидиако., первую панихиду по нему служил владыка Трифон 357¹, 358¹
- Румянцев, протодиако. 358¹
- Рутланд Шарлотта Ивановна, воспитательница С. Д. Шереметева 15
- Саблер (Десятовский) Владимир Карлович (1845–1929), обер-прокурор Св. Синода 302
- Савватий Соловецкий († 1435), инок Валаамского монастыря, прп. 263¹, 327, 328⁽¹⁾
- Савелий, иподиако. митрополита Владимира (Богоявленского) 44
- Савл 345 *см. также* Павел, ап.
- Садовские, семья русских актеров 31
- Саломия, дочь Иродиады 276⁽¹⁾
- Сальвина, диаконисса в Константинополе, упоминаемая свт. Иоанном Златоустом 490
- Самсон, ветхозаветный судия-герой, прославившийся своими битвами с филистимлянами 417–418
- Самуил, прор. 282

- Саул, первый царь еврейского народа 187
- Саша, из духовного окружения владыки Трифона 534
- Седрах, еврейский отрок, брошенный Навуходоносором в раскаленную печь и чудесно спасшийся 501–502
- Серапион, архим. 46
- Серапион, иером., оптинский послушник, затем постриженник Псковского Спасо-Елеазарова монастыря 527
- Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович; 1880–1937), архиеп. Смоленский и Дорогобужский, сщмч., постриженник владыки Трифона, участвовал в его отпевании 598⁽¹⁾, 616–617
- Серафим Саровский (1754–1833), иером., старец, прп. 19, 46, 132, 153–156, 173, 178–179, 194, 218–220, 241, 296, 302, 304–306, 355, 377, 397, 459–460, 515, 518, 532, 537¹, 584, 609
- Сергей Николаевич, из окружения митрополита Трифона (Туркестанова) 541
- Сергий (Ляпидевский Николай Яковлевич; 1820–1898), митр. Московский 43
- Сергий (Страгородский Иван Николаевич; 1867–1944), патриарх Московский и всея Руси 51, 53, 587, 592
- Сергий (Турбин), игумен Спасо-Елеазарова монастыря в Пскове 527
- Сергий, свящ. выступавший при отпевании доктора В.Н. Штурма 379¹
- Сергий Александрович, вел. кн. 47, 132, 133, 136
- Сергий Радонежский (1321–1392), прп., основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря 41, 46, 76¹, 119, 153, 191, 241, 293, 294⁽²⁾, 295, 296, 302, 358, 446, 538
- Серебряков Г. Ф., прихожанин Ново-Ваганьковского храма и помощник настоятеля этого храма, прот. Е. П. Успенского 338
- Симеон Богоприимец, прав. 69, 98, 274, 342, 388
- Симеон Новый Богослов (949–1022), византийский церковный писатель 242⁽¹⁾
- Симеон Столпник, прп. 88, 383
- Симон Петр, ап. 86 *см. также* Петр, ап.
- Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882), генерал 166¹
- Соболевский Сергей Иванович (1864–1963), филолог-классик, соученик владыки Трифона по Московскому университету 34
- Солнцев, протоиак. 540
- Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900), русский мыслитель 23⁽⁴⁾, 26⁽¹⁾, 28⁽⁶⁾, 606¹
- Соловьев Михаил Сергеевич (1862–1903), педагог, переводчик 606¹
- Соловьев Сергей Михайлович (1885–1942), поэт и писатель 23⁽³⁾, 25, 26⁽¹⁾, 43, 516, 606⁽¹⁾
- Солодовников, купец 599
- Солодовникова Лидия Митрофановна, жена Понсова Д.П. 599
- Солодовников А. А. 47, 53, 61, 584⁽¹⁾

- Соломон, царь Израильский 66, 554
- Соня, из окружения владыки Трифона 529
- София (Астафьева, урожд. Болотова, Софья Михайловна) († 1888), схим., первая настоятельница Шамординской Казанской Амвросиевой пустыни, сестра Оптинского иером. иконописца Даниила (Болотова) 470–472
- Софроний († 641), патриарх Иерусалимский 447
- Спиридон († 348), еп. Тримифунтский, свт. 313
- Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938), русский актер и режиссер 27, 28, 29
- Станицына Мария Викторовна, дочь Л. Д. Понсовой 605
- Степанов Вл. (Русак), писатель 64
- Стефан, один из первых настоятелей Божоявленского монастыря, старший брат прп. Сергия Радонежского 45
- Стефан, первомч. 259⁽¹⁾
- Ступин А. Д., книгоиздатель 479¹
- Субботин (Василий), прот., сакелларий Большого Успенского собора Кремля 358¹
- Суворов Александр Васильевич (1730–1800), русский полководец, генералиссимус 166⁽¹⁾
- Сумбатов-Южин Александр Иванович (1857–1927), кн., русский театральный деятель, актер, драматург, директор Малого театра 26, 28, 31, 35, 45, 530
- Сумбатов-Южина (урожд. Корф) Мария Николаевна († 1938), супруга А. И. Сумбатов-Южина 528⁽¹⁾, 529⁽¹⁾, 530–534
- Сумбаташвили, род грузинских князей 31
- Тамерлан (Тимур) (1336–1405), полководец, эмир, создатель империи со столицей в Самарканде 353, 357
- Терихова Анна Васильевна, духовная дочь владыки Трифона 252–254
- Тимофей, послушник из Оптиной пустыни 526
- Тихон (Белагин Василий Иванович; 1865–1925), патриарх Московский и всея Руси, свт. 6³, 50, 51, 53, 373, 392⁽²⁾, 393¹
- Тихон (Соколов Тимофей Савельевич) Задонский (1724–1783), еп. Воронежский, свт. 188, 267^(1,2), 268
- Тихонравов Николай Саввич (1832–1893), историк русской литературы, ректор Московского университета 34
- Толстой Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель 25, 28, 54, 467
- Толстой Николай, свящ. 525⁽³⁾
- Трифон († 250), мч. 19, 184, 262, 333⁽²⁾, 334^(1,3), 544, 567, 568, 589, 592, 596, 597
- Трифон (Туркестанов), митр. быв. Дмитровский, викарий Московской епархии 2, 3, 5, 6^{2,3}, 7–15, 17–24, 26–28, 31, 33⁽³⁾, 34–38⁽¹⁾, 39–45⁴, 46–54, 58–61, 84, 113¹, 119⁽¹⁾, 198¹, 306⁽³⁾, 309, 327¹,

- 330¹, 348¹, 355¹, 357¹, 358¹, 379¹, 392², 393¹, 397¹, 445¹, 524¹, 525–528, 530–536², 537–543сн., 547¹, 556, 566–569, 572, 574, 575⁽¹⁾, 577, 582–585⁽¹⁾, 587–606⁽¹⁾, 612⁽¹⁾, 614–616
- Трифон Печенгский († 1583), прп., родом из Торжка, основал монастырь среди лопарей 263⁽³⁾
- Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920), кн., русский философ, соученик владыки Трифона по Московскому университету 34
- Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), князь, русский философ, общественный деятель, соученик владыки Трифона по Московскому университету 34
- Тряпкина А. Г., завещала деньги на создание приюта для слепых ремесленников 134
- Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883), русский писатель 25, 26
- Туркестанов Александр Петрович (1864–1920), кн., юрист, брат владыки Трифона 8, 18, 20, 21, 28, 33, 49
- Туркестанов Баадур Багратович († 1735), в России звался Борис Панкратьевич, кн., приехал в Россию в свите царя Вахтанга, подполковник 8, 9
- Туркестанов Димитрий Петрович (1869 – после 1913), кн., служил в лейб-драгунском Московском имп. Александра III полку, с 1909 г. в отставке, брат владыки Трифона 8, 20, 536, 550⁽¹⁾
- Туркестанов Иван Петрович (1866–1915), кн., адвокат, брат владыки Трифона 8, 20
- Туркестанов Николай Васильевич (1782–1866), кн., дед владыки Трифона 9
- Туркестанов Петр Николаевич, кн., отец владыки Трифона 8, 11, 12, 19, 35, 40
- Туркестанов Сергей Петрович (1873–1914), кн., брат владыки Трифона 8, 20
- Туркестанова (урожд. Нарышкина) Варвара Александровна, мать владыки Трифона 11, 14–17, 19, 45, 575, 612¹, 613¹
- Туркестановы, род 9
- Тютчев Федор Иванович (1803–1873), русский поэт 13
- Усов Сергей Алексеевич (1827–1886), зоолог 24
- Успенский, Е. П., прот. 337
- Ухов (Акимов) Федор Акимович (1860–?), актер Малого театра 45
- Фамарь (Марджанова Т. А., княжна) († 1936), схиигумения, старица 37
- Федор Павлович *см. также* Чуфрин
- Федор Борисович Годунов († 1606), царевич 151¹
- Федор Лаврентьевич, один из создателей храма св. мч. Трифона при общине слепых в Даниловской слободе, недалеко от Данилова монастыря 334
- Федотова Гликерия Николаевна (1846–1925), актриса Малого театра 26

- Федулов Алексей Иванович (1910–1943) 535¹, 539
- Федулов Иван Павлович († 1934), купец, брат П. П. Федулова 535¹, 543(2)
- Федулов Николай Иванович (1906–1961), почвовед 535¹, 536², 538, 539, 540, 541
- Федулов Павел Павлович († 1938), купец 49, 535¹, 537, 542¹, 543(2), 582(1)
- Федулов Сергей Иванович, сын И. П. Федулова (1916–1942) 535¹
- Федулова Валентина Ивановна, дочь И. П. Федулова (р.1922) 535¹, 539
- Федулова (урожд. Злобина) Варвара Тимофеевна (1883–1972), супруга П. П. Федулова 535¹, 537, 538, 539, 542¹, 543(2), 582(1), 583, 616
- Федулова Евдокия Павловна († 1974), супруга И. П. Федулова 535¹
- Федулова Мария Ивановна, дочь И. П. Федулова (1905–1992) 535¹, 536¹, 538, 539
- Федулова Ольга Ивановна, дочь И. П. Федулова (1914–1998) 535¹
- Федуловы, семья духовных детей владыки Трифона 535
- Федя, из духовного окружения владыки Трифона 536, 540
- Феодосий († 1696), архиеп. Черниговский, свт. 46⁽¹⁾, 120, 121, 517
- Феодосий I (347–395), имп. Восточной Римской империи 486, 487
- Феодосий II (401–450), имп. Восточной Римской империи 497
- Феофан (Штурм Михаил Всеволодович) († 1960-е), иеродиак., был старшим иподиаконом владыки Трифона 6³, 44, 536, 537, 541, 591⁽¹⁾
- Феофил, патриарх Александрийский с 385 по 412 г. 487, 492–494
- Филарет (Гумилевский Дмитрий Григорьевич; 1805–1866), архиеп. Черниговский 19
- Филарет (Дроздов Василий Михайлович; 1782–1867), митр. Московский 12 (3), 13⁽¹⁾, 14, 15, 21, 336, 402, 515, 604
- Филипп, ап. 605¹
- Филипп, брат Ирода 275
- Филипп (Колычев Федор Степанович; 1507–1569), митр. Московский и всея Руси, свт. 85
- Филиппов Димитрий Иванович († 1908), владыка Трифон отпевал его 209
- Флавиан, еп. Антиохийский (с 381 по 404 г.), рукоположил Иоанна Златоуста во пресвитера 484, 486
- Флоренский Павел Александрович (1882–1917), свящ., мыслитель, ученый 10¹, 43
- Фока († 117), еп. Синопский, сщмч., пострадал при гонении имп. Траяна 489
- Фома, ап. 249, 347, 375, 382
- Фудель Иосиф Иванович (1864–1918), прот., церковный публицист, входил в круг знакомых К. Н. Леонтьева 42
- Хомяков Алексей Степанович (1804–1860), русский поэт и мыслитель, один из основателей славянофильства 467, 508

Четвериков Сергей Иванович (1867–1947), прот. 41

Чуфрин Федор Павлович (1865–?), народный учитель, публицист, обратился к вере после встречи со старцем Амвросием Оптинским 524, 526

Шавельский Георгий (1871–1951), протопресвитер Армии и Флота 48

Шамонина Елена, духовная дочь старца Варсонофия 306, 309

Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), русский филолог, академик, соученик владыки Трифона по Московскому университету 34

Шекспир Уильям (1564–1616), величайший английский поэт и драматург. Кружок в его честь был основан в Москве С. А. Юрьевым и Л. И. Полиновым 24, 25, 26, 31, 524

Шеллинг Фридрих Вильгельм (1775–1854), немецкий философ 25

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф, историк, библиофил. Владыка Трифон отпевал его 15 (2,3), 21⁽¹⁾

Шиллер Иоганн Фридрих (1759–1805), знаменитый немецкий поэт 31

Шленов Валерий Львович, заместитель председателя Отдела ре-

лигиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви 2, 54

Штурм Всеволод Николаевич († 1920), военный врач, отец иеродиак. Феофана, владыка Трифон отпевал его 219, 377–380

Штурм Михаил Всеволодович *см. также* Феофан

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917), Председатель Совета министров (1916) 31

Шустов Н. Н., попечитель приюта для слепых ремесленников имени А. Г. Тряпкиной 135

Эрн Владимир Францевич (1882–1917), русский философ 43

Юлиан Отступник (331–363), римский имп., несмотря на полученное им христианское воспитание, пытался возродить язычество 204, 482, 483

Юрьев Сергей Андреевич (1821–1888), драматург, математик, основал журнал «Русская мысль», один из родоначальников Шекспировского кружка 25, 26, 27^(1,2,5), 33⁽¹⁾

Ярмолович Александра, духовная дочь старца Алексея Мечева, оставившая воспоминания о нем 6³

Ястребцов Сергей Захарович, инспектор Московской духовной семинарии 577

СОДЕРЖАНИЕ

Перед вратами вечности	5
Литература о митрополите Трифоне (Туркестанове)	55
От издателей	58

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ПРОПОВЕДИ, РАСПОЛОЖЕННЫЕ В ПОРЯДКЕ ИХ ПРОИЗНЕСЕНИЯ

1891	64
При погребении оптинского старца иеросхимонаха Амвросия ...	64
1894	67
Поучение в день престольного праздника в тюремном храме в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» в Сергие- вом Посаде	67
В 9-й день по кончине настоятеля Оптиной пустыни схиархиман- дрита Исаакия	71
1898	77
Об иноческих скорбях	77
Об иноческом пути	77
1900-е	80
В Ксениинском приюте	80
1901	80
При наречении во епископа Дмитровского	80
Ответ на приветствие братии Афонской Пантелеимоновой часов- ни в Москве по случаю недавнего возведения преосвященного Трифона в епископский сан	84
Прощание с Московской духовной семинарией	84
1902	86
Перед присягой дворян по случаю дворянских выборов	86
Освящение храма во имя преподобного Симеона Столпника при больнице-приюте для монашествующих в Даниловом монастыре	88
1903	90
О святом храме	90

<i>В 35-ю годовщину Императорского лицея в память цесаревича Николая</i>	91
Речь при освящении здания для школы и библиотеки-читальни при Николаевской, в Толмачах, церкви	94
Средство приобрести смирение	96
О христианском воспитании детей	99
Беседа, сказанная на пасхальном вечере	101
При возведении в сан игумена наместника Богоявленского монастыря отца Ионы	104
В Александро-Мариинском институте имени кавалерственной дамы Чертовой в день акта	107
На торжествах в Иверской Выксунской обители 7–9 июля 1903 года	110
Любите храм Божий (в праздник Казанской иконы Божией Матери)	111
О памяти смертной (наставление новопостриженным сестрам обители)	113
В день годовщины Братства святителя Петра, митрополита Московского, произнесенная на общем собрании Братства	115
После молебна о даровании победы русскому воинству	117
Приветствие почетного члена Военного Сергиево-Пантелеимоновского братства преосвященного Трифона, епископа Дмитровского, командующему Маньчжурской армией генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину	119
На освящении храма во имя святого Феодосия Черниговского в Богоявленском монастыре	120
Утешение веры обуреваемым своеволием неверия	121
Перед присягой московского дворянства по случаю сессии Дворянского губернского собрания	123
На открытие Государственной думы	125
Памяти иеромонаха Варнавы († 17 февраля 1906 года)	126
1907	132
Священной памяти великого князя Сергия Александровича	132
Слово в приюте для слепых ремесленников имени А. Г. Тряпкиной	134
В храме-усыпальнице великого князя Сергия в Чудовом монастыре (перед панихидой)	136
О христианской любви	138
Память святых отцов I Вселенского Собора	140
О ниспослании даров Духа Святого	141
В неделю 1-ю по Пятидесятнице, Всех святых	143
О причащении Святых Христовых Таин	145
Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное	145
О причащении Святых Христовых Таин и о помощи Божией Матери	148
По случаю празднования 500-летия со дня кончины преподобной Евфросинии, княгини Московской, и 300-летия со дня кончины святителя Иова, Патриарха Московского и всея Руси	149

В День Святого Духа	152
Под сению великого дерева	153
О святых Божиих	155
О даровании терпения	157
Символ победы над злом	158
Чудо укрощения бури	159
В праздник Рождества Пресвятой Богородицы	162
О несении своего креста	163
На 200-летие военного госпиталя	165
О страданиях святой великомученицы Екатерины и о святителе Иоанне Златоусте	167
О воскрешении дочери Иаира и об исцелении кровоточивой	169
О Братстве во имя Царицы Небесной и на погребение Оптинского иеромонаха Даниила	170
Забота о душе	174
Христос пришел на землю, чтобы спасти нас	176
1908	178
На Новый, 1908 год	178
Новое начало жизни; о Христовом смирении	180
О грехе осуждения	181
Церковь призывает нас ко смирению	184
О воскрешении Иисусом Христом сына наинской вдовы	186
На обновление храма в селе Орлове	189
На обновление храма в селе Батюшкове	192
Воспитанникам 2-го Кадетского корпуса — будущим воинам	194
О смертном сне	196
Слово к сестрам — служащим московского приюта Братства во имя Царицы Небесной для детей-калек	199
О христианской благотворительности	202
На упокоение благочестивой старицы Марии	205
В день ангела старца иеросхимонаха Амвросия	207
При отпевании Д. И. Филиппова	209
Будем просить у Господа духовных благ	211
О мире Христовом и по поводу кончины протоиерея Иоанна Крон- штадтского	211
В девятый день кончины протоиерея Иоанна Кронштадтского ...	214
1909	218
На Новый, 1909, год	218
О великом освящении воды	220
О Богоявлении	222
1911	224
Проповеди, произнесенные на первой седмице Великого поста 21–26 февраля 1911 года	224

Приготовление ко Святому Причащению	227
Во вторник вечером	227
Ненавидящих нас простим	230
Помни час смертный	232
О Таинстве Покаяния	235
О Причащении	239
Принятие Святых Христовых Таин	242
Идти христианским путем среди скорбей	243
О расслабленном	245
О благоразумном разбойнике	248
При отпевании Анны Васильевны Териховой	252
О чуде, бывшем от иконы Божией Матери «Умиление»	254
Пример святых первоверховных апостолов	257
Благодарность братии Богоявленского и Афонского Пантелеимонова монастырей	260
О путешествии в Соловецкую обитель	262
При отпевании Николая Ивановича Пастухова	265
По случаю 50-летия прославления святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского Чудотворца, и о колокольном звоне	267
Средство от недугов	270
Непрестанно помнить о небе	273
Имя праведника живет	275
По случаю церковного прославления святителя Иоасафа, епископа Белгородского	277
По случаю церковного прославления святителя Иоасафа, епископа Белгородского	278
При освящении храма на Сходне	281
У образа святителя Иоасафа, епископа Белгородского	284
Святитель Божий	285
О грехе осуждения	290
Слово при отпевании Н. С. Перлова	291
О скорой помощи святых	293
В день преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова ..	295
В праздник иконы Божией Матери «Избавительница»	297
Не к мирской, а к вечной славе	299
1912	302
Слово, сказанное воспитанницам церковно-учительской школы в с. Богородское Тульской губернии (в имении В. К. Саблера) ..	302
1913	306
При отпевании старца Оптиной пустыни схиархимандрита Варсонофия	306
Из письма духовной дочери о. Варсонофия, послушницы Елены Шамониной	309

О благодати Святого Духа и о торжестве прославления священно-мученика Ермогена, Патриарха Московского и всея России...	311
Память Всех святых	314
О значении колокольного звона	317
Лестница высокая	320
Об обязанностях игумении (при посвящении игумении Агнесы) ..	322
О пребывании с Господом	324
Об освящении плодов	325
На посвящение инока Соловецкого монастыря в сан иеродиакона	327
Перед молебствием о страждущих недугом пьянства	329
В праздник Покрова Пресвятой Богородицы	330
На юбилей священнослужителя	331
При освящении храма во имя св. мученика Трифона в приюте для слепых	333
В день поминовения матери	335
1914	337
Протоиерею Е. П. Успенскому при его прощальном богослужении	337
Преблагословенная Суббота	339
Христос Воскресе!	340
Об истинном просвещении	341
У Иверской иконы Божией Матери	342
В Марфо-Мариинской обители	344
Об артосе	346
Дела милосердия	348
При посвящении игумении Нины	350
Се бо отныне ублажат Мя вси роди.....	352
В 13-летнюю годовщину архиерейства	354
Речь на молебне на Красной площади по случаю объявления вой-ны Германии	357
Приветствие императору Николаю II, приехавшему в Москву по случаю объявления войны Германии	358
1918	359
О смирении	359
О покаянии	361
О чистоте души	362
Путь Христов	363
О всех братьях ожесточенных	365
Время покаянных слез	366
Все находимся в воле Божией	367
В Никитском монастыре	369
На могиле протоиерея Валентина Амфитеатрова	371
О любви	371
На раздачу артоса	374

Приветствие отца Иоанна, настоятеля храма	375
Ответ на благодарность настоятеля храма отца Иоанна	376
1920	377
При отпевании доктора В. Н. Штурма	377
1921	380
О Христовых страданиях	380
Поклонение Кресту	383
В день Благовещения Пресвятой Богородицы	385
Похвала Пресвятой Богородицы	387
О терпении	389
На кончину святителя Тихона, Патриарха Московского и всея Руси	392
1932	394
Слово перед общей исповедью	394
При отпевании Д. П. Понсова	397

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ПРОПОВЕДИ, ТОЧНАЯ ДАТА ПРОИЗНЕСЕНИЯ КОТОРЫХ НЕ УСТАНОВЛЕНА

Приобщение к вечности	400
Тайна богослужения	403
Об «идейном» и духовном христианстве	410
На Новый год	412
О Страшном суде Божиим	412
Путь мира и путь Церкви	415
Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче	416
Пост — мать целомудрия	417
Время поста дано нам для исправления нашей жизни	418
Постимся постом приятным, благоугодным Господу	420
Душе моя, востани, что спиши	420
О страхе Божиим	421
О памяти смертной	422
Помилуй мя, Боже, помилуй мя	424
О благодати Святого Духа	427
О чем нам молиться?	428
О любви к Богу	429
Взирая на Крест Христов	430
Господи и Владыко живота моего	431
О стяжании духа добродетелей	432
Перед исповедью	433
О покаянии	434
После Святого Причащения	437
Вкусите и видите, яко благ Господь	437

Господи, воззвах к Тебе, услыши мя!	438
Возьми крест свой.....	440
Поклоняясь Кресту.....	443
Наставление будущим пастырям	445
Преподобная Мария Египетская.....	446
Се, Человек!	452
О внутреннем кресте	456
Наставление новопостриженному иноку	458
О христианском мировоззрении	461
В чем счастье?	462

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ БЕСЕДЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель старец иеросхимонах Амвросий.....	466
1.	466
2. Шамордино.....	469
3.	474
Святитель Иоанн Златоуст, страдалец и друг страждущих	479
Пещное действо.....	498
1. Библейская история.....	500
2. Символическое значение	503
3. Археологические заметки.....	504
4. Картины и их описания.....	506
Заключение.....	513
Памяти священника Димитрия Савватьевича Дмитриева († 26 мар- та 1915 года)	514
Из моих воспоминаний	521

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ ПИСЬМА, СТИХИ, МОЛИТВЫ, АКАФИСТ

Письма	524
К. Н. Леонтьеву	524
Епископу Арсению (Стадницкому).....	526
Марии Николаевне Сумбатовой-Южиной	528
А. В. Неждановой	534
Семье Федуловых и другим духовным детям	535
Стихотворения.....	544
Цветок от бедного сердца мученику Трифону.....	544
Песнь Иосифа	545
Утоли моя печали	545
Памяти патриарха.....	546

Николаю Семеновичу Голованову	547
На память о наших молитвах в Шереметевском храме	540
Д. П. Т.	550
Что у Бога прошу и молю	550
Молитва	551
Молитвы	552
Молитва Пресвятой Богородице	552
Молитва пред иконой Божией Матери «Споручница грешных»	552
Молитва Иоанну Крестителю	553
Молитва на обновление храма	554
Молитва о благотворящих нам	554
Исповедание грехов	555
Предсмертная молитва митрополита Трифона	556
«Слава Богу за все». Акафист благодарственный	557

ПРИЛОЖЕНИЕ

Свидетельства современников о митрополите Трифоне: речи, воспоминания, стихи, письма	566
Послужной список	566
Слова и речи, обращенные к преосвященному Трифону	567
Речь ректора Тифлисской семинарии архимандрита Николая (Зиорова) при пострижении в монашество князя Бориса Туркестанова	567
Речь высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Московского и Коломенского, при вручении жезла преосвященному Трифону	569
Приветствие иеромонаха Иоасафа от имени братии Афонской Пантелеимоновой часовни в Москве по случаю недавнего возведения преосвященного Трифона в епископский сан	572
Ответное слово преосв. Трифона братии Афонской Пантелеимоновой часовни в Москве	574
Речь от имени причта храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы в селе Говорово (имении В. А. Туркестановой), после освящения храма и литургии, совершенной епископом Трифоном	575
Из слова инспектора Московской духовной семинарии С. З. Ястребцова после прощального богослужения епископа Трифона в храме семинарии	577
Воспоминания о митрополите Трифоне	582
Поездка к старцу Нектарию Оптинскому	582
А. А. Солодовников. Митрополит Трифон	584
С. Н. Лисевский [1993 год]. Из воспоминаний	585
А. Д. Понсов (2004). Воспоминания о митрополите Трифоне	599

Стихотворения, посвященные митрополиту Трифону	606
С. Соловьев	606
Арсений Денисов, епископ Ефремовский.	614
Письма	615
Поздравление архиепископу Трифону от духовных детей в день Ангела	615
Из письма архиепископу Трифону от духовных детей	616
Письмо архиепископа Серафима (Остроумова) в годовщину кон- чины преосвященного Трифона	616
Труды митрополита Трифона (Туркестанова)	618
Письма, хранящиеся в архивах	621
Именной указатель	622

Митрополит Трифон (Туркестанов)

«ЛЮБОВЬ НЕ УМИРАЕТ...»

Из духовного наследия

Редакторы

И. М. Быкова, В. Л. Шленов

Художественное оформление

М. А. Алимпиев, В. Катина

Младший редактор

Н. В. Ивкина

Технический редактор

З. С. Кондрашова

Корректоры

Е. М. Воронкова, А. Б. Григорьев,

М. В. Недзельский, Е. А. Рипс

Верстка

И. И. Покидова

Подписано в печать 30.10.2006.

Формат 60х90/16. Объем 41,0 п. л. + вкл. (2,0 п. л.)

Тираж 5 000 экз. Заказ № 0623950.

Издательский Совет Русской Православной Церкви.

119435, Москва, Погодинская ул., 20, корп. 2

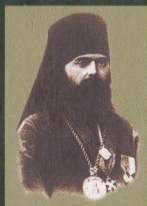
Отдел реализации:

(495) 246–20–85, 245–30–68

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Впервые в одной книге собрано духовное наследие выдающегося иерарха Русской Православной Церкви митрополита Трифона (Туркестанова) (1861—1934): проповеди, беседы, воспоминания, письма, стихи, молитвы, а также благодарственный акафист «Слава Богу за все».

Издание предназначено для самого широкого круга читателей.

Издательский Совет
Русской Православной Церкви
Москва